
**ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА
НАРОДОВ АФРИКИ
ЗА СВОБОДУ
И НЕЗАВИСИМОСТЬ**

**ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

**ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА
НАРОДОВ АФРИКИ
ЗА СВОБОДУ
И НЕЗАВИСИМОСТЬ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974**

**Редакционная
коллегия**

член-корр. АН СССР В. Л. ТЯГУНЕНКО
(ответственный редактор),
канд. истор. наук П. М. ДЕРЕВЯНКО,
канд. истор. наук Л. Л. КРУГЛОВ,
докт. истор. наук В. А. СУББОТИН

**Коллектив
авторов**

канд. истор. наук Л. Л. КРУГЛОВ
(руководитель коллектива),
канд. истор. наук А. С. АВЕТЯН,
В. А. ВЫСОЦКИЙ,
канд. истор. наук Г. С. КОНДРАТЬЕВ,
канд. истор. наук Э. В. КАПСКИЙ,
канд. истор. наук В. И. НАЗАРОВ,
Р. Б. САМОФАЛ,
докт. истор. наук В. А. СУББОТИН

В технической подготовке рукописи принимал участие
Э. Н. ТИМЧЕНКО

В монографии обобщен опыт национально-освободительного движения в Африке после второй мировой войны (1945—1970 гг.). Исследуются освободительные войны и восстания в Алжире, Анголе, Гвинее — Бисау, Египте, Камеруне, Кении, Конго, Мозамбике, Родезии, ЮАР, на Мадагаскаре, борьба арабских народов против агрессии Израиля. На обширном фактическом материале раскрываются исторические традиции борьбы африканских народов против колонизаторов. Большое место уделено анализу форм и методов строительства повстанческих вооруженных сил, стратегии и тактики революционной вооруженной борьбы народов Африканского континента. Подробно рассматривается военно-колониальная политика империализма в Африке, способы и формы действий его вооруженных сил.

В $\frac{10603-095}{013(02)-74}$ 39-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стремительное освобождение африканских народов от колониального ига в конце 50-х — начале 60-х годов явилось для многих полной неожиданностью. Империалистические круги полагали, что население подвластных им территорий еще не подготовлено к самоуправлению. Они даже не допускали мысли о том, что народы Африки могут серьезно поставить вопрос о своей независимости. Вся империалистическая пропаганда изображала дело так, будто единственной заботой колониальных властей за все годы господства в порабощенных странах была подготовка народов этих стран к независимости. Лишь после того, как империалистические державы постепенно «подготавливают» порабощенные народы к самоуправлению, они в соответствии с неким, заранее составленным «календарем освобождения», «даруют» колониям свободу. Не случайно, например, даже в разгар второй мировой войны созванная руководителями «Сражающейся Франции» в январе 1944 г. конференция, посвященная, в частности, вопросу определения будущих отношений Франции с колониями, отвергла перспективу превращения их в независимые государства. «Возможность предоставления даже в отдаленном будущем автономии колониям, — подчеркивалось в рекомендациях конференции, — должна быть исключена».

Не ожидали такого быстрого освобождения и многие прогрессивные деятели, которые просто не знали реального положения в колониях. Отголоски событий в Африке, просачивавшиеся иногда на страницы печати, не давали возможности оценить обстановку. Вся история борьбы африканских народов за независимость тщательно замалчивалась или извращалась. Но когда одна за другой африканские колонии стали обретать независимость, империалистическая пропаганда принялась утверждать, что народы Африки не завоевали свободу, а получили ее из рук бывших метрополий.

Предлагаемая читателю книга представляет собой попытку собрать воедино, обобщить и осмыслить многочисленный фактический материал о вооруженной борьбе африканских народов за свободу и независимость как одной из важнейших форм антиимпериалистической борьбы.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, авторский коллектив уделил главное внимание анализу внутренних процессов социально-политического развития в каждой стране. Но эти процессы рассматриваются не сами по себе, а в неразрывной связи с общим ходом исторического прогресса чело-

вечества в эпоху его перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

Такой подход позволил авторам показать, что победа африканских народов была отнюдь не случайной, что она подготовлена кардинальными изменениями в мире, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция, и всем ходом исторического развития самих африканских стран. Углубление общего кризиса капитализма, разгром наиболее агрессивных сил империализма — германо-итальянского фашизма и японского милитаризма прогрессивными силами мира во главе с Советским Союзом во второй мировой войне, образование и развитие мировой системы социализма привели к коренному изменению соотношения социально-политических сил в мире в пользу социализма и национально-освободительного движения в ущерб империализму. Перед угнетенными народами открылись реальные возможности завоевания независимости. Против империализма стали успешно бороться народы не только колоний с многочисленным населением, но и стран, где проживает всего несколько миллионов и даже меньше миллиона человек. Освобождения смогли добиться десятки малых стран и территорий, каждая из которых самостоятельно, только своими силами, вряд ли смогла бы добиться победы в единоборстве с высокоразвитой империалистической державой-метрополией. Решающим фактором, предопределившим судьбу колониальных режимов, явилась возможность для угнетенных народов опираться на силы и поддержку мирового социализма и международного коммунистического и рабочего движения.

Достижение государственной самостоятельности народами Африки — логическое завершение их длительной и упорной борьбы, поддержанной всеми прогрессивными силами мира. Анализ характера, форм и методов этой борьбы, ее успехов и временных трудностей найдет читатель в этом новом научном исследовании, освещающем самые героические страницы истории народов Африки, их вклад в развитие и углубление мирового революционного процесса современности.

В. Тягуенко

События, которые рассматриваются в этой книге, занимают исторически небольшой период времени — каких-нибудь два десятилетия. Тем не менее историография национально-освободительных войн в Африке достаточно обширна.

Анализируя вопросы вооруженной борьбы за национальное и социальное освобождение в Африке 40—60-х годов, авторы опирались на положения марксизма-ленинизма о вооруженных формах развития революции, разработанные на опыте революционных восстаний и войн, прежде всего Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны в СССР, опыте международного рабочего и национально-освободительного движения.

Важными источниками явились программные документы и решения африканских коммунистических, революционно-демократических и националистических партий, которые участвовали в вооруженной борьбе за независимость. Ценный фактический материал об организации и боевой деятельности африканских повстанцев содержится в публикациях руководящих органов повстанческих движений, в оперативных документах и сводках штабов национально-освободительных армий, издававшихся в Каире, Бизерте, Дар-эс-Саламе, Лусаке, Лондоне, Конакри. Представление о ходе военных действий дают коммюнике и обзоры, публикуемые повстанцами в виде отдельных изданий [197; 198; 247; 287; 312; 542; 679] или же в периодической прессе [235; 273; 317; 322; 345; 350; 363; 364; 373]. Кроме того, значительное количество документов постоянно появляется на страницах исторических и социологических исследований, посвященных освободительным восстаниям и войнам в Африке, а также в виде приложений к ним [604; 789; 790].

Немалый интерес представляют официальные издания стран-метрополий, публикации ООН, обзоры и публикации Международного института по проблемам вооружения и разоружения, лондонского и французского институтов стратегических исследований¹. Материалы специальных комитетов ООН по деколо-

¹ Международный институт по проблемам вооружения и разоружения в Стокгольме периодически издает сборники, в которых содержится большой аналитический материал по основным направлениям военного строительства в африканских странах, по развитию их военных бюджетов, об источниках,

низации, по вопросу о политике апартхеида объективно оценивают причины развертывания вооруженной борьбы на юге Африки [127; 131; 133; 137; 138]. В то же время публикации, освещающие пребывание войск ООН в Конго, носят явно тенденциозный характер. Это и неудивительно, если учесть, что они прошли обработку так называемого конголезского клуба, образовавшегося из реакционеров внутри Секретариата ООН. Критического подхода потребовали и документы по истории Республики Заир, ежегодно выпускаемые бельгийским Центром социально-политических исследований и информации в Брюсселе (КРИСИ) в виде сборников [163; 164; 165]. Подборка и обработка этих документов, особенно тех, которые имеют отношение к восстанию 1964—1965 гг., имеют тенденциозный характер.

Третью группу источников составляет иностранная журнальная и газетная периодика. Вооруженная борьба народов Африки получает объективную, научную трактовку в газетах и журналах коммунистических, рабочих партий и в прогрессивной печати Великобритании, Франции, Бельгии, США и других капиталистических стран [261; 268; 269; 274; 304; 310; 321; 330]. Кроме того, ряд прогрессивных изданий, обладающих корреспондентской сетью в Африке, освещают именно те стороны, которые обычно замалчиваются или намеренно искажаются буржуазной прессой.

Большое количество разносторонней информации содержится в издающихся прогрессивными партиями газетах и журналах. Только в Алжире в период войны за независимость выходило до 30 различных периодических изданий, анализу которых посвящена диссертация советского исследователя А. Траскунова [504]. В настоящей монографии использованы такие периодические издания партий и организаций, как орган Фронта национального освобождения «Эль Муджахид» (Алжир), органы Африканского национального конгресса «Сечаба», «Спотлайт он Саут Африка» (ЮАР), орган Фронта национального освобождения Мозамбика «Мозамбик Революшн», орган Союза африканского народа Зимбабве «Зимбабве Ревью» и др. [312; 317; 345; 350; 364; 370].

Особый интерес представляет общеполитический и теоретический орган Южно-Африканской компартии «Африкен Комьюнист» [235]. В нем регулярно публикуются документы и материалы о ходе военных действий как в Южной Африке, так и в других районах континента, обсуждаются вопросы теории вооруженной борьбы в условиях «особого рода колониализма»

формах и содержании военной помощи. В них имеется подробная хронология военных конфликтов [см. 208; 209]. Сведения о численности, вооружении африканских армий и армий колониальных держав в Африке сообщаются в ежегоднике лондонского института стратегических исследований [193; 194], который выходит с 1966 г., а также в периодических изданиях лондонского и французского институтов стратегических исследований [228; 352].

ЮАР и Южной Родезии. Журнал решительно отстаивает ленинскую теорию революции, ведет активную борьбу против левацких «теоретиков» вооруженной борьбы — Р. Дебре и др. [там же, № 33, 34].

В последнее время ценным источником информации стала пресса независимых стран Африки [290; 295; 335 и др.]. Отсутствие военной периодики в большинстве стран Африки долгое время затрудняло выяснение взглядов и оценок самих африканцев на ведение боевых действий в ходе прошлых национально-освободительных войн. Однако за последнее время статьи, оценивающие боевой опыт этих войн, наряду с другими военно-историческими публикациями стали регулярно появляться в журнале Национальной народной армии Алжира «Эль Джейш» [273, 1970, № 10], в «Военном журнале вооруженных сил ОАР» [376].

Вооруженные конфликты в Африке в буржуазной прессе освещались крайне тенденциозно, многие события вообще утаивались от общественного мнения. До сих пор сохраняется табу на материалы о восстаниях на Мадагаскаре и в Камеруне. Боясь распространения сведений о борьбе африканцев за свободу, правительство ЮАР в 1967 г. провело специальный закон, запрещающий под угрозой тюремного заключения публикацию каких-либо сведений о столкновении между повстанцами и «силами безопасности» [219, 1967, № 30, стр. 26]. Аналогичная цензура введена в португальских колониях и Южной Родезии.

Тем не менее ряд газет, а также справочных изданий типа «Африка Рисёрч Бюллетень», «Африка Дайджест», «Кисингз Контемпорэри Ревью» [232; 230; 190], в которых публикуются сводки боевых действий, также использовались как источники, особенно в тех случаях, когда отсутствовали военно-исторические описания войн (на Мадагаскаре, в Кении, Камеруне). Обширную информацию об организации, вооружении, стратегии и тактике колониальных армий империалистических агрессоров можно получить в военных журналах «Армэ», «Ревю де дефанс насьональ», «Ревю милитэр женераль», «Форс аэрьен франсэз», «Оффисье де резерв» (Франция), «Арми Куотерли», «Эр Форс Куотерли», «Джорнэл оф Роял Юнайтед Сервис Инститют фор Дифенс Стадиз» (Англия), «Милитэри Ревью» (США), «Ревизта милитар» (Португалия), а также в официальных изданиях НАТО: «Ревю милитэр д'энформасьон», «НАТО — Фифтин Нейшнз» [229; 250; 251; 252; 282; 297; 307; 313; 324; 337; 338; 342; 343; 344].

Четвертая группа источников — это мемуарные произведения, статьи, выступления непосредственных участников войн и вооруженных конфликтов — лидеров африканских национально-освободительных движений А. Кабрала, Н. Манделы, Э. Мондлане, Г. А. Насера, К. Нкрумы [569; 719; 726; 731], других деятелей, принимавших участие в вооруженной борьбе [392; 448;

534; 621; 636; 676; 761; 762]. Особо примечательны книги Н. Манделы «Нет легкого пути к свободе», Э. Мондлане «Борьба за Мозамбик», А. Кабрала «Португальская Гвинея: власть оружия». Они — результат изучения авторами малоисследованных экономических, социальных и политических проблем своих стран, анализа и глубокого осмысления опыта первых лет вооруженной борьбы за свободу и независимость. Ценность этих работ как источников состоит также в их документальной основе: авторы цитируют полностью или частично ряд партийных и военных документов.

Еще десять-пятнадцать лет назад история народных движений, в том числе национально-освободительных восстаний и войн в Африке, буржуазной историографией либо замалчивалась, либо изображалась как малозначительное явление в истории колоний. Теперь по этой теме за рубежом появилась обширная литература. В Соединенных Штатах Америки, например, изучением военных аспектов африканского национально-освободительного движения занимается ряд научно-исследовательских учреждений: Афро-Американский институт, Мичиганский и Стэнфордский университеты, Массачусетский технологический институт, Центр политических исследований Чикагского университета и др. Несколько капитальных исследований подготовлено научными учреждениями Великобритании, Франции, Бельгии, ФРГ [633; 699; 713; 740; 748; 782; 783].

Наряду с идеологической задачей — дискредитировать революционное и национально-освободительное движение — важное место в этой литературе занимают поиски наиболее эффективных способов его подавления. С этой целью изучаются история, теория и практика революционных войн, социальные и экономические корни повстанческих движений, боевая подготовка и тактика партизанских армий, методы подавления революционных и освободительных движений, применявшиеся колонизаторами всех мастей со времен древнего Рима до наших дней.

Изыскания буржуазных военных историков используются при разработке уставов и наставлений по противоповстанческим и противопартизанским действиям, принятых на вооружение в армиях и полиции ряда империалистических держав [169; 170; 171; 172]. Американские историки принимают участие — по заказу штаба армии — в подготовке серии военно-политических справочников по странам Африки, содержащих материал, необходимый для действия там «специальных» войск и стратегического резерва вооруженных сил США².

В угоду своим империалистическим хозяевам буржуазные

² К настоящему моменту в африканской серии вышло в свет более 15 книг: по Алжиру, Марокко, Эфиопии, Замбии, Либерии, Уганде, Бурунди, Нигерии, Мозамбику, Танзании, Анголе и др. [183; 184; 188].

историки клеветают на борющиеся народы, часто прибегают к откровенной фальсификации³.

Официальная военно-историческая наука на Западе изображает африканские народы как объекты исторического процесса, а восстания против колониального гнета — как стихийные взрывы или результат действия «подрывных» сил, заставляющих народы подниматься на борьбу, используя террор, угрозы, ритуальные клятвы и т. п. Излюбленные определения действий повстанцев — «атавизм», «варварство» и т. п. Если верить апологетам колониальной политики, то национально-освободительное движение лишь замедляет «самоликвидацию» колониализма, а революционные войны служат орудием внешней политики коммунистических держав в эпоху ядерного «противостояния». Колониальные и неоколониальные войны, разумеется, изображаются как средство «самообороны» Запада [517, стр. 354—370]. Пытаясь затушевать несправедливый социальный характер этих войн, они употребляют для их обозначения термины, отражающие военно-техническую сторону явления: «локальная», «противоповстанческая», «противопартизанская» война, в то время как все эти войны имеют ярко выраженную политическую контрреволюционную сущность.

Труды апологетов колониальных войн проникнуты антисоветизмом и ненавистью к коммунизму [637; 643; 785].

В книгах, авторами которых являются офицеры «сил безопасности» — бригадный генерал Р. Томпсон, Ф. Мадждалани, майор Ф. Китсон, полковник Дж. Пэйджет (по Кении), полковник Ф. Вандевалле (по Республике Заир), майор Э. О'Балланс (по Алжиру), майор Х. Фельгаш (по Анголе) [682; 734; 735; 779; 787], основное внимание уделяется истории партизанских войн в различных районах Африканского континента. Однако отсутствие научной методологии, тенденциозный классовый подход при оценке социального характера этих войн заводят авторов в тупик. Только полным непониманием сущности национально-освободительных войн можно объяснить появление на свет так называемой теории революционной войны, авторы которой — бывшие оасовцы А. Латруа, Р. Трэнкье, Ф. Лепотье — пытались использовать методы революционных войн в контрреволюционных целях [см., например, 691]. Тезис о «подрывном», искусственном характере национально-освободительных восстаний и войн, лежащий в основе упомянутых «теорий», широко используется многими буржуазными историками. Он им нужен для оправдания агрессивной военно-колониальной политики империализма.

³ Примером фальсификации, преподносимой под видом официального документа, может служить доклад чиновника английской колониальной администрации Д. Корфилда, который вооруженную борьбу народов Кении в 1952—1956 гг. свел к «атавистическому перерождению» народа кикуйю [176].

В военно-исторических изданиях содержится материал о боевых действиях, стратегии и тактике воюющих сторон, особенно о боевых действиях карателей. Менее полно освещается использование колониальных войск в первые послевоенные годы, когда большинство армий для действий против повстанцев применяли так называемую тактику колонн, в принципе мало отличающуюся от обычной тактики сухопутных войск [191]. Значительно большее количество литературы посвящено истории зарождения и разработке методов «противоповстанческих», или «противопартизанских», войн. На опыте войн в Алжире, Кении, Республике Заир раскрываются изменения в тактике применения сухопутных войск [303, 1958, октябрь, стр. 47—51; 652; 713]. Это в первую очередь повышение их мобильности, использование вертолетной авиации для действий против партизан, особенно проведение комплексных десантно-вертолетных операций с применением вооруженных вертолетов [687; 714]. Французский военный историк А. Мерглен претендует на приоритет французской армии перед американцами в проведении аэромобильных операций, которые, по его мнению, были осуществлены в Алжире впервые [714].

Внимание буржуазных военных историков привлекают такие стороны тактики противопартизанских действий, как использование инженерных войск для изоляции районов освободительной борьбы [303, 1958, октябрь, стр. 47—51], лжепартизанских групп [682], диверсионно-караательных наемных подразделений в Африке [660], тактика подавлений волнений и вооруженного сопротивления повстанцев в городах [653; 668], планирование и управление операциями по уничтожению партизан [740], ведение разведки [586]. Значительное место отводится изучению тактики частей и подразделений национально-освободительных армий [251, август, 1960].

Обширная литература посвящена исследованию способов «социального контроля» над населением в ходе контрреволюционной войны. Сам термин «социальный контроль» — не что иное, как эвфемизм, под которым скрывается режим жестокой оккупации и полицейского надзора, репрессивные меры — аресты, облавы, принуждение к сотрудничеству с карателями. Наиболее цинично эти способы пропагандируются в книге оасовца полковника Р. Трэнкье «Современная война» [782].

Не менее подробно в буржуазной литературе описываются методы так называемой психологической войны в применении к карательным операциям колонизаторов [677; 722]. О том, как эти методы находят свое выражение в тактике «гражданских действий» португальской армии в настоящее время, рассказывается в статье английского майора Д. Бира [252, 1969, октябрь]. Однако многие военные историки и социологи приходят к выводу о тщетности использования «психологического оружия» в борьбе против национально-освободительного движения, о

«деидеологизации» борьбы, о том, что победа в национально-освободительных войнах — «вопрос техники и времени» [783, стр. 13]. Появление теорий «деидеологизации» отражает глубокий кризис моральных и политических устоев буржуазного общества, самой стратегии противоповстанческих действий.

Книги и мемуары буржуазных и политических военных деятелей — лорда Эвона, Г. Макмиллана, генерала А. Бофра, подполковника М. Хора, майора С. Кавенага, генерала П. Янга — апологетизируют опыт боевых действий армий империалистов в «локальных» войнах в Африке, объектами которых являются государства, избравшие путь прогрессивного социального развития. Поднимая на щит тель-авивскую агрессию против Египта и стратегию «необлицкрига», использованную израильской военной, они пытаются замаскировать ее уязвимые стороны [553; 660; 674, 804]. Значительное внимание уделяется исследованию особенностей стратегического планирования «локальных» войн, действиям авиации и бронетанковых сил, организации стратегического и тактического взаимодействия, ведению общевойскового боя в ночных условиях.

Наряду с откровенной апологией колониализма на Западе в настоящее время появилось немало книг, авторы которых пытаются придать им внешне объективный характер. Подобного рода сочинения отражают попытки империалистов, в первую очередь американских, завязать более тесные отношения с независимыми африканскими государствами, «реабилитировать» буржуазную науку в глазах народов новых государств. Кроме того, разработка империализмом изолированной военно-политической концепции противоповстанческих действий требует детального изучения причин и форм освободительных движений. Именно этим объясняется, в частности, повышенное внимание к истории борьбы африканских народов против колониальных захватов и первых антиколониальных восстаний.

За последние несколько лет вышли труды американских и английских ученых, посвященные таким историческим событиям, как борьба африканцев Южной Африки, Родезии, Ганы, Нигерии, Туниса против английских и французских колонизаторов. В соответствии с новой тенденцией западные историки реже акцентируют внимание читателя на «варварстве», «жестокости» африканцев, шире используют документальные и архивные материалы о достижениях африканцев в организации сопротивления колонизаторам, отдают должное талантам их предводителей. Вместе с тем причины колониальных войн маскируются, а сами войны изображаются как своего рода «рыцарские» столкновения «Запада» и «Востока»⁴.

⁴ Характерно, что инициаторами создания такого рода исторических исследований могут быть даже... южноафриканские расисты. Так, английский военный историк майор Дж. Селби «с помощью администрации по делам банту ЮАР» (как указывает сам автор) написал книгу «Наследники Чаки»

Примером объективистского подхода к современной теме являются работы американских историков и социологов Дж. Маркума, А. Вулмана, К. Лава, А. Хумбарачи, бельгийского историка Б. Верхегена, французского историка И. Курьера [590; 591; 592; 593; 663; 697; 705; 759; 789; 790]. Внешнюю оболочку «объективности» буржуазные ученые пытаются сохранить, прикрываясь «новой» методикой военно-исторического исследования. Она заключается в широком применении методов опроса очевидцев, анализа фотодокументов, анкетирования, полевых исследований и т. д. Бельгийский историк Б. Верхеген выдвигает даже предложение создать новую отрасль исторической науки — «непосредственную», или «живую, историю» (*l'histoire immédiate*), которую он называет исторической социологией или социологизированной историей [789, стр. 14—17]. Однако, применив этот метод в своих работах, он отнюдь не сменил классовых позиций и по-прежнему тенденциозно оценивает повстанческие движения в Конго (Леопольдвиль). Эта методика удобна для фальсификации событий. В наукообразном виде подается материал, который не сразу можно опровергнуть⁵.

Следует отметить, что содержащийся в этих работах фактический материал имеет большое значение для углубленного исследования различных аспектов вооруженной борьбы, этапов развития революционной ситуации.

Некоторые из этих изданий, особенно те, которые готовятся в Гуверовском институте войны, мира и революции, а также в ряде университетов США, рекламируются как новейшие достижения буржуазной истории и социологии. Однако использование наимоднейших методов буржуазной методологии исторического и социологического исследования — бихейвиоризма, антропологизма, психоанализа [см. 800] — толкает авторов к пренебрежению социально-классовым анализом, преувеличению роли личности или отдельных факторов развития революции. Реальная научная ценность подобных работ невелика.

Этой группе авторов-объективистов, выступающих в исторической науке с позиций неокolonialизма, не в меньшей степени, чем откровенным апологетам колониальных войн, присущи ан-

(Лондон, 1971). Автор пытается уверить читателя, что его книга послужит якобы «восстановлению национальной гордости и самосознания зулусов» (стр. 5). В действительности она призвана служить воспитанию зулусов в духе реакционного шовинизма и отчуждения от других африканских народов. Это выгодно расистским правителям ЮАР, которые пытаются расколоть формирующуюся национальную общность банту путем создания обособленных бантустанов (в том числе Зулуленда) и тем закрепить свое колониальное господство в Южной Африке.

⁵ См.: П. Гомер, Останется ли Португалия в Африке? [637]; М. Валаху, Ангола — ключ к Африке [785] и др. Главную роль в подготовке такой литературы играет реакционное американское издательство «Ридерс Дайджест». В 1965 г. по его заданию — оправдать американскую интервенцию в Конго (Киншаса) — за десять недель методом «интервью» была подготовлена книга Д. Рида «111 дней в Стэнливиле» [757].

тикоммунизм и антисоветизм. Их классовая позиция выражается в отрыве генезиса африканских освободительных движений от общей истории международного рабочего и национально-освободительного движения, в попытках преувеличить влияние маоизма на развитие национально-освободительной борьбы в Африке, в искажении роли африканских коммунистических партий и компартий бывших метрополий. Поддержка, оказываемая африканским освободительным силам Советским Союзом и другими социалистическими странами, замалчивается или ей придается неверное освещение.

Третье направление зарубежной историографии национально-освободительных войн в Африке — критика колониализма и неоколониализма с антиколониальных позиций.

Реакционные концепции буржуазных авторов о целях и характере современных национально-освободительных войн подвергаются разоблачению в работах известных прогрессивных западных и африканских историков и публицистов У. Помроя, Р. Палм Датта, Э. Равы, И. Кокса, Дж. Уоддиса, Р. Бантинга, Р. Давези, Б. Дэвидсона, Ж. Шальяна и др. [390; 408; 473; 489; 595; 511; 602; 604; 573]. Работы последних двух авторов, посвященные национально-освободительной войне в Гвинее — Бисау и других районах Африки, интересны как документальной основой, так и обстоятельной критикой левацкого авантюризма. Они показывают, что авантюризм, несерьезное отношение к подготовке и организации вооруженной борьбы в условиях Африки чреваты особо серьезными последствиями.

В настоящем исследовании использованы также работы прогрессивных арабских историков Ш. аш-Шафии, Амин Саида, Туфика аш-Шимали, Ш. Иссави [519; 384; 808; 424]. Из них особенно выделяется аргументированный труд Ш. аш-Шафии «Развитие национально-освободительного движения в Египте. 1886—1956», в котором детально раскрывается роль трудящихся масс в развертывании партизанской борьбы в зоне Суэцкого канала и в подготовке условий для июльской революции 1952 г.

В последние годы в исследование военной истории народов Тропической Африки включились многие африканские ученые⁶. В сборнике «Сопrotивление в Западной Африке: вооруженный ответ колониальной оккупации» [598] африканские ученые выступили с острой критикой в адрес апологетической буржуазной историографии колониальных войн, которая пытается переложить вину за кровопролитные войны середины — конца XIX в. на самих африканцев. Большой интерес у авторов сборника вы-

⁶ Западные исследовательские школы ведут борьбу за привлечение африканцев на позиции буржуазной историографии. С этой целью практикуется издание совместных с буржуазными учеными работ [752], а также монографий и сборников в буржуазных странах. Однако в большинстве случаев не удается заглушить или затуманить антиколониалистские взгляды прогрессивных авторов-африканцев [см. 54!].

зывают проблемы организации вооруженной защиты африканских государств прошлого столетия от колониальных захватов [там же]. Эта тема созвучна сегодняшним интересам защиты молодых африканских государств от империалистической агрессии.

Африканские ученые видят основную причину современных национально-освободительных войн в колониальном господстве империализма. В работах Ф. Фанона — идеолога и теоретика алжирской революции [621; 622], молодого, но уже широко известного социолога М. Али Масруи (Уганда) [710; 752] делается попытка на материале войн в Алжире, Кении, Конго и других странах Африки разрешить ряд философских проблем — о роли насилия в национально-освободительной революции, о соотношении мирного и немирного пути, о национальном самосознании и войне⁷. Эти работы помогают составить представление об идеологическом уровне африканских движений за независимость.

Несколько слов о географии исследований в зарубежной историографии.

Наиболее разработана историография национально-освободительных войн в Заире, Алжире, Кении; отсутствуют монографические исследования о восстаниях на Мадагаскаре, в Камеруне. Из войн и восстаний в португальских колониях наименее исследована война в Анголе.

Историография войны в Алжире (1954—1962 гг.) отличается явным количественным преобладанием буржуазных источников. В то же время достаточно сильные позиции у прогрессивной, в том числе марксистской, историографии, представленной работами Башира Хадж Али, секретаря ЦК алжирской компартии, непосредственного участника войны, Ларби Бухали [112; 113; 115; 116], французских коммунистов-историков Э. Мино, майора *** [321, 1960, № 22; 1961, № 32] и др. [414; 489; 715]. Современная алжирская историография представлена пока статьями в политических и военных журналах [243; 273; 335], а также отдельными мемуарами.

Основное различие между буржуазной и прогрессивной историографией — в оценке роли народных масс в революционной войне. Буржуазные ученые отказывают им в революционной инициативе, изображают массы как пассивный объект деятельности революционной элиты. В прогрессивной историографии существуют различные оценки способов вооруженной борьбы, но она единодушно выступает в защиту революционной активности алжирского народа.

В зарубежной историографии войны в Кении (1952—1956 гг.) к настоящему времени начали преобладать более или менее трезвые оценки восстания «Мау Мау»: призна-

⁷ Критика теоретических взглядов Ф. Фанона дается в гл. I.

ние его освободительного характера, достоинств военной организации, мужества и храбрости партизан из отрядов «Мау Мау» [759]. Их утверждению способствовало появление воспоминаний участников борьбы, в том числе «генерала» Варухи Итоте [660; 550]. Однако впервые четкая оценка этого восстания была дана в книге Огинги Одингги «Еще не свобода» (Лондон, 1967).

Капитальные исследования по истории вооруженной борьбы в Конго (Леопольдвиль) (1960—1966 гг.) были предприняты бельгийским Центром социально-политических исследований и информации (КРИСП) в Брюсселе совместно с Институтом экономических и социальных исследований в Лованиуме и Национальным институтом политических исследований (Киншаса). Они выразились прежде всего в обработке и издании документов и монографий по истории повстанческого движения в Конго [163; 164; 165].

Бельгийский историк Б. Верхеген опубликовал также двухтомное монографическое исследование «Восстания в Конго» [789; 790], включившее материалы обширных архивов КРИСП и провинциальных архивов Республики Конго. В нем подробно исследуются организационные формы, стратегия и тактика вооруженной борьбы конголезских повстанцев в 1964—1965 гг. Остальные работы представляют ярко выраженную апологетическую колониалистскую точку зрения.

Во всех этих трудах настойчиво проводится мысль о трибалистском характере повстанческого движения, иррациональном поведении его участников, предрассудках как главном морально-психологическом стимуле движения.

Прогрессивная историография относительно невелика. В книгах К. Нкрумы «Вызов Конго» [732] и К. О'Брайена «В Катангу и обратно» [465] разоблачается политика империалистических держав, направленная на восстановление позиций неокolonизма в этой стране. Но они охватывают лишь начальный период событий.

Историография вооруженной борьбы за независимость народов португальских колоний — Анголы, Гвинеи — Бисау и Мозамбика — четко делится на две категории. Первая — реакционная португальская историография хотя и обширна, но не научна, носит ярый неокolonизаторский характер. Ведущее место в исследовании национально-освободительных войн против колонизаторов остается за прогрессивными историками, к числу которых относятся и руководители вооруженной борьбы [408; 472; 569; 573; 603; 604]. В этих работах разоблачаются буржуазные фальсификации, обосновывается народный характер освободительных войн, исследуется стратегия и тактика движения. Очень детально рассматриваются вопросы партийного руководства вооруженной борьбой.

Характерной особенностью историографии вооруженной борьбы на юге Африки является обилие документальных материалов и других публикаций Организации Объединенных Наций и ее специального комитета по вопросу о политике апартхеида, проводимой правительством ЮАР [131; 133; 137; 138]. Повстанческая борьба в ЮАР и Южной Родезии намеренно замалчивается буржуазной историографией этих стран. За последнее время повысился интерес к этой теме со стороны американской историографии, которая особенное внимание уделяет выяснению причин перехода к вооруженной борьбе. Проблемы вооруженной борьбы всесторонне исследуются прогрессивной, в том числе марксистской, историографией [390; 642].

Среди литературы, посвященной вооруженной борьбе за свободу и независимость народа Египта, основное место занимают произведения прогрессивной национальной арабской историографии [380; 384; 424; 519; 547; 726; 762; 808]. В них показаны основные этапы этой борьбы, дана характеристика движущих сил партизанской борьбы за изгнание англичан из зоны Суэцкого канала, рассказывается об участии народных масс в отражении англо-франко-израильской агрессии 1956 г.

Подавляющее большинство литературы посвящено истории трех арабо-израильских войн, особенно «шестидневной» войны 1967 г. Большое число буржуазных историков, в первую очередь американских и израильских, стоят на позициях апологетики израильской агрессии [549; 553; 580; 696; 703; 733; 734; 804]. Многие из этих произведений носят откровенно пропагандистский характер прославления «подвигов» и «военных талантов» израильской военщины. Немаловажное место отводится фальсификаторским попыткам переложить вину за агрессивные действия на арабскую сторону, оправданию так называемой политики возмездия Израиля.

Из числа либерально-критической литературы, осуждающей агрессивные действия Израиля, следует выделить капитальное исследование бывшего корреспондента «Нью-Йорк Таймс» в Каире К. Лава «Суэц: война, которую вели дважды» [697]. К. Лав, выражая точку зрения той части американской буржуазии, которая стремится улучшить отношения с арабскими странами, разоблачает тайную игру израильской дипломатии в подготовке конфликта 1956 г., опровергает версию о «вынужденном» характере действий Израиля, показывает империалистическую сущность держав-агрессоров. В то же время он настойчиво вопреки фактам пытается внедрить в сознание читателя мысль о том, что тройственная агрессия была остановлена лишь благодаря усилиям США, а не СССР.

Усилия арабской и прогрессивной историографии других развивающихся стран направлены на разоблачение агрессивной

политики Израиля (особо детально освещается вопрос о роли сионизма в развязывании палестинской войны 1948—1949 гг.). В настоящей работе использовано исследование майора пакистанской армии Майнуудина [326, 1970, февраль], в котором объективно анализируется ход боевых действий в июне 1967 г.

Таким образом, несмотря на обширный характер, зарубежная историография вооруженной борьбы в Африке недостаточно полна: по отдельным восстаниям и войнам литературы нет вообще, по другим — она настолько тенденциозна и противоречива, что требует полного переосмысления событий. Характерно почти полное отсутствие работ обобщающего характера. Даже те труды, которые появились за рубежом после окончания основной работы над этой книгой, — «Протест и власть в Черной Африке», «Восстание в Черной Африке» [752; 755], а также книга К. Грэнди «Партизанская борьба в Африке: анализ и предвидение» — не рассматривают весь континент в целом.

Советская историография национально-освободительных войн в Африке открывается классическим произведением марксистско-ленинской военно-теоретической мысли — книгой М. В. Фрунзе «Европейские цивилизаторы и Марокко» [122], где на материале национально-освободительной войны рифов в Марокко (1921—1926 гг.) дается углубленный теоретический анализ эффективности методов партизанской борьбы против европейской колониальной армии. Пожелание М. В. Фрунзе о том, что «войной в Марокко надо и стоит интересоваться» [123, стр. 204], выполнил в 1939 г. известный впоследствии советский военный историк Е. Разин, подготовивший работу «Национально-освободительная война в Марокко. Краткие тезисы» [490]. Ряд выводов М. В. Фрунзе: о создании материальной базы, необходимой для преодоления серьезного сопротивления могущественного врага, о возрастающей силе наступления, об огромной роли авиации — имел принципиальное значение. По сей день не утратил своего значения вывод о том, что «для успешной борьбы народно-революционная армия должна овладеть современной техникой» [123, стр. 18].

Значительное внимание советские военные историки уделили опыту начального этапа итало-эфиопской войны (1935—1936 гг.). В книге комкора Н. Г. Корсуна [438] наряду с описанием героической борьбы эфиопского народа и его армии против итало-фашистских захватчиков глубоко анализируются возможности и способы обороны слабой в военно-техническом отношении армии против оснащенной современным оружием армии агрессора. Правильное стратегическое решение, по мнению автора, состоит в сочетании высокоподвижной войны силами регулярной армии с постоянными партизанскими действиями иррегулярных формирований на флангах и в тылу противника.

Истории вооруженной борьбы народов Африки за свободу и независимость посвящены многие послевоенные исследования

советских ученых. В коллективных трудах, монографиях В. Городнова, Н. Луцкой, Р. Ланды, П. Манчхи, Ю. Оганисяна, Б. Сейраняна и других советских авторов глубоко анализируются политические и социальные аспекты национально-освободительных восстаний, войн и других форм вооруженной борьбы африканцев Алжира, Египта, ЮАР, Анголы, Гвинеи — Бисау после второй мировой войны, раскрывается их справедливый характер [387; 395; 407; 441; 442; 446; 449; 466; 477; 478; 495].

Повысился интерес советских ученых к изучению военной истории освободительных войн и восстаний. Некоторые конкретные проблемы вооруженной борьбы в этих войнах, в частности условия достижения победы над империализмом, организация и вооружение повстанцев, формы развития партизанской борьбы в странах Африки, освещались в статьях военных историков В. Андрианова, Е. Долгополова, В. Мацуленко [386; 411; 412; 413; 452]. Вышло в свет несколько документальных очерков, посвященных отражению израильской агрессии, борьбе за освобождение португальских колоний и юга Африки [419; 420; 421; 464]. Важным источником информации о борьбе африканцев в этих районах служат очерки советских корреспондентов, публикуемые в «Правде», «Красной звезде» [222; 225] и других органах советской печати.

Разоблачению военно-колониальной политики международного империализма и колониализма на Африканском континенте посвящены работы советских исследователей Е. Тарабрина, В. Фетова, В. Шейниса [502; 513; 520]. Интересная попытка проанализировать основные принципы образования военно-политического блока колонизаторов на юге Африки предпринята в коллективной работе «Южноафриканский блок колонизаторов» [529].

Роль СССР в отражении империалистической агрессии против Египта в 1956 г., помощь Советского Союза в ликвидации последствий империалистической агрессии рассматриваются в работах А. Протопопова, М. Новикова и А. Сгибнева [487; 464].

Шире стали освещаться в советской историографии вопросы участия армий и в обеспечении свободы и независимости своих народов. Политической роли армии посвящены монография Т. Мирского, некоторые разделы книги В. Иорданского [454; 422]. Вопросы укрепления обороноспособности независимых африканских государств рассматривались в статьях Е. Долгополова в «Красной звезде» [222, 1.II.1964; 9.I, 28.VII, 25.IX.1965; 19.V.1968; 31.V.1969].

Появился ряд работ польских, немецких, венгерских и болгарских историков, в которых с марксистских позиций рассматриваются некоторые проблемы вооруженной борьбы, использование наемников в Африке, различные аспекты израильской агрессии 1967 г. В Польше, Болгарии и Венгрии были предприняты фундаментальные исследования национально-освободитель-

ных революций и войн в Алжире, Конго, на юге Африки, вышел ряд документальных и научно-популярных очерков [393; 405; 611; 612; 649; 650; 665; 730; 742; 743; 744; 796].

Военно-исторический опыт национально-освободительного движения африканских народов ждет дальнейшего обобщения и изучения в марксистской литературе. Этот опыт не может утратить актуальности, пока продолжается борьба за освобождение последних колоний, пока империалисты ведут агрессивные войны, организуют заговоры, военные перевороты и сепаратистские восстания, которые на протяжении ряда лет потрясают молодые государства, вставшие на путь независимого развития.

Авторы предприняли попытку проанализировать военно-исторический опыт национально-освободительного движения на Африканском континенте в целом с учетом всего ценного, что внесли в развитие вооруженных форм борьбы за национальную независимость после второй мировой войны народы различных стран Африки.

Настоящая работа подготовлена авторским коллективом сотрудников Института военной истории МО СССР с привлечением авторов из Института Африки АН СССР и Института общественных наук.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ
КОЛОНИАЛЬНЫХ НАРОДОВ§ 1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
О ВООРУЖЕННЫХ ФОРМАХ БОРЬБЫ НАРОДОВ КОЛОНИЙ
И ЗАВИСИМЫХ СТРАН

XIX век характеризовался не только ускорением развития капитализма, но и усилением борьбы против него. Основоположники научного коммунизма дали всестороннее освещение национально-освободительных войн доминирующего капитализма, вскрыли сущность и особенности национально-освободительных войн в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Тщательно проанализировав освободительную борьбу народов, К. Маркс и Ф. Энгельс обратили пристальное внимание на передовых революционеров XIX в.: героев революции 1848—1849 гг. и Парижской коммуны, русских народолюбцев и гарибальдийцев, испанских инсургентов и американских аболиционистов. Перу К. Маркса и Ф. Энгельса принадлежат работы буквально о всех революционных событиях и национально-освободительных войнах XIX в.

В трудах, посвященных национальному вопросу, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что между революционной борьбой рабочего класса за социализм и борьбой колоний за национальное освобождение существует неразрывная связь, что народы колоний — естественные союзники пролетариата в борьбе против капитализма. «Индия, с тем отливом людей и денег, которого она будет стоить Англии, является теперь нашим лучшим союзником» [13, стр. 212]. В победе пролетариата метрополии над буржуазией они видели один из путей для завоевания колониями национальной независимости. В капитализме они видели общего врага пролетариата Европы и колониальных народов. Верные слуги правящего класса — «африканские генералы» Бюжо, Кавеньяк, Галифе, Мак-Магон были не только палачами Алжира, но и самой верной опорой буржуазии в метрополии, палачами французских рабочих, восстания которых подавлялись со всей свирепой жестокостью «алжирских методов» [16, стр. 137].

Одни буржуазные идеологи, изыскивая средства для дискредитации идей марксизма-ленинизма в глазах народов Азии

и Африки, пытаются обвинить коммунистическое движение в «европоцентризме», в утилитарном стремлении использовать «беспорядки в колониях» для конечной победы «коммунистического пролетариата» в индустриально развитых странах [729, стр. 186—187, 192]. Другие, не чураясь открытой клеветы, утверждают, что основоположники научного коммунизма якобы не симпатизировали войнам за независимость, которые велись на периферии капиталистического мира, считали их простыми бунтами, ни на минуту не сомневались в их обреченности [544, стр. 21—24]. Недалеко от них уходят некоторые левацкие «теоретики», распространяющие лживые версии о том, что классики марксизма-ленинизма никогда не занимались проблемами борьбы угнетенных народов против колониализма, особенно ее вооруженными формами. Третьи представляют Маркса, Энгельса, Ленина отвлеченными мыслителями, теоретическое наследие которых имеет якобы лишь оценочное значение. Стремясь отвлечь внимание масс от практического опыта революционной борьбы, накопленного КПСС и другими коммунистическими партиями, буржуазные историки и социологи изображают «практиками» революционной войны левацких деятелей, в первую очередь Мао Цзэ-дуна [716, стр. 287; 252, 1970, № 4, стр. 38]. Их особенно привлекают попытки левацких деятелей представить национально-особенное в качестве основных закономерностей революционной борьбы, так как это способствует идейному и организационному разобщению рядов национально-освободительного движения.

В действительности история развития марксизма-ленинизма свидетельствует о том, что его теоретики уделяли постоянное пристальное внимание как общим проблемам борьбы колониальных народов, так и вооруженным формам этой борьбы¹.

Их идеи о тесной связи борьбы пролетариата и угнетенных народов колоний легли в основу союза международного рабочего класса и национально-освободительного движения в современную эпоху. Результатом деятельности I Интернационала было значительное повышение интереса к колониальной проблеме в рабочем движении на Европейском материке [434, стр. 29].

К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание изучению содержания и социального характера национально-освободи-

¹ Определенная группа буржуазных ученых по-своему «изучает» военнотеоретическое наследие марксизма-ленинизма в области национально-освободительных войн, ставя перед собой цель разработать наиболее эффективные способы борьбы с национально-освободительным движением. Теоретическое «исследование» военных проблем марксизма-ленинизма дополняется преподаванием этой дисциплины с чисто служебной целью. Военное учение Ф. Энгельса «изучается», например, в Национальном военном колледже Израиля и в Тель-Авивском университете, где готовят старших офицеров для израильской армии; формы и методы революционных войн служат предметом особого курса лекций, читаемого в школе специальных методов ведения войны в Форт-Брагге (США) [792, стр. 1—2].

тельных восстаний и войн против колонизаторов, влияния этих войн на международную политику и внутреннее положение в метрополиях, а также влияния, которое борьба рабочего класса оказывала на военно-колониальные мероприятия колонизаторов.

Среди национально-освободительных восстаний и войн К. Маркс и Ф. Энгельс различали войны, которые народы вели, сопротивляясь вторжению колонизаторов, и национально-освободительные восстания, направленные на восстановление утраченной независимости. Кроме того, значительное место в их работах отводится исследованиям системы военно-колониального господства капитала.

Вооруженное сопротивление колониальным захватам

К. Маркс и Ф. Энгельс исследовали комплекс колониальных войн XIX в.: завоевание Индии англичанами, три опиумные войны в Китае, войны Англии в Персии и Бирме, Афганистане и Турции, завоевание французами Алжира, испанское вторжение в Марокко, англо-испано-французскую интервенцию в Мексике. Анализ этих войн составлял неотъемлемую часть критики капитализма. Он подкреплял сделанные в «Капитале» и других трудах выводы об эксплуататорской сущности и исторической обреченности этого способа производства.

Прежде всего Маркс и Энгельс разоблачили завоевательный характер колониальной войны, показали, что это в высшей степени несправедливая война [5, стр. 169]. Под страхом гибели, писали они в «Манифесте Коммунистической партии», заставляет буржуазия все нации принять свой способ производства. Они выработали научную периодизацию колониальных войн, соответствующую этапам колониальной экспансии.

На первом этапе колониализма, в период первоначального накопления капитала, колониальные войны служили целям «прямой эксплуатации и захвата огромных богатств» [1, стр. 157]. На втором этапе колониальные войны велись уже в интересах торгово-промышленного капитала: завоевывались рынки сбыта и источники сырья. «Всякий раз, как действительный спрос на ввозимые в азиатские страны товары не соответствует предполагаемому... коммерсанты... весьма склонны видеть причину своего разочарования в том, что на их пути становятся искусственные препятствия... и что... эти препятствия могут быть устранены военной силой» [11, стр. 563]. Как установил Ф. Энгельс, на третьем этапе колониализма войны велись уже в интересах финансового капитала. В дополнениях к третьему тому «Капитала» он писал, что колонизация «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку» [33, стр. 486].

Захватническому, грабительскому характеру колониальных войн соответствовали их формы. К. Маркс называл английские войны в Азии «пиратскими» войнами [10, стр. 540] и указывал, что они относятся к категории «коварных, авантюристических трюков английской дипломатии» [3, стр. 73]. Военные нападения предпринимались под сфальсифицированными предложениями, без предварительного объявления войны, ведение войны не ограничивалось никакими нормами и обычаями.

Были отмечены также и некоторые особенности ведения этих войн колонизаторами.

Крайняя политическая раздробленность Востока позволяла колонизаторам максимально использовать противоречия между государствами, народами и классами, чтобы вести войну чужими руками. В статье «Будущие результаты британского владычества в Индии» К. Маркс ярко воссоздал картину использования противоречий между Великим Моголом, маратхами и афганцами: «Пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех» [2, стр. 224].

Колониальный расизм был основой сознательно насаждаемой в колониальных армиях жестокости. Во многих статьях К. Маркс и Ф. Энгельс дали уничтожающую характеристику зверствам, чинимым английскими солдатами и офицерами в Индии, Китае, на Ямайке и в других местах [5, стр. 169; 8, стр. 296—298]. Сознательная жестокость была призвана поднять «боевой дух» разнузданной солдатни и вооруженной силой сломить активность и энергию сопротивляющегося народа.

Вооружение (огнестрельное оружие, артиллерия, флот) и военная организация (регулярная армия) давали захватчикам большие преимущества. Симпатии К. Маркса и Ф. Энгельса неизменно были на стороне народов, подвергшихся нападению. С большим вниманием и буквально по крохам изучали они опыт успешного сопротивления войскам колонизаторов.

Совершенно безосновательны утверждения буржуазных историков, будто Маркс и Энгельс считали сопротивление европейской колонизации невозможным в военном отношении и исторически бесперспективным [544, стр. 24]. К. Маркс и особенно Ф. Энгельс в своих работах неоднократно касались вопроса, как более слабые в военном отношении народы могут организовать сопротивление более сильным армиям.

В статье «Персия и Китай» Ф. Энгельс писал, что провал попыток реорганизовать персидскую армию по европейскому образцу «не свидетельствует о том, что восточные народы нельзя научить европейской тактике» [20, стр. 219]. Введение европейской военной системы у восточных народов, указывал Ф. Энгельс, нельзя считать законченным после создания частей и подразделений, снаряжения и обучения их по европейскому образцу. Насаждение европейских уставов само по себе не может обеспечить внедрение европейской дисциплины и овладение

современными способами ведения войны. «Главной задачей и в то же время главной трудностью является создание корпуса офицеров и унтер-офицеров, обученных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся в военных вопросах от старых национальных предрассудков и пережитков и способных вдохнуть жизнь в новые формирования» [там же, стр. 220].

Анализируя вооруженное сопротивление, оказываемое колонизаторам «традиционными» средствами в Алжире, Марокко, Китае и ряде других стран, классики марксизма указывали на такие пути организации вооруженного отпора захватчикам, как обучение боевому мастерству в ходе войны, помощь в овладении военным делом со стороны европейцев [19, стр. 183].

Ф. Энгельс не исключал возможности превращения народной войны в войну на истребление. В таком случае, указывал он, «средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярной войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достигла эта восставшая нация» [20, стр. 222].

Одним из наиболее целесообразных способов сопротивления при отсутствии крупной и обученной армии Ф. Энгельс считал малую войну. В статьях «Война с маврами» и «Ход войны с маврами» он писал: «С такими солдатами, какими они [мавры] располагают, и в такой стране, в какой они живут, малая война является именно тем способом борьбы, которым можно измотать неприятеля» [28, стр. 580]. Тактикой такой войны, по его мнению, должны были служить постоянные нападения на тыл и фланги армии завоевателей, удары по коммуникациям, умелое использование условий горной и пересеченной местности, бой в рассыпном строю, рукопашные схватки с саблями и ятаганами [27, стр. 575—576; 28, стр. 580].

Гениальные мысли классиков марксизма о характере столкновений между различными по своему уровню развития военными организациями имеют важное значение в наши дни для разработки проблем военной защиты молодых независимых государств от посягательств неокOLONИализма.

Историческая действительность второй половины XIX в. дала примеры провала, полного или частичного, планов колонизаторов. В героической борьбе против английских колонизаторов отстоял свою независимость афганский народ, наголову разбили итальянских захватчиков войска абиссинского негуса Менелика II в битве при Адуа. Однако большинство стран Азии и Африки было завоевано колонизаторами. Здесь стала разворачиваться борьба народов против колониальной эксплуатации, за возвращение утерянной независимости.

Система военно-колониального господства капитала

К. Маркс и Ф. Энгельс исследовали военно-колониальную диктатуру, обеспечивавшую внеэкономическое принуждение и политический диктат буржуазии в колониях. Органы этой диктатуры и вооруженные силы, находившиеся в ее распоряжении, были тем основным противником, с которым приходилось сталкиваться восставшему народу порабожденной страны. Без анализа сущности и назначения системы военно-колониального господства, ее общей структуры нельзя было верно оценить перспективы народного восстания.

Основой военного господства капитала в колониях была колониальная армия. На примере Индии К. Маркс и Ф. Энгельс показали процесс превращения колониальной армии из орудия завоевания в полицейскую силу. После аннексии Ауда в 1856 г. и распространения колониального режима до естественных границ Индии войска Ост-Индской компании «имели своей задачей уже не расширение ее владений, а лишь сохранение их. Из солдат они были превращены в полицейских» [6, стр. 240]. Их основной целью стало, по выражению Ф. Энгельса, «искоренение» мятежей, безжалостное подавление попыток сопротивления эксплуатации. Обязательной частью создававшейся системы военно-колониального господства стала колониальная полиция; в ряде стран ее опорой колонизаторы пытались сделать и делали военные колонии европейских поселенцев [29, стр. 108]. В армиях зависимых стран функции военного контроля выполнялись офицерами, выступавшими в роли военных советников [4, стр. 124; 19, стр. 218]. Содержание этого военно-бюрократического аппарата осуществлялось за счет бюджета колоний [2, стр. 224].

Колониальные армии имели особую структуру. Они, как правило, состояли из войск метрополии и туземных частей, возглавляемых офицерами-европейцами. Присутствие в колониальных армиях туземных частей внушало тревогу колонизаторам. Поэтому европейское ядро постоянно исполняло функции контроля над туземными войсками. В Индии общая картина выглядела так: «200 000 000 местных жителей удерживались в повиновении туземной армией в 200 000 человек, укомплектованной офицерами-англичанами, а эту туземную армию, в свою очередь, держала в узде английская армия, насчитывающая всего 40 000 человек» [6, стр. 240—241].

Внимательно изучая колониальную политику Великобритании, К. Маркс и Ф. Энгельс подметили некоторые общие черты ее имперской военно-колониальной системы [31, стр. 628—629].

В наиболее крупных стратегических районах империи существовали опорные центры, важнейшим из которых была Индия, выполнявшая роль основной военно-стратегической базы в Азии.

Ряд колониальных войн (против Бирмы, Персии, Китая, Афганистана) велись англо-индийской армией и на индийские средства.

Английские колонизаторы вели военные действия, широко применяя маневренные, но малочисленные средства: флот и морскую пехоту на побережье и в глубине континента, на великих азиатских реках [19, стр. 182—183].

Английские вооруженные силы отличались высокой мобильностью, которая позволяла осуществлять маневр в условиях больших расстояний между колониями, компенсировала перенапряжение людских ресурсов. Средством маневра в глобальном масштабе являлся флот. «Без его защиты и без тех быстроходных транспортных средств, которые он предоставляет, этих слабых гарнизонов (в странах Британской империи. — Л. К.) было бы далеко не достаточно» [30, стр. 629]. На сухопутном театре интенсивно строились и использовались железные дороги. «Численность войск можно было бы уменьшить в такой же пропорции, в какой возросла бы их эффективность» [2, стр. 227]. Эту мысль, высказанную одним из английских офицеров, подметил К. Маркс и выделил как важную тенденцию английской военно-колониальной стратегии. Там же, где флот был в состоянии оказать лишь незначительную поддержку, сохранялись сильные гарнизоны.

Англичане довольно часто опирались на помощь других колонизаторов, организуя совместные карательные акции.

Необходимость изучения системы военно-колониального господства империализма и учета способов его действий при разработке революционной стратегии и тактики подчеркивалась в работах В. И. Ленина, Ф. Меринга, К. Либкнехта, М. В. Фрунзе, в документах Коминтерна. В настоящее время изучение фактически свергнутого колониального господства капитала позволяет глубже понять и оценить военные методы неокOLONиализма, в особенности так называемую противоповстанческую стратегию империализма, ставшую неотъемлемой частью его военно-политических доктрин.

Национально-освободительные восстания

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали национальные освободительные восстания колониальных народов как сложные социально-политические явления, имеющие глубокую экономическую основу. В статьях и очерках, посвященных хозяйничанью англичан в Индии накануне восстания (индийскому восстанию 1857—1859 гг. было уделено наибольшее внимание), они не только дали исчерпывающий анализ его предпосылок, условий и причин возникновения, но и фактически предсказали неизбежность

его углубления и расширения [6, стр. 241], оценив это событие как национальное восстание.

Они подчеркивали, что для успешного руководства восстанием важно иметь общенациональный центр и единую организацию, каковой в Индии стала армия сипаев [там же]. Именно потому, что восстание началось в армии, оно носило организованный характер и вспыхнуло одновременно в 20 разных местах [17, стр. 153]. В ходе восстания армия служила своеобразным катализатором: там, где выступали сипаи, поднимались крестьяне и население городов. С другой стороны, как указывал в то время К. Маркс, «такой разветвленный заговор, каким оказался заговор в бенгальской армии, не мог осуществиться в столь огромных масштабах без тайного сочувствия и поддержки местного населения» [7, стр. 272].

Важное теоретическое и практическое значение имеют идеи Маркса об этапах восстания. Хронология, которой пользовался К. Маркс при анализе восстания в Индии, позволяет выделить три качественных этапа в его развитии: подготовка восстания, подъем восстания и его спад [17, стр. 152, 153, 159]. Правильное определение этапов восстания, с одной стороны, помогает руководить развивающимся восстанием, а с другой — предостерегает от продолжения вооруженной борьбы, когда восстание потерпело неудачу и идет на убыль. Продолжение партизанской борьбы при отсутствии поддержки со стороны населения, подчеркивал Ф. Энгельс, привело бы к превращению партизан в бандитов [25, стр. 537]. При анализе хода восстания классики марксизма первостепенное внимание обращали на жизненность восстания, о чем свидетельствовала его способность к распространению [там же].

Внимание К. Маркса и Ф. Энгельса привлекала военная организация повстанцев Индии. Недостатком ее было значительное количество иррегулярных отрядов, состоявших из плохо вооруженных и подчас случайных людей [9, стр. 320; 22 стр. 396]. Сильной стороной регулярного ядра — сипаев была их высокая боеспособность, моральный дух, знание тактики на уровне взвода, роты [9, стр. 320; 25, стр. 535], некоторые познания в артиллерии и фортификации. Однако сипаи усвоили лишь «механическую сторону европейской тактики» [24, стр. 478]. Подчеркивая, что опыт войны научил повстанцев искусству организации, К. Маркс и Ф. Энгельс обращали внимание на то, что успешному ведению борьбы против англичан мешали отсутствие единого плана и командования восстанием, плохое вооружение, недостаточная внутренняя устойчивость, общая тактическая слабость по сравнению с врагом. Главный недостаток они видели в фактическом отказе от наступательных действий. Переход повстанцев в начале войны к наступлению по единому плану помог бы использовать колебания и промахи англичан, ибо отступление английской армии после продолжительной осады

или просто нахождение ее в обороне «рассматривалось бы как безусловное поражение и дало бы сигнал к всеобщему восстанию» [7, стр. 272].

К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали использование сипаями методов маневренной войны и действий на коммуникациях противника, видя в них «известное представление о правилах стратегии» [9, стр. 317]. Ф. Энгельс критически относился к ведению повстанцами полевых сражений и попыткам осады городов, особенно без достаточного вооружения [21, стр. 385—386, 388—389]. «Сила национального восстания, — писал он, — заключается не в решающих сражениях, а в партизанской войне, в обороне городов и в нарушении коммуникаций противника» [там же, стр. 389]. Активную партизанскую войну он считал возможностью для подготовки к новому этапу борьбы [26, стр. 590—591]. Партизанским действиям повстанцев, как указывал Ф. Энгельс, способствовали следующие факторы: накопленный боевой опыт и искусство организации, высокая подвижность повстанческих отрядов, не нуждающихся в центральной операционной базе, отсутствие поражений решающего характера, что позволило им сохранить бодрость духа [25, стр. 533—535, 537].

Опыт военной организации пролетариата и национально-освободительное движение

Огромное значение для понимания роли и места вооруженной борьбы в национально-освободительных революциях, а также закономерностей, присущих национально-освободительным войнам как войнам революционным, имеют многие положения К. Маркса и Ф. Энгельса о военной организации пролетариата, высказанные в связи с революциями и национальными войнами в Европе и Северной Америке.

В самом начале своей революционной деятельности классики марксизма сформулировали требование о всеобщем вооружении народа [15, стр. 1] для борьбы трудящихся в буржуазной и социалистической революциях. К. Маркс противопоставлял постоянному войску феодалов или буржуазии народную армию, состоящую из широкой коалиции прогрессивных классовых сил, выступающих за революционное переустройство общественной жизни. На основании опыта революции 1848—1849 гг. в Германии К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу о необходимости централизованного руководства военными действиями в ходе восстания, о борьбе со стихийностью, самотеком, трусостью и нерешительностью, которые способны «отнять у движения всякую энергию, обессилить и погубить его» [18, стр. 106]. Состав этой армии зависел, безусловно, от характера революции и ее движущих сил.

Восставшие могут добиться успеха лишь при знании и соблюдении ими правил вооруженной борьбы. «Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении... Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца... Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания... Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению раньше, чем он смог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: *de l'audace, de l'audace, encore de l'audace*» [там же, стр. 100—101].

Опыт пролетарских революций, в первую очередь Парижской коммуны 1871 г., привел К. Маркса к выводу о необходимости слома буржуазной бюрократическо-военной машины как важнейшего фактора успеха революции [14, стр. 172]. В работе «Гражданская война во Франции» К. Маркс подчеркивал важность замены буржуазной армии вооруженными рабочими, обученными военному искусству в ходе самой революционной войны [12, стр. 331].

Классики марксизма разработали положения о революционной ситуации, о закономерностях революции, о вреде «экспорта революции», о необходимости борьбы с экспортом контрреволюции.

К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли пристальное внимание развитию военного искусства в революционных войнах. Они высоко оценили план июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г. (основной его замысел состоял в концентрическом наступлении на буржуазный центр города с опорой на рабочие районы) [415, стр. 100]. На протяжении всего существования Парижской коммуны все помыслы Маркса, Энгельса и других руководителей и членов I Интернационала были направлены на помощь коммунарам. Через своих корреспондентов Маркс добивался более энергичных действий против контрреволюции в Версале и самом Париже, рекомендовал усилить оборону фортов, перед которыми стояли прусские войска [474, стр. 194—195]. В своих статьях, корреспонденциях и письмах К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание развитию тактики вооруженной борьбы пролетариата, в том числе тактики баррикадных и уличных боев.

К. Маркс и Ф. Энгельс неустанно боролись за то, чтобы революционеры учитывали объективные законы общественного развития, владели искусством вооруженного восстания. Ф. Энгельс в своем произведении «Бакунисты за работой» разоблачил мошенничество и пустозвонство бакунистов, особенно ярко проявившиеся во время испанского восстания 1873 г. Призывая рабочих к невмешательству в политическую борьбу, а затем к восстанию, проходившему под руководством национальной буржуазии, бакунисты сделали все возможное, чтобы децентрализовать его и оставить без единого руководства. Каждый город и каждая деревня сражались на свой страх и риск. Не было предпринято никаких попыток к объединению восставших городов и районов. Раздробленность и обособленность революционных сил позволили правительству небольшими силами покорить почти без сопротивления один город за другим [32, стр. 459, 467, 470, 474].

Образцом применения наступательной тактики в национально-освободительной войне Маркс и Энгельс считали знаменитый поход Гарибальди, который привел к национальному воссоединению Италии. «Смелое наступление было единственной тактикой, которую допускала революция...» [30, стр. 65].

Из проведенного классиками марксизма анализа национально-освободительных вооруженных восстаний и войн следует, что национально-освободительное восстание или война — справедливый и естественный способ борьбы против колониального гнета. Для достижения успеха в борьбе с сильной и хорошо организованной армией колонизаторов необходимо, чтобы восстание приобрело массовый, общенародный характер и широко использовало методы революционной войны.

Национально-освободительное восстание — сложное явление, развитие которого (и особенно изменения в соотношении сил) зависит от военных, политических, социально-экономических и даже религиозно-этнических факторов. Показателем жизнеспособности восстания является его способность к распространению. Национально-освободительное восстание — это искусство. На его развитие в огромной степени влияют наступательный характер боевых действий и достижение военных успехов повстанцами, поддержание активного наступательного духа даже при временных отступлениях. Ведение боевых действий требует железной дисциплины, единого планирования и единого командования. Стремление искусственно продолжать боевые действия в период спада революционного движения масс может привести лишь к вырождению повстанческого движения и потере связей с трудящимися.

В. И. Ленин о военных проблемах национально-освободительного движения

Развивая учение марксизма в новых исторических условиях, В. И. Ленин внес огромный вклад в разработку теории, стратегии и тактики национально-освободительного движения. В. И. Ленин видел в народах колоний естественных союзников пролетариата в борьбе за освобождение от ига капитала. Империализм был кануном социальной революции пролетариата. Социальная же революция, писал В. И. Ленин, «не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях*» [68, стр. 112]. Отсюда — ленинская идея союза пролетариата и угнетенных народов мира в борьбе против империализма.

Оценивая национально-освободительное движение как союзника и резерв пролетариата, который наносил удар по тылу мирового империализма — его колониальной системе, В. И. Ленин делал вывод, что пролетариату необходимо требовать безусловного и немедленного освобождения колоний. Социалисты должны были «самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих (зависимых. — Л. К.) странах и помогать их восстанию, — а при случае и их революционной войне — *против угнетающих их империалистических держав*» [63, стр. 261].

Оценивая возможные пути развития революции, В. И. Ленин считал, что в зависимости от исторических условий революция может развиваться как мирным, так и немирным путем, причем выбор пути зависит от поведения угнетающего класса, в руках которого находится колоссальная военно-полицейская машина. «Революционный класс, — писал В. И. Ленин, — для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою» [82, стр. 81].

Выдающийся стратег революции, В. И. Ленин разработал военную программу пролетарской революции, учение о военной защите социалистического Отечества, стал основателем советской военной науки. Под его непосредственным руководством были созданы Советские Вооруженные Силы, была достигнута победа над силами иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в гражданской войне 1918—1920 гг.

Большое место в военно-теоретическом наследии В. И. Ленина заняло исследование военных аспектов национально-освобо-

дительного движения, в том числе народов колониальных и зависимых стран Азии и Африки, где, как он предвидел, находится будущее этого движения.

Ленинская критика колониального милитаризма

В. И. Ленин разоблачил ложь буржуазных политиков и вторивших им социал-реформистов из II Интернационала о якобы мирном господстве капитала в колониях. Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, он показал, что в эпоху империализма это господство приобретает еще более жестокий характер, усугубляясь отчаянной борьбой за передел колоний. «Те расправы, которые... нужны бывают для „мирного“ господства над колониями, едва ли могут быть названы мирными» [73, стр. 80]. Природа колониализма такова, что кроме прямой государственной, юридической, финансовой и экономической зависимости колониальная зависимость предполагает «целый ряд войн, которые за войны не считались, потому что часто сводились к бойне» [83, стр. 216]. Цель этих войн — поддержание системы насилия и внеэкономического принуждения, которые служат для эксплуатации коренного населения колоний и получения максимума сверхприбылей.

На примере подавления империалистами восстания ихэтуаней в Китае В. И. Ленин разоблачил подлые методы ведения ими колониальных войн: начало боевых действий без объявления войны, расправы над безоружным населением. В «Тетрадах по империализму», делая выписки о восстании племени гереро в Юго-Западной Африке (1904—1905 гг.), В. И. Ленин поднял вопрос об «итогах колониальных войн» и обратил внимание на то, что они носят истребительный характер: «Гереро „большей частью *уничтожены*“ (sic!)» [64, стр. 665].

Случаи совместных боевых действий колонизаторов против повстанцев в колониях подтвердили тот факт, что перед необходимостью подавления трудящихся или угнетенных народов капитал забывает на время свои империалистические противоречия. «1908 г. англичане *вместе* с немцами в колониальной войне!» [там же], — пишет В. И. Ленин на полях заметки о совместных карательных операциях немецких и английских властей при подавлении восстания готтентотов.

На примере итало-турецкой войны 1911—1912 гг. В. И. Ленин показал, что в империалистических войнах, ведущихся за передел колоний, страдающей стороной являются их жители. То обстоятельство, что противником колонизаторов является почти безоружное население, нисколько не удерживает их от применения самых изощренных средств борьбы. Он заклеил эту войну как «типичную колониальную войну „цивилизованного“ государства XX века», которая была «усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избием арабов при помощи

„новейших“ орудий» [61, стр. 113]. Подчеркивая мужественное сопротивление ливийцев, их умение использовать тактические огрехи итальянских адмиралов, В. И. Ленин показал, что, несмотря на огромные потери с обеих сторон, война «будет еще на деле продолжаться» [там же, стр. 114]. Этот вывод подтвердился полностью.

В. И. Ленин предвидел также, какую огромную опасность для народов колоний представляет мировая война. Империалистическая война, писал он, «в тройном смысле есть война рабовладельцев за укрепление рабства. Это есть война, во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более „справедливого“ раздела и дальнейшей более „дружной“ эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих „великих“ державах... в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства» [62, стр. 315—316].

В. И. Ленин подметил некоторые новые черты, присущие системе военно-колониального господства капитала в эпоху империализма.

Это прежде всего усиление карательных органов империалистических государств. Угнетающие нации при империализме полагают «колоссальными богатствами и могучей военной силой» [84, стр. 241]. В борьбе против колониальных народов они применяют «все чудеса техники и военного искусства» [80, стр. 321]. В. И. Ленин обратил внимание на возрастание контрреволюционной и колонизаторской роли молодого и растущего империалистического хищника — Северо-Американских Соединенных Штатов. Наконец, Ленин показал, что империализму присуща тенденция к милитаризации общественной жизни во всех странах. Развивая эту идею, Карл Либкнехт в работе «Милитаризм и антимилитаризм» сформулировал вывод о возникновении особой разновидности милитаризма — «колониального милитаризма» [121, стр. 32]. Тогда же исследователь-марксист Ф. Ротштейн, развивая мысли К. Маркса о колониальной армии как общем центре национального сопротивления иноземному владычеству [6, стр. 241], поставил вопрос о роли армии в национально-освободительной борьбе, о возможности использования малыми народами внешнеполитических противоречий держав для защиты своей независимости [434, стр. 32].

Обращая внимание трудящихся масс и народов колоний на милитаристскую опасность, В. И. Ленин как диалектик видел и другую сторону этого процесса. «Империализм толкает массы к... борьбе, обостряя в громадных размерах классовые противоречия, ухудшая положение масс и в экономическом отношении — тресты, дороговизна — и в политическом: рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа» [63, стр. 252]. Используя колониальные войска в империалистической войне для защиты собственных интересов, империалисты вырывали

жителей колоний «из отсталых стран, из заброшенности» и «учили уменью владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение», — писал В. И. Ленин [83, стр. 233—234].

Идеи В. И. Ленина о международном характере империализма, о классовой сущности и формах милитаризма, о роли буржуазной военщины имеют исключительно важное значение для разоблачения новейших форм контрреволюционной деятельности империалистических держав, для понимания процесса формирования современных глобальных доктрин подавления революционного, в том числе национально-освободительного, движения. Оценка В. И. Лениным карательной политики империализма служит основой для разоблачения военных преступлений империалистической военщины.

В. И. Ленин о национально-освободительных войнах

Исследуя борьбу народов колоний за национальную независимость, В. И. Ленин обосновал возможность и практическую неизбежность национально-освободительных восстаний и войн в эпоху империализма, выяснил их сущность и характер. Этим он опроверг правых оппортунистов типа Ван Коля и Биссолати, оправдывавших колониальные войны, и «левых» теоретиков, утверждавших, что в эпоху империализма национальных войн уже не может быть [434, стр. 39—52].

В. И. Ленин показал, что «не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний» [65, стр. 6]. «История XX века, этого века „разнужданного империализма“, — писал он, — полна колониальных войн. Но то, что мы, европейцы, империалистские угнетатели большинства народов мира, со свойственным нам гнусным европейским шовинизмом, называем „колониальными войнами“, это часто национальные войны или национальные восстания этих угнетенных народов» [69, стр. 132].

Социально-экономической причиной этих войн В. И. Ленин считал ускорение развития капитализма в отсталых странах, что расширяло и обостряло борьбу против национального угнетения [там же]. Их политические причины он видел в кровавой колониальной политике империализма. В статье «Китайская война», помещенной в первом номере «Искры», он указывал, что эта политика сама по себе повод для колониальных войн, ибо она есть не что иное, как политика грабежа, лицемерно прикрываемая «распространением христианства», а на деле доводящая население «до отчаянных восстаний и до голодной смерти» [34, стр. 379—380].

Социальным содержанием национально-освободительного восстания является «борьба угнетенной нации против угнетающей за свое освобождение» [66, стр. 30]. Эта борьба носит де-

мократический характер, так как решает общенациональные задачи свержения чужденационального гнета. Всякая война ставит прямое и непосредственное насилие на место права, но в истории были и будут войны, которые временно, заменяя всякое «право» и всякую демократию насилем, служат по своему социальному содержанию, по своим последствиям делу демократии и, следовательно, социализма [67, стр. 69].

Политическое содержание войны вытекает из политики, которая предшествует войне и ведет к ней. Всякий восставший народ, указывая Ленин, защищает себя в национально-освободительной борьбе от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество. «Всякий национальный гнет вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание» [68, стр. 113]. Следовательно, раз имеет место борьба за демократию, возможна и война из-за демократии. Продолжением национально-освободительной политики колоний, т. е. политики, выражающей массовое движение против национального гнета, «*неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против империализма*» [65, стр. 7] ².

Исходя из сущности и содержания национально-освободительных войн, В. И. Ленин считал эти войны прогрессивными и справедливыми, революционными [65, стр. 9; 69, стр. 134]. Отношение пролетариата к этим войнам вытекало как из гуманистического содержания социализма, так и из конкретных условий и задач его борьбы. «Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения» [71, стр. 262].

Если задача пролетариата угнетающих наций — поддержка национально-освободительных войн против «своей» буржуазии, то обязанность социалистов угнетенных наций — участие в борьбе «за полное национальное освобождение, за полную независимость... во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны» [68, стр. 84]. В. И. Ленин считал социал-шовинизмом отказ социалистов угнетающей нации поддержать национально-освободительную войну угнетенных наций, от кого бы — от правых или от левых — это ни исходило.

В. И. Ленин подчеркивал необходимость конкретной оценки восстания с точки зрения его политического содержания. Он не считал любое вооруженное выступление в колониях или зави-

² Вывод В. И. Ленина о неизбежности национально-освободительных войн против империализма был сделан в условиях, когда не было еще мировой системы социализма и не появилась возможность достичь национальной независимости мирным путем. Но этот вывод сохраняет ценность и в настоящее время, так как утверждает законность этих войн как одной из форм освобождения колоний.

симых странах национальным восстанием. Он предупреждал против поддержки комедийной игры в республику в каком-нибудь княжестве Монако или «республиканских» авантюр «генералов» в мелких государствах Южной Америки, т. е. тех событий, которые не могли рассматриваться как национальное восстание или другая серьезная, общенародная борьба против национального гнета [там же, стр. 114].

Обобщая опыт национально-освободительных войн в колониях и в зависимых странах, В. И. Ленин выдвинул ряд принципиальных положений, связанных с организацией, ведением вооруженной борьбы народов колоний и условиями ее победы.

Прежде всего В. И. Ленин четко установил соотношение понятий «путч» и «национальное восстание», «национально-освободительная война». Он выступил против попыток изобразить национальное восстание в виде путча. «О „путче“, в научном смысле слова, говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала» [66, стр. 53]. Характерными признаками национального восстания он считал: а) вовлечение в бой с колонизаторами значительной части населения (даже, если это и не все население, а его часть); б) одновременная массовая агитация, предшествовавшая восстанию; в) сочетание восстания с другими массовыми формами борьбы (демонстрации и т. д.). Он подчеркивал, что если в политическом отношении существует принципиальная разница между путчем и восстанием, то между восстанием и национальной войной «никакой серьезной разницы... в политическом отношении нет. Военные историки войн вполне правы, когда восстания тоже относят к войнам» [68, стр. 115].

И восстания и войны лишь разные формы вооруженной борьбы. Восстание может непосредственно привести к победе над колонизаторами или перерасти в национально-освободительную войну. Война отличается от восстания длительностью, разнообразием форм борьбы и т. д.

Ленинская классификация форм вооруженной борьбы подсказывает, какие формы борьбы могут и должны быть использованы национально-освободительным движением, выявляет теоретическую необоснованность тех методов классификации, согласно которым буржуазные историки и «левые» теоретики относят к революционным войнам заговоры, мятежи и т. п. [693, стр. 8].

В. И. Ленин дал определение политической стратегии национально-освободительной войны. Национальное восстание, писал он, это «восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство» [68, стр. 115]. Исходя из общности целей всех классов и общедемократического характера борьбы за создание национального государства, В. И. Ленин считал, что политической стратегией

национального восстания может быть «„действие“ национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации» [там же, стр. 114].

В. И. Ленин указал на следующие условия победы национально-освободительных войн в колониях:

1) «соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран» [65, стр. 9] при нехватке сил у колонизаторов для одновременного подавления восстаний;

2) «*особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения» [там же]: вмешательство империалистических держав парализовано, например, войной, противоречиями между ними. Угнетенные народы непременно воспользуются также кризисом в метрополиях, будь это истощение «великих» держав в империалистической войне или начало революции в этих странах [там же, стр. 8];

3) «*одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии» [там же, стр. 9]. Этот вариант, указывал Ленин, был бы наиболее желательным и выгодным для победы пролетариата.

Неравномерность вызревания объективных и субъективных условий для освободительного движения при империализме не позволяла, чтобы «различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений» [66, стр. 56]. Однако, указывал Ленин, не следует впадать в пессимизм. Разновременность, разнородность, разноместность восстаний являлись свидетельством широты и глубины общего революционного процесса. «Только в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск» [там же].

В. И. Ленину принадлежит мысль о том, что образование социалистического государства или группы государств создаст благоприятные условия для освобождения угнетенных народов. Еще в 1916 г. В. И. Ленин предвидел, что «при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные» [65, стр. 8]. Выступая 22 ноября 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, Ленин сказал: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе

такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма» [80, стр. 321].

В. И. Ленин о вооруженном восстании

Положения марксистско-ленинского учения о вооруженном восстании очень важны для исследования вооруженных форм национально-освободительной борьбы колониальных народов. Они отражают закономерности, присущие и гражданским и национально-освободительным войнам, которые являются видами справедливых войн.

Опираясь на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин разъяснил, что понимает марксизм под вооруженным восстанием, показал его место в процессе революции и связь с другими формами борьбы.

Прежде всего В. И. Ленин четко и ясно определил, в чем состоит разница между революцией и революционным восстанием. Задолго до Октябрьской революции этот вопрос был запутан и извращен меньшевиками. «Не может быть назначена народная революция, — писал Ленин, — это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая» [40, стр. 259].

Исходя из того что вооруженное восстание — закономерный результат развивающейся классовой борьбы, которая лишь при известных условиях «выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны» [57, стр. 454], В. И. Ленин видел в вооруженном восстании особый вид движения масс, особый вид классовой борьбы пролетариата, высший способ политической борьбы, переход к которому возможен лишь при условии широкого развития всех сторон рабочего движения. Поэтому восстание нельзя ни подготовить, ни «назначить» при отсутствии таких важных факторов, как массовое революционное движение, нарастание революционной ситуации, готовность масс идти на восстание и т. д. Восстание невозможно, пока социальное развитие не создало еще условий для массового движения. Тогда же, когда в стране начинается революционный подъем, в движение включаются широкие массы трудящихся и вооруженная схватка с правящим классом неизбежна, задача партии пролетариата состоит в том, чтобы работать «над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» [37, стр. 386].

В. И. Ленин резко выступал против попыток подменить непосредственно революционную вооруженную борьбу масс «бессмысленной тактикой анархизма, „делающего” революцию» [58, стр. 49]. Правильное применение насилия рабочим классом он видел в обращении «от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы» [там же, стр. 49—50]. Такая постановка вопроса коренным образом отличает марксистов от путчистов, звавших в любой период к восстанию, независимо от зрелости объективных условий и готовности масс, и от оппортунистов, которые отстаивали стихийность общественного развития, не считали необходимым готовить восстание, даже когда оно назрело.

В современных условиях особенно злободневна резкая критика Лениным авантюризма по отношению к восстанию. Указывая, что восстание вырастает из стихийного революционного подъема масс, он одновременно подчеркивал необходимость сознательной политической и военно-технической его подготовки со стороны партии революционного авангарда. В работах В. И. Ленина раскрывается картина постепенного роста революционной сознательности масс, перехода этих масс от стихийных к сознательным выступлениям, подчеркивается важность всех без исключения форм борьбы в подготовке вооруженного восстания. При определении характера этой подготовки нужно иметь в виду неотделимость политической стороны восстания от боевой [56, стр. 289].

Политическая подготовка восстания — это подготовка к восстанию партии рабочего класса: расширение ее состава, всестороннее укрепление связей партии с массами, прежде всего за счет расширения состава примыкающих к партии организаций. «Только такая партия, — писал Ленин, — ведя революционную агитацию, используя все средства легальной пропаганды... в состоянии будет удерживать от растраты сил в безнадежных мелких восстаниях и готовить армию пролетариата к великому победоносному восстанию» [60, стр. 3]. Задачи партии состоят в том, чтобы, с одной стороны, путем пропаганды и агитации разъяснить пролетариату политическое значение и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания, а с другой — создать осведомляющий и руководящий аппарат восстания [41, стр. 112; 43, стр. 121].

Серьезнейшей задачей партии в области военной подготовки восстания В. И. Ленин считал создание вооруженных сил пролетарской революции, или «революционной армии». Стихийно действующая толпа, хотя и вооруженная, не может противостоять регулярным войскам, полиции и жандармерии, а тем более победить. Для этого нужна материальная, т. е. военная, сила [51, стр. 367]. «Ясно для всех (кроме разве совсем опьяненных фразой), — писал В. И. Ленин, — что идти на серьезное повстан-

ческое или военное столкновение *заведомо* без сил, *заведомо* без армии есть авантюра» [79, стр. 349].

Назначение революционной армии состоит в том, чтобы провозгласить восстание, вести вооруженную борьбу с силами правящего класса, создать опорные пункты этой борьбы, дать массам военное руководство, сломить и победить военные силы врагов революции, обеспечить охрану завоеваний революции от контрреволюционных сил и, наконец, стать основой новой военной организации победившего пролетариата [436, стр. 76—79]. Революционная армия нужна и тогда, когда развитие революции пойдет по мирному пути. Сама возможность мирного развития зависит от наличия революционной армии, способной противостоять силам контрреволюции.

Создание революционной армии происходит в процессе развития революции: «Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии, — таковы этапы развития народного восстания» [46, стр. 337]. По мысли Ленина, основными компонентами революционной армии являются вооруженный пролетариат и крестьянство, организованные передовые отряды из представителей этих классов (боевые рабочие дружины в 1905 г., рабочая и сельская Красная гвардия в 1917 г.), а также готовые перейти на сторону народа части войска [51, стр. 365].

Необходимой стороной подготовки масс к восстанию было вооружение пролетариата и его союзников. Оно проводилось как путем централизованной закупки вооружения и распределения его среди боевых отрядов, так и посредством добывания его на местах всеми возможными способами. Очень важной задачей была организация и обучение военному делу боевых дружин, а в 1917 г. — Красной гвардии.

В. И. Ленин лично вникал не только в общие, но и в самые конкретные вопросы боевой работы партии. Так, в ходе революции 1905 г. в статьях «Задачи отрядов революционной армии», «От обороны к нападению» и других работах он определил примерную численность боевых отрядов и дружин, выдвинул ряд организационных принципов их создания. Это производственно-территориальный принцип комплектования, выборность командиров, совместные боевые действия, боевой союз с представителями революционно-демократических партий (без организационного слияния с ними), объединенные выступления рабочих и крестьян [47, стр. 140; 48, стр. 269—270; 50].

Боевая подготовка этих отрядов имела теоретическую и практическую стороны. В. И. Ленин считал, что дружинник, красногвардеец должен быть сознательным и грамотным в военном отношении бойцом революции. Изучение военного дела должно было сочетаться с добычей оружия и разведывательными мероприятиями. Что же касается военных действий, то в период начала восстания они должны были иметь целью «накопление опы-

та путем практических попыток отдельных вооруженных выступлений» [42, стр. 115]. Эти выступления были очень важны, ибо, как говорил В. И. Ленин, «без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию» [50, стр. 341]. Большое значение имело также воспитание высокого боевого духа. Победа восстания может быть достигнута лишь в том случае, когда рабочий класс решится идти до конца в своих революционных действиях. «Презрение к смерти, — писал Ленин, — должно распространиться в массах и обеспечить победу» [54, стр. 376].

В. И. Ленин впервые теоретически разработал вопрос о завоевании правительственной армии для революции. «Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным. Оно распадается с громадной быстротой... Мы ускорим это распадение... Армия сознательного пролетариата сольется тогда с красными отрядами российского войска» [52, стр. 58]. Переход частей регулярной армии на сторону восставших расширял социальную базу восстания, лишал правительство его военной опоры, предоставлял рабочему классу не только массового, но и обладающего военным опытом и оружием союзника [94, стр. 117].

Нельзя представлять переход войска на сторону революции в виде «какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания, с другой» [54, стр. 372]. Нисколько не преуменьшая роли пропаганды и агитации в войсках, В. И. Ленин показал, что в период революционного кризиса события приводят «к настоящей *борьбе за войско*» [там же]. Если в период подготовки революции основным путем является «идейная „обработка“ войска» [там же, стр. 373], то в процессе революции военная работа внутри армии должна сочетаться с воздействием на нее в ходе революционных схваток вплоть до «физической борьбы за войско» [там же]. Под последней понимается непосредственная борьба за привлечение каждой части на сторону восставших, парализация контрреволюционной агитации, «беспощадное истребление... военных начальников» [там же], выступающих против революции. Одним из важнейших средств давления на войско В. И. Ленин считал вооружение пролетариата, воздействие его военных успехов, рост непосредственного движения масс.

Переход на сторону народа солдат и матросов старой армии явился одним из решающих условий победы как буржуазно-демократической, так и социалистической революции 1917 г. в России. В сложившихся условиях речь шла уже не о борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой.

Не менее тщательно, чем к вопросам подготовки восстания, В. И. Ленин подходил к выбору момента восстания. Он подчеркивал, что для восстания нужно, чтобы созрели объективные и субъективные условия, а революционная ситуация достигла общенационального политического кризиса. Восстание «без известных массовых предпосылок... есть авантюра» [79, стр. 348].

Идеи Ленина нашли практическое воплощение в определении момента Октябрьского вооруженного восстания. Как известно, курс на восстание без призыва к прямым действиям был взят VI съездом партии летом 1917 г., когда деятельность контрреволюционной буржуазии прервала мирное развитие революции. В сентябре вопрос о восстании приобрел непосредственное практическое значение, и все силы партии были брошены на его военно-техническую подготовку [94, стр. 294]. Что же касается срока восстания в узком смысле слова, т. е. дня и часа его начала, то момент «созревания плода», «момент наибольшего правительственного отчаяния... момент наибольшего народного возбуждения» [39, стр. 134], был определен большевиками благодаря тем теснейшим связям с массами, которыми они обладали.

Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин внес огромный вклад в развитие искусства вооруженного восстания. Он подчеркивал, что относиться к восстанию следует как к искусству. По мысли Ленина, это значило держать в руках партии политическое и военное руководство восстанием, входить во все детали военной организации и проведения восстания, полностью использовать достижения военной техники в интересах восставших.

Ленин определил условия успеха вооруженного восстания. «Восстание, — писал он, — чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых полынчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих» [76, стр. 242—243].

В статьях «Советы постороннего», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Марксизм и восстание» В. И. Ленин предельно лаконично сформулировал и развил главные правила восстания, высказанные в свое время основоположниками марксизма. Во главу угла революционной стратегии и тактики им был положен принцип нанесения решительного удара по противнику в решающем месте. Революция в марксистском понимании этого слова, указывал Ленин, должна носить решительный, а не декларативный характер. В революционное время «недостаточно выявить „волю большинства“, — нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*» [74, стр. 40].

Эта идея легла в основу плана Октябрьского вооруженного восстания. Разрабатывая его, В. И. Ленин выделил главные районы восстания, победа в которых обеспечила бы победу во всей стране. Это были Петроград и Москва, главные политико-экономические и культурные центры страны, центры сосредоточения

промышленного пролетариата и наиболее революционных частей армии и флота. В то же время именно здесь были и главные политические центры контрреволюции [94, стр. 294]. Он гениально определил стратегический эпицентр восстания: «Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание» [78, стр. 390]. Исключительно важное значение для успеха восстания имели указания В. И. Ленина о наступлении на Петроград как извне, так и изнутри, о необходимости создания гигантского перевеса сил революции против верных Временному правительству воинских частей [77, стр. 383].

Стратегический план восстания в Петрограде предусматривал такое распределение сил, при котором наносились удары по самым важным участкам (телефону, телеграфу, железнодорожным станциям), захватывались мосты, арестовывались правительство и генеральный штаб. Рабочая молодежь, лучшие матросы были организованы в специальные отряды и использовались на самых ответственных участках. Военное руководство восстанием осуществлял боевой партийный центр, в задачи которого входили мобилизация сил, военно-техническая подготовка и объединение в оперативном отношении Красной гвардии, солдат и матросов [94, стр. 305].

Для того чтобы восстание в столице переросло в общенациональное, необходимо централизованное руководство восстанием; расширение охваченной им территории, особенно за счет наиболее индустриальных районов; разоружение правительственных войск; заинтересованность в восстании всех слоев населения и т. д. [44, стр. 139—140]. В. И. Ленин подчеркивал необходимость объединения и сплочения отдельных восстаний, недопустимость стихийно-медленного распространения восстания [45, стр. 311—312]. Другая опасность, грозящая восстанию, — это задержка его на уровне партизанской войны, когда руководство восстанием не поспевает за ходом стихийно развивающихся событий, преобладают действия оборонительного, а не наступательного характера [54, стр. 372—375].

Учение В. И. Ленина о вооруженном восстании пролетариата имеет огромное значение для современных национально-освободительных революций, особенно сейчас, когда борьба за национальное освобождение все более переплетается с борьбой против феодальной и капиталистической эксплуатации, когда неуклонно растет политическая роль молодого рабочего класса.

В. И. Ленин о партизанской войне

Буржуазные историки и социологи пытаются подменить марксистско-ленинское понимание партизанской войны леворадикальными взглядами, подвергая при этом нападкам ленинский тезис о партийном руководстве массами [552, стр. 8; 779, стр. 2,

16]. Ряд буржуазных авторов, солидаризируясь с левацкими «теоретиками», пытаются выдать партизанские войны за «последнее слово» марксизма в национально-освободительном движении³.

Партизанская война является распространенной формой борьбы масс на определенных этапах революции. Однако правильно оценить ее роль в революции можно лишь в связи с вооруженным восстанием. «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне» [55, стр. 7].

Анализируя опыт русской революции 1905 г., В. И. Ленин не отрицал больших возможностей партизанской борьбы. «Партизанская война, непрерывные стачки, истомление врага нападениями с уличной борьбой то в том, то в другом конце страны, — и эта форма борьбы дала и дает самые серьезные результаты. Никакое государство не выдержит *à la longue* этой упорной борьбы, останавливающей промышленную жизнь, вносящей полную деморализацию в бюрократию и армию, сеющей недовольство положением вещей во всех кругах народа» [49, стр. 317]. В то же время партизанская борьба не может стать преимущественной, а тем более исключительной формой социальной борьбы.

В. И. Ленин выступил против тех, кто утверждал, что партизанская война способна дезорганизовать и деморализовать революционное движение. Дезорганизацию и деморализацию вносит отсутствие партийного руководства. Руководящая роль партии в организации и проведении вооруженной борьбы распространяется на все ее формы. «В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*» [55, стр. 8]. Партия стремится использовать партизанскую войну как одно из средств, которое должно быть «соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма» [там же, стр. 9].

Интересны высказывания В. И. Ленина о терроре как форме вооруженной борьбы в революции.

В исторической действительности России Ленин различал два вида террора: «устрашающий» террор народников и «эксциративный», или возбуждающий, террор эсеров. Ленин вскрыл несостоятельность тактики политического заговора и индивидуального террора. Проповедь террора как средства революционного возбуждения масс, указывал В. И. Ленин, является преклоне-

³ Многие буржуазные авторы (Ч. Джонсон, И. Гайтанидес, М. Тейбер и др.) намеренно пытаются свести все формы борьбы в революционно-освободительном процессе к одной единственной форме — вооруженной партизанской борьбе крестьянских масс.

нием перед стихийностью со стороны интеллигентов, не умеющих связать революционную работу с рабочим движением [35, стр. 8]. В статье «С чего начать?» он предостерегал «от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы». В то же время Ленин резко отличал от эсеровского террора «действительно устрашавший» террор народников. Однако и этот террор как тактика борьбы не был в состоянии совладать с централизованным и прекрасно вооруженным врагом [93, стр. 65].

Это не значит, однако, что В. И. Ленин совершенно исключал террор из арсенала средств революционной вооруженной борьбы. «Принципиально, — писал он, — мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях» [35, стр. 7]. Этот террор может быть массовым, но в любом случае он должен организовываться партией и находиться под ее контролем с тем, чтобы подчинять его «интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы» [54, стр. 375].

В. И. Ленин о гражданских войнах

Развивая марксистское учение о восстании, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что в эпоху всенародных стачек восстание может принимать все более высокие и сложные формы гражданской войны. Отсюда — задача приспособить партийную организацию к этим формам восстания, к руководящей роли в гражданской войне. Опыт гражданской войны — организация вооруженных сил Советского государства, организация вооруженного отпора внутренней контрреволюции и иностранной интервенции — имеет очень важное значение для борьбы развивающихся государств против империализма.

Раскрывая сущность и значение гражданской войны, В. И. Ленин показал, что она представляет собой наиболее острую форму классовой борьбы, когда экономические и политические столкновения антагонистических классов перерастают в вооруженную борьбу одного класса против другого [75, стр. 215]. Гражданская война характеризуется исключительным ожесточением и напряжением. Ленин указывал, что гражданские войны отличаются от обыкновенных войн «неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся» в силу невозможности провести грань между числящимися в рядах воюющих и не числящимися [53, стр. 72—73]. Другие особенности гражданской войны заключаются в том, что формы сражений в них гораздо разнообразнее, число и состав сражающихся на обеих сторонах может резко колебаться, по-

пытки заключить мир или хотя бы перемирие переплетаются самым причудливым образом с военными действиями [52, стр. 49].

Победа в гражданской войне, учит В. И. Ленин, достигается только в том случае, если война ведется по-революционному, т. е. наряду с активными военными действиями осуществляются прогрессивные социально-экономические и политические изменения [80, стр. 321; 86, стр. 138—139]. Другими условиями победы являются внутреннее единство и сплоченность масс, крепкий тыл, подъем и напряжение энергии всех трудящихся. Длительную современную войну с сильным и опытным противником, вооруженным по последнему слову техники, нельзя вести партизанскими методами. Нужна регулярная война, нужны военные специалисты, нужны регулярные вооруженные силы [94, стр. 457, 460; 95, стр. 277].

Исключительно важными для развивающихся стран являются разработанные В. И. Лениным принципы военного строительства и принципы строительства вооруженных сил, практическое осуществление которых партией и Советским государством произошло в бурные годы гражданской войны. Создание Красной Армии шло сложным путем. Одним из этапов в ее развитии было преодоление партизанщины, переход от партизанских и полупартизанских действий к регулярным военным действиям. Это не исключало сочетания в ходе гражданской войны регулярных военных действий с действиями крупных партизанских соединений и объединений, вплоть до армий, особенно активно проявивших себя под руководством большевистских комитетов в Сибири, на Алтае, на Дальнем Востоке [95, стр. 347]. Как справедливо отмечает У. Помрой, «в гражданскую войну тактика партизанской войны была широко использована Красной Армией и была одним из главных средств в разгроме поддерживаемых империалистами контрреволюционных армий» [749, стр. 92].

Национально-освободительные войны, как и войны гражданские, представляют собой справедливые, массовые, глубоко народные движения. В то же время марксизм-ленинизм обращает внимание на необходимость учитывать специфические особенности национально-освободительных войн в отличие от войн гражданских. «Крайне вредно, — указывал В. И. Ленин, — растягивать понятие гражданской войны до чрезмерности, ибо это *затушевывает* гвоздь дела: войну наемных рабочих против капиталистов *данного* государства» [88а, стр. 118].

Положения о соотношении различных форм вооруженной борьбы пролетариата и о гражданской войне, ее особенностях приобретают особую ценность для национально-освободительного движения в современных условиях, когда борьба за национальное освобождение перерастает в борьбу против эксплуататорских отношений. По сути дела, в настоящее время можно говорить о том, что содержание национально-освободительных

войн расширилось. Они, как правило, сливаются с гражданскими войнами против внутренней реакции — опоры и агентуры империализма. Национально-освободительная борьба преследует цели как национального, так и социального характера. Национально-революционный характер носят войны народов стран социалистической ориентации при отражении империалистической агрессии.

§ 2. МЕЖДУНАРОДНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ О ВООРУЖЕННЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Коминтерн о вооруженной борьбе в колониях и зависимых странах

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало кризису колониальной системы империализма. Коминтерн — основанный В. И. Лениным международный штаб коммунистического движения — с самого начала своей деятельности занял позицию безоговорочной поддержки народов, ведущих антиимпериалистическую борьбу. Как отмечалось в решениях одного из его первых конгрессов, «Коммунистический Интернационал поддерживает всякое национально-революционное движение против империализма» [96, стр. 319], а в Программе Коминтерна провозглашалось право угнетенных народов колоний и полуколоний «на вооруженную защиту от империализма (т. е. на восстание и революционную войну)» [там же, стр. 42].

В 20-е и 30-е годы по странам Азии, Африки и Латинской Америки прокатилась волна национально-освободительных войн, восстаний и революций. Они развивались под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Это были войны за национальную независимость народов Афганистана и Турции, национально-революционные войны народов Китая, Монголии, антиколониальные восстания в Египте, Индонезии, Марокко, Сирии и т. д. Они представляли собой не одиночные и разрозненные вооруженные выступления угнетенных народов, характерные для монополистической стадии развития капитализма, а мощные выступления, расшатывавшие и подорывавшие колониальную систему в целом.

Анализ революционной борьбы колониальных народов на первом этапе общего кризиса капитализма дал возможность Коминтерну разрабатывать сложные теоретические и практические вопросы вооруженной борьбы народов колоний, полуколоний и зависимых стран. Исполком Коминтерна и его секции в странах Востока оказывали систематическую и разностороннюю помощь революционным силам, руководствуясь прежде всего интересами национально-освободительного движения этих стран.

Анализируя вооруженные формы борьбы против империализ-

ма, Коминтерн исходил из ленинского положения исторически конкретной постановки вопроса о войнах. В мае 1927 г. VIII пленум ИККИ выделил три типа войн, которые порождает империализм: «а) войны империалистических государств между собою, б) войны национально-революционные против империализма, в том числе колониальные... в) войны капиталистической контрреволюции против пролетарской революции и стран строящегося социализма» [там же, стр. 709]. На VI конгрессе Коминтерна указывалось, что война «угнетенных народностей против империализма не только справедлива, но и революционна и в настоящее время является звеном мировой пролетарской революции» [109, стр. 86].

Таким образом, Коминтерн не только выступил с теоретическим обоснованием необходимости борьбы против колониализма, но и указал на ее место в системе войн, порождаемых капитализмом, определил природу единства интересов всех революционных сил в борьбе против империалистического угнетения. Это позволяло коммунистам Востока находить правильное соотношение вооруженных и мирных форм в борьбе против колониализма.

Большое внимание Коминтерн уделял Китаю, где в тот период вооруженная борьба трудящихся приняла широкие масштабы. Коминтерн внес значительный вклад в развитие марксистской мысли, подчеркивая большую, в известном смысле автономную и часто решающую роль военного фактора в общенациональной китайской революции 1925—1927 гг. [97, стр. 265]. Рассматривая способы и формы борьбы против империалистической интервенции, ИККИ исходил из того, что эта интервенция приобретала гибкий, замаскированный характер, что в зависимой стране разжигалась гражданская война путем финансирования и всесторонней поддержки контрреволюционных сил. Эти силы представлял китайский милитаризм, глубокая и точная характеристика которого, разработанная в комиссии по китайскому вопросу VII расширенного пленума ИККИ, являлась также новым словом в марксистско-ленинском учении [там же].

Высоко оценивая деятельность китайских революционеров, Коминтерн в то же время вскрыл ошибки, допущенные китайскими коммунистами (отношение к гоминьдану, к руководству Кантонским восстанием, распыленность партизанских выступлений и т. д.). Международный коммунистический штаб исходил из того, что главным условием успеха китайских коммунистов может быть лишь умелое сочетание крестьянских движений с массовыми выступлениями пролетариата городов. «Руководя стихийными партизанскими крестьянскими выступлениями в отдельных провинциях, — говорилось в одной из резолюций Коминтерна, — партия должна иметь в виду, что эти выступления могут превратиться в исходный пункт для победоносного восстания лишь при условии, если они будут связаны с новым подъемом

революционной волны в пролетарских центрах. Партия и здесь должна видеть свою главную задачу в подготовке общих и координированных выступлений в деревне и *городе*, в *ряде* соседних провинций, и притом выступлений, подготовленных и организованных в *широком* масштабе» [96, стр. 765].

При активной поддержке Коминтерна формировалась Красная армия Китая как регулярная военная сила революции (в разработке ее стратегии и тактики приняли активное участие советские военные специалисты). Важное значение в развитии форм вооруженной борьбы, связанных с участием народных масс, имели указания ИККИ о вспомогательных военных силах — красной гвардии, молодой гвардии, отрядах крестьянской самообороны [434, стр. 323; 110, стр. 265].

Коминтерн помогал молодым коммунистическим партиям правильно определять формы борьбы против колониализма и империализма. Коминтерн был категорически против неподготовленных выступлений, которые дорого обходятся пролетариату и его союзникам и дискредитируют революционные антиимпериалистические формы борьбы. «Необходимо решительно бороться против путчизма в известных слоях рабочего класса, против неподготовленных и неорганизованных выступлений как в городе, так и в деревне, против *игры* с восстанием, — говорилось в резолюции IX пленума ИККИ. — *Игра* с восстанием вместо массового восстания рабочих и крестьян есть верное средство загубить революцию» [96, стр. 765].

Программа Коминтерна учитывала специфические особенности Африки, где были крайне малочисленны наемный рабочий класс и национальная буржуазия, сохранились сильные пережитки первобытнообщинного строя. Определяя перспективы освободительной революции, VI конгресс подчеркнул, что для большинства стран Африки «центральное значение имеет борьба за национальное освобождение. Национальное восстание и его победа могут открыть здесь дорогу развитию к социализму без прохождения стадии капитализма вообще, если будет на деле оказана могущественная помощь странами пролетарской диктатуры» [там же, стр. 30].

Большое место в работе Коминтерна занимала выработка форм и способов борьбы против военно-колониальной машины империализма. Коминтерн указывал на наличие в колониальных и полуколониальных странах двух типов империалистических армий. Они могли быть либо экспедиционными армиями, присланными из метрополии или из других колоний, либо армиями, набранными в данной стране. Следуя ленинским указаниям, Коминтерн постоянно требовал от компартий работать в обоих типах армий. «Для борьбы с империализмом в деле осуществления национально-революционной военной политики абсолютно необходима систематическая агитационная и пропагандистская работа среди колониальных армий» [110, стр. 216].

Нацеливая коммунистов Востока на борьбу за освобождение, Коминтерн в то же время уделял много внимания воспитанию интернационализма у коммунистов капиталистических стран. Программа Коминтерна обязывала «проводить кампанию за отзыв империалистических войск, вести пропаганду среди армий и флота в защиту борющихся за свое освобождение угнетенных стран, мобилизовать массы для бойкота перевозки войск и оружия, организовать в связи с этим стачки и другие формы массового протеста и т. д.» [96, стр. 45].

Коминтерн ориентировал народы колоний и зависимых стран на борьбу против империалистических интервенционистских войн: «Новая фаза империалистической политики характеризуется тем, что капитализм готовится перейти от „малых” войн к большим войнам» [там же, стр. 702]. Под руководством Коминтерна проводились массовые кампании в защиту китайского и эфиопского народов, которые первыми подверглись нападению японских милитаристов и итальянских фашистов.

VII конгресс Коминтерна в преддверии второй мировой войны выдвинул перед коммунистами всего мира следующие задачи: преодолеть недоверие колониальных народов к пролетариату капиталистических стран; активизировать работу по созданию широкого антиимпериалистического фронта [91, стр. 25, 58].

Постановка вопроса об антиимпериалистическом фронте в колониях и полуколониях в условиях надвигавшейся войны приобретала особое значение в связи с тем, что подъем освободительного движения масс происходил одновременно с расширением войн, начатых империалистическими агрессорами. Эта политика открывала возможность сплочения подавляющего большинства угнетенной нации против колонизаторов. Пример создания при активном участии Коминтерна единого антиимпериалистического фронта в Китае в 30-е годы оказал большое воздействие на развитие национально-освободительной борьбы во всей Азии.

Курс Коминтерна, принятый VII конгрессом, явился глубокой подготовкой международного рабочего класса и угнетенных народов к вооруженной схватке с фашизмом и империализмом, к сотрудничеству народов с Советским Союзом в этой исторической битве.

В годы второй мировой войны коммунистические партии всего мира во главе с Коммунистической партией Советского Союза возглавили борьбу против фашистских держав. Опыт революционной борьбы, накопленный компартиями в различных странах, помог организации вооруженного сопротивления захватчикам в Азии и Африке.

Победа прогрессивных сил во главе с Советским Союзом над германским фашизмом и японским милитаризмом вызвала дальнейшее углубление общего кризиса капитализма и положила начало крушению колониальной системы. Впервые в истории борьба угнетенных народов охватила сразу три континен-

та — Африку, Азию и Латинскую Америку. Крупнейшие революционные восстания победили в Китае, Индокитае, Индонезии, Алжире, на Кубе.

Мирный и немирный пути развития современных национально-освободительных революций

Развитие национально-освободительного движения характерно сочетанием как мирных, так и вооруженных форм. Вооруженная борьба против колониализма после второй мировой войны отличалась исключительным многообразием форм, мощной поддержкой со стороны других революционных сил. Можно выделить наиболее типичные ситуации, в которых борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки принимала вооруженный характер:

а) национально-освободительные войны угнетенных народов за ликвидацию колониального гнета и политическую независимость (Малайя, Филиппины, Алжир, Ангола, Мозамбик, Гвинея — Бисау и др.);

б) революционные войны и вооруженные восстания широких народных масс против реакционных режимов, находящихся в политической и экономической зависимости от империализма (Китай, Южный Вьетнам, Ирак, Египет, Йемен, Занзибар и др.);

в) отражение агрессии империалистических держав и их сателлитов, защита независимости и социалистических завоеваний (КНДР, ДРВ, Республика Куба);

г) вооруженные восстания (войны) против расистских режимов особого типа, когда коренное население проживает на одной территории с колонизаторами (ЮАР, Южная Родезия);

д) освобождение молодыми независимыми государствами отдельных территорий и баз, оставшихся в руках империалистов (освобождение Индией Гоа, Диу и Дамана, Индонезией — Западного Ириана, Тунисом — Бизерты);

е) национально-освободительные войны ⁴ молодых независимых государств против империалистической агрессии (Индонезия, Индокитай, Египет, Сирия, Гвинея и др.);

ж) подавление реакционных элементов, стремящихся изнутри свергнуть прогрессивные режимы или расколоть независимые государства в интересах империалистов (Заир, Нигерия);

з) поддержка народов, борющихся с оружием в руках против колонизаторов (действия войск АРЕ в Йемене, армии Индии в Бангладеш).

⁴ Некоторые авторы называют эти войны национально-революционными, подчеркивая тем самым, что в них переплетаются национальные и социальные факторы, так как агрессия империалистических держав угрожает не только независимости молодых государств, но и прогрессивному социальному строю.

Конечно, развитие антиимпериалистической революции и ее вооруженных форм в странах Азии, Африки и Латинской Америки не ограничивается приведенным перечнем. Революционная практика намного богаче и разнообразнее, она постоянно вносит коррективы и обогащается новыми формами борьбы. Роль и место вооруженных форм борьбы против империализма в общем виде были обоснованы в послевоенных документах международного коммунистического движения.

В 1947 г. на Совещании представителей некоторых компартий в Польше секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов указывал, что в обстановке мощного послевоенного подъема национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах «попытки подавления национально-освободительного движения военной силой наталкиваются... на все возрастающее вооруженное сопротивление народов колоний, приводят к затяжным колониальным войнам» [92, стр. 17]. Декларация, принятая на этом Совещании, обязывала коммунистов «возглавить сопротивление планам империалистической экспансии и агрессии по всем линиям — государственной, политической, экономической и идеологической», объединить вокруг себя все прогрессивные силы для защиты мира [там же, стр. 10].

Стратегия коммунистов, направленная на предотвращение новой мировой войны, связывала руки империалистическим агрессорам и создавала благоприятные условия для развития национально-освободительных революций.

Декларация международного Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г., вскрывая империалистический, агрессивный характер войн против народов Индонезия, Индонезии, Кореи, Малайи, Кении, Гватемалы, Египта, Алжира, Омана и Йемена, подчеркивала, что империалисты «хотят в новой форме надеть колониальное ярмо на освободившиеся народы» [104, стр. 7]. В Декларации указывалось, что провал агрессивных планов империализма в Египте свидетельствовал о росте сил мира и возникновении реальной возможности предотвращения войны. В то же время Декларация также призывала народы всех стран к величайшей бдительности, которую они должны сохранять в отношении военной опасности, источником которой является империализм. Дальнейшее развитие национально-освободительной революции ставилось в прямую зависимость от «создания единого антиимпериалистического и антифеодального фронта рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и других патриотических демократических сил» [там же, стр. 16]. Декларация исходила из того, что в колониальных и зависимых странах основная часть национальной буржуазии, недовольная застойным характером экономики и засильем иностранцев, принимала участие в национально-освободительном движении. А это обязывало подлинных революционеров проводить в отношении буржуазии гибкую так-

тику, направлять ее действия против реакции и империализма [451, стр. 121]. Недооценка ее роли, как это было, например, в Малайе, отрицательно сказалась на развитии национально-освободительного движения [152, стр. 38—39].

В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. на основе глубокого анализа положения в странах Азии, Африки и Латинской Америки было определено соотношение между мирными и немирными формами борьбы за национальную независимость. «Народы колониальных стран завоевывают свою независимость как путем вооруженной борьбы, так и невоенным путем, с учетом конкретных задач каждой страны. Прочной победы они добиваются на основе мощного национально-освободительного движения. Колониальные державы не даруют свободы народам колоний и добровольно не покидают эксплуатируемые ими страны» [104, стр. 64]. Совещание призвало «оказывать всемерную моральную и политическую поддержку народам, борющимся за свое освобождение от империалистического и колониального гнета» [там же, стр. 70]. Оно указало на роль военных методов (военные блоки, базы, военодиктаторские режимы, агрессивные военные союзы), при помощи которых империализм стремится сохранить колониальную эксплуатацию [там же, стр. 65]. Борьба против империализма, его военных блоков и баз оценивалась как одно из условий создания государств национальной демократии.

Выводы документов Совещаний 1957 и 1960 гг. послужили прочным фундаментом для разработки программ многих коммунистических и рабочих партий в Азии, Африке и Латинской Америке. В их основу легли положения о том, что успешное проведение странами социализма политики мирного сосуществования создает благоприятные возможности для решения задач антиимпериалистической и антифеодальной революции мирными средствами на базе создания единого национального фронта всех прогрессивных сил, стержнем которого является союз рабочего класса с крестьянством.

Коммунистические партии в то же время не исключали возможности немирного, т. е. вооруженного, развития революции.

Утверждения «левых» о том, что КПСС и другие братские компартии, выдвигая идею мирного сосуществования государств с различным общественным и социальным строем, выступали против вооруженной борьбы угнетенных народов с империализмом, не выдерживают критики. Как подчеркивалось в Отчетном докладе XXIII съезду КПСС, «мирного сосуществования не может быть там, где речь идет о внутренних процессах классовой и национально-освободительной борьбы в капиталистических странах или в колониях. Принцип мирного сосуществования неприменим к отношениям между угнетателями и угнетенными, между колонизаторами и жертвами колониального гнета» [108, т. 1, стр. 44].

Практическим подтверждением марксистско-ленинской позиции КПСС и Советского государства в этом вопросе явилась огромная материальная и моральная поддержка, которую оказал СССР освободительному движению, борьба СССР за международное признание законности национально-освободительных восстаний и войн. По инициативе СССР XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам: «Любые вооруженные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены, с тем чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость...» [225, 16.XII.1960].

Роль и место партизанской войны в современных условиях

В послевоенный период значительное распространение в революционном и национально-освободительном движении получила партизанская война. Это в известной степени отражало опыт второй мировой войны, когда народы, боровшиеся против фашизма, широко применяли методы партизанской борьбы. В Великой Отечественной войне, например, советское партизанское движение по размаху и эффективности превзошло все партизанские движения прошлого [225, 8.V.1971]. В Югославии, Вьетнаме, Китае и других странах развернулись массовые партизанские войны, перераставшие в действия регулярных национально-освободительных армий при помощи или непосредственном влиянии Советской Армии. Однако сводить вооруженную борьбу к этой единственной форме нельзя.

Коммунистические партии ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки накопили большой опыт организации вооруженной борьбы против колонизаторов и внутренней реакции в различных ее формах: партизанской войны, вооруженного восстания, всенародной освободительной войны, самообороны, а также таких второстепенных форм вооруженного насилия, как диверсии, террор и др.

В работах руководителей Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мина, Ле Зуана, Во Нгуен Зиапа проанализирован опыт вооруженной борьбы в ходе Августовского восстания 1945 г., войны Сопrotивления (1946—1954 гг.), отражения агрессии американского империализма и его союзников (1965—1973 гг.).

Заметное место в работах руководителей вьетнамской революции занял показ авангардной роли коммунистической партии в руководстве борьбой масс. Это руководство являлось «самой основной гарантией победы вооруженной борьбы... народа» [118, стр. 104]. Оно обеспечивает союз рабочего класса с

крестьянством, а также деятельность единого национального фронта.

Руководящая роль пролетарской партии и умелая политическая организация масс в свою очередь призваны обеспечить правильное сочетание политической и вооруженной борьбы в соответствии с конкретными условиями. Как отмечает Ле Зуан, «революционное насилие должно опираться на две силы — военную и политическую; оно включает в себя две формы борьбы — военную и политическую в их сочетании... Без участия политических сил и без политической борьбы масс вооруженные силы не могут добиться победы» [120, стр. 223]. Третьей формой борьбы является пропагандистская работа в армии противника [там же, стр. 228].

Обращаясь к формам вооруженной борьбы, вьетнамские коммунисты подчеркивали, что революция невозможна без подготовительной фазы, в ходе которой ведется политическая пропаганда среди населения, готовятся руководители и разветвленная сеть легальных и подпольных организаций сопротивления [118, стр. 17—18]. Этап собственно партизанской борьбы начинается с создания боевых партизанских групп и отрядов, поддерживаемых местным населением, и организации повстанческих баз. Затем развернувшаяся партизанская война перерастает в войну регулярную, маневренную, с применением атак на военные укрепления [там же, стр. 50]. Создаются регулярные вооруженные силы, состоящие из главного ядра (дивизии, полки) и местных войск (батальоны, роты). С ними взаимодействуют полувооруженные силы — партизанские отряды и народное ополчение, выполняющие вспомогательные задачи [там же, стр. 95].

Большой опыт ведения национально-освободительной войны накопила кубинская революция. Ее успех стал возможен благодаря сочетанию вооруженной борьбы в сельской местности с массовыми политическими выступлениями в городах (особенно на заключительном этапе войны), парализовавшими репрессивную деятельность правительства Батисты. Отмечая важность партизанской борьбы на первом этапе кубинской революции, один из ее руководителей, Э. Че Гевара, подчеркивал, что «партизанская война является лишь этапом обычной войны и поэтому одной партизанской борьбой нельзя добиться конечной победы» [404, стр. 17]. Только превращение партизанских отрядов в подразделения регулярного типа и нанесение сокрушительных ударов по правительственным войскам способны обеспечить конечный успех выступления повстанцев. К числу важных теоретических проблем, решенных кубинской революцией, следует отнести также вопрос о народном характере повстанческой войны и об организации политической работы среди различных слоев населения страны. Критикуя анархистские методы ведения борьбы, Э. Гевара писал: «Гораздо полезнее проводить работу среди населения, распространяя ре-

волюционные идеи, повышая политическое сознание людей, с тем чтобы в определенный момент они, опираясь на вооруженные силы, смогли подняться на борьбу и решить исход революции» [там же, стр. 90]. Целеустремленная политическая работа создает предпосылки для создания тесной, неразрывной связи между народом и повстанческой армией: «Армия, органически связанная с народом, состоящая из крестьян и рабочих, хорошо обученная и психологически подготовленная к любым неожиданностям, непобедима» [там же, стр. 135].

Коммунистическая партия Колумбии накопила определенный опыт борьбы, являющейся ответной мерой на превентивную войну реакционных, антинародных режимов против крестьянского движения. Она велась в рамках единого антиимпериалистического фронта на основе тактики самозащиты, или самообороны. Этот вид партизанских боевых действий направлен на пресечение насильственных актов со стороны правящих кругов. Наряду с выполнением функций по охране жизни и имущества трудящихся эта форма борьбы способствует достижению экономических и политических требований [485, стр. 56]. Вооруженная борьба в ряде других стран Латинской Америки носила форму партизанских выступлений в сельской местности и городе. В настоящее время при отсутствии революционной ситуации большинство латиноамериканских компартий не рассматривают партизанские выступления как главную форму борьбы [227, 1967, № 9, стр. 90—91; 1966, № 9, стр. 53; 220, 1968, № 4, стр. 89].

В развитие теории и практики вооруженной борьбы за национальное освобождение внесли свой вклад коммунисты Африки. Принципиальное значение для вооруженной борьбы за освобождение Алжира имели выдвинутые алжирской компартией положения о единстве действий европейцев и мусульман, о вовлечении в борьбу широких слоев трудящегося населения в городах. Южноафриканские коммунисты исходят из того, что всеобщему восстанию должна предшествовать сложная и многогранная работа как по организации партизанских отрядов, приобретению ими боевого опыта, так и по мобилизации широких трудящихся масс на решительную борьбу против расстов. Успех вооруженной борьбы южноафриканские коммунисты связывают с созданием единого антиимпериалистического фронта, основой которого является союз Южно-Африканской коммунистической партии и Африканского национального конгресса, объединяющих основные демократические силы ЮАР.

Роль пролетарского интернационализма в защите от экспорта контрреволюции

Важную роль в поддержке вооруженной борьбы народов колоний в послевоенный период играли коммунистические партии стран Западной Европы и Северной Америки. Выступая

с позиций интернационализма, коммунисты этих стран разоблачали агрессивную политику правительств Англии, Франции, США, Португалии, Нидерландов⁵.

Общность взглядов коммунистических партий капиталистических стран по проблемам национально-освободительных революций нашла свое выражение, в частности, на Совещании 17 коммунистических партий капиталистической Европы в 1959 г. В «Обращении ко всем трудящимся, ко всем демократам», принятом Совещанием, говорилось: «Только признав право колониальных народов на независимость, можно установить новые и взаимовыгодные отношения между этими народами и бывшими метрополиями» [227, 1960, № 1, стр. 50].

Требование вывести английские войска с территории колоний и прекратить их использование для подавления освободительных движений выдвигалось на конференциях, которые Коммунистическая партия Великобритании провела совместно с компартиями стран Британского содружества в 1947 и 1954 гг. [304, 1970, № 10, стр. 301]. Давая оценку колониальным войнам, Р. Палм Датт на конференции 1954 г. заявил: «Прекращение нынешних колониальных войн — это настоятельная необходимость в борьбе за мир. Эти войны империалистической агрессии против народов, борющихся за свободу, — несправедливые войны. Национально-освободительное движение — это такое движение, в ходе которого народы, сражающиеся за освобождение своих стран, ведут справедливые войны, соответствующие подлинным интересам мира во всем мире» [152, стр. 18—19].

Последовательно поддерживала антиколониальные войны в Индокитае и Алжире Французская коммунистическая партия. В Тезисах, принятых на XV съезде ФКП в 1959 г., подтверждалось, что «окончательное разрешение алжирской проблемы может быть достигнуто лишь путем переговоров, основанных на безоговорочном признании права алжирского народа на независимость, и путем установления на полной добровольности новых, не имеющих ничего общего с колониализмом отношений, отвечающих интересам обоих народов» [105, стр. 408—409].

Марксизм-ленинизм теоретически обосновал неразрывную связь между успехами национально-освободительного движения и укреплении экономического и военно-политического могущества мировой социалистической системы — главной революционной силы, противостоящей империализму. Поддержка странами

⁵ Формы и методы борьбы против колониальных войн во многом определялись особенностями положения компартий в стране, степенью их влияния на трудящиеся массы. Но в их деятельности были и общие черты. Так, все они систематически использовали забастовки, демонстрации в знак протеста против агрессивной политики «своих» правительств, проводили антимилиитаристскую пропаганду среди солдат и молодежи, совместно с другими прогрессивными организациями выступали в авангарде антимилиитаристских кампаний как в своих странах, так и на международной арене [709, стр. 297—350].

социализма освободительной борьбы народов против империализма рассматривается коммунистами как интернациональный долг и вклад в освобождение народов, страдающих под колониальным гнетом. Эти положения закреплены в программных документах коммунистических и рабочих партий социалистических стран и легли в основу их государственной политики. «КПСС считает своим интернациональным долгом, — говорится в Программе КПСС, — помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы» [107, т. 3, стр. 265].

Конкретизируя это положение в докладе на Пленуме ЦК КПСС в 1964 г., М. А. Сулов подчеркнул, что Советский Союз, как и другие социалистические страны, оказывает национально-освободительному движению экономическую и политическую помощь, а в случае необходимости и военную, «делает все возможное, чтобы помешать империалистам развязать локальные войны, экспортировать контрреволюцию вооруженной рукой» [111, стр. 49]. Выступая на международном Совещании 1969 г., Л. И. Брежнев сказал: «В упорной борьбе с миром империализма коллективными усилиями выковывается могучее оружие обороны социалистических государств. Это вместе с тем оружие свободы для тех, кто ведет вооруженную борьбу с империализмом» [99, стр. 51—52].

Развитие марксистско-ленинской теории в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 г. и XXIV съезда КПСС

Творческий вклад в теорию марксизма-ленинизма внесло международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. На основе всестороннего анализа социально-экономических и политических процессов участники Совещания дали глубокую характеристику империализма, его агрессивной природы, определили главные тенденции его политического курса. В Основном документе Совещания раскрыт агрессивный характер природы империализма на современном этапе. Совещание определило основные методы, при помощи которых империалисты стремятся задержать поступательный ход истории, не допустить развития народов по прогрессивному пути. «Вооруженные интервенции, жестокие репрессии — особенно там, где борьба приобретает наиболее острые формы и где революционные силы сражаются с оружием в руках, — контрреволюционные заговоры, реакционные и фашистские перевороты, провокации и шантаж — все пущено в ход империализмом» [там же, стр. 288]. Анализ этих методов империализма позволяет коммунистам и всем прогрессивным силам Азии, Африки и Латинской Америки правильно ориентироваться в международной и внутренней

обстановке, выработать стратегию и тактику в борьбе за ликвидацию остатков колониализма.

Совещание вновь подтвердило, что «политика мирного сосуществования не противоречит праву угнетенных народов использовать в борьбе за свое освобождение тот путь, который они сочтут необходимым — вооруженный или невооруженный,— и ни в коей мере не означает поддержки реакционных режимов» [там же, стр. 317]. Политика мирного сосуществования не сковывает инициативы угнетенных народов, но вместе с тем серьезно ограничивает действия империалистов по развязыванию локальных войн и других форм вооруженной интервенции против освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке.

В Основном документе, в Воззвании в защиту мира, в призыве «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!» сформулированы конкретные задачи и определены главные направления борьбы против колониализма и империализма в странах и регионах наибольшей политической напряженности: во Вьетнаме, в Южной Африке, на Ближнем Востоке, Кубе. Конструктивный подход к решению проблем этих районов заключался в пресечении агрессивных акций посредством объединенных усилий всех миролюбивых сил, создания необходимых условий для развития народов по избранному ими пути. Победа антиимпериалистических сил в конечном счете определяется умелым сочетанием вооруженного отпора агрессивным акциям империализма с проведением в жизнь комплекса мероприятий дипломатического и политического характера. Решение каждой региональной проблемы, как отмечалось на Совещании, возможно лишь в плане общей антиимпериалистической борьбы.

Одним из примеров такого конструктивного подхода к наиболее актуальным проблемам современности является вопрос о ликвидации остатков колониализма и расистских режимов в Африке. Совещание дало исключительно высокую оценку деятельности патриотов этого региона и поддержало выводы компартии ЮАР и революционно-демократических партий о необходимости и правомерности вооруженной борьбы за освобождение последних колоний, о создании в противовес расистско-колониальному блоку единого фронта националистических организаций Южной Африки.

Одной из важных проблем, получивших широкое отражение на Совещании коммунистических и рабочих партий, стал вопрос о вооруженной защите национальной независимости развивающихся государств. Особую враждебность, как отмечалось на Совещании, империализм проявляет в отношении народов, вставших на прогрессивный путь развития. Участники Совещания единодушно высказались за ликвидацию последствий агрессии Израиля на основе резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г.

Решения Совещания коммунистических и рабочих партий нацелили коммунистов всего мира на использование всех без исключения форм борьбы против империализма и колониализма — как мирных, так и немирных.

Состоявшийся в 1971 г. XXIV съезд КПСС отметил, что «война империализма против свободлюбивых народов не прекращается» [98, стр. 16]. Эта война преступна как по своим целям, так и по применяемым методам вооруженного насилия. Съезд поручил ЦК КПСС «и впредь проводить курс на решительное противодействие империалистической политике войны и агрессии, на разоблачение и срыв замыслов, враждебных делу мира и свободы» [там же, стр. 195]. Углубление классовой борьбы, противоречия между империалистами и прогрессивными силами Азии, Африки и Латинской Америки таят в себе мощный заряд революционных выступлений угнетенных народов против национального и социального гнета, которые могут принять и вооруженный характер. «Борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических» [там же, стр. 194]. Агрессия империализма в зоне национального освобождения направлена в первую очередь против стран, вставших на путь некапиталистического развития, взявших курс на строительство в перспективе социалистического общества.

В документах XXIV съезда и выступлениях представителей братских компартий всесторонне обоснован важный теоретический тезис о возрастающей роли интернациональной поддержки, в первую очередь со стороны социалистических стран, народам, борющимся с оружием в руках за свою национальную независимость и социальный прогресс. В резолюции XXIV съезда подчеркивается, что, «как и прежде, на полную поддержку с нашей стороны могут рассчитывать борцы против оставшихся колониальных режимов. Особое значение съезд придает расширению сотрудничества со странами социалистической ориентации» [там же].

В условиях непрекращающейся агрессии империализма важное значение приобретает укрепление обороноспособности молодых развивающихся государств и их вооруженных сил. В своих докладах на международном Совещании 1969 г. и на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев указывал, что СССР и другие социалистические страны оказывают решительную и эффективную военную и экономическую помощь героическому Вьетнаму, арабским государствам, подвергшимся нападению Израиля [там же, стр. 23]. Эта помощь служит укреплению оборонного потенциала молодых стран, материальной основой, без которой нельзя организовать отпор агрессору. Особо следует отметить роль помощи Советского Союза в вооруженной борьбе против колонизаторов. «Нет нужды доказывать, что наша поддержка спра-

ведливой борьбы против колонизаторов даст свои плоды и в будущем, после освобождения этих стран, когда они станут определять пути своего дальнейшего социально-экономического развития» [220, 1971, № 15, стр. 65—66].

Научная конференция «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории», проходившая 29 сентября — 1 октября 1971 г. в Москве, подчеркнула, что опыт революционного движения подтвердил марксистско-ленинский вывод: революция должна уметь защищать себя [там же, стр. 61]. Это положение особенно характерно для периода, когда в стране происходит борьба между силами революции и реакции, т. е. периода, аналогичного периоду углубления национально-демократических революций. Отражение контрреволюционных действий связано с дальнейшим развитием революции, с применением марксистско-ленинского учения о государстве.

Конференция остановилась также на вопросах участия вооруженных сил в прогрессивном развитии. «Форма развития революций, — говорилось в докладе Б. Н. Пономарева, — как свидетельствует весь исторический опыт, во многом зависит от позиции армии» [там же, стр. 62]. Возникновение и усиление революционно-демократических тенденций в армии, в том числе среди офицерства, могут ускорить ход революционного развития. Напротив, когда армия идет за реакционной военщиной, контрреволюция обретает силу, позволяющую ей одерживать верх. В связи с этим исключительно важное значение имеют разработанные в марксистской военной литературе принципы строительства армий освободившихся стран: коренная реорганизация и демократизация молодых армий, решительная чистка их от представителей класса феодалов и крупных капиталистов, политическое воспитание личного состава в духе ненависти к империализму и реакции, в духе защиты национальных интересов и социального прогресса, укрепления связей армии с народом [451, стр. 190—194; 222, 19.V.1968; 31.V.1969].

§ 3. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИМАРКСИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ. ВКЛАД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Проблема вооруженного насилия в национально-освободительном движении за последние годы стала предметом особенно острой идеологической борьбы. Появление, с одной стороны, различного рода оппортунистических концепций, цель которых — лишить национально-освободительное движение революционной перспективы, а с другой — левацких доктрин, абсолютизирующих одну-единственную форму революции — вооруженную борьбу крестьянских масс, настоятельно требует решительной борьбы против искажений марксистско-ленинского учения. Волонтаристские теоретики революционных войн часто назы-

вают себя марксистами, но фактически отходят от марксистско-ленинских позиций при анализе революций. Это в первую очередь пекинские лидеры, пытающиеся оторвать национально-освободительное движение от мирового революционного процесса. Другая группа — левые и ультралевые теоретики, выражающие интересы мелкобуржуазных слоев, такие как Франц Фанон, Режи Дебре и др.

Теория «народной войны» пекинских руководителей

Маоистская теория «народной войны» наиболее последовательно изложена в брошюрах Мао Цзэ-дуна и других авторов, крайне субъективно обобщающих опыт боевых действий Народно-освободительной армии Китая (НОАК), стремящихся доказать, что победа над японскими захватчиками и внутренней реакцией была достигнута главным образом потому, что руководство НОАК и лично Мао Цзэ-дун разработали и проводили в жизнь стратегию и тактику «народной войны».

Суть «народной войны», по их мнению, сводилась к перенесению центра тяжести борьбы в сельские районы, к опоре на крестьянство как на основную силу революции, к широкому использованию тактики партизанской войны с целью изматывания противника, к «окружению города деревней» и достижению тем самым окончательной победы. Переноса эту формулу на всемирные масштабы, пекинские теоретики противопоставляют ленинской идее союза рабочего класса и крестьянства надклассовую теорию окружения «мирового города» «мировой деревней».

Пекинские «теоретики» явно переоценивают революционные возможности крестьянства в освободительных движениях и упускают из виду необходимость сочетать борьбу трудящихся в городе и деревне. «Город, — писал В. И. Ленин, — не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*» [81, стр. 5]. В этой связи следует подчеркнуть, что еще Коминтерн указывал китайским коммунистам на опасность разобщенности революционных выступлений трудящихся масс в городах и сельской местности. Отказ от использования революционности пролетариата, противопоставление его крестьянству в период, когда быстро растет численность и сознательность рабочего класса, передового, самоотверженного борца за национальное освобождение всех народов, означают нанесение удара делу национально-освободительного движения.

Не имеет под собой почвы и попытка маоистов абсолютизировать опыт партизанской войны в Китае, как единственно возможную форму вооруженной борьбы всех революционных движений настоящего и будущего. Несостоятельность взглядов

маоистов по данному вопросу неоднократно вскрывалась коммунистическими и рабочими партиями [439; 444], некоторыми представителями революционных движений в развивающихся странах. Интересно отметить, что Р. Дебре, который также считает вооруженную борьбу единственно правильным методом революционных действий, тем не менее подчеркивает, что тактические принципы партизанской войны, разработанные в Пекине, не могут быть универсальными, что далеко не во всех странах имеются такие благоприятные условия, в каких развивалась освободительная борьба в Китае: обширная территория со слабо развитой сетью коммуникаций, наличие границ с дружественными странами и т. д. [605, стр. 108]. Китайские сторонники партизанской войны не учитывают ни конкретных условий стран, в которых разворачивается антиимпериалистическая вооруженная борьба, ни опыт Вьетнама и других стран, который показал, что в этой борьбе в широких масштабах могут применяться современное оружие и боевая техника. Они даже не упоминают о необходимости умело сочетать партизанскую борьбу с регулярными способами и формами ведения боевых действий в соответствии с конкретной обстановкой.

Добавим, что маоисты скрыли от читателя ряд обстоятельств. Во-первых, НОАК в решающие периоды войны имела возможность опереться на прямую военную поддержку СССР, именно Советская Армия сыграла главную роль в разгроме Квантунской армии и тем создала условия для победы революции в Китае. Во-вторых, заключительный этап действий НОАК против гоминьдановской армии вылился в маневренную войну, которая с обеих сторон велась регулярными армиями, а не партизанами. Наконец, принципиально неверно переносить методы войны против японских захватчиков, которая носила оборонительный характер, на революционную войну, тем более придавать им универсальный характер.

Авторы и последователи теории «народной войны» извращают также роль и значение вооруженной борьбы в современных революционных движениях. В работах маоистских «теоретиков» прямо утверждается, что только вооруженная борьба приводит к освобождению народов. Исходя из идеалистически-волюнтаристской теории насилия, они пытаются утверждать, что война — это решающая движущая сила развития общества, высшая и фактически единственная форма разрешения всех социальных противоречий. Поэтому и национально-освободительную борьбу они пытаются свести преимущественно к военным столкновениям. Извращая вопрос о соотношении войны и революции, «теоретики» из Пекина пытаются одновременно очернить те революционные партии, которые, учитывая внешние и внутренние факторы, отдают на определенном этапе предпочтение невооруженным формам борьбы.

Рассматривая вооруженную борьбу как единственное сред-

ство освобождения угнетенных народов, маоисты «обосновывали» этот свой тезис тем, что в странах «третьего мира» в целом и в Африке в частности сложилась якобы революционная ситуация, которую необходимо использовать⁶ [656, стр. 184]. Этот тезис в свою очередь исходит из упрощенного понимания ими революционного процесса, ложного представления о том, что революции рождаются из «народных войн», а последние якобы возникают всюду и в любой момент, стоит лишь их начать. В. И. Ленин указывал, что «марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы... Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы» [55, стр. 1].

«Наступательная» теория маоистов фактически является проповедью безоглядного авантюризма, она ведет к неизбежному поражению тех групп и партий, которые руководствуются ею в своей практической деятельности.

Р. Дебре и теория «фоко»

Несостоятельна в научном отношении и теория «фоко»⁷, популяризации которой во многом способствовал уже упоминавшийся Р. Дебре. По его мнению, действия революционеров во всех странах Латинской Америки должны — по крайней мере на первом этапе — ограничиться вооруженной борьбой, которая примет форму партизанской войны исключительно в сельской местности. Р. Дебре также отрицает роль рабочего класса, утверждая, что социальная база революционного движения в городе якобы значительно уже, чем в сельских районах [605, стр. 56, 67—68].

Мелкобуржуазная идеология Р. Дебре неизбежно ведет его к преклонению перед стихийностью. Он считает, что политическая работа по организации населения заранее обречена на неудачу, если она не сочетается с вооруженной борьбой. Поэтому партизаны должны уделять основное внимание боевым действиям, ибо они являются наиболее убедительной формой пропаганды революционных идей [там же, стр. 53]. Основной

⁶ В настоящее время особенность тактики маоистов в странах, где вооруженная борьба не имеет перспектив, состоит в ограничении пропаганды воинственных идей.

⁷ Испанское слово «фосо» означает «средоточие», «очаг».

целью партизанских действий, особенно на первом этапе, должно быть уничтожение противника и добывание оружия. Отбрасывая задачи политической организации революционного движения на второй план, Дебре приходит к выводу, что не политическая партия должна организовать партизанское движение, а, наоборот, партизанская армия станет базой, на которой якобы вырастет подлинно революционная партия.

Р. Дебре утверждает, что начинать партизанскую войну необходимо немедленно, если имеется хотя бы небольшая группа революционеров. Объективные условия для победы, в частности поддержка населения, будут созданы в ходе военных действий [там же, стр. 60]. Фактически Р. Дебре «освобождает» революционные выступления масс от обусловленности объективными факторами. Это приводит его к ложным выводам о том, что революция может «вырасти» из вооруженной борьбы группы сознательных патриотов. Несостоятельность подобного взгляда раскрыл в свое время В. И. Ленин, который писал: «Через народ перепрыгнуть нельзя. Только мечтатели, заговорщики думали, что меньшинство может навязать свою волю большинству. Так думал французский революционер Бланки — и был не прав. Когда большинство народа не хочет, потому что еще не понимает, взять власть в свои руки, тогда меньшинство, как бы оно революционно и умно ни было, не может навязать своего желания большинству народа» [72, стр. 50].

Африканские коммунисты охарактеризовали теорию Р. Дебре как «необланкизм» и подчеркнули, что она порождает вредные иллюзии, будто революции можно «делать» по заказу [235, 1967, № 33, стр. 44—45].

Гносеологической основой рассмотренных левацких «теорий» является преувеличение положительного опыта некоторых национальных революций, попытка навязать их методы всем национально-освободительным движениям.

Идея крестьянской войны как единственного средства национального и социального освобождения подхвачена и раздувается сейчас буржуазными идеологами, так как она помогает внести раскол в антиимпериалистическую революцию, наносит удар по союзу рабочего класса и крестьянства. Сосредоточение вооруженной борьбы в сельской местности оставляет в стороне город, где находится пролетариат и примыкающие к нему социально активные слои населения. Противопоставление деревни городу выгодно империализму и силам реакции также потому, что позволяет создать ситуацию, подобную мексиканской революции начала XX в., когда обманутые национальной буржуазией рабочие города с оружием в руках дрались против крестьянских армий Э. Сапаты и П. Вильи [522, стр. 41].

Преклонение перед вооруженным насилием как единственным средством национально-освободительной борьбы на практике ведет к отрицанию объективных условий революции, т. е.

к отрицанию необходимости революционного подъема масс, революционной ситуации. А это заранее обрекает начавшуюся вооруженную борьбу на затухание.

Сведение революционного процесса к чисто вооруженному конфликту — это принижение роли масс, роли авангардной революционной партии, без которой невозможно поднять массы на борьбу. Не учитывается необходимость политической пропаганды, агитации и других средств вовлечения масс в активные действия. Борьба за армию — совершенно необходимое условие развертывания революции — отбрасывается в сторону. Естественно, что все это способствует снижению военных возможностей национально-освободительного движения, лишает его именно тех преимуществ, которые оно может использовать в схватке с империализмом и внутренней реакцией, — массовости, сознательности и революционной организации.

Необходимость разоблачения левацких теорий для Африки

История колониального раздела Африки — это история героического сопротивления, которое оказали африканские народы европейским захватчикам. В конце XIX — начале XX вв., когда колонизаторам удалось установить свое господство на большей части континента, здесь периодически вспыхивали восстания, продолжавшиеся по несколько лет. Восстания, как правило, начинались и развивались стихийно, и даже подавляющее большинство руководителей, не говоря уже о массе участников, не осознавали ясно своих конечных целей.

Стихийно также возникали в колониальной Африке и движения, участники которых использовали — преимущественно или исключительно — невооруженные формы сопротивления: бойкот европейских товаров, отказ платить налоги и др. Несмотря на то что некоторые из указанных движений, например матсуанизм⁸, продолжались десятилетиями, их участники не смогли выработать сколько-нибудь определенной политической программы.

Разумеется, организационная слабость восстаний и других форм сопротивления не была случайной. Она обуславливалась рядом объективных факторов, и прежде всего социально-экономической и политической отсталостью африканских народов, попавших в колониальное рабство.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала мощным стимулом для развития политического самосознания африканских народов. В 20-х годах в нескольких наиболее раз-

⁸ Матсуанистское движение, названное так по имени его зачинщика — Андре Матсуа, началось в середине 20-х годов XX в. во Французской Экваториальной Африке [545, стр. 397].

витых странах на севере и юге континента были созданы коммунистические партии. Их деятельность способствовала повышению политической активности широких масс населения, распространению подлинно научного мировоззрения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что вплоть до второй мировой войны в большинстве стран Тропической Африки политические партии либо вовсе не существовали, либо находились в эмбриональном состоянии. Лишь к середине 40-х годов под влиянием внешних и внутренних факторов там возникли организации, возглавившие национально-освободительное движение.

Эти организации были массовыми движениями типа национального фронта. Они включали представителей всех слоев и классов африканского общества — крестьянства, формирующихся рабочего класса и буржуазии, национальной интеллигенции и даже привилегированной верхушки традиционной знати, хотя в массе своей последняя выступала на стороне колонизаторов. Социальной базой таких организаций являлось крестьянство, а в руководящих органах большинство составляли выходцы из мелкобуржуазных слоев города.

Преобладание представителей мелкобуржуазных слоев среди активистов и особенно руководства африканских политических организаций в значительной мере обусловило тот факт, что выдвинутые ими теоретические и политические концепции были далеки от подлинно научных.

Этому в огромной степени способствовала политика колониальных властей, которые фактически запретили распространение в Африке южнее Сахары коммунистической литературы⁹. Зато двери в Африку были широко открыты для литературы, содержащей различного рода реформистские взгляды. Всемерно поощрялись контакты африканских политических организаций с правосоциалистическими партиями и реакционными профсоюзами метрополий.

Научный социализм сыграл известную роль в формировании взглядов лишь некоторых африканских лидеров. Так было в тех странах, где возникли компартии (например, в странах Магриба и Южной Африки), или там, где африканским патриотам оказали действительную помощь компартии метрополии (например, в некоторых колониях Французской Западной Африки).

В целом идеологические воззрения лидеров политических организаций представляли собой смешение некоторых догм мусульманской и христианской религий, местных традиционных верований и культов, эгалитаристских взглядов традиционного африканского общества, западноевропейского буржуазного реформизма различных толков, ультралевого «революционаризма» и многих других философских и политических доктрин.

⁹ В Нигерии, например, чтение коммунистической литературы вплоть до 1950 г. считалось уголовным преступлением [738, стр. 5].

В силу указанных причин африканские политические организации в 40—50-х годах выступали преимущественно как реформистские. Они провозглашали и более или менее последовательно отстаивали право всех африканцев на политические и гражданские свободы, на создание выборных органов самоуправления из представителей местного населения, требовали покончить с расовой дискриминацией в вопросах условий и оплаты труда, социального обеспечения, образования и т. п. Основным методом достижения своих целей африканские лидеры считали парламентскую борьбу, апелляции к колониальной администрации и другие формы ненасильственных действий (стачки, отказ от уплаты налогов, бойкот товаров метрополии и т. д.). Даже наиболее радикальные организации Африки, например Демократическое объединение Африки и Африканский национальный конгресс, не выступали за использование вооруженных методов борьбы. В программных документах вопрос о вооруженных выступлениях вообще не затрагивался, хотя еще в 1923 г. III конгресс Panaфриканского движения признал право колониальных народов ответить насилием на насилие. О том же говорила одна из резолюций V конгресса, состоявшегося в 1945 г. [606, стр. 20; 662, стр. 49].

Многие африканские лидеры под воздействием выступлений политических и государственных деятелей метрополий в военные годы и обещаний, на которые не скупился пришедший к власти после войны французские социалисты и английские лейбористы, разделяли иллюзии о «добровольном» уходе империалистов из колоний [387, стр. 96]. Длительное время в африканском национально-освободительном движении господствовали концепции ненасильственных («позитивных») действий, под которыми подразумевалось «использование конституционных и законных средств» [461, стр. 30].

Среди руководства и активистов политических организаций сторонники вооруженных методов борьбы на деле, а не на словах, как правило, составляли меньшинство. Лишь в некоторых странах на определенных этапах борьбы они сыграли ведущую роль в национально-освободительном движении.

Реальная действительность опрокинула надежды добиться независимости только мирным путем. Первая конференция народов Африки, состоявшаяся в Аккре в 1958 г., заявила, что «она полностью поддерживает всех борцов за свободу — как тех, кто применяет мирные методы, так и тех, кто вынужден отвечать на насилие насилием» [223, 1959, № 2, стр. 119]. Аналогичная резолюция была принята второй конференцией народов Африки, которая проходила в Тунисе в 1960 г.

К этому времени подавляющая часть африканских народов обрела независимость мирным и немирным путем. Последними бастионами колониализма стали владения Португалии и белых расистов ЮАР и Родезии. Здесь колонизаторы отказались пре-

доставить независимость африканским народам и прекратить политику апартхеида. Тогда Южно-Африканская коммунистическая партия (ЮАКП) выдвинула в 1962 г. новую концепцию. Она отвергла лозунг ненасилия, которым длительное время руководствовались демократические организации. Этот лозунг стал препятствием на пути развития общенационального движения, сковал боеспособность патриотов и вызвал неоправданные жертвы в условиях, когда правительство встало на путь вооруженного подавления любых оппозиционных выступлений трудящихся. Партия предложила ответить на насилие революционным насилием, добиться изменения существующей социальной системы путем свержения «колониального правительства белых» и создания независимого государства национальной демократии. «Националисты, — подчеркивается в Программе ЮАКП, — навязывают такие условия решения проблем Южной Африки, в которых патриоты и демократы вынуждены братья за оружие, организуя партизанские армии в целях самозащиты, и перейти к активному вооруженному сопротивлению, кульминационным пунктом которого явится массовое восстание против господства белых» [207, стр. 54].

В 60-е годы вооруженная борьба против колониализма велась многими африканскими народами. В процессе этой борьбы некоторые отряды национально-освободительного движения подпали под влияние «ультралевых» мелкобуржуазных или анархистских теорий. Причин к тому было несколько: отсутствие в подавляющем большинстве стран Африки пролетариата, сформировавшегося как класс, преобладание среди руководства выходцев из мелкобуржуазных слоев, эклектичность их теоретических взглядов и т. д. В ряде стран континента известное распространение получила доктрина «народной войны», выдвинутая маоистами [399, стр. 82—84]. Левацкая теория «фоко» также нашла себе последователей. В бывших французских колониях довольно широкое распространение получили взгляды Ф. Фанона, которые сформулированы им в книгах «V год Алжирской революции» и «Проклятьем заклеянные» [621; 622].

Ф. Фанон и его теория антиколониальной революции

Основываясь преимущественно на опыте освободительной войны алжирского народа, Ф. Фанон утверждает, что колониальные народы могут освободиться, лишь используя насильственные методы¹⁰, так как «насилие — это сущность колониализма и он отступит только перед еще большим насилием»

¹⁰ Для Ф. Фанона термины «насильственные методы» и «насилие» равнозначны термину «вооруженная борьба».

[622, стр. 47]. Поэтому насилие — вынужденный шаг со стороны колониальных народов, причем лишь всеобщее вооруженное восстание, только революционная война способны кардинально решить проблему политического освобождения угнетенных. И кроме того, в ходе революционной войны (если только в ней участвует подавляющее большинство населения) спонтанно решаются и многие другие вопросы: повышается политическая сознательность масс, выковывается чувство национальной сплоченности, чувство ответственности каждого человека за судьбы своей страны, элиминируется комплекс неполноценности, который воспитывали в нем колонизаторы [там же, стр. 70, 85—86]. В борьбе против общего врага исчезает племенная раздробленность, растет национальное самосознание, что выражается в бурном расцвете национальной культуры, народного творчества. «Насилие, — пишет Ф. Фанон, имея в виду всеобщее вооруженное восстание, — в основе своей есть фактор суммирующий, национальный» [там же, стр. 70]. По его мнению, все эти факторы в дальнейшем, т. е. после провозглашения независимости, облегчают процесс формирования нации [там же, стр. 174, 180].

Ф. Фанон в своих работах утверждает, что переход угнетенных народов к вооруженной борьбе бывает вынужденным и потому, по его мнению, оправданным. Следует учесть, что настойчивость Ф. Фанона в утверждении принципа вооруженного насилия имела полемическую заостренность: он противопоставлял этот принцип африканским идеологам ненасилия, которые боялись массовых народных выступлений и искали компромисса с колонизаторами. Однако он ошибался, отодвигая на второй план все формы борьбы, кроме вооруженной, и считая, что именно вооруженное насилие всегда и при всех обстоятельствах должно играть главную роль. Он не прав также и тогда, когда сводит всю сложную сумму экономических, социальных, политических условий, вызвавших всесторонний революционный подъем народных масс в ходе алжирской революции, к вооруженному насилию.

Ф. Фанон утверждает также, что привилегированные слои колониального общества не способны к решительной и последовательной борьбе за независимость. Так называемая элита — традиционная знать, формирующаяся буржуазия (сюда же он относит и национальную интеллигенцию), — хотя и выдвигает очень радикальные лозунги, тем не менее всегда колеблется в вопросе перехода к насильственным действиям. Иначе и быть не может, ибо подлинной целью элиты и руководимых ею националистических партий является не разрушение колониальной системы, а лишь частичное ее изменение. «В вопросе о насилии, — пишет Ф. Фанон, — элита двулична. Она за насилие на словах, но в своих действиях — за реформизм» [там же, стр. 46].

Но Ф. Фанон не может дать общую расстановку движущих сил антиколониальной революции, не рассматривая сложный комплекс социальных, экономических и политических связей прослоек и классов колониального общества между собой и с различными классовыми силами метрополии. Отсутствие научной методологии приводит его к преувеличению революционных возможностей крестьянства, к принижению авангардной роли пролетариата и его партии.

Ф. Фанон не верит в возможность последовательного участия формирующегося рабочего класса колоний в освободительной войне. Он утверждает, что пролетариат колониальных городов находится якобы в относительно привилегированном положении по сравнению с крестьянством и с пролетариатом капиталистических стран. Поэтому в освободительной борьбе в колониальных странах пролетариат, по мнению Ф. Фанона, «теряет все» [там же, стр. 84]. Пролетариату он настойчиво противопоставляет крестьянство. «В колониальных странах, — утверждает Ф. Фанон, — только крестьянство является революционным. Ему нечего терять и оно может завоевать всё», ибо крестьянство — это наиболее бесправная политически и в то же время наиболее эксплуатируемая часть населения [там же, стр. 46].

Ф. Фанон подчеркивает абсолютную необходимость политического руководства массами. Он отдает себе отчет в том, что крестьянство не имеет политического опыта и прибегает к насилию стихийно, движимое чувством ненависти к угнетателям, желанием отомстить за долгие годы политической и духовной дискриминации. И эта вполне естественная реакция масс зачастую принимает форму огульного отрицания всего, что связано с европейской цивилизацией. Именно поэтому основной задачей политических партий в колониальных странах является просветительская и организаторская работа в массах, препятствующая возникновению «антирасистского» расизма [там же, стр. 96—98].

Эта работа весьма сложна и требует длительного времени, но тем не менее она необходима. Организация и просвещение масс — одно из важнейших условий победы народа в освободительной борьбе. «Можно продержаться три дня, в крайнем случае — три месяца, используя заряд ненависти, накопленный массами, но в национальной войне не побеждают... если забывают поднять сознание бойцов», — пишет Ф. Фанон [там же, стр. 102]. «Опыт показывает, — подчеркивает он, — что в слабо развитых странах дело решают не три сотни людей, пусть сознательных и решительных, но все люди вместе, когда они все осознали и на все решились, хотя бы для этого им пришлось потратить в два или три раза больше времени. Время, „потерянное“, потраченное на объяснения, будет наверстано при исполнении» [там же, стр. 143].

Теоретически положения Ф. Фанона трудно привести к общему знаменателю. Некоторые из них верны, так как подсказаны либо специфическими особенностями алжирской революции, либо объективными закономерностями, присущими любому массовому освободительному движению. Но на взгляды Ф. Фанона сильное влияние оказала идеология мелкобуржуазных слоев африканского общества, неустойчивость их политических позиций, их крайний «революционаризм» и национализм.

При оценке Ф. Фанона как теоретика следует также учитывать, что он опирался лишь на опыт вооруженной борьбы народов Северной Африки, и это, конечно, не могло не проявиться в известной ограниченности его выводов.

Некоторые взгляды революционной демократии на вооруженную борьбу

Опыт вооруженной борьбы африканских народов пока еще в достаточной мере не изучен и не обобщен самими участниками этой борьбы. Однако первые шаги в этом направлении уже предприняты. Примером может служить книга «Власть оружия», автором которой является Амилкар Кабрал — бывший генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК). А. Кабрал подчеркивает необходимость теоретического обоснования действий африканских патриотов, их политических позиций, так как «никто еще не видел победоносной революции без революционной теории» [569, стр. 69]. В свете этого он указывает на важность изучения предшествующих революционных движений, а также всестороннего анализа специфики каждой страны, вставшей на путь борьбы с колониализмом.

Признание этих факторов неизбежно влечет за собой и признание необходимости политического руководства. А. Кабрал отмечает, что для победы антиколониальной революции необходимо наличие авангарда, который будет основной силой широкого народного фронта. Этот авангард должен быть хорошо организован и должен четко представлять цели предстоящей борьбы. Как пишет А. Кабрал, в условиях современной Африки роль авангарда сможет выполнить только партия, опирающаяся в первую очередь на городской и сельский пролетариат. Только она способна объединить вокруг себя все прогрессивные силы страны и добиться успеха [там же, стр. 54].

Примерно на таких же позициях, как и ПАИГК, стоит руководство другой организации, ведущей борьбу против португальских колонизаторов, — Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО). Свидетельством этому могут служить взгляды

лидера этой организации Эдуардо Мондлане, сформулированные им в книге «Борьба за Мозамбик». Он также подчеркивает необходимость четкого политического руководства для победы антиколониальной революции [719, стр. 153].

Для А. Кабрала и Э. Мондлане характерно и признание того, что конечный успех антиколониальной революции будет зависеть не только от военных побед, но и от того, насколько быстро революционной партии удастся провести прогрессивное преобразование всей социально-экономической структуры в освобожденных районах, преодолеть пагубные последствия колониального режима в интересах большинства населения. Только в этом случае революционная партия сможет обеспечить себе длительную и активную поддержку масс, что является одним из важнейших факторов, предопределяющих победу освободительного движения [569, стр. 80; 719, стр. 172]. Нетрудно заметить, что в этом вопросе взгляды указанных африканских лидеров выгодно отличаются от концепций, рассмотренных нами выше, в частности от концепций Ф. Фанона, который считает, что социально-экономические преобразования произойдут сами собой в ходе антиколониальной революции, если только в ней примет участие подавляющее большинство населения.

А. Кабрала и Э. Мондлане отличает от «ультралевых» и отношение к вооруженной борьбе. Они рассматривают ее лишь как один из возможных методов действий в ходе антиколониальной революции. «Наши народы, — пишет А. Кабрал, имея в виду народы стран „португальской“ Африки, — в течение долгого времени питали надежду на мирное решение вопроса... но сегодня мы твердо убеждены, что португальских колонизаторов нельзя изгнать из Африки иначе как силой» [569, стр. 18]. Кроме того, А. Кабрал и Э. Мондлане считают необходимым для успешного завершения вооруженной борьбы тщательно подготовить ее в политическом и военном отношении, а в ходе ее — уделять самое пристальное внимание политической работе как среди бойцов освободительной армии, так и среди населения [569, стр. 80; 719, стр. 126].

Совпадают позиции ПАИГК и ФРЕЛИМО и в отношении к прогрессивным силам метрополии. Они признают необходимым для успешного завершения антиколониальных революций в своих странах использовать помощь и поддержку этих сил, создать с ними единый антиколониальный фронт.

Следует подчеркнуть, что взгляды лидеров ПАИГК и ФРЕЛИМО не являются исключением в сегодняшней Африке. Аналогичных взглядов придерживается руководство Народного движения за освобождение Анголы, Союза африканского народа Зимбабве и других революционно-демократических организаций, продолжающих вооруженную борьбу за независимость [478, стр. 120—130].

Разумеется, не случайно, что именно эта часть африканской

революционной демократии первой начала избавляться от волюнтаристских взглядов. Сама жизнь подсказывает, что в современных условиях для победы абсолютно необходима научно обоснованная программа, верно учитывающая как объективные закономерности развития антиколониальной революции, так и специфику места, условий и времени, в которых она протекает. Не случайно и то, что в процессе практической революционной борьбы часть революционной демократии все ближе подходит к подлинно научному мировоззрению, а их политические позиции сближаются с позициями коммунистических партий Африки.

* * *

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин были военными историками и теоретиками революционных и национально-освободительных войн. Обобщенный ими опыт имеет непосредственно практическое значение для угнетенных народов колоний и зависимых стран в борьбе за свое национальное и социальное освобождение. Вопреки фальсификаторским утверждениям буржуазной историографии и ревизионистских «критиков» марксизма вопросы борьбы угнетенных народов колоний и зависимых стран на всех этапах международного коммунистического движения занимали важное место в его теоретической и практической деятельности. Существует тесная преемственность между всеми этапами развития творческого марксизма, глубокое единство и последовательность в развитии его революционной теории.

Разработанные классиками марксизма-ленинизма принципы революционной вооруженной борьбы масс — о всеобщем вооружении народа и формировании революционной армии, о вооруженном восстании как искусстве, о месте и роли партизанской войны в революции, о сущности стратегии и тактики гражданской войны — используются революционерами всех стран и континентов мира для выработки стратегии и тактики борьбы против империализма. Их объективный, глубоко научный характер подтверждается всем ходом исторического развития. Выводы классиков марксизма-ленинизма получили дальнейшее развитие в теоретическом положении современного коммунистического движения о том, что «каждый народ имеет неоспоримое право на вооруженную защиту от империалистических агрессоров и на поддержку других народов в этом справедливом деле. Это — общая составная часть общей антиимпериалистической борьбы народов» [99, стр. 317].

Объективные законы революционной вооруженной борьбы исключают авантюризм и стихийность, которые находят наиболее яркое выражение в мелкобуржуазном «революционаризме».

Вооруженная борьба является наиболее сложным и ответственным видом классовой борьбы. Поэтому вооруженному восстанию должен предшествовать глубокий социально-экономический и политический анализ положения в стране, а также всесторонний учет международных факторов, которые играют все возрастающую роль. Всесторонняя подготовка к вооруженному выступлению необходима и потому, что за последние годы империалисты накопили немалый опыт подавления повстанческих выступлений. Успех вооруженной борьбы может быть обеспечен лишь при наличии революционной ситуации и единого антиимпериалистического фронта, ядром которого являются рабочий класс и крестьянство. Исключительно высока роль субъективного фактора — правильного определения соотношения военных, политических, социальных, экономических, психологических, международных и других условий. Там, где рабочий класс из-за своей малочисленности не выступает как самостоятельная политическая сила и не имеет своей политической организации, вооруженные выступления крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции против империализма и местной реакции могут быть успешными лишь при условии, что во главе этих движений стоят революционные демократы, опирающиеся в своей борьбе против империалистов и их пособников на военно-политическую мощь системы социализма и всех прогрессивных сил современности.

Марксизм-ленинизм — творческая наука, которая никогда не абсолютизировала ни мирные, ни немирные средства борьбы. Конкретно-исторический анализ положения в той или иной стране может дать единственно правильный ответ на вопрос, какие формы борьбы следует использовать в данной ситуации. В современных условиях наличие мировой социалистической системы и ослабление сил империализма открыли перед угнетенными народами возможность завоевания независимости не только путем вооруженной борьбы, но и невоенным путем. Однако невооруженные формы борьбы — это тоже насилие, поскольку эксплуататоры никогда добровольно не уступают власти и присвоенных ими богатств. Умелое сочетание коммунистами и другими революционерами как мирных, так и немирных методов борьбы в проведении национально-освободительных революций — одно из важнейших условий успешной борьбы против империалистов и проимпериалистических режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Наследие классиков марксизма-ленинизма имеет огромное методологическое значение для исследования и дальнейшей разработки стратегии и тактики социальных и национально-освободительных революций, в том числе их вооруженных форм, для борьбы с ревизионистскими извращениями, с влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Здесь особенно важны два указания В. И. Ленина. Во-первых, о том, что «марксизм

требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения» [55, стр. 1—2]. Во-вторых, о том, что при анализе своеобразных условий Востока нужно опираться на «общекommунистическую теорию и практику» [80, стр. 329]. Эти указания особенно ценны при анализе вооруженной борьбы за независимость народов Африки, протекавшей в исключительно сложной исторической обстановке.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ ПРОТИВ КОЛОНИЗАТОРОВ

§ 1. БОРЬБА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ЗАХВАТОВ В АФРИКЕ И ПЕРВЫЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОССТАНИЯ

Накануне завершения территориального раздела мира в развитых капиталистических странах земного шара начали складываться монополии, формировалась финансовая олигархия, приобретал все большее значение вывоз капитала. Перерастание до-монополистического капитализма в империализм резко усиливало стремление капиталистических держав установить владычество над отсталыми районами Старого и Нового Света, превратить их в рынки сбыта и источники сырья, сферы приложения капитала, заповедные зоны влияния. Одним из таких районов был Африканский континент.

Экспансионистские планы строились с учетом военно-стратегического положения ряда территорий. Колониальные державы стремились овладеть базами на мировых морских путях, которые вели в Южную Америку, на Ближний Восток, в Индию и Китай. Северная часть континента, лежавшая на перепутье ряда важнейших магистралей, представляла особую ценность. Не случайно Англия и Франция упорно враждовали из-за Египта, значение которого возросло после создания Суэцкого канала. Не случайно также, что стремление империалистических держав закрепиться в Северо-Западной Африке поставило их «на волос от войны из-за Марокко» [64, стр. 494].

Южная Африка. Бой у горы Исандлвана

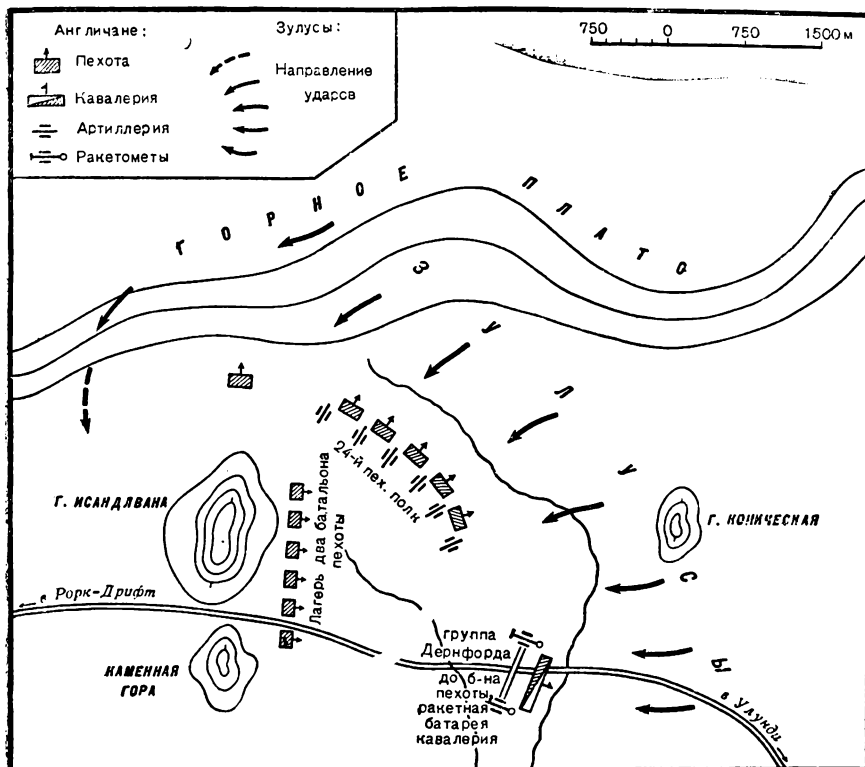
В конце XIX в. одним из важных объектов колониальной экспансии Великобритании, Германии, Португалии и бурских республик была Южная Африка. Местные плато и плоскогорья, ставшие областью поселенческой колонизации, привлекали европейцев возможностями развития земледелия и животноводства, богатейшими месторождениями алмазов и золота. Банту и другие народы Южной Африки жили в условиях доклассового общества, были разобщены, что облегчало их завоевание. Правда, некоторые из них, например зулусы, гереро, имели опыт бое-

вых действий против европейских войск и готовы были решительно защищать свою независимость.

Армия правителя зулусов Кетчвайо насчитывала, по различным оценкам, 25—35 тыс. человек, частично вооруженных огнестрельным оружием как устаревших, так и современных систем. В прошлом воины не раз участвовали в столкновениях с бурами, вторгавшимися в Зулуленд. Слабая эффективность огня у зулусов до известной степени компенсировалась умением вести рукопашный бой, в котором они пользовались главным образом ударными копьями. Войска Кетчвайо обладали превосходной физической подготовкой. По словам одного из исследователей истории зулусов, они могли «делать ночные переходы по 40 миль, а затем немедленно вступать в сражение... Воины высмеивали тех, у кого болели и опухали ноги, кто носил сандалии из бычьей кожи» [774, стр. 86].

В начале января 1879 г. 13-тысячный экспедиционный корпус генерала Челмсфорда вторгся в Зулуленд. Обремененные обозом, англичане решили проложить дорогу за р. Баффало, чтобы обеспечить снабжение своих войск при помощи тяжелых бурских фургонов. Около трех недель Челмсфорд топтался у переправы, что позволило зулусам перебросить крупные силы на границу с Наталем. 22 января, когда основная часть английских войск продвинулась в глубь Зулуленда, 13—14 тыс. воинов Кетчвайо зашли им в тыл недалеко от переправы через р. Баффало, у горы Исандлвана, где была оставлена колонна в 1800 штыков и сабель с двумя артиллерийскими орудиями и ракетным станком, состоявшая больше чем наполовину из европейцев. Англичане рассчитывали в случае необходимости легко отразить противника, так как перед их войсками, находившимися у подножия Исандлвана, на восток простиралась открытая местность. Однако они недооценили возможности скрытного и быстрого подхода противника через горы, которые лежали на несколько километров к северу и югу от Исандлвана.

Одна из английских частей, углубившаяся в горы, была атакована зулусами и отступила. На плечах врага войска Кетчвайо приблизились на несколько сот метров к Исандлвану, затем стремительно продвинулись по флангам. Неся жестокие потери от ружейно-артиллерийского огня, они не прекращали натиск и в конечном счете прижали колонну к отвесным скалам Исандлвана. Через час артиллерия была потеряна, а у пехоты стали иссякать ружейные патроны. Зулусы смогли навязать врагу рукопашный бой. Боевые порядки англичан смешались, началось избиение в панике метавшихся пехотинцев и кавалеристов. Остатки английских войск, главным образом кавалеристы, надеявшиеся спастись бегством, отступили в ложину, которая вела к р. Баффало. Люди и лошади карабкались по склонам, срывались и падали. Отряды зулусов, продвигаясь вдоль ложины, добивали беглецов копьями [640, стр. 209—220].

Бой у горы Исандлвана (1879 г.)

Бой при Исандлвана, в котором погибли 1200 английских солдат и 1000 зулусов, имел важные последствия. Большие потери экспедиционного корпуса, героизм зулусских воинов и мастерство их предводителей — все это производило огромное впечатление. Англичане временно приостановили наступательные действия против войск Кетчвайо.

На границах Натала и Капской области вспыхнуло восстание басуто, вдохновленных победой зулусов. Правда, успех, подобный тому, что был достигнут при Исандлвана, больше не повторился. Войска Кетчвайо дважды, в марте и апреле 1879 г., нападали на крупные английские колонны; оба раза Челмсфорду удалось остановить зулусов в нескольких десятках метров от своих позиций. Африканцы понесли страшный урон, потеряли лучших воинов. В июле 1879 г. 5-тысячная английская колонна с 12 орудиями и 2 картечницами «Гатлинг» нанесла поражение последним отрядам зулусов в районе краала Улунди, принадлежавшего Кетчвайо [632, стр. 179—188].

В зулусской войне английские войска, действуя вблизи обжитых европейцами приморских районов, понесли потери в основном в ходе боевых операций. В отличие от этой войны большинство вооруженных конфликтов в Тропической и Южной Африке потребовало переброски европейских войск на значительные расстояния, что затрудняло их снабжение, а главное — резко ухудшало их санитарное состояние. В англо-бурской войне 1899—1902 гг. — крупнейшей из войн, которые Великобритания вела в Африке, — англичане потеряли убитыми 8 тыс., от болезней (особенно малярии и дизентерии) погибло 13 тыс. Еще более разительными были цифры, характеризовавшие французские потери при завоевании Мадагаскара в 1895 г. Коренные жители этого острова умышленно не строили дорог в болотистых низменностях на побережье, где высадился экспедиционный корпус. Чтобы наладить снабжение своих войск, французам пришлось в течение нескольких месяцев прокладывать дорогу в тяжелых условиях; в результате 6 тыс. солдат и офицеров скончались от малярии и брюшного тифа, тогда как в боях погибло всего около 100 человек.

Восстания в Восточной и Южной Африке

В конце XIX — начале XX в. в восточной и южной частях континента произошли крупные народные выступления, в том числе восстание под руководством Бушири (1888—1889 гг.), восстание гереро и готтентотов (1903—1907 гг.).

В 1888 г. восстали арабы и суахили Германской Восточной Африки, поддержанные народами глубинных районов, в частности вахехе и ангони. Повстанцы во главе с Бушири овладели приморскими поселениями, за исключением Багамои и Дар-эс-Салама, где укрылись уцелевшие европейцы. Султан Занзибара, зависевший от европейских «советников», послал против Бушири войска, которые были наголову разгромлены.

Кайзеровское правительство перебросило к берегам Восточной Африки пять кораблей военно-морского флота, свыше 1 тыс. солдат и офицеров колониальных войск. В приморских районах немцам удалось подкупить часть вождей, предоставивших в их распоряжение иррегулярные отряды. Решительное столкновение произошло в октябре 1889 г. близ Дар-эс-Салама. Отступая без боя, Бушири завлек германский отряд в густые заросли и нанес ему чувствительный урон. Но немцев выручили подоспевшие иррегулярные войска, и под их прикрытием отряд выбрался из зарослей. Одна за другой последовали три атаки ангони и вахехе, вооруженных лишь копьями и щитами. Встреченные залпами пехоты, они были отбиты с большими потерями. Бушири начал отступать. Арабов, пытавшихся прикрыть это отступление ружейным огнем, почти целиком уничтожили африканские со-

юзники немцев. Бой закончился поражением Бушири. Сам он вскоре попал в плен и был повешен [554, стр. 261 и сл.].

Восстание гереро и готтентотов в Германской Юго-Западной Африке, вызванное притеснениями колонистов (экспроприация пастбищ, угон скота и т. д.), вспыхнуло в конце 1903 г. 5—6 тыс. гереро, жителей центральных районов, захватили ряд ферм и перебили больше 100 европейских поселенцев. Конные отряды повстанцев, частично вооруженных современными винтовками, хорошо знавших водопои в саваннах и полупустынях, не раз наносили немцам основательный урон. Для борьбы против них потребовалось вызвать из метрополии кавалерийские части, которые постепенно оттесняли африканцев на север. В августе 1904 г. в районе горного массива Ватерберг большая часть повстанцев с семьями была со всех сторон обложена немецкими колоннами численностью 1600 человек с 30 артиллерийскими орудиями. В течение трех дней африканцы отбивались, неся огромные потери. В конце концов часть африканцев вышла из окружения, смяв одну из колонн, измученную переходами, утратившую огневое превосходство в лесистой местности [189, стр. 156—191].

В центральных районах колонии восстание было подавлено лишь спустя полтора года. Те из гереро, кто спасся под Ватербергом, либо капитулировали, либо погибли от жажды, пытаясь уйти через пустыни на запад. После этого немцы перебросили основные силы против готтентотов, сражавшихся до марта 1907 г. В ходе подавления восстания германские войска истребили десятки тысяч гереро и готтентотов, численность которых сократилась приблизительно на две трети. Побежденные были расселены на малопригодных землях в резерватах, где их передвижение регламентировалось системой пропусков. По существу, они превратились в полурабов, так как могли владеть землей и крупным рогатым скотом только с разрешения колониальных властей [781, стр. 275].

Войны ашанти и малинке

В отличие от Южной Африки страны в западной и восточной частях континента были относительно развитыми областями, где в течение многих столетий существовали общества со своеобразной классовой структурой. В армиях местных государств издавна применялось огнестрельное оружие, завозившееся европейскими либо арабскими коммерсантами. Конечно, отдельные страны, ослабленные внутренними неурядицами, довольно быстро подчинялись европейцам. Но когда коренному населению удавалось преодолеть центробежные силы (ряд областей Верхней Гвинеи, бассейна Нигера, Эфиопии и т. д.), империалистические державы наталкивались на стойкое противодействие.

Вблизи приморских районов Западной Африки наиболее значительным противником европейцев оказалось государство ашанти (Золотой Берег). Чтобы сломить ашанти, у которых, по сведениям англичан (по-видимому, преувеличенным), было 20 тыс. воинов, вооруженных кремневыми ружьями, Великобритания послала в 1874 г. экспедицию численностью 4 тыс. человек, наполовину из европейцев. На подступах к своей столице африканцы решительно атаковали колонну английских войск, воспользовавшись тем, что англичанам пришлось пробиваться сквозь чащу тропического леса. По словам английского генерала, участника боев, ашанти правильно рассчитали, что в условиях плохой видимости в тропическом лесу огневое преимущество европейцев заметно уменьшится. «Оказавшись в огненном полукольце, созданном ими, мы почти никого не видели... Если какую-либо роту посылали на выручку другой, перед ней оказывались лишь заросли... При этом солдатам трудно было доказать, что по ним ведут огонь не только с фронта, что, стремясь обстрелять противника, они могут попасть в своих товарищей, которых послали поддерживать их с тыла» [565, стр. 163—164]. Англичанам в конечном счете удалось разбить ашанти, но их потери превысили 500 человек убитыми и ранеными.

Длительную борьбу против французского проникновения в глубинные районы Западного Судана вели малинке, населявшие саванны Верхнего Нигера. В 80-е годы, когда французы впервые появились на Верхнем Нигере, малинке были мало знакомы с современной боевой техникой, не имели опыта военных действий против европейцев. Позднее они извлекли уроки из первых столкновений, перевооружили свою армию, изменили ее стратегию и тактику. Правитель государства малинке Самори заслал во французскую колонию Сенегал своих солдат, которые под видом добровольцев завербовались в колониальные войска («сенегальские стрелки»), прошли военную подготовку, а затем вернулись на родину. Было закуплено 5 тыс. винтовок в английских колониях, созданы оружейные мастерские, изготавливавшие самодельные ружья по образцу европейских, пули.

На подступах к позициям, где малинке намеревались задержать противника, они устраивали завалы, сооружали частоколы, укрепленные камнями насыпи и т. п. Оборона на укрепленных рубежах сочеталась с маневром, с быстрыми передвижениями войск, в которых существенную роль играла кавалерия. Самори вынуждал противника с его тяжелыми обозами и артиллерией растягивать коммуникации, совершать изнурительные переходы, длившиеся неделями, а то и месяцами.

Воины малинке, действуя на флангах французских колонн, которые использовали наиболее пригодные дороги, нередко должны были пробираться сквозь чащу, идти по горам, чтобы потом сражаться с противником, неизмеримо лучше оснащен-

ным. Но армия Самори, насчитывавшая 5—10 тыс. человек, стойко переносила лишения. Для повышения боевого духа воинов Самори не упускал ни одной реальной возможности. Воины знали, какое внимание уделялось обеспечению армии продовольствием и боеприпасами, знали, что на поле боя будет сделано все, чтобы вынести раненых и убитых из-под огня. Первоначально кое-кто из французов тешил себя иллюзиями, что малинке шли в бой из-под палки, что их вождь укрепил свою власть, безжалостно казня воинов за малейший проступок. Эти иллюзии рассеялись, когда выяснилось, что пленные, которым удавалось бежать от французов, возвращались к Самори, что перебежчиков из лагеря малинке фактически не было в течение ряда лет [658, стр. 308—318; 736, стр. 102—104].

В 1892 г. французские войска вытеснили Самори с Верхнего Нигера. В боях на реках Самби-Ко и Диаман-Ко Самори, по словам командира французской колонны, показал «большое умение в выборе местности для оборонительных позиций и большой военный опыт, сказавшийся в быстроте его передвижений и в изменении построения его войск. Он заметил, что открытая местность, находившаяся за Самби-Ко и Диаман-Ко, позволила нашей кавалерии произвести удачные атаки, которые ему причинили большие потери, и с этого времени он выбирает для линий обороны лишь недоступные для переправы реки вдали от дорог...» [658, стр. 350]. Война против малинке, отступивших в северные области Берега Слоновой Кости, продолжалась еще несколько лет. Лишь в 1898 г., теснимые со всех сторон французскими отрядами, они сложили оружие.

Борьба махдистов за независимость

В 80-е годы в результате восстания под руководством махди (мессии) Мухаммеда Ахмеда Восточный Судан освободился от египетского феодального господства, поддерживавшегося англичанами.

Великобритания развернула военные операции в Восточном Судане в 1896 г. Туда был направлен из оккупированного Египта генерал Китченер с 10 тыс. человек. Войска, состоявшие из египетских солдат и английских офицеров, были хорошо обучены и вооружены по последнему слову техники. Правитель махдистского государства Абдаллах первоначально мог выставить против них до 100 тыс. воинов, 75 артиллерийских орудий. Однако следует учесть, что после антиегипетского восстания 80-х годов Великобритания фактически держала Восточный Судан в блокаде, препятствуя завозу боеприпасов и новых винтовок. Боеспособность махдистской армии к тому же была невелика из-за плохой стрелковой подготовки воинов, неисправности

многих артиллерийских орудий, отсутствия опытных канониров [498, стр. 58 и сл.].

Войска Китченера в 1896 г. захватили северные области махдистского государства, а в следующем году проникли в центральные районы страны. Вожди некоторых племен, недовольные Абдаллахом, оказали им поддержку. По-видимому, опасаясь внутренних раздоров, Абдаллах все время держал основную часть своих войск вблизи столицы — Омдурмана, что сковано его действия, обрекло махдистов на пассивную оборону. Успехам англичан способствовало строительство железной дороги от Вади-Хальфы до Абу-Хамеда через Нубийскую пустыню. Пять канонерок, которые они протащили на канатах через пороги, подвергали обстрелу суданские города, лежавшие по берегам Нила. Лишь после того как англичане прочно утвердились в устье р. Атбара (300 км от Омдурмана), махдисты двинули сюда часть своей армии. В апреле 1898 г. 14 тыс. англо-египетских войск с 24 орудиями и 12 пулеметами атаковали укрепленный махдистский лагерь, который защищали 16 тыс. воинов. Махдистская кавалерия не выдержала артиллерийской подготовки и отступила; пешие воины в течение часа сражались с англо-египетскими войсками в укрепленном лагере, но в конечном счете потерпели поражение, потеряв около 3 тыс. убитыми [777, стр. 189—221].

Война приближалась к Омдурману. Китченер имел уже 26 тыс. человек (в том числе 8 тыс. английских солдат и офицеров), 44 орудия, 20 пулеметов, 9 канонерок. В этот решающий период военных действий Абдаллах смог собрать лишь около 50 тыс. воинов, из которых не больше половины имели огнестрельное оружие.

В бою под Омдурманом 2 сентября 1898 г. махдисты проявили чудеса героизма. На открытой местности у берегов Нила, где был разбит английский укрепленный лагерь, они в течение пяти часов неоднократно атаковали, невзирая на неизмеримое техническое превосходство противника. Пехота и кавалерия махдистов тщетно пытались ворваться в лагерь. Африканцы, писал один из очевидцев-англичан, «были в высшей степени великокопны. Из этого нам не приходилось сталкиваться со столь многочисленной, хорошей и храброй армией, сражавшейся во имя махдизма. Погибая, она показала, что достойна огромной империи, которую махдисты завоевали и долгое время удерживали в своих руках. Их бесстрашные солдаты в адских условиях, перед лицом смерти были верны черно-зеленому знамени, стреляя жалкими, испорченными, самодельными патронами. Их копейщики, не задумываясь, шли на верную гибель. Их кавалеристы, атаковавшие первыми, бросались под пули, сражаясь до последнего» [772, стр. 282].

Абдаллах потерял 27 тыс., Китченер — всего 430 человек. С небольшой группой воинов Абдаллах ушел на юго-запад и

попытался продолжить борьбу. В 1899 г. махдисты потерпели окончательное поражение; большинство их руководителей, в том числе Абдаллах, погибли.

Бой при Адуа (1896 г.)

Разгром махдистского государства позволил англичанам выйти к западным границам Эфиопии, которую они стремились подчинить еще в середине XIX в. Помимо англичан здесь желали утвердиться итальянцы и французы. Император Эфиопии Менелик II, используя противоречия соперничавших держав, расширял связи с Европой, закупал новейшее вооружение для своей армии, чего не смогли в свое время сделать махдисты.

Эфиопская армия насчитывала, по итальянским оценкам, около 100 тыс. человек, в том числе до 10 тыс. кавалеристов. Крупные феодалы являлись одновременно командующими в возглавляемых ими провинциях. Ядром армии были войска, подчинявшиеся непосредственно императору. Большинство пехотинцев имели современные винтовки: магазинные «лебели» французского производства, однозарядные американские «ремингтоны» и т. д. Стрельба велась с 200—300 м без использования прицела. В бою воины стремились к рукопашной схватке, чтобы пустить в ход сабли. Патроны, которые они сами покупали, изготовлялись зачастую кустарным способом. Артиллерия Менелика II состояла из нескольких десятков 37-мм горных орудий «Гочкис» [546, стр. 220—222, 338; 469, стр. 7—11, 55].

В 90-е годы XIX в. наибольшую опасность для Эфиопии представляла Италия. Она захватила на Красном море Эритрею, пыталась противопоставить одних эфиопских феодалов другим и одновременно навязать свой протекторат императору. Менелик II предпочитал переговоры войне, но растущие притязания европейцев сделали конфликт неизбежным. В 1895 г. в Эритрее был сформирован экспедиционный корпус генерала Баратьери в 14 тыс. человек, на 80% состоявший из африканцев. В дальнейшем, после прибытия подкреплений из метрополии, удельный вес итальянцев в экспедиционном корпусе увеличился, достигнув к моменту боя при Адуа 60%. Войска были вооружены магазинными винтовками, имели достаточно боеприпасов. Артиллерия состояла в основном из 42-мм горных орудий. Кавалерии почти не было, что послужило одной из причин слабости разведывательной службы. Организация транспорта была неудовлетворительной. Ввиду нехватки вьючных животных, необходимых в горной местности, Баратьери вынужден был держаться возможно ближе к базам снабжения, не мог увеличивать численность войск, непосредственно участвовавших в операциях [557, стр. 102 и сл.].

Несколько поражений, понесенных в 1895 г. отдельными эфиопскими феодалами, не решали исхода войны. В конце

1895 г., когда Менелик II завершил мобилизацию, половина экспедиционного корпуса Баратьери находилась в Эритрее, другая половина — вблизи Адиграта, на окраинах Тигре. Сам Баратьери, человек нерешительный, предпочитал отсиживаться в Адиграте, но итальянское правительство во главе с премьер-министром Криспи было иного мнения. Ободренное первыми успехами, сбитое с толку слухами о феодальных распрях в Эфиопии (слухи поддерживались самим Менеликом II), правительство Криспи рассчитывало завоевать легкой ценой популярность в стране и парламенте. В Риме строили планы продвижения в направлении Аддис-Абебы, и Баратьери в интересах своей карьеры предпочитал с этим считаться. Он начал строительство крепости Макалле в 115 км на юг от Адиграта, а затем согласился направить еще далее на юг, в район горы Амба-Алаги, отряд в 2,5 тыс. человек.

Эфиопы воспользовались разбросанностью частей итальянского корпуса. В декабре 1895 г. их армия у горы Амба-Алаги почти целиком уничтожила находившийся здесь отряд противника, а затем осадил Макалле. Не рискуя вывести свои основные силы из Адиграта, Баратьери предпочел договориться с эфиопами о капитуляции Макалле, гарнизон которого за выкуп был отпущен на свободу. И все же, когда в январе 1896 г. Менелик II двинулся от Макалле к границам Эритреи, в тыл итальянцам, последним пришлось оставить Адиграт. Опасаясь за свои коммуникации, Баратьери повел экспедиционный корпус на северо-восток, а вскоре сообщил в Рим, что намерен отойти в Эритрею для перегруппировки сил и пополнения корпуса свежими войсками. Ответ, полученный от Криспи, гласил: «Это военная чухотка, а не война, мелкие стычки, в которых мы все время сталкиваемся с противником, не располагая численным перевесом... Мы готовы на любые жертвы, чтобы спасти честь армии и монархии» [546, стр. 353]. Итальянскому империализму нужна была победа любой ценой. Только победа могла заглушить поднимающиеся в Италии голоса протеста против грабительской колониальной войны.

В ночь на 1 марта 1896 г. Баратьери двинул экспедиционный корпус по горным дорогам к Адуа, где стояли войска Менелика II. Итальянцы располагали 18 тыс. солдат и офицеров, 56 артиллерийскими орудиями; эфиопы имели около 60 тыс. воинов, 42 артиллерийских орудия. Итальянцы рассчитывали выйти к Адуа одновременно тремя колоннами, но это им не удалось. Их левый фланг, ввиду того что разведывательная служба плохо изучила местность, выдвинулся ночью далеко вперед, потеряв связь со штабом Баратьери. Из-за плохого знакомства с местностью и сбивчивых приказов Баратьери о передвижении войск уже в ходе боя была утрачена связь с правым флангом, который оказался отрезанным от центральной группировки и резервов несколькими горными грядами.

Войска Менелика II сначала атаковали левофланговую группировку итальянцев, подходившую к Адуа. Ружейно-артиллерийский огонь приостановил было продвижение африканцев. Но в бой вступила эфиопская артиллерия, а затем императорская гвардия, которая возобновила наступление, не считаясь с потерями. В рукопашной схватке почти полностью были уничтожены несколько подразделений противника, другие дрогнули и начали отходить. После того как судьба левого фланга была решена, африканцы стали охватывать позиции центральной и правофланговой группировок итальянцев. Используя холмистую местность, которая позволяла укрываться от артиллерийского огня, эфиопские воины неудержимо рвались вперед. Баратьери пустил в ход резервы, которые вскоре были сметены. Центральная группировка в панике отступила, в то время как командующий правым флангом, не имея никаких сведений о положении дел, пытался организовать бессмысленное продвижение в сторону Адуа. Во второй половине дня, расстреляв почти все боеприпасы, правый фланг также начал отход, вскоре превратившийся в бегство. В погону за итальянцами устремилась эфиопская кавалерия, которая завершила полный разгром неприятеля. Из восемнадцатитысячной армии Баратьери лишь 2500 человек избежали смерти или плена; потери Менелика II составили 10 тыс. убитыми и ранеными [551, стр. 733—786].

Историческое значение боя при Адуа огромно. Эфиопия оказалась единственным африканским государством, которое в конце XIX в. отстояло в оружии в руках свое право на независимое развитие. В Италии правительство Криспи было вынуждено подать в отставку, а новый кабинет заключил мир с Менеликом II, отказавшись от притязаний на Эфиопию.

Успех эфиопов во многом объяснялся относительно высоким уровнем развития их государства, которое смогло создать и вооружить многочисленную армию. В связи с этим отметим, что при завершении территориального раздела Африки европейцы понесли наибольшие потери в северной и северо-восточной частях континента, т. е. в странах, известных достижениями своей древней цивилизации. Но конечно, не только уровень социально-экономического развития определял военные возможности африканцев. Изучая историю их сопротивления европейцам, не следует упускать из виду разнообразия и сложности конкретных условий, в которых боролся каждый из народов континента.

Антиколониальные войны в Северной Африке

В конце XIX в. европейцы сравнительно легко овладели двумя североафриканскими государствами — Тунисом и Египтом. Их оборона была дезорганизована до начала военных действий

в результате предательства местной феодальной знати. Французы в Тунисе столкнулись главным образом с разрозненными арабскими племенами, а англичане в Египте — с немногочисленными регулярными войсками (основная часть армии находилась в Судане, собирая дань для уплаты египетских долгов европейским державам). Наибольшее сопротивление европейцы встретили в начале XX в., когда вторглись в Триполитанию, Киренаику и Марокко. Триполитания и Киренаика, на которые претендовали итальянцы, были последними провинциями Турции в Африке. Правительство султана, отставая эти провинции, решилось на войну с Италией, так как предвидело, что их захват послужит сигналом к разделу других турецких владений в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Что касается Марокко, то оно имело значительный опыт борьбы с европейцами. Местные арабы и берберы в прошлом не раз отражали попытки проникнуть в глубь страны со стороны Пиренейского полуострова и Алжира. Воинственные горцы на севере и кочевники на юге были готовы отстаивать независимость с оружием в руках, не смотря на склонность центрального марокканского правительства к соглашению с империалистическими державами.

В сентябре 1911 г. против итальянцев, начавших военные операции в Триполитании и Киренаике, действовали 7 тыс. султанских войск, которые на одну треть состояли из новобранцев. Турки, которых вскоре возглавил Энвер-паша, имели современное стрелковое оружие; кроме того, они вооружили винтовками устаревших систем до 50 тыс. арабов-ополченцев. У турок и арабов было сравнительно мало артиллерии (48 легких орудий, не считая устаревших пушек береговой обороны), не хватало опытных канониров. Ввиду господства итальянцев на море Энвер-паша получал подкрепления и снаряжение в ограниченном количестве: нелегальным путем через соседние английские и французские владения [161, стр. 51—54].

На стороне итальянцев было как техническое, так и численное превосходство. Экспедиционный корпус генерала Канева, насчитывавший первоначально 35 тыс. человек, был впоследствии доведен до 100 тыс. с 300 артиллерийскими орудиями. Служба связи имела 120 телеграфных и радиотелеграфных станций. Разведка использовала 35 самолетов и 3 дирижабля [533, стр. 124].

И все же война продолжалась в течение целого года. Генерал Канева смог оккупировать лишь прибрежные города, где он располагал поддержкой мощных военно-морских сил. Арабы и турки, покинув с боями города, укрепились в их окрестностях. Они стремились удержаться в полосе приморских оазисов, которая тянулась с перерывами на сотни километров. Именно здесь, в полосе оазисов, лежали основные экономические районы страны. Кроме того, лесистый характер местности на побережье затруднял действия артиллерии противника, создавал дополни-

тельные возможности для обороны. Попытки вернуть утраченные города успеха не имели. Так, в конце октября 1911 г. генерал Канева отбил с помощью военно-морского флота яростные атаки под Триполи, поддержанные восстанием местного городского населения. По официальным итальянским сообщениям, при подавлении восстания погибло 500 жителей Триполи, но некоторые иностранные корреспонденты писали о 4 тыс. расстрелянных [700, стр. 60—89].

Продвижению итальянцев в глубь страны препятствовали затруднения с транспортом. Верблюдов не хватало, а привезенные из метрополии лошади, мулы и полоторатонные «фиаты» не могли быть использованы в пустынях. В свою очередь арабы и турки также не желали вести операции в глубинных районах, стремились добиться успеха в приморской местности. Бои шли главным образом в городских предместьях, где подчас война принимала позиционный характер. Дважды, в июне и сентябре 1912 г., арабы и турки начинали крупными силами наступление в оазисе Занзур (близ Триполи), но оба раза оно было отбито. В последнем бою, сообщал один из английских корреспондентов, «арабы продвигались вперед цепями с большой быстротой, превосходно используя естественные укрытия. Они показали замечательное мужество, и казалось, ни шрапнель, ни ружейный огонь не в состоянии остановить их бурный натиск» [там же, стр. 181]. Итальянская пехота, пытаясь контратаковать, приблизилась вплотную к наступающим цепям, помешав вести огонь собственной артиллерии. Арабы смогли вступить в рукопашную схватку и нанесли противнику значительный урон, хотя в конечном счете отступили ввиду подавляющего огневого превосходства итальянцев.

В ходе военных действий итальянцы потеряли 1,4 тыс. убитыми и 4,2 тыс. ранеными. В октябре 1912 г., когда началась первая балканская война, Турция подписала мир, отказавшись от Триполитании и Киренаики. Однако многие арабские племена продолжали сражаться. Борьба закончилась лишь после первой мировой войны, когда последние повстанцы ушли в Чад, где были разоружены французскими властями.

Во время итало-турецкого конфликта, в марте 1912 г., Франция воспользовалась напряженной международной обстановкой, чтобы навязать договор о протекторате одному из последних независимых африканских государств — Марокко. Одна из статей договора гласила, что правительство Третьей республики договорится с Испанией об интересах последней в Северо-Западной Африке. Речь шла о юридическом оформлении раздела Марокко на зоны влияния. Фактически эти зоны существовали уже несколько лет в результате оккупации ряда территорий европейскими войсками.

Марокканцы, отстаивавшие с оружием в руках свою независимость, не имели регулярной армии. Поскольку войска ма-

рокканского султана, поборника соглашательской политики, превратились еще до установления протектората в придаток французского экспедиционного корпуса, против европейцев выступили главным образом иррегулярные отряды, которые группировались вокруг феодальных вождей окраинных областей, никогда полностью не подчинявшихся центральному правительству. Некоторым вождям удавалось поставить под свой контроль значительные силы — до 10—15 тыс. воинов, но чаще всего французы и испанцы сталкивались с менее многочисленным противником, с отрядами, защищавшими лишь свои поселения и распускаясь, когда исчезала угроза родным местам. На вооружении марокканских воинов были по большей части магазинные винтовки, завезенные из-за границы либо по разрешению султанского правительства, либо контрабандой. Нелегальная торговля оружием давала немалые барыши, и даже после начала военных операций некоторые европейские фирмы, действуя на свой страх и риск, продолжали ею заниматься [167].

Против марокканцев вели борьбу многочисленные и превосходно вооруженные войска колониальных держав. В 1908 г. в районе Касабланки был высажен французский экспедиционный корпус в 15 тыс. человек; в следующем году испанцы отправили в Северное Марокко 40 тыс. человек. Территориальная близость Марокко с Испанией и французским Алжиром позволяла быстро наладить снабжение этих войск, а в случае необходимости — оказать им поддержку военно-морскими силами.

Тяжелые столкновения произошли в 1909 г. между испанцами и рифами — берберской народностью, населявшей горные районы Северного Марокко. В течение ряда месяцев рифы препятствовали сооружению на их территории небольшой железной дороги между Мелильей и близлежащими железными рудниками. В постоянных боях, которые они затевали главным образом ночью, пятитысячный гарнизон Мелильи потерял половину личного состава и был вынужден прекратить активные операции. 27 июля 1909 г., получив подкрепления, испанцы бросили в наступление колонну в 4 тыс. штыков и сабель. Скалы горы Гуругу, на которой засели рифы (в десятке километров от Мелильи), подверглись двухчасовому артиллерийскому обстрелу военных кораблей и городских фортов. Однако испанцы допустили просчет — не использовали кавалерию для разведки местности и не собрали сведений об укрытиях на Гуругу. В результате их пехоту, приблизившуюся к позициям, которые, казалось, были оставлены африканцами, встретил шквальный огонь. Командование экспедиции не пожелало признать себя побежденным и приказало продолжать атаку. К концу дня на склонах Гуругу лежали 200 убитых испанцев, в том числе один генерал; раненых насчитывалось 600 человек. Испанские войска вынуждены были отступить [224, 1962, № 1, стр. 94—95; 754, стр. 230 и сл.].

Бои в районе Мелильи продолжались в течение года. Испанцы заняли Гуругу и другие соседние горы, но их влияние по-прежнему простиралось лишь на узкую приморскую полосу, где можно было прикрыться огнем крейсеров и канонерок. В 20 км на юг от Мелильи находился вади, пересечь который им не удалось ни разу. В годы первой мировой войны, отказавшись от бесплодных попыток проникнуть в глубь гор, испанцы предпочли переговоры с местными берберскими и арабскими правителями. Последние, добившись от европейцев обязательства поставлять им оружие и боеприпасы, согласились удерживать своих соплеменников от нападений на приморские поселения [122, стр. 46; 802, стр. 43—73].

В то время как Испания вела борьбу с горцами на севере, Франция расширяла свою сферу влияния в центральных и южных областях. Спротивление коренного населения было упорным, и уже в 1911 г. экспедиционный корпус пришлось увеличить до 38 тыс. человек. Были заняты крупнейшие города глубинной части страны: Фес, Мекнес, Марракеш. Недалеко от Марракеша в конце 1912 г. пятитысячная французская колонна, перестроенная в каре, подверглась на открытой местности яростным атакам 15 тыс. арабов, в значительной части кочевников с юга. Приблизиться к каре, прикрытому пулеметами и скорострельными 75-мм пушками, было невозможно. Арабы потеряли 2 тыс. убитыми, французы — только 25 человек убитыми и ранеными. Однако та же колонна потеряла свыше 600 убитыми и ранеными, действуя несколько позднее против берберов, умело использовавших гористую местность в Центральном Марокко, где противнику подчас было трудно пустить в ход артиллерию на конной тяге [589, стр. 32—42; 608, стр. 169 и сл.].

По сравнению с другими французскими колониями Марокко оказалось страной, завоевание которой потребовало от Третьей республики самых больших усилий. В 1914 г. Франция держала здесь 80 тыс. солдат, главным образом алжирцев, тунисцев, сенегальцев. Кроме того, появился ряд регулярных марокканских частей, формально подчинявшихся султану [558, стр. 359 и сл.]. По планам генерального штаба все эти войска предназначались не только для подавления освободительного движения в Африке, но и для использования в случае войны в Европе.

Когда вспыхнула первая мировая война, Франция бросила на европейский фронт около полумиллиона африканских солдат. Эти люди сражались на Марне и Сомме, под Верденом и в Дарданеллах. После четырех лет войны оставшиеся в живых вернулись на родину не такими забитыми крестьянами, какими были раньше. «Империалистская война, — писал В. И. Ленин, — помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобрита-

нию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили умению владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение» [83, стр. 233—234].

§ 2. ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ АФРИКИ

После первой мировой войны на Африканском континенте, особенно в странах Сезерной и Южной Африки, начался подъем антиимпериалистической борьбы. Его могучим стимулом была Великая Октябрьская социалистическая революция. «Октябрьская революция, — указывается в Тезисах ЦК КПСС „50 лет Великой Октябрьской социалистической революции“, — явилась переломным рубежом в развитии национально-освободительного движения. Она доказала реальную возможность полного национального освобождения народов, положила начало кризису колониальной системы и открыла реальную перспективу для национально-освободительных революций» [106, стр. 17—18].

Антиимпериалистическое восстание 1919 г. в Египте

В Египте, где еще во время первой мировой войны появился интерес к марксизму, после Октябрьской революции были созданы социалистические и коммунистические группы (в Каире, Александрии, Порт-Саиде). В 1920 г. они объединились в Социалистическую партию. Одновременно консолидировала свои силы и египетская национальная буржуазия, создавшая в ноябре 1918 г. партию Вафд Мыси во главе с Саадом Заглулом. В первые годы после мировой войны национальная буржуазия возглавила освободительное движение, ибо организации рабочего класса, коммунистические и социалистические группы были еще слабы, не имели достаточного опыта.

Политика египетской национальной буржуазии была двойственной: с одной стороны, она выступала против господства Великобритании, с другой, опасаясь нарастания народного движения, не выдвигала широкой программы демократических преобразований. Тактика буржуазии отчетливо проявилась в ходе антиимпериалистического восстания 1919 г.

Непосредственным толчком к выступлению масс послужили действия английских оккупационных властей, которые в ответ на обращение Заглула и его единомышленников о предоставлении Египту самоуправления запретили партию Вафд, арестовали и отправили в ссылку ее лидеров. Демонстрация студентов Каира 9 марта 1919 г., проведенная под лозунгом «Долой английский протекторат!», была разогнана солдатами. Но движение разрасталось и ширилось. 17 марта 1919 г. в столице состоялась грандиозная демонстрация. 50 тыс. ее участников — учащиеся,

студенты, ремесленники, интеллигенты, предприниматели — требовали свободы и национальной независимости. Демонстрация переросла в восстание. Связь между Каиром и остальными районами страны была прервана. На улицах города шли бои почти безоружного народа с войсками колонизаторов. Восстание в Каире было потоплено в крови, но оно перекинулось в провинцию. Во многих городах демонстранты сталкивались с английскими войсками, в сельских местностях шла партизанская война. Феллахи и бедуины захватили такие провинциальные центры, как Асьют и Асуан. Появились национальные комитеты независимости и органы власти, которые феллахи называли русским словом «советы». В Зифте был создан Комитет восстания.

Наиболее активно вооруженная борьба велась в Верхнем Египте. Повстанцы атаковывали железнодорожные станции, поджигали их. Они напали на поезд, который шел из Луксора в Каир, и уничтожили находившихся в нем английских офицеров. В Эль-Файюме на помощь восставшим прибыли отряды бедуинов. В провинции Асьют местные жители захватили в полицейском управлении оружие, напали на английский гарнизон. Для подавления освободительного движения в провинции англичане применили авиацию [492, стр. 203—212].

Арабский историк аш-Шафии отмечает такие характерные формы борьбы, применявшиеся в восстании 1919 г., как забастовки, демонстрации, вооруженная борьба на баррикадах, стычки повстанцев с войсками [519, стр. 62]. Однако у повстанцев не было организованной вооруженной силы, способной со знанием дела сражаться против колонизаторов. Повстанцам не удалось привлечь на свою сторону египетские национальные войска. Английское же командование, получив чрезвычайные полномочия для разгрома восстания, создало 16 карательных отрядов, которые самыми жестокими мерами расправлялись с восставшими [403, стр. 52—53]. После взятия англичанами Асуана восстание было подавлено.

Таким образом, восстание потерпело неудачу из-за слабой организованности антиимпериалистических сил и военного превосходства англичан. Движение вышло за рамки программы Вафда (партия не требовала полной независимости, ликвидации протектората), приобрело всенародный характер. Именно этого испугался Заглул-паша, который отказался принять помощь от Советской России, в том числе и военную.

В феврале 1921 г. Социалистическая партия Египта опубликовала программу, в которой выдвигался ряд требований политического, экономического и социального характера [519, стр. 66—68]. В том же году эта партия была реорганизована в Коммунистическую партию Египта, которая в 1922 г. вступила в Коминтерн.

Освободительное движение под влиянием Октябрьской революции развернулось и в других частях континента. Однако сте-

пень интенсивности, формы и методы борьбы, социальная направленность были различны.

Тысячи демобилизованных солдат принесли вести об Октябрьской революции в Алжир и Тунис. В Тунисе в 1919 г. была создана Социалистическая федерация, которая вскоре была принята в состав Коминтерна. Верхушка племен, духовенство, городская знать Ливии возглавили борьбу против колониального господства Италии. В 1918 г. ими были созданы независимые республики Киренаика и Триполитания. В Британском Сомали только путем совместных операций английских и итальянских вооруженных сил с применением танков и авиации удалось подавить упорное сопротивление местного населения.

Усилилась борьба против английского и французского империализма в Западной Африке. В 1920 г. был учрежден Национальный конгресс Западной Африки, объединивший прогрессивные, демократические силы английских колоний.

Витватерсрандское восстание 1922 г.

Вести об Октябрьской революции оказали огромное влияние на освободительное движение в Южной Африке. В 1918 г. тиражом 7 тыс. экземпляров социалисты-интернационалисты Южной Африки выпустили брошюру «Революция рабочих в России». В начале января 1919 г. съезд Интернациональной социалистической лиги принял декларацию, в которой говорилось, что целью борьбы рабочих Южной Африки должна быть пролетарская революция по примеру России [434, стр. 476, 482—483].

В 1921 г. образовалась компартия Южной Африки. Во главе ее стали А. Джонс, У. Эндрюс, С. Бантинг. Она была принята в Коминтерн, где А. Джонс стал ее первым представителем, членом Исполкома Коминтерна [434, стр. 450—454; 409, стр. 439].

Поначалу компартия состояла из лиц европейского происхождения, но постепенно в нее вовлекались африканцы. С ее помощью стали создаваться профсоюзы рабочих-африканцев. В 1920 г. состоялась стачка 70 тыс. африканцев-горняков. В начале следующего года забастовало 20 тыс. белых шахтеров, к которым присоединились 180 тыс. африканцев.

Наиболее крупным событием явилась забастовка белых рабочих в январе 1922 г. в Витватерсранде, которая в марте переросла в вооруженное восстание.

На золотых приисках, дававших больше половины всей мировой добычи золота, работало около 200 тыс. африканцев и 25 тыс. белых [221, 1922, № 21, стр. 5459; 725, стр. 18; 770, стр. 59]. Правительство Южной Африки, с одной стороны, провоцировало ненависть белых к «цветным» и африканцам, с другой — стремилось постепенно заменить труд белых рабочих дешевым трудом африканцев под руководством белых штрейкбрехеров [770, стр. 58]. Поводом к началу забастовки послужили

ли объявленные предпринимательской организацией — Горной палатой — снижение заработной платы и массовые увольнения.

Забастовка продолжалась два месяца. Отказ предпринимателей пойти на уступки накалил обстановку до предела [390, стр. 48; 727, стр. 231; 794, стр. 585]. Забастовочные комитеты создали военизированные отряды «командос» — на манер старой военной единицы бурской армии. Их возглавили люди с военным опытом. Пока у рабочих не было оружия и их действия ограничивались маршем по улицам рабочих поселков и пением революционных песен, буржуазия не проявляла серьезного беспокойства. Когда же они стали арестовывать штрейкбрехеров, вступая при этом в схватки с вооруженной полицией, и предавать их рабочему суду, правительство ввело военное положение, что, по словам А. Джонса, было равносильно началу гражданской войны [221, 1922, № 21, стр. 5467].

«Командос», разоружившие полицейских, установили контроль над горнозаводскими поселками Бенони, Бранпаном, Марицбургом, а также большей частью Йоханнесбурга — в том числе его рабочими предместьями Фордсбургом и Йеппе. Правительство двинуло против рабочих свыше 20 тыс. войск, подержанных артиллерией и авиацией. Кроме того, против восставших выступили вооруженные отряды добровольцев и войска «гражданской обороны», состоявшие из фермеров и средних городских слоев [770, стр. 60]. Были введены военно-полевые суды. Для руководства войсками прибыл генерал Смэтс.

Комитет действия, руководивший восстанием, организовал строительство баррикад в наиболее важных стратегических пунктах города.

Войска и полиция начали наступление на район восстания по сходящимся направлениям. Авиация и артиллерия подвергли позиции рабочих жестокой бомбардировке и обстрелу, особенно там, где буржуазной собственности не грозила опасность [221, 1922, № 21, стр. 5468; 684, стр. 125]. Рабочие с большим упорством отстаивали свои позиции, но силы были слишком неравны. Правительственные войска по частям разгромили очаги восстания и овладели занятыми восставшими городами.

Последним оплотом рабочих был Фордсбург. После отказа рабочих сдать начался штурм их позиций. Неравный бой длился несколько часов. Несмотря на превосходство противника, защитники Фордсбурга героически оборонялись. Один из участников этого боя свидетельствовал: «Небольшая кучка здешних рабочих с небольшим запасом снарядов и вооружения сумела противостоять Горнозаводской палате с ее пехотой, кавалерией, пулеметами и аэропланами и с честью умереть» [221, 1922, № 21, стр. 5471]. Поражение ускорила непригодность широких и прямых улиц городов для ведения баррикадных боев [там же, стр. 5470].

Расправа с восставшими напоминала последние дни Париж-

ской коммуны. Военно-полевые суды приговаривали рабочих к повешению на месте боя. Офицеры и солдаты правительственных и вспомогательных частей убивали рабочих на месте без суда. Геройской смертью пали руководители — коммунисты Фишер и Спендифф. 425 убитых и раненых, тысячи преданных военному суду, десятки казней — таков был итог расправы, учиненной правительством [727, стр. 231]. Возмущение этими зверствами было настолько велико, что буржуазный парламент поспешил специальным постановлением взять карателей под «защиту» [684, стр. 125—126].

Выступление в Южной Африке было первым крупным вооруженным восстанием рабочих в пределах Британской империи. Оно нашло широкий отклик среди рабочих Европы и даже Австралии, явилось выражением роста всемирного революционного движения. В. И. Ленин в этой связи отметил, что Южная Африка «недавно напомнила о своей претензии быть *людьми*, а не рабами, и напомнила не совсем „парламентски”» [87, стр. 175]. В борьбе рабочих активное участие приняли коммунисты, входившие в состав стачечных комитетов.

Восстание в Витватерсранде имело свои специфические особенности. В отличие от восстания 1919 г. в Египте трудящиеся города выступили обособленно: деревня их не поддержала. Выступление рабочих Южной Африки было проникнуто духом пролетарского интернационализма. Однако отдельные столкновения белых рабочих с африканцами, имевшие место в ходе восстания, подсказали буржуазии новую тактику. Политика империализма была коренным образом перестроена, был взят курс на превращение белых рабочих в опору колониального режима, на внедрение апартхеида.

Состоявшийся в конце 1922 г. IV конгресс Коминтерна отметил, что колонии и полукolonии образуют «очаги растущего революционного восстания против империалистических сил» [102, стр. 37]. В резолюции «О репрессиях в Южной Африке» выражалась уверенность, что южноафриканские рабочие, несмотря на репрессии, не прекратят борьбы, возьмутся за нее с новыми силами, вовлекут в движение своих черных братьев [там же, стр. 185].

Национально-освободительная война в Марокко (1921—1926 гг.)

Выдающимся событием в истории национально-освободительного движения явилась вооруженная борьба берберских племен в испанской зоне Марокко.

Военные действия испанцев против рифов, прекратившиеся в период первой мировой войны, возобновились в 1919 г., когда мадридское правительство попыталось поставить под свой контроль ряд горных районов. Результаты оказались прямо проти-

воположными тем, на которые рассчитывали испанцы: их двадцатитысячная армия в середине 1921 г. потерпела жестокое поражение под Анвалем (Анвалем), рифы захватили несколько сот артиллерийских орудий и пулеметов, тысячи винтовок. Военная победа в прошлом раздробленных берберских племен была закреплена политическим актом выдающегося значения: в конце 1921 г. рифы созвали национальное собрание и провозгласили республику, во главе которой встал Абд аль-Керим. Оценивая события в Марокко, М. В. Фрунзе писал: «Неожиданный и потрясающий по своим размерам разгром испанских войск риффанцами, организация в результате этого разгрома на территории испанской зоны „свободного государства“ Рифф во главе с талантливым вождем Абд эль-Керимом... с особенной силой притягивает всеобщее внимание к марокканским событиям. Значение их выходит далеко за пределы самого Марокко и даже всей Северной Африки» [123, стр. 392].

Национальное собрание провозгласило основной задачей республики изгнание колонизаторов, отдало на нужды армии все налоговые поступления. «Россия, — говорил один из сподвижников Абд аль-Керима, — освободилась от угнетателей, и мы идем по ее пути, ничто не остановит войны, пока мы не добьемся полного освобождения» [486, стр. 92].

Армия Республики Риф насчитывала 40—65 тыс. воинов. Она состояла из сравнительно немногочисленных регулярных частей (6—7 тыс. человек) и ополчения. Регулярные войска, которые комплектовались главным образом из солдат, прошедших военную службу у испанцев и французов, обучали ополченцев и руководили ими на поле боя. В ополчение были мобилизованы все мужчины от 16 до 50 лет. Ежемесячно они проходили недельные сборы в дружинах (харках) своего племени. В период военных операций харки действовали на территории племени или вблизи этой территории [123, стр. 42; 447, стр. 62]. Основными родами войск были пехота и артиллерия. Бóльшая часть орудий была захвачена у испанцев. Подготовленных артиллерийских расчетов не было, огонь вели лишь прямой наводкой. Рифы имели несколько сот пулеметов системы «Гочкис». На их основе были сформированы пулеметные подразделения. Кавалерия была малочисленной: лишь в некоторых ополчениях племен имелись отряды конницы [802, стр. 153].

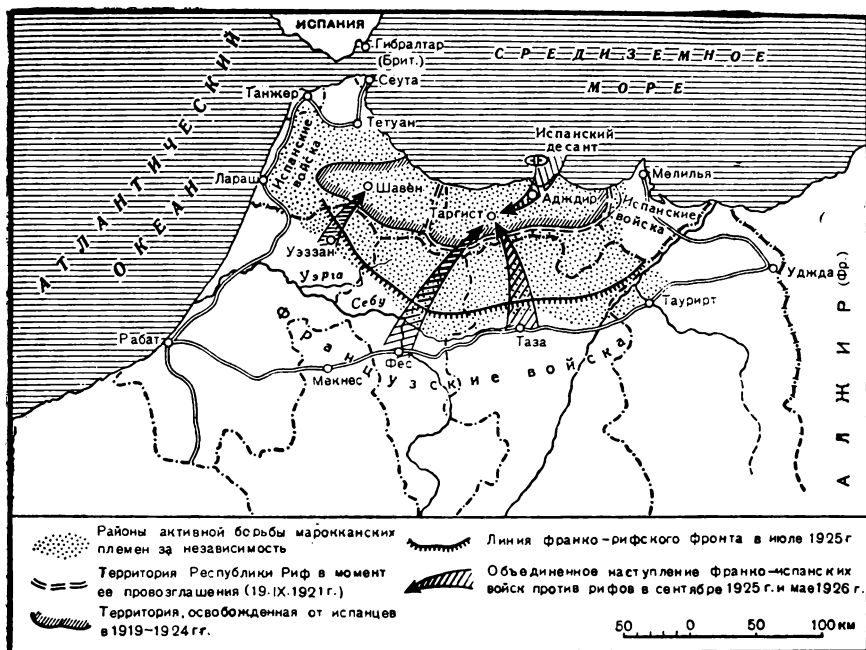
Вооруженным до зубов, но малоподвижным испанским колоннам рифы противопоставили высокую маневренность, хорошее знание местности, отличную маскировку. Их армия воевала трофейным оружием, а также оружием, полученным контрабандой через Танжер, и, наконец, винтовками, купленными у солдат-марокканцев в разлагавшихся частях испанской колониальной армии. Мобилизация всех средств на борьбу с врагом дала замечательные результаты: во время крупных боев каждый воин мог ежедневно расходовать по 400 патронов и 20 гранат

[802, стр. 155; 627, стр. 41]. Все это давало возможность их военным руководителям довольно широко использовать наступательную тактику. Разведка рифов быстро находила уязвимые места в обороне противника. Они часто применяли такие формы маневра, как обход и охват флангов, стремились наносить удары в стыки между частями и подразделениями колонизаторов. В случае неудачного фронтального наступления рифы блокировали вражеские гарнизоны, надеясь взять их измором [447, стр. 64; 802, стр. 155].

Вслед за провозглашением республики последовали новые поражения испанцев. В начале 1922 г. они были разбиты под Мелильей и Сабта, в конце того же года — под Тегуаном, Ларашем и Чечауаном (Шешауэн). Одна за другой провалились попытки испанского командования осуществить контрнаступление. 20 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести, 7 тыс. пленных — таков был итог предпринятого контрнаступления. Испанские войска удерживали под своим контролем лишь узкую приморскую полосу испанской зоны Марокко [123, стр. 433—434; 389, стр. 396; 802, стр. 95; 647, стр. 132, 140]. Значительная часть из 400 укрепленных постов и блокгаузов была разгромлена [647, стр. 132, 140]. Не дало результатов и применение, впервые в истории горной войны, бронемашин. Не считаясь с потерями, рифы приближались к ним, окружали и огнем из-за укрытий поджигали бензобаки. Таким способом были уничтожены почти все броневики [802, стр. 105].

Становилось ясно, что Испания не справится с восставшими. На помощь ей пришла Франция, опасавшаяся, что освободительное движение из испанской зоны перекинется в ее собственную. Французская буржуазная пресса открыла клеветническую кампанию, обвиняя рифов в агрессии, грабежах, а тем временем войска маршала Лиотэ в середине 1924 г. вторглись в долину р. Уэрга. Однако поднять пропагандистский шум в прессе оказалось легче, чем воевать с рифами. К лету 1925 г. французские войска были выбиты из ряда пунктов и понесли большие потери, их укрепления — прорваны. Парижским буржуазным газетам не оставалось ничего другого, как свалить вину на незадачливого карателя Лиотэ [764, стр. 37—54; 802, стр. 172, 183; 572, стр. 189—193, 245].

События вынудили французское правительство направить в Марокко маршала Петэна. С Испанией было заключено соглашение о совместных военных операциях и блокаде Республики Риф. Оснащенная новейшим вооружением, танками, авиацией, французская армия была доведена до 325 тыс., испанская — до 140 тыс. человек [389, стр. 396; 690, стр. 125—126; 572, стр. 245; 647, стр. 203]. Единственными, кто протестовал против этих военных приготовлений во Франции, были коммунисты. В своем обращении 14 мая 1925 г. они потребовали мира в Марокко, признания Республики Риф, призвали французских солдат

Национально-освободительная борьба рифов в Марокко (1919—1926 гг.)

брататься с рифами. Инициативу ФКП поддержали 900 тыс. рабочих во время всеобщей забастовки в октябре 1925 г. В ответ на активистов движения против колониальных войн обрушились репрессии. Около 2 тыс. человек попали за решетку. 14 месяцев тюрьмы — таков был приговор председателю Комитета действия М. Торезу, Генеральному секретарю ФКП [255, 1970, № 12, стр. 64—65].

Со второй половины 1925 г. рифы, сражавшиеся на два фронта, начали терпеть поражения. Испанцам, координировавшим свои операции с французами, удалось высадить десант в Альхусемасской (Вилья-Алусемасской) бухте, занять столицу рифов Адждир. Мирные переговоры, которые одно время велись с рифами, были прерваны ввиду ультимативных требований колониальных держав [446, стр. 25].

В середине 1926 г. сопротивление рифов было сломлено, Абд аль-Керим попал в плен. Республика Риф прекратила свое существование. Правда, в отдельных районах Марокко борьба не прекращалась еще несколько лет. Последние отряды повстанцев были разбиты в Южном Марокко и соседней Мавритании лишь в 1934 г. [389, стр. 398; 802, стр. 197—214].

Борьба рифов обогатила освободительное движение народов Северной Африки опытом революционной вооруженной борьбы. Она дала «неслыханной силы толчок национально-освободитель-

ному движению всех колониальных народов» [123, стр. 442], нашла свое продолжение в восстании друзов в Сирии. Горячую симпатию и солидарность с борющимися рифами выражали трудящиеся Советской страны.

Глубокий анализ военных и политических особенностей борьбы рифов за свободу и независимость провел М. В. Фрунзе. Война рифов с колонизаторами, указывал он, еще раз продемонстрировала, что в действиях против колониальных войск наиболее эффективным средством была партизанская война малых отрядов, основанная на быстроте, смелости, внезапности и решительности их действий. Наличие регулярной армии у рифов позволяло в исключительных случаях объединяться и давать подобие регулярного сражения [там же, стр. 440]. М. В. Фрунзе подметил важную тенденцию в будущих военных операциях — широкое использование авиации не только в целях разведки, но и как боевого и транспортного средства [там же, стр. 467]. По определению Фрунзе, война носила «сугубо выраженный маневренный характер» [там же, стр. 464]. Поэтому, подчеркивал он, французской армии, воспитанной в традициях позиционной войны 1914—1918 гг., придется стать высокоманевренной, разгрузить боевые части от излишних тылов и обременительной техники. Проницательность М. В. Фрунзе выразилась еще и в том, что он впервые поставил вопрос об изучении войн в колониях для выявления общих тенденций развития военного искусства [там же, стр. 393]. Выводы о маневренном характере будущей войны, об усилении роли авиации, об особенностях горной войны в современных условиях получили подтверждение в ходе второй мировой войны. Причины поражения восстания рифов крылись в социальных противоречиях, племенном сепаратизме, его локальном характере. Рифы требовали независимости только для своего государства, а не для всего Марокко. Каждое племя вело борьбу на свой страх и риск, мало заботясь о соседях. Немаловажную роль сыграло и предательство «верхов» [там же, стр. 407; 486, стр. 90].

Сопrotивление агрессии фашизма в Ливии и Эфиопии

Африканским народам первым пришлось столкнуться с колониальной агрессивной фашизмом.

Придя к власти в 1922 г., Муссолини решил расширить зону оккупации в Ливии, где после итало-турецкой войны не прекращались разрозненные антиколониальные выступления. «Ситуация на Балканах и в странах ислама заслуживает внимания и бдительности», — произнес дуче, выступая в парламенте [763, стр. 92]. Это выступление фашистского диктатора положило начало возобновлению войны в Ливии, которую фашизм и итальянская буржуазия решили сделать поселенческой колонией.

Итальянские генералы с присущим им «оптимизмом» надеялись закончить войну за несколько недель. Захватчики, однако,

столкнулись с силой сопротивления народов Киренаики и Триполитании, достигших к этому времени соглашения о политическом единстве. Шейх Омар аль-Мухтар возглавил единое военное командование. Война приняла преимущественно партизанский характер. Такому виду боевых действий способствовали условия пустынной и горной местности. Основной силой ливийцев были партизанские кавалерийские отряды, обладавшие преимуществом в скорости передвижения и хорошо ориентировавшиеся в пустыне.

Приверженность фашистов решать все проблемы путем тотального насилия как нельзя лучше устраивала их империалистических хозяев. Генералу Грациани была предоставлена полная свобода действий. Борьба с повстанцами заняла почти десять лет. Крестьян сгоняли с земли, у кочевников отбирали стада, бетоном заделывали колодцы. Уничтожались целые племена. Коренное население Ливии сократилось с 1,3 млн. в 1921 г. до 0,7 млн. в 1928 г. Генерал Грациани заслужил прозвище «кнутобоец» [486, стр. 175; 763, стр. 79].

Овладеть Триполитанией итальянцам удалось лишь в 1928 г., а Феццаном — в 1930 г. Главные силы партизан в Киренаике были разгромлены лишь в 1932 г. Тогда же был казнен и их вождь — Омар аль-Мухтар.

Следующим этапом фашистской колониальной экспансии в Африке стала Эфиопия.

Вторжение в Эфиопию было новым этапом фашистской агрессии против африканских народов. Италия начала готовиться к войне с 1932 г. За три года, предшествовавших вторжению, в итальянские колонии Эритрею и Сомали были переброшены 400 тыс. солдат и офицеров (общее количество фашистских войск таким образом увеличилось до 500 тыс. человек), 1300 грузовых автомашин, 800 артиллерийских орудий и 11,5 тыс. пулеметов, построено и модернизировано 79 военных аэродромов [616, стр. 161—162]. Развязыванию агрессии способствовала политика «невмешательства» Англии, Франции и США.

Война началась 3 октября 1935 г. Принято считать, что она длилась семь месяцев — до 5 мая 1936 г. В действительности же это был лишь первый этап борьбы эфиопов за независимость. Вторым этапом (май 1936 — декабрь 1940 г.) было движение Сопротивления, принявшее форму партизанской войны против оккупантов. Третьим этапом, начало которого совпало с началом боевых действий по освобождению Восточной Африки в январе 1941 г., стало народное восстание за окончательное освобождение страны [400, стр. 113].

Против 500-тысячной итальянской армии, оснащенной современной техникой, император Хайле Селассие I смог выставить 450 тыс. человек, среди которых преобладали плохо вооруженные ополченцы. Эфиопская армия не была обучена современным видам боя. Она имела лишь 50 тыс. магазинных винто-

вок, 200—300 пулеметов, до 50 различных орудий. Полное отсутствие зенитной артиллерии и авиации оставляло войска и население беззащитными перед налетами итальянских самолетов.

Неравенство в военно-техническом отношении усугублялось эмбарго на ввоз оружия в Эфиопию, которое ввели империалистические державы — Англия, Франция и США. Не имея возможности закупить оружие в других странах (Эфиопия не имела выхода к морю), правительство Хайле Селассие I смогло использовать лишь русские берданки (подарок России 1896 г.), которые в числе нескольких десятков тысяч хранились как резерв в особых подземных складах [438, стр. 28].

Эфиопские солдаты обладали блестящими боевыми качествами: они были выносливы, неприхотливы, мужественны, предприимчивы и отлично владели своим оружием. Однако их высокие индивидуальные качества сводились на нет примитивной военной организацией. В составе эфиопской армии наиболее боеспособную часть составляла императорская гвардия. Остальные войска носили смешанный характер. В них входили войска провинций и племен, формирования солдат-ополченцев, всеобщее ополчение.

Итальянские войска развернули наступление по трем оперативно-стратегическим направлениям — с севера, северо-востока и юга. Основные бои развернулись вдоль главной транспортной артерии страны — шоссейной дороги Асмара — Аддис-Абеба.

Эфиопская армия фактически не имела единого оперативного руководства [721, стр. 206]. Условия местности и плохие средства связи препятствовали организации эффективного оперативно-стратегического взаимодействия между фронтами.

На первых порах эфиопы склонялись к ведению подвижной обороны на главных направлениях в сочетании с тактикой партизанских действий в тылу и на коммуникациях итальянских войск [438, стр. 64]. Такая тактика до определенной степени походила на тактику Абд аль-Керима. Эфиопской армии удалось нанести несколько чувствительных ударов по агрессору. На ее сторону переходили тысячи солдат из сформированных итальянцами колониальных частей [400, стр. 82]. Однако в 1936 г. в значительной степени под влиянием иностранных военных инструкторов эфиопские войска перешли к действиям крупными оперативными группами и дали несколько сражений с решительными целями¹, надеясь на скорую развязку. Тем самым негус дважды подставил армии северного фронта под удары технически оснащенного противника, а затем дал втянуть себя в генеральное сражение у Амба-Алаги [438, стр. 51—57]. Оно

¹ Это были сражения при Аксуме, первая и вторая битвы в Тембене, Амба-Арадамская операция, сражение в Шире [подробнее см.: 438, стр. 40—51].

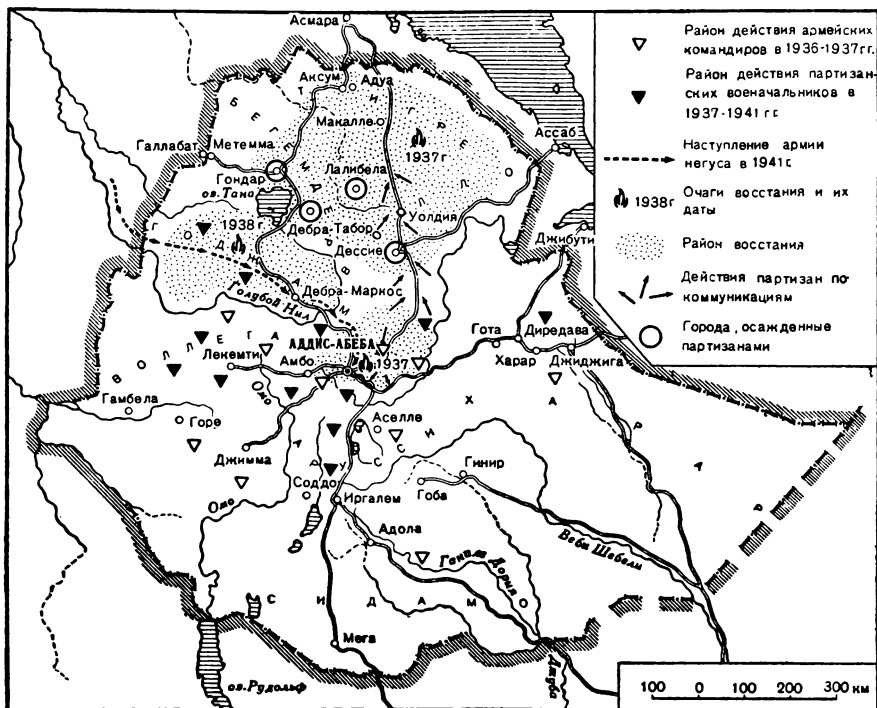
окончилось неудачей, и эфиопская армия 5 мая 1936 г. оставила столицу.

Неудачный для эфиопов исход боевых действий был вызван прежде всего подавляющим военно-техническим превосходством противника. Чтобы сломить сопротивление эфиопов, итальянские фашисты подвергали варварской бомбардировке их города и селения, широко применяли отравляющие вещества [там же, стр. 82—84]. Только от отравляющих газов и жидких отравляющих веществ погибли 275 тыс. эфиопов. Эфиопское верховное командование не смогло преодолеть сепаратизма некоторых расов. Кроме императора и расов Имру и Насибу, никто из военачальников не имел специального военного образования. Армия была доверена иностранным военным советникам и инструкторам, дисциплина была слабой, плохо был организован тыл.

Итальянскую агрессию в Эфиопии гневно осудили прогрессивные силы Европы, Африки и Азии. В ряде стран образовались комитеты помощи Эфиопии, туда отправлялись денежные сборы, санитарные отряды. Горячую поддержку встретила борьба эфиопского народа в СССР. Советский Красный Крест предоставил правительству Хайле Селассие I материальную помощь. Представитель СССР в Лиге наций М. М. Литвинов потребовал применения самых энергичных и решительных санкций к Италии. Советские предложения, однако, не были поддержаны большинством членов Лиги наций, которые фактически встали на путь поощрения агрессора [400, стр. 82—101]. Вследствие раскольнических действий руководства Социалистического Интернационала, которое отвергло предложения Исполкома Коминтерна о единых действиях против фашистской агрессии, было сорвано формирование единого антивоенного фронта прогрессивных сил [97, стр. 428—429].

После захвата Аддис-Абебы в Эфиопии развернулась партизанская война, поддержанная всеми народами Эфиопии. Их объединяли патриотические чувства и всеобщее стремление не допустить превращения своей страны в расистскую поселенческую колонию. Итальянские оккупационные власти держали в Эфиопии армию в 291 тыс. солдат и офицеров для охраны 3,5 тыс. семей колонистов от эфиопских патриотов [607, стр. 212, 293]. Тем не менее, планы колонизации Эфиопии итальянским империализмом терпели провал.

Борьба против оккупантов приняла массовый характер. Наряду с соединениями эфиопской армии в ней участвовали партизанские отряды. Формировалась подпольная организация Сопротивления. К концу 1936 г. началось объединение всех патриотических сил в провинциях Арусси, Бале, Харар. Зимой 1936/37 г. итальянцы предприняли наступление против партизанских формирований расов Имру и Деста, бросив в бой мотоциклистов и авиацию [771, стр. 99].

Партизанская борьба эфиопского народа против итало-фашистских оккупантов (1936—1941 гг.)

С начала 1937 г. почти во всех провинциях развернулись ожесточенные бои. К марту 1937 г. в партизанском движении участвовали 400 тыс. человек [400, стр. 118]. В центральной провинции Шоа действовала сотысячная армия под командованием национального героя Эфиопии раса Абебе Арегая [771, стр. 94].

В своей докладной записке на имя Муссолини генерал-губернатор Эфиопии признал, что репрессии не смогли сломить патриотов: «Положение поистине ужасное, влияние итальянцев распространяется лишь в радиусе пушечного выстрела, но никак не дальше» [381, стр. 79—80].

Успехи партизанского движения в Эфиопии были бы значительно большими, если бы не предательская политика империалистических держав, официально признавших захват Эфиопии Италией и способствовавших транзиту туда войск и оружия.

Боевые действия партизан заложили основу для разгрома итальянских войск в Восточной Африке в 1941 г.

§ 3. АФРИКАНЦЫ В БОЯХ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ АГРЕССОРОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы второй мировой войны почти все африканские народы были вовлечены в вооруженную борьбу с ударными отрядами международного империализма — германо-итальянским фашизмом и японским милитаризмом. Северная и Северо-Восточная Африка стала ареной боевых действий между воюющими сторонами. В Эфиопии, Кении, Сомали, Ливии и других странах шла партизанская война против фашистских агрессоров. Сотни тысяч африканцев участвовали в боях далеко за пределами родного континента — в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии.

Африка была важной военно-экономической базой союзных держав (особенно после утраты источников сырья в Юго-Восточной Азии), перекрестком стратегических воздушных и морских маршрутов, связывавших Америку, Европу, Ближний Восток и Индию. Африканские колонии превратились в основную территориальную, экономическую и финансовую базу движения «Свободная Франция», десятки тысяч африканцев стали его первыми солдатами, заняли место в рядах его вооруженных сил.

Борьба с фашистской агрессией в годы второй мировой войны объективно отвечала интересам всех африканских народов. Германия и Италия планировали создать в Африке огромные колониальные империи с еще более жестоким колониальным режимом. Победа фашизма привела бы к общему укреплению империализма и надолго задержала бы развитие национально-освободительного движения. Однако широкое вовлечение африканцев в вооруженную борьбу против фашистской агрессии произошло в значительной степени против воли и желания колониальных держав.

Африканские колониальные войска Великобритании

Основной задачей африканских колониальных войск Великобритании перед второй мировой войной было осуществление полицейских функций в колониях. Их состав в сопоставлении с другими войсками Британской империи в Африке был следующим [129, стр. 3; 747, стр. 121; 384, стр. 147; 681, стр. 77]:

	Тыс. человек
Египетская национальная армия	13
Суданские оборонительные силы	5
Вооруженные силы Южно-Африканского Союза	22
Африканские колониальные войска	19
В том числе:	
королевские африканские стрелки (Восточная Африка, Ньясаленд, Северная Родезия)	8
западноафриканские пограничные силы (Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне, Гамбия)	11

Армия ЮАС, так же как территориальные части в Северной и Южной Родезии, комплектовалась исключительно из европейцев. В остальных английских владениях рядовыми колониальными частями были одни африканцы. Колониальные войска и армия ЮАС комплектовались на основе добровольности. В Египте существовала обязательная воинская повинность, но практически в армию зачислялось лишь 4% ежегодного контингента.

Войска английских владений в Африке были приведены в боевую готовность еще до начала войны. В начале 1939 г. правительство метрополии выделило субсидию в 1 млн. ф. ст. на приобретение нового оружия и снаряжения для африканских колониальных сил [648, стр. 325].

26 августа 1939 г. в колониях была объявлена полная мобилизация [723, стр. 475—476]. Но хотя колонии не были застигнуты войной врасплох, их войска в Северо-Восточной Африке оказались недостаточно подготовленными к отражению первых ударов итальянских войск. Рассчитывая на сговор с фашистскими агрессорами, направленный против СССР, правительство Чемберлена до последнего времени оттягивало развертывание и переброску колониальных войск к границам итальянских владений, и командование разработало план «сдерживания итальянского наступления минимальными силами» [там же, стр. 480]. В начале 1940 г., установив на границах своих владений с Эфиопией «сердечные отношения» с итальянцами [там же, стр. 477], англо-французское командование приступило к военным приготовлениям и наращиванию сил на стратегических направлениях к советскому Кавказу.

В предвоенные годы итальянский фашизм увеличил колониальную армию за счет привлечения в нее африканцев. К началу военных действий Италия держала в Северо-Восточной Африке почти 300-тысячную армию, в составе которой было 813 орудий, 325 различных самолетов, 63 танка и 129 броневедомостей, около 9 тыс. пулеметов и более 6 тыс. автомашин [561, стр. 28; 620, стр. 57; 563, стр. 209; 607, стр. 280]. В эту армию входили регулярные пехотные и альпийские части, дивизии чернорубашечников (фашистской милиции). Свыше половины, а по некоторым данным, две трети итальянских войск составляла слабо вооруженная колониальная пехота, набранная из африканцев Северо-Восточной Африки и Ливии. Кроме того, в распоряжении итальянского командования имелись иррегулярные отряды из жителей пограничных районов [701, стр. 11—12].

Начиная военные действия, итальянское командование рассчитывало не столько на свои наступательные возможности, сколько на слабость англичан. Отсутствие у противника в этой части Африки авиации и зенитной артиллерии гарантировало итальянцам господство в воздухе.

Движение Сопротивления в Эфиопии в 1939—1940 гг.

Однако положение фашистской Италии в Северо-Восточной Африке не было устойчивым. В Эфиопии шли восстания, стихийно возникали повстанческие армии.

С начала второй мировой войны партизанское движение начало набирать новые силы. Уже в 1938 г. наметилась тенденция к объединению, координации действий и созданию единого военного руководства в пределах одной или нескольких провинций [400, стр. 123—124; 278, 1968, № 2, стр. 65, 72]. К 1940 г. в большинстве провинций Эфиопии — в Годжаме, Бегемдере, Шоа, Воллеге, Хараре и Тигре — оккупационный режим сохранялся только в тех населенных пунктах, где итальянцы имели сильные гарнизоны. Многие военные базы были блокированы, и их снабжение осуществлялось при помощи самолетов [278, 1968, № 2, стр. 86—89]. Вся область Данакиль и некоторые районы в Годжаме, Волло и Бегемдере полностью находились в руках эфиопов.

Успехи партизан оказывали сильнейшее деморализующее влияние на итальянские войска, особенно на колониальные части. Участились случаи дезертирства не только африканских, но и итальянских солдат и офицеров, в войсках падала дисциплина, снижалась их боеспособность. В мае 1940 г. глава чернорубашечников в Восточной Африке Бонакорси, сообщая о том, что с апреля 1939 г. убийства итальянских офицеров стали обычным явлением, предостерегал правительство: «Скрытое возмущение, существующее на всей территории империи, приведет к окончательной и трагической развязке, когда разразится война» [там же, стр. 92].

Своими действиями после начала войны партизаны сковывали противника, серьезно затрудняли концентрацию его войск близ суданской границы [там же, стр. 95].

В июле 1940 г. Хайле Селассие I прибыл в Судан, чтобы возглавить кампанию за освобождение страны. Возвращение императора в Африку и развернутая его ставкой идеологическая и организаторская работа способствовали объединению патриотических сил. Ставка начала издавать газету на амхарском языке «Бандерачин», наладила печатание и доставку в страну листовок, в которых император призывал население и солдат колониальных войск подняться против захватчиков [741, стр. 20]. Узнав о возвращении императора из изгнания, тысячи беженцев-эфиопов устремились в Судан и Кению, чтобы объединиться вокруг главы своего государства [236, 3.VIII.1940, стр. 81]. Однако англичане, которые рассчитывали прибрать Эфиопию к своим рукам, не торопились укреплять армию Хайле Селассие I. Английское командование согласилось лишь на создание одного эфиопского батальона в Судане и двух — в Кении

[278, 1968, № 2, стр. 96; 562, стр. 64, 67]. Вместо обещанной артиллерии и современного стрелкового оружия эфиопы получили винтовки устаревших образцов, патроны и четыре миномета [400, стр. 133].

Под предлогом «военной необходимости» англичане попытались отстранить Хайле Селассие I от практического руководства патриотическим движением, сделав его лишь номинальной фигурой. Однако эта попытка встретила упорное сопротивление как со стороны самого императора, так и со стороны большинства партизанских лидеров, добивавшихся равноправных союзнических отношений между Англией и Эфиопией.

Сопротивление итальянскому наступлению в Северо-Восточной и Восточной Африке (лето 1940 г.)

В июле 1940 г. крупные итальянские силы начали продвижение в глубь Судана и Кении. Итальянцы встретились с упорным сопротивлением колониальных войск и населения этих стран. Итальянской армии противостояли 9-тысячная армия Судана² и 22,2 тыс. королевских африканских стрелков [723, стр. 479], у которых не было ни танков, ни противотанковой артиллерии. На суданском операционном направлении 6,5-тысячная колонна итальянской пехоты при поддержке танков, артиллерии и авиации попыталась овладеть г. Кассала, который защищали сводный пехотный батальон суданцев и небольшой отряд полиции, усиленный танками. Несмотря на малочисленность, суданцы упорно сопротивлялись врагу. Не имея другого оружия, кроме ручных пулеметов и противотанковых ружей (ПТР), они были вынуждены оставить город. Итальянцы потеряли 500 человек и 6 танков [667, стр. 60].

Упорно защищались гарнизоны опорных пунктов на кенийском операционном направлении. Пять дней — с 10 по 15 июля — рота африканских стрелков отважно отражала атаки итальянской бригады в форте Мояле на северной границе Кении. В первый же день на территории форта разорвалось не меньше тысячи снарядов, причинивших большие разрушения. Но, переждав обстрел в укрытиях, африканцы отбили атаки вражеской пехоты. Бои не прекращались ни днем, ни ночью. На четвертый день итальянцам удалось расположить артиллерийские орудия почти вплотную к форту, который был полностью окружен. Колонна, посланная английским командованием на помощь осажденным, не смогла прорваться в форт. Вода и боеприпасы были

² Кроме нее в Судане находились также три английских батальона, но они отвечали за оборону Хартума, Порт-Судана и Атбары и непосредственного участия в боевых действиях на первом этапе кампании в Северо-Восточной Африке не принимали [667, стр. 41].

на исходе. Получив по радио приказ об отходе, африканцы ночью с боем вышли из окружения, вынесли всех раненых, оружие и остатки боеприпасов [562, стр. 11—17; 236, 20.VI.1940, стр. 46; 10.VIII.1940, стр. 101].

Не в силах выстоять перед натиском превосходящих, хорошо технически оснащенных войск противника, суданские и восточно-африканские силы в ряде мест перешли к партизанским действиям. Особенно успешно проявили себя в этом виде войны моторизованные суданские отряды. Всюду, где могла пройти машина или вскарабкаться человек, активно действовали пешие, конные и моторизованные патрули и партизанские группы. В Судане удачно сражались отряды, возглавляемые шейхами Бакром и Кером, вождем Мак-Найлом, и многие другие [667, стр. 57, 65, 74, 83]. В Кении вместе с эфиопскими отрядами действовали иррегулярные подразделения воинов разных племен, вооруженные оружием, оставшимся от отцов и дедов и добытым в боях [562, стр. 46, 58, 67—68]. Жители захваченных итальянцами районов помогали партизанам. В течение шести месяцев, пока Кассала находилась в руках итальянцев, жители города, рискуя жизнью, прятали и спасали партизан, переправляли английскому командованию ценные разведывательные данные [667, стр. 70].

Сопrotивление, встреченное в Судане и Кении, а также активизация освободительного движения эфиопского народа заставили итальянское командование отказаться от дальнейшего наступления³. Свернув боевые действия на этих операционных направлениях, 4 августа 1940 г. итальянцы повели наступление силами 35-тысячной группировки на Британское Сомали, где англичане распялагали 6 тыс. колониальных солдат [562, стр. 37]. После тяжелых двухнедельных боев войска Британского Сомали вынуждены были эвакуироваться в Аден.

Тяжелое положение, в котором оказалась Англия летом 1940 г., вынудило правительство У. Черчилля приступить к массовому набору африканцев в вооруженные силы. Созданные на территории английской Африки военные округа спешно занимались формированием и обучением новых колониальных частей, бригад и дивизий. Шесть бригадных групп (в том числе две усиленных) было создано в Восточной Африке, пять — в Западной [673, т. II, стр. 419—441, 445—446]. Коренные жители Южной Африки составили основу частей и подразделений обслуживания строевых дивизий и вспомогательных войск в армии ЮАС. Большое количество африканских вспомогательных

³ Вскоре после 10 июня 1940 г. весь северо-запад страны, особенно провинция Бегемдер, был наводнен партизанскими отрядами. Восстание охватывало все новые районы провинций Волло, Сидамо и Шоа, где действовали отряды под руководством Абебе Арегая, Калеба и Ворку, Тафара Габре Иоаннеса, Шалака Месфина, баламбараса Шибеша и многих других [278, 1968, № 2, стр. 95].

и обслуживающих частей вошло в состав английских, а позднее и других союзных соединений.

До войны в английских военных кругах господствовала расистская концепция о неспособности африканцев овладеть современным оружием и техникой. В соответствии с этой концепцией поначалу в формируемых африканских дивизиях было мало артиллерии, инженерных войск и войск связи, совершенно отсутствовали танковые, разведывательные подразделения и вспомогательные службы [673, т. I, стр. 118—126]. Жизнь заставила англичан отказаться от подобных идей и вопреки сомнениям Черчилля пойти на создание в колониальных силах всех родов войск и служб, приступить к широкому обучению африканцев различным военным специальностям [581, стр. 654; 648, стр. 371; 344, 1944, № 9, стр. 160—161]. К тому же практика боевой подготовки убедила английское командование, что африканцы вполне способны овладеть техническими знаниями и практическими навыками обращения с современным оружием и техникой. В мирное время английские власти предпочитали набирать в колониальные войска выходцев из отсталых племен, полагая, что невежественных людей легче держать в руках. Теперь низкий образовательный уровень новобранцев стал похемой.

В Родезии, Нигерии, Золотом Береге, Ньясаленде, Бечуаналенде и других колониях были открыты специальные школы и учебные центры [523, стр. 117; 648, стр. 326]. Большое количество военных специалистов готовилось на территории Египта. В результате в ходе войны личный состав артиллерии, войск связи и транспортных частей стал комплектоваться почти из одних африканцев.

В отличие от первой мировой войны теперь солдаты вспомогательных частей были вооружены стрелковым оружием и прошли полный курс боевой подготовки. В ходе боев эти части нередко использовались как боевые.

Нехватка европейских кадров заставила англичан приступить к африканизации младшего командного состава. В довоенные годы на сержантские должности назначались преимущественно выходцы из привилегированных слоев. Теперь все кадровые солдаты, вне зависимости от происхождения, становились сержантами во вновь формируемых подразделениях [723, стр. 490; 648, стр. 365; 344, 1944, № 9, стр. 160]. При отборе африканцев в школы сержантского состава стали учитываться в первую очередь их грамотность и способности.

На африканизацию офицерского состава англичане не пошли, хотя в строевых частях офицеров не хватало. Не желая готовить офицеров из африканцев, английское командование предпочло в начале 1942 г. отказаться от дальнейшего увеличения численности колониальных войск. В результате за все годы войны офицерами стали лишь несколько африканцев, в том

числе кабака Буганды Мтеза II и его брат [648, стр. 372—373; 548, стр. 113].

Дискриминация африканских солдат проводилась повсюду. Африканцы не могли пользоваться вместе с английскими солдатами одними полковыми лавками, столовыми, жильем. Африканцы, исповедующие христианскую религию, молились отдельно от христиан-европейцев. Даже в госпиталях раненые делились по цвету кожи: африканские солдаты английской, бельгийской, французской армий лечились в госпиталях для чернокожих [548, стр. 91—92; 723, стр. 587].

Участие африканцев в боях за освобождение Эфиопии. Национально-освободительное восстание эфиопского народа (январь — декабрь 1941 г.)

Сосредоточив до 150 тыс. войск в Судане и Кении, англичане в январе 1941 г. перешли в наступление⁴. Оно велось по трем операционным направлениям. С севера через Эритрею наступали суданские и индийские войска, поддержанные частями (большой частью африканскими) «Свободной Франции». Через Южную Эфиопию и Сомали продвигались 11-я и 12-я африканские и 1-я южноафриканская дивизия. С запада на территорию Эфиопии вступили смешанные судано-эфиопские регулярные части и партизанские отряды во главе с Хайле Селассие I; их поддерживали на юго-западном направлении суданские и восточноафриканские отряды, колониальные части из Бельгийского Конго («форс публик») (см. карту 1 в прил.).

Таким образом, африканцы составили основной костяк союзных войск. Но главной, ведущей силой кампании стали народы Эфиопии и Сомали, единодушно поднявшиеся на борьбу с захватчиками. Действия повстанцев определили ход, продолжительность и исход боевых действий в Северо-Восточной Африке.

Семидесятитысячная группировка итальянских войск в Эритрее, измотанная постоянными налетами колониальных войск и партизан, оказав лишь незначительное сопротивление, поспешно отошла в район Керена, а тем временем регулярные эфиопские части вступили на родную землю. Пока английские войска осаждали Керен, эфиопы перерезали дорогу, ведущую на север из

⁴ Значительную помощь в подготовке наступления оказали партизаны, которые с помощью восточноафриканских частей к началу 1941 г. полностью очистили от итальянцев территорию Северо-Западной Кении. 60 тыс. повстанцев успешно действовали в Южной Эфиопии, полным ходом шла подготовка к всеобщему восстанию в западных и центральных провинциях страны: туда переправлялось оружие, там создавались запасы продовольствия и боеприпасов [562, стр. 67, 69].

Аддис-Абебы, по которой итальянцы перебрасывали подкрепления осажденным. Захватив сильно укрепленный опорный пункт итальянцев в Энджабаре, они двинулись к Аддис-Абебе. К середине февраля партизанское движение в провинциях Годжам и Бегемдер переросло во всеобщее восстание. Всюду на своем пути армия видела следы народного возмездия. Дороги были усеяны разбитыми машинами, военной техникой, трупами итальянских солдат [594, стр. 108]. В результате ожесточенных боев судано-эфиопские войска взяли г. Бурие и расположенную рядом важную военно-воздушную базу, которые обороняли 6 тыс. итальянцев, а к апрелю очистили всю провинцию Годжам, разгромив 35-тысячную группировку противника. Эфиопская армия насчитывала в это время около 30 тыс. человек, общая численность повстанческих сил доходила, по различным оценкам, от 100 до 500 тыс. человек [278, 1968, № 2, стр. 115, 119; 531, стр. 29—33].

Африканским частям, вступившим в Сомали и Южную Эфиопию с территории Кении, противостояли пять итальянских дивизий (40 тыс. человек) и большое количество иррегулярных войск. Противник занял оборону вдоль сильно укрепленного рубежа по р. Джуба [723, стр. 506; 648, стр. 335; 278, 1968, № 2, стр. 119]. Против него были брошены 12-я африканская дивизия⁵ и 23-я нигерийская бригада 11-й дивизии. Упорные двухнедельные бои закончились прорывом итальянской обороны. Форсировав р. Джубу в нескольких местах и выйдя противнику в тыл, африканские войска устремились на Могадишо. Воодушевленное их успехами, все население Сомали поднялось с оружием в руках. Многие итальянские колониальные части повернули оружие против своих хозяев. В обстановке всеобщей дезорганизации и паники итальянцы начали откатываться сначала к г. Харару, а оттуда — к Аддис-Абебе, бросая оружие и боеприпасы [594, стр. 87—88; 278, 1968, № 2, стр. 109—110].

В полосе наступления 11-й африканской дивизии итальянцы минировали дороги, взрывали мосты. В ущельях и на перевалах Абиссинского нагорья они создали большое количество оборонительных позиций, большинство которых приходилось брать в лоб, штурмом. Прорубив под огнем противника проходы в проволочных заграждениях ножами-мачете, африканцы бросались в штыковые атаки. Успехи африканских войск деморализовали итальянцев. После захвата англичанами Керена, Джиджиги и Харара в марте 1941 г. дезертирство в итальянской армии приняло катастрофические размеры: в короткий срок 40 батальонов итальянской колониальной пехоты полностью растворились среди населения деревень, в других частях осталось не больше 30—40% их прежнего состава [741, стр. 24]. Боясь возмездия

⁵ 12-я африканская дивизия состояла из 1-й южноафриканской бригады, 22-й восточноафриканской и 24-й бригады Золотого Берега [723, стр. 505].

эфиопского народа и будучи не в силах противостоять натиску повстанцев, итальянцы обратились за помощью к... англичанам. Они просили их скорее вступить в Аддис-Абебу, а также выслать карательные отряды для подавления восставших [585, стр. 196; 594, стр. 87, 112].

6 апреля 1941 г. английские колониальные войска и одна южноафриканская бригада вошли в столицу Эфиопии и приняли капитуляцию находившихся там итальянских частей [801, стр. 54]. Однако, не желая сдаваться эфиопам, итальянцы продолжали сопротивляться войскам Хайле Селассие I, которые продвигались к столице с запада. Несколько партизанских отрядов, пробившись с боями через горы, все-таки вошли в Аддис-Абебу одновременно с 11-й дивизией, основные же силы эфиопов по политическим соображениям были на целый месяц задержаны англичанами в Дебра-Маркосе [531, стр. 30].

С взятием Аддис-Абебы закончились основные сражения в Северо-Восточной Африке. За итальянцами остались, правда, труднодоступные горные районы близ Гондара, в Дессие, у Амба-Алаги, в Джимме и в районе озер провинции Галла—Сидамо. Завершение разгрома противника было возложено на африканские войска: 11-ю и 12-ю дивизии, суданские и конголезские части, регулярные и партизанские силы Эфиопии.

Операции проводились в период дождей, в условиях бездорожья. Солдаты мерзли, страдали от горной болезни, инфекций, вели бои в кишаших москитами болотах, карабкались по отвесным склонам, преодолевая пулеметный огонь, находили невидимого врага в густой двухметровой траве, усыпанной минами, прорубали дороги сквозь густые заросли джунглей, переправлялись вплавь через разлившиеся бурные реки, наводили бесконечное количество мостов и переправ. Продовольствие, военное имущество и технику приходилось переносить на себе, так как вьючных животных не хватало, а автомашины непрерывно ломались на дорогах, усыпанных валунами, вязли в песчаных руслах высохших рек. Через горные перевалы африканцы тянули ручную пушки и грузовики.

В конце апреля суданские и африканские части совместно с 20-тысячным эфиопским отрядом начали осаду итальянских укреплений у Амба-Алаги. После упорных атак итальянцы вынуждены были капитулировать. В районе озер провинции Галла — Сидамо 11-я и 12-я африканские дивизии с тяжелыми боями преодолели 640 км и, одержав победу в нескольких боях, захватили 25 тыс. пленных и большое количество техники. В одном из боев близ г. Содду при отражении контратаки итальянских танков сержант минометного взвода 22-й восточноафриканской бригады кениец Нигель Лики взобрался на вражеский танк, убил из револьвера командира экипажа через щель люка, проник внутрь машины и остановил ее. Герой погиб, пытаясь захватить другой танк. Его пример воодушевил солдат, которые

с криками «ура!» бросились в атаку и обратили в бегство противника⁶.

В донесениях английского командования отмечалось, что личный состав умело использовал военную технику. Приходилось волей-неволей сделать вывод, что многие африканские сержанты «могут брать на себя командование подразделениями и успешно продолжать выполнение поставленной задачи» [723, стр. 572]. Однако во время военных действий в Эфиопии африканским солдатам еще не хватало опыта, чтобы проявлять в боевой обстановке собственную инициативу, быстро приспосабливаться к ее изменениям. Одной из характерных сторон африканских солдат и партизан было, например, непонимание сущности отступления как тактического приема: оно казалось им поражением. Командиры партизанских отрядов предпочитали умереть на поле боя, чем отдать приказ об отступлении [278, 1968, № 2, стр. 69].

Кампания в Северо-Восточной Африке полностью опровергла шовинистическую концепцию о неспособности африканских солдат успешно действовать против европейской армии, вооруженной современной техникой. Колониальные дивизии, укомплектованные частями и подразделениями обеспечения и поддерживаемые артиллерией и авиацией по нормам английской армии⁷, выполняли самостоятельные оперативно-тактические задачи не менее успешно, чем англо-индийские соединения.

Опыт боев в Северо-Восточной Африке помог африканским войскам в других кампаниях.

В боевых действиях против вишистских войск на о. Мадагаскар (июнь — ноябрь 1942 г.) активно участвовали две восточноафриканские бригады (22-я и 27-я) и войска «Сражающейся Франции». Успех их действий целиком зависел от инициативы и мастерства младшего командного состава, который к этому времени состоял преимущественно из африканцев. В этой кампании африканские сержанты хорошо ориентировались в джунглях, быстро разбирались в боевой обстановке и умело осуществляли маневры на флангах с выходом в тыл противника. В бою за переправу через р. Мамокамиту в сентябре 1942 г. сержант Одило сумел вывести взвод в тыл пулеметных позиций вишистов, захватил их, обезвредив весь левый фланг обороны противника, за что был награжден медалью [723, стр. 587].

⁶ Нигель Грей Лики родился в 1913 г. Окончил среднюю школу в Найроби, сельскохозяйственную — в Англии, после чего работал в Кении на плантациях кофе и сизала. За свой подвиг был посмертно награжден одним из высших военных орденов — крестом Виктории [723, стр. 546].

⁷ При отправке в Египет южноафриканские части передали всю артиллерию, бронетранспортеры и другую технику африканским дивизиям [648, стр. 349].

Участие африканских солдат в боях за освобождение Бирмы (1943—1945 гг.)

В наиболее крупных масштабах африканские войска Великобритании использовались в боях за освобождение от японцев Бирмы. Здесь сражались три африканские дивизии, две отдельные бригадные группы и вспомогательные части общей численностью больше 120 тыс. человек⁸. Бои велись в условиях одного из труднейших по природным и климатическим условиям театров военных действий, против опытного противника.

Африканские соединения действовали в составе более крупных войсковых объединений англо-индийской армии на самых ответственных участках: в провинции Аракан, в Каладанской долине, в «долине смерти» Кабав. С самого начала африканские дивизии и бригады обладали штатными артиллерийскими, противотанковыми, инженерными и другими частями, также укомплектованными африканцами [673, т. I, стр. 118—126]. Перед отправкой в Азию все войска прошли специальную подготовку на Цейлоне.

В 1942 г. англо-индийские войска не смогли противостоять японцам, которые вели наступление силами многочисленных подвижных отрядов, широко применяя обходы, охваты, ночные «психические» атаки, неожиданные нападения с близких дистанций. Против африканцев была применена та же тактика, но безрезультатно. Во время контрнаступления японцев в феврале 1944 г. английское командование, используя высокие боевые качества африканских войск, в том числе хорошую ночную подготовку солдат, сумело организовать оборону в условиях полного окружения, когда целые дивизии снабжались продовольствием и боеприпасами только с воздуха [526, стр. 410].

Африканцы не только умело оборонялись, но также умело наступали в джунглях, последовательно закрепляя захваченную территорию, создавая систему опорных пунктов. Они столкнулись с множеством новых тактических приемов противника, с яростными контратаками, постоянными засадами. Отходя, японцы цеплялись за каждую складку местности, использовали каждое естественное препятствие для создания оборонительных рубежей, которые приходилось брать в кровопролитных боях.

Стойкость и боевое мастерство африканских солдат позволили командованию применить против заблаговременно подготовленной обороны противника метод наступления с рубежа, максимально приближенного к вражеским позициям. В услови-

⁸ 81-я западноафриканская дивизия, в состав которой входили нигерийские, сьерра-леонские и гамбийские пехотные части и бригада Золотого Берега; 82-я западноафриканская дивизия в составе двух нигерийских пехотных бригад и бригады Золотого Берега; 11-я восточноафриканская дивизия; 22-я и 28-я восточноафриканские бригады, укомплектованные жителями Кении, Уганды, Танганьики, Ньясаленда, Британского Сомали и Северной Родезии [673, т. II, стр. 419—441; 234, 1945, № 10, стр. 154—155].

ях джунглей авиация или артиллерия «обнажали» позиции, т. е. уничтожали маскировку, прореживали деревья и сжигали сокращающие видимость ветки и листья. После этого под прикрытием артиллерийского огня вперед шла пехота. Японцы во время воздушных налетов обычно отходили в подземные или скальные укрытия, а затем возвращались и ждали атаки. Поэтому наступающие должны были идти в атаку без промедления, тотчас после воздушной или артиллерийской подготовки.

Участие в общевоинском бою расширяло военный кругозор африканцев, понимание ими роли авиации, танков, артиллерии. Солдаты умело применяли новое автоматическое оружие, командование отмечало их меткую стрельбу, в том числе в ночных условиях. В рукопашных схватках, особенно характерных для боев с японцами, африканцы неизменно одерживали верх [723, стр. 669]. Ближним боем, а также действиями патрулей и разведывательных групп руководили обычно командиры взводов, которыми в бирманскую кампанию, как правило, были африканцы.

Выбывших из строя европейских офицеров и сержантов с успехом заменяли африканцы, благодаря чему в ходе кампании в колониальных войсках выросли значительные кадры африканцев-командиров. Примеров их умелых действий было немало. Так, в бою под Язагуо 24 сентября 1944 г. отличился взвод капрала Асифы. В результате удачного маневра, проведенного по инициативе командира, был смят один из флангов обороны японцев, что обеспечило другим подразделениям возможность завершить разгром противника и захватить укрепленный опорный пункт [там же, стр. 626—627].

В боях отличились многие подразделения. Храбро сражались, например, сомалийцы 71-го батальона 28-й восточноафриканской бригады. Под г. Сабоконгом бригада, попав в окружение превосходящих сил противника, несколько недель вела тяжелые бои, отражая ночные атаки, подвергаясь воздушным и артиллерийским налетам. В одном из боев, когда положение казалось безнадежным, сомалийцы бросились в яростную атаку, увлекая за собой остальных солдат. Не выдержав натиска, японцы бежали, бросая оружие. В итоге сомалийский батальон уничтожил свыше 250 японских солдат и офицеров [там же, стр. 670—672].

Африканцы широко использовались для выполнения специальных боевых задач. В одной западноафриканской бригаде на базе батальонов были созданы шесть отрядов «командос», которые, действуя в глубоком тылу японских войск, совершали дерзкие налеты на базы и коммуникации противника. Их рейды в тыл продолжались по нескольку месяцев и отвлекали на себя значительные силы [746, стр. 146].

В Бирме африканские войска использовались на строительстве дорог, аэродромов, мостов. Солдаты сражались и трудились

в тяжелейших условиях: леса и болота долин Каладана и Кабав кишели комарами, разносчиками малярии и брюшного тифа; влажная жара мешала заживлению ран, что увеличивало и без того большие потери⁹.

Своими победами в Бирме союзное командование в значительной степени обязано африканским солдатам — их смелости, выносливости и стойкости, умению сражаться в джунглях. При подведении итогов кампании командование вынуждено было признать, что африканские войска в джунглях действовали лучше английских [там же, стр. 79].

Пребывание в Бирме способствовало расширению политического кругозора африканских солдат. Освобождая от японцев бирманские города и деревни, они своими глазами видели страшные разрушения, произведенные противником перед отступлением, ущерб, вызванный войной и хозяйничаньем оккупантов, разорение огромных масс населения. На заключительном этапе боев в Бирме африканцы стали свидетелями общенародного восстания бирманцев против японских захватчиков и вместе с повстанческими силами участвовали в окончательном освобождении страны. Из газет и радиопередач они узнавали о героической борьбе и великих победах Советской Армии над германским фашизмом и японским милитаризмом. Беседы с английскими, индийскими, американскими солдатами, многие из которых являлись простыми тружениками и относились к своим африканским товарищам без расовой предубежденности, помогали лучше разбираться в сложных политических вопросах. Бывший капрал восточноафриканских сил Варухиу Итоте, ставший впоследствии одним из руководителей восстания «Мау Мау», писал: «Впервые я осознал себя кенийцем в 1943 г., в окопах Калевы на Бирманском фронте». Именно там Варухиу Итоте оказался среди тех, «чья судьба все еще находилась в руках иностранцев», тех, «кто сумел увидеть необходимость и возможность изменения такого положения» [592, стр. 9, 27].

Африканские колониальные войска в боях за Францию (май — июнь 1940 г.)

Активное участие в вооруженной борьбе против фашизма приняли жители французских колоний Северной, Западной, Экваториальной Африки и Мадагаскара.

В отличие от английской системы использования колониальных войск африканские части Франции предназначались для обеспечения внешней безопасности и подавления революционного и освободительного движения не только в колониях, но и на

⁹ Заболевшие малярией в 1943 г. составляли 84% всего личного состава африканских войск [526, стр. 172; 723, стр. 680].

территории самой метрополии. Карательные функции в колониях выполнял специальный экспедиционный корпус французской армии, состоявший из двух североафриканских дивизий и двух дивизий сенегальских стрелков. Остальные североафриканские полки и дивизии входили организационно в армию метрополии и дислоцировались примерно поровну во Франции и в ее владениях в Северной Африке и в Сирии; части же, укомплектованные жителями Французской Западной и Экваториальной Африки, Французского Сомали и Мадагаскара, наравне с европейскими частями формировали заморские силы, предназначенные для оккупации и обороны колониальных владений, и располагались постоянно в Африке.

По своему составу пехотные части, укомплектованные африканцами, делились на так называемые смешанные и цветные. В североафриканских «смешанных» полках по штату было положено 57 французских и 9 арабских офицеров, 331 французский и 1995 арабских солдат [577, стр. 341]. В «цветных» полках европейцы служили только офицерами. Пехотные и артиллерийские подразделения, как правило, являлись «смешанными», вспомогательные — «цветными». В африканской кавалерии имелись конные части (спаги) и верблюжьих подразделений (мехаристы). Рядовой состав кавалерийских полков набирался в основном из арабов Северной Африки, командный состав — из **французов**.

Кроме регулярных войск в Северной и Западной Африке насчитывалось большое количество различных иррегулярных частей, внутренние войска, содержавшиеся за счет министерства колоний, а также местная жандармерия и полиция. Их организация была самой разнообразной — от отрядов партизанского типа до воинских формирований (гумы, магзены, мегалла), выставляемых в распоряжение французских отдельных племенами. Это были пешие или конные отряды, которые сначала возглавляли выборные туземные командиры из числа феодальной верхушки, а затем французские или европейские офицеры из иностранного легиона. Гумы сводились в так называемые таборы, равные примерно французским батальонам, а таборы — в таборные группы, которые соответствовали полкам [123, стр. 408—410; 617, стр. 17].

К началу войны туземные войска составляли треть 875-тысячной французской армии. Не меньше девяти десятых туземных солдат составляли африканцы. К 1 сентября 1939 г. во Франции находились четыре североафриканские и четыре колониальные дивизии. С началом войны численность африканских войск возросла в несколько раз. К началу немецкого наступления в мае 1940 г. во Франции насчитывалось 18 африканских пехотных дивизий (одиннадцать североафриканских и семь колониальных) и три бригады спаги (641; 577, стр. 66]. Большую часть сосредоточенной в странах Леванта (Сирия, Ливан) 110-ты-

сячной французской армии составляли африканские солдаты [539, стр. 5—6]. На территории Туниса находились еще 150 тыс. войск, готовых к вторжению в Ливию [там же, стр. 143].

Во время наступления Германии и Италии на Францию (10 мая—22 июня 1940 г.) африканские солдаты внесли достойный вклад в борьбу с германо-итальянскими захватчиками.

Одну из героических страниц в историю битвы за Францию вписали 3-я североафриканская, 1-я и 6-я колониальные дивизии, входившие в состав II французской армии, а также 1-я и 4-я североафриканские дивизии, сражавшиеся в рядах IX армии. Эти войска приняли на себя удар немецких сил вторжения в районах Седана, Живе и Динана. Как известно, союзное командование нерасчетливо ослабило оборону района Лонгюйон—Седан—Намюр. Поэтому II и IX армии были слабее других укомплектованы и вооружены, хотя занимали широкий фронт обороны [491, стр. 52—57; 215, 1941, № 5, стр. 7]. Почти все африканские дивизии к началу боевых действий находились в корпусных резервах и занимались строительством укреплений. Срочно переброшенные на самые опасные участки, они вступили в бой против немецких сил, в десятки раз превосходивших французские войска по танкам и авиации¹⁰. Африканские дивизии, несмотря на огромные потери, оказали врагу упорное сопротивление. В то время как немецкие войска все время получали свежие подкрепления, измученные непрерывными боями африканцы четверо суток стойко отражали следовавшие одну за другой танковые атаки противника, не имея даже достаточного количества боеприпасов и продовольствия [577, стр. 111, 130—137]. В нескольких местах им удалось на сутки задержать наступление немцев. Только после разгрома всей IX армии, потеряв большую часть своего личного состава, остатки африканских дивизий с боями отошли на новые позиции [там же, стр. 156—159; 215, 1941, № 5, стр. 7—10].

Упорные бои вели африканские части, действовавшие в составе I французской армии в Бельгии. Две североафриканские и одна марокканская дивизии с 13 по 21 мая сдерживали наступление немцев на участке фронта от Шарлеруа до Юи. Используя превосходство в танках, немцы захватили Эрнаж. Однако африканцы из 5-й североафриканской дивизии выбили их оттуда, отразив контратаки противника [577, стр. 105—106]. После того как окружение союзных войск было завершено, часть африканских солдат была эвакуирована из Дюнкерка в Англию, но оставшиеся на континенте десять дивизий приняли участие в боях на реках Эна и Сомма [657, стр. 373; 577, стр. 304].

¹⁰ На участках прорыва немцы имели превосходство в танках в 25 раз, а в авиации — в 50 раз [396, стр. 25].

Немцы не щадили африканских солдат, безжалостно уничтожали раненых и пленных. Так было с сенегальцами из 53-го «смешанного» полка, которые в течение трех суток ожесточенно сражались, пытаясь вырваться из окружения. Это удалось лишь 50 солдатам, всех остальных оставшихся в живых сенегальцев во главе с капитаном-африканцем Т. Ги'Шорере немцы расстреляли [657, стр. 381]. Точно так же расправились они и с туземными солдатами из 25-го пехотного полка, оборонявшего северо-восточные пригороды Лиона. Настоятельница монастыря Везе впоследствии рассказывала: «Их выстроили у стены монастыря и в течение четверти часа поливали пулеметным огнем, забрасывали ручными гранатами... Трупы не закопали, как обычно, а долгое время показывали другим пленным и проходившим поблизости немецким войскам» [там же, стр. 382].

Зная, что их ждет в плену, африканцы сражались отчаянно. Большинство африканских частей сложили оружие лишь тогда, когда вишистские капитулянты подписали соглашение о перемирии [577, стр. 328]. Впоследствии около 20 тыс. солдат из Сенегала, Мадагаскара и Индокитая, находившиеся в лагерях Фрежус и Сен-Рафаэль, приняли активное участие в движении Сопrotивления [657, стр. 383].

Африканцы в рядах «Свободной (Сражающейся) Франции»

Поражение Франции, возникновение профашистского режима Виши, начало ожесточенной борьбы между сторонниками этого режима и сторонниками движения «Свободная Франция» внутри французских колоний, начавшаяся борьба между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией и США — с другой, за французские владения в Африке — все это чрезвычайно осложнило политическую обстановку во французских колониях, оказало большое влияние на пробуждение политического и национального самосознания африканцев, на выбор ими позиции в войне.

Возмущенные капитулянтской политикой французского правительства, многие местные солдаты вместе с населением Северной Африки требовали продолжения войны против Гитлера.

После подписания перемирия во Французской Тропической Африке состоялись антифашистские демонстрации [539, стр. 122, 197; 688, стр. 8]. В знак протеста против перехода колониальных властей на сторону Виши вождь народа абронг (Берег Слоновой Кости) Коадио Адionaми, сыновья которого погибли на фронте, отправился вместе со многими воинами в Чад, чтобы поддержать движение «Свободная Франция» [539, стр. 143—144; 797, стр. 323]. Усилению антифашистских настроений способ-

ствовало возвращение на родину десятков тысяч сенегальских стрелков, отпущенных гитлеровцами из лагерей, где они на собственном опыте познакомились с расистскими порядками германских фашистов¹¹. Верховный комиссар вишистского правительства в Дакаре генерал Буассон признавал свое бессилие перед неподчинением, проявляемым вооруженными силами [539, стр. 197].

Как известно, Французская Экваториальная Африка стала опорной базой «Свободной Франции». Первой на сторону де Голля перешла колония Чад, губернатором которой был негр из Французской Гвианы — Ф. Эбуэ [406, стр. 134—135]. Из Чада войска «Свободной Франции» отправлялись в Эритрею, Эфиопию, на Ближний Восток и Мадагаскар. Чад, кроме того, стал плацдармом для боевых действий против итальянских, а затем и немецких войск в Ливии и Тунисе.

С января 1941 до конца 1942 г. подвижные отряды под руководством полковников Д'Орнано и Леклерка, состоявшие из подразделений африканской мотопехоты и мехаристов, совершили несколько труднейших тысячекилометровых рейдов по тылам противника. Захватив ряд баз и опорных пунктов противника в оазисах Феццана и Куфры, группы дальнего действия проникали на север, нарушая итальянские коммуникации [654, стр. 102].

После пятидневной кампании в Ливане и Сирии (июнь — июль 1941 г.), закончившейся разгромом и капитуляцией вишистских войск, все входившие в них рядовые-африканцы перешли на сторону «Свободной Франции». То же произошло на Мадагаскаре. К концу 1941 г. армия генерала де Голля насчитывала около 100 тыс. человек [539, стр. 150].

Англичане старались ограничить участие французских войск в боевых операциях в Северной Африке, рассчитывая вытеснить оттуда французов. Вот почему в наступлении на Ливию в ноябре 1941 г. участвовала лишь одна французская мотодивизия, личный состав которой состоял в основном из жителей Тропической и Северной Африки. Провал наступления вынудил английское командование уступить настояниям де Голля и направить на фронт новые французские части. Первая бригада «Свободной Франции», закрепившаяся в Бир-Хашейме, должна была сдерживать наступление итало-германских войск до тех пор, пока англичане создадут линию обороны на новых рубежах. Шестнадцать дней она отражала яростные атаки танковых и пехотных дивизий врага, поддержанных авиацией. Нанеся им тяже-

¹¹ Нетрудно представить, как обращались фашисты с пленными африканцами, если в каждом немецком киножурнале, выходившем после капитуляции Франции, на экране неизменно появлялся сенегальский солдат свирепого вида во французской форме, сопровождаемый издевательскими комментариями о том, что французскую цивилизацию защищали дикари, что сами французы — это помесь негров с белыми [494, стр. 103].

лые потери, гарнизон Бир-Хашейма сумел пробиться из окружения [654, стр. 119—120; 539, стр. 236—241].

После высадки союзников в Магрибе в ноябре 1942 г. «Сражающаяся Франция» усилилась за счет североафриканских формирований, насчитывавших 315 тыс. хорошо обученных колониальных солдат [791, стр. 317].

К началу операций за пределами Африки вооруженные силы, находившиеся в распоряжении Французского комитета национального освобождения (ФКНО), составляли десять дивизий, в том числе четыре бронетанковые. Кроме них имелись отдельные боевые, вспомогательные и обслуживающие части, а также 200 тыс. территориальных войск и войск охраны тыла [791, стр. 123—124, 126]. Из них был сформирован французский экспедиционный корпус в составе трех североафриканских дивизий, таборной группы и одной дивизии «Сражающейся Франции» [638, стр. 10, 13—14].

Первой операцией союзников с участием африканских войск было взятие Корсики, которую защищали 10 тыс. немецких солдат и офицеров. В 15-тысячной группировке союзников американцы были представлены лишь одним десантным подразделением. Остальные войска были французскими и состояли в основном из североафриканцев. Сломив ожесточенное сопротивление врага, союзники к 4 октября 1943 г. освободили остров. Вскоре африканские батальоны «командос» начали совершать оттуда рейды на территорию метрополии [791, стр. 101, 159].

В декабре 1943 г. открылся фронт в Италии, куда были брошены 400 тыс. французских войск, в том числе 270 тыс. африканцев [там же, стр. 115].

Выдающиеся подвиги африканские войска проявили во время прорыва линии Густава в мае 1944 г., который обеспечил успех всего наступления союзников на Рим [581, стр. 329]. Большую роль сыграли африканские горные войска — гумьеры — стойкие, закаленные бойцы, считавшие горы скорее удобством, чем препятствием, для ведения боевых действий. 4-я марокканская горная дивизия, усиленная 10-тысячной африканской конницей, опередив отступавшего противника, заняла укрепленный рубеж линии Гитлера и пробилась к высотам, выходящим в долину Лири. В результате африканцы уничтожили 70% боевого состава 71-й немецкой дивизии [535, стр. 208—209]. Развивая успех, наступающие части французского экспедиционного корпуса вступили вместе с союзниками в Рим.

Свыше 200 тыс. африканцев приняли участие в освобождении Франции на заключительном этапе войны¹². После отступле-

¹² Французские части, в которых преобладали африканцы, составили 70% союзных войск, высадившихся на юге Франции.

ния в Арденнах генерал Эйзенхауэр решил набрать как можно больше колониальных войск. У американцев, которые раньше возражали против создания каждой новой дивизии в Северной Африке, сразу нашлось вооружение для пяти новых дивизий [791, стр. 335].

Некоторые итоги участия африканцев в войне против фашизма

В годы войны в армиях антигитлеровской коалиции сражалось не меньше 2 млн. африканцев. На 1 сентября 1944 г. число колониальных солдат в рядах одной лишь французской армии достигало 600 тыс. человек [там же, стр. 194; 539, стр. 150]. С учетом предыдущих кампаний на различных фронтах в годы войны сражалось не менее миллиона жителей Магриба, Французской Тропической Африки и Мадагаскара [521, стр. 45; 791, стр. 58, 104, 180].

Свыше 1 млн. африканцев было призвано в колониальные войска Англии. Несколько миллионов африканских рабочих занимались обслуживанием союзных армий. По подсчетам министерства колоний Великобритании, в мае 1945 г., несмотря на огромные потери в Эфиопии, на Мадагаскаре и в Бирме, в колониальных войсках насчитывалось 374 тыс. жителей Восточной и Западной Африки. В армии Южно-Африканского Союза в годы войны служили 123 тыс. африканцев, «цветных» и индийцев, больше 13 тыс. африканцев прошли службу в южнородезийских войсках, около 30 тыс. — в суданских [523, стр. 118; 681, стр. 77; 683, стр. 362; 667, стр. 50]. Сотни тысяч африканцев служили в частях Африканского саперного корпуса и других вспомогательных войск, которые находились в непосредственном распоряжении командования английскими вооруженными силами на различных театрах военных действий.

Ближневосточный центр снабжения в Египте обслуживали 2 млн. рабочих, 300 тыс. военнослужащих вспомогательных войск, среди которых подавляющее большинство составляли жители Тропической и Северной Африки. На вспомогательных работах использовалась и часть 40-тысячной¹³ египетской армии [297, 1962, № 627, стр. 233; 495, стр. 5]; другая ее часть предназначалась для противовоздушной обороны Египта, охраны Суэцкого канала и других стратегических коммуникаций.

Сотни тысяч африканцев из английских, французских и бельгийских колоний служили в годы войны в военизированных рабочих батальонах, занимавшихся строительством укреплений и стратегических дорог, сооружением и обслуживанием много-

¹³ По другим данным, численность египетской армии достигла в годы войны 100 тыс. человек [400, стр. 39].

численных аэродромов, портов, складов и других военных объектов, разбросанных по всей территории Африки. Десятки тысяч людей работали на американских тыловых базах в Северной Африке, где они собирали на конвейерах самолеты и другую боевую технику, прибывавшую из Америки [717, стр. 595].

Таким образом, во вторую мировую войну военно-технические знания и боевой опыт приобрело значительно большее количество африканцев, чем в войну 1914—1918 гг. Очень важно при этом, что военно-технический опыт имел более сложный характер. Большое количество африканских военнослужащих получило опыт руководства подразделениями в современном бою, а также опыт проведения специальных (диверсионно-десантных) действий.

* * *

Исторические традиции борьбы африканских народов против империализма уходят корнями в годы упорного сопротивления колониальным захватам. В памяти африканцев до сих пор хранятся имена героев и выдающихся полководцев, которые в условиях неоспоримого военного превосходства европейских армий сумели организовать продолжительное сопротивление агрессии. Исключительное значение для традиций национально-освободительного движения имеет также опыт вооруженных восстаний против империалистического господства. Этот опыт дал много примеров умелой организации и ведения вооруженной борьбы, которые подтвердили выявленные классиками марксизма закономерности в организации сопротивления слабых в военно-техническом отношении народов превосходящим силам противника: переход к методам партизанской войны, с одной стороны, и попытки овладеть приемами ведения боевых действий и военной организацией европейцев — с другой. Слишком разительное несоответствие в уровне социально-экономического развития Европы и Африки предопределило неудачный исход освободительного движения африканских народов. Однако поистине поразительны были его сила и продолжительность. Последние его очаги были ликвидированы лишь в 20-х и даже 30-х годах нашего столетия.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи — эпохи крушения капитализма, в том числе его колониальной системы. Отголоском великих социальных битв в Европе были вооруженные восстания трудящихся в Египте, Южно-Африканском Союзе, национально-освободительные войны Республики Риф, Триполитании и Киренаики. Период между двумя мировыми войнами стал для африканских народов временем роста национального самосознания, появления первых националистических партий преимущественно на севере континента. С величайшими трудностями в Африку про-

никали идеи научного социализма, создавались первые коммунистические партии. Народы Африки первыми скрестили оружие с фашизмом и первыми познали все ужасы войн, целью которых являлось уничтожение целых народов.

Восстание рифов и их многолетний опыт успешного отражения численно превосходящих, хорошо технически оснащенных армий колонизаторов еще раз наглядно показали, что национально-освободительная война подобного рода требует гибкого использования методов партизанской войны, широкого вовлечения в вооруженную борьбу народных масс, преодоления этнических и религиозных противоречий, обеспечения единства всех сил страны. Война Эфиопии против итальянской агрессии продемонстрировала, что африканские народы в борьбе за независимость не могут рассчитывать на поддержку других капиталистических государств. Военные итоги ее первого этапа свидетельствовали также, что, не обладая хорошо вооруженной и обученной армией, нельзя победить современную армию, даже такую слабую, как итальянская, используя только методы регулярной войны, не привлекая к борьбе широкие народные массы, не используя в полной мере партизанскую тактику. Ошибки государственных руководителей учел народ, развернувший после поражения армии партизанскую войну в стране.

Участие во второй мировой войне явилось новым важным этапом в развитии исторических традиций освободительной борьбы африканских народов. Против фашизма сражались представители почти всех африканских стран. Население континента внесло в победу над фашизмом большой трудовой вклад.

Антифашистский характер второй мировой войны, участие в ней Советского Союза способствовали пробуждению и развитию у африканцев политического и национального самосознания. Решающая роль Советской Армии в разгроме фашистской военной машины наглядно показала силу и мощь революционной, народной армии, ее превосходство над вооруженными силами империалистических держав. Пребывание за пределами своих стран и своего континента помогло развенчанию в глазах африканцев представлений о «несокрушимости» колониальных держав. Общение с военнослужащими союзных армий, бойцами движения Сопротивления, участниками освободительного движения в странах Европы и Азии сблизало их с другими народами, воспитывало интернациональную солидарность.

В боях против фашистских агрессоров африканцы проявили себя мужественными и храбрыми солдатами. Впервые в истории им пришлось участвовать в боевых действиях глобального масштаба, где применялись все виды сложной военной техники, в том числе авиация и танки. Десятки тысяч африканцев обучились военно-техническим специальностям. Сотни африканцев-сержантов получили навыки командования подразделениями. Война полностью опровергла патерналистские концепции

буржуазных идеологов о «неспособности» африканцев к овладению европейским военным опытом. Подтвердилось мнение Ф. Энгельса о том, что для создания армии европейского типа нужен прежде всего подготовленный и опытный корпус офицеров и сержантов. Следует, однако, отметить, что колонизаторы приложили максимум усилий, чтобы предотвратить допуск африканцев в ряды офицеров, ограничить их войсковой опыт рамками тактики подразделений. Незыблемым остался расовый барьер, африканцы не были допущены ни в ряды летного состава авиации, ни во флот. Цитаделью расизма остались армии поселенческих колоний.

Народы колоний и зависимых стран много ждали от послевоенного мира. Передовые африканцы отдавали себе отчет, что подвиг Советской Армии и антифашистских сил спас весь мир, в том числе Африку, от фашистского порабощения. Тем более они не хотели мириться с колониальным рабством.

**ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ
ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА
И СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
(1945—1961 гг.)**

**§ 1. ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
И ВОЕННО-КОЛОНИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ИМПЕРИАЛИЗМА В АФРИКЕ**

В Африке в последние месяцы войны в Европе повсеместно ощущался дух надежды и веры в будущее. Разгром фашизма, ведущую роль в котором сыграл Советский Союз и его армия, близился к концу. Домой должны были вернуться миллионы африканцев — солдат союзных армий. Население английских, французских, бельгийских колоний надеялось, что правительства метрополий выполнят обещания, данные во время войны, что перед африканцами откроется путь к долгожданной свободе и независимости.

Но многие иллюзии в самое ближайшее время развеялись. 8 мая 1945 г. в алжирском городке Сетифе вспыхнуло восстание, быстро охватившее провинцию Константина. Командующий войсками всего Алжира генерал Дюваль созвал офицеров колониальных частей, посмотрел на часы и сказал: «Сейчас 12 часов 25 минут; до 12 часов 25 минут завтрашнего дня убивайте всех алжирцев мужского пола старше 15 лет, которые вам попадутся» [489, стр. 82]. Так началась кровавая резня в те дни, когда народы всего мира готовились отпраздновать победу над фашизмом в Европе. 45 тыс. погибших в Константине алжирцев [243, 1969, № 133, стр. 11] стали первыми жертвами из числа африканцев, павших в борьбе за освобождение Африканского континента после второй мировой войны.

Крушение колониальной системы в Африке — результат бурного роста антиимпериалистического национального движения в послевоенный период. Его стимулом послужило огромное развитие сил социализма, возникновение и формирование мировой социалистической системы во главе с СССР. Распад колониализма начался в Азии. Именно там в первые послевоенные годы развернулись вооруженные восстания против империализма и внутренней реакции, охватив Вьетнам, Филиппины, Индонезию,

Малайю. На борьбу поднялись народы Индии, Цейлона, стран Ближнего и Среднего Востока. Все усилия мирового империализма, направленные на то, чтобы противостоять могучему движению стран Востока, оказались тщетными. Войны, развязанные колонизаторами в Индокитае, Индонезии, окончились их поражением, а в некоторых странах, например в Индии и Бирме, в самый последний момент империалисты были вынуждены отказаться от применения вооруженной силы. К 1955 г. в крупнейших странах Азии победили народно-демократические и национально-демократические революции.

Подъему национально-освободительного движения в Африке способствовал ряд причин. В годы войны и первые послевоенные годы ускорилось образование новых классов и общественных слоев; развитие промышленности, продолжающееся расслоение крестьянства усилили прилив сельского населения в промышленные районы, где происходило вызревание антиимпериалистических сил; в странах Тропической Африки начался процесс создания политических партий, профсоюзных центров и национальных организаций [463, стр. 16—18].

Национально-освободительное движение в Африке сразу после войны проявило тенденцию к единству в масштабе всего континента. В то же время развитие антиимпериалистической борьбы в отдельных странах шло неравномерно в силу различий в их социально-экономическом уровне, степени активности народных масс, характера руководства их борьбой, особенностей международной обстановки.

Застрельщиком антиимпериалистической борьбы в странах Тропической и Южной Африки выступил формирующийся рабочий класс, что во многом объяснялось сильными позициями, которые имели в его среде прогрессивные профсоюзные организации. Возникли африканские политические партии: Национальный совет Нигерии и Камеруна (1944 г.), Союз африканцев Кении (1947 г.), Союз народов Камеруна (1948 г.), Объединенный конвент Золотого Берега (1949 г.). Появившееся в 1946 г. Демократическое объединение Африки действовало во Французской Западной и Экваториальной Африке. Представляя собой организации типа национального фронта, эти партии не имели четких программ, но большинство их ставили своей целью освобождение от колониальной зависимости.

Несколько иная расстановка классовых сил сложилась в Северной Африке (Египет, Алжир, Марокко, Тунис), где уже сформировались классы и действовали политические партии — как буржуазно-националистические, так и пролетарские. Наиболее крупной силой антиимпериалистического движения здесь была национальная буржуазия, значительную роль играли средние слои города, мелкая буржуазия. Более высокий уровень социально-экономического и политического развития, географическая близость к Европе и районам национально-освободитель-

ного движения в Азии и ряд других факторов привели к тому, что именно эти страны стали основной ареной борьбы за независимость в первые послевоенные годы.

Несмотря на жесточайшие репрессии колониальных властей, активизировалась деятельность африканских коммунистических партий¹, которые усиливали связи с массами и искали пути взаимодействия с другими антиимпериалистическими партиями и организациями. Ряд национальных организаций и партий, например Демократическое объединение Африки, поддерживали связи с компартиями метрополий.

Деятельность политических партий и организаций выражала как политические, так и социальные чаяния африканцев. В Африке как нигде была высока норма капиталистической эксплуатации, достигавшая подчас 90—100% к вложенному капиталу [481, стр. 3]. Экономическая комиссия ООН по Африке (1951 г.) пришла к выводу, что «большинство туземного населения плохо питается или недоедает... Рацион африканца остается самым низким в мире» [429, стр. 51]. Особенно тяжелым было положение коренного населения в поселенческих колониях². В Алжире, Тунисе, Кении, Южной Родезии, ЮАС крестьяне испытывали земельный голод. В оплате труда во всех отраслях хозяйства и административном аппарате проводился принцип расовой дискриминации. Колониальная эксплуатация носила открытую, беззастенчивую форму, что немало способствовало подъему антиимпериалистических настроений.

Потеря империалистами своих колоний в Азии усилила роль Африки в экономических, политических и военно-стратегических расчетах империалистических правительств Западной Европы и Америки. Именно в эти годы появились экономические и военно-промышленные проекты, осуществление которых требовало укрепления колониального господства и беспощадного подавления национально-освободительного движения.

Великобритания, которая ждала от африканских колоний прежде всего крупных валютных поступлений, необходимых для уплаты военных долгов и восстановления былого величия империи, вынашивала обширные планы новых инвестиций в африканскую промышленность, расширения посевов под товарными сельскохозяйственными культурами: арахисом, какао, хлопчатником, сизалем и др. Предполагалось, что золото и сырье, о котором мечтали английские монополии, будут поставлять три огромные федерации — Восточноафриканская, Центральнаяфри-

¹ Коммунистические партии имелись в Марокко, Алжире, Тунисе, ЮАС. В 1946 г. была создана компартия в Судане. В ряде стран создавались подпольные марксистские кружки и группы.

² Всего в Африке в то время проживали 250 млн. африканцев и около 6 млн. европейцев. Подавляющее большинство последних было сосредоточено в ЮАС, Алжире, Тунисе, Южной Родезии, Кении.

канская и Южноафриканская, военно-политическими центрами которых станут поселенческие колонии: Кения, Южная Родезия, ЮАС.

Проект создания этих федераций был разработан во время второй мировой войны начальником политического отдела штаба вооруженных сил Великобритании на Ближнем Востоке полковником Г. Митчелом. «Там, где это возможно,— писал он,— колонии должны быть сгруппированы на региональной основе», при этом «определенный доминион должен быть сердцем и центром прилегающих к нему колоний» [718, стр. 30]. Таким образом, две трети английских колоний в Африке должны были превратиться в расистские государства с еще более жестоким колониальным режимом.

За счет африканских колоний Великобритания стремилась восстановить в былом масштабе «имперскую систему обороны», т. е. глобальную систему своего военно-колониального господства. Начиная со второй половины XIX в. главным опорным пунктом этой системы была Индия, где размещался стратегический резерв из англо-индийских войск, использовавшихся во всех странах «к востоку от Суэца». Независимость, завоеванная Индией, лишила Англию не только индийских контингентов, но и возможности базировать там свои войска. Вот почему Восточная Африка, и в частности Кения, представлялась английской военщине наиболее удобным местом для размещения стратегического резерва, который «мог бы оказать поддержку не только Среднему Востоку, но и любой территории в районе Индийского океана» [584, стр. 92]. С потерей Индии еще больше возросло значение зоны Суэцкого канала, куда из Индии ретировалась основная часть английских войск [567, стр. 228]. Большая группировка английских войск была размещена также в Ливии, которой в 1953 г. Англия навязала неравноправный военный договор [568, стр. 107].

Путь к восстановлению своего положения в капиталистическом мире французские монополии видели в максимальном использовании только что открытых в Сахаре огромных запасов полезных ископаемых, и в первую очередь нефти. Для этого в 1957 г. была создана новая административно-территориальная зона — Общая организация районов Сахары, в которую вошли сахарские регионы Алжира, Судана, Нигера и Чада [187, 1957, № 9, стр. 578]. В горно-пустынных районах Алжира предполагалось создать огромный военно-промышленный комплекс, основой которого должна была стать ядерная и ракетная промышленность. Одновременная дислокация в этом районе крупной армии сделала бы Францию хозяином положения во всей Африке, да и не только в ней [778].

Другим проектом, рассчитанным на улучшение финансово-экономического положения Франции, «омоложение» империализма за счет усиленной эксплуатации африканских ресурсов

с помощью капиталов ФРГ, Англии, Бельгии, Швеции, был план «Еврафрики» [496]. Империализм пытался представить Еврафрику как «решение колониальной проблемы» [340, 1957, апрель]. В действительности речь шла о коллективном колониализме в рамках единой военно-стратегической схемы. «С точки зрения стратегии никто не стал бы атаковать геовоенное пространство Еврафрики — убежище для людей более обширное, чем Сибирь, укрытие для промышленности более надежное, чем Урал, территорию, где через несколько лет можно производить атомные бомбы из местного сырья» [732, стр. 11].

Наряду со старыми колониальными державами большую заинтересованность в Африке в послевоенный период проявили Соединенные Штаты Америки. Еще в 1941 г., до вступления США в войну, орган американских финансовых кругов «Форчун» назвал Африку «призом для победителей во второй мировой войне» [284, 1941, № 11]. Провозглашенный колониальными державами после окончания войны принцип равных возможностей — своего рода уступка за предоставление послевоенных займов по «плану Маршалла» — открыл США доступ к богатствам Африки.

Американское проникновение проявилось в желании овладеть экономическим потенциалом Африки, особенно ее минеральными ресурсами. США были особенно заинтересованы в беспрепятственной эксплуатации Бельгийского Конго и ЮАС, откуда первые десять послевоенных лет, наращивая свой ядерный потенциал, они выкачивали стратегическое сырье в огромном масштабе. На долю Африки падала значительная часть импорта США дефицитных видов сырья для атомной, радиотехнической, электронной и военной промышленности: урана, тантала, колумбита, кобальта, марганца, хрома, бериллия [513, стр. 47—49; 661, стр. 9].

Роль Африки как военно-экономической и стратегической базы империалистических держав неоднократно обсуждалась на совещаниях стран — участниц Брюссельского пакта, Западно-европейского, а затем и Североатлантического союза. При разработке агрессивных стратегических доктрин немаловажное место занимало использование Африканского континента как театра военных действий. В частности, обсуждалась идея одного из трубадуров Западно-европейского союза, гитлеровского генерала Гудериана, который предлагал «расширить западно-европейскую оперативную базу путем включения африканского пространства в общую систему европейской обороны».

Страны Северной Африки — Марокко, Алжир, Ливия, Тунис и Египет — стали местом размещения американских и английских военно-воздушных баз, компонентом своеобразной стратегической дуги, подходящей к южным границам СССР. На этих базах были дислоцированы американские бомбардировщики

с ядерным оружием. В Ливии располагался штаб американской воздушной армии. На эти базы, а также на Либерию опирался один из маршрутов так называемого Атлантического воздушного моста.

Франция в свою очередь настаивала на включении Северной Африки в систему НАТО, имея в виду сделать западную «оборону» более глубокой [231, 1968, июнь, стр. 17]. Ось воздушной и наземной «обороны» Франции проходила при этом по линии Алжир — Браззавиль [там же, стр. 18]. Разрабатывая военные планы на «еврафриканской» основе, Франция, по утверждению некоторых американских исследователей, стремилась «сохранить за собой место крупной военной державы в союзных советах» [там же, стр. 17].

Английская военщина разработала доктрину, предусматривавшую использование обширного района, в том числе Ближнего Востока и Восточной Африки, в качестве стратегического плацдарма в войне против Советского Союза. По оценке американского адмирала Конноли, зона «обороны» англичан «распространялась на Палестину, где они... имели значительное количество войск, Суэц, Египет и Судан. В конечном счете, планировалось, что она будет опираться на Британскую Восточную Африку» [233, 1955, стр. 58]. Предполагалось, что тыловой стратегический плацдарм, каким должна была стать Восточная Африка, будет иметь в Южной Африке свою военно-промышленную базу. «Кения, — писала английская „Дейли Мейл“, — является новым центром обороны Содружества наций, а Южная Африка — ее арсеналом» [цит. по 480, стр. 178].

Экономическое, политическое и военно-стратегическое значение Африки предопределяло политику империализма по отношению к национально-освободительному движению. Ее отличительной чертой были антикоммунистические одержимости и антисоветизм. При этом под лозунгом борьбы с коммунизмом подразумевалась борьба против любых противников колониального строя.

Заигрывая с состоятельными слоями населения, лавируя, прибегая к вынужденным уступкам, империализм рассматривал массовые репрессии как основное средство для подавления освободительной борьбы. При этом открытое вооруженное насилие применялось как для подавления стачек, забастовок, демонстраций, так и для «обеспечения» политических мероприятий колонизаторов: выборов в местные органы самоуправления, референдумов и т. п. Общей тенденцией становился переход от отдельных военных акций к настоящим колониальным войнам [427, стр. 56].

Для подавления народов Африки колониальные державы поддерживали и развивали издавна существовавшую здесь систему военно-колониального господства. Ее основой были вооруженные силы, организация и структура которых обуславлива-

лись особенностями колониальной политики каждой из империалистических держав (см. карту 2 в прил.).

Система военно-колониального господства английского империализма в Африке основывалась на стратегии «постоянного присутствия», заложенной на рубеже XIX и XX вв. военными министрами Кардуэллом и Хэлдейном. Согласно этой стратегии, которая в неизменном виде сохранилась вплоть до второй мировой войны, английская армия «обучалась и действовала как имперская полицейская сила» [567, стр. 138]. Предусматривалось постоянное размещение (с учетом ротации) крупных воинских контингентов в ключевых точках колониальных владений. Здесь создавалась система крепостей, гарнизонов, фортов, укрепленных постов, связанных в единую сеть железными, шоссейными дорогами или водными путями. Во всех важнейших ключевых пунктах империи были дислоцированы английские (а до 1947 г. и индийские) войска. После войны английское правительство было вынуждено вывести свои войска из городов и провинций Египта в зону Суэцкого канала. По англо-египетскому договору 1936 г. численность английских войск не должна была превышать здесь 10 тыс. Однако фактически их было сосредоточено значительно больше. К началу 1952 г. в зоне находились две дивизии и три отдельные бригады — всего до 85 тыс. человек. Здесь же была ставка главнокомандующего всеми сухопутными войсками Великобритании на Среднем Востоке.

В Тропической Африке войска были сведены в три командования (военные округа): Западноафриканское, носившее название «Западноафриканские пограничные силы», Восточноафриканское и Центральноеафриканское³. Южно-Африканский Союз как доминион имел самостоятельную армию.

Западноафриканский военный округ охватывал территорию Нигерии, Золотого Берега, Сьерра-Леоне и Гамбии. Наибольший войсковой контингент находился в Нигерии — Нигерийский полк пятибатальонного состава, в Золотом Береге располагался полк, в Сьерра-Леоне — батальон, в Гамбии — рота. Военные кадры готовились в школе Теши, близ Аккры [584, стр. 232; 297, 1960, № 619, стр. 376]. Политические решения по вопросам «внутренней безопасности» принимались Западноафриканским межтерриториальным советом, а также армейским совещательным советом, в состав которого входил командующий военным округом [297, 1960, № 619, стр. 379].

³ До образования Федерации Родезии и Ньясаленда (1953 г.) войска Северной Родезии и Ньясаленда входили в Восточноафриканское командование, а войска Южной Родезии подчинялись непосредственно военному министерству Великобритании. В 1953 г. на территории Федерации было образовано четыре небольших округа, но уже в 1954 г. было создано Центральноафриканское командование со штабом в Солсбери [182, стр. 666].

Восточноафриканское командование, подчинявшееся в военном отношении главному командованию сухопутными силами Среднего Востока [584, стр. 222—232; 264, 1947, апрель, стр. 229], решало политические вопросы совместно с Верховной комиссией Восточной Африки. В этой части континента располагалась 70-я восточноафриканская пехотная бригада (шесть батальонов королевских африканских стрелков, батальон связи и три транспортные роты). Ее части дислоцировались в Кении (три батальона), в Танганьике и Уганде. В Британском Сомали нес службу Сомалийский верблюжий корпус [584, стр. 231]. Территориальным формированием европейских поселенцев в Кении являлся Кенийский полк, созданный по расовому и имущественному принципу. Подразделения полка располагались в районах расселения наименее «благонадежных» народностей.

Центральноафриканское командование включало шесть-семь батальонов родезийских африканских стрелков, размещенных в Северной и Южной Родезиях и Ньясаленде, артиллерийские части и территориальный полк европейских поселенцев трех-батальонного состава. Авиация была представлена шестью эскадрильями королевских ВВС [182, стр. 668—673, 675; 267, 19.VII.1960]. Кроме того, аэродромы Родезии служили местом боевой подготовки авиации метрополии.

Туземные колониальные войска, как правило, не имели поддерживающих частей и подразделений. Для более гибкого маневра силами и средствами внутри военных округов могли создаваться оперативные резервы [298, 30.III.1962, стр. 20]. В случае угрозы народных восстаний, с которыми туземные войска справиться не могли, морем или по воздуху перебрасывались экспедиционные войска из зоны Суэцкого канала, Ливии или самой Англии.

Колониальные войска непосредственно подчинялись губернаторам, а через них — государственному секретарю по делам колоний. В министерстве колоний имелся военный генерал-инспектор африканских колониальных сил. Он ведал подбором офицеров (все офицерские должности занимали англичане), боевой подготовкой и мобилизационными вопросами.

В связи с возрастанием значения Африки в системе «обороны» Британской империи правящие круги Великобритании рассматривали многочисленные предложения о расширении колониальной армии за счет призыва в нее африканцев. Этот вопрос бурно обсуждался в палате общин в августе 1947 г. Предлагалось, в частности, создать в Восточной и Западной Африке по африканскому корпусу численностью 100 тыс. солдат каждый [264, 1947, октябрь, стр. 522]. Однако на формирование таких крупных соединений правительство не пошло, боясь предоставить оружие большому количеству африканцев [264, 1950, октябрь, стр. 531].

«Закон и порядок» в колониях поддерживался также при помощи полиции. Английский журнал «Нью Коммонвелс» писал, что «ни в какой другой сфере Британская колониальная империя не имеет результатов, которыми она могла бы гордиться в большей степени» [315, 21.VII.1952, стр. 53]. Вооруженная полиция состояла почти целиком из европейцев. Все европейское население проходило обязательную службу в полицейском резерве. В полицейском авиакрыле объединялась частная легкомоторная авиация, принадлежащая европейцам [229, 15.IV.1960, стр. 461—462].

После окончания второй мировой войны самой крупной и наиболее боеспособной армией южнее Сахары были вооруженные силы ЮАС. Они комплектовались по кадрово-территориальному признаку. Регулярные силы насчитывали 8,8 тыс. солдат и офицеров, «активные гражданские силы» (территориальные войска) — 36 тыс. человек. К последним примыкали военизированные отряды «командос» численностью 48 281 человек [210, стр. 99]. ЮАС имел крупные военно-воздушные силы, сведенные в 15 авиаэскадрилий [там же]. В различных районах страны имелось свыше 100 аэродромов. Особое внимание в боевой подготовке ВВС уделялось использованию авиации во «внутренних операциях» [584, стр. 274]. Военно-морской флот состоял из трех фрегатов и двух эсминцев [210, стр. 44; 584, стр. 24; 567, стр. 329].

Армия ЮАС была расистской: в мирное время африканцы в нее совершенно не допускались, а в военное — не получали оружия. Ее основной задачей считалось «поддержание внутренней безопасности» [584, стр. 272].

Система военно-колониального господства Франции в Африке также строилась на принципе «длительного (постоянного) присутствия». Французские владения были разбиты на четыре военных округа (стратегические зоны): зона Северной Африки⁴; заморская зона № 1 (Западная Африка) со штабом в Дакаре, состоящая из четырех военно-территориальных районов («бригад»); заморская зона № 2 (Экваториальная Африка) со штабом в Браззавиле и четырьмя районами («секторами»); заморская зона № 3 (о. Мадагаскар и о. Реюньон) со штабом в Тананариве и четырьмя районами («субдивизионами») [166]. Кроме того, существовала военно-морская зона Южной Атлантики со штабом в Дакаре. Военно-оперативными центрами этих зон были военно-морские и военно-воздушные базы Мерсель-Кебир, Бизерта, Дакар, Диего-Суарес. Вокруг этих баз группировались туземные войска, сведенные в батальоны и

⁴ После начала войны в Алжире зона Северной Африки в связи с проводившимися там активными действиями рассматривалась как действующий театр и подчинялась штабу сухопутных войск метрополи. Остальные зоны подчинялись штабу сухопутных войск на заморских территориях.

пехотные бригады [231, 1968, июнь, стр. 17]. Кроме туземных войск дислоцировались и европейские силы.

Заморская армия французских колонизаторов включала «силы вторжения», располагавшиеся на военных базах и готовые к переброске в любой угрожаемый район Африканского континента, к действиям против «организованного» и «неорганизованного» противника, т. е. африканского населения. В эту армию входили также «силы прикрытия», дислоцированные в определенных районах и «поддерживающие порядок»; «войска внутренней обороны» — полевые войска и жандармерия, специально подготовленные для подавления национально-освободительного движения и осуществления «контроля» над населением в отведенных им районах.

Особенностью французских колониальных войск в Африке было оснащение их артиллерией, авиацией, инженерными частями. Личный состав поддерживающих частей и специалисты комплектовались исключительно из французов, которые обучались военно-полицейской службе и тактике противопартизанской войны. Кроме регулярных войск в колониях имелась туземная стража, которая комплектовалась преимущественно из бывших африканских военнослужащих и находилась под командованием французов — офицеров и унтер-офицеров. Подчиняясь в обычное время губернаторам провинций, она в случае волнений передавалась в распоряжение военного командования [191, стр. 345—346].

Вооруженные силы в колониях руководствовались специальными уставами, в которых были предусмотрены возможные варианты восстаний или «беспорядков» [там же, стр. 387, 397].

Численность вооруженных сил Франции, в том числе в Африке, все время возрастала. Если в 1952 г. она составляла 242 тыс., то в 1961 г. — свыше 1 млн., из них 519 тыс. — в Алжире, 77 тыс. — в прочих колониях Африки [427, стр. 292; 321, 1961, № 122, стр. 11; 231, 1968, июнь, стр. 23].

Франция значительно шире, чем Англия, использовала африканские туземные войска в войнах для «защиты» своей колониальной империи. Сразу после войны французское правительство провело ряд реформ, направленных на привлечение в армию тех, кто должен был служить пушечным мясом в Индокитае: ввело пенсии ветеранам, повысило жалованье солдатам. В 1950 г. был ликвидирован «второй контингент» — система военизированного призыва африканцев для принудительного труда. Вскоре было принято решение о значительном расширении африканского офицерского корпуса — создании семи специальных военных училищ. Африканской элите стало легче попасть в Сен-Сир и другие привилегированные учебные заведения [231, 1968, июнь, стр. 14].

«Классической» военно-полицейской армией Африки считались бельгийские колониальные войска — «форс публик». Они

состояли из оперативных войск и войск территориальной службы. Первые в составе трех бригадных групп дислоцировались в лагерях близ Леопольдвилья (Киншасы), Стэнливиля (Кисангани), Элизабетвиля (Лубумбаши), Румангабо и Уатсы (Вацы). Войска территориальной службы предназначались для поддержания внутреннего порядка. В каждой провинции стоял батальон, в каждом округе — рота. Общая численность войск территориальной службы равнялась 24 ротам.

Оперативная бригадная группа состояла из четырех пехотных батальонов, артиллерии, инженерных войск, подразделений связи и тыла. При группе располагались центры обучения, мастерские, склады; ей придавались отдельные подразделения авиации [339, 1965, февраль, стр. 200; 668, стр. 24]. Общая численность «форс публик» в мирное время составляла 25 тыс. человек [668, стр. 25]. Среди офицеров не было ни одного африканца. Солдаты, набранные из отсталых племен, служили семь лет [там же, стр. 23]. Они жили вместе с семьями. Дисциплина в войсках поддерживалась суровыми наказаниями. Рядовые, получая лишь на пропитание, занимались воровством и грабежами [757, стр. 57].

Помимо «форс публик» на построенных вскоре после войны базах (военно-воздушной и сухопутной в Камине⁵ и военно-воздушной и морской в Китоне и Банане) располагались два батальона бельгийских парашютистов-«командос», несколько эскадрилий боевых и транспортных самолетов, а также морские и речные военные суда [339, 1965, февраль, стр. 199].

Расположение частей позволяло быстро перебрасывать оперативные войска и «командос» для поддержки войск территориальной службы. В свою очередь крупные базы ВВС и ВМС обеспечивали быстрое получение подкреплений из метрополии.

Колониальные армии, воспитывавшиеся в духе ярого антикоммунизма, ненависти к прогрессивным силам, широко использовались для подавления национально-освободительных восстаний в Африке и за ее пределами. Французские колониальные войска участвовали в военных действиях во Вьетнаме, английские — в Малайе, южноафриканские ВВС — в корейской войне (1950—1953 гг.). Правда, антикоммунистическая пропаганда не спасала колониальные войска от разложения. Многие алжирцы, тунисцы, марокканцы — перебежчики или пленные, вставшие на сторону вьетнамцев, — сражались за освобождение Индокитая в составе североафриканской бригады [369, 1968, № 6, стр. 284].

Уже в первые послевоенные годы колонизаторы принимали меры по согласованию военных усилий для подавления африканского освободительного движения. Подобная координация

⁵ Коннор О'Брайен так описывает базу в Камине: «Эта база предназначалась для „обороны Центральной Африки от международного коммунизма“ и занимала территорию, равную целой бельгийской провинции» [465, стр. 120].

позволяла использовать кратчайшие воздушные маршруты (в Африке и вне ее), железные и шоссейные дороги для маневра силами и средствами. В распоряжении колонизаторов находились военно-воздушные базы и войска НАТО в Марокко, Ливии, Либерии, Эфиопии, Египте (в зоне канала), Тунисе, Алжире и других странах.

Некоторые колониальные стратеги считали, что для совместных действий против освободительного движения в Африке нужна специальная организация. Англичане предлагали создать ее как придаток ЮАС [584, стр. 274, 329], американцам она представлялась в виде самостоятельного военно-политического союза типа НАТО [275, 1952, № 1452, стр. 1503].

В первой половине 50-х годов были проведены две конференции по координации военных усилий колонизаторов в Африке.

Первая из них, состоявшаяся в Найроби в августе 1951 г., непосредственно предшествовала развязыванию в Кении кровавой колониальной войны. На конференции кроме ее инициаторов — Англии и ЮАС — присутствовали представители Франции, Италии и Португалии, а также американский наблюдатель. Повестка дня предусматривала в основном обсуждение проблемы и «вопросов обеспечения возможной переброски войск и военного снаряжения в восточную и центральную часть Африки» [190, 1950—1952, стр. 1170].

Аналогичная конференция была проведена в 1954 г. в Дакаре. Ее участники с циничной откровенностью заявили о разработке совместных планов переброски войск в Африку не столько на случай европейской войны, сколько на случай «чрезвычайного положения» на Африканском материке [190, 1952—1954, стр. 13496].

В Западной Африке в 1951 г. был создан специальный международный орган по координации военно-колониальной политики в виде Объединенного комитета союзных штабов. В его работе участвовали члены НАТО: Англия, Франция, Португалия и Бельгия; периодически обсуждалось политическое положение в Западной Африке и связанные с ним военные вопросы [297, 1960, № 619, стр. 380].

Политика коллективного колониализма получила широкое развитие после появления новых независимых государств — Туниса, Марокко, Ганы — и изгнания англичан из Египта. Она нашла выражение в проектах создания африканского военно-политического блока, инициатором которого в 1955 г. выступил Южно-Африканский Союз, использовавший кризис британской военной политики на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы предложить свои услуги в качестве главного жандарма в Африке. Правители ЮАС обосновывали свои притязания на руководящую роль в проектируемом союзе потребностями «эффективной обороны Африки» от коммунизма и «стратегическим положением» ЮАС [315, 16. V. 1955, стр. 471; 9. VII. 1956, стр. 36]. Для

обсуждения вопроса о пакте была созвана специальная конференция ЮАС, Англии, США и Португалии, окончившаяся безрезультатно: соглашение не было достигнуто [315, 9.VII.1956, стр. 39].

Органом коллективного колониализма во всеафриканском масштабе стал Североатлантический пакт, душой и вдохновителем которого был американский империализм. Внутри НАТО широкое развитие получили различные формы военного сотрудничества, в том числе обмен опытом противопартизанских действий. Франция и другие империалистические державы получали от США немало вооружения для ведения колониальных войн. В 1956 г. в больших маневрах «форс публик», отработывавших тактику «восстановления порядка» в Нижнем Конго, приняли участие английские и французские офицеры, воевавшие в Индокитае и Кении [668, стр. 32—33].

Первое послевоенное десятилетие ознаменовалось мощным подъемом национально-освободительного движения в Египте, Марокко, Тунисе, Алжире. Народы этих стран поднялись с оружием в руках отстаивать право на независимое существование. Франция отступила в Тунисе и Марокко, но отказалась удовлетворить требования о предоставлении независимости Алжиру, где разразилась освободительная война. В Египте массовая вооруженная борьба за полное изгнание английских захватчиков с территории Египта и переворот, совершенный передовыми кругами офицерства, положили начало антиимпериалистической, антифеодальной революции. К вооруженным конфликтам, переросшим в продолжительные и кровопролитные войны, привело намерение колонизаторов разгромить национальные организации Кении (1952 г.) и Камеруна (1956 г.).

Острая революционная ситуация назревала в середине 50-х годов южнее экватора. Ее проявлением в расистских колониях африканского Юга послужили восстания в Ньясаленде (1959 г.), Пондоленде и Транскее (1959—1960 гг.). Даже там, где не было восстаний, империалистам пришлось мириться с достижением независимости рядом стран «вне графика», памятуя, что дальнейшее промедление могло бы привести к национально-освободительному восстанию или войне.

§ 2. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ФРАНЦУЗСКИХ КОЛОНИЙ

Восстание на Мадагаскаре (1947—1948 гг.)

После второй мировой войны французские правящие круги по ряду причин вынуждены были прибегнуть к маневрам и в какой-то мере отказаться от прежних «классических» методов колониального господства. Владениям Четвертой республики те-

перь было дано респектабельное название «Французский Союз»; их населению были «дарованы» некоторые — весьма ограниченные — политические права.

Согласно конституции Четвертой республики Мадагаскар, как и многие другие колонии, получил статус заморской территории. Некоторые категории населения — лица, владеющие французским языком, награжденные французскими орденами и медалями, служившие в войсках «Сражающейся Франции», — получили право избирать своих представителей в парламентские органы метрополии и Французского Союза. В созданный местный выборный орган — территориальную ассамблею — были избраны депутаты от французских колонистов и коренного населения [187, 12.IV.1946, стр. 3063].

Изменения, не затронувшие господствующих позиций колонизаторов и оставившие в неприкосновенности власть верховного комиссара, назначаемого правительством метрополии, все же могли быть использованы в национальных интересах малагасийцев. Представители наиболее активных в политическом отношении прослоек населения — национальной интеллигенции и буржуазии — стали создавать организации, которые поставили своей целью добиться расширения политических прав, изменить формы связей «счастливого острова» с Францией, а впоследствии получить полную независимость.

Среди таких организаций наибольшим успехом пользовалось Демократическое движение за малагасийское возрождение (ДДМВ), которое в феврале 1946 г. было создано группой национальной интеллигенции в Париже. Возглавляли эту группу депутаты Мадагаскара в парламентских органах Франции Ж. Расета, Ж. Равуаханги и Ж. Рабеманандзара [437, стр. 75].

Подобно многим политическим организациям Французской Тропической Африки того периода, ДДМВ, объединившее представителей всех классов и прослоек населения, не имело устава и четкой организационной структуры. ДДМВ выступало за расширение политических прав коренных жителей и компетенции местных выборных органов, ликвидацию всех проявлений колониализма и расизма, проведение прогрессивных реформ. В то же время руководство организации провозглашало необходимость сохранения связей с Францией, т. е. не ставило на повестку дня вопроса о создании суверенного государства.

Несмотря на неопределенные и расплывчатые установки программы, популярность Движения росла. В течение нескольких месяцев со дня создания в эту патриотическую организацию вступили 300 тыс. человек. Сеть местных организаций ДДМВ охватила весь остров. Особенно многочисленны они были в центральной части страны и на восточном побережье. Успеху ДДМВ в этих районах способствовали проведенные французскими властями значительные земельные экспроприации в пользу евро-

пейцев. Кроме того, в годы второй мировой войны преимущественно среди жителей этих районов вербовались добровольцы в колониальные войска. Около 10 тыс. малагасийских стрелков, демобилизованных в середине 1946 г. (позже, чем солдаты из других колоний), считали, что их затянувшееся пребывание в армии было проявлением дискриминации. Многим из них не были предоставлены ранее обещанные льготы: освобождение от налогов, повышение пенсий и т. д. [609, стр. 276].

По тем же причинам в указанных районах многие жители вступали не только в ДДМВ, но и в связанные с нею полуполициальные молодежные организации — Национальная молодежь Мадагаскара (НММ) и Национальная партия Мадагаскара (НПМ). Эти организации объединяли радикально настроенных националистов. Они требовали полной независимости Мадагаскара, в чем расходились с лидерами ДДМВ. Во время выборов в местные представительные органы активисты НММ и НПМ резко критиковали колониальную администрацию, клеймили Французский Союз как тюрьму народов, провозглашали право малагасийцев на создание суверенного государства.

Под влиянием радикально настроенного крыла националистов среди коренного населения усиливались антифранцузские настроения. Доказательством тому послужили многочисленные демонстрации, которые стихийно прошли 19 мая 1946 г. в Тананариве. Прибывший в этот день в столицу новый верховный комиссар М. де Коппе был встречен возгласами: «Долой договор 1896 г.!»⁶, «Долой трехцветную тряпку!» [там же, стр. 280].

Колониальная администрация, обеспокоенная антифранцузскими выступлениями членов ДДМВ и ростом авторитета этой организации, попыталась противопоставить ему другую националистическую и в то же время профранцузскую организацию — Партию обездоленных Мадагаскара (ПОМ), которая была создана весной 1946 г. Руководство ПОМ выступило в защиту интересов жителей приморских районов Мадагаскара, в доколониальный период покоренных народом мерина, занимавшим Центральное плато. Оно разжигало племенную рознь, утверждая, что победа ДДМВ приведет к восстановлению зависимого положения окраин и гегемонии мерина, преобладавших в ДДМВ.

В конце 1946 г. между членами ДДМВ и ПОМ начались вооруженные столкновения. Французская администрация усмотрела в них предлог, чтобы потребовать в Париже ассигнования на увеличение численности полиции и жандармерии, и этого ей вскоре удалось добиться. В дополнение к имевшимся четырем взводам мотополиции было создано еще шесть, причем каждый взвод имел грузовик и 11 мотоциклов [156, стр. 155].

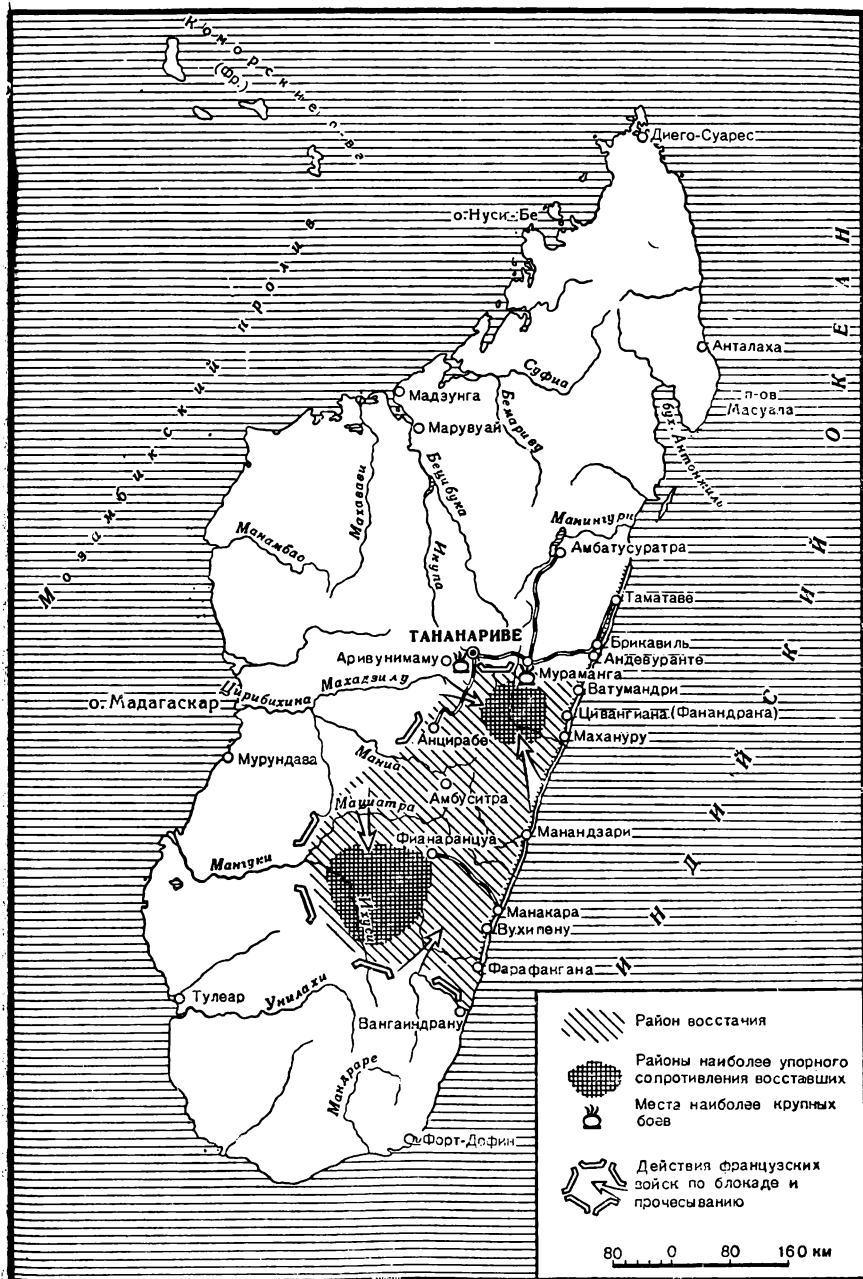
Вооруженные силы Франции на острове состояли из семи батальонов колониальной пехоты и малагасийских стрелков,

⁶ Имелся в виду договор, провозгласивший французский протекторат.

двух дивизионов артиллерии и частей обслуживания [191, стр. 336—337]. Они были расположены главным образом в Тананариве (где находился штаб командующего зоной), на военной базе Диего-Суарес, а также в Мадзунге, Таматаве и Форт-Дофине. Большинство рот, как обычно, было рассредоточено по мелким постам. Кроме того, имела так называемая туземная стража, насчитывавшая 3140 человек [там же, стр. 337—338]. Полагая, что силы недостаточны, верховный комиссар просил подкреплений, которых ему получить не удалось, если не считать одного боевого самолета «Делиньи».

В первые месяцы 1947 г. обстановка на Мадагаскаре продолжала накаляться. Распространились слухи, что в конце марта произойдет вооруженное выступление против французов. Слухи дошли до властей, однако, как утверждают буржуазные историки, М. де Коппе не поверил в возможность такого выступления. Это не помешало ему 27 марта направить всем администраторам телеграмму следующего содержания: «Циркулируют слухи, что 29 марта против французов будут предприняты какие-то действия. Речь идет о лишенных всякого основания выдумках... Однако их неправдоподобность не избавляет от необходимости сохранять бдительность» [156, стр. 1546].

Предупреждение оказалось своевременным. В ночь на 30 марта во многих районах начали действовать отряды местных жителей, вооруженных преимущественно копьями, за что они впоследствии получили название «копьяносцы». Сейчас трудно установить, что явилось непосредственной причиной выступления. Часть буржуазных авторов, как и представители французских властей, считают, что восстание было подготовлено и начато по сигналу лидеров ДДМВ. В обоснование этой точки зрения обычно ссылаются на одновременное выступление «копьяносцев» в различных и весьма удаленных друг от друга пунктах острова, на сходство тактики повстанцев, которые повсюду стремились в первую очередь захватить оружие и боеприпасы [780, стр. 56; 538, стр. 97; 156, стр. 1546]. Эта точка зрения ни разу не была подтверждена документально, а все дальнейшие события свидетельствуют об отсутствии единого руководства у «копьяносцев». Восставшие предполагали захватить Тананариве, где в ночь на 30 марта сосредоточили несколько отрядов. Однако в последний момент они отказались от нападения и покинули город [773, стр. 17]. Причины внезапного изменения их планов остались неясными. В ту же ночь были атакованы многие посты и военные лагеря полиции, жандармерии и армии, повреждены коммуникации и линии связи, разгромлены магазины, склады, плантации и усадьбы поселенцев. Всего в эту ночь погибло около 140 европейских поселенцев. Более многочисленны были жертвы среди активистов ПОМ и местных чиновников, сотрудничавших с французскими властями [780, стр. 55—56].

Антиколониальное восстание на Мадагаскаре
(1947—1948 гг.)

В Диего-Суаресе администрация и командование, получив поздно вечером предупреждение о возможном нападении, приняли необходимые меры. Когда отряды «копыеносцев» атаковали арсенал военно-морской базы, французские войска легко отбили атаку, тем более что нападавшие, общей численностью до 400 человек, почти не имели огнестрельного оружия. Правда, «копыеносцам» удалось захватить несколько винтовок и ручных пулеметов [773, стр. 17].

Неудачей окончилось и нападение на военный лагерь в Мураманге, хотя его гарнизон был захвачен врасплох⁷. В атаке участвовало около 1200 человек; так же как и в других пунктах, они стремились захватить оружие и боеприпасы. «Копыеносцам» удалось ворваться в лагерь, захватить несколько винтовок, пистолетов и автоматов, поджечь часть строений, в которых размещались солдаты — преимущественно сенегальские стрелки. Внезапность атаки и многочисленность атакующих привели к тому, что именно в этом бою французские подразделения понесли самые большие потери. Было убито 11 солдат, 5 унтер-офицеров и 4 офицера, в том числе начальник гарнизона майор Перри [564, стр. 109].

По оценке колониальных властей, в результате ночных нападений «копыеносцам» удалось захватить лишь несколько сот патронов и до 140 единиц огнестрельного оружия [156, стр. 1544].

Повсюду колониальные войска, полиция и жандармерия отбили ночные атаки. Исключением явился город Манакара, который был захвачен отрядом «копыеносцев» после упорной рукопашной схватки с полицией [678, стр. 95].

На первом этапе восстания, который продолжался до июля 1947 г., «копыеносцы» вели активные действия на обширной территории вдоль восточного побережья — между городами Фарафангана и Брикавиль, а также в глубинных районах острова [338, 1957, № 281, стр. 18]. Их отряды редко нападали на населенные пункты, которые охранялись воинскими подразделениями, но систематически разрушали пути сообщения и линии связи, устраивали засады, атакуя патрули и конвои, отдельных солдат и полицейских. В результате «копыеносцам» удалось установить почти полный контроль над обширным районом, составляющим около 20% площади Мадагаскара с населением более 600 тыс. человек [156, стр. 1538]. Колониальные власти, не имея достаточно сил, чтобы вести активную борьбу с повстанцами⁸, придерживались оборонительной тактики. Поселенцы,

⁷ Как впоследствии заявил министр обороны Франции М. Муте, командование этого военного лагеря также было предупреждено о возможном нападении, однако не приняло этого предупреждения во внимание [156, стр. 1546].

⁸ Полных данных о численности и составе французских войск, полиции и жандармерии, подавлявших восстание 1947—1948 гг., не имеется. Во французской военной прессе указывается, что в 1948 г. здесь действовал 7-й полк

административные учреждения, полицейские и жандармские посты были эвакуированы из мелких населенных пунктов и сосредоточены в городах и крупных поселках. Гарнизоны их постепенно усиливались за счет подкреплений, которые начали прибывать в первых числах апреля [780, стр. 55].

«Копьеносцы» не сумели воспользоваться благоприятной обстановкой. Сказалось отсутствие единого руководства, общего плана действий. Каждый отряд действовал на свой страх и риск и, как правило, лишь в том районе, где жили его бойцы. Отряды почти не имели огнестрельного оружия, а их командиры, за немногими исключениями, не получили достаточной военной подготовки. В первых же боях «копьеносцы» понесли большие потери из-за собственного суеверия. Местные жрецы сумели убедить многих бойцов, что они будут неуязвимы, борясь за правое дело. Эти люди бросались с холодным оружием на пулеметы в полной уверенности, что пули французов принесут им не больше вреда, чем капли воды [609, стр. 270; 309, 19.VI.1947]. А когда бесполезность заговоров и амулетов стала очевидной, поколебалось моральное состояние повстанцев, уменьшился приток добровольцев.

Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что восстание не имело политического руководства. 30 марта лидеры ДДМВ (единственной политической организации, которая могла бы сыграть эту роль) Ж. Равауханги и Ж. Рабеманандзара официально заявили о своей непричастности к движению и осудили «жестокость» повстанцев. Они даже предложили французским властям выступить по радио с призывом к населению не принимать участия в вооруженной борьбе. Де Коппе отказался дать такое разрешение и обвинил ДДМВ в подготовке восстания⁹. Тем не менее, узнав о позиции лидеров, многие активисты и рядовые члены ДДМВ не примкнули к «копьеносцам» [773, стр. 19].

С осуждением «копьеносцев» выступило и руководство ПОМ, которое заверило правительство о своем желании сотрудничать с администрацией [309, 8.IV.1947].

Стремясь подорвать влияние повстанцев, колониальные власти обвиняли их в расизме, в попытках восстановить гегемонию мерина на всем Мадагаскаре [156, стр. 1553]. Во второй половине 1947 г. администрация получила крупные суммы для закупки продовольствия, хлопчатобумажных тканей, скобяных изде-

сенегальских стрелков четырехбатальонного состава. Кроме того, борьбу с повстанцами вели другие колониальные части, бронетанковые и артиллерийские подразделения войск метрополии, иностранный легион [240, 1960, № 5, стр. 78].

⁹ Впоследствии лидеры ДДМВ, как и многие активисты, были преданы суду по обвинению в подготовке вооруженного выступления. Ряд исследователей считают, что этот процесс с начала до конца был фальсификацией, направленной специально на то, чтобы расправиться с ДДМВ.

лий, посуды и других потребительских товаров, недостаток которых способствовал росту недовольства местного населения [там же]. Проводя политику кнута и пряника, французские власти локализовали движение, оттеснив «копыеносцев» в районы расселения мерина. Несколько отрядов, которые вышли за границы Центрального плато, не смогли побудить население примкнуть к ним или оказать им действенную поддержку. В конечном итоге эти отряды вынуждены были рассеяться. Больше того, колонизаторам удалось сформировать вспомогательные отряды из местных жителей, преимущественно из членов ПОМ, и бросить их на борьбу с восставшими.

И все же некоторые французские посты были полностью окружены в течение двух-трех месяцев, а французское командование было вынуждено организовать их снабжение по воздуху. Для этих целей был специально создан авиаотряд из двух транспортных самолетов (компания «Эр Франс») «Ю-52», на которых были установлены пулеметы, и боевого самолета «Делиньи». Авиаотряд участвовал в военных действиях, поддерживая огнем обороняющихся. Так было, в частности, во время нападения на вокзал в Мураманге, которое в мае 1947 г. предпринял отряд «копыеносцев» численностью до 400 человек. Авиация помогла отразить атаку и на Фианаранцуа, где целью 200 «копыеносцев» было освобождение заложников из тюрьмы [190, 2. VIII. 1947].

К июню 1947 г. на Мадагаскар были переброшены несколько частей и подразделений парашютнодесантных войск, сенегальских, марокканских стрелков и иностранного легиона — общей численностью до 15 тыс. человек. 3 июля «копыеносцы» потерпели серьезное поражение при попытке ворваться в Тананариве. Их атака была отбита, отряды — рассеяны, а более 3 тыс. бойцов попало в плен [там же]. Бой 3 июля 1947 г. был последним из тех, в котором колонизаторам пришлось столкнуться с крупными силами «копыеносцев». Одновременно он ознаменовал окончание первого этапа восстания.

На втором этапе, продолжавшемся до осени того же года, активность повстанцев значительно снизилась, а французских войск — возросла. Вскоре после боя под Тананариве французское командование приступило к планомерным действиям по «умиротворению» острова, используя тактику «масляного пятна». Эта тактика была разработана еще генералом Галльени, который в 1896—1897 гг. подавил восстание на Мадагаскаре. Французские войска окружили район действий «копыеносцев» цепью частых постов с подвижными резервами, дислоцированными в непосредственной к ним близости. Постепенно цепь постов переносилась в глубь района действий «копыеносцев», лишая их возможности маневрировать, затрудняя связи с населением, снабжение и т. д. После того как французские войска заняли все населенные пункты в районе действий повстанцев,

последние вынуждены были разделиться на мелкие группы и укрыться в труднодоступных зонах, откуда они лишь изредка нападали на французских солдат.

Французские войска действовали против повстанцев с исключительной жестокостью. Пленных зачастую расстреливали или вешали на месте. Некоторые из них были сброшены с самолетов на деревни, жители которых поддерживали восстание; на жаргоне палачей это называлось сбрасывать «психологические бомбы». Целые деревни были сожжены или разрушены артиллерийским огнем, а их население согнано в концентрационные лагеря, где к концу 1947 г. содержалось до 10 тыс. человек [277, 1948, № 2, стр. 183]. Жестокость, с которой проводились карательные операции, привела к массовому бегству малагасийцев в труднодоступные районы, где многие из них, особенно старики и дети, погибли от болезней и голода. Целые области на восточном побережье обезлюдели.

О количестве жертв имеются весьма противоречивые сведения. По официальным данным французской администрации на Мадагаскаре, опубликованным в 1953 г., всего за период военных действий погибло и пропало без вести немногим больше 11 тыс. человек [538, стр. 472]. Советский исследователь Л. А. Корнеев, ссылаясь на мадагаскарскую газету «Имунгу Вау Вау», называет цифру 100 тыс. человек [437, стр. 108]. Большинство зарубежных авторов считают, что в период восстания на Мадагаскаре погибло в общей сложности примерно 70—80 тыс. местных жителей [609, стр. 271].

К октябрю 1947 г., когда колонизаторы окончательно овладели положением, начался третий и последний этап восстания. «Копьеносцы» удерживали теперь только два небольших района к западу от Вагумандри и Фианаранцуа [157, стр. 301]. Здесь скрывалось около 10 тыс. человек — как мирных жителей, так и бойцов партизанских отрядов.

Учитывая трудности действий в условиях наиболее жаркого времени года, французское командование с ноября 1947 по март 1948 г. почти не проводило операций по «усмирению», тем более что «копьеносцы» также не вели активных действий. Возобновив операции в апреле 1948 г., французские войска через два месяца создали сеть постов в двух последних районах восстания. Мелкие отряды партизан продержались в горно-лесистых зонах до начала 1949 г.

Вооруженное восстание на Мадагаскаре имело четко выраженную антиколониальную направленность; в нем приняла участие значительная часть населения. Некоторые особенности действий «копьеносцев» свидетельствуют о наличии на первых этапах движения военного руководства, которое было, однако, весьма слабым. Серьезнейшим недостатком являлось отсутствие общего политического руководства, что позволяет говорить о движении «копьеносцев» как о своего рода жакерии.

Вооруженная борьба в Камеруне (1955—1962 гг.)

В Восточном, или французском, Камеруне, который в 1945 г. получил статус «ассоциированной территории» Французского Союза, вооруженную борьбу населения возглавила партия Союз народов Камеруна (СНК).

СНК был создан в 1948 г. группой прогрессивной национальной интеллигенции Восточного Камеруна. Возглавлял эту группу Рубен Ум Ниобе, служащий французской колониальной администрации [538, стр. 426]. Организационно СНК влился в Демократическое объединение Африки (ДОА). Программа СНК предусматривала объединение «французской» и «британской» частей Камеруна на добровольной и демократической основе, расширение политических прав местного населения, отмену наиболее одиозных форм колониальной эксплуатации и прекращение опеки одновременно Англией и Францией, т. е. провозглашение независимости Камеруна [784, стр. 81]. К СНК примкнули представители всех классов и социальных прослоек камерунского общества — рабочие, ремесленники, крестьяне, торговцы, служащие и даже некоторые представители традиционной полусеудальной верхушки.

К середине 50-х годов влияние СНК было особенно прочным на юго-западе страны, в провинциях Баса, Бамилеке, Мунго, Вури и Приморская Санага (в настоящее время это области Западная и Прибрежная), где проживало до четверти всего населения. Его лидерам удалось объединить под своим руководством профсоюзы, примыкавшие к Всеобщей конфедерации труда Франции, Демократический союз женщин Камеруна и Демократический союз молодежи Камеруна. К 1956 г. ячейки СНК насчитывали около 20 тыс. активных членов [631, стр. 73]. В остальных провинциях Камеруна влияние СНК не было столь ощутимым. Там господствующее положение занимали другие партии — Демократический блок Камеруна, Камерунский социальный союз и др. Объединению национальных сил мешали этнические противоречия. В Камеруне, где проживало более 30 различных народностей, ни одна из которых не составляла заметного большинства, трибалистские связи играли заметную роль в формировании и деятельности всех политических и общественных организаций, в том числе и СНК. В руководстве последнего большинство принадлежало выходцам из народов баса, бамилеке и бамум, и его влияние распространялось на провинции, населенные преимущественно этими народами [689, стр. 463]. СНК был единственной организацией, которая не на словах, а на деле выступала за независимость Камеруна. Другие же партии были тесно связаны с колониальной администрацией.

22 апреля 1955 г. руководство СНК и примыкавших к нему общественных организаций опубликовало совместное заявление,

в котором потребовало немедленно снять опеку над Камеруном, провести под наблюдением ООН выборы в законодательное собрание, которое должно было разработать конституционные основы независимого Камеруна [435, стр. 17]. В защиту этих требований СНК в мае месяце провел несколько массовых демонстраций в крупных городах страны, в том числе и в столице. В конце мая между демонстрантами — членами СНК и активистами других партий Камеруна произошли столкновения. И французская администрация немедленно обвинила в этом руководство СНК.

В Камеруне началась кампания репрессий против членов СНК и прогрессивных общественных организаций, что привело к новым кровавым инцидентам. Вновь обвинив в них СНК, французское правительство 13 июля 1955 г. специальным декретом запретило деятельность СНК, профсоюзов ВКТ, молодежной и женской организаций. Многие из активистов были арестованы, некоторые убиты или похищены [187, 1955, № 102, стр. 893; 435, стр. 17].

В этой сложной обстановке среди лидеров СНК, перешедших на нелегальное положение, начались разногласия. Часть членов руководства, в том числе Рубен Ум Ниобе, генеральный секретарь СНК, считала необходимым возможно скорее добиться восстановления СНК в правах легальной партии и продолжать действовать мирными методами [599, стр. 1180]. Другие лидеры СНК, в частности Феликс-Ролан Мумие и Эрнест Уандие, полагали, что, поскольку мирные формы борьбы уже исчерпали себя, СНК должен немедленно начать вооруженное восстание против колонизаторов. Эта точка зрения была поддержана и другими членами руководства, эмигрировавшими в южную часть Западного (английского) Камеруна. Здесь, в районе г. Кумба, расположенного недалеко от границы, они создали центр для руководства вооруженными действиями, начали подготовку боевых групп из числа членов СНК, бежавших от преследований французских властей [там же].

Через несколько месяцев боевые группы СНК начали действовать на юго-западе Восточного Камеруна — в провинциях Бамилеке, Мунго, Вури и в г. Дуала (Двала). Так было положено начало вооруженной борьбе народов Камеруна за политическую независимость.

Первый этап этой борьбы продолжался приблизительно с начала 1956 до середины 1957 г. Боевые группы СНК эпизодически нападали на отдельные патрули и посты французской армии, полиции и жандармерии, разрушали транспортные коммуникации и линии связи. Они проводили также акты возмездия по отношению к камерунцам, сотрудничавшим с колонизаторами. Одна часть боевых групп СНК сразу же после проведения операции возвращалась на свои базы в Западном Камеруне, другая — постоянно дислоцировалась в труднодоступных районах

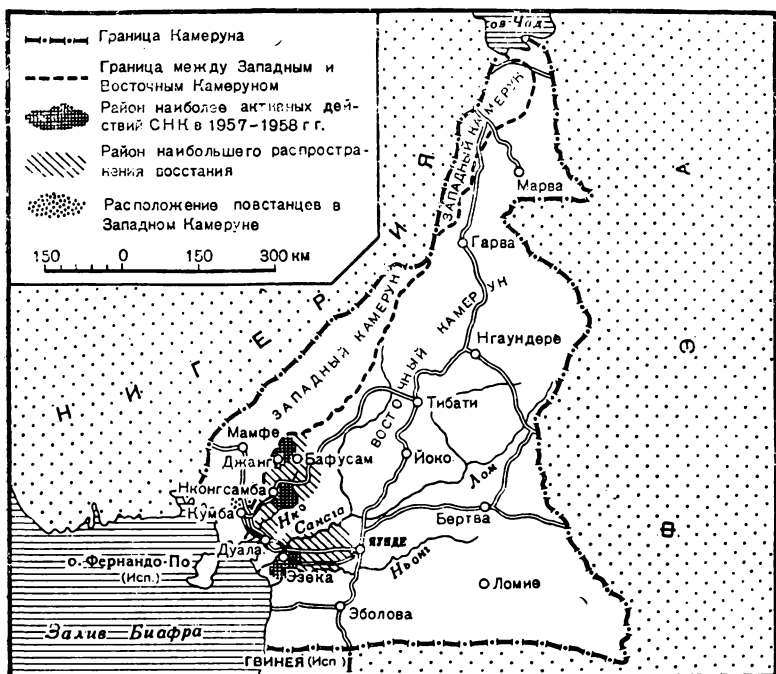
провинций Мунго и Бамилеке. И те и другие группы использовали партизанскую тактику. На этом этапе повстанческие группы действовали в значительной степени обособленно от населения. Руководство СНК уделяло недостаточно внимания политической работе среди местных жителей, и его представители в Мунго и Бамилеке фактически ограничивались лишь сбором средств [309, 19.XII.1958; 573, стр. 123 и сл.].

Отрицательно сказалось на развитии восстания и то, что в этот период двум группам руководства СНК не удалось добиться согласованных действий. В провинции Приморская Санага, где СНК имел много сторонников, вооруженных выступлений фактически не было. Р. Ум Ниобе, возглавлявший местное руководство, продолжал считать главной задачей восстановление партии в качестве легальной организации. Лишь в конце 1956 г. он создал специальный орган, начавший подготовку вооруженных действий, — так называемый Национальный организационный комитет. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Р. Ум Ниобе и его соратники обращали серьезное внимание на политическую работу среди населения, что позволило им упрочить свои позиции в массах.

В 1956 и в начале 1957 г. французские правящие круги, стремясь ввести в приемлемые для себя рамки растущее национально-освободительное движение африканских народов, приняли ряд реформ в своих африканских владениях. Камерун получил ограниченную автономию, была избрана ассамблея — парламент страны, в мае 1957 г. создано правительство. Эти изменения, лишь в небольшой степени ослабив позиции колонизаторов в Камеруне, были использованы властями в пропагандистских целях как повод для развертывания с помощью руководства легальных политических партий клеветнической кампании против СНК и повстанцев [302, 1958, № 584, стр. 2552].

Кроме того, в мае 1957 г. английские колониальные власти запретили деятельность СНК на территории Западного Камеруна. Некоторые лидеры и активисты этой партии были арестованы и высланы в Судан, но часть их успела скрыться и продолжала действовать подпольно в тех же районах. Однако готовить политические и военные кадры, так же как и поддерживать связь с повстанческим движением на территории Восточного Камеруна, стало значительно сложнее [724, стр. 483].

Новый этап вооруженной борьбы в Камеруне начался осенью 1957 г. Этому предшествовали следующие события. В июле Р. Ум Ниобе предложил правительству Камеруна так называемую программу примирения: объявить амнистию всем политическим заключенным, разрешить легальную деятельность СНК и других организаций, распущенных в мае 1955 г., сформировать новое правительство Камеруна с участием представителей СНК, которое должно подготовить мероприятия для провозгла-

Антиколониальные восстания в Камеруне
(1955—1962 гг.)

шения независимости и объединения Восточного и Западного Камеруна. Правительство А. Мбиды, не без подсказки французских властей, отвергло предложение СНК. И тогда Р. Ум Ниобе и его соратники заявили, что они исчерпали все легальные методы действий и переходят к вооруженной борьбе.

В сентябре 1957 г. в провинции Приморская Санага повсеместно начались вооруженные выступления населения, которые распространились затем на другие юго-западные провинции. Вооруженная борьба сразу же приняла массовый характер, основным методом стала партизанская война. Отряды патриотов при поддержке населения нападали на помещения колониальной администрации, посты и патрули армии, полиции и жандармерии, разрушали коммуникации и линии связи. На время им удалось полностью окружить г. Эзека — центр района, населенного народом баса, — и отрезать столицу Камеруна Яунде от юго-западных районов страны [135, стр. 48]. В 1958 г. СНК объявил о создании национально-освободительной армии [524, стр. 43]. В провинции Бамилеке с ноября 1957 г. в партизанской борьбе

приняло участие значительное количество населения. Руководство СНК видело в этом результат действий боевых групп, которым удалось добиться поддержки большинства местных жителей [364, 1959, февраль, стр. 8]. По мнению же камерунского историка Э. Мвенга и некоторых других авторов, массовое выступление населения явилось ответом на произвол французских властей, не пожелавших утвердить в административной должности одного из традиционных вождей народа бамилеке [724, стр. 443; 689, стр. 471]. Однако повстанцам не удалось распространить свои действия на весь Камерун, что объяснялось прежде всего слабой подготовкой восстания в военном отношении. Отряды патриотов были вооружены преимущественно холодным оружием и старинными охотничьими ружьями, отсутствовали подготовленные военные кадры. К тому же повстанцы не имели четкой организации и постоянной связи между собой и с Национальным организационным комитетом. Этот орган не смог стать руководящим и координирующим центром восстания [328, 1958, № 656, стр. 13], в частности ему не удалось согласовать действия повстанцев в провинциях Приморская Санага и Бамилеке.

Расширение масштабов вооруженных выступлений вынудило правительство Камеруна принять ряд чрезвычайных мер. В декабре 1957 г. по его просьбе из Французской Экваториальной Африки было переброшено несколько подразделений пехоты и воздушнодесантных войск, которые усилили части, действовавшие против повстанцев¹⁰. В районах, охваченных восстанием, начали создаваться так называемые «зоны умиротворения». Это были специальные лагеря, огороженные колючей проволокой, куда насильно сгонялось население нескольких деревень. На полевые работы крестьян выводили только под конвоем. К концу 1957 г. в «зоны умиротворения» было согнано около 15 тыс. человек [309, 19.XII.1958].

Эти меры позволили «силам безопасности» к началу 1958 г. оттеснить отряды повстанцев в труднодоступные районы и заставить их снизить свою активность. Однако обстановка на юго-западе Камеруна оставалась напряженной. Продолжение вооруженной борьбы явилось одним из факторов, обусловивших смену правительства в Камеруне. Новый премьер-министр А. Ахиджо, который был утвержден ассамблеей в феврале 1958 г., заявил, что он намерен в кратчайший срок восстановить мир в стране, добиться объединения различных частей Камеруна и

¹⁰ Данные относительно общей численности французских войск, сосредоточенных в Камеруне, весьма противоречивы. В докладе выездной миссии ООН указывалось, что к концу 1957 г. Франция имела в Камеруне около 1200 солдат. Но представители СНК заявляли, что к этому времени численность французских войск превысила 30 тыс. человек [135, стр. 48; 356, 1959, март, стр. 15].

окончания режима опеки. Это заявление серьезно ослабило политические позиции СНК, так как почти дословно повторяло его важнейшие программные требования [683, стр. 165].

В течение 1958 г. колонизаторы продолжали активные боевые действия против повстанцев и создавали новые «зоны умиротворения». Одновременно предпринимались и другие меры, направленные к тому, чтобы лишить повстанцев поддержки населения. В частности, в феврале 1958 г. была объявлена амнистия всем повстанцам, которые добровольно сложат оружие. В первые четыре месяца 1958 г. этому призыву последовало около 160 повстанцев, в последующие четыре месяца — больше 600 [135, стр. 70]. Специальная миссия французского Красного Креста бесплатно распределяла среди населения продовольствие, оказывала помощь в улучшении работы начальных школ и т. п. [241, 20.V.1958, стр. 28].

В сентябре 1958 г. в бою с одним из отрядов «сил безопасности» погиб Рубен Ум Ниобе. После его смерти в рядах руководства СНК провинции Приморская Санага начался раскол. Часть лидеров, в том числе Май Матип, призвали повстанцев сложить оружие и вернуться к легальной деятельности. Призыву Май Матипа последовало около 800 человек, и вооруженная борьба в Приморской Санаге фактически окончилась [364, 1959, февраль, стр. 7; 670, стр. 16].

Лидеры СНК, находившиеся в эмиграции, квалифицировали действия Май Матипа как предательство и призвали население продолжать вооруженную борьбу. Однако позиции их становились все более и более слабыми. В октябре 1958 г. парламент Камеруна принял решение провозгласить независимость страны 1 января 1960 г., а правительство А. Ахиджо добилося от французских правящих кругов одобрения этого решения [136, прил. III, стр. 4].

С 1959 г. начался новый и последний этап вооруженной борьбы в Камеруне. Руководство ею осуществляли лидеры СНК, находившиеся в эмиграции. Вооруженные действия велись лишь эпизодически и, как правило, боевыми группами, подготовленными вне Камеруна с помощью некоторых африканских стран и КНР [712, стр. 131]. Как и на предыдущих этапах, повстанцы действовали только в юго-западных районах Камеруна. Однако и здесь они уже не могли опираться на поддержку значительной части населения. Провозгласив предстоящую независимость страны, правительство лишило повстанцев их основного лозунга. Движение пошло на спад. Уже с середины 1959 г. боевым группам СНК пришлось вести борьбу не только с французскими войсками, но и с группами самообороны, созданными населением с помощью правительства Камеруна [695, стр. 183].

Отрицательную роль продолжало играть отсутствие единства среди лидеров СНК. Разногласия, возникшие в 1959 г. по

таким важным вопросам, как роль и значение политической работы среди населения, наиболее эффективные методы действий боевых групп, отношение к «дарованной» независимости, не были преодолены и в последующие годы. Наоборот, они еще больше углубились после того, как в октябре 1960 г. погиб Феликс-Ролан Мумие, авторитет которого среди членов СНК был неоспорим¹¹. Кроме того, налицо была определенная усталость масс. К концу 1960 г. количество погибших африканцев в районах восстания достигло 5 тыс. человек, 200 деревень были полностью разрушены. В стране насчитывалось 50 тыс. политических заключенных [291, 6.XII.1960].

Повстанческим силам противостояли теперь объединенные силы французов и правительства Ахиджо. По секретному военному договору, подписанному за три дня до провозглашения независимости, Франция оказала помощь в создании и оснащении камерунской армии. Численность регулярных частей была доведена до 2700 человек, камерунской стражи (территориальные войска) — до 2 тыс., жандармерии — до 3 тыс., муниципальной полиции — до 900 человек. Таким образом, все «силы безопасности» (включая французские войска — 1200 человек, по официальным данным) достигли 10 тыс. солдат, офицеров и полицейских [231, 1964, № 1, стр. 5].

В целом вооруженная борьба народов Камеруна в определенной степени ускорила процесс завоевания национальной независимости и воссоединения страны.

§ 3. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ КЕНИИ ПРОТИВ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ (1952—1956 гг.)

После второй мировой войны в Кении резко обострились экономические и политические противоречия. Страна представляла собой поселенческую колонию, в которой африканцам-крестьянам, составлявшим большинство населения, противостояли европейские владельцы плантаций и ферм. Система принудительного труда, массовые земельные захваты в интересах европейских поселенцев и плантационного хозяйства ускорили ломку докапиталистических отношений, привели к образованию армии сельскохозяйственных рабочих. Более ускоренными по сравнению с другими африканскими странами темпами развивалась и промышленность Кении. В результате относительно рано возник в этой стране значительный отряд африканского рабочего класса. Африканское население, по сути дела, было бесправным: в местном законодательном совете, созданном при губернаторе Кении, 47 тыс. европейцев были представлены

¹¹ Об обстоятельствах его гибели см.: [269, 1961, октябрь, стр. 35; 524].

39 членами, а 5,5 млн. африканцев — шестью. За ширмой выборных учреждений скрывался полицейский режим, основанный, как говорили африканцы, на «доктрине управления при помощи насилия» [766, стр. 23].

Объединение африканского населения под лозунгом борьбы за землю и демократические права началось в 1946 г., когда был образован Союз африканцев Кении (САК). В дальнейшем САК стал массовой политической организацией, в которую входили представители всех классов и общественных групп африканцев. Активное участие в освободительной борьбе приняли бывшие военнослужащие — участники второй мировой войны.

Первым в активную борьбу против империалистического господства включился рабочий класс. Под руководством созданного в 1948 г. Восточноафриканского конгресса профсоюзов прошли массовые забастовки на промышленных предприятиях в порту Момбаса. Колониальные власти запретили конгресс, обрушили репрессии на его руководителей. Участники шеститысячной демонстрации на улицах Найроби вступили в схватку с полицией и войсками, поддержанными бронемашинами. Всеобщая забастовка 1950 г. предшествовала чрезвычайному положению 1952 г.

В 1952 г. национально-освободительное движение продолжало развиваться: различные слои африканского общества сгруппировались вокруг САК — единственной легальной организации местного африканского населения. Наиболее активной силой движения были кикуйю — народность, насчитывавшая 1,5 млн. Они жили в наиболее плодородном районе — Центральном нагорье — и больше всех пострадали от захвата земель колонизаторами.

Национальным силам, выступавшим за независимость и демократию, противостояли европейские поселенцы, а также многие старосты локаций, вожди, отдельные представители африканской буржуазии.

Планируя создание поселенческой федерации в Восточной Африке с режимом, подобным южноафриканскому апартхейду, английский империализм стремился упрочить господствующее положение европейских поселенцев. Опасность укрепления расистских порядков в свою очередь послужила причиной появления подпольных африканских организаций, члены которых решили взяться за оружие [666, стр. 41]. Вступавшие в ряды борцов за свободу принимали клятву сражаться до конца. Началась экспроприация оружия [там же, стр. 43]. В резервате кикуйю, а также в районе Абердэрских гор жители уходили в леса, создавали группы сопротивления.

Реакционные организации во главе с Союзом европейских избирателей попытались лишить национально-освободительное движение политического руководства. В середине 1952 г. они

развернули клеветническую кампанию против САК и его руководителей, действуя согласно изложенному в секретном документе Союза европейских избирателей плану провоцирования африканцев на насилие [317, 1959, № 2, стр. 2—3]. Были созданы отряды «внутренней самообороны». Вожди и старосты организовывали грабежи и акты насилия (в дальнейшем их выдавали за акты «террористов») над активными участниками освободительного движения [679, стр. 13—14; 275, 1952, № 1455, стр. 1590].

Колониальные войска в Кении были приведены в состояние боевой готовности, а в резервате кикуйю начались военные учения. Два батальона африканских стрелков были дополнительно переброшены из Танганьики, Уганды и с о-ва Маврикия. 20 самолетов доставили в Найроби батальон английских солдат из зоны Суэцкого канала; в порту Момбаса бросил якорь крейсер «Кения» [740, стр. 88; 275, 1952, № 1463, стр. 194; № 1464, стр. 225; № 1465, стр. 261]. 20 октября полиция и войсковые части арестовали почти всех руководителей САК во главе с Джомо Кениатой — 99 человек [740, стр. 88] — по обвинению в организации «подпольного террористического общества Мау Мау». И только на следующий день губернатор официально объявил чрезвычайное положение.

Установление военно-террористической диктатуры имело целью завершить начатую ранее кампанию по выявлению и ликвидации африканских активистов, в первую очередь лидеров САК. По чрезвычайному законодательству политическая деятельность африканцев была запрещена, передвижение по стране ограничено, были созданы специальные зоны и запретные районы, где разрешалось стрелять в любого африканца. Было закрыто большинство школ, в которых обучались дети африканцев и которые считались пропагандистскими центрами. Около 100 тыс. кикуйю-арендаторов, проживавших в провинции Рифт-Валли, были насильно переселены в резерват кикуйю; туда же были высланы из Найроби все безработные африканцы [там же, стр. 70]. Началась охота за людьми, вызвавшая массовое бегство кикуйю в Абердэрские леса и в район горы Кения.

Сформированные в лесах вооруженные отряды партизан нападали на фермы поселенцев, лесопилки, склады, захватывали оружие. В конце марта и начале апреля 1953 г. численность отрядов «Мау Мау» увеличилась за счет африканцев-арендаторов, выселенных с европейских ферм [275, 1953, № 1497, стр. 1341]. Постепенно действия партизан принимали более решительный характер. В Найваша 50 повстанцев молниеносно напали на полицейский участок, обстреляли охрану, освободили 173 заключенных, захватили 47 автоматов и винтовок. Вся операция заняла 20 минут. Вскоре были совершены нападения на воинские части в Найваша и Ньери [702, стр. 145; 267, 28. III. 1.IV, 6.IV, 13.IV.1953]. Влияние освободительного движения

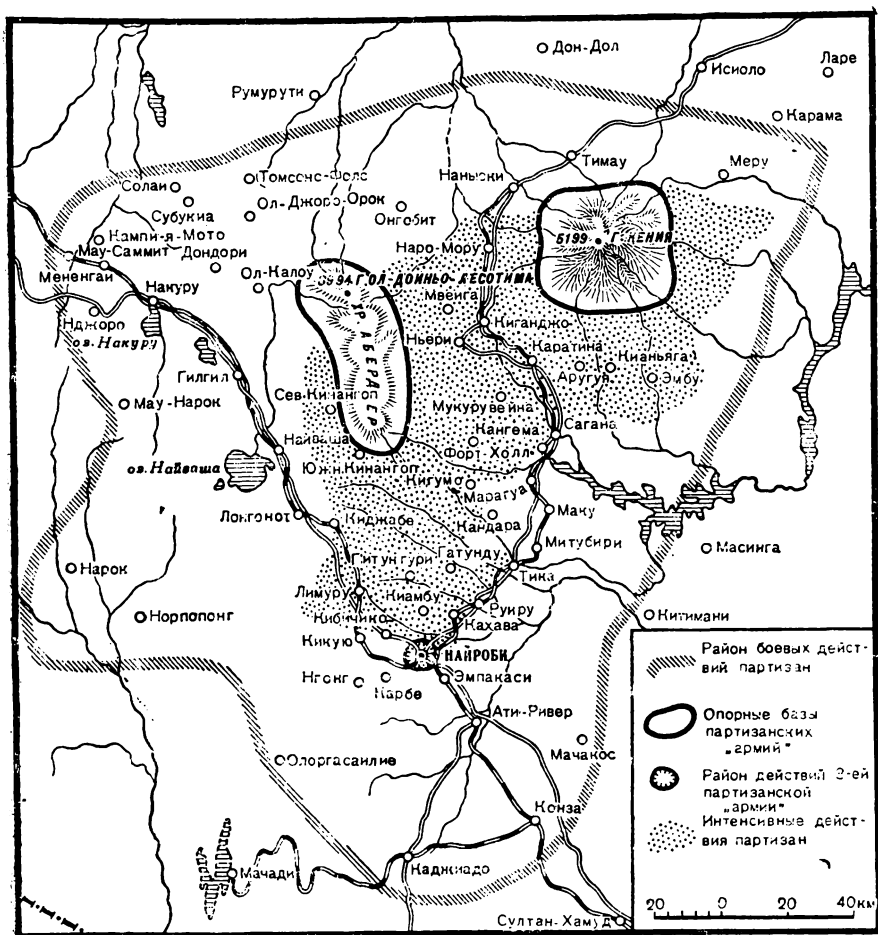
на народные массы возрастало. По признанию колониальной администрации, 90% кикуйю были за «Мау Мау» [267, 1.III. 1954].

Некоторые английские исследователи, например полковник Дж. Пэйджет, утверждают, что «силы безопасности» в Кении вначале не были готовы к координированным действиям против партизан, а армейские подразделения придерживались оборонительной тактики, в основном помогая полиции. В действительности с января 1953 г. полиция во взаимодействии с войсками в Абердэрских лесах и провинции Рифт-Валли провела четыре крупные операции («Блиц», «Йэллоу хэкл», «Лонгстоп» и «Граунд-бейт») по прочесыванию. Однако тактика прочесывания оказалась неэффективной. Партизаны, уклонявшиеся от боя, сохранили все свои отряды [740, стр. 91]. Тем не менее быстрый переход к военным действиям затруднил формирование партизанских сил. По мнению американских историков К. Розберга и Дж. Ноттингема, повстанцам не хватило времени для создания более развитой военной структуры движения и обучения молодежи тактике партизанской войны [759, стр. 297].

Боевая активность африканцев в апреле — мае 1953 г. продолжала возрастать. Соотношение наступательных и оборонительных боев и стычек в этот период составило 2 : 1 в их пользу [275, 1954, № 1567, стр. 207]. Сфера действий отрядов значительно расширилась, охватив всю Центральную провинцию, в частности округа Эмбу и Меру. Особую активность партизаны развили в округе Форт-Холл, где участились нападения на полицейские посты и воинские подразделения. Численность отрядов, принимавших участие в этих операциях, в отдельных случаях доходила до 500 человек. Действовали повстанцы очень смело. По свидетельству английских офицеров, бойцы «Мау Мау» «шли вперед, несмотря на сплошной пулеметный огонь» [275, 1953, № 1492, стр. 1187].

Успехи участников движения «Мау Мау» в первой половине 1953 г. выявили неспособность европейских поселенцев собственными силами обеспечить свое господство в стране. Именно после этого было принято решение применить в Кении методы противопартизанской войны, разработанные в Малайе генералом Дж. Темплером. В число мер по усилению борьбы с партизанами входили: создание Комитета чрезвычайного положения с участием военных, чиновников и поселенцев, введение должности начальника боевых операций, создание оперативных отделов по разработке и координации действий против партизан, усиление разведки, установление продовольственной блокады «Мау Мау».

Национально-освободительная война народов Кении охватила всю Центральную провинцию, восточную часть провинции Рифт-Валли, часть Южной провинции, вплоть до границы с Танганьикой, и г. Найроби.

Вооруженная борьба народов Кении против английских колонизаторов (1952—1956 гг.)

Восстание сумело довольно быстро оформиться организационно, использовав для этого традиционные внутриплеменные связи и тесные контакты населения резерватов с трудящимися городов Найроби, Накуру и др. В борьбе приняли участие уцелевшие члены САК. При создании местных комитетов «Мау Мау» были частично использованы отдельные звенья САК. По мере расширения движения к нему примыкали новые этнические группы. Возникли женские организации «Мау Мау»: женщины наравне с мужчинами воевали, выполняли разведывательные задания [267, 5.II.1953; 357, 9.VII.1953; 275, 1954, № 1529, стр. 669; № 1548, стр. 1302].

Организация имела два «крыла»: «боевое» (повстанческие армии, действовавшие в горно-лесистых районах, резерватах и поселенческих районах) и «пассивное» (подпольная организация, развернувшая деятельность в локациях, округах и городах). Движением руководил центральный комитет, который имел три подкомитета. Первый подкомитет ведал финансами — сбором вступительных взносов и иных отчислений в пользу движения. Эти средства использовались для закупки оружия, боеприпасов и продовольствия. Второй подкомитет занимался расследованием преступлений изменников и полицейских осведомителей. В компетенцию третьего подкомитета, носившего название «Военный совет», входили чисто военные вопросы.

Район боевых действий контролировался Военным советом под руководством Дедана Кимати, который именовался главным командующим Армией освобождения.

Существовали три самостоятельные в оперативном отношении группировки («армии») «Мау Мау». Первая под командованием Кимати действовала в Абердэрском лесном районе, протянувшимся с севера на юг по границе провинций Центральная и Рифт-Валли. Вторая находилась в районе горы Кения, на стыке округов Наньюки, Южная Ньери, Эмбу и Меру. Районом активных действий первых двух группировок был резерват кикуйю, а также районы проживания европейских фермеров в округах Наньюки, Тика, Накуру. Третья действовала в г. Найроби [275, 1954, № 1538, стр. 937; № 1531, стр. 734]. Общая численность партизанских «армий» достигала 12—15 тыс. человек, «пассивного крыла» — 30 тыс. [740, стр. 90].

Группировки состояли из нескольких крупных отрядов — своего рода батальонов. Такой отряд насчитывал до 300 человек. В его составе было ядро (до 50 человек), вооруженное огнестрельным оружием, и группа поддержки (до 100 человек), бойцы которой имели самодельные ружья, ножи и копья. Каждый отряд делился на роты [666, стр. 292—294; 275, 1953, № 1505, стр. 1594].

Командиры выдвигались путем выборов. Ими становились смелые бойцы, имевшие боевой опыт. Были установлены воинские звания, знаками различия служили погоны из шкур животных. Выборность командного состава, вносящая некоторую хаотичность в боевую деятельность отрядов, не помешала «Мау Мау» поддерживать строгую дисциплину. Категорически запрещалось употреблять спиртные напитки; за невыполнение приказаний виновные подвергались товарищескому суду.

Из рядов повстанцев выдвинулось несколько талантливых военачальников: Дедан Кимати, бесстрашный воин и умелый руководитель масс; командующий второй «армией» Варухиу Итоте (генерал Китай), железнодорожный рабочий; Ньинга Гайкей (генерал Камвамба), помощник механика на европейской ферме. Большинство из них во время второй мировой войны

были сержантами королевских африканских стрелков. Одним из храбрейших командиров был генерал Каго (подлинное имя неизвестно), о котором английские офицеры писали, что «невозможно не восхищаться его умением и одаренностью» [682, стр. 72].

В лесных районах Абердэрских гор находились тщательно замаскированные базы и лагеря повстанцев. Эти места служили исходным районом действий крупных отрядов. На пересеченной местности резерватов было легче проводить партизанские рейды и налеты на полицейские посты и фермы поселенцев, расположенные среди африканских локаций.

Пополнение отрядов повстанческого движения проводилось с большой осмотрительностью специальными офицерами. Отправка новобранцев из городов и резерватов в лес проходила через широкую систему пересыльных пунктов [там же, стр. 158].

Партизанские действия против войсковых подразделений, полиции, «внутренней стражи» и полиции племен имели целью создать невыносимые условия для поселенцев и колониальной администрации. Каких-либо операций широкого масштаба повстанческими силами не предпринималось. Этому мешали отсутствие подготовленных в оперативно-тактическом отношении командиров, нехватка огнестрельного оружия. К концу 1953 г. в распоряжении повстанцев имелось 1300—1400 единиц огнестрельного оружия. Винтовками и ружьями были, таким образом, вооружены лишь 12% повстанцев [740, стр. 90]. В кустарных мастерских было организовано также производство самодельного огнестрельного оружия, эффективность которого была невелика.

«Пассивное» крыло создало в округах и локациях широкую сеть подпольных комитетов для сбора денег, боеприпасов, продовольствия и вербовки новых бойцов в отряды партизан. При комитетах существовали группы «сильной руки», направленные против предателей и шпионов.

Третья группировка, действовавшая непосредственно в Найроби и его окрестностях, по сути дела, представляла собой сложную систему комитетов «пассивного» крыла, организованных по принципу землячеств, во главе с центральным комитетом [682, стр. 79—81; 740, стр. 97]. Найроби и пригородный округ Киамбу были основной базой снабжения партизан [740, стр. 97]. Осведомленность повстанцев о действиях колониальных властей и командования «силами безопасности» свидетельствует, видимо, о существовании сильной разведывательной организации [297, 1956, февраль, стр. 16].

В июне 1953 г. было создано Восточноафриканское командование (непосредственно подчинялось военному министерству Великобритании), которое своим основным объектом считало Кению [297, 1956, февраль, стр. 12]. Здесь к ноябрю 1953 г. было сконцентрировано 13,5 тыс. регулярных войск. Количество ан-

глийских частей в стране увеличилось в 2 раза [там же, стр. 14; 275, 1954, № 1568, стр. 240]. В распоряжении главнокомандующего генерала Дж. Эрскина были сосредоточены 39-я пехотная бригада (два английских батальона) и 70-я пехотная бригада (шесть батальонов королевских африканских стрелков), отдельный английский пехотный батальон, отдельный восточноафриканский бронедивизион, отдельная артиллерийская батарея, Кенийский полк — территориальная часть, состоящая из европейских поселенцев [740, стр. 94]. Эта группировка поддерживалась авиационными подразделениями и находилась в тесном взаимодействии с полицией Кении, насчитывавшей 19,5 тыс. человек, полицией племен (2,2 тыс.) и «внутренней стражей» (21 тыс.) [275, 1954, № 1533, стр. 790; 740, стр. 96]. Кроме того, для координации действий войск в резерватах было сформировано управление штаба 49-й пехотной бригады [740, стр. 96]. Несмотря на достигнутое численное превосходство «сил безопасности» над повстанцами, выражавшееся в соотношении 3,7 : 1, командование не чувствовало себя уверенно, не имея достаточной информации о противнике.

По оперативному плану, утвержденному Эрскином, 70-я бригада продолжила выявление подпольных и боевых групп в резервате кикуйю. Из остальных соединений и частей были созданы три ударные группы. Первая — в составе 39-й пехотной бригады и Кенийского полка — из резервата кикуйю была переброшена для поисковых действий в лесные районы Абердэрских гор и горы Кения. Вторая группа — отдельный бронедивизион, поддержанный подразделениями самоходной артиллерии, — использовалась для патрулирования на открытой местности. Третья группа — военно-воздушные силы, на вооружении которых сначала находились истребители-бомбардировщики «Харвард», а затем фронтовые бомбардировщики «Линкольн». Они бомбили лесные районы партизан, заставляя их совершать постоянные передвижения по лесу [740, стр. 95].

Наступательные действия этих сил начались летом 1953 г. в округах Ньери, Форт-Холл, Эмбу, Меру. Авиация англичан совершила 183 боевых вылета, во время которых было сброшено 1096 бомб [275, 1953, № 1501, стр. 1484]. Одновременно «силы безопасности» продолжали действия «устрашения» против африканского населения двух самых крупных городов Кении — Найроби и Накуру [267, 7. VII. 1953]. Колониальные власти отвергли предложение Кимати о мирном урегулировании конфликта. «Не может быть и разговоров об амнистии или о переговорах с лидерами Мау Мау», — заявил генерал Эрскин [275, 1953, № 1507, стр. 1646].

Наибольшего напряжения бои достигли в конце июня — начале июля. Во время операции «Эпсом» на восточных склонах Абердэрских гор укрытия и лагеря «Мау Мау» подвергались бомбардировке в течение двух дней. Специальные подразделе-

ния перекрыли пути возможного отхода партизан. Однако англичанам не удалось достигнуть больших результатов в ходе этой операции, как и в ходе другой — «Баттеркап», проводившейся в районе округа Форт-Холл в виде концентрированных прочесывающих действий, которым предшествовала бомбежка с воздуха [275, 1953, № 1498, стр. 1382—1418; № 1500, стр. 1450]. Колонизаторам приходилось действовать крупными подразделениями регулярных войск, полиции и «внутренней стражи», во много раз превосходившими по численности партизанские отряды. Бои длились подчас по два-три дня. В конце 1953 г. движение распространилось на провинцию Ньянза. Серьезных успехов в этот период добились повстанцы, действовавшие в округах Эмбу и Меру, прилегающих к горе Кения. В ноябре 1953 — январе 1954 г. активные боевые действия распространились и на округ Южная Ньери, где повстанцы часто нападали на полицейские посты, фермы поселенцев, продовольственные лавки и склады. Действия партизан были поддержаны городскими жителями, начавшими осенью 1953 г. в Найроби кампанию гражданского неповиновения.

Потерпела поражение традиционная английская политика травливания одной народности на другую. С октября 1953 г. в движение «Мау Мау» включились скотоводы масаи. Районы расселения масаи — Нарок и Каджиадо — были объявлены «специальными». За участие в движении были арестованы 40 камба, которые издавна считались опорой колонизаторов [275, 1953, № 1512, стр. 102].

В феврале 1954 г. произошла реорганизация управления освободительным движением. Вместо Военного совета был организован новый верховный руководящий орган — парламент Кении, куда вошли Д. Кимати и 12 других членов. Более ограниченный состав парламента позволял оперативнее принимать решения и руководить действиями партизан. В то же время это была попытка создать африканское правительство Кении, продемонстрировать национальный характер движения, способствовать его распространению на другие народности и районы страны [550, стр. 329]. Английская парламентская комиссия, посетившая Кению в феврале 1954 г., вынуждена была признать, что «влияние Мау Мау в резервате кикуйю не ослабло, а увеличилось и существует опасность выхода движения за границы резервата» [275, 1954, № 1533, стр. 790].

Английские войска первоначально не смогли развернуть операции в лесах, контролировавшихся партизанами. Проникнуть в леса удалось, лишь создав там специальные базы, прорубив просеки длиной до 7 км и выдвинув батальонные опорные пункты, которые можно было использовать в качестве исходных центров патрулирования. Прodelал эту работу переброшенный из Англии 39-й полевой инженерный полк [740, стр. 96]. Отдельным отрядам повстанцев были нанесены серьезные уда-

ры, особенно на открытой местности. Давали себя знать необученность африканцев регулярной тактике, их слабое вооружение. В середине февраля 1954 г. повстанцам отряда генерала Каго (300—500 человек) было нанесено поражение при попытке атаковать полицейский пост в Кандара и электростанцию в Уанджии. Против повстанцев были брошены части 39-й пехотной бригады под командованием бригадира Тэрлоу, восемь бомбардировщиков «Линкольн» поддерживали англичан с воздуха. Движение понесло тяжелые потери: 197 человек (в том числе Каго) были убиты, 55 взяты в плен [275, 1953, № 1512, стр. 102]. Зимой — весной 1954 г. попали в плен несколько партизанских руководителей: генералы Китай, Танганьика, Катанга, Комбу.

Лондон прибег к испытанному методу — политике кнута и пряника. С одной стороны, решено было привлечь на сторону колониальных властей часть национальной буржуазии, интеллигенции и зажиточного крестьянства и внести раскол в ряды африканцев. С этой целью в начале 1954 г. был разработан проект так называемой конституции Литтлтона, по которой три африканца допускались в правительство колонии, а 300 тыс. из 6 млн. африканцев предоставлялось избирательное право [357, 23. III. 1954; 275, 1956, № 1631, стр. 677—678]. С другой стороны, колонизаторы усилили террор. Страна превратилась в концентрационный лагерь. К концу 1953 г. подверглись аресту свыше 150 тыс. африканцев, из них 64 тыс. были приговорены к лишению свободы [740, стр. 96]. С заключенными в лагерях обращались исключительно жестоко. Остров Манда, где размещалась часть концентрационных лагерей, получил название «остров, откуда не возвращаются» [636, стр. 169]. Европейские поселенцы, английские солдаты и другие каратели из «сил безопасности» зверствовали, расправляясь с пленными и мирными жителями. «Это не что иное, как гитлеризм», — писал в редакцию коммунистической газеты «Дейли Уоркер» английский офицер Лардер [268, 12. XII. 1953].

В начале 1954 г. английское командование пришло к выводу, что центр организации «Мау Мау» находится в Найроби [740, стр. 97]. Организация «Мау Мау» была очень хорошо законспирирована, пользовалась поддержкой и сочувствием местных жителей. Было принято решение применить в Найроби метод масовой облавы на кикуюй под предлогом более тщательной проверки документов. Операция «Энвил» началась утром 24 апреля 1954 г. Для участия в ней в город прибыли 5 тыс. солдат и 1 тыс. вооруженных полицейских под общим командованием бригадира Джона Тейлора. Пять батальонов африканских стрелков и часть Кенийского полка образовали оцепление, в то время как полиция прочесывала город сектор за сектором. По мере «очистки» того или иного района контроль передавался воинским частям. С воздуха город патрулировался самолетами авиакрыла полицейского резерва.

Во время облавы были задержаны 30 тыс. африканцев: кикуйю, эмбу, меру, камба. На допросе их «сортировали» на «белых» (разрешалось вернуться домой), «черных» (ожидало заключение и «перевоспитание») и «серых» (они были использованы на принудительных работах в рабочих лагерях). Было задержано и отправлено под стражей в резерват свыше 2 тыс. африканок и 4 тыс. детей [297, 1956, февраль, стр. 16; 275, 1954, № 1542, стр. 1094—1097; № 1544, стр. 1156].

Операцией «Энвил» начался продолжительный период боевых действий, который характеризовался ожесточенной борьбой между «силами безопасности» и партизанами за Найроби и прилегающие округа резервата кикуйю.

Репрессии против африканского населения Найроби не могли не сказаться на снабжении боевых отрядов продовольствием, боеприпасами, оружием, на пополнении новыми бойцами. Партизаны пытались восстановить нарушенную систему снабжения и разведки, что в ряде случаев им удавалось¹², но полностью наладить все связи и возобновить явки, существовавшие ранее в городе, по-видимому, они не смогли. Удар по базе снабжения партизан сопровождался жестокими мерами, направленными на лишение отрядов «Мау Мау» возможности добывать продовольствие в сельской местности.

Несмотря на гигантские трудности, борьба за обеспечение продовольствием и оружием продолжалась. Участились нападения повстанцев на укрепленные и охраняемые фермы европейских поселенцев. Средняя цифра захваченного скота достигла 250 голов в неделю. Особую активность развернули группы «Мау Мау» в богатых районах южной части провинции Рифт-Валли.

В связи с сократившимся пополнением отрядов «Мау Мау» из кикуйю развернулась кампания за привлечение на сторону повстанцев камба и масаи. Среди камба, в частности, была создана крупная повстанческая организация, насчитывавшая до 3 тыс. человек во главе с автономным комитетом, подчинявшимся непосредственно центральному комитету «Мау Мау» [257, 1954, № 1548, стр. 1302]. Правда, военная обстановка, сложившаяся к концу 1954 г., не дала возможности полностью привлечь камба на сторону повстанцев.

Для повышения эффективности боевых действий «сил безопасности» английское командование создало военный кабинет колонии, состоявший из губернатора, вице-губернатора и одного из выборных министров-европейцев. Ему подчинялся объединенный штаб, куда входили офицеры армии и полиции, а также колониальные чиновники. Задачей военного кабинета являлась

¹² Варухну Итоте утверждает, что англичанам так и не удалось раскрыть состав центрального комитета, и по сей день очень немногие знают, кто был его членами.

непосредственная подготовка оперативных планов. На уровне провинций и округов действовали подобные же «триумvirаты», которые разрабатывали планы операций по обеспечению «безопасности» [740, стр. 97]. В Найроби был оставлен один батальон, который периодически повторял облавы, основные силы были переброшены в резерваты. В еще более широких масштабах стали применяться голодная блокада и массовое переселение.

Массовые облавы и патрулирование изматывали партизан, вынуждали их часто перемещаться с одного места на другое. И все же повстанцы не складывали оружия. Они быстро сосредоточивались для наступления в отряды численностью 100—150 человек или рассредоточивались в боевые группы (8—10 человек) в тех случаях, когда требовалось прорваться через кольцо облавы.

Бои велись в округах Ньери, Эмбу, Форт-Холл. С лета 1954 г. активную боевую деятельность развернули партизанские отряды генерала Метта. Осенью 1954 г. интенсивные бои проходили в районе Тика, на берегу р. Тана, а также в округе Эмбу.

Английская военная разведка создала лжепартизанские отряды по выслеживанию и уничтожению партизан-командиров, а подчас и небольших отрядов. Рядовыми в них были предатели, завербованные из бывших партизан, а командирами — европейцы, переодетые и загримированные под африканцев. Для большего сходства с отрядами «Мау Мау» в состав лжепартизанских отрядов включались женщины. В результате действий лжепартизанских отрядов в апреле — августе 1954 г. было убито или взято в плен 14 командиров крупных отрядов «Мау Мау» [682, стр. 121].

Всех кикуйю, проживавших в резерватах, переселяли в большие охраняемые деревни, напоминавшие концентрационные лагеря. К концу 1954 г. в 259 «новых деревень» было переселено 48% населения округа Ньери и 60% населения округа Эмбу [275, 1954, № 1567, стр. 209], а всего — свыше 1 млн. кикуйю [740, стр. 100].

К концу года активность отрядов «Мау Мау» снизилась, соотношение наступательных и оборонительных операций достигло 1:2 в пользу «сил безопасности». Многие способные командиры попали в плен или были убиты. Заключение в тюрьмы и концентрационные лагеря пятой части всего мужского населения районов, охваченных восстанием, лишило движение значительной части людских ресурсов, источников снабжения продовольствием и боеприпасами.

А тем временем английские войска готовились к ведению боев в лесах в соответствии с малайским «опытом».

К этому времени территория резервата кикуйю превратилась в укрепленный лагерь. Почти на каждой возвышенности находился небольшой укрепленный пост, увенчанный высокой смот-

ровой башней и окруженный рвом и проволочными заграждениями. У подножия располагалась «новая деревня» с укрытиями для скота. Сюда было собрано все население из старых поселков в близлежащем районе. Месяцами в этих деревнях длился комендантский час (по 23 часа в сутки). Жителям разрешалось покидать деревню лишь под вооруженной охраной на один час в день — за пищей [759, стр. 293—294].

Была организована блокада лесных районов, рассчитанная на то, чтобы партизанские отряды в поисках пищи выходили как можно ближе к опушке леса, где их ожидали засады. Применение засад было признано основным тактическим приемом, ибо в лесу выигрывал не тот, кто двигался, а кто ждал на месте [297, 1956, февраль, стр. 18; 252, 1954, октябрь, стр. 49—51]. Чтобы сделать блокаду более действенной, по опушке был вырыт ров длиной 50 миль с проволочными заграждениями и минами-ловушками. Через каждые полмили ров охранялся полицейскими постами [740, стр. 100]. Для действий в высокогорных и лесистых местах были сформированы «охотничьи группы», в задачу которых входило выслеживание и преследование повстанцев — настоящая охота на людей.

12 января 1955 г. три английских батальона и пять батальонов африканских стрелков, поддержанные 49-й эскадрилей бомбардировщиков «Линкольн», начали наступление на Абердэрский лес. Операция, получившая название «Хэммер», длилась около полутора месяцев [357, 12.1, 14.1.1955]. Вслед за ней, в первых числах марта, началась операция «Фирст флют» в районе горы Кения.

Африканцы оказывали упорное сопротивление колонизаторам. Командование партизанскими отрядами предприняло героические усилия для налаживания связи с Найроби, где, несмотря на террор, удалось восстановить деятельность ряда комитетов [275, 1955, № 1581, стр. 694]. Однако к концу 1955 г. обстановка ухудшилась. Переговоры с противником, начатые руководителями партизан, в том числе Деданом Кимати, были сорваны англичанами.

Начались новые атаки на Абердэрский район силами шести армейских батальонов и вспомогательных частей, поддержанных авиацией. Эта операция под названием «Джимлет» длилась около двух месяцев. Одновременно в резерватах (округ Киамбу) отряд Варуинги Куриа вел бои против четырех батальонов регулярных войск и специальных групп [682, стр. 190—208]. Куриа потерпел поражение и погиб. Не имела успеха попытка прорваться в Абердэры отряда генерала Танганьика, который к этому времени сумел бежать из плена и вновь возглавил свою группировку.

Разобщенные, плохо вооруженные и голодные бойцы «Мау Мау» не смогли противостоять 35-тысячной группировке колониальных войск, поддержанных артиллерией и авиацией. За

шесть месяцев 1955 г. они не досчитались 1,5 тыс. человек, главным образом убитыми. Общая численность партизан сократилась на две трети. К середине февраля 1955 г. были арестованы 278 560, осуждены 111 032, казнены 800 человек [267, 11.II.1955; 275, 1955, № 1587, стр. 902].

С этого времени «силы безопасности» в борьбе против отрядов «Мау Мау» применяли в основном два тактических приема: прочесывание больших пространств в лесу и в резерватах (в сочетании с боями против отдельных отрядов «Мау Мау») и поиск — применение войсковых и полицейских патрулей, оснащенных легким автоматическим оружием и обладающих высокой мобильностью, для выслеживания групп повстанцев и их уничтожения. Одновременно продолжалась охота за командирами и лидерами движения с помощью лжепартизанских отрядов.

Борьба африканских патриотов продолжалась в течение всего 1956 года. Тяжелой утратой была гибель двух выдающихся руководителей — генерала Танганьики и фельдмаршала Кимати. На суде они держались с исключительным достоинством и мужеством [275, 1956, № 1653, стр. 1456; 267, 22.X.1956; 19.II.1957].

Основные силы английских регулярных войск были выведены из Кении в середине ноября 1956 г. в связи с подготовкой англо-франко-израильской агрессии против Египта. Вывод войск не означал окончания борьбы против «Мау Мау», и чрезвычайное положение не было снято вплоть до 1960 г. В лесах оставалось около 300 партизан, которые вышли оттуда лишь спустя восемь лет — в день провозглашения независимости Кении [266, 7.XII.1963].

Военная неудача восстания африканцев — следствие многих причин. Главным недостатком повстанческого движения было отсутствие политического руководства. Это препятствовало выработке стратегического плана борьбы, распространению ее на всю территорию страны. К социально-политическим недостаткам можно также отнести узость движения, незначительную поддержку центральных народностей жителями окраин страны, трибалистские противоречия, отсутствие массового вооруженного выступления рабочих и городской бедноты совместно с лесными отрядами. К слабым сторонам военной организации «Мау Мау» следует причислить недостаточное взаимодействие между «армиями», незначительную оперативную связь, плохое вооружение, отсутствие боеприпасов, необученность тактике партизанской войны. Саботаж и диверсии на коммуникациях и линиях связи, например, не применялись повстанцами. «Ведение противоповстанческих операций,— пишет Дж. Пэйджет,— значительно бы усложнилось, если бы по железным дорогам, шоссе, энергетическим комплексам и средствам связи наносились сосредоточенные удары» [740, стр. 90]. Крайне отрицательную

роль сыграла полная географическая изоляция движения от внешнего мира.

Национально-освободительная война 1952—1956 гг.—славная страница истории Кении и всей Африки. Она сорвала заговор европейских поселенцев, целью которого было создание в Кении государства, подобного южноафриканскому военно-полицейскому режиму, способствовала пробуждению масс к активной политической борьбе и стала, таким образом, важным шагом на пути к достижению народами Кении политической независимости в декабре 1963 г.

§ 4. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА В АЛЖИРЕ (1954—1962 гг.)

Частичная модификация французской колониальной империи, проведенная после второй мировой войны, коснулась и Алжира. В соответствии с конституцией Четвертой республики эта страна получила статус «группы заморских департаментов» Франции [414, прил. 1].

На деле положение в Алжире мало изменилось. По-прежнему только французы и алжирцы, которые получили французское гражданство (немногим больше 13% всех жителей, или 1,5 млн. человек), имели неурезанные политические права. Остальные алжирцы — около 9 млн. человек — обладали лишь правами граждан Французского Союза, что автоматически ставило их в неравное положение по отношению к гражданам Французской Республики. Они не имели права занимать высокие государственные посты, им запрещалось служить в некоторых государственных учреждениях и органах. Своих представителей в парламентские органы Франции, Французского Союза и в местные выборные учреждения они избирали отдельно от французских граждан, по особой курии [116, стр. 8].

Фактическими хозяевами страны по-прежнему оставались колониальные власти и верхушка французских поселенцев, владельцы основных богатств страны. В сельских районах им принадлежали наиболее плодородные и самые удобные для обработки земли, в то время как около 70% алжирских крестьян вообще не имели земли или имели ее недостаточно. Рабочие-алжирцы получали более низкую, чем французы, заработную плату — даже в том случае, когда они выполняли одинаковую работу. В такое же положение были поставлены и представители алжирской национальной интеллигенции — учителя, врачи, служащие государственных и частных предприятий и фирм. Колониальная администрация не предпринимала реальных шагов для разрешения насущных проблем: аграрного голода, сокращения безработицы, прекращения дискриминации алжирских рабочих и служащих в вопросах условий и оплаты труда,

улучшения системы образования и здравоохранения, развития экономики Алжира и т. п.

Существенно ограничивалась деловая активность формирующейся национальной буржуазии, с тем чтобы не допустить ее конкуренции с французскими предпринимателями. Таковы были важнейшие факторы, обусловившие рост национально-освободительного движения алжирского народа.

В авангарде трудящихся выступала Алжирская коммунистическая партия (АКП). Но ввиду того что руководство АКП в начале 50-х годов недооценивало революционный потенциал алжирского крестьянства и переоценивало революционность европейских рабочих, не учитывало возможности создания независимого Алжира до победы пролетарской революции во Франции, оно не уделяло достаточного внимания вопросам вооруженной борьбы [115, стр. 59].

Лидеры других политических партий — Движения за торжество демократических свобод (ДТДС) и Демократического союза алжирского манифеста (ДСАМ), — которые стремились добиться изменения колониального статута Алжира, действовали исключительно легальными, парламентскими методами.

Такая позиция ведущих организаций обусловила мирное развитие освободительного движения в Алжире до 1954 г. Однако следует подчеркнуть, что уже на первом съезде ДТДС по настоянию ряда активистов было решено создать параллельно с легальной организацией, охватывающей широкие массы населения, боевую «секретную организацию» (ОС) [405, стр. 50].

ОС была создана в 1947 г. Вступившие в нее алжирцы — в основном бывшие военнослужащие французской армии — были разбиты на боевые группы, которые различными путями добывали оружие, изготовляли взрывчатку, собирали средства. В 1949 г. ОС насчитывала в своих рядах около 2 тыс. человек [405, стр. 50; 441, стр. 46].

В начале 1950 г. боевые группы ОС приступили к операциям. Французская полиция обнаружила и разгромила часть этих групп, захватила склады оружия и боеприпасов. Тем не менее ОС продолжала действовать. В 1950 г. был создан зарубежный центр ОС, который возглавили Ахмед Бен Белла, Ахмед Махсас, Рабах Битат и др. С 1953 г. зарубежному центру удалось установить постоянные связи с боевыми группами ОС в Алжире и добиться координации действий между ними и партизанскими отрядами Кабилии. Эти отряды были созданы еще в 1947 г. активистами ДТДС, бежавшими от преследований колониальных властей. Кроме того, зарубежный центр организовал нелегальную доставку в Алжир стрелкового оружия через сухопутные границы и морем [715, стр. 95].

В марте 1954 г. в Алжире был создан Революционный комитет единства и действия (РКЕД), который начал подготовку восстания. В сентябре страна была разбита на шесть военных

округов¹³, утверждены командующие ими. В каждом округе развернулось обучение боевых групп и групп саботажа, разведчиков. Осенью 1954 г. ОС подготовила около 4 тыс. бойцов. Треть из них не имела военного опыта, далеко не все были вооружены, так как организация располагала всего 350—400 винтовками и карабинами, из которых многие были в плохом состоянии [590, стр. 254]. Тем не менее 10 октября 1954 г. совещание командующих округами приняло решение начать вооруженное выступление.

Первый период войны (ноябрь 1954 — август 1956 г.)

В ночь на 1 ноября 1954 г. боевые группы патриотов общей численностью до 800 человек [590, стр. 254]¹⁴ одновременно совершили нападения в 40 населенных пунктах Алжира на помещения колониальной администрации, узлы связи, военные, жандармские и полицейские посты и военные объекты. Особенно активно действовали повстанцы в области Орес, где они были лучше подготовлены и вооружены. Повстанцы повсюду распространили листовки, в которых заявили, что их целью является достижение национальной независимости. Под листовками, призывавшими «мобилизовать все здоровые силы нации на ликвидацию колониального режима», стояла подпись Фронта национального освобождения (ФНО), как стала называть себя ОС [534, стр. 198; 273, 1969, № 79, стр. 5].

Первый период борьбы за независимость ознаменовался заметными успехами повстанцев. Отряды Армии национального освобождения (АНО) были за этот период созданы во всей стране. Опираясь на базы в труднодоступных районах, они развернули успешные действия против Французской армии и «сил безопасности» в Оресе, Северной Константине, Кабилии, а со второй половины 1955 г. — в департаментах Оран и Алжир.

Французские войска в Алжире, насчитывавшие 54 тыс. человек¹⁵, имели артиллерию, авиацию [579, стр. 123] и по численности, и по техническому оснащению неизмеримо превосходили отряды АНО. Тем не менее последние наносили противнику чувствительные удары: устраивали засады на дорогах, нападали

¹³ 1-й округ — часть департамента Константина (горные массивы Орес и Неменша); 2-й округ — северная часть департамента Константина; 3-й округ — Кабилия; 4-й округ — северная и центральная части департамента Алжир; 5-й округ — северная и центральная части департамента Оран; 6-й округ — южные районы департаментов Алжир, Оран, Константина и Алжирская Сахара.

¹⁴ По другим данным, численность боевых групп не превышала 500 человек [614, стр. 55].

¹⁵ По другим данным, на 1 ноября 1954 г. Франция имела в Алжире 75 тыс. войск [590, стр. 211].

(чаще всего ночью) на небольшие гарнизоны и посты, взрывали мосты, разрушали линии связи и т. д.

Повстанцам удалось нарушить регулярное сообщение между населенными пунктами и городами в Оресе и Кабилии. Несколько раз они удачно атаковали гарнизоны и конвои в этих районах, эффективно используя недостатки тактики «паутины», которая была избрана командованием французских войск в Оресе. В соответствии с этой тактикой создавалась густая сеть постов на всех командных высотах, входах в ущелья, перевалах, перекрестках дорог, у переправ, в населенных пунктах и т. д. Французские войска контролировали район, но инициатива оставалась в руках повстанцев, которые скрывались в горах и лесах. Нападения партизан были стремительными, и соседние посты обычно не успевали оказать помощь друг другу. Но в тех случаях, когда французским войскам удавалось до начала атаки обнаружить повстанцев или сковать их силы в бою, партизаны несли тяжелые потери ввиду подавляющего превосходства противника в вооружении [309, 7.XI.1954; 735, стр. 50].

Французское командование учло уроки первых боев и в конце декабря 1954 г. применило в Оресе подвижные группы численностью до роты, в задачу которых входило обнаружение отрядов АНО, навязывание боя в невыгодных для них условиях и преследование [624, стр. 70]. В начале 1955 г. французы провели в Оресе две крупные операции по прочесыванию. В первой (кодовое название «Вероник») участвовало до 5 тыс. солдат, которых поддерживали танки, артиллерия и авиация. Вторую операцию («Виолет») проводили шесть батальонов пехоты и парашютистов, до батальона танков и т. д. [590, стр. 43; 309, 20.I.1955].

В Кабилии тактика французских войск была несколько иной. Здесь в ноябре 1954 г. были созданы подвижные колонны, которые одновременно с нескольких направлений атаковали район дислокации того или иного партизанского отряда. С ноября по декабрь 1954 г. таких операций было проведено около 20; в наиболее крупной из них («Алоэ») участвовало до трех пехотных полков при поддержке танков, артиллерии и авиации.

К началу 1955 г. французским войскам, общая численность которых была доведена до 80 тыс. человек, удалось разгромить несколько отрядов АНО; часть командиров погибла, а некоторые были захвачены в плен. Но партизанское движение продолжалось. В марте 1955 г., когда из Туниса и Ливии начало поступать оружие, отряды 1-го округа АНО нанесли ряд серьезных ударов французским войскам. В мае 1955 г. активные боевые действия начал 2-й округ АНО. Тогда же развернулись боевые действия в Кабилии [405, стр. 99, 101—103].

Колониальные власти тщетно пытались подавить освободительное движение, наращивая мощь своих войск и усиливая ре-

прессии, террор. Но войска, посланные в Алжир, не были обучены противопартизанским действиям, а части, которые уже приобрели необходимый опыт, еще находились во Вьетнаме¹⁶. К тому же французские правящие круги были вынуждены держать значительные силы в Марокко и Тунисе, где политическая обстановка оставалась весьма напряженной [336, 1956, стр. 1455]. В соответствии с тактикой «паутины» французам пришлось действовать мелкими подразделениями и группами, самостоятельно, иногда без связи с основными силами и без их поддержки. Постоянное нервное напряжение — следствие непривычной обстановки — серьезно сказывалось на моральном состоянии личного состава, снижало боеспособность подразделений. К тому же многие солдаты и офицеры сочувствовали алжирским патриотам и не желали защищать интересы колониальных кругов.

В первый период войны французские войска не могли действовать достаточно эффективно и по многим другим причинам. В частности, отсутствовали крупномасштабные карты на многие районы Алжира, не было военной техники, приспособленной к театру военных действий и характеру боевых операций (легкомоторных самолетов многоцелевого назначения и вертолетов), не хватало радиосредств [559, стр. 40].

Успехи повстанцев в конце 1954 — начале 1955 г. объяснялись, конечно, не только относительной неподготовленностью французской армии. Следует подчеркнуть, что патриоты удачно выбрали момент восстания, правильно оценив политическую обстановку, сложившуюся в Алжире. Начав открытую борьбу за национальное освобождение, ФНО быстро завоевал симпатии большинства алжирцев, особенно в сельских районах. И поэтому, несмотря на большие потери, которые понесли отряды АНО в первые месяцы войны, численность их непрерывно возрастала.

Помощь населения и сознание справедливости войны, которую они начали, обеспечивали повстанцам моральное превосходство над противником. «Даже самые бешеные колониалисты не могли не заметить, — писал Ф. Фанон, — что алжирский боец сражается с необычайным упорством, и никакие ссылки на ислам или рай обетованный не могут объяснить этого самопожертвования, когда речь идет о том, чтобы защитить население или прикрыть своих товарищей» [622, стр. 225].

ФНО удалось добиться поддержки не только арабского населения, но также части французов и других национальных групп. Таким образом, вооруженная борьба, начатая 1 ноября 1954 г., приобрела общенациональный характер.

3 апреля 1955 г. французская администрация ввела чрезвычайное положение в Большой Кабилии и Оресе, а также к запа-

¹⁶ Первые части из Индокитая стали прибывать в Алжир лишь через четыре месяца после начала боевых действий.

ду от них — до границы с Тунисом. Тем самым оказались развязанными руки у алжирских ультра, которые всеми силами стремились сохранить свое привилегированное положение. Созданные по разрешению Ж. Сустанья отряды «самообороны» из французских колонистов начали широкие карательные операции. По малейшему подозрению алжирцев арестовывали, без предъявления каких бы то ни было обвинений бросали в тюрьмы, пытали. Так же действовали и «силы безопасности».

Тем не менее колонизаторам не удалось локализовать партизанское движение, оттеснить отряды патриотов в труднодоступные и малонаселенные районы, лишить их поддержки населения. Весной и летом 1955 г. отряды АНО продолжали действовать во многих районах департаментов Алжир и Константина.

20 августа 1955 г. подразделения 2-го округа провели особенно крупную операцию. Они нанесли одновременный удар по 39 населенным пунктам на севере департамента Константина, причем вместе с ними действовали многочисленные отряды местных жителей-мусульман, до этого не принимавших активного участия в борьбе. Французские войска и «силы безопасности» в течение одного-двух дней сумели разгромить большинство отрядов, почти не имевших огнестрельного оружия. Вслед за этим начались массовые репрессии против мирных жителей. «Монд» писала, что к «официальной цифре в 520 убитых повстанцев нужно добавить хотя бы один нуль, чтобы получить приблизительное представление о размерах бойни» [309, 28.VII.1955] ¹⁷.

Более успешным было выступление в Ороне, который до сентября 1955 г. считался «абсолютно спокойным». Центром борьбы здесь стал горный массив Тлемсен. Закрепившись на горном плато, партизаны совершали частые рейды в долину. Их поддерживали отряды АНО, базировавшиеся на территории Марокко. Активные действия патриотов вынудили командование французских войск в Ороне уже в октябре месяце запросить подкрепления, так как наличных сил оказалось недостаточно даже для прикрытия основных городов, узлов коммуникаций и т. п.

Успех повстанцев в районе Орона объясняется многочисленностью отрядов 5-го округа АНО, а также тем, что еще до начала действий они получили оружие. Поставка его была организована зарубежным центром ФНО из Иордании. В последующем поставки оружия — ручных и станковых пулеметов, минометов, базук — и большого количества боеприпасов продолжались. Оружие было закуплено в ФРГ и Англии на средства, предоставленные правительствами некоторых арабских стран [715, стр. 100].

¹⁷ Ф. Фанон считает, что во время этих событий погибло около 12 тыс. алжирцев [662, стр. 67].

Распространение действий партизан за пределы первоначальных очагов вооруженной борьбы вынудило колонизаторов 17 мая ввести осадное положение в ряде новых районов, в том числе на алжиро-марокканской границе, а 29 августа — распространить это положение на всю территорию Алжира. В мае был создан Военный комитет, который начал разрабатывать рекомендации военным и гражданским властям с целью скорейшего «умиротворения» Алжира. В течение всего 1955 года в Алжир прибывали подкрепления. К декабрю общая численность французских войск, полиции и жандармерии превысила 120 тыс. человек [555, стр. 6; 256, 1955, № 67, стр. 96].

Расширение вооруженной борьбы вынудило умеренное крыло руководства Движения за торжество демократических свобод и других националистических организаций примкнуть к восстанию и признать руководящую роль ФНО, тем более что многие активисты вопреки осторожной позиции своих лидеров принимали все более действенное участие в вооруженной борьбе.

Во второй половине 1955 г. лидеры ДТДС установили контакты с зарубежным центром ФНО. Об этом стало известно французской секретной службе, и 8 ноября ДТДС было распущено, что ускорило консолидацию алжирцев вокруг ФНО [691, стр. 87].

Руководство Алжирской коммунистической партии в 1955 г. заявило о поддержке ФНО, но отказалось распустить партию, подчеркнув, что такое решение не соответствует ни обстановке, ни подлинным интересам алжирских трудящихся [112, стр. 34]¹⁸. В июле 1955 г. по решению ЦК АКП была создана боевая организация партии — Борцы за освобождение (БО). Ее немногочисленные группы начали операции против колонизаторов, нападая на отдельных солдат и мелкие патрули, совершая диверсии и акты саботажа преимущественно в крупных городах. Одна из групп под командованием А. Майо в сентябре захватила и передала АНО грузовик с большим количеством оружия, что дало повод французской администрации 13 сентября распустить АКП и закрыть ее официальный орган «Альже републикэн» [559, стр. 84; 187, 1956, № 139, стр. 796].

Таким образом, к началу 1956 г. ФНО стал единым руководящим центром алжирской революции. В оппозиции к нему продолжала оставаться только одна партия — Алжирское национальное движение (АНД), — лидер которой Мессали Хадж все больше разоблачал себя как фактический пособник колонизаторов [559, стр. 93].

Осенью 1955 г. вновь активизировали свои действия подраз-

¹⁸ АКП в начале восстания недооценивала начавшуюся вооруженную борьбу и возможности ее развития. Но она правильно оценила ее причины и требовала от властей удовлетворить чаяния народа Алжира [227, 1965, № 1, стр. 58].

деления 1-го округа АНО, которым командовал Бен Булайд — способный военачальник, один из героев освободительной борьбы. В ноябре французские войска провели в Оресе несколько крупных операций, стремясь полностью очистить район от повстанцев. Однако добиться этого они не смогли. Несмотря на большие потери, подразделения 1-го округа АНО сохранили боеспособность и продолжали действовать [441, стр. 59].

Неудача французских войск объяснялась прежде всего тем, что силы 1-го округа были хорошо организованы и вооружены. Еще в 1954 г. Бен Булайд основал краткосрочные курсы командного состава и разработал инструкцию по ведению партизанской войны — первый документ такого рода в АНО. Инструкция, в частности, гласила, что партизан должен «быть подвижным, как бабочка в воздухе, быстрым, как угорь в воде, предприимчивым, как голодный тигр» [590, стр. 393].

Чтобы дезориентировать противника, патриоты варьировали свою тактику. Так, подразделения 3-го округа АНО в одну из декад каждого месяца действовали преимущественно в населенных пунктах: вели агитационную и организаторскую работу, собирали средства, приводили в исполнение приговоры над предателями и т. д.

В другую декаду бойцы АНО совершали диверсии на коммуникациях: взрывали мосты, устраивали завалы, разрушали линии связи. В течение следующей декады подразделения округа проводили боевые операции: нападали на гарнизоны, патрули и конвои, уничтожали отдельных солдат и офицеров и т. д. [591, стр. 172].

В целом 1955 год для АНО был скорее годом наращивания сил и расширения борьбы, чем активных действий. За год повстанцы провели 531 операцию, включая засады, нападения на посты и конвои, диверсии, акты саботажа и террора. Значительная часть операций была проведена в последний квартал [555, стр. 8, 15]. В декабре, когда начался боевые действия 4-й округ, весь Северный Алжир оказался охваченным освободительным движением.

В 1956 г. активность АНО возросла: за январь — март было проведено 12,9 тыс. различных операций. В середине 1956 г. только в городах боевые группы АНО и БО ежемесячно проводили до 200 диверсий, казней предателей и т. д.

Активизации патриотов способствовало решение АКП слить свои боевые группы с вооруженными силами ФНО. В специальном соглашении, которое было заключено между руководством партий, говорилось, что «вооруженные группы в деревнях и боевые группы в городах, руководимые коммунистами и входящие в подпольную военную организацию БО, вливаются в АНО и поступают под контроль ФНО». Этим же соглашением было обусловлено, что «коммунисты, которые уже находятся в рядах АНО или же вступят в нее в дальнейшем, не будут

иметь организационных или политических связей с АКП до окончания освободительной вооруженной борьбы, не отказываясь при этом от своих идей и политических убеждений» [112, стр. 28].

Численность французских войск к середине 1956 г. составила около 400 тыс. человек. Кроме них около 100 тыс. человек служило в жандармских подразделениях (в том числе механизированных) и 100 тыс. — в военизированных формированиях. Войска имели 16,5 тыс. различных боевых и транспортных машин, в том числе 1,5 тыс. танков и броневедомостей, 400 самолетов и вертолетов [286, 24—25.VI.1956; 242, 1956, № 710, стр. 17].

Сухопутные войска получили дополнительное количество минометов, так как артиллерия по условиям рельефа часто оказывалась малоэффективной. Кроме того, проводилось бронирование обычных автомобилей: броневые плиты были установлены на 4 тыс. легковых и 2,8 тыс. грузовых автомашин.

Французское командование в соответствии с опытом противопартизанских действий создавало новые пехотные части, обучало их ведению операций мелкими группами против таких же групп противника. К концу 1956 г. была издана специальная «Инструкция по борьбе с партизанским движением», разработанная с учетом боевых действий в Индокитае и Северной Африке [215, 1960, № 8, стр. 72; 309, 20.X.1956].

ВВС в Алжире получили новые транспортные самолеты, легкие бомбардировщики, штурмовики и вертолеты, которые оказались эффективным оружием противопартизанской войны [271, 1956, май, стр. 13; 706, стр. 274]. Для усиления контроля за морским побережьем в Алжир перебросили несколько патрульных судов [336, 1956, стр. 968].

Территория Алжира была разделена на три корпусных района: Оран, Алжир, Константина. Корпусные районы делились на зоны¹⁹ (дивизии), секторы (полки) и подсекторы (батальоны) [677, стр. 175]. Часть войск, занимавших подсектор, распределялась по постоянным гарнизонам, которые выделялись из состава батальона, но продолжали подчиняться его командиру. Последний обычно имел резерв — мотопехотную роту. Командующий зоны (обычно командир дивизии) также имел постоянный резерв — одну-две тактические группы (усиленные полки мотопехоты). Из их состава командующий выделял легкие подвижные подразделения (взвод — рота мотопехоты на бронетранспортерах), усиленные бронемашинами, танками, которые использовались для постоянной разведки и патрулирования зоны или для оказания помощи гарнизонам, атакованным превосходящими силами АНО. С середины 1956 г. в штабе командующего зоной

¹⁹ Территории, прилегающие к границам с Тунисом и Марокко, а также юг Алжира (Сахара) были выделены в особые зоны, не входившие в корпусные районы.

постоянно находился офицер связи ближайшего авиационного соединения.

ВВС, непосредственно участвовавшие в боевых действиях (1-я тактическая авиагруппа), располагались на аэродромах в городах Бискра, Батна и Телергма. На первых двух аэродромах находились передовые командные пункты авиагруппы, штаб которой дислоцировался в Константине [242, 1956, № 710, стр. 15]. По мере поступления специальной авиации в конце 1956 г. в Алжире было создано особое командование легкой авиации, тесно взаимодействовавшее с сухопутными войсками [336, 1956, стр. 1421].

Весной и летом 1956 г. французское командование провело ряд крупных операций. Одна из них была предпринята в горных районах к югу от г. Алжир против подразделений 4-го округа АНО. Около 40 тыс. французских солдат в течение нескольких дней прочесывали местность, однако операция успеха не имела [405, стр. 118]. Активно действовали французские войска также в горах Филаусен и в Кабилии — в треугольнике городов Тизи-Узу, Мишле, Форт-Насьональ. В июне в ходе операций «Аркебюз» и «Баск» отряды АНО понесли серьезные потери [158, стр. 206].

Сравнительно велики были и потери французских войск, несмотря на их численное и техническое превосходство. По официальным сведениям, за 14 месяцев (с октября 1954 г.) было убито 1458 солдат и офицеров [255, 1956, апрель, стр. 478].

Второй период войны (август 1956 — май 1958 г.)

В течение этого периода АНО продолжала активные боевые действия. Одновременно улучшалась ее организационная структура. Расширились международные контакты зарубежного центра ФНО, делегация которого приняла участие в работах Бандунгской конференции. В августе 1956 г. в Кабилии, в долине Суммам, состоялся съезд ответственных политических деятелей и военачальников ФНО, принявший политическую программу алжирской революции, известную под названием Суммамской платформы. Основным требованием было достижение политической независимости. Подчеркивалась также необходимость коренных социально-экономических преобразований, в частности — аграрной реформы. Освободительное движение приобретало, таким образом, характер антиимпериалистической аграрной революции [116, стр. 31].

Весьма важным решением съезда было создание Национального совета алжирской революции (НСАР) — высшего политического органа. В него вошли видные военачальники, члены зарубежного центра ФНО, бывшие лидеры националистических партий. Для оперативного руководства политическими и военными

действиями съезд избрал Координационный и исполнительный комитет (КИК).

Важные решения принял съезд в Суммаме и по вопросам вооруженной борьбы. Конечной целью ее являлось создание условий для всеобщего вооруженного восстания. АНО должна была непрерывно вести боевые действия, ослабить французские войска, лишить их возможности одержать военную победу. Наряду с этим перед АНО была поставлена задача систематически разрушать предприятия, коммуникации, линии связи и т. п., с тем чтобы вызвать экономический хаос. По мысли лидеров ФНО, это должно было вынудить французское правительство согласиться на мирные переговоры.

Съезд утвердил принципы строительства вооруженных сил, в частности деление территории Алжира на шесть военных округов. Кроме того, г. Алжир и его пригороды были выделены в автономную зону, а в районе, прилегающем к северо-восточному участку границы с Тунисом, была создана отдельная Восточная оперативная база (ВОБ). Командующие автономной зоны г. Алжира (АЗА) и ВОБ получили права командующих округами. Каждый округ делился на четыре-пять зон, каждая зона — на четыре-пять районов. Район в свою очередь включал четыре-пять секторов, объединявших несколько деревень. Во главе перечисленных военно-территориальных единиц стояли представители командования АНО. Каждый командир имел трех заместителей: по военным вопросам, по разведке и связи, по политическим вопросам [663, стр. 40; 782, стр. 116].

Для координации действий в мае 1957 г. был создан Военный центр в г. Алжире. Ему непосредственно подчинялись два оперативных комитета: Западный, в который входили командующие 4, 5, 6-м округами и ВОБ, и Восточный, состоящий из командующих остальными округами.

В округах, зонах, районах и секторах параллельно с военной организацией действовали политико-административные органы (ПАО) Фронта национального освобождения, которые функционировали либо легально — в районах, контролируемых АНО, — либо в подполье. В задачу ПАО входили политическая работа среди населения, организация помощи бойцам и их семьям, создание отрядов самообороны и органов самоуправления (так называемых комитетов пяти) в деревнях и т. д. [622, стр. 141; 311, 28.VIII.1957].

Основным боевым подразделением АНО являлась рота — около 110 бойцов и командиров. Роты делились на взводы и отделения. Роты могли объединяться в батальоны для проведения крупных операций. Как правило, рота располагалась в определенном районе, но она могла быть переброшена в другой район или округ. Бойцы и командиры (муджахиды) носили форму установленного образца со знаками различия в виде треугольных нашивок или звезд на рукавах [707, стр. 69].

Вспомогательные подразделения АНО выполняли задачи по связи, снабжению, боевому и сторожевому охранению. Они не имели стабильного состава и придавались тому или иному боевому подразделению АНО на время определенной операции. Бойцы их (мусебили) не носили формы и были слабо вооружены. Иногда в целях лучшей конспирации в секторе создавалось несколько групп мусебилей, члены которых не знали друг друга [745, стр. 162].

АНО имела и специальные подразделения. Солдаты этих подразделений (фидаи) действовали нелегально в районах и городах, контролируемых французской армией и «силами безопасности». В их задачу входили разведка, диверсии, террористические акты [311, 20.VIII.1957].

Основную массу бойцов АНО как в боевых, так и во вспомогательных подразделениях составляли крестьяне-бедняки и сельскохозяйственные рабочие. Были здесь и рабочие промышленных предприятий, ремесленники, мелкие предприниматели, представители национальной интеллигенции. По социальному составу АНО была народной армией — один из факторов, обусловивших ее высокие морально-боевые качества.

Следует отметить, что большинство солдат и командиров не имели специальной военной подготовки. Лишь к концу 1956 г. АНО создала учебно-тренировочные лагеря и центры на территории Алжира и за его пределами — в Марокко и Тунисе.

В Марокко базы алжирцев находились в районах городов Тетуан, Ужда и Мулуйя [337, 1959, № 4, стр. 143]. Наиболее крупная база снабжения была создана в Сук-эль-Арбе — на севере Туниса. Отсюда оружие направлялось в район Сук-Ахрас. С базы в Тала АНО получала пополнение. Колонны добровольцев следовали через горно-лесистый район Неменша в Орес и далее до Кабилии [336, 1957, стр. 1841; 1958, стр. 40]. Выбор маршрутов диктовался необходимостью маскировки от французской авиации.

Политическое руководство АНО, так же как и ФНО, осуществляли представители мелкобуржуазной революционной демократии. Создание НСАР и КИК не устранило разногласий между ними. Алжирские лидеры, которых объединяла главная цель революции — достижение независимости, придерживались различных взглядов на будущее социальное устройство, на такие важные вопросы, как соотношение военных и мирных методов в антиколониальной борьбе, роль и место политической работы в армии и среди населения и т. д.

В своей деятельности ФНО и АНО допустили некоторые серьезные просчеты. Суммамский съезд переоценил готовность населения городов примкнуть к антиколониальному движению. Руководство ФНО ошиблось, полагая, что активные повсеместные операции АНО против французских войск послужат сигналом к массовым выступлениям против колонизаторов. Ошибкой

явилось и упование на внешнюю помощь, расчеты на то, что под давлением мирового общественного мнения французское правительство чуть ли не немедленно согласится на прекращение военных действий.

Политические просчеты повлекли за собой ошибочные военные решения. Исходя из того что боевые действия будут непродолжительными, командование АНО необоснованно отказалось от тактики партизанской войны, старалось навязать противнику войну регулярную.

Отряды АНО, ранее действовавшие исключительно мелкими группами, теперь выступали в составе до четырех рот одновременно. Такие группы наносили ощутимые удары французским войскам. Но подразделения АНО, став более мощными, оказались менее подвижными и гибкими, легче обнаруживались наземной и авиационной разведкой противника, зачастую не могли использовать фактор внезапности.

Начатое в сентябре 1956 г. наступление подразделений 3-го округа привело к расширению освобожденных зон в южных районах Центрального и Западного Алжира. Партизаны других округов закрепились в горах Амур и Улед-Наиль. Но эти успехи были достигнуты ценой больших потерь, так как подразделения АНО не имели средство ПВО и ПТО. Среди погибших было много командиров, в частности командующие 2-м и 3-м округами Бен Булайд и Зигуд Юсеф [691, стр. 69].

Серьезные потери понесла АНО и в операции, которая впоследствии получила название «битва за г. Алжир». В ходе ее предполагалось разгромить террористические организации ультра, парализовать деятельность администрации, чтобы привлечь внимание мировой общественности к борьбе алжирского народа, и создать условия для массового вооруженного выступления в г. Алжире и его пригородах [614, стр. 263]. Однако представители Координационного и исполнительного комитета и командование автономной зоны г. Алжира недооценили значения активной политической работы среди населения, а многие командиры АНО считали, что лучшей агитацией являются военные действия и террористические акты. Недостаточно велась работа и среди солдат колониальных войск Франции, а также вспомогательных подразделений, вербовавшихся в основном из алжирцев. Дезертирство некоторых солдат-мусульман не смогло лишить эти части боеспособности [336, 1956, стр. 519; 309, 4.I.1958].

В январе 1957 г. командиру 10-й парашютнодесантной дивизии генералу Массю были предоставлены чрезвычайные полномочия «для борьбы с терроризмом и поддержания общественного порядка в г. Алжире и прилегающих районах» [555, стр. 39]. Используя парашютистов как основную ударную силу, широко применяя террор, французские власти удержали контроль над г. Алжиром. Фидаи, вынужденные действовать в условиях систематических облав и постоянной слежки, не смогли добиться за-

метных успехов. Как правило, после проведения операций их задерживали. В период наиболее активных действий АНО в г. Алжире — с 20 января по 8 февраля 1957 г. — было арестовано больше 250 фидаев, около 500 активистов политико-административных органов. Были арестованы или убиты некоторые ответственные работники КИК и командиры штаба АЗА [614, стр. 264; 559, стр. 82]. Французским властям удалось захватить ряд важных документов (списки личного состава, схемы связи, планы действий и т. д.), много оружия, около 73 млн. франков, собранных патриотами [336, 1957, стр. 479, 829; 761, стр. 35].

Система АНО и ПАО в столице была дезорганизована. Связь военных округов с городом, откуда поступали оружие, снаряжение, медикаменты, деньги, почти полностью прекратилась. Военный центр не смог координировать действия округов, что, разумеется, сказалось на активности АНО в целом. В течение 1957 г. французским властям удалось разгромить основные силы фидаев и в других городах. Тяжелые потери понесли подпольные организации АКП, особенно ее боевые группы [559, стр. 85].

Весной и летом 1957 г. АНО продолжала операции силами до батальона. Особенно активно действовали подразделения 2-го и 3-го округов. Наиболее ожесточенные и продолжительные бои развернулись в Кабилии и на севере департамента Константина в районе городов Колло и Эль-Милия, а также на тунисской границе — у г. Тебесса. Французское командование, стремясь овладеть инициативой, сосредоточило в указанных районах большое количество живой силы и техники. Только в Кабилии против АНО действовало около 40 тыс. солдат [592, стр. 72; 708, стр. 425].

В конце 1957 г. АНО распространила свои действия на районы Сахары. В декабре подразделения 6-го округа нанесли тяжелые потери гарнизону г. Лагуат, взорвали ТЭЦ этого города. К началу 1958 г. АНО контролировала западную часть Алжирской Сахары до ливийской границы [336, 1957, стр. 1403, 1975].

Общие потери французских войск и «сил безопасности» с 1 ноября 1954 по начало 1958 г. составили 7,2 тыс. человек. За один только 1956 год они потеряли около 3 тыс. солдат и офицеров [255, 1956, № 10, стр. 964; 336, 1958, стр. 1992]. Однако в целом военная обстановка к концу 1957 г. складывалась не в пользу АНО, которая, по французским данным, потеряла около 77 тыс. человек и много оружия. Особенно пострадали округа 1-й, 3-й и АЗА [336, 1958, стр. 32, 1992].

Французское командование воспользовалось ошибками АНО и перешло от «выборочных действий» против отдельных отрядов и зон АНО к «тотальной войне». Нарастивалась численность войск за счет дополнительных призывов резервистов, отсрочки

демобилизации, а также посылки в Алжир войск из Индокитая. К началу 1958 г. в Алжире было сосредоточено 439 тыс. войск, не считая полиции и жандармерии [559, стр. 69].

Опираясь на опыт, приобретенный во Вьетнаме и Алжире, французское командование продолжало совершенствовать боевую подготовку войск, особенно офицерского состава, улучшая организацию, применяло новые методы боевых действий.

В 1956 г. французские войска начали строительство системы заграждений и укрепленных постов на отдельных участках границы с Марокко. В 1957 г. линия заграждения (колючая проволока в пять-шесть кольев под током, минные поля и др.) начала создаваться на всем протяжении границы с Тунисом²⁰. К началу 1958 г. граница с Марокко была перекрыта на протяжении 250 км, а граница с Тунисом — на 350 км. Тем самым была значительно затруднена связь округов АНО с базами вне Алжира [336, 1958, стр. 27].

Активизировалась деятельность французской авиации. Если в первом квартале 1956 г. было совершено около 6 тыс. самолетовылетов, то в январе 1957 г. — 8,3 тыс., в феврале — 8,8 тыс., а в марте — больше 10 тыс. [336, 1957, стр. 1394]. АНО вынуждена была отказываться от операций, если погода была летной, так как не имела средств ПВО. Лишь к концу 1957 г. она начала получать крупнокалиберные пулеметы, которые могли быть использованы против легких самолетов и вертолетов. Тогда же было начато обучение бойцов мерам ПВО и стрельбе по воздушным целям [687, стр. 838].

Во второй половине 1957 г. в ряде районов французские войска стали использовать «тактику квадратов» («тактику домино»). Сущность ее заключалась в том, что французская армия последовательно сосредоточивала крупные силы в каком-либо районе и стремилась полностью очистить его от повстанцев. Затем войска перебрасывались в соседний район, а в «умиротворенном» районе разворачивали широкую деятельность гражданские власти, стремившиеся «убедить» население не поддерживать «бандитов и террористов» [336, 1957, стр. 1837].

Так была проведена, например, операция в горах Дахра (департамент Оран) на площади 1800 кв. км. В ней принимали участие три батальона пехоты, батальон бронетанковых войск, несколько дивизионов артиллерии и специальные подразделения, в том числе психологической службы. Цель операции состояла в разгроме сосредоточенных здесь семи-восьми рот АНО. По оценкам французского командования, алжирцы имели до 750 муджахидов, вспомогательные подразделения численностью до 2 тыс. человек, 2 миномета, 489 винтовок, 36 автоматов

²⁰ Так называемая «линия Мориса» — по фамилии министра национальной обороны, санкционировавшего ее создание.

и около 1 тыс. устаревших винтовок, карабинов и охотничьих ружей.

В течение нескольких месяцев французские войска, проводившие операцию, постепенно продвигались в глубь зоны, занятой ротами АНО. Были созданы новые посты, проведены аресты членов ПАО. Всего за период операции французские войска создали 13 новых хорошо укрепленных постов, соединенных между собой дорогами и тропами. Нескoлько раз французским войскам удавалось навязать АНО открытый бой. В конечном итоге партизаны, по утверждению французского командования, были разгромлены или рассеяны [575].

С августа 1957 г. в штабах армейских корпусов, дислоцированных в Алжире, были созданы специальные органы психологической службы армии — так называемое «5-е бюро». Они имели три секции: психологической службы, информации и национальных взаимоотношений [336, 1957, стр. 1962]. Офицеры «5-го бюро» должны были вести работу как в армии, так и среди населения Алжира, действуя совместно с чиновниками специализированных административных секций (САС), которые были созданы при военно-территориальной администрации Алжира.

Создавая психологическую службу, французское командование стремилось поднять моральный дух армии, подорвать усилившееся влияние прогрессивных сил Франции, которые развернули широкую кампанию против колониальной войны в Алжире, разоблачая факты изощренных пыток, расстрелов без суда и следствия, массовых «превентивных» казней жителей мирных деревень и т. п. [625, стр. 471]. Психологическая служба армии широко использовала жупел антикоммунизма, надеясь обострить противоречия между националистами и членами АКП, играя на том, что ряд лидеров ФНО и АНО дискриминировали коммунистов [113, стр. 60; 707, стр. 83].

Борясь с психологической службой французской армии и САС, ФНО создал радиостанцию «Голос свободного Алжира». Последней в 1957 г. пришлось выдержать настоящую битву с радиослужбой французской армии, которая стремилась заглушить ее передачи, а также запеленговать радиостанцию и вывести на нее свою авиацию [622, стр. 84].

В 1956 г. значительно активизировались разного рода террористические организации, вдохновляемые французской секретной службой. Их агентами были убиты несколько ответственных работников ФНО, занимавшихся закупками оружия в Италии, ФРГ и Швейцарии. Было организовано и несколько покушений на членов Национального совета алжирской революции, находившихся в эмиграции [715, стр. 104, 106]. 22 октября французская секретная служба провела против зарубежного центра ФНО наиболее провокационную из своих операций («Тэнтэн»). Был захвачен самолет марокканской линии Рабат — Тунис, на

котором находились пять членов НСАР: Бен Белла, Хидер, Аит Ахмет, Лашраф и Будиаф. Французский экипаж по приказанию из Алжира изменил курс и приземлился на алжирском аэродроме, где члены НСАР были арестованы и препровождены в тюрьму [309, 26.X.1956].

Арест руководителей НСАР, гибель многих военачальников, героев освободительного движения, значительно осложнили положение АНО. В рядах АНО, особенно среди ее командиров, обострились разногласия, вызванные политическими, религиозными, этническими причинами. Часть бывших командиров партизанских отрядов, назначенных начальниками секторов и зон, отказывалась подчиняться распоряжениям НСАР и КИК, считая, что в этих органах незаслуженно большую роль играют лидеры бывших националистических партий, длительное время находившиеся вне революции и даже выступавшие против нее. Усилилась борьба между АНО и последователями Мессали Хаджа, вылившаяся в вооруженные столкновения, особенно в конце 1956 г. Столкновения между мессалистами и сторонниками ФНО происходили и во Франции, где в 1956—1957 гг. обеими сторонами было совершено около 4,5 тыс. покушений; в результате больше 900 человек было убито, а 1,5 тыс. — ранено [309, 21.I.1958; 663, стр. 53]. Мессалисты опирались на помощь американской разведки, которая стремилась, во-первых, создать себе опору в Алжире, а во-вторых, восстановить умеренных националистов против радикальных. Последние, по мнению американцев, стояли «чрезмерно близко» к коммунистам [715, стр. 103].

Франция неоднократно пыталась использовать в своих интересах разногласия, возникшие среди алжирцев. Но все попытки противопоставить одних лидеров другим, военных — политикам и т. д. окончились неудачей. Алжирская революция не утратила единого военного и политического руководства, что явилось важным фактором ее конечной победы.

Не дали существенных результатов и попытки французского командования использовать против АНО вооруженные отряды сепаратистов. В ряде районов «армиям» Беллуни и других удалось затруднить действия АНО и ПАО, но лишь на короткий срок. В конечном итоге они были либо разгромлены либо перешли на сторону алжирской революции [592, стр. 92; 336, 1958, стр. 1617].

Ухудшение военной обстановки в середине 1957 г. вынудило руководящие органы алжирской революции — НСАР и КИК — перевести работу в Тунис. По той же причине выросли трудности в снабжении внутренних сил АНО оружием, боеприпасами, снаряжением, медикаментами и т. п. Зачастую операции по переброске пополнений из Туниса и Марокко были плохо подготовлены, что позволяло французской армии, обнаружив колонны АНО, навязывать им бой [336, 1957, стр. 184].

К началу 1958 г. командование АНО отказалось от действий крупными группами. Сосредоточив основные силы в труднодоступных районах, командование округов приступило к набору и обучению новых бойцов, подготовке фидаев. Они комплектовались главным образом из числа рабочих, бежавших от репрессий из городов, и тех крестьян, которым удалось избежать «перегруппировки». К началу 1958 г. численность АНО увеличилась, повысилась ее техническая оснащенность [405, стр. 179; 322, 1958, № 442, стр. 12].

Третий период войны (май 1958 — март 1962 г.)

Для нового периода войны было характерно последовательное сокращение количества боевых операций, проведенных АНО на территории Алжира; уменьшение численности так называемых внутренних сил АНО, т. е. подразделений, дислоцировавшихся в округах, ВОБ и АЗА; значительное сокращение количества оружия, которым эти подразделения располагали, при одновременном качественном его улучшении; непрерывное возрастание роли пограничной армии — войск, дислоцировавшихся в Тунисе и Марокко, — которая стала основной вооруженной силой алжирской революции. Этот период характерен также дальнейшей активизацией политической борьбы, включением в нее широких народных масс, что в конечном счете и определило судьбу алжирской революции.

В начале 1958 г. командование французских войск приняло решение о создании «свободных зон», из которых все гражданское население переселялось в лагерь, находившиеся под контролем армии и «сил безопасности». Образование «свободных зон» на границах и вокруг районов, контролируемых АНО, значительно затруднило снабжение ее подразделений, осложнило связь АНО с населением. В феврале — апреле 1958 г. первые «свободные зоны» появились на некоторых участках восточной и западной границ; к 1 сентября французские власти переместили в лагерь 535 тыс. алжирцев [559, стр. 95].

В январе — мае 1958 г. военные действия носили эпизодический характер. Французские войска продолжали работу по созданию и совершенствованию системы заграждений, отрабатывали методы взаимодействия частей, прикрывающих заграждения, с авиацией и подвижными резервами. Продолжалось формирование специальных противопартизанских подразделений. За счет займов, полученных Францией у США и других членов НАТО, улучшалась техническая оснащенность армии.

Корабли и авиация французских ВМС установили непрерывное патрулирование 50-мильной зоны вдоль всего побережья Алжира, тщательно контролировали не только иностранные суда, но и рыбацьи лодки. В 1958—1960 гг. несколько крупных

транспортов оружия и боеприпасов было перехвачено, и в конечном итоге ФНО вынужден был отказаться от переброски оружия в Алжир морем [559, стр. 158; 309, 22.I.1958; 24.XII.1960].

Положение внутренних сил АНО в первые месяцы 1958 г. ухудшилось. Интенсивность боевых действий сокращалась ввиду перебоев с поступлением оружия, боеприпасов и пополнений из-за границы.

Внешняя армия АНО неоднократно предпринимала попытки провести пополнения и конвои с оружием через линию заграждений, а также разрушить эту линию на больших участках. Наиболее крупная операция была проведена на границе с Тунисом 28 апреля—6 мая. Несколько тысяч бойцов АНО почти непрерывно атаковали позиции французских войск на различных участках. Операция оказалась неудачной, главным образом из-за отсутствия у алжирцев полевой артиллерии, средств ПВО и ПТО [602, стр. 19; 337, 1959, № 4, стр. 146]. Но в дальнейшем мелкие подразделения внешней армии и внутренних сил АНО неоднократно прорывали линию заграждений, используя фактор внезапности. Чаще всего прорывы удавались подразделениям внешней армии.

Французская армия применила системы заграждений и в действиях против внутренних сил АНО. В 1958 г. вокруг некоторых особенно труднодоступных районов началось строительство цепи постов с постоянными гарнизонами (от взвода до роты). Посты были хорошо укреплены и прикрывались проволочными заграждениями, завалами, минными полями. Гарнизоны поддерживали непрерывную связь с подвижными резервами и ближайшим командованием ВВС. Там, где подобная система вводилась в действие, АНО могла рассчитывать на успех лишь в молниеносных атаках, после которых ее отряды немедленно отрывались от противника, рассредоточиваясь мелкими группами. В противном случае подкрепления, вызванные гарнизонами постов, успевали навязать подразделениям АНО бой, что всегда вело к большим потерям [337, 1959, № 4, стр. 144].

Всего с 1 января по 13 мая 1958 г. АНО потеряла 17,3 тыс. человек убитыми, 6,5 тыс. ранеными. Свыше 70% общих потерь приходилось на внутренние силы, которые в отличие от внешней армии не имели возможности отступить за линию границы, где противник не мог их преследовать [579, стр. 163].

Командование французской армии неоднократно обращалось к правительству с предложением нанести удар по внешней армии АНО и ее базам на территории Туниса и Марокко. Однако правящие круги Франции боялись подобных операций, грозивших весьма серьезными политическими осложнениями. Основательность такого рода опасений подтвердилась во время инцидента у населенного пункта Сакиет-Сиди-Юсеф (Тунис), где была создана база АНО. Дислоцировавшиеся здесь подразделения активно действовали против французских частей, прикры-

вавших «линию Мориса». За семь месяцев (июль 1957 — январь 1958 г.) они провели 26 операций, причем в большинстве из них добились успеха [336, 1958, стр. 540].

8 февраля 1958 г. французская авиация совершила налет на Сакиет-Сиди-Юсеф. Во время обстрела и бомбардировки военных объектов пострадало и мирное население: имелись убитые и раненые, в том числе женщины и дети. Возмущение прогрессивной общественности Франции и всего мира явилось одной из причин ухода в отставку правительства Ф. Гайяра [708, стр. 407].

В мае — июле 1958 г. французские войска резко сократили количество операций. Причиной тому был острый политический кризис, начало которому было положено мятежом ультра в Алжире. Результатом кризиса было падение Четвертой республики, приход к власти де Голля, одобрение путем референдума новой конституции, в соответствии с которой прежние формы политического господства Франции в ее заморских владениях были изменены [269, 1958, № 7]. С мая по конец сентября во Франции и Алжире вокруг проекта новой конституции шла острейшая политическая борьба, в которую оказалась втянута французская армия.

Руководящие органы алжирской революции призвали население бойкотировать референдум, так как в сложившихся условиях не могло быть и речи о свободном волеизъявлении алжирцев. В июне 1958 г. командование АНО отдало приказ перейти в наступление на всей территории Алжира, чтобы помешать колониальной администрации готовить избирательное мошенничество. Приказ был выполнен: только за одну неделю были проведены 104 операции различного рода, поддержанные местным населением [405, стр. 214].

В августе 1958 г. активизировались и боевые группы АНО на территории Франции. Фидаи стремились вынудить французское правительство перебросить часть сил из Алжира в метрополию на охрану стратегических объектов, с тем чтобы облегчить действия патриотов на территории Алжира. Но фидаям не удалось осуществить этот план, так как много групп было отвлечено на борьбу с мессалистами. В вооруженных столкновениях погибло много алжирцев, имелись жертвы и среди населения. Алжирская коммунистическая партия в одном из своих документов указывала, что «вооруженные действия, возникшие на французской земле в августе 1958 г., по своему характеру не соответствуют поставленной цели. Такие действия (за исключением некоторых разумных мер против таких предателей, как Шеккал или Аддессалом, и вполне оправданной самообороны патриотов от французских полицейских и их подручных, завербованных из подонков алжирского уголовного мира, преследующих наших соотечественников), не имея определенного военного или стратегического смысла, привели к отрицательному политическому ре-

зультату, который на некоторое время затормозил подъем движения французских масс за мир» [113, стр. 72].

Однако французским властям путем угроз, репрессий и прямой фальсификации удалось добиться нужных им результатов «голосования» в Алжире, где 96,5% принявших участие в референдуме одобрили проект новой конституции [256, 1958, № 41, стр. 18].

Новое французское правительство немедленно после референдума заявило о намерении провести в Алжире социальные и экономические преобразования. Программа («план Константины»), рассчитанная на пять лет, предусматривала сокращение безработицы, уравнивание заработной платы и пенсий алжирцев и французов, распределение среди безземельных крестьян 250 тыс. га земли и т. д. [309, 5.X.1958]. Через некоторое время де Голль предложил ФНО прекратить вооруженную борьбу на условиях «почетной капитуляции» [309, 25.X.1958]. Поскольку французское правительство не соглашалось признать независимость Алжира, руководство алжирской революции не приняло предложения де Голля.

Маневры французских властей объяснялись главным образом политическими причинами. Мощное национально-освободительное движение вынуждало колонизаторов искать новые формы и методы сохранения своих позиций на Африканском континенте. Против продолжения войны все активнее выступали прогрессивные силы во Франции и во всем мире. Кроме того, продолжение войны в Алжире уже не соответствовало интересам весьма влиятельных кругов монополистической буржуазии [512, стр. 7].

В 1957—1958 гг. алжирская революция добилась широкой международной поддержки. Конференция солидарности афроазиатских стран, проходившая в Каире в декабре 1957 г., потребовала немедленной независимости Алжира. Первая конференция независимых стран Азии и Африки в Аккре в одном из своих документов также заявила, что поддерживает справедливую борьбу алжирского народа [339, 1958, № 2, стр. 271]. Еще более окрепли международные позиции алжирской революции после создания в сентябре 1958 г. Временного правительства Алжирской республики (ВПАР), куда вошли такие руководители АНО, как Белькасем Крим, Абдаль Хафид Буссуф и Лакдар Бен Тоббаль [708, стр. 421].

К концу 1958 г. французское командование приняло «план генерала Шаля», который предусматривал разгром основных сил АНО, захват их баз, уничтожение ПАО и полувоенных формирований. Для осуществления этих задач предполагалось прежде всего создать на всем протяжении границы с Марокко и Тунисом непрерывную цепь мощных заграждений. Одновременно проектировалось, что каждый район сосредоточения АНО будет окружен широкой зоной, контролируемой французскими

войсками и «силами безопасности». В отвоеванных у повстанцев районах предполагалось создать администрацию из алжирцев, готовых сотрудничать с французскими властями.

Операции по «плану Шаля» проводились в нарастающих масштабах. Первая из них длилась с февраля по июль 1959 г. («Куронн»). Для ее осуществления в горы Аурсенис — район 5-го округа АНО — было брошено 15 тыс. солдат. В операции «Курруа» (апрель — июнь) против подразделений 4-го округа АНО близ г. Блида приняло участие 20 тыс. солдат.

В мае — сентябре еще 20 тыс. солдат под личным руководством генерала Шаля продолжили операции против 1-го округа АНО в горах Ходна («Этанселль»). С июля до декабря в Большой и Малой Кабилии — районах расположения 3-го округа АНО — проводилась операция «Жюмель». В ней участвовало 70 тыс. войск [601, стр. 16]. В ноябре на севере департамента Константина началась серия операций под общим кодовым названием «Пьер пресъез». С запада на восток и в такой же временной последовательности были проведены операции «Тюркуаз», «Эмэрод» и «Топаз» [555, стр. 13].

В ходе боевых действий французское командование продолжало наращивать силы, главным образом за счет территориальных войск и вспомогательных подразделений, сформированных исключительно из алжирцев. К середине 1959 г. численность этих формирований составляла соответственно 182 тыс. и 69 тыс., а всего армия и «силы безопасности» насчитывали около 800 тыс. человек. Активные действия вела часть войск общей численностью до 200 тыс. человек: около 90 пехотных батальонов (в том числе моторизованных и механизированных), 40 полков артиллерии, танков и самоходных орудий, воздушнодесантные соединения, части иностранного легиона и соединения ВВС [285, 21.I.1960]. Силы французов значительно превосходили внутренние силы АНО, имевшие в своем составе 25—30 тыс. бойцов и немногим больше 20 тыс. единиц оружия, преимущественно стрелкового [339, 1959, № 8, стр. 416].

В течение 1959 г. патриоты понесли серьезные потери. По французским данным (ФНО таких данных не публиковал), подразделения АНО с октября 1958 г. по ноябрь 1959 г. потеряли только убитыми 68 тыс. человек — больше, чем за все предыдущие четыре года боевых действий. В боях погибло до 50% командного состава; были выведены из строя все командующие округами. До 30 рот внутренних сил АНО было полностью уничтожено или рассеяно. Численность подразделений, сохранивших боеспособность, значительно сократилась и к концу года не превышала 15—17 тыс. человек. Кроме того, внутренние силы потеряли значительное количество оружия — до 30% [309, 21.I.1960; 708, стр. 424; 559, стр. 158].

Неудачи АНО в 1959 г. объяснялись многими причинами. Французские войска накопили немалый опыт противопартизан-

ских действий, в частности отработали взаимодействие с авиацией на поле боя, начали широко использовать парашютные и вертолетные десанты, часто проводили внезапные, «молниеносные» операции по данным армейской или агентурной разведки. В операциях по «плану Шаля» воздушнодесантные войска использовались, как правило, массированно и зачастую самостоятельно. Это явилось неожиданностью для командования и бойцов АНО, которые не сразу применились к новой тактике противника.

Сравнительно большие потери АНО в южных зонах департаментов Алжир и Оран объяснялись еще и тем, что перевод сюда в 1957—1958 гг. ряда подразделений был осуществлен без предварительной политической работы среди населения, а в последующем командиры их не уделяли должного внимания созданию прочной сети ПАО. Кроме того, в этих районах до июля 1959 г. АНО действовала относительно крупными подразделениями — не меньше роты, хотя еще 10 марта 1959 г. был отдан приказ рассредоточиться и операции проводить силами отделения — взвод [559, стр. 158, 201; 321, 1961, № 122, стр. 43, 45]. Округа, которые выполнили этот приказ, понесли меньшие потери. В Кабилии, например, крупные операции французских войск часто оказывались безрезультатными. По свидетельству очевидцев, группировки войск численностью 10—15 тыс. человек со средствами усиления после двухнедельной операции в горах «возвращались с несколькими „подозрительными“ гражданскими лицами и парой старых охотничьих ружей в качестве единственного трофея» [цит. по: 321, 1961, № 122, стр. 45].

В 1959 г. внутренним силам АНО стало еще сложнее получать продовольствие от населения, согнанного в «лагеря перегруппировки»²¹, поддерживать регулярную связь с внешней армией, получать оружие и боеприпасы из-за кордона. К февралю 1959 г. граница с Марокко на всех наиболее важных участках была перекрыта минными полями, системой постов и проволочными заграждениями (560 км, в том числе 430 км электрифицированных). Вдоль границы с Тунисом протянулись 1500 километров электрифицированных проволочных заграждений, были установлены сплошные минные поля. На наиболее угрожаемых участках границы были построены бетонированные или броневые огневые точки, вторая линия проволочных заграждений и несколько отсечных позиций. Многие посты были оборудованы

²¹ К апрелю 1959 г. там сосредоточилось около 1 млн. человек, которые жили в ужасных условиях: плохо снабжались питьевой водой, голодали, не получали никакой медицинской помощи. После кампании, проведенной прогрессивными кругами Франции и других стран в защиту алжирцев, согнанных в «лагеря перегруппировки», гражданские власти Алжира вынуждены были провести расследование по этому вопросу. В официальном докладе, подготовленном по приказу генерального делегата Пьера Делуврие, признавалось, что в этих лагерях «почти миллиону людей угрожает голод» [309, 18.IV.1959].

приборами ночного видения. Вдоль линии заграждений разместились моторизованные и бронетанковые части. Дозоры в составе танка (бронемашины) и полувзвода моторизованной пехоты (один джип) круглые сутки вели патрулирование. Участки пустыни по границе с Марокко и Тунисом постоянно контролировались самолетами-разведчиками, оборудованными радиолокаторами и приборами ночного видения [760, стр. 76; 337, 1959, № 4, стр. 146].

Хотя подразделения внешней армии неоднократно прорывались за линию заграждений, такие операции приводили к большим потерям, ввиду того что подразделениям АНО чаще всего приходилось вести открытый бой с французскими войсками, сохранившими значительное техническое превосходство. Подразделения АНО располагали лишь 57-мм безоткатными орудиями, 81- или 82-мм минометами и крупнокалиберными пулеметами, не имели танков, самоходной и полевой артиллерии, не говоря об авиации.

Французское командование предполагало завершить основные операции в соответствии с «планом Шаля», т. е. разгромить главные силы АНО и захватить ее опорные районы, к 15 октября 1959 г. Эти надежды не оправдались ввиду недооценки боееспособности АНО, стойкости бойцов и военного искусства их командиров. «Плану Шаля» были противопоставлены методы партизанской войны. Даже если французским войскам удавалось нащупать подразделения АНО и навязать им бой, большая часть их, как правило, избегала окружения и разгрома благодаря самоотверженным действиям тех взводов и рот, которые прикрывали отступление.

Следует подчеркнуть, что французским войскам в 1959 г. не удалось лишить АНО возможности продолжать военные действия на территории Алжира, хотя роль главной вооруженной силы алжирской революции продолжала играть внешняя армия, насчитывавшая около 15 тыс. человек, в том числе 10 тыс. в Тунисе [339, 1959, № 8, стр. 416]. Ее командование и личный состав постоянно совершенствовались боевое мастерство, а благодаря помощи ряда государств, в том числе арабских, улучшалась техническая оснащенность. Внешняя армия не испытывала недостатка в резервах, поскольку за пределами Алжира находилось около 300 тыс. беженцев, из них 150 тыс. в Тунисе [760, стр. 79].

В то же время международные позиции алжирской революции продолжали укрепляться. Росла политическая активность и сознательность широких масс населения, что дало возможность руководящим органам национально-освободительного движения шире использовать невооруженные формы борьбы — стачки, демонстрации, отказ сотрудничать с колониальными властями.

Французские правящие круги были вынуждены искать пол-

тического решения алжирской проблемы, идти на уступки. 16 октября 1959 г. де Голль признал право Алжира на самоопределение, что вызвало смятение среди алжирских ультра и значительной части высших офицеров армии [309, 18.X.1959].

В январе 1960 г. организации ультра и связанные с ними офицеры французской армии попытались поднять в г. Алжире мятеж. Усилиями воинских частей, оставшихся верными правительству, мятеж был ликвидирован, но «неделя баррикад» обнаружила глубокое противоречие, которое исподволь назревало во французской армии. Большинство солдат и офицеров желали мира, тогда как реакционные офицеры и генералы по-прежнему требовали вести войну «до полной победы» [336, 1960, стр. 395].

Изменение позиции правящих кругов Франции в алжирском вопросе и отсутствие единства среди офицерского корпуса и генералитета привели к тому, что в 1960 г. военные действия в Алжире велись в меньшем масштабе.

В марте французское командование начало подготовку операции против сил АНО в Оресе, где, по его подсчетам, было сосредоточено до 31 роты бойцов внутренней армии. По первоначальному плану операцию должны были проводить несколько парашютнодесантных частей, усиленных танками, артиллерией и саперами, общей численностью до 40 тыс. человек. Но в апреле многие части были переброшены на алжиро-тунисскую границу — в районы Морсотт, Тебесса и Негрин. Официальное коммюнике сообщало, что сосредоточение войск в этих районах является превентивной мерой против операции по прорыву линии заграждений крупными силами (15 тыс. человек)²². Ее намеревался провести генеральный штаб АНО, который с февраля 1960 г. возглавлял полковник Хуари Бумедьен.

В начале 1960 г. внешняя армия активизировала свои действия. С 19 по 31 мая подразделения АНО на северном участке тунисской границы ежедневно проводили от 10 до 20 диверсий, обстрелов патрулей, нападений на посты и т. п., причем мелким группам неоднократно удавалось преодолеть линию заграждений. В апреле — мае успешно действовали в том же районе и силы 2-го округа АНО. Наиболее удачно сложился для них бой, который они провели в последних числах мая севернее г. Сук-Ахрас: около 300 бойцов прорвались за «линию Мориса» [321, 1961, № 122, стр. 32—33].

В качестве ответной меры французское командование провело на тунисской границе крупную операцию «Марафон»,

²² По мнению некоторых французских обозревателей, переброска войск к тунисской границе имела другую цель: оказать давление на правительство Туниса и вынудить его предоставить французским войскам «право преследования» подразделений АНО на тунисской территории [321, 1961, № 122, стр. 33].

целью которой было прочесывание нескольких районов, чтобы уничтожить или хотя бы вытеснить силы АНО, затруднить их совместные действия с внешней армией. Одновременно были проведены аналогичные операции на западной границе Алжира около Эль-Ариша [там же].

С конца мая 1960 г. внутренние силы АНО возобновили боевые действия, в том числе в районах, которые считались «усмиренными» по «плану Шаля». Подразделения АНО укрепились в Сахарском Атласе и пограничных районах. Они получили новое оружие; с помощью Болгарии были подготовлены новые кадры бойцов и офицеров. С 20 по 31 августа 1960 г. АНО провела больше 80 операций [405, стр. 247].

В результате тяжелых боев, проходивших с переменным успехом, в 1960 г. численность подразделений АНО на территории Алжира сократилась до 13,3 тыс. человек. Они вынуждены были действовать в основном мелкими группами — взводами или ротами — и лишь в очень немногих районах. Внешней армии АНО не удалось установить оперативно-тактического взаимодействия с подразделениями округов, несмотря на то что во второй половине года она вновь провела несколько операций по прорыву линии заграждений [273, 1970, № 12, стр. 4; 555, стр. 9, 16].

Но, как теперь признавали французские правящие круги, алжирскую проблему нельзя было решить «только порохом». В декабре 1960 и январе 1961 г. в Алжире, Оране, Сетифе, Боне (Аннабе), Блиде, Константине развернулись массовые демонстрации трудящихся, требовавших независимости. Выступления масс способствовали росту авторитета ФНО, разоблачению французского империализма в глазах мировой общественности [730, стр. 689].

15 июня де Голль повторил предложение приступить к переговорам. ВПАР ответило согласием, и 29 июня в г. Мелёне состоялась первая встреча алжирских и французских представителей. Вскоре, однако, переговоры были прерваны, ибо французские делегаты хотели обсуждать только условия прекращения огня, а ВПАР настаивало на необходимости обсудить условия предоставления Алжиру независимости.

На международной арене положение ВПАР продолжало укрепляться. Почти все бывшие французские колонии Африки, добившиеся независимости в 1960 г., признали ВПАР. Событием огромной важности было признание ВПАР де-факто Советским Союзом (7 октября 1960 г.). В течение октября — декабря ВПАР признали и другие социалистические страны.

В сложившейся обстановке колониализм должен был отступить. Французские власти решили провести в январе 1961 г. референдум по вопросу о дальнейшей судьбе Алжира, что вызвало новый взрыв недовольства алжирских ультра и реакционной части офицерского корпуса. Однако референдум 8 января

1961 г. доказал, что подавляющее большинство французов и алжирцев выступают против продолжения войны [269, 1961, № 2, стр. 8].

В феврале контакты между правительством Франции и ВПАР возобновились, хотя и неофициально. Предчувствуя неизбежность поражения, алжирская реакция активизировалась. Созданная в конце 1960 г. полуфашистская Секретная вооруженная организация (ОАС) [512] начала массовый террор против мирного арабского населения и французов, выступавших за прекращение позорной войны. За первые три месяца 1961 г. боевые организации ОАС — «группы дельта» — совершили более 500 террористических актов как в Алжире, так и во Франции. 22 апреля лидеры ОАС спровоцировали мятеж нескольких воинских частей, надеясь вызвать политический кризис, как это было в мае 1958 г.

Но «безумная авантюра четырех генералов» провалилась. Французские солдаты и офицеры не поддержали мятежников, и через три дня оасовцы вынуждены были сдаться [459, стр. 23; 709, стр. 458].

Правительство де Голля немедленно расформировало воинские части и подразделения, принимавшие участие в мятеже: более 200 офицеров и генералов должны были предстать перед судом. Однако многим мятежникам удалось скрыться и примкнуть к «группам дельта». Террор продолжался и в Алжире и во Франции. Лидеры ОАС предполагали даже создать в горных районах партизанские отряды и вести борьбу на два фронта — против французского правительства и против АНО. Власти вынуждены были бросить на борьбу с ОАС значительные силы. Многие части и соединения были передислоцированы в города Алжира — основные пункты деятельности ОАС [571, стр. 44; 555, стр. 10].

Французская армия переживала глубокий кризис. Одним из его проявлений были участвовавшие случаи отказа солдат и офицеров участвовать в операциях, выход в отставку кадровых офицеров и унтер-офицеров. Боеспособность воинских частей значительно снизилась [624, стр. 40; 653, стр. 19].

К апрелю 1961 г. внутренние силы АНО насчитывали около 25 тыс. человек, из них 15 тыс. в боевых подразделениях и группах фидаев. Среди бойцов и командиров было много людей, недавно вступивших в АНО и не имевших боевого опыта. Только половина личного состава боевых подразделений была вооружена [555, стр. 15; 735, стр. 191].

В 1961 г. АНО, несмотря на сокращение боевой активности, предприняла около 3 тыс. акций: засад, нападений на конвои и посты, террористических актов, диверсий на путях сообщения и т. д. Наиболее крупную боевую операцию внутренние силы АНО провели 5 июля. В этот день несколько подразделений одновременно атаковали французские посты на всей территории

Малой Кабилии. Гарнизоны постов потеряли около 350 человек, в том числе 80 убитыми [559, стр. 227; 735, стр. 164]. Значительно возросла боеспособность внешней армии, которая к этому времени насчитывала от 40 до 50 тыс. человек [369, 1968, стр. 688].

Намечавшееся соглашение с алжирцами, а также необходимость бороться против ОАС во Франции побудили де Голля передислоцировать ряд соединений в метрополию. К концу 1961 г. в Алжире оставалось около 200 тыс. французских солдат. Однако уже с середины года армия и «силы безопасности» фактически прекратили операции против АНО, ограничиваясь патрулированием городов и охраной военных объектов. Часть подразделений была занята исключительно борьбой с террористами ОАС. Таким образом, вооруженная борьба алжирского народа фактически завершилась летом 1961 г., хотя формально соглашение о прекращении огня было заключено значительно позднее — в марте 1962 г.

В боях против АНО французская армия и «силы безопасности» потеряли около 25 тыс. человек убитыми и 60 тыс. ранеными. Небоевые потери (болезнь, несчастные случаи и т. п.) составили 37 тыс. человек, в том числе 30 тыс. раненых [559, стр. 255; 625, стр. 473].

АНО за годы войны потеряла (по различным оценкам) от 145 тыс. до 200 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Кроме того, было убито и ранено около 600 тыс. мирных жителей; почти 2 млн. человек были согнаны в «лагеря перегруппировки», больше 1 млн. бежало в соседние страны [187, 1962, № 29, стр. 468; 559, стр. 255].

Но жертвы героического народа Алжира не были напрасными. Национально-освободительное движение, поддержанное всем прогрессивным человечеством, увенчалось победой, созданием независимой Алжирской Народной Демократической Республики.

§ 5. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ЕГИПЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

В первые послевоенные годы Египет все еще оставался полуколонией Англии. Последняя, прикрываясь договором 1936 г., санкционировавшим иностранную оккупацию, держала здесь 80-тысячную армию [см. 145, стр. 60—73]. Трудящиеся массы Египта испытывали на себе двойной гнет — английских колонизаторов и местных феодалов во главе с королем. Вот почему развернувшееся в Египте национально-освободительное движение приняло не только антиимпериалистический, но также антифеодальный и антимоноархический характер.

Рабочие и крестьяне вместе со средними слоями города — ремесленниками, служащими, мелкими предпринимателями, интеллигенцией, учащимися — составляли основную силу национально-освободительного движения. Наиболее революционной его частью были промышленные рабочие, особенно текстильщики, число которых достигало 1 млн. [440, стр. 44]. Однако руководство движением находилось в руках национальной буржуазии, которая выступала за расторжение договора 1936 г. и независимость страны, но пропагандировала мирные средства борьбы, склоняясь фактически к соглашению с империализмом.

Самой влиятельной партией был Вафд, объединявший различные слои общества: крупную, среднюю и мелкую буржуазию, интеллигенцию и учащихся, часть рабочих и крестьян. К руководству в партии пробралось немало крупных финансистов и помещиков, связанных с иностранным капиталом [519, стр. 122]. Эти люди искали компромисса с империализмом, стремились добиться уступок от Англии, запугивая ее освободительным движением. Непоследовательность руководства Вафд подвергалась критике левых организаций, так называемого левовафдистского крыла.

Интересы мелкой буржуазии выражали такие партии, как Ватан и «Молодой Египет». Последняя партия, изменившая свое название сначала на Национал-социалистическую, затем на Социалистическую партию, была организацией националистов, имела вооруженные отряды, которые проводили террористические акции против англичан.

Среди религиозных партий выделялась ассоциация «Братья-мусульмане», число сторонников которой к 1948 г. достигло 1 млн. человек [424, стр. 409]. Социальная и антиимпериалистическая деятельность «Братьев-мусульман» сочеталась с шовинизмом и религиозным фанатизмом. Организация также имела военизированные отряды (фаланги), в задачу которых входил индивидуальный террор. Ассоциация ставила целью создание военно-теократического халифата. Националистические лозунги «Братьев-мусульман» сочетались с антикоммунизмом.

Коммунистическая партия находилась в подполье, подвергалась непрерывным репрессиям и гонениям. Тем не менее в первые послевоенные годы влияние коммунистических организаций в антиимпериалистическом движении, где они выступали в союзе с левовафдистами, ощущалось весьма сильно [495, стр. 73].

В борьбу за национальное освобождение наряду с гражданской интеллигенцией втягивался командный состав египетской армии. Египетские офицеры создали несколько тайных организаций. Одна из них, во главе с капитаном Мустафой Кемалем Сидки, применявшая террор, попала под контроль короля Фарука и использовалась им для борьбы с революционным движением в армии [762, стр. 73]. Еще в 1939 г. Гамаль Абдель Насер приступил к созданию хорошо законспирированной организации

«Свободные офицеры» с целью установить республику и изгнать англичан путем вооруженного восстания, опирающегося на поддержку широких масс. Окончательно организация оформилась в 1942 г., когда были созданы ряд ячеек и центральный комитет во главе с Насером [там же, стр. 14, 15; 547, стр. 68—74]²³.

Консолидация общества «Свободные офицеры» проходила в обстановке подъема национально-освободительной борьбы. Тщательная конспирация, кропотливая организационная работа предохранили организацию от серьезных провалов, подготовили боевой состав к антиимпериалистической революции.

9 февраля 1946 г. в Каире состоялся многотысячный митинг студентов. Он проходил под лозунгом «Эвакуация! Никаких переговоров до эвакуации». После митинга студенты вышли на демонстрацию. Подразделения полиции окружили демонстрантов на мосту Аббаса. Пошли в ход полицейские дубинки, по студентам был открыт огонь. Спасаясь, многие демонстранты бросались с моста в Нил. В результате погибли 20 студентов, около 200 были ранены [519, стр. 124—125]. Кроме того, среди студентов, закрывшихся в здании университета и оказавших вооруженное сопротивление полиции, было убито 9 и ранено 90 [357, 11.II.1946; 373, 11.II.1946].

Кровавые события в Каире вызвали массовые демонстрации в Каире, Александрии, Заказике, Эль-Мансуре и других городах. 18 февраля на митинге студентов в Каирском университете студенты вновь потребовали полностью эвакуировать английские войска из Египта и Судана, превратить «египетский вопрос» в международный, освободиться от экономического рабства [373, 19.II.1946]. По инициативе коммунистов в Каире был создан Национальный комитет рабочих и студентов (НКРС), который объединил руководство различными студенческими и рабочими организациями. Национальный комитет призвал «сделать 21 февраля 1946 г. днем эвакуации, днем всеобщей забастовки всех организаций и групп народа» [519, стр. 126—127].

С утра 21 февраля в столице Египта промышленные предприятия, транспорт, магазины не работали. 150-тысячная демонстрация проходила под лозунгами «Немедленно эвакуировать английские войска!», «Свобода Египту и Судану!». Когда она дви-

²³ Центральный комитет организации «Свободные офицеры» делился на несколько отделов. Экономический отдел собирал средства, на которые приобреталось оружие, финансировалась пропаганда, оказывалась материальная помощь родственникам арестованных членов организации и т. д. Отдел боевого состава вербовал новых членов, создавал новые ячейки. Отдел безопасности проверял членов организации, устанавливал пароли, выбирал места для встреч, совещаний и собраний. В задачу отдела пропаганды входила организация и ведение пропаганды и агитации, разоблачавшей антинародную политику короля, реакционных политических деятелей и высшего командного состава, среди офицеров и солдат, интеллигенции, рабочих и крестьян. Гражданский отдел налаживал связи с различными слоями населения [762, стр. 52—53, 56, 71—74].

нулась к центру города, четыре английские бронемшины на полном ходу врезались в колонну. Демонстранты захватили два броневика и сожгли их. Английские войска из своих казарм на берегу Нила открыли огонь по толпе, убив 27 человек и ранив 300. Несколько демонстрантов проникли в английские казармы и подожгли их. Была предпринята попытка захватить оружие из английского военного склада [там же, стр. 127—128]. Правительство Исмаила Сидки на помощь английским войскам направило части египетской армии и полиции, но они отказались стрелять в народ, провозгласив в этот день лозунг «Армия с народом!» [373, 22.II.1946].

4 марта 1946 г. был отмечен как день всенародного траура по жертвам событий 21 февраля. Продолжались ожесточенные схватки с полицией. В Александрии англичане открыли огонь по мирной демонстрации трудящихся города. 28 демонстрантов было убито и 342 ранено [374, 5.III.1946]. В знак протеста демонстранты напали на пост английской военной полиции и подожгли его.

Размах национально-освободительного движения, который привел Египет на грань революции, протесты мировой прогрессивной общественности вынудили английское правительство дать обещание вывести в ближайшее время свои войска из Канра и Александрии и передислоцировать их в зону Суэцкого канала. Эта эвакуация закончилась 29 марта 1947 г.

Февральско-мартовские события 1946 г. вызвали подъем национального и политического самосознания египетского народа, патриотических настроений среди солдат и офицеров египетской национальной армии, отказавшейся стрелять в народ, показали необходимость объединения всех патриотических сил под лозунгами антиимпериалистической борьбы. Выявились кризис буржуазных партий и организационная слабость левых сил. В этих условиях один из важнейших элементов государственной машины — египетская армия отказалась идти против народа. Активизировалась деятельность организации «Свободные офицеры», которая в 1948 г. уже насчитывала около 1 тыс. человек. Эта организация решила перейти к открытой пропаганде свержения короля Фарука и установления демократического строя в Египте [762, стр. 85].

Борьба египетского народа за расторжение договора 1936 г. и окончательный вывод английских оккупационных войск продолжалась. Правительство Махмуда Нукраши вынесло «египетский вопрос» на обсуждение в Совете Безопасности. Борьба египетского народа получила активную международную поддержку Советского Союза и всех прогрессивных сил мира. Касаясь хода обсуждения «египетского вопроса» в ООН, журнал «Ат-Тарик» писал: «Заседания Совета Безопасности, посвященные обсуждению египетского вопроса, явились... новым доказательством стремления демократических государств во главе с Советским

Союзом и странами народной демократии к сохранению демократических принципов и неуклонной защите прав народов на свободу и независимость» [143, стр. 102].

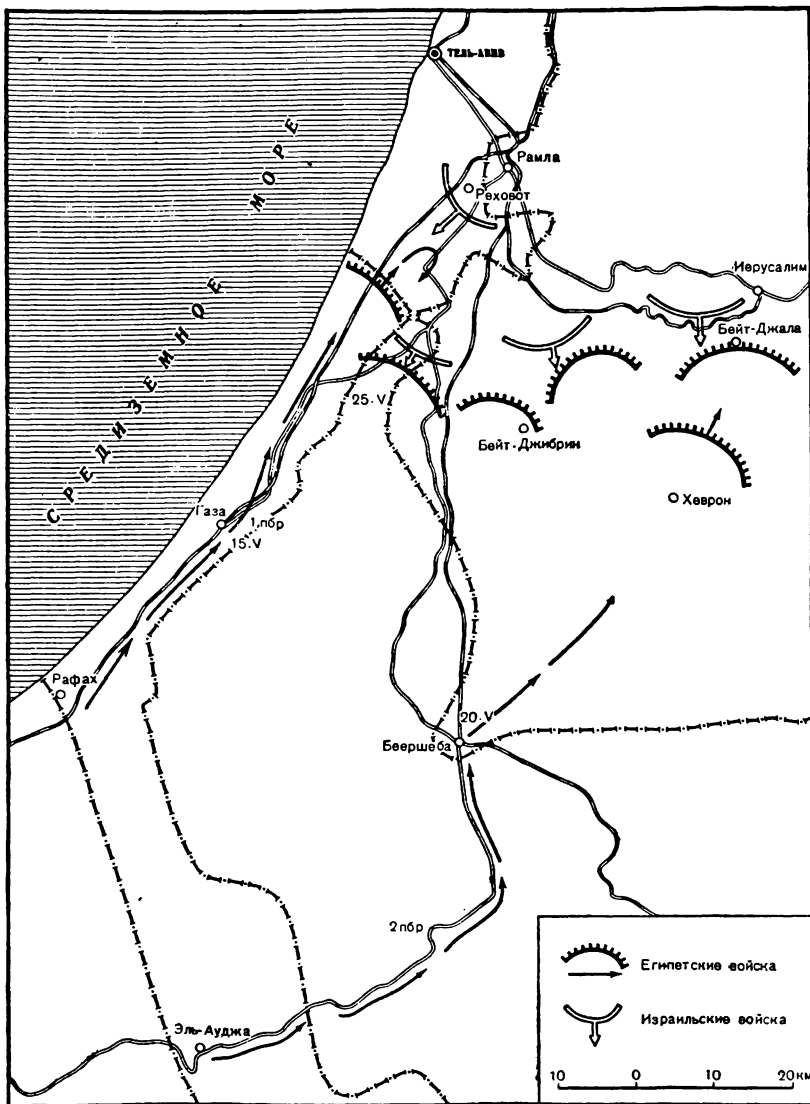
Палестинская война 1948—1949 гг.

Первая война между арабскими странами и государством Израиль была спровоцирована английским и американским империализмом. Ее острое было направлено против антиимпериалистического, антиколониального движения народных масс Арабского Востока. Вызванные империалистическими интригами столкновения между арабским и еврейским населением Палестины из-за шовинистической политики сионистов, направленной на изгнание арабов с их земель, переросли в большой вооруженный конфликт после провозглашения государства Израиль. Палестинская война отвечала военно-колониальным планам английского империализма. Англия хотела добиться либо отмены решения ООН о предоставлении независимости Палестине, либо присоединения территории арабской части Палестины к Трансиордании, в то время фактической колонии Великобритании.

Эта война была как нельзя более выгодна королю Фаруку, правительство которого было напугано новым подъемом антимонархического движения в начале 1948 г. На этот раз страх правящих кругов вызвала забастовка египетских полицейских, поддержанная рабочими, студентами, младшим медицинским персоналом военных госпиталей столицы [495, стр. 144—145]. Военными успехами правительство намеревалось отвлечь внимание от кампании репрессий, арестов, судов над прогрессивными деятелями, которая развернулась вслед за принятием в апреле 1948 г. законов о борьбе с коммунистами и запрещении стачек [495, стр. 146].

Для участия в боевых действиях был сформирован экспедиционный корпус двухбригадного состава численностью 10 тыс. человек под командованием генерала Ахмеда Али аль-Муави. Многие руководители и члены ассоциации «Свободные офицеры» находились в составе экспедиционного корпуса, в том числе Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат [446, стр. 407].

Египетское командование планировало наступление двумя бригадными группами: одной — в прибрежной полосе в направлении на Тель-Авив, другой — в направлении Беершеба (Беэр-Шева) и Хеврон (Эль-Халиль), чтобы соединиться с Арабским легионом южнее Иерусалима и тем самым расцез группировку израильских войск. Однако для выполнения указанных задач имевшихся сил явно не хватало. Бригадные группы состояли из пехотных батальонов; танков, артиллерии и авиации, необхо-

Боевые действия в ходе Палестинской войны
(весенне-летняя кампания 1948 г.) *

* Здесь и далее (стр. 202, 215, 291, 385, карта-приложение 3) границы государства Израиль и Территория Арабского государства показаны в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.

димых для ведения боевых действий на широком фронте и на большую глубину, практически не было.

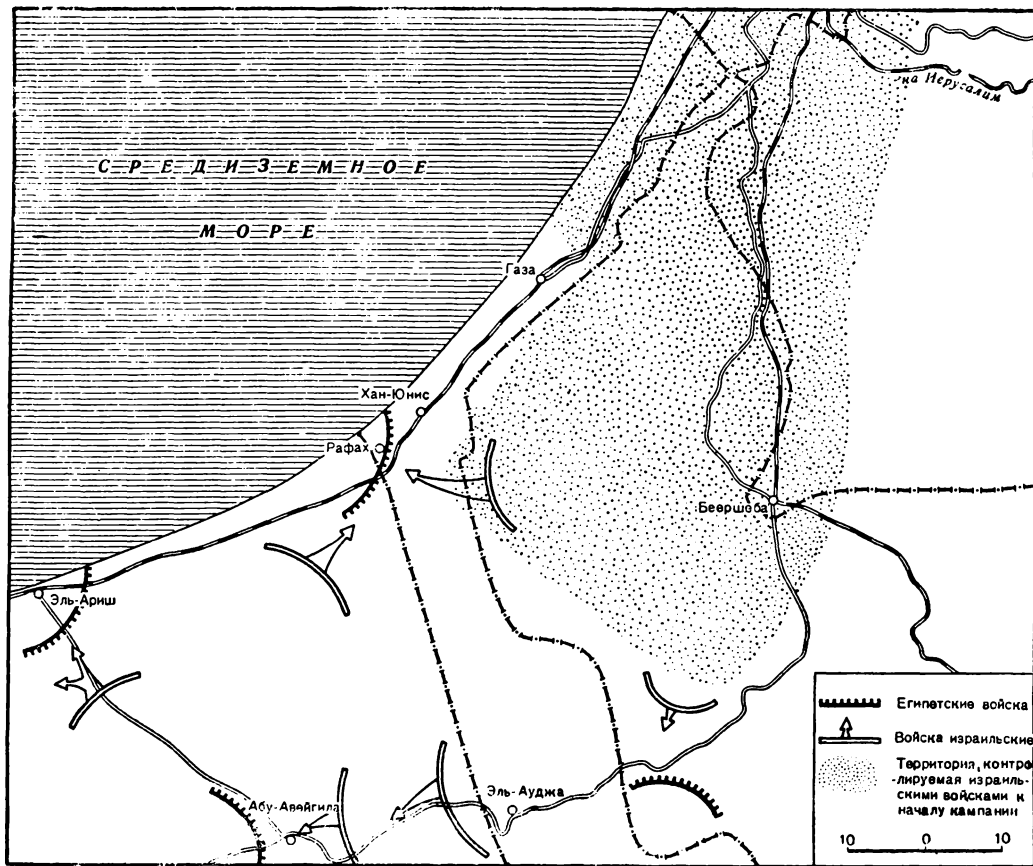
15 мая 1948 г. обе оперативные группировки пересекли границу. Первая бригадная группа продвинулась к Хан-Юнис, где вели бои подразделения арабских добровольцев и отряды самообороны палестинских арабов. Другая бригадная группа продвинулась к Эль-Ауджа. На пути продвижения египетских войск находились еврейские поселения Нирим, Кафар-Даром и др., превращенные в укрепленные пункты подразделений Хаганы²⁴ [293, 1948, № 4, стр. 489]. После неудачных попыток взять поселения атакой с ходу египетское командование, чтобы не терять времени, приняло решение обойти израильские позиции и продолжать наступление, оставив под Кафар-Даром небольшой заслон.

Основные подразделения уже вечером 15 мая вступили в Газу. Продолжая наступление, части первой бригадной группы 20 мая после десятичасового боя захватили населенный пункт Деир Сенид, 25 мая — поселение Иод Мордекхой.

Египтяне продолжили наступление в направлении городов Эль-Маджаль и Аскалон. В пяти милях севернее Эль-Маджаль удалось захватить с ходу селение Мидзамин, продвинуться в направлении населенного пункта Исдуд (Ашдод) (в 20 милях от Тель-Авива). 29 мая благодаря хорошо спланированному маневру пехоты и танков при поддержке артиллерии египтянам удалось со сравнительно малыми потерями взять и этот населенный пункт, преодолев наступление крупных сил противника. Израильцы попытались продвинуться к югу от Реховота, чтобы захватить позиции, господствующие над территорией севернее Исдуда. 7 июня египтяне перешли в контратаку и отбросили противника на несколько миль обратно. Положение стабилизировалось и сохранялось на этом участке фронта вплоть до осени 1948 г. Вторая бригадная группа, почти не встречая сопротивления, продвигалась от Эль-Ауджа к Беершеба и далее на Бетлехен и Рамат-Рахель. Под Рамат-Рахель, который несколько раз переходил из рук в руки, завязались бои, длившиеся несколько дней. В конце концов наступление второй бригадной группы, состоявшей из легковооруженных частей, захлебнулось на южных подступах к Иерусалиму, после чего обстановка стабилизировалась до осени 1948 г.

В итоге весенне-летнего наступления, стратегическая инициатива в котором принадлежала арабам, был взят ряд населенных пунктов, занятых израильцами. Египетские, иорданские и иракские войска вышли на подступы к Иерусалиму и Тель-Авиву. Отступая, израильцы изматывали египтян путем очаговой и маневренной обороны, действиями на коммуникациях, ударами по органам управления.

²⁴ Сионистская военная организация.

Боевые действия в ходе Палестинской войны (зимняя кампания 1948—1949 гг.)

Кампания показала, что египетская и другие арабские армии добились реальных преимуществ. Однако в ходе этой кампании наглядно выявились слабые стороны египетских вооруженных сил: плохое снаряжение и вооружение, устаревшая линейная тактика, недостаток средств связи, растянутость коммуникаций²⁵, несовершенная подготовка офицерского корпуса, отсутствие оперативно-стратегического взаимодействия с армиями других арабских стран. Последние к тому же прислушивались к мнению англичан, фактически поддерживавших Израиль. Известно, например, что английские офицеры, возглавлявшие Арабский легион — наиболее боеспособную силу арабов, — получили в ходе боев весьма четкие указания от английского министра иностранных дел Э. Бевина не вторгаться в районы, отведенные Израилю [720, стр. 130]. Некоторые арабские авторы считают, что перемирие, установленное ООН, было одной из причин поворота событий не в пользу арабских стран, и прежде всего Египта [460, стр. 176]. Оперативно-стратегические паузы в ходе войны способствовали укреплению Израиля в организационном, военно-техническом отношении за счет поставок оружия из США.

Ни английских, ни американских империалистов не устраивало поражение Израиля. Война продолжалась. Израильское командование приняло решение восстановить связь с южным районом Палестины путем одновременных наступательных действий с фронта против неглубоко эшелонированной обороны египтян и тыловых районов. Для этого в течение сентября и первой половины октября по воздуху в изолированный Негев через фронт были перебросаны крупные подвижные силы.

15 октября 1948 г. израильтяне нанесли с воздуха удар по египетским аэродромам, районам сосредоточения войск и важным тыловым объектам. В тылу египтян начали действовать израильские диверсионные подразделения. К 16 октября в результате наступления израильтян коммуникации египетских войск на севере были перерезаны, создалась угроза коммуникациям на западе.

Утром 16 октября израильтяне начали наступление в направлении г. Телль и селения Эль-Маншия. Артиллерийским огнем египтяне сожгли и вывели из строя несколько танков противника, который успешно отступил. Однако египтяне не воспользовались успехом и не перешли в контратаку.

17 октября, произведя перегруппировку сил, египтяне попытались перейти в контр наступление. В ответ израильтяне ввели в действие свои резервы, и контр наступление захлебнулось. Египтяне стойко удерживали позиции к востоку от крепости

²⁵ Следует отметить, что в 1953 г. на процессах деятелей египетской контрреволюции им ставили в вину переброску недостаточно подготовленной армии в Палестину в 1948 г.

Ирак-Сувейдан до Эль-Маншия, в районе, получившем название «фалуджского мешка». В ночь с 19 на 20 октября 1948 г. израильтянам удалось захватить Улейкат и восстановить связь между центральными районами и Негевом. Однако защитники «фалуджского мешка» продолжали упорно обороняться до окончания войны.

На западе и востоке египетские войска, не получив подкреплений и боеприпасов, покинули район Эль-Маджаль и опорные пункты в горах, где им грозило окружение, и отошли к Вифлеему. На юге под ударами танковых и механизированных соединений израильтян они отошли в район Аслуджа (Халуца).

К середине декабря левая группировка египтян занимала оборону вдоль приморской дороги, северным флангом опираясь на Газу, правая — вдоль дороги Эль-Ауджа — Аслуджа (южнее Беершеба). Кроме того, египетские войска находились в окружении в «фалуджском мешке». Левая и правая группировки были связаны двумя рокадными дорогами [373, 2.1.1949]. Оборона строилась по принципу опорных пунктов вдоль шоссе. Силы египтян были истощены, им срочно требовалось пополнение.

Новое израильское наступление началось 22 декабря массированным налетом авиации на египетские аэродромы и войска, сосредоточенные в районах Рафах, Хан-Юнис и Газа. Одновременно по всему фронту была проведена мощная артиллерийская подготовка. Израильские войска в западном секторе заняли несколько высот в 13 км южнее Газы, создав угрозу дороге Рафах — Газа. Египетское командование решило, что основной удар будет нанесен здесь и сосредоточило значительные силы.

В результате наступление главных сил израильтян в восточном секторе в оперативном отношении оказалось внезапным. Проведя механизированные войска и танки по древней римской дороге из Беершеба на Эль-Ауджа, израильтяне неожиданно вышли из пустыни, сразу же захватили несколько опорных пунктов, в двух местах перерезали дорогу Эль-Ауджа — Рафах. Гарнизон Рафаха храбро сражался и отступил только после того, как посланные ему на помощь подкрепления были отброшены.

Израильские войска устремились в Египет. В ночь с 28 на 29 декабря был захвачен египетский опорный пункт на Синае Абу-Авейгила. Король Фарук был вынужден заключить перемирие. 7 января 1949 г. огонь был прекращен.

В результате палестинской войны Израиль захватил большую часть территории, предназначавшейся ООН для арабского государства [460, стр. 58]. Великобритания также добилась своей цели — присоединить к Трансиордании Центральную Палестину. Поражение египтян она использовала в качестве предлога для прекращения переговоров о выводе войск с территории Египта. Прервав переговоры, правящие английские круги сосредоточили усилия на создании в зоне Суэцкого канала основной

военной базы на Ближнем Востоке, которой придавалось особое значение в связи с потерей Индии.

Палестинская война вскрыла беспомощность и продажность прогнившего монархического режима Египта. Египетские войска снабжались негодным, устаревшим оружием [375, 25.VII.1949]. Египтяне не смогли использовать английские и американские танки из-за отсутствия к ним запасных частей [379, 17.VI.1949]. Многие высшие чиновники, генералы, члены королевской семьи во время войны занимались спекуляцией оружием. Приближенный Фарука генерал Сирри Амер был замешан в продаже Израилю дизельного топлива, военного обмундирования и металлолома. Двоюродный брат короля Аббас Халим присвоил себе около 500 тыс. долл., выделенных на закупку оружия [377, 2.VII.1949]. Сам Фарук в разгар войны приказал инженерному батальону, находившемуся на фронте, построить ему в Газе роскошную виллу [372, 6.V.1953].

Поражение на палестинском фронте привело к серьезным последствиям во внутренней жизни страны.

Глубокое недовольство народа монархическим режимом усугублялось тревогой за судьбу 900 тыс. палестинских беженцев, которые были изгнаны израильскими войсками с захваченных территорий и вынуждены искать убежища в соседних арабских странах [379, 26.II.1949].

Правительство Махмуда Нукраши было полностью дискредитировано. Оно подвергалось яростным нападкам со стороны мусульманского духовенства и исламистских организаций, особенно ассоциации «Братьев-мусульман», влияние которой значительно возросло, потому что «агрессивный национализм» и активное участие в палестинской войне ее членов производили большое впечатление на неискушенные в политике слои египтян [495, стр. 150—151]. Руководство организации, сплотив вокруг себя до 15 различных националистических и религиозных групп и организаций, решило осуществить план захвата власти. Выступая под лозунгом немедленного и безоговорочного вывода английских войск с территории Египта, руководимый «Братями-мусульманами» Союз молодежи партий и организаций начал бойкот англичан, а затем серию актов индивидуального террора. 28 декабря 1948 г. «Братья-мусульмане» убили премьер-министра. В ответ по приказу нового премьера Ибрахима Абд-Хади агенты тайной полиции убили главу ассоциации, произвели массовые аресты ее членов, конфисковали значительное количество оружия.

Одним из последствий войны было укрепление организации «Свободные офицеры». После возвращения с палестинского фронта египетских воинских частей был избран исполком организации во главе с Гамаль Абдель Насером [374, 2.IX.1953]. Выпускавшиеся организацией нелегальные прокламации призывали к борьбе против нового компромиссного договора с Англи-

ей, разоблачали спекуляцию оружием и другие махинации дворцовых кругов и высшего командования. Исполком опубликовал манифест и программу «Свободных офицеров», которые провозглашали основные цели организации: создание сильной национальной армии, установление подлинного парламентарного строя.

Партизанская война в зоне Суэцкого канала

15 октября 1951 г. Египет денонсировал договор 1936 г. В ответ Англия решила насильственно овладеть зоной канала и установить там оккупационный военный режим. Имперский генеральный штаб увеличил численность английских войск в зоне Суэцкого канала до 120 тыс. Сюда были переброшены из Триполи, Сомали, Адена, Басры, с острова Кипр 19-я и 59-я пехотные, 16-я парашютная бригады, Чеширский, Оксфордский, Букингэмширский полки. Английские войска оккупировали Суэц, Исмаилию, Эль-Кантару и другие важнейшие стратегические пункты. В египетские порты вошли английские военные корабли. Английские войска захватили средства переправы через Суэцкий канал, мосты, паромы, блокировали все дороги, ведущие из зоны канала в Каир и Александрию [532, стр. 29; 225, 16.X.1951]. Часть египетских солдат и офицеров были разоружены, англичане насильственно задержали в зоне канала до 20 тыс. египетских рабочих [495, стр. 189].

В Исмаилии, Суэце и других городах зоны канала англичане развернули массовый террор против мирных жителей, провоцировали столкновения с египетской полицией. 18 ноября они окружили резиденцию губернатора Исмаилии, открыли огонь по египетской вспомогательной полиции «булук ан-низам». В ход были пущены бронемшины, танки, самолеты, морская артиллерия, которая вела огонь с военных кораблей, стоявших на якоре на оз. Тимсах. В Суэце во время похорон жертв английской провокации англичане открыли огонь из танков и броневиков по похоронной процессии, убив 44 и ранив 110 египтян [532, стр. 53]. По данным министерства внутренних дел Египта, с 16 октября по 5 декабря в зоне канала было убито 117 и ранено 438 египтян [217, 14.XII.1951].

Террор колонизаторов и незаконная оккупация зоны вызвали возмущение всех слоев населения. Газета «Аль-Мысри» писала: «Египет будет мстить за себя, за кровь, пролитую его мучениками... Египет не прекратит борьбы до тех пор, пока вы, англичане, не будете вышвырнуты вон» [378, 10.XI.1951]. Возмущенное насилиями и грабежами мечетей, мусульманское духовенство призывало народ к оружию [378, 16.XI.1951]. Наряду с массовыми демонстрациями и митингами протеста, прокатившимися по всей стране, началось формирование добровольческих партизанских отрядов.

В организации «отрядов освобождения» (катаиб ат-тахрир) приняли участие почти все политические партии Египта, в том числе Вафд, Ватан, Социалистическая, «Братья-мусульмане», которые вновь легализовались весной 1952 г., и др. Однако основная часть партизанских отрядов была сформирована не по партийному принципу. В большинстве отрядов руководство принадлежало Комитету национального пакта — организации, объединившей все легальные политические партии для борьбы с врагом. В этих отрядах наибольшим влиянием пользовались левые вафдисты и коммунисты, а основную часть партизан составляли студенты и рабочие [495, стр. 206—207]. В боях приняли участие и многие крестьяне, которые проживали в деревнях зоны канала. Был организован женский партизанский отряд во главе с врачом Дорией Шауфик.

Вафдистское правительство Наххаса вначале попыталось разоружить партизан, однако по мере разрастания партизанской борьбы было вынуждено предпринять ряд мер в поддержку борьбы против оккупантов. 21 октября был принят закон о всеобщей мобилизации в стране [378, 22.X.1951]. Приказ о сотрудничестве с партизанами получили отряды вспомогательной полиции (около 4 тыс. человек), вооруженные старыми винтовками [519, стр. 143; 477, стр. 57—58]. Однако из-за непоследовательности правительства партизанские отряды действовали без единого командования, без продуманного плана борьбы, разрозненно, что ослабляло эффективность их действий. Снабжением оружием, боеприпасами, боевой подготовкой партизан, которая проводилась в провинции Эш-Шаркия и других районах, прилегающих к зоне канала, занимались сами партии [495, стр. 209, 206]. Значительную помощь оказывала партизанам организация «Свободные офицеры», которая тайно обучала их военному делу, снабжала оружием, боеприпасами, бутылками с горючей смесью.

На первых порах тактика партизанских отрядов выражалась в организации засад и внезапных нападений на отдельных английских солдат и офицеров, патрули и небольшие группы военнослужащих. К середине ноября партизаны приобрели опыт и совместно с отрядами «булук ан-низам» стали наносить более ощутимые удары по объектам противника. Начались взрывы железнодорожных путей, ночные налеты на военные лагеря и аэродромы, нападения на колонны танков и бронемашин. Стремясь лишить противника запасов питьевой воды, партизаны взрывали фильтровальные станции, водопроводы, железнодорожные линии и т. п.

В январе 1952 г. партизанская война против оккупантов стала перерастать в антиимпериалистическую революцию. На совещании руководителей партизанских отрядов было создано Тайное командование народной борьбы [373, 24.I.1952]. В партизанскую борьбу все больше втягивалось крестьянство.

31 октября английские войска попытались захватить мост на дороге Исмаилия — Порт-Саид. Население близлежащего селения Эль-Гамель вместе с полицией дало вооруженный отпор оккупантам и заставило их отступить [373, 2.XI.1952]. 15 ноября, когда англичане с танками и артиллерией атаковали деревню Эль-Курейн, все население вместе с партизанами вступило в бой с оккупантами. Крестьяне соорудили баррикады, организовали охрану мостов. Англичане были вынуждены отступить [519, стр. 147]. В декабре крестьяне Тель-эль-Кебир блокировали дорогу Исмаилия — Каир. Организованный ими комитет обороны, куда входили представители всех политических течений, практически руководил партизанской борьбой этого района. 15 января 1952 г. английский генерал Эрскин бросил против патриотов Тель-эль-Кебир десятитысячную армию карателей. Но разгромить повстанцев не удалось [532, стр. 74—75]. Моральное состояние английских войск в зоне резко ухудшилось. Участились случаи солидарности с борьбой египетских партизан в колониальных подразделениях британских оккупационных войск. Например, 24 ноября несколько сотен солдат-африканцев и киприотов отказались воевать против египтян [373, 25.XI.1952].

В январе 1952 г. англичане решили нанести окончательный удар по силам сопротивления в зоне канала, а затем, если вооруженная борьба не прекратится, пригрозить египтянам восстановлением старого режима, т. е. новой оккупацией долины Нила. При этом английское правительство, по-видимому, брало в расчет двусмысленную позицию Фарука в отношении партизан, которых в официальных кругах Египта вначале даже именовали «террористами» [373, 7.XI.1951]. Размах национально-освободительной борьбы пугал египетскую реакцию, всегда готовую за спиной народа вступить в сделку с колонизаторами.

По приказу генерала Эрскина три главных города зоны — Порт-Саид, Суэц и Исмаилия — были изолированы как от территории Египта, так и друг от друга. Было прервано даже железнодорожное сообщение. Затем предполагалось путем последовательных ударов по основным очагам вооруженной борьбы окончательно подавить партизанское движение.

Первый удар был нанесен по Исмаилии. 15 января английские войска окружили город и в тот же день вновь попытались захватить Тель-эль-Кебир. Натолкнувшись на упорное сопротивление крестьян, партизан и отрядов египетской вспомогательной полиции, они снова были вынуждены отступить [373, 16.I.1952]. 21 января англичане начали повальные аресты в Исмаилии, сопровождавшиеся выселением жителей из их домов, уничтожением их имущества.

25 января 1500 английских солдат с танками, бронемашинами, артиллерией окружили резиденцию губернатора Исмаилии и казарму, где находился отряд полиции в составе 250 человек.

Бой длился около 9 часов, пока у египтян не иссякли патроны. Около 70 полицейских погибло, 118 были тяжело ранены, остальных взяли в плен. В тот же день генерал Эрскин заявил, что готов двинуться на Каир [373, 25.I.1952]. О реальности угрозы, нависшей над Египтом, говорил тот факт, что еще 24 января весь британский средиземноморский военно-морской флот, базировавшийся на Мальте, снялся с якоря и взял курс на Египет [357, 25.I.1952].

Известие о кровавом побоище в Исмаилии вызвало мощную волну демонстраций протеста по всей стране. Повсеместно народ требовал от правительства оружия для решительной борьбы с оккупантами.

25 января в Каире состоялась гигантская демонстрация, в которой участвовало около 1 млн. человек. Она свидетельствовала о назревании революционного взрыва, о возникновении условий для формирования прогрессивного национального фронта. Но жители столицы, желавшие показать, что не отступят перед английской угрозой, не знали, что силы реакции готовятся нанести им удар в спину. 26 января, когда демонстрация возобновилась, в разных районах города неожиданно вспыхнули пожары: загорелось более 700 зданий, принадлежавших в основном иностранцам. Как выяснилось в дальнейшем, в Каире действовали группы поджигателей, которыми непосредственно руководил начальник королевской канцелярии Хафиз Афифи [519, стр. 152—153; 225, 3.II.1952]. Провокация, на которую пошла дворцовая клика, должна была запугать египтян возможностью повторения событий семидесятилетней давности, когда английская эскадра, воспользовавшись действиями громил в Александрии, под предлогом «защиты жизни и имущества иностранцев» подвергла этот город обстрелу, после чего последовала оккупация Египта.

Пожары в Каире сделали свое дело. В Каире и Александрии королевские власти начали аресты партизан. 27 января 1952 г. было сформировано новое правительство Али Махира, установившее режим террора и реакции. Партизанские отряды были распущены, многие участники антиимпериалистического движения, в том числе сотни партизан, были переданы английским военным властям [225, 29.I.1952].

Революция 1952 г.

Массовыми репрессиями правительству удалось предотвратить назревавшее всеобщее вооруженное восстание египетского народа. В развернувшихся событиях ни одна из партий египетской буржуазии не оказалась способной возглавить борьбу народа против империализма [см. 495, стр. 243—249]. Левые партии и организации были задушены зверскими расправами. Од-

нако репрессии не изменили положения: королевская монархия Египта изжила себя и не могла больше управлять страной.

Руководство организации «Свободные офицеры» решило, что настало время для вооруженного выступления. Оно было уверено, что это выступление поддержит весь народ [726, стр. 19].

Утром 22 июля на заседании исполкома был утвержден окончательный план восстания, исполком был переименован в Совет руководства революции (СРР).

Предусматривалось захватить королевский дворец в Каире, в котором размещался штаб верховного командования египетской армии, установить контроль над всеми воинскими частями и стратегическими пунктами, арестовать контрреволюционный высший командный состав и ввести в Каир революционные части, в основном бронетанковые и моторизованные подразделения. Следующие этапы действий восставших — создание полностью подчиненного СРР правительства и свержение короля Фарука [762, стр. 15].

О подготовке восстания стало известно высшему командному составу армии. На срочно созванном в здании Главного штаба совещании высших офицеров было решено немедленно арестовать руководителей восстания. Но было уже поздно. Высланные правительством для ареста руководителей восстания подразделения войск перешли на сторону восставших. По приказу Насера эти же воинские подразделения заняли дворец и арестовали собравшихся там реакционных офицеров. К часу ночи восставшие войска заняли все стратегические пункты в городе, правительственные здания, радио-, телеграфные и телефонные станции [там же, стр. 118]. К 2 часам ночи СРР установил контроль над Каиром. Жертвы были невелики — двое убитых и двое раненых [728, стр. 116].

Революционные войска заняли оборону в 5 км от позиций английских войск, на дороге, ведущей к Суэцкому каналу. Английское посольство было извещено, что восстание является глубоко внутренним делом Египта, что СРР гарантирует полную безопасность иностранцам [762, стр. 118]. 26 июля Фарук, арестованный СРР, отрекся от престола.

Революция явилась неожиданностью для англичан. Как только о событиях в Каире было сообщено в Лондон, британский средиземноморский флот был направлен в Порт-Саид, а войска в зоне Суэцкого канала приведены в боевую готовность [там же]. Однако, несмотря на просьбы Фарука, англичане его не поддержали, полагая, что переворот совершен проамерикански настроенными офицерами.

Июльская революция по своему характеру была антиимпериалистической, антифеодальной. Она явилась закономерным и логическим завершением многолетней борьбы египетского народа, проходившей в послевоенные годы под лозунгом ликвидации кабального англо-египетского договора 1936 г. И в то же

время египетскую революцию нельзя сводить лишь к событиям 1952 г. Только в результате антиимпериалистической общенародной борьбы, которая неоднократно принимала форму вооруженной борьбы, стало возможным свержение прогнившего феодально-монархического строя. Египетская национальная армия в процессе этой борьбы превратилась из орудия подавления народного движения в одну из его движущих сил, а революционно-демократическая часть офицерства возглавила ликвидацию прогнившего монархического строя.

Осенью 1953 г., после отказа Лондона удовлетворить требование правительства Насера об эвакуации английских войск из зоны канала, СРР принял решение возобновить в широких масштабах вооруженную партизанскую борьбу в зоне Суэцкого канала. По политическим соображениям подготовка к этой борьбе велась не от имени правительства, а от имени добровольных патриотических организаций. Насер заявил, что это будет всенародная неофициальная партизанская война [373, 23.VII.1953; 276, 10.I.1953].

Были созданы Национальная гвардия, в которую влились все партизанские отряды, и единое командование. 1200 офицеров-добровольцев возглавили партизанские подразделения. В специальном учебном центре части Национальной гвардии осваивали новую боевую технику и тактику партизанских и диверсионно-террористических действий. Отряды получили на вооружение пулеметы, автоматы, минометы, автомобили [373, 29.XI.1953].

Вооруженные действия возобновились в конце октября 1953 г. Тактика партизан сводилась к неожиданным нападениям на английские военные объекты в зоне канала, уничтожению солдат и офицеров противника, порче и захвату его боевой техники. Операции проводились, как правило, в ночное время, внезапно для противника, избегались затяжные бои. При планировании боевых операций предусматривалась организация взаимодействия всех партизанских отрядов. Для проведения операций в отрядах создавались группы нападения и обеспечения, применялись отвлекающие действия.

Численность английских вооруженных сил в Египте достигала почти 90 тыс. человек [357, 20.III.1954]. Однако их моральный дух непрерывно падал, удары египетских партизан держали солдат и офицеров в состоянии постоянного напряжения. Суэцкая база была охвачена огненным кольцом ненависти египтян.

Английское правительство в конце концов было вынуждено пойти на уступки. 19 октября 1954 г. было подписано соглашение, предусматривавшее полный вывод английских войск к 18 июня 1956 г. По соглашению к Египту переходили 10 аэродромов, порт и база в Порт-Саиде, порт в Абадии, 21 военный лагерь, нефтепроводы, водопроводы, мосты, средства связи. Были урегулированы и финансовые претензии.

Заключение соглашения сопровождалось нормализацией англо-египетских отношений, прекращением вооруженных действий в зоне Суэцкого канала. В смягчении отношений Запад видел предпосылку для утверждения нового режима в Египте как союзника западных держав. Особенно активизировала свою деятельность американская дипломатия. Но все эти попытки потерпели неудачу.

Соглашение 1954 г. явилось крупнейшей политической победой революционного правительства Египта. Страна избавилась от иностранной оккупации, возникли реальные возможности дальнейшего углубления национально-освободительной революции, была подготовлена почва для национализации Суэцкого канала.

Империалистическая агрессия против Египта в 1956 г.

26 июля 1956 г. Египет объявил о национализации компании Суэцкого канала. Это был важнейший шаг на пути к укреплению политической и экономической независимости страны.

Сразу же после обнародования декрета о национализации канала западные державы, прежде всего Англия и Франция, державшие основную часть акций бывшей Компании Суэцкого канала, приступили к подготовке военного вторжения в Египет.

Буржуазная историческая литература стремится оправдать действия западных держав необходимостью обеспечить безопасность судоходства по Суэцкому каналу. В действительности это вторжение имело целью гарантировать европейскому капиталу доходы от канала и поставить под англо-французский контроль важнейший узел морских коммуникаций на Ближнем Востоке. И, главное, западные державы не устраивал прогрессивный курс правительства Насера, его связи с национально-освободительным движением в других странах Африки и Ближнего Востока. Наконец, сильный и внутренне устойчивый прогрессивный Египет был бельмом на глазу израильских экстремистов. «Насер,— заявил Г. Макмиллан в сентябре 1956 г.,— должен быть как-то остановлен. Это значительно серьезнее, чем разногласия по вопросу о Суэцком канале» [357, 23.IX.1956].

Другая выдумка буржуазной историографии заключается в том, что Израиль якобы был лишь привлечен к участию в агрессии. Но даже в книге американского журналиста К. Лава [697] на большом фактическом материале показано, что правящие круги Израиля сделали очень многое, чтобы организовать тройственную агрессию. Особенно тесные связи у Израиля установились с правительственными кругами Четвертой республики. В августе 1954 г. Франция и Израиль заключили секретное соглашение, по которому Тель-Авив стал получать современное вооружение. К середине апреля 1956 г., как отмечает К. Лав,

концепция борьбы Франции и Израиля против Египта на «раздельных» фронтах уступила место плану совместного удара по Египту [там же, стр. 134, 139, 151].

27 июля 1956 г. правительства Англии и Франции договорились о вторжении в Египет [580, стр. 209]. В начале августа в Лондоне созданный франко-английский комитет по планированию интервенции начал разрабатывать план вторжения под кодовым наименованием «Мушкетер». Зачинщиком агрессии должен был стать Израиль, военный потенциал которого был укреплен финансовой и технической помощью империалистических держав, прежде всего США. «Израиль,— писала впоследствии одна английская газета,— был самым лучшим из имевшихся в наличии рычагов для свержения Насера» [318, 13.XII.1956]. Сотни израильских офицеров сухопутных войск, ВВС и ВМС проходили военную подготовку в США и других странах НАТО. В израильской авиации находилось до 200 американских советников и специалистов. Центральное разведывательное управление США приняло активное участие в нагнетании атмосферы напряженности накануне агрессии. Военно-транспортная служба ВВС США обеспечивала переброску британских войск в ходе подготовки и проведения операции вторжения [697, стр. 391; 282, 1961, январь, стр. 104].

Под прикрытием развернутой буржуазной печатью пропагандистской шумихи вокруг поставок Египту чехословацкого и советского оружия состоялись секретные переговоры глав правительств Англии, Франции и Израиля. Было решено, что сигналом для совместной высадки англо-французских войск под предлогом «защиты свободы судоходства в Суэцком канале» должно явиться внезапное нападение Израиля на Египет.

В октябре 1956 г. генеральные штабы Англии, Франции и Израиля завершили совместный план агрессии против Египта, сущность которого сводилась к следующему: 1) израильские войска неожиданно нападают на Египет на Синайском полуострове, сковывают здесь египетскую армию, доходят до Суэцкого канала и в его зоне продолжают вести боевые действия; 2) Англия и Франция организуют вторжение на египетскую территорию и захватывают Суэцкий канал; 3) совместные действия трех государств должны привести к падению революционного правительства Египта, к захвату власти прозападными кругами.

Спровоцировав столкновения на границе с Иорданией, правящие круги Израиля провели в стране быструю мобилизацию, что позволило им осуществить внезапное нападение на Египет.

Египетский народ в эти суровые дни проявил решимость, стойкость и мужество в стремлении отстоять свою независимость перед лицом вооруженных сил трех империалистических государств. По всей стране еще в августе развернулась военная подготовка гражданского населения, создавались отряды народного ополчения, которые послужили основой добровольческой армии

национального освобождения. Четыре военных округа — Каирский, Александрийский, Дельтский и Суэцкий (в дополнение к Синайскому) — были приведены в состояние боевой готовности. Половина 60-тысячной группировки египетских войск на Синае стала оттягиваться в центральные округа, чтобы прикрыть подступы к Александрии и Каиру [697, стр. 393]. Соединения и части доводились до штатной численности, для офицерского состава были прекращены отпуска. К началу агрессии регулярная египетская армия насчитывала около 90 тыс. человек, сведенных в 16 пехотных, бронетанковых и зенитно-артиллерийских бригад [там же, стр. 492].

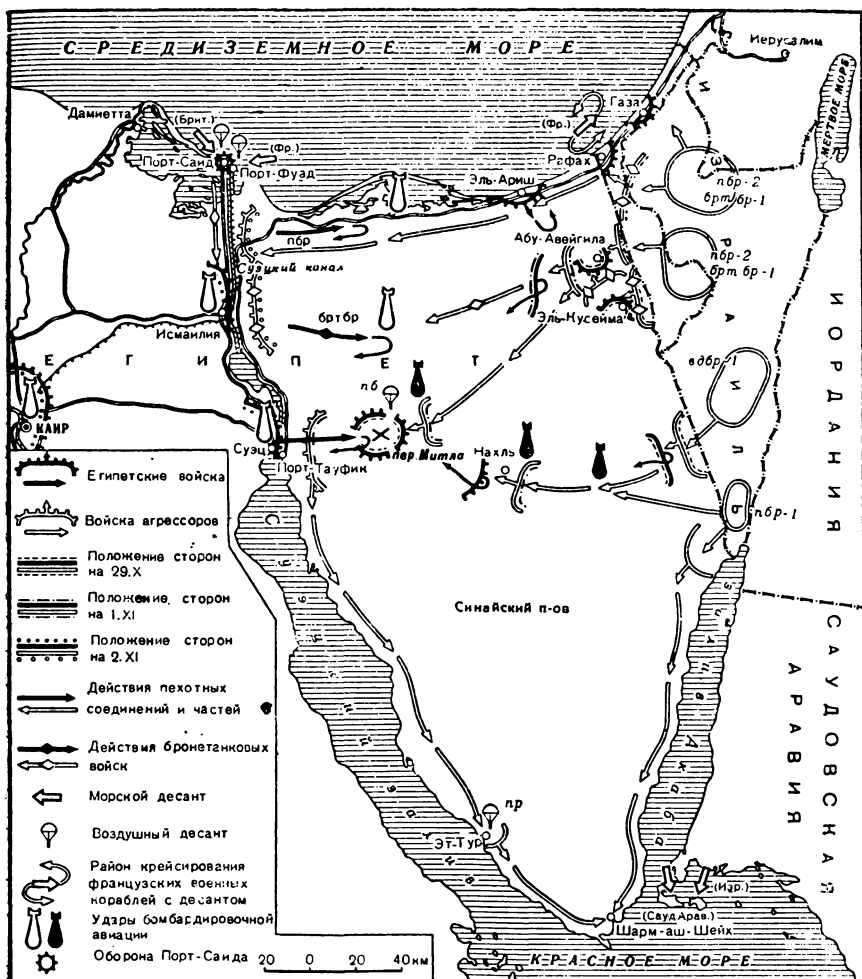
Помощь СССР, Чехословакии и других социалистических стран позволила в короткий срок осуществить реорганизацию и перевооружение египетской армии. Советский Союз поставил танки, артиллерию, реактивные самолеты, эскадренные миноносцы, подводные лодки и другое вооружение [222, 21.X.1956]. Однако переход на новое вооружение ввиду ограниченных сроков не был доведен до конца. Из 128 современных самолетов в боеготовом состоянии находилось лишь 30 истребителей и 12 бомбардировщиков. Из 30-тысячной группировки египетских войск на Синайском полуострове лишь 10 тыс. были регулярными воинскими частями [697, стр. 492].

Соотношение сил накануне войны сложилось в пользу агрессоров. Израильтяне превосходили египтян в полтора, а на отдельных участках — более чем в три раза. Вооруженные силы англичан и французов в районе Порт-Саида были более чем в пять раз многочисленнее египетских. Отдавая себе отчет в подавляющем военно-техническом превосходстве колонизаторов, правительство Насера планировало всеобщую партизанскую борьбу на случай оккупации Египта иностранными войсками. Страна была разбита на секторы и районы, во главе которых должны были встать члены СРР [там же, стр. 534].

29 октября 1956 г. Израиль начал боевые действия на суэцком и исмаильском направлениях, 31 ноября — на приморском.

На суэцком направлении войска израильтян во взаимодействии с танками овладели населенными пунктами Эль-Кунтилла, Нахль. 31 октября они соединились с воздушнодесантным батальоном на перевале Митл, важной ключевой позиции на дороге в Суэц. В результате к 31 ноября израильские войска, несмотря на большие потери на суэцком направлении, достигли подступов к каналу.

На исмаильском направлении боевые действия с самого начала приняли ожесточенный характер. Израильтяне безуспешно атаковали позиции египтян в районе Эль-Кусейма. Моторизованные подразделения египтян, опиравшиеся на хорошо подготовленную оборону [734, стр. 143], сдерживали противника, и только применение напалмовых бомб позволило израильтянам 1 ноября захватить г. Абу-Авейгила. Учитывая угрозу высадки круп-

Англо-франко-израильская агрессия против Египта
(октябрь — ноябрь 1956 г.)

ных англо-французских десантов, египетское командование отдало своим войскам, в том числе трем бригадам резерва, приказ отойти с Синайского полуострова и занять оборону вдоль канала во взаимодействии с каиро-александрийской группировкой.

На приморском направлении в ночь на 31 октября израильское командование ввело в бой три механизированные и одну бронетанковую бригады. Наскочив на минные поля и понеся большие потери от артиллерийско-минометного огня, эти части вынуждены были приостановить наступление. Утром 1 ноября израильским войскам удалось все же прорвать оборону египтян у Рафаха и выйти в район Газы. 2 ноября при поддержке авиации и корабельной артиллерии французского флота был взят г. Газа. Развивая наступление, израильские части 3 ноября вышли к Суэцкому каналу в районе Эль-Кантара.

Ожесточенные бои развернулись у Шарм-аш-Шейха, ключевого пункта у входа в Акабский залив. Гарнизон египтян, оборонявший этот населенный пункт, оказал упорное сопротивление. Только после мощной авиационной подготовки и артиллерийского обстрела английским крейсером и флотилией эсминцев израильским войскам удалось 5 ноября овладеть Шарм-аш-Шейхом, а также лежащими у входа в залив о-вами Тиран и Синафир, принадлежавшими Саудовской Аравии.

Таким образом, к исходу 5 ноября израильские войска при поддержке англо-французского флота и авиации полностью овладели Синайским полуостровом.

31 октября после отказа египетского правительства принять ультиматум Англии и Франции, потребовавших передать под их контроль зону канала, 300 английских и 240 французских самолетов [588, стр. 175] подвергли ожесточенной бомбардировке аэродромы, заводы, склады и населенные пункты египтян. Однако психологический план войны, рассчитанный на то, что интенсивные бомбардировки приведут к волнениям среди населения и в рядах армии, вызовут антиправительственное восстание и свержение правительства Насера, потерпел полный крах. Было принято решение на вторжение.

Вторжение началось с высадки воздушного десанта, осуществленного с о-ва Кипр, где сосредоточились 16-я английская парашютная бригада, парашютный полк французского иностранного легиона и подразделения 10-й парашютной дивизии, переброшенные из Алжира [588, стр. 175]. Цель воздушного десанта состояла в захвате плацдармов для высадки военно-морского десанта по обоим берегам Суэцкого канала — в Порт-Саиде и Порт-Фуаде, удержании их и дальнейшем продвижении в южном направлении до железнодорожного и дорожного моста через канал к югу от Порт-Саида.

После вывода войск с Синайского полуострова, осуществленного в условиях непрерывных боев с израильцами без прикрытия с воздуха, в распоряжении египетского командования

находилось до 75 тыс. пехоты, 150—200 современных танков [357, 13.IX.1957]. Основная часть войск расположилась к северо-востоку от Каира, на плато Кантара, где египтяне рассчитывали нанести решительный удар по интервентам бронетанковыми соединениями [697, стр. 598]. В Порт-Саиде было решено организовать сопротивление ограниченными силами, применив партизанскую тактику.

Высадка англо-французских воздушных десантов в Порт-Саиде и Порт-Фуаде началась в 7 часов 5 ноября под прикрытием авиации, вооруженной ракетами и бомбами. Десантирование на парашютах проходило с низкой высоты — 210 м.

Понеся небольшие потери, английские войска заняли исходное положение для атаки на внешние кварталы Порт-Саида. Здесь египтяне, в том числе жители города, оказали упорное сопротивление, пустив в ход самоходные установки, зенитную артиллерию и пулеметы. Английские войска продвигались очень медленно, и только на следующий день при помощи танков им удалось захватить город.

Французы смогли оккупировать Порт-Фуад лишь после того, как авиация подавила огонь зенитной артиллерии египтян.

В ночь с 5 на 6 ноября на захваченных плацдармах началась высадка морского десанта, поддержанного прибывшими с Мальты и Тулона 130 кораблями морских сил. Боевое ядро флота состояло из нескольких линейных кораблей и пяти авианосцев, в том числе двух вертолетоносцев. В операции участвовали 3-я военно-морская бригада английских «командос», части 6-й английской бронетанковой, 3-й английской пехотной и 7-й французской моторизованной дивизий [588, стр. 175]. Высадка осуществлялась двумя эшелонами — на десантных амфибийных судах и на вертолетах. Всего высадилось 13,5 тыс. англичан и 8,5 тыс. французов [357, 13.IX.1957]. Одновременно продолжалось продвижение англо-французских войск на юг вдоль канала.

Имея большое преимущество в живой силе, вооружении, технике и боевой подготовке войск, интервенты готовились к наступлению на Каир.

В этот момент холодным душем для агрессоров стало решительное предупреждение Советского Союза. Советская нота от 5 ноября 1956 г., направленная правительствам Англии, Франции и Израиля, привела в чувство зарвавшихся интервентов. Один из вдохновителей агрессии — США были вынуждены срочно отмежеваться от Англии, Франции, Израиля. 7 ноября 1956 г. агрессорам пришлось прекратить военные действия.

* * *

Национально-освободительное движение в Африке в первые послевоенные годы развивалось преимущественно по вооруженному пути. Переход к вооруженной борьбе за независимость

на Мадагаскаре, в Кении, Камеруне, Алжире, Марокко, Тунисе и других странах был обусловлен отказом империалистических держав пойти на какие-либо уступки освободительному движению.

Формы вооруженной борьбы носили разнообразный характер — от полустихийного крестьянского восстания на Мадагаскаре до национально-освободительных войн в Алжире и Египте. Премущественной формой военных действий была партизанская борьба. Основными участниками ее были главным образом крестьяне. Своеобразной формой использования вооруженного насилия в антиимпериалистической революции явился военный переворот, с помощью которого в Египте был ликвидирован монархический режим, подточенный предшествующей борьбой революционных масс.

Тактика партизанской борьбы против колонизаторов получила в эти годы значительное развитие. Многие африканские повстанцы приобрели навыки в организации и обороне опорных баз, особенно в горно-лесистой местности, в создании эффективно взаимодействующих военных и политических структур как в освобожденных районах, так и на территории, оккупированной противником. До степени мастерства была доведена тактика ведения боевых операций путем последовательного сосредоточения и рассредоточения подразделений. Партизанские действия в Алжире и в зоне Суэцкого канала показали эффективность использования партизанами группового стрелкового оружия, минометов, зенитно-пулеметных установок.

В то же время выявились такие уязвимые стороны партизанской войны в новых условиях, как сложность борьбы с авиацией и особенно с вертолетами противника. Ведение эффективной вооруженной борьбы зависело от возможности партизанских отрядов и подразделений освободительных армий получать оружие из-за границы, иметь опорные базы и надежную связь с ними на сопредельных территориях.

Применение колониальных вооруженных сил империалистических держав для подавления вооруженной борьбы африканских народов отличалось массированностью, использованием всех родов войск, современной авиации, артиллерии, боевых машин, инженерной техники и других военно-технических средств. Большое место в военных действиях империалистических армий заняло проведение крупномасштабных комбинированных карательных-поисковых операций.

В ходе борьбы выявился кризис системы военно-колониального господства империализма в Африке, стратегии и тактики, применяемой регулярной армией в борьбе с повстанцами. Колониальная война в Алжире завела правящие круги Франции в финансово-экономический и военно-политический тупик. Потеря Великобританией опорных баз в зоне Суэцкого канала и в Кении поставила под угрозу всю систему «обороны» британ-

ской империи. Все это привело, с одной стороны, к пересмотру военно-колониальной стратегии империализма, к дальнейшей разработке и активному применению против африканцев тактики противопартизанской войны, а, с другой — заставило основные колониальные державы срочно пересмотреть свою политику в Африке.

В последние годы рассматриваемого периода произошло событие, резко изменившее соотношение сил в противоборстве между национально-освободительным движением и военно-колониальной машиной империализма. Провал англо-франко-израильской агрессии против Египта осенью 1956 г. показал, что освободительные силы Африканского континента обладают мощной поддержкой со стороны Советского Союза в своей борьбе против экспорта контрреволюции. Последовавшая вслед за этим победа народов Алжира в ожесточенной семилетней борьбе против французских колонизаторов также свидетельствовала об изменившемся соотношении сил на международной арене в пользу социализма и прогресса, раскрывшем новые возможности для антиимпериалистической борьбы. Так начался новый период в развитии освободительной борьбы народов Африки — период бурного распада колониальной системы на континенте.

**БОРЬБА АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ
ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ
И ЛИКВИДАЦИЮ ОСТАТКОВ КОЛОНИАЛИЗМА
(1961—1970 гг.)**

**§ 1. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АФРИКЕ
И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ**

60-е годы стали переломным рубежом в национально-освободительном движении Африки. «Наличие мировой системы социализма и ослабление позиций империализма открыли новые возможности завоевания независимости» [104, стр. 64].

Во французской колониальной империи в марте 1956 г. завоевали независимость Тунис и Марокко. В Тропической Африке первой обрела независимость Гвинея, провозглашенная свободным государством 2 октября 1958 г. В 1960 г. французское правительство было вынуждено предоставить независимость остальным 12 колониям, в том числе Камеруну, где продолжалась вооруженная борьба. Французский империализм сумел добиться важных преимуществ в бывших колониях, навязать подавляющему большинству этих стран неравноправные соглашения политического, экономического и военного характера.

Несколько дольше шел распад британской колониальной империи. В Западной Африке Гана стала независимой в 1957 г., Нигерия — в 1960 г., Сьерра-Леоне — в 1961 г., Гамбия — в 1965 г. В Восточной Африке, где после войны в Кении (1952—1956 гг.) английские колонизаторы были вынуждены отказаться от планов создания расистской федерации, Танганьика добилась независимости в 1961 г., Уганда — в 1962 г., Кения и Занзибар — в 1963 г. С весны 1959 г. борьба африканского населения в Северной Родезии, Ньясаленде и Южной Родезии приняла форму национальных восстаний. В результате в декабре 1963 г. распалась Федерация Родезии и Ньясаленда и образовались независимые африканские государства Замбия и Малави (1964 г.). Завоевание политической независимости английскими протекторатами на юге Африки произошло позже: Ботсваной и Лесото — в 1966 г., Свазилендом — в 1968 г.

Все эти страны остались в составе Британского содружества, что позволило английскому империализму сохранить в своих руках экономические, политические и военные связи с бывшими колониями.

Результатом мощного национально-освободительного движения, которое достигло наивысшего подъема в 1959 г., было предоставление Бельгией летом следующего года независимости Конго. В 1962 г. Совет Безопасности постановил ликвидировать бельгийскую опеку над Руанда-Урунди. В результате возникли два независимых государства — Руанда и Бурунди.

В декабре 1951 г. была провозглашена независимость Ливии, а в 1960 г. в независимой Сомалийской Республике объединились бывшее британское и бывшее итальянское Сомали. Значительно сократились размеры испанской колониальной империи. В 1956 г. освободилось испанское Марокко (за исключением Сеуты и Мелильи); в 1968 г. Испания согласилась на предоставление независимости Экваториальной Гвинее, в 1969 г. она передала Марокко территорию Ифни.

«Колониальные державы не даруют свободы народам колоний и добровольно не покидают эксплуатируемые ими страны» [104, стр. 64]. Основная причина того, что большинство стран Африки добились политической независимости мирными средствами, заключалась в изменении соотношения сил на мировой арене в пользу социализма. Именно это сократило возможности для маневров колониальных держав, заставило их отступить. Развитие национально-освободительного движения, как писал в те годы американский ученый В. Маккей, шло под знаком «растущего влияния Советского Союза на Африку и другие страны» [711, стр. 425]. Кроме того, империалисты были напуганы размахом национально-освободительных движений, остротой противоречий в Конго, Кении, Уганде, Северной Родезии и Ньясаленде. Сетуя на «досрочное» предоставление независимости английским колониям, бригадный генерал Р. Пембертон был вынужден признать, что «дальнейшая отсрочка означала бы восстание» [343, 1964, № 3, стр. 222].

В Южной Африке сложился колониализм особого типа, при котором «угнетающая белая нация оккупировала территорию, проживая бок о бок с угнетенным народом» [207, стр. 6]. 31 мая 1961 г. на основе референдума среди «белого» населения правительство ЮАС объявило страну Южно-Африканской Республикой, основой внутренней жизни которой стала расистская доктрина апартхейда — раздельного существования рас. При молчаливом покровительстве английских правящих кругов 11 ноября 1965 г. расистское правительство Яна Смита провозгласило «независимость» Южной Родезии. За последние годы вполне явственно вырисовывалась картина, подмеченная еще в начале 60-х годов французским историком Ж. Зиглером, — превращение

Южно-Африканской Республики в государство «малого», или «локального», империализма [805].

Нежелание правящих кругов Португалии и расистских правительств ЮАР и Южной Родезии удовлетворить требования африканцев о предоставлении политической независимости, дальнейшее усиление колониального гнета привели в начале 60-х годов к нарастанию революционной ситуации на юге Африки. В 1961 г. в Анголе, в 1964 г. в Мозамбике, в 1963 г. в Португальской Гвинее начались вооруженные восстания. В 1962 г. объявили о переходе к вооруженным методам борьбы против расистского строя Южно-Африканская коммунистическая партия и Африканский национальный конгресс ЮАР. В 1967 г. на территории Южной Родезии и Юго-Западной Африки начались совместные боевые действия национальных организаций Зимбабве, ЮАР и Намибии против расистских режимов. Как указывал в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве председатель Южно-Африканской компартии Джон Маркс, «война за освобождение Южной Африки уже началась и разворачивается все шире» [100, стр. 855].

Оказавшись не в силах предотвратить переход к политической независимости большинства африканских стран, правящие круги метрополий попытались, отступая, сохранить там интересы финансового капитала и свои военно-стратегические позиции. «Стратегия, — писал английский прогрессивный журнал „Уорлд Ньюз“, имея в виду британскую колониальную политику, — заключается сейчас в том, чтобы уступить под давлением национально-освободительного движения как можно меньше, но уступить там, где это необходимо, стараясь удержать позиции, благоприятные для интересов большого бизнеса» [368, I.IV.1961, стр. 174].

Империализм пытался задержать углубление национально-освободительных движений, не допустить экономического освобождения африканских стран, предотвратить их переход на путь некапиталистического развития, найти в бывших колониях социальную опору в лице реакционных сил: феодалов, крупной национальной и бюрократической буржуазии, проимпериалистической интеллигенции, реакционного офицерства. «Успешное сотрудничество с национализмом, — писал Э. Коуэн, бывший губернатор Уганды, — является нашим сильнейшим оплотом против коммунизма» [583, стр. 51].

Для достижения поставленных целей империалисты использовали наряду с колониальными войнами такие средства, как военные блоки, заговоры, террор, подрывную деятельность, экономическое давление, подкуп. В век научно-технической революции и коренных изменений в военном деле значительно усилилось внимание, которое всегда уделяла Африке империалистическая военщина.

Африка продолжала оставаться поставщиком стратегического минерального сырья. С освоением сахарских и нигерийских месторождений она превратилась в крупного экспортера нефти: 106 млн. т было добыто в 1965 г., а в ближайшие годы ожидалось увеличение нефтедобычи до 150—200 млн. т [499, стр. 11].

Распад колониальных империй крупнейших капиталистических держав в Африке, появление на ее карте молодых независимых государств и связанный с этим вывод иностранных войск вызвали серьезные изменения в целях и формах военно-колониальной политики и стратегии бывших метрополий.

Суэцкий разгром убедил правящие круги Великобритании в невозможности сохранить на Ближнем Востоке и в Африке военно-политическую систему, которая полностью оставалась бы под господством Лондона. Английское правительство было вынуждено отказаться от постоянного присутствия британских вооруженных сил на заморских территориях и перейти к так называемой стратегии «мобильной обороны». Английские войска были сконцентрированы на комплексных военных базах в метрополии и ключевых точках бывшей колониальной империи.

Правящие круги Великобритании рассчитывали развивать и совершенствовать стратегию «мобильной обороны» и после того, как большинство стран придет к независимости. В качестве дополнительных рычагов воздействия на их внешнюю и внутреннюю политику предполагалось использовать традиционные связи между странами Содружества, военную «помощь» и другие средства военно-политического давления. Однако в середине 60-х годов дали себя знать глубокие структурные изменения в экономике и финансах Великобритании, а также ухудшение ее международного положения. Стало ясно, что Великобритания не способна сохранять ту военную структуру, на которой держались ее отношения со многими африканскими странами. Содержание гарнизонов и баз легло на платежный баланс таким тяжелым бременем, с которым Великобритания справиться уже не могла.

В этих условиях лейбористское, а затем и консервативное правительство были вынуждены провозгласить отказ от политики «к востоку от Суэца». Усилилась тенденция к установлению более тесного альянса с белыми колониальными режимами «локальных империализмов», прежде всего с ЮАР. Следует, однако, отметить, что провозглашение отказа от ряда военных баз «к востоку от Суэца», в том числе и в Африке, весьма далеко от практического выполнения. В несколько завуалированной форме стратегия «мобильной обороны» существует и по сей день. Не ликвидирован и ряд военных договоров Англии с африканскими странами. Английское правительство взяло также курс на тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, считая, что любая важная британская политическая или военная операция

неоколониалистского характера может оказаться успешной лишь в том случае, если будет одобрена и поддержана Вашингтоном.

Аналогичный процесс перехода к неоколониальным формам претерпела и военно-политическая стратегия другой крупнейшей колониальной державы — Франции.

В 1963—1965 гг. французское правительство провело реорганизацию своих вооруженных сил в Африке. Эта реорганизация проходила под лозунгом «свертывания», а на самом деле в целях приспособления к новой стратегии «прикрытия на расстоянии».

Известную роль в принятии этого решения также сыграли финансовые соображения, однако решающим обстоятельством была необходимость привести формы французской военно-колониальной политики и стратегии в соответствие с задачами неоколониализма и «предупреждения» радикальных изменений в социальном строе и политике независимых государств, возникших на месте бывших колоний. Это было важной целью так называемой непрямой стратегии, положенной в основу французской официальной военной доктрины. Система военно-политических связей Франции с африканскими государствами опиралась (в отличие от английской системы) не на традиционные узы, а на двусторонние и многосторонние военные договоры.

60-е годы были характерны также тем, что в соответствии с американской стратегией «гибкого реагирования» государства Африки были отнесены к категории стран, якобы избранных коммунистами «в качестве целей для косвенной агрессии», т. е. находящихся в той или иной стадии революционного подъема. Распространение на Африканский континент стратегии «гибкого реагирования» значительно повысило роль военного фактора во взаимоотношениях США со странами Африки, способствовало усилению американского вмешательства во внутренние дела этих стран. Она призывала к «превентивному» наращиванию местных вооруженных сил, к организационному взаимодействию последних с вооруженными силами США в целях борьбы против революционного и национально-освободительного движения. Выискивались пути для непосредственной интервенции американских войск в страны Африки под флагом «поддержки или восстановления стабильности» [251, 1965, ноябрь, стр. 40].

В соответствии с новой военно-политической стратегией генеральные штабы империалистических держав модернизировали старую военно-колониальную машину, приспособили ее к условиям неоколониализма.

Летом 1960 г., когда распалось Французское Сообщество, правительство Франции предприняло срочные меры, чтобы сохранить военные позиции в новых африканских государствах. Двусторонние договоры и групповые соглашения были подписаны Францией почти со всеми государствами бывшей Французской Западной и Экваториальной Африки, Мадагаскара. Эти

договоры предусматривали использование французских войск для поддержания «внутреннего порядка» [362, 1964, № 10, стр. 39]. Французские офицеры и унтер-офицеры остались в национальных армиях на постах командиров или инструкторов [289, 17.III. 1961]. Численность армий с 1963 по 1964 г. увеличилась с 20 тыс. до 40 тыс. [259, 1961, № 1, стр. 9]. Они были полностью обеспечены вооружением из французских arsenалов. Созданный Совет обороны Афро-Малагасийского союза под руководством французских военных советников занимался координацией боевой подготовки национальных армий, стандартизацией вооружения и т. п. [231, 1964, февраль, стр. 21]. В странах Африки находились 18 французских военных миссий [259, 1969, №№ 1—2, стр. 9]. Военная помощь Франции африканским странам в 1969 г. достигла 138,1 млн. фр. [231, 1969, № 3, стр. 25]. Для подготовки африканских кадров во французских военных училищах и академиях выделялось 2,6 тыс. мест, или 20—35% их общего количества [231, 1969, № 6, стр. 23; № 2, стр. 25]. Неоднократно проводились совместные учения французских и африканских войск по отработке боевых действий против «подрывных» акций, поддерживаемых «нападением» извне. В учениях «Аллигатор III», проходивших в Республике Берег Слоновой Кости в сентябре 1967 г., участвовали до 10 тыс. человек всех родов войск [259, 1968, № 1, стр. 32].

В результате провозглашения независимости Ганы, Нигерии и Сьерра-Леоне распалось одно из старейших соединений английских колониальных войск — Западноафриканские пограничные силы [230, 1956, № 1, стр. 24—25]. По настоянию правительства Ганы был ликвидирован специальный комитет военных советников, занимавшийся координацией военной политики в английских западноафриканских колониях [297, 1960, № 8, стр. 379]. Тем не менее в созданных национальных армиях сохранялось английское влияние. «Несмотря на болтовню мировой прессы, — писал издающийся в Лондоне журнал „Уэст Африка“, — вооруженные силы Западной Африки, входящие в Содружество наций... все еще чувствуют особые узы, связывающие их с Великобританией» [367, 17.X. 1964].

В Восточной и Центральной Африке, где независимость пришлось предоставлять «вне графика», национальные армии создавались ускоренными темпами, путем простой смены вывески. В этих странах командующими и офицерами на первых порах оставались англичане, которые продолжали службу по контракту. Двусторонние соглашения, заключенные как условие предоставления независимости Кении, Сьерра-Леоне, Замбии и другим странам, предусматривали оказание военной «помощи» бывшей метрополией, «безвозмездное» обучение африканских армий. Некоторые договоры, например договор с Кенией, содержали статью о проведении совместных маневров и учений на территории африканских стран [275, 11.VI. 1964].

В Конго (Леопольдвиль) превращение «форс публик» в армию независимого национального государства сопровождалось лишь сменой названия на Конголезскую национальную армию (КНА). Из структурных изменений в КНА можно отметить только увеличение бригадных групп с трех до четырех. После событий 1960 г. и гибели П. Лумумбы значительная часть армии превратилась в послушное орудие империалистов и на протяжении ряда лет использовалась для подавления национально-освободительного движения. Численность армии выросла до 40 тыс. человек [339, 1965, № 2, стр. 203]. В предпринятых с этой целью реорганизации и переучивании конголезской армии участвовали: Бельгия, США, Италия и Израиль. 320 технических специалистов-бельгийцев вернулись в Конго продолжать службу [там же, стр. 205]. Центром обучения стала военная база в Китоне, где каждые десять месяцев подготавливались два пехотных батальона [164, стр. 534—535]. Впоследствии в обучении и снабжении армии приняла участие Англия [165, стр. 248].

По условиям соглашения о предоставлении независимости Конго Бельгия длительное время сохраняла за собой право держать здесь два парашютно-диверсионных батальона, несколько эскадрилий боевых и транспортных самолетов (всего 75 самолетов и 2 вертолета). Эти войска, подчиненные специальному командованию вооруженными силами метрополии в Африке, дислоцировались на военных базах в Камине и Китоне. Кроме того, бельгийское командование удержало за собой право использовать военно-морскую базу в Банана [587, стр. 15—16]¹.

Создание национальных армий сопровождалось включением африканских стран (подчас без их согласия) в систему так называемой «стратегии прикрытия», точнее, военного контроля западных держав над странами Африки.

Во Франции выполнение этой задачи было возложено на специальную 11-ю дивизию вторжения, которая дислоцировалась в По, Тулузе, Лориане, Шербуре и Бресте². В ее состав входили отдельные парашютные и воздушнодесантные бригады, артиллерийские, инженерные и бронетанковые части. Переброску дивизии в Африку осуществляли 200 боевых и транспортных самолетов и военно-морская амфибийная группа вторжения [333, 27. II. 1963; 231, 1968, № 6, стр. 23]. По заявлению официальных фран-

¹ Бельгийские войска были окончательно выведены из Конго (Киншаса) по требованию конголезского правительства в 1967 г.

² В 1971 г. проведена реорганизация этой дивизии [250, 1971, № 2, стр. 66]. Кроме того, в состав этой дивизии «прикрытия» вошла еще одна воздушнодесантная бригада. К 1971 г. численность французских войск в Африке распределялась так. В колониальном владении — Французском Сомали дислоцировались два батальона, на территориях африканских государств — свыше 6 тыс. солдат и офицеров, в том числе: в Чаде — 1,3 тыс., в Габоне — 200, в Береге Слоновой Кости — 600, в Малагасийской Республике — 2,5 тыс., в Сенегале — 2 тыс., в Нигере — батальон мотопехоты [194, 1971—1972, стр. 18, 64].

цузских кругов, эта дивизия была в состоянии немедленно доставить полк парашютистов в любую точку Африканского континента или о-ва Мадагаскар [259, 1969, № 1, стр. 9]. Она использовала военные базы в Дакаре, Форт-Лами, Дизго-Суаресе, Порт-Буато и некоторых других пунктах, где располагались небольшие подразделения французских войск общей численностью 6600 человек [231, 1968, № 6, стр. 24, 41; 307, 1967, № 3, стр. 22]. Кроме того, крупный французский гарнизон — 3,7 тыс. человек — оставался в Джибути (Французское Сомали).

Французское командование разработало следующую «очередность» ввода в действие отдельных элементов военно-колониальной машины. В том случае, если национальные армии африканских стран не справляются с создавшимся в стране положением или с «агрессией», на помощь им приходят французские мобильные силы, дислоцированные на африканских базах. Если же и этих сил не хватает, то в страну прибывают (непосредственно или через промежуточные базы) части 11-й дивизии — резерва метрополии.

Система воздушного «прикрытия» использовалась для подавления военного переворота в Габоне (1963 г.), для ведения войны в Республике Чад (1968—1971 гг.).

Военно-колониальная стратегия Великобритании предусматривала мобильное использование центрального стратегического резерва (в составе трех отдельных пехотных и одной парашютной бригады), дислоцированного в Англии, на всем протяжении «оси» Британской империи — от Англии до Дальнего Востока [177; 178]. Переброска войск в «очаги беспокойства» должна была осуществляться транспортной авиацией. Военное министерство Англии считало, что «любая локальная операция должна быть закончена быстро, предпочтительно в пределах 48 часов» [266, 1. II. 1960].

После ухода англичан из зоны Суэцкого канала выросла роль кенийского плацдарма, где был дислоцирован так называемый местный стратегический резерв английских войск в составе 24-й пехотной бригады и трех авиаэскадрилий [223, 1961, № 10, стр. 71]. За семь лет своего существования база в Кении использовалась для подавления освободительного движения в Ливане, Иордании, Кувейте, на Бахрейнских островах, в Омане, Йемене, Конго (Леопольдвиль), Ньясаленде, Южной Родезии, Уганде, Занзибаре, Свазиленде. Английские базы в Ливии — Эль-Адем, Триполи, Бенгази — служили местом дислокации пехотной бригады, танкового полка и частей ВВС местного стратегического резерва Ближнего Востока [357, 22. VIII. 1966; 347, 1958, № 1, стр. 18—19; 1961, № 6, стр. 10]. По Саймонстаунскому соглашению 1955 г. Англия имела право использовать военноморскую базу Саймонстаун (ЮАР), а также пользоваться правом перелета и посадок на аэродромах ЮАР и Родезии [297, 1963, № 2, стр. 14—15; 211, 3. II. 1967, стр. 247].

Стратегию «мобильной обороны» пришлось перестраивать после ликвидации военных баз в Кении (1964 г.), Адене (1967 г.)³ и Ливии (1969 г.), после решения ряда государств запретить английским самолетам летать над их территорией. Был разработан новый вариант — «островная стратегия». Базовую основу воздушной трассы последней составляла цепь принадлежащих англичанам островов в Атлантическом и Индийском океанах [266, I.X. 1962], охватывающая по периметру всю Африку (см. карту 3 в прил.). Новым в этой стратегии явилось повышение роли флота путем создания в Индийском океане амфибийной боевой группы, включающей авианосцы, вертолетоносцы и десантные суда с десантом морской пехоты [357, 21.II. 1962]. Сохраняющийся в Англии стратегический резерв продолжает оставаться в «боевой готовности», а с островных баз англичане уходить не собираются [297, 1968, № 11, стр. 286]⁴.

После завоевания африканскими странами независимости усилилось проникновение в Африку Соединенных Штатов Америки. Американский империализм занял важное место в империалистической «стратегии прикрытия». Африканский континент давно был включен Пентагоном в сферу действия 6-го оперативного флота США в Средиземном море⁵, а с декабря 1963 г. — вместе с Ближним Востоком — в район действия ударного стратегического командования США. В состав стратегического резерва этого командования (по состоянию на июль 1968 г.) входили две дивизии, три бригады и два полка [193, 1967—1969, стр. 29]. Его боеготовым соединением являлась 82-я воздушно-десантная дивизия, с которой взаимодействовали 3-я и 6-я группы «специальных сил», ведущие подготовку для операций в Африке [505, стр. 122; 225, 18.XII.1968]. Ударное командование связано с 17 американскими военными миссиями и группами по

³ В Аден переместилась база местного стратегического резерва для Африки и Ближнего Востока после вывода английских войск из Кении.

⁴ К июлю 1971 г. центральный стратегический резерв Великобритании состоял из одной дивизии, куда входят три воздушнодесантные бригады, два парашютнодесантных батальона и полк ВВС специального назначения [194, 1971—1972, стр. 15]. Полк ВВС специального назначения представляет собой крупное формирование «рейнджеров», обученных для действий в странах Африки и Азии. Действия стратегического резерва обеспечивались четырьмя эскадрильями стратегической транспортной авиации, дислоцированными непосредственно в Англии, и восемью эскадрильями тактической транспортной авиации, дислоцированными вместе с тактической авиацией и вертолетами на островах Кипр, Мальта, Бахрейнские, Сингапур [там же, стр. 16].

⁵ 6-й флот, как и 7-й, относится к так называемым оперативным флотам США. Они развернуты на основных планируемых театрах военных действий еще в мирное время и постоянно поддерживаются в состоянии боевой готовности. Одна из важнейших его задач — борьба с национально-освободительным движением. В состав флота в 1970 г. входили 2 ударных авианосца, 2 крейсера с управляемыми ракетами, 16 эскадренных миноносцев, 5 десантных кораблей, тральщики, вспомогательные суда. На авианосцах базировались 175 самолетов, на десантных кораблях — батальон морской пехоты (1600 человек личного состава) [222, 24.IX. 1970].

оказанию военной «помощи» африканским государствам. В случае необходимости военные миссии могли быть использованы в качестве первоначальной основы для развертывания органов управления интервенционистскими мобильными силами [222, 14.III. 1963] ⁶.

Командующий этими войсками отвечал за осуществление американской военной «помощи» странам Африки, общая сумма которой только за один год — с 1965 по 1966 г. — выросла с 25 млн. до 138 млн. долл. В США проходили подготовку военнослужащие из 12 африканских стран [214, 1966, № 5, стр. 12]. В Вашингтоне была открыта единственная в своем роде международная полицейская академия, ежегодный выпуск которой составляет 3 тыс. человек. Ее слушатели — главным образом представители стран Азии, Африки и Латинской Америки. Двусторонними соглашениями с Ливией, Либерией, Эфиопией и другими африканскими странами, а также с Португалией США обеспечили себе военно-воздушные и военно-морские базы в Африке.

За последнее время империализм уделяет большое внимание использованию в качестве авангарда агрессии против национально-освободительного движения «малого», или «локального», империализма. Наибольшую опасность для африканских стран представляют государство Израиль и южноафриканский блок колонизаторов во главе с Южно-Африканской Республикой.

С помощью империалистических держав, главным образом США, ФРГ и Англии, в Израиле к июню 1967 г. были перевооружены и доведены до высокой степени боевой готовности регулярные вооруженные силы (Захал), которые за двое-трое суток могли быть развернуты с 71 тыс. до 275 тыс. человек. На вооружении сухопутных войск Израиля имелось около 1 тыс. танков, в составе ВВС — около 450 современных боевых самолетов и вертолетов. Флот Израиля включал 4 подводные лодки, 4 эсминца и фрегата, 2 десантных судна и 16 других военных кораблей [193, 1967—1968, стр. 39]. Интересам войны была подчинена вся экономика страны; личный состав армии и все население воспитывались в духе ненависти к арабским народам. Захал возглавлял единый штаб. Три региональных командования — Север, Центр и Юг — были развернуты соответственно против Сирии, Иордании и ОАР. По границам тянулась линия региональной обороны, которую образует сеть кибуцев (военно-сельскохозяйственных поселений). Полувоенные организации Гадна и Захал осуществляли военное обучение молодежи начиная с 14 лет.

⁶ К июлю 1971 г. стратегический резерв, располагающийся в континентальной части США, состоял из четырех пехотных и бронетанковых дивизий, двух дивизий морской пехоты и двух отдельных бригад. В командование переброски войск по воздуху ВВС входили 18 эскадрилий тяжелой транспортной авиации с 320 самолетами [194, 1971—1972, стр. 4—5].

Военная доктрина Израиля — «молниеносная война». Ее агрессивный характер подтверждается преобладанием в составе Захал авиации, моторизованной пехоты, парашютнодесантных и бронетанковых войск. Уставы израильской армии предполагали ведение боевых действий на территории противника, максимальную мобильность [471, стр. 79—81].

Расходы на вооружение Израиля непрерывно росли. Если в среднем за 1949—1968 гг. военный бюджет этого государства ежегодно увеличивался на 17,2%, то в 1966—1967 гг., накануне агрессивной войны против арабских государств, этот прирост составил 60,8%, а общая сумма военного бюджета — 447 млн. долл. [209, стр. 61; 193, 1966—1967, стр. 37] ⁷.

Основой военной машины южноафриканского блока являлись вооруженные силы ЮАР. За предыдущее десятилетие они выросли почти вдвое. Общая численность регулярных, территориальных войск, полувоенных формирований и полиции к 1967 г. достигла 225 тыс. человек, 1000 самолетов [133, стр. 1—2; 257, 16.III. 1967; 345, 1968, № 2, стр. 10]. Армия ЮАР — это прежде всего полицейская сила, острие которой направлено внутрь страны. Через территориальные «гражданские силы», отряды «командос» и полицейский резерв в «силы безопасности» вовлечено все мужское население европейского происхождения, способное носить оружие. Созданная в 1964 г. система «гражданской обороны» обеспечивала мобилизацию всех граждан европейского происхождения от 17 до 65 лет во время чрезвычайного положения, расширение мобильных отрядов «командос», создание авиационных «командос» [272, 12.V. 1961; 349. 13.II. 1964]. В ЮАР создана механизированная армия вторжения с сильной авиационной поддержкой и с выдвинутыми к северной границе военно-воздушными базами. За последние годы построены ряд стратегических баз ВВС в северных военных округах, ракетная база в Зулуленде, налажено производство собственного вооружения, включая самолеты, бронетранспортеры, пулеметы, электронное оборудование [209, стр. 70].

⁷ К июлю 1972 г. регулярные вооруженные силы Израиля насчитывали 77 тыс. человек (могут быть развернуты до 300 тыс.), 1700 тяжелых и средних танков, несколько сотен самоходных установок, свыше 1 тыс. бронетранспортеров. Сухопутные войска сведены в четыре бронетанковых, пять механизированных, пять пехотных, три артиллерийские и одну парашютнодесантную бригаду. Количество боевых самолетов первой линии увеличилось до 432 [193, 1972—1973, стр. 31]. На захваченных во время агрессии 1967 г. территориях — вдоль восточного берега Суэцкого канала, по западному берегу р. Иордан и на Голанских высотах — созданы укрепленные районы и полосы обороны. Сосредоточенные в этих районах израильские войска находились в боевой готовности и постоянно совершали агрессивные нападения, особенно на территории Ливана и Сирии.

Военный бюджет Израиля с 1966—1967 по 1971—1972 гг. вырос более чем в 3 раза, достигнув астрономической цифры — 1483 700 тыс. долл. [ср. 194, 1967—1968, стр. 37, и 194, 1971—1972, стр. 29].

Военный бюджет ЮАР непрерывно увеличивался. Его средний годовой прирост составлял 10,4%. В 1968 г. на содержание и развитие аппарата военно-колониального господства белого меньшинства в ЮАР было израсходовано 353,3 млн. долл. [209, стр. 68] ⁸.

Великобритания поддерживала с ЮАР тесные военные связи. В их основе лежит Саймонстаунское соглашение 1955 г. (пересмотренное в 1967 г.), по которому правительства обеих стран согласились осуществлять совместные меры в целях обеспечения региональной обороны от «внешней агрессии» и защиты морского пути вокруг мыса Доброй Надежды. В соответствии с договоренностью, достигнутой в апреле 1967 г., на командующего южноафриканским ВМФ была возложена ответственность за весь район Южной Африки в военное время. До середины 60-х годов Великобритания была главным поставщиком вооружения в ЮАР. Эта помощь не прекращалась и во время существования эмбарго ООН на ввоз оружия в ЮАР. К концу 1966 г. ЮАР было поставлено 20 военно-морских судов, самолеты береговой авиации. Военная промышленность ЮАР была в значительной части создана и модернизирована с помощью английского капитала. Под влиянием такого фактора, как повышение значения морского пути вокруг мыса Доброй Надежды, укрепление военного содружества продолжается [699, стр. 281—284].

В тесном оперативно-стратегическом контакте с армией ЮАР находятся армия Южной Родезии и португальские вооруженные силы в Анголе и Мозамбике. Родезийская армия состоит из двух пехотных бригад и военно-воздушных сил. Их численность — 10,7 тыс. человек (28,5 тыс. находятся в резерве). Полиция вооружена штатным пехотным оружием и транспортными средствами [228, 1966, № 27, стр. 16—17] ⁹. ВВС состоят из пяти авиационных и одной вертолетной эскадрильи. В отличие от ЮАР африканцы и население смешанного происхождения в армию привлекаются, но в крайне ограниченном количестве.

В 1962 г. португальские вооруженные силы насчитывали 80 тыс. человек, из которых половина находилась в Анголе и Мозамбике. Две дивизии, входящие в НАТО, были значитель-

⁸ Ввиду ограниченных людских ресурсов «белого» населения общая численность вооруженных сил ЮАР растет относительно медленно. Основное внимание правящей верхушки расистского государства обращено на доведение до высокой степени боевой подготовки и готовности территориальных войск и полувоенных формирований. Общая численность военных и военнизированных частей достигла в 1971 г. (без учета полиции и полицейского резерва) 150 тыс. человек. На вооружении сухопутных войск имеются 240 танков, 200 броневедомостей, 550 бронетранспортеров. Военный бюджет ЮАР достиг в 1971/72 г. 442,4 млн. долл. [194, 1971—1972, стр. 38].

⁹ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при «разделе» вооруженных сил Федерации Родезии и Ньясаленда в связи с ее ликвидацией все военно-воздушные силы и противопартизанские подразделения специальной службы ВВС были переданы Южной Родезии, несмотря на протесты Замбии и других членов Содружества, например Ганы.

но меньше штатной численности. ВВС насчитывали до 350 самолетов, флот — 3 подводные лодки, 16 эсминцев и фрегатов, 46 других судов. К 1968 г. численность португальской армии увеличилась до 182,5 тыс. человек, из которых 115 тыс. (до 25 полков) находились в Африке, в том числе в Анголе свыше 55 тыс., в Мозамбике — 40 тыс. и 20 тыс. — в Гвинее — Бисау [193, 1968—1969, стр. 27]. За исключением самолетов противолодочной обороны, все ВВС, включая 3 тыс. парашютистов, также задействованы в колониальной войне. Для несения службы в НАТО осталась лишь одна дивизия, да и та укомплектована лишь наполовину. Армия, подвергшаяся реорганизации, была перевооружена штатным оружием НАТО, обучена методам противопартизанской войны по опыту войны во Вьетнаме. По соглашению с США Португалия получила значительную военную помощь, которая оказывается ей в нарушение решения Совета Безопасности 1963 г. Тогда Великобритания, ФРГ и США официально отказались предоставлять Португалии оружие для использования в Африке. С 1963 по 1970 г. американские инструкторы обучили 2759 португальских военнослужащих [307, 1964, август, стр. 84, 85, 89; 231, 1970, № 5, стр. 16—17]. За эти же годы в войсках резко снизился процент африканцев-«ассимилядос». Им на смену пришли территориальные формирования, укомплектованные поселенцами. Крупные колониальные компании создают собственные воинские части с авиацией¹⁰.

Все эти вооруженные силы, связанные между собой секретным военным соглашением [529, стр. 58], на протяжении ряда лет используются для подавления вооруженной борьбы африканского населения Южной Африки. Вместе с тем постоянно нарастает военная угроза странам Центральной Африки.

В испанских колониях в Африке находилось в 1968 г. до 32 тыс. солдат и офицеров. Они представляли здесь три дивизии, штабы которых дислоцировались в метрополии. Кроме того, 7 тыс. войск составляли гарнизон Канарских островов [193, 1968—1969, стр. 39]¹¹.

Таким образом, империализм являлся серьезным и опасным противником национально-освободительных движений в Африке. Формы и методы его контрреволюционной деятель-

¹⁰ К июлю 1971 г. из 218-тысячной португальской армии около 130 тыс. находились в Африке (около 60 тыс. — в Анголе, 45 тыс. — в Мозамбике и 25 тыс. — в Гвинее — Бисау). Военный бюджет Португалии вырос в 1971/72 г. до 398,1 млн. долл. [194, 1971—1972, стр. 21].

¹¹ К июлю 1971 г. Испания продолжала содержать в своих африканских колониях крупные вооруженные силы, куда входят механизированные части и подразделения «командос» испанского иностранного легиона, боевые части и подразделения поддержки трех дивизий. В Сеуте их численность достигает 8 тыс., в том числе один полк иностранного легиона; в Мелилье — 9 тыс., также включая полк иностранного легиона; в Испанской Сахаре — 10 тыс., включая два полка иностранного легиона [194, 1971—1972, стр. 24].

ности становились все более изощренными, разрабатывались и использовались применительно к совершенно конкретной обстановке.

Одним из проявлений агрессивности империализма было складывание системы военно-колониального «прикрытия» Африканского континента, призванной любыми средствами, вплоть до открытой агрессии, предотвратить нежелательные для империализма и реакционных кругов ряда африканских стран экономические и социальные последствия, ставшие возможными в связи с сокращением или полным уходом иностранных войск с территории этих стран. Все это предопределило столь продолжительный и острый характер вооруженных конфликтов и войн, развернувшихся в 60-е годы в Африке.

§ 2. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА В КОНГО ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТОВ И ИХ СТАВЛЕННИКОВ (1960—1966 гг.)

Бельгия, вынужденная согласиться на провозглашение независимости Конго в июне 1960 г., всеми способами пыталась сохранить свои позиции в этой обширной и богатой африканской стране. Экономика Конго по-прежнему контролировалась бельгийскими и международными компаниями [530, стр. 13—17]. Независимое Конго практически не имело административных, технических и военных кадров. В стране действовали сепаратистские круги, которые выступали за создание автономных государств, пользующихся покровительством европейских монополистических групп.

Сохранению фактического господства бельгийских колонизаторов должны были способствовать решения «Конференции круглого стола», принятые в феврале 1960 г. Согласно этим решениям бельгийцам предоставлялось право держать на конголезской территории свои войска и использовать военные базы.

Важным средством сохранения политических и военных позиций бельгийские колониальные круги считали и так называемые «форс публик» (силы общественной безопасности). Это были воинские части, сформированные из местных жителей и находившиеся под командованием европейских офицеров и унтер-офицеров. Конголезцам доступ к командным должностям был фактически закрыт: за 74 года существования «форс публик» только семь конголезцев получили звание старшего сержанта [309, 19.IX. 1960].

Бельгийские власти рассчитывали сохранить полный контроль над «форс публик» и после июня 1960 г. Не случайно командующий генерал Э. Янсенс накануне независимости отказался провести африканизацию офицерского корпуса, несмотря на просьбу будущего премьер-министра П. Лумумбы [587,

стр. 16]. Бельгийские офицеры продолжали культивировать среди солдат дух корпоративной замкнутости, стремились не допустить их общения с представителями демократических организаций, настойчиво пропагандировали принцип «армия — вне политики» [68, стр. 23].

Но колонизаторы не сумели осуществить этот принцип на практике. Солдаты все активнее выступали против расовой дискриминации, требовали доступа к командным должностям, повышения жалования.

5 июля 1960 г. солдаты нескольких подразделений «форс публик», находившихся в лагере «Леопольд II», отказались повиноваться офицерам. Генерал Янсен отдал приказ стрелять в мятежников [там же, стр. 219]. Эти события послужили сигналом для солдатского мятежа. Бельгийские офицеры были изгнаны из частей, многие из них подверглись нападениям.

Стихийный мятеж не имел никакой позитивной политической программы и политического руководства. Выступления против бельгийских офицеров переросли в выступления против колониальной администрации, против европейцев. К мятежникам примкнула часть гражданского населения, ждавшая случая, чтобы свести счеты с ненавистными колонизаторами. Началось массовое бегство европейцев за границу¹² — в Бельгию или соседние африканские страны.

Учитывая серьезность положения, правительство П. Лумумбы принимало меры, чтобы обуздать мятежников, положить конец бегству европейцев, грозившему осложнениями в области экономики, системы народного здравоохранения и образования. Однако, не располагая вооруженной силой, опытными административными кадрами, конголезское правительство не смогло справиться с этими задачами.

Под предлогом «защиты жизни и имущества» европейцев бельгийские власти решили начать интервенцию, направленную против антиимпериалистического правительства П. Лумумбы. 10 июля в Конго прибыли первые две роты парашютистов, а к концу месяца — 29 рот парашютнодесантных, диверсионно-десантных войск и пехоты [346, 20.VII. 1960]. Бельгийские войска начали бои с мятежными солдатами, которых во многих районах поддержало население.

Первый этап вооруженной борьбы с империализмом (июль 1960 — январь 1962 г.)

Стихийные действия повстанцев мешали законному правительству П. Лумумбы, которое, стремясь нормализовать обстановку, неоднократно обращалось к Бельгии с требованием вы-

¹² К 12 июля 1960 г. число европейцев, выехавших из Конго, достигло 13,5 тыс. [309, 12.XII.1960].

вести войска из Конго. Убедившись в бесплодности дипломатических демаршей, П. Лумумба и Ж. Касавубу 13 июля 1960 г. обратились с просьбой о военной помощи к ООН.

Войска ООН прибыли в Конго в июле 1960 г., к концу месяца их численность превысила 9,5 тыс. человек [134]. Совет Безопасности после энергичных выступлений Советского Союза в защиту независимости Конго потребовал от Бельгии вывода ее войск. Бельгийцам пришлось эвакуировать большинство своих частей. Но на базах Камина и Катона они оставили до четырех батальонов парашютнодесантных и диверсионно-десантных войск.

В начале августа, когда, казалось, конголезское правительство ликвидировало мятеж и овладело обстановкой, начались сепаратистские выступления ряда политических лидеров. Наибольшую опасность представлял Моиз Чомбе, который объявил об отделении Катанги и преобразовании ее в суверенное государство [146, стр. 300]. Чомбе получил негласную поддержку правительственных и особенно деловых кругов Бельгии, так как в Катанге была сосредоточена большая часть бельгийских капиталов. Не случайно сразу же после заявления Чомбе о независимости правление компании «Юнион миньер дю О'Катанга» передало его правительству «на текущие расходы» 25 млн. долл. [365, 23.VII. 1960].

М. Чомбе начал создавать собственные вооруженные силы — «жандармерию Катанги», используя в качестве советников и инструкторов бельгийских офицеров, прежде служивших в «форс публик», и других иностранцев. Жандармов вербовали исключительно среди лунда — одного из народов Катанги (Чомбе был сыном вождя лунда) [365, 8.VIII. 1960].

Чомбе объявил, что будет всеми мерами, а если понадобится, то и силой оружия, сопротивляться вступлению войск ООН в Катангу [319, 3.VIII. 1960]. Примеру Чомбе последовали некоторые другие политические лидеры — Нгалула, объявивший о создании независимой «Горнорудной республики» (южная часть провинции Касаи), Диоми в провинции Нижнее Конго и др.

Центральное правительство обратилось к представителям ООН с просьбой помочь обуздать сепаратистов. Однако после долгих колебаний ООН приняла решение соблюдать нейтралитет под предлогом «невмешательства» во внутренние дела Конго. Бельгийская демократическая печать справедливо отмечала, что решение соблюдать нейтралитет было принято под давлением западных держав, в первую очередь США и Бельгии, которые считали П. Лумумбу «слишком левым» и стремились затруднить действия возглавляемого им правительства¹³ [274, 8.VIII. 1960].

¹³ Как известно, впоследствии войска ООН были вынуждены «вмешаться» во «внутренние дела» Конго и положить конец «независимости» Катанги.

«Голубые каски» по соглашению с М. Чомбе вступили на территорию Катанги и сменили бельгийские части во всех крупных городах. Но в то же время командование войск ООН отказалось предоставить центральному правительству транспортные средства для переброски войск в мятежные провинции. С большим трудом П. Лумумбе удалось направить туда несколько подразделений общей численностью до 2 тыс. человек. В конце августа они заняли Баквангу, который двумя неделями раньше был объявлен столицей «Горнорудной республики» [274, 26.VIII. 1960]. Почти одновременно правительственные войска, преодолевая сопротивление сепаратистов, начали продвижение к границам Катанги.

Однако правительству П. Лумумбы не удалось продолжить успешно начатые боевые операции. Его планы были сорваны президентом Ж. Касаубу, который с помощью армии распустил законодательные и исполнительные органы республики и захватил власть. По свидетельству К. О'Брайэна, решающую роль в изоляции П. Лумумбы от преданных ему сил, в том числе от воинских частей, посланных в Южную Касаи и Катангу, сыграло командование войсками ООН [465, стр. 145]. Спустя некоторое время П. Лумумба, а также несколько его ближайших соратников были арестованы, а позднее, в декабре 1960 г., высланы в Катангу и убиты [291, 26.VIII. 1960; 23.II. 1961]. Вслед за арестом П. Лумумбы войска центрального правительства прекратили операции против сепаратистов.

В течение последующих лет ряд конголезских политических деятелей пытались продолжить политику П. Лумумбы, направленную на сохранение целостности Конго и на ослабление политических и экономических позиций иностранных держав, применяя наряду с мирными и вооруженные средства. В декабре 1960—январе 1961 г. воссозданное в Стэнливиле правительство Конго во главе с заместителем премьер-министра А. Гизенгой объявило всеобщую мобилизацию. В начале января 1961 г. войска А. Гизенги нанесли удары по войскам леопольдвильского правительства, поддержанным ООН; развивая контрнаступление, они вступили в Касаи, а 23 февраля овладели ее столицей — Лулвабуром (Канангой) [530, стр. 79]. В августе 1961 г. было создано коалиционное правительство Адулы — Гизенги.

С помощью войск ООН это правительство установило контроль над большей частью Катанги. Однако сепаратисты продолжали сопротивление. В ноябре в Восточной провинции была сосредоточена 7-тысячная группировка войск, находившихся под влиянием лумумбистов. Для непосредственного руководства действиями против сепаратистов в Северной Катанге в г. Кинду прибыл А. Гизенга. Стремясь сорвать операцию, агентура империалистов инспирировала убийство 13 итальянских летчиков, находившихся в городе. Инцидент использовала конголезская реакция в качестве предлога для разоружения верных А. Ги-

зленге войск и раскола правительственной коалиции. В январе 1962 г. Гизенгу арестовали. Демократические силы Конго были отстранены от управления страной [465, стр. 15; 478, стр. 265].

Второй этап вооруженной борьбы (октябрь 1963 — январь 1966 г.)

В июле 1963 г. в провинции Квилу один из соратников П. Лумумбы и А. Гизенги, Пьер Мулеле, вместе с небольшой группой последователей начал подготовку вооруженного восстания против центрального правительства. По мнению П. Мулеле, правительство, превратившееся в марионетку бельгийского и американского империализма, следовало свергнуть вооруженным путем. В авангарде народной революции, утверждал П. Мулеле, будут находиться партизанские отряды, действия которых получают решительную поддержку широких слоев населения, в первую очередь крестьянства. Поскольку рабочий класс Конго невелик и к тому же «заражен буржуазным и реформистским духом», именно крестьянство станет социальной опорой революции. Победа ее приведет к установлению власти «социалистического и народного правительства», которое добьется подлинной независимости. Лозунгом П. Мулеле и других руководителей восстания 1963—1966 гг. стало требование «второй независимости», подлинного освобождения Конго [164, стр. 27—28].

Не трудно заметить, что П. Мулеле не смог избежать некоторых ошибочных взглядов, которые в то время имели хождение в среде мелкобуржуазной революционной демократии ряда стран Африки. В какой-то степени на него оказала влияние и «теория» народной войны, сформулированная в Пекине. П. Мулеле явно преувеличил революционные возможности крестьянства и значение вооруженных методов борьбы, фактически отказался от союза с формирующимся пролетариатом. Эти ошибки, усугубленные отсутствием политической и социальной программы, обусловили слабость восстания в Квилу и обрекли его на поражение.

П. Мулеле рассчитывал в течение нескольких месяцев создать партизанские отряды для захвата власти в Квилу и свержения правительства. В соответствии с этим планом в августе 1963 г. в провинции Квилу (в треугольнике населенных пунктов Лукамба, Ясса-Локва и Имбонго) группа П. Мулеле организовала несколько учебно-тренировочных лагерей, в которых будущие бойцы изучали методы партизанской войны, учились владеть холодным и огнестрельным оружием, знакомились с политическими целями движения. Одновременно они вели пропаганду среди населения, призывая не оказывать поддержки центральному правительству и его чиновникам [262, 22.IX. 1963; 789, стр. 67].

Провинциальные власти бросили на поиски П. Мулеле жан-дармские подразделения; за его голову была обещана крупная

награда — 500 тыс. конголезских франков. Однако с помощью населения повстанцы избежали облав и в конце года провели несколько диверсий на автодорогах Идиофа — Киквит и Идиофа — Гунгу [320, 5.11. 1964].

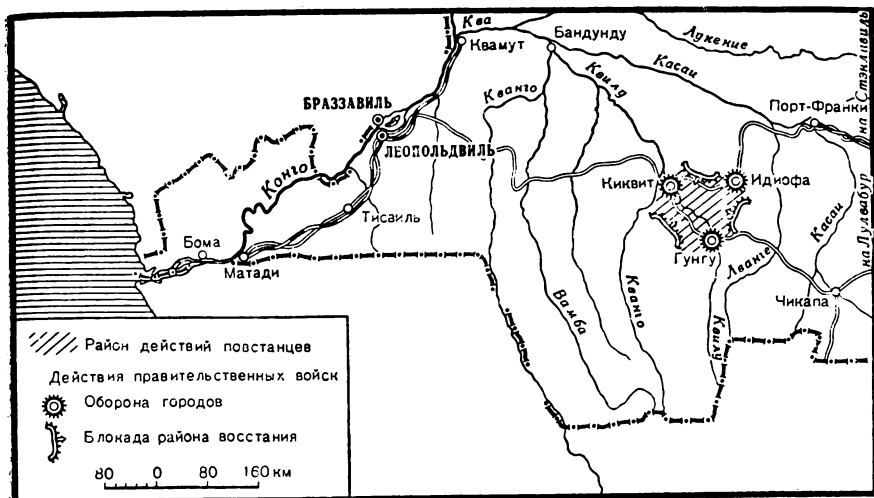
Обстановка в Конго в 1963 г. благоприятствовала действиям группы П. Мулеле. Повсеместно росло недовольство снижением жизненного уровня, продолжающейся политической неустойчивостью. Национальное достояние по-прежнему расхищалось иностранными монополиями. В административных органах процветали коррупция, кумовство, местничество. Солдаты Конголезской национальной армии (КНА), созданной на основе «форс публик», не всегда подчинялись правительству, грабили население, насильничали. Положение осложнялось междоусобной борьбой многочисленных политических партий и групп, религиозными и этническими распрями.

В этих условиях началась консолидация политических сил, оппозиционных правительству. В октябре 1963 г. представители пяти партий¹⁴ создали Национальный совет освобождения (НСО), в руководство которого был заочно избран П. Мулеле [163, стр. 233]. НСО провозгласил своей целью достижение полной и эффективной деколонизации путем свержения правительства, предавшего национальные интересы. В одном из документов НСО подчеркивалось, что политический кризис, приведший к восстанию в Квилу и других провинциях, был «следствием разрыва между политикой марионеточного правительства, которое стояло спиной к массам, и требованиями народа, ведущего борьбу за независимость, демократию и уровень жизни, соответствующий колоссальным богатствам страны» [164, стр. 40].

С военной точки зрения момент восстания также был выбран удачно. Центральное правительство почти не имело боеспособных войск. Начавшаяся в марте 1963 г. реорганизация КНА еще не дала заметных результатов: не хватало подготовленных офицеров, дисциплина была расшатана. Исключение составляли лишь несколько подразделений, в том числе два батальона парашютистов [231, 1963, № 10, стр. 17].

Партизаны П. Мулеле, которые стали называть себя «басе-ни» («лесные люди»), начали активные действия 31 декабря 1963 г. в префектуре Идиофа. В течение последующих десяти дней они неоднократно нападали на посты и патрули правительственных «сил безопасности», сжигали и громили административные здания, конторы бельгийских предприятий, плантации и склады, разрушали дороги и линии связи, убивали и похищали представителей власти. В первых нападениях и диверсиях принимали участие 75 человек, но уже через несколько дней отряды басеней насчитывали несколько сот бойцов [164, стр. 15].

¹⁴ НДК — Лумумба, Партия африканской солидарности (ПАС), Африканский демократический союз (АДС), Национальный союз конвента (НСК), СЕРЕА [530, стр. 146].

Восстание в провинции Квилу (Конго — Леопольдвиль)
в 1963—1965 гг.

Власти спешно перебросили в Квилу две роты диверсионно-десантных войск и роту жандармерии. 18 января в провинции было введено чрезвычайное положение, в префектуру Идиофа направились карательные экспедиции [346, 21.1. 1964]. Спасаясь от них, крестьяне вместе с семьями уходили в леса и присоединялись к повстанцам. Численность партизанских отрядов быстро росла и к марту 1964 г. достигла 5 тыс. человек. Они действовали уже не только в окрестностях г. Идиофа, но и в соседних префектурах. Под угрозой оказалась и столица провинции — г. Киквит.

Правительство вынуждено было направить в Квилу подкрепления, сосредоточив здесь два батальона (пехотный и диверсионно-десантных войск) и жандармские подразделения общей численностью до 2,3 тыс. человек. Но и эти силы не смогли овладеть положением. Несмотря на то что отряды басеней были слабо вооружены, они установили полный контроль над префектурами Идиофа, Гунгу и частично префектурой Киквит. Правительственные войска были осаждены в городах — центрах префектур.

Успехи повстанцев в первый период действий объяснялись их численным превосходством, применением партизанской тактики и хорошо поставленной разведкой. В соответствии с инструкциями, разработанными П. Мулеле, каждый отряд скрытно располагался в лесу, вдали от населенных пунктов и дорог. Басени действовали, как правило, группами по 20—50 человек. Ночью или в предрассветных сумерках они стремились бесшумно снять часовых и захватить противника врасплох. Целью на-

падений являлось уничтожение живой силы противника и захват огнестрельного оружия.

На моторизованные патрули КНА и «сил безопасности» басени нападали из засады, предварительно подпилив устои моста или вырыв яму-ловушку на дороге. В одной из таких засад погиб полковник Э. Эбейя, начальник генерального штаба КНА, раненный отравленной стрелой [164, стр. 20]. Действуя на дорогах, партизаны менее чем за месяц захватили свыше 150 грузовиков, легковых машин и джипов, почти полностью лишив противника возможности использовать наземные коммуникации [346, 28.I. 1964].

Однако басени не смогли закрепить и развить успех, достигнутый к началу марта. Помимо политических причин дали себя знать слабая организация, нехватка огнестрельного оружия и военных кадров, а самое главное — неверная тактика во второй период активных действий.

Осадив в начале апреля три наиболее крупных города провинции Квилу, повстанцы предполагали взять их штурмом. Но неоднократные атаки не принесли успеха, несмотря на то что некоторые из них проводились крупными силами — до 2 тыс. человек. Басени начинали бой днем, штурмовали позиции противника в лоб, причем шли в атаку в полный рост. Следствием этих тактических ошибок были большие потери, так как правительственные войска имели много автоматического оружия¹⁵. Дополнительной причиной больших потерь повстанцев была их вера в свою неуязвимость: каждый получал от колдунов амулет и над ним совершались различные магические обряды, якобы превращавшие пули противника в воду [280, 12.IV. 1964]. Кроме того, командование КНА сумело эффективно использовать несколько учебно-тренировочных самолетов типа «Гарвард», находившихся в Киквите. Эти самолеты были вооружены пулеметами и выполняли функции разведчиков и штурмовиков, действуя как на поле боя, так и по тыловым базам и лагерям повстанцев [346, 18.V. 1964].

Штаб П. Мулеле не сделал выводов из неудачных штурмов. Основные силы повстанцев вплоть до начала мая время от времени повторяли безрезультатные атаки на позиции КНА в городах. Тем временем командование КНА перебросило в Квилу еще несколько рот воздушнодесантных войск и пехоты, доведя их до 14. Укрепив гарнизоны и заняв выгодные позиции вокруг района действий повстанцев, войска центрального правительства в конечном итоге блокировали их.

В конце мая повстанцы были вынуждены снять осаду с городов и вновь перейти к партизанской тактике, действуя мелки-

¹⁵ Так, во время безуспешной атаки на г. Гунгу, который обороняли 200 солдат КНА и жандармов, в конце февраля 1964 г. басени потеряли больше 750 человек — почти половину личного состава эскадронов, участвовавших в бою [320, 4.III.1964].

ми группами против патрулей и постов КНА и полиции, организуя засады на дорогах и т. д. Басени контролировали обширные лесные районы провинции Квилу вплоть до лета 1965 г. Но активность их все время снижалась. Повстанцы не смогли расширить зону своих действий за пределами расселения народов бапенде и бамбунду. Властям удалось добиться их изоляции, восстановить против них другие народы. В начале 1966 г. организованное партизанское движение в Квилу фактически прекратилось, хотя еще полгода районы южнее г. Киквит продолжали считаться «опасными зонами» [165, стр. 456; 788, стр. 350].

В начале 1964 г. под руководством НСО в Конго (Браззавиль) были созданы учебно-тренировочные лагеря, в которых повстанцы обучались тактике партизанской войны, диверсионно-подрывным действиям и т. д. Однако эти силы НСО приняли участие в боевых операциях уже тогда, когда восстание в Квилу начало затухать. В конце мая и начале июня диверсионные группы, базировавшиеся в Конго (Браззавиль), провели несколько удачных операций в Леопольдвиле и его окрестностях. Несколько раз они разрушали линии связи, взрывали полотно железной дороги [309, 3.VI. 1964]. Однако эти акты не смогли серьезно повлиять на обстановку даже в Леопольдвиле, не говоря уже о всей стране.

В других провинциях Конго повстанческие выступления начались в большей или меньшей степени стихийно, но затем стали координироваться Национальным советом освобождения, как это было в провинции Киву. Здесь, в районе г. Увира, в конце ноября 1963 г. группы молодежи, организовавшись вокруг местной секции партии НДК — Лумумба, начали кампанию неповиновения властям.

Для подавления этого движения провинциальные власти использовали подразделения КНА и жандармерии, которые сожгли несколько деревень и расстреляли многих жителей [788, стр. 382]. Репрессии вызвали бегство членов НДК — Лумумба за границу — в Руанду и Бурунди. Часть их скрылась в горно-лесистых областях провинции. Стихийно возникло партизанское движение, весьма слабо организованное, плохо вооруженное.

Консолидации повстанцев в провинции Киву способствовала деятельность представителя одной из фракций НСО¹⁶ — Гастона Сумиало. Ему удалось наладить связи с партизанскими отрядами, скоординировать их действия [530, стр. 147].

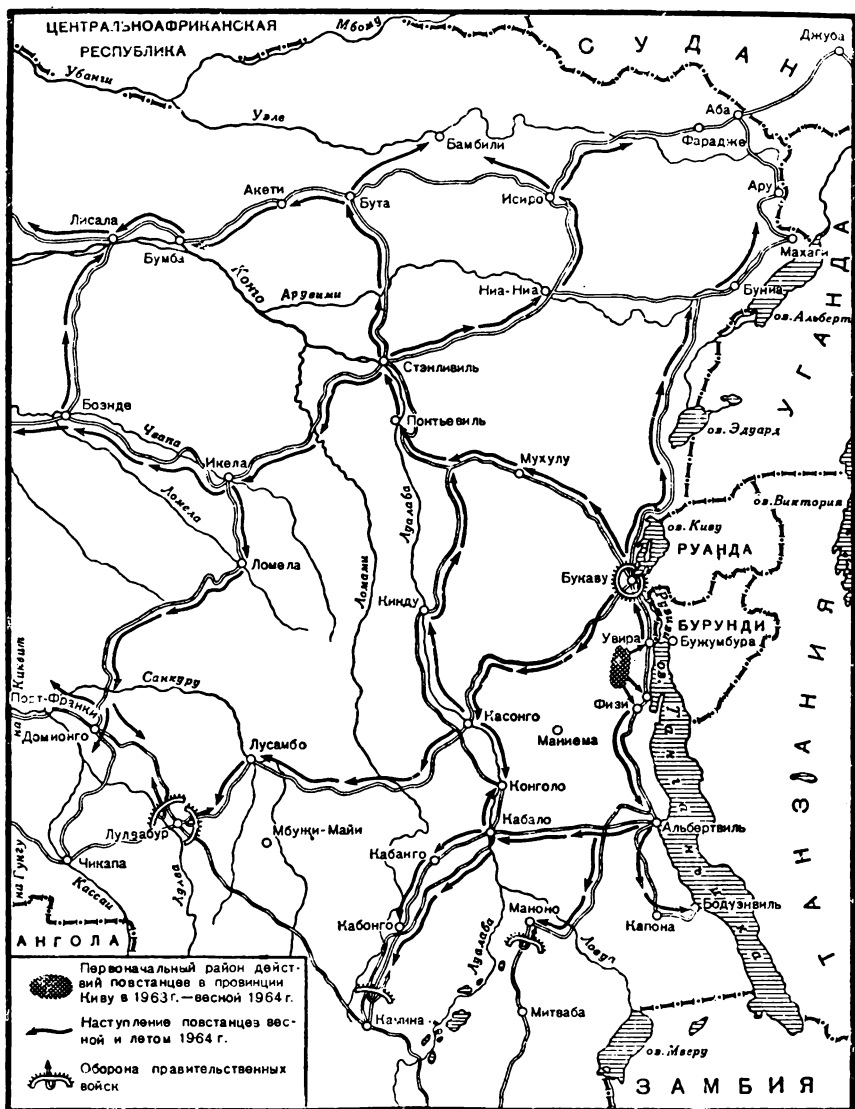
Подавляющее большинство партизан поддержали програм-

¹⁶ НСО раскололся на две фракции в конце 1963 г. В одну из фракций, возглавленную Эжд-Дэвидсоном Бошлеем, входил Пьер Мулеле, занимавший пост ответственного за вооруженные силы. Вторую фракцию возглавил Кристоф Гбенье; его помощником по военным вопросам стал Гастон Сумиало. Раскол был вызван разногласиями по тактическим вопросам, а также личным соперничеством лидеров [164, стр. 50].

му действий НСО, опубликованную 15 апреля 1964 г. [269, 1965, № 1, стр. 19—22]. В этом документе НСО выступил за восстановление суверенитета народа и национальную независимость, создание революционного национального и народного правительства, установление режима национальной свободы и демократии. НСО призвал всех конголезцев объединиться под его руководством, «поддерживать, развивать и расширять... конкретную революционную деятельность, которая в настоящее время ведется на национальной территории» [там же, стр. 20]. В программе говорилось, что НСО «решил начать вооруженные действия против насилий, чинимых официальными властями, против предательства и фашизма агентов империализма в Конго», что с этой целью создана Народная освободительная армия [там же, стр. 21—22]. НСО не отказывался от использования и других форм борьбы — демонстраций, агитации, — которые могли помочь вооруженным выступлениям. Комитетам НСО на местах вменялась в обязанность пропаганда программы, распространение сведений об успехах вооруженной борьбы и приказов НСО, моральная и материальная поддержка партизан, сбор сведений о противнике. В программе содержался также призыв к военнослужащим КНА и «сил безопасности» не выступать с оружием в руках против своего народа и присоединиться к Народной освободительной армии [там же, стр. 22]. Лидеры НСО указывали, что они не являются коммунистами [346, 18.VI. 1964; 5.IX. 1964; 309, 23.VII. 1964]. В «Катехизисе революционера НДК — Лумумба» отмечалось, что идеология партии — «лумумбизм». Его сущность определялась как «патриотизм и африканский национализм, т. е.: Конго — африканцам и для африканцев, так же как Африка — конголезцам и для конголезцев» [164, стр. 67].

Подготовка к вооруженному выступлению в Киву началась в первых месяцах 1964 г. Среди населения распространялись сообщения о деятельности НСО, об успехах басеней в Квилу. Большая работа велась среди солдат КНА. В Бурунди, в окрестностях Бужумбуры, было создано несколько учебных лагерей, где проходили боевую подготовку члены НДК — Лумумба, бежавшие от репрессий [789, стр. 292—293].

К активным действиям партизанские отряды приступили в апреле 1964 г. Численность их к этому времени составляла около 1 тыс. человек. В течение апреля повстанцы, которые называли себя «симба» («львы»), систематически нападали на моторизованные патрули КНА и полиции (особенно на дороге Увира — Букаву), на посты КНА в населенных пунктах Лувунги, Лемера, Муленге, Килиба и др. С помощью местного населения был совершен налет на полицейские посты в главном городе провинции — Букаву. Эта операция, имевшая цель захватить огнестрельное оружие, окончилась успешно [320, 18.V. 1964]. Тактика симба напоминала тактику басеней: действия группа-

Восстание в восточных провинциях Конго (Леопольдвиле) летом — осенью 1964 г.

ми по 20—50 человек, засады, ямы-ловушки, ночные атаки, использование подавляющего численного превосходства над противником и быстрый отрыв от него, если обстановка складывалась не в пользу повстанцев [333, 12.IV. 1964].

В начале мая повстанцы приступили к более крупным операциям и стали постепенно отходить от партизанской тактики. К середине месяца отряды симба численностью до нескольких сот бойцов каждый вытеснили части КНА и «сил безопасности» из долины р. Рузизи — до населенного пункта Каманиола. 17 мая около 600 симба под командованием полковника Луи¹⁷ неожиданной атакой взяли г. Увира — важный экономический центр, порт, через который шла внешняя торговля северо-восточных областей Конго. Одновременно велось наступление на юг, вдоль берега оз. Танганьика, к важному узлу дорог — г. Физе, который КНА вынуждена была оставить в конце мая.

Успехи повстанцев объяснялись значительным увеличением их численности, которая, по некоторым оценкам, к концу мая превысила 15 тыс. человек [309, 29.V. 1964], а также улучшением вооружения за счет трофеев, взятых у КНА. Иногда повстанцы использовали тяжелое стрелковое оружие, которое обслуживали либо симба, подготовленные в Бурунди, либо солдаты КНА, примкнувшие к восстанию. В бою за населенный пункт Луабрика (35 км к югу от Букаву) симба, устроив засаду, неожиданно обстреляли две роты диверсионно-десантных войск из минометов и станковых пулеметов. Десантники понесли тяжелые потери и в беспорядке отступили (командовавший десантниками майор был убит отравленной стрелой) [320, 1.VI. 1964]. Несколько улучшилась организация повстанцев. Г. Сумиало и подчиненный ему штаб стремились преобразовать отряды партизан в регулярную армию, о создании которой было объявлено еще в апреле. В некоторых отрядах были введены знаки различия: рядовые бойцы носили шлемы из травы и листьев банана, младшие командиры — пояса или портупей из растительных волокон, старшие — головные уборы из шкуры леопарда [164, стр. 58].

Однако руководство повстанцев так и не сумело создать регулярную армию, оснащенную и обученную в соответствии с современными требованиями. Отряды симба больше походили на племенные ополчения, чем на воинские подразделения. Не хватало командных кадров всех звеньев. Фактически не было командиров, способных правильно вести бой, не говоря уже о крупной операции. По свидетельству офицеров КНА, лишь в отдельных случаях командиры повстанцев обнаруживали знание военного дела. Так, в боях под Лисала и Стэнливилем в ноябре 1964 г. повстанцы, видимо ознакомившись с современной такти-

¹⁷ Настоящее его имя — Луи Бидалира. Известен также как полковник Битотело.

кой, пропускали авангарды колонн мотопехоты КНА, в которых следовали броневики и транспортеры, и атаковали шедшие за ними грузовики. В тех же боях расчеты минометов и безоткатных орудий после одного-двух выстрелов быстро меняли позицию, не давая себя засечь.

Успехи восставших объяснялись в известной мере тем, что им помогало местное население Киву и Маниема, сообщавшее сведения о противнике, местности и т. д. [788, стр. 352]. Велика была роль нелегальных ячеек НДК — Лумумба, которые при приближении симба наносили удары по тылам КНА. В ряде случаев вооруженные группы лумумбистов при поддержке населения изгоняли чиновников центрального правительства до подхода отрядов повстанцев и отбивали атаки правительственных сил, пытавшихся восстановить положение. Так было, например, в г. Альбертвиле (Калиме).

Командование КНА имело мало надежных частей. Самые боеспособные из них использовались для прикрытия наиболее важных в политическом отношении районов и центров в Катанге и западных провинциях. Большая часть подразделений КНА, расположенных в восточной части страны, представляла собой небоеспособные, малодисциплинированные формирования. Постоянное мародерство и безнаказанные жестокости в отношении населения привели к снижению морального состояния солдат и офицеров.

Подобно басени, симба верили в свою неуязвимость, в амулеты и заговоры колдунов, обезвреживающих пули противника и воскрешающих убитых после победы. Магические обряды совершались, как правило, перед боем. Атаки сопровождались возгласами: «Маи-маи!» («Вода-вода!»). Многие солдаты и офицеры КНА, верившие, что эти возгласы превращают их пули в воду, отступали, не принимая боя, сдавались в плен. Нередки были случаи отказа целых подразделений КНА выступать против повстанцев, которым «помогали потусторонние силы» [280, 30.VI. 1964].

Отряды симба, уступавшие по численности КНА и «силам безопасности» почти в 3 раза (соответственно 10 тыс. и 31 тыс. человек) [291, 20.VII. 1964], захватывали один город за другим, фактически не встречая сопротивления. Из района Увира — Фици восстание стало распространяться на Северную Катангу, провинции Маниема и Восточная. Менее чем за три месяца повстанцы захватили больше половины территории Конго, треть главных городов провинций. 5 августа они вступили в Стэнливиле — третий по величине город Конго, который был оплотом П. Лумумбы, а затем А. Гизенги. 7 сентября лидеры НСО, собравшиеся в Стэнливиле, объявили о создании Народной Республики Конго и сформировали правительство, которое возглавил К. Гбенье. Министром обороны стал Г. Сумиало.

Однако на этом успехи восстания прекратились. Лидеры

НСО, не разработав общего военно-стратегического плана, не смогли контролировать и направлять быстро развивавшиеся события. Они оказались неподготовленными к действиям на громадной территории с редкой сетью коммуникаций и линий связи. Наступление симба происходило стихийно. Направление, сроки, ближайшие и последующие цели их передвижения не определялись заранее и не увязывались с действиями соседних отрядов. КНА сохранила контроль над многими крупными аэродромами и использовала их для воздушнодесантных операций, которым повстанцы ничего противопоставить не могли. Басени и симба не создали общего фронта, хотя в конце июля 1964 г. их разделяло не более 150 км, а КНА не имела сил воспрепятствовать их объединению [260, 29.VIII. 1964; 309, 3.1. 1965].

Фактически не участвовали в борьбе диверсионные группы НСО, базировавшиеся на территории Конго (Браззавиль). Эти группы (до 3 тыс. человек), сравнительно хорошо обученные и вооруженные, действовали лишь эпизодически, что в известной мере было следствием раскола в НСО [790, стр. 442; 353, 31.V. 1964].

Отряды симба не имели в достаточном количестве огнестрельного оружия, транспортных средств и т. д. Малочисленность подготовленных кадров не позволяла эффективно использовать имеющееся оружие и военную технику. Подчас машины, бронетранспортеры, пулеметы и даже винтовки и автоматы, брошенные солдатами КНА, оставались на поле боя, поскольку с ними не умели обращаться; лишь отдельные отряды применяли безоткатные орудия, автоматические 20-мм пушки и броневики.

НСО не разработал четкой программы политических и административных преобразований в освобожденных районах. Здесь не были созданы новые органы гражданской власти, способные завоевать доверие населения. Только эпизодически и далеко не во всех районах руководители повстанцев прибегали к таким мерам, как регулирование цен на продукты питания и товары ширпотреба, передача населению транспортных средств, зданий, материалов, захваченных у КНА или конфискованных у местных властей [164, стр. 59]. Не было налажено централизованное снабжение отрядов продовольствием и предметами первой необходимости. Симба вынуждены были снабжаться за счет населения освобожденных районов, что порождало различного рода конфликты. Зачастую этому способствовали этнические и религиозные противоречия между некоторыми народами.

К августу, когда неспособность КНА противостоять повстанцам стала очевидной, империалистические державы усилили вмешательство во внутренние дела Конго. После консультаций, которые были проведены в конце июля представителями США и

Бельгии, было принято решение содействовать набору наемников в КНА, направить в Конго офицеров для организации штабов, тыла и связи, увеличить поставки военной техники [320, 30.VII.1964].

Бельгия направила в Конго боевые («Фуга-Мажистер») и военно-транспортные («ДС-3») самолеты, а также летный и технический персонал. США дали бомбардировщики «Б-26», военно-транспортные самолеты «С-124» и «С-130» и вертолеты «Н-21» [320, 12, 13.VII.1964; 291, 20.VIII.1964]. ЦРУ нелегально перебросило в Конго кубинских эмигрантов, летавших на учебно-тренировочных самолетах «Т-28», которые были превращены в боевые [351, 17.VI.1964; 626, стр. 131].

Чомбе, назначенный 10 июля премьер-министром, развернул кампанию по вербовке наемников в ЮАР, Южной Родезии, Франции, ФРГ и Бельгии. К середине августа его эмиссары завербовали больше 100 человек, а к началу сентября только в Камине их обучалось свыше 500 человек [320, 24.VIII.1964; 353, 6.XII.1964]. М. Чомбе призвал на службу бывших военнослужащих из «жандармерии Катанги», которая в 1960 г. была его опорой в борьбе с правительством П. Лумумбы¹⁸. Из этих солдат были сформированы ударные подразделения КНА под командованием бельгийских офицеров.

В середине августа повстанцы потерпели первое крупное поражение у г. Букаву. Части Народной освободительной армии, которыми руководил Н. Оленга, наступали на Букаву от Увиры. На марше автоколонны повстанцев были обнаружены и атакованы самолетами «Т-28». Симба понесли потери от пулеметного огня, часть машин была выведена из строя ракетами, которые использовали кубинские пилоты-наемники. После неоднократных атак 8-тысячная группировка повстанцев, несмотря на противодействие «Т-28», штурмовавших боевые порядки атакующих, сумела ворваться в город, где завязались уличные бои. Оттеснив нападающих к окраине, начальник гарнизона вызвал по радио катангских жандармов, которые были доставлены в соседний г. Камембе (Руанда) на американских самолетах. Прибытие подкреплений решило исход боя в пользу правительственных войск [320, 15.VIII.1964; 757, стр. 81].

17 августа две роты КНА при поддержке самолетов «Т-28», вертолетов и танков выбили повстанцев из Кабало — важного узла коммуникаций, расположенного примерно в 280 км к западу от Альбертвила. Отряды симба, действовавшие в провинциях Кинду и в Северной Катанге, были отрезаны друг от друга, а КНА получила возможность начать наступление на Альбертвилль [309, 9—10.VIII.1964]. В этом наступлении, поддержан-

¹⁸ После того как с помощью войск ООН центральное правительство вновь установило свой контроль над Катангой, подавляющее большинство жандармов бежали либо в Анголу, либо в труднодоступные районы, не желая подчиниться центральным властям.

ном авиацией, принял участие взвод белых наемников. Симба, оказывавшие упорное сопротивление, несли тяжелые потери от пулеметного огня, бомб и ракет авиации. В окрестностях Альбертвила они разрушили дороги и мосты, чтобы не дать возможности правительственным войскам использовать танки и бронемашину. Тем не менее после уличных боев Альбертвиль был взят [280, 29.VIII. 1964].

Падение одного из важнейших опорных пунктов восстания серьезно повлияло на моральное состояние симба. Хотя восставшие и провели еще несколько ограниченных по масштабам наступательных операций¹⁹, стратегической инициативой овладела КНА, и повстанцы были вынуждены перейти к обороне.

Развивая наступление, части КНА, усиленные белыми наемниками, двинулись от Альбертвила на север в направлении Физи и Барака, чтобы отрезать симба от баз снабжения в Бурунди. Почти одновременно КНА начала наступление и в остальных районах Конго. Основной удар силами 5-й механизированной бригады наносился из района Катанги в направлении городов Кинду и Стэнливилля с целью захвата повстанческой столицы. Цель других ударов состояла в том, чтобы оттеснить повстанцев от границ Конго (Браззавиль) и Танзании. Авиация КНА начала совершать налеты на тыловые опорные пункты повстанцев — Стэнливилль, Увира, Физи.

Плохо вооруженные и необученные отряды симба не смогли помешать планомерным наступательным операциям КНА. Даже в тех случаях, когда им удавалось отбить первые атаки, они не могли создать прочной обороны, развить свой успех, перейти в контрнаступление. Командование КНА, используя транспортную авиацию, быстро перебрасывало на нужные участки подкрепления. Так было, в частности, во время боев за г. Лисала — узел коммуникаций, открывший перед 5-й бригадой путь на север. Отряды симба, оборонявшие этот город, несколько дней отбивали атаки КНА и наемников, поддержанных авиацией, бронемашинами и артиллерийско-минометным огнем. Но после того как КНА получила подкрепления, переброшенные по воздуху из Катанги, повстанцы вынуждены были отойти.

7 ноября неожиданной атакой из Букаву была взята одна из наиболее важных баз снабжения повстанцев — Увира. Отряды симба численностью до 1,5 тыс. человек несколько дней вели ожесточенные бои, пытаясь отбить этот город. Но подразделения правительственных войск — рота парашютистов, два взвода пехоты и 53-й отряд «командос» — при поддержке авиации отбили атаки повстанцев [329, 24.XI. 1964].

4 ноября 1964 г. части 5-й бригады взяли г. Кинду, в 400 км южнее Стэнливиля. Перед правительственными войсками от-

¹⁹ Так, 10 сентября симба взяли г. Боэнде, в 300 км к востоку от Коквайвиля (Мбандака), а 29 августа — г. Манано в Северной Катанге.

крылась дорога на Стэнливиле, который был захвачен в результате вооруженной интервенции США, Бельгии и Англии. Последние использовали в качестве предлога для вмешательства арест в Стэнливиле 150 европейцев в знак протеста против зверских бомбардировок мирного населения [164, стр. 392].

24 ноября 1964 г. аэродром Стэнливиля и город были захвачены бельгийскими парашютистами и солдатами воздушно-десантных войск. Повстанческий гарнизон был разбит. Штаб повстанцев и резиденция его руководства разгромлены [329, 24.XI.1964]. Десант в Стэнливиле был сброшен в тот момент, когда колонна мотомеханизированных войск КНА была остановлена отрядами симба в нескольких километрах от города [291, 25.XI. 1964]. Солдаты КНА и наемники, вступившие в Стэнливиле через несколько часов после захвата аэродрома, начали зверское истребление жителей, подозреваемых в сочувствии повстанцам [309, 28.XI. 1964].

Агрессия империалистических держав имела наряду с военной и политическую цель — сорвать усилия Организации африканского единства по мирному урегулированию конголезского вопроса. Советское правительство решительно осудило агрессию в Конго и поддержало протест африканских государств. 25 ноября СССР потребовал от правительств США, Англии и Бельгии немедленного прекращения военной интервенции [225, 26. XI. 1964].

Повстанцы не прекратили сопротивления и после того, как оставили город. Их отряды численностью до 2 тыс. человек закрепились на другом берегу р. Конго. В течение нескольких дней подразделения КНА и наемники безуспешно пытались форсировать реку, но отступали под огнем стрелкового оружия, минометов и безоткатных орудий. 7 декабря им удалось захватить позиции повстанцев на левом берегу р. Конго, хотя в окрестностях города партизанские выступления продолжались и позднее.

К середине декабря КНА прекратила наступательные операции на всех направлениях, что было обусловлено усталостью личного состава и отсутствием резервов. Симба получили передышку, которую можно было использовать для реорганизации отрядов. Повстанцы могли рассчитывать на поддержку извне: в ответ на захват Стэнливиля Алжир и Египет приняли решение значительно увеличить поставки оружия конголезским повстанцам, а свержение реакционной диктатуры Аббуда в октябре 1964 г. позволило использовать аэродромы и дороги Южного Судана. В конце декабря — начале февраля на южную границу Судана прибыло 36 транспортных самолетов, которые доставили более 300 т оружия и боеприпасов, переправленных в Конго [323, 18.IV. 1965]. Кроме того, значительное количество автоматов, ручных и станковых пулеметов, базук, минометов и автоматических малокалиберных пушек было получено повстанцами через

Уганду и Танганьйку. Однако симба не сумели использовать это оружие.

В декабре 1964 — марте 1965 г. КНА вела ограниченные операции, готовясь к наступлению, в ходе которого предполагалось отрезать отряды симба от баз снабжения в Судане, Уганде, Танганьике²⁰.

В наступлении, которое началось 15 марта 1965 г., приняло участие 600 солдат КНА и 300 наемников — в основном англичан. В течение двух недель колонна правительственных войск, выступившая из Буни на север, овладела городами и населенными пунктами Нгобу, Махаги, Ару, Аба, Ватса и Фарадже. Симба не смогли остановить ее продвижение, главным образом потому, что не умели бороться с авиацией и бронемашинами, хотя и располагали большим количеством базук, огнеметов и 20-мм скорострельных пушек [165, стр. 51; 323, 18.IV. 1965].

К началу апреля повстанцы все еще держались в провинциях Уэле, Маниема и Квилу. Их отряды были изолированы друг от друга, и лишь действовавшие в Маниема могли поддерживать регулярную связь с внешним миром.

И все же боевые действия продолжались. Наиболее упорным было сопротивление в районе Физи и Барака, где партизаны вели ожесточенные бои с КНА на протяжении всего 1965 года [295, 1965, № 78, стр. 47; 165, стр. 146]. Только в декабре КНА смогла установить контроль над этим районом. В окрестностях Стэнливила и в ряде других провинций симба действовали и позднее. Но эти действия носили эпизодический характер и не могли повлиять на политическую обстановку в Конго в целом.

Вооруженное восстание в восточных провинциях Конго потерпело неудачу. Однако оно сыграло немаловажную роль в приближении последовавшего вскоре краха реакционного политического режима М. Чомбе и консолидации единого конголезского национального государства — ныне Республики Заир.

§ 3. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ПОРТУГАЛЬСКИХ КОЛОНИЙ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Для колониальной империи Португалии всегда были свойственны относительная слабость экономических связей с метрополией, отсутствие достаточно прочной экономической базы колониального режима, опиравшегося прежде всего на силу государственной власти и фашистский репрессивный аппарат. Не было создано и сколько-нибудь сильной социальной опоры колониального режима среди местного населения. Все это при отсутствии резервов свободного капитала предопределяло тот

²⁰ Симба уже не имели баз в Бурунди, так как в феврале 1965 г. правительство этой страны приняло решение прекратить помощь восставшим и запретить транзит оружия через свою территорию.

факт, что португальский империализм не располагал инструментами, при помощи которых он мог бы успешно проводить политику неокOLONиализма [см. 520].

Увеличение объема изымаемой у крестьян сельскохозяйственной продукции (кофе и сизалья в Анголе, арахиса в Гвинее, хлопка и масличных культур в Мозамбике) осуществлялось целиком за счет интенсификации труда африканцев в рамках традиционного земледелия с использованием прямого внешнеэкономического давления на крестьян со стороны колониальной администрации. Португальский империализм намеренно консервировал застойные формы родо-племенного строя.

Крайне замедленными темпами шло и развитие рабочего класса. В Анголе, Гвинее и Мозамбике соответственно 7,0, 0,5 и 4% занятого населения работало на шахтах, предприятиях по обработке сельскохозяйственного сырья, в общественном строительстве и на транспорте. Для промышленности характерна большая текучесть рабочей силы. Подавляющая часть рабочих — отходники. Кроме того, португальская администрация долгое время широко использовала систему принудительных работ. В Анголе принудительная «контрактация» давала промышленности до 60% рабочей силы [154, стр. 17].

Разложение традиционных укладов жизни коренного населения в колониях Португалии шло крайне медленно, что долгое время сдерживало процесс консолидации патриотических сил. Однако под влиянием событий на Африканском континенте освободительное движение в португальских колониальных владениях постепенно набирало силу.

Португальский колониализм насаждал эксплуатацию самого хищнического и паразитического типа. Народы колоний Португалии являлись объектом объединенной эксплуатации со стороны португальского капитала и империалистических монополий других западных держав. Население Анголы, Гвиней и Мозамбика страдало и оттого, что навязываемое ему социально-экономическое развитие шло мучительно медленно. Именно поэтому антиимпериалистическое движение в колониях Португалии прежде всего отличает острота противоречий с колониализмом.

Развиваясь и укрепляясь как организации трудящихся, революционные партии и организации народов португальских колоний поставили целью обеспечить интересы трудящихся в национально-освободительной борьбе, придав освободительному движению четкую социальную окраску. В экономике колоний господствовали два сектора: натуральный, мелкоотоварный с крайне слабыми капиталистическими элементами и капиталистический (где преобладали иностранные вложения), эксплуатировавший первый. Последнее во многом предопределило тот факт, что освободительная борьба в Анголе, Гвинее и Мозамбике против колонизаторов сразу же начала приобретать антикапиталистическую направленность.

Зарождение освободительной борьбы

В 1950—1954 гг. представители средних городских слоев создали небольшие политические группы, которые выступали против политики португализации местного населения. Многие представители этого течения учились в метрополии, где установили связи с демократическими силами португальского народа. Еще в 1948 г. студенты из Анголы, Гвинеи и Мозамбика создали при Доме студентов империи, официальной организации учащихся Португалии, самостоятельный Центр африканских исследований, занимавшийся изучением социально-экономических и культурных проблем народов португальских колоний. Среди создателей Центра находились и будущие руководители освободительной борьбы: Амилкар Кабрал, Агостиньо Нето, Марселино дос Сантос и др.

Долгое время патриотическое движение существовало в форме различных культурных и просветительских объединений. К 1956 г. возникло значительное количество подпольных националистических групп. Однако между ними не было никакой связи, не существовало и общего мнения о формах и методах, а также о конечных целях борьбы. Значительная часть националистов ограничивала свои требования предоставлением колониям автономии. Этой цели патриоты предполагали добиться путем вовлечения народных масс, прежде всего городского населения, в общенациональную борьбу против колониального режима.

Центрами, вокруг которых постепенно начали объединяться мелкие и разрозненные группы будущих борцов за независимость, явились Африканская партия независимости (ПАИ)²¹ в Гвинее, созданная в сентябре 1956 г. Амилкаром Кабралом, и Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), возникшее в декабре того же года в результате объединения небольших групп патриотов. «Португальский колониализм не может быть разбит без революционной борьбы...—говорилось в Манифесте МПЛА к ангольскому народу.—Эта борьба может быть успешно закончена нашим народом, если только будет создан объединенный фронт, включающий все антиимпериалистические силы Анголы» [155, стр. 3].

Долгое время молодые революционеры Анголы и Гвинеи рас-

²¹ Во многих изданиях советской исторической литературы и особенно в периодической печати утвердилось сокращение названий политических партий и организаций с португальского языка: Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Союз народов Анголы (УПА), Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА), Революционное правительство Анголы в изгнании (ГРАЕ); Африканская партия независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), Африканская партия независимости (ПАИ), Революционные вооруженные силы народа (ФАРП), Фронт национальной независимости Гвинеи (ФЛИНГ), Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), Демократический национальный союз Мозамбика (УДЕНАМО).

считывали на мирное получение независимости. Они намеревались добиться «добровольного» ухода колонизаторов. В условиях строгой конспирации в портах и на предприятиях в городах создавались подпольные группы, вечерние школы для рабочих, превратившиеся в центры пропаганды антиколониальной борьбы²². Установление тесных связей с трудящимися города способствовало укреплению революционно-демократических элементов в руководстве организаций, росту их политической зрелости.

Руководство МПЛА и ПАИ постепенно убеждалось в том, что мирные акции не являются действенным оружием против колониального режима. Подпольщики встречали большие затруднения в городах, где действовала тайная политическая полиция — ПИДЕ. К тому же с 1957 г., почувствовав активизацию патриотических элементов, полиция усилила репрессивные меры.

Колониальные власти Анголы давно готовились к наступлению на патриотов. К 1958 г. по указанию генерал-губернатора О. де Са Виана Ребело были созданы вооруженные отряды белых колонистов. Увеличила количество своих отделений, особенно на границе колоний, политическая полиция. 8 июля 1960 г. был арестован в Луанде почетный президент МПЛА Агостиньо Нето, а его соотечественники из деревни Иколо-и-Бенге, устроившие демонстрацию, были расстреляны. Чтобы запугать местное население, колониальные власти начали уничтожать заключенных в тюрьмах столицы, а военное командование организовало показательные бомбометания для демонстрации поражающего действия напалмовых бомб²³.

Открытые военные приготовления колонизаторов заставили руководство МПЛА пересмотреть свою точку зрения на пути и средства развития освободительной борьбы. Уже в 1958 г. Жоао Гонсалвес Бенедито, один из членов руководства Движением, был делегирован для подготовки боевых групп в Луанде и ее окрестностях. В 1960 г. были сформированы первые вооруженные отряды.

Переломным моментом в освободительной борьбе гвинейского народа явились события 3 августа 1959 г. в Бисау. В этот день отряды полиции и вооруженного белого населения расстреляли мирную демонстрацию африканских рабочих-докеров, требовавших увеличения заработной платы. Больше 400 демон-

²² Впоследствии, как пишет Ж. Шальян, именно из промышленных рабочих, докеров, строителей, транспортников комплектовались лучшие кадры партизан [573, стр. 32—33].

²³ В 1959 г. подразделения ВВС были переброшены для постоянной дислокации в Анголу. В 1960 г. португальское командование под строгим секретом перебросило в Анголу еще 2 тыс. войск, доведя таким образом их общее количество до 20 тыс. Военные корабли начали патрулировать ангольское побережье. В северных и южных пограничных районах проводились командно-штабные учения по отработке противопартизанских действий [см. 705, стр. 35].

странтов были арестованы. В Гвинею срочно стали прибывать новые подразделения колониальной армии. 19 сентября 1959 г. в Бисау состоялось подпольное совещание руководства ПАИ, которое решило начать подготовку вооруженного выступления, уделяя основное внимание вовлечению в борьбу сельского населения. После того как руководство ПАИ определило перспективу развития революционной борьбы, к партии начали присоединяться различные группы патриотов. На подпольном совещании в Бисау в начале 1960 г. революционеры пришли к единодушному мнению о необходимости объединить усилия народов Гвинеи и островов Зеленого Мыса в борьбе с колонизаторами, превратив ПАИ в единый руководящий орган. Было решено изменить название партии, переименовав ее в Африканскую партию независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК). Генеральным секретарем партии был избран Амилкар Кабрал.

Еще в конце 1959 г. первые подпольщики отправились на работу в деревню. Их задача состояла не только в ведении антиколониальной пропаганды. Они должны были создавать группы партии на местах, устанавливать контакты с местным населением, подыскивать людей, которые должны были уйти к партизанам. Это было делом чрезвычайно сложным. Среди отсталого крестьянства, жившего в условиях общинно-племенного строя, были распространены самые различные предрассудки, затруднявшие революционную пропаганду, недоброжелательность к горожанам, «ассимилированным» и мулатам, которых было немало среди членов революционных организаций. Довольно сильное влияние на крестьян имели традиционные вожди и старейшины деревень, поддерживавшие колонизаторов. Давали о себе знать и племенные противоречия²⁴.

Расширялась и нелегальная работа в городе. Руководство ПАИГК пришло к выводу о необходимости создания нелегальных профсоюзов, которые бы поднимали трудящихся на открытые выступления в защиту своих социальных прав. В 1961 г. под руководством ПАИГК был создан Национальный союз трудящихся Гвинеи.

Амилкар Кабрал в мае 1960 г. вступил в контакт с властями Гвинейской Республики, и партия получила разрешение на создание там штаб-квартиры, а также центров по подготовке политических и военных кадров. Организации ПАИГК были созданы среди эмигрантов в Сенегале, Гвинейской Республике, Гамбии и Мали.

Готовились к вооруженному выступлению и ангольские патриоты. В 1959 г. по инициативе МПЛА был создан Союз черных трудящихся и рабочих Анголы — подпольная профессиональная организация. Однако в работе среди крестьян МПЛА встречало значительные трудности. Объяснялось это прежде всего тем, что

²⁴ Например, колонизаторы всячески подогревали недоверие между племенами баланте и фула в Гвинеи, баконго и умбунду в Анголе.

партия долгое время продолжала оставаться организацией средних слоев и трудящихся города. По своей этнической принадлежности это были в большинстве случаев выходцы из прибрежных районов, не имевшие связей с внутренними районами.

Патриоты рассчитывали, что территория соседнего Конго (Леопольдвиль) должна стать базой для развития вооруженной борьбы в Анголе. Поэтому партия решила приурочить вооруженное выступление к тому моменту, когда Конго получит независимость. В мае 1960 г. МПЛА постановило создать временную штаб-квартиру в Конакри.

Задача объединения патриотических сил осложнялась тем, что в процессе освободительной борьбы появились политические группировки, противостоявшие ПАИГК и МПЛА, мешавшие установлению единства. Лидеры этих группировок пытались опереться на те этнические элементы, к которым они принадлежали. Трибалистские тенденции вели к союзу с племенной знатью, подчас склонной заигрывать с националистическим движением. Часть трибалистски настроенных националистов так и не отважилась объявить войну португальскому колониализму, другие пошли с ним на открытую сделку, третьи встали на путь авантюризма.

Особенно остро стоял вопрос о деятельности трибалистских группировок в Анголе, где традиционные институты играли довольно существенную роль в социальной жизни. Достаточно сказать, что вожди баконго на севере страны вынашивали планы создания великого королевства, которое объединило бы всех баконго, разделенных границами Анголы и обоих Конго. Подобную программу защищал Союз народов севера Анголы (УПНА)²⁵. Он выдвинул на роль короля-объединителя Олдена Роберто, выходца из традиционной знати, который покинул Анголу еще в детстве. Когда Олден Роберто понял, что откровенно монархическая и трибалистская программа не встретит должной поддержки, он высказался за республику. Став президентом УПНА в 1958 г., он изменил название организации на Союз народов Анголы (УПА), пытаясь скрыть ее трибалистский характер.

Кроме УПА, также в эмиграции, возникла другая трибалистская группировка — Союз беженцев зомбо (АЛИАЗО), опиравшаяся на зомбо. Существовало большое количество различных трибалистских группировок в анклавке Кабинда.

В интересах создания широкого фронта освободительных сил с призывом к единству неоднократно апеллировало к эмигрантским организациям руководство ПАИГК. В 1960 г. МПЛА дважды официально обращалось к Олдону Роберто с предложением обсудить объединение двух организаций. Однако как в Анголе,

²⁵ С подобными планами выступали также «Абако» (Бельгийское Конго) и реакционная партия французского Конго — Демократический союз защиты африканских интересов.

так и в Гвинее раскольники ответили на эти предложения категорическим отказом.

Борьба против общего врага ставила задачу координации действий патриотических сил всех колоний. Первая попытка создания единого центра относилась к 1957 г., когда эмигранты из колоний Португалии создали «Антиколониальное движение» (МАК). В задачу организации входило информирование мировой общественности о положении в португальских колониях и о борьбе с колониальным режимом. «Антиколониальное движение» в 1960 г. было распущено, а МПЛА и ПАИГК в мае 1960 г. создали новую организацию, чтобы вокруг нее собрать способные на борьбу силы и укрепить единство патриотов на новой основе. Организация получила название «Африканский революционный фронт независимости португальских колоний».

Делегации ПАИГК и МПЛА приняли активное участие в работе Второй конференции народов Африки в 1960 г. в Тунисе. Патриоты Гвинеи и Анголы к 1960 г. вошли в контакт и договорились о получении поддержки не только Гвинейской Республики, но также Ганы, Мали, Алжира и Марокко. Летом 1960 г. члены руководства МПЛА и ПАИГК посетили Советский Союз.

Заявляя о твердом намерении всеми средствами добиться освобождения, МПЛА и ПАИГК тем не менее неоднократно обращались к правительству Португалии с предложением мирно урегулировать вопрос о получении независимости Анголой и Гвинеей. По словам Амилкара Кабрала, патриоты в тот период не исключали возможности завоевания независимости мирным путем. Однако продолжавшаяся подготовка к вооруженной борьбе должна была стать одним из факторов, который мог бы заставить Лиссабон пойти на уступки.

В то время как ангольские и гвинейские патриоты в ответ на категорический отказ португальских властей начать переговоры готовились к вооруженному выступлению, в Мозамбике процесс консолидации националистических сил еще не наступил. Правда, в соседних африканских странах уже существовали различные организации эмигрантов Мозамбика, но они не были связаны между собой и не вели активной работы внутри страны. Только одна из них — Демократический национальный союз Мозамбика, — созданная в Солсбери в 1960 г., предпринимала шаги по установлению контактов с другими группами и выработке единой платформы.

Отсутствие единой патриотической организации отрицательно сказывалось на развитии борьбы народа Мозамбика. Португальская администрация безнаказанно расправлялась со стихийными вспышками. 16 июня 1960 г. во дворе муниципалитета Муэда, административного центра округа Кабу-Делгаду, была расстреляна большая группа сельскохозяйственных рабочих, которых сама администрация спровоцировала на выступление. Только с началом вооруженной борьбы в других африканских

колониях Португалии, а также после получения независимости Танганьикой и Замбией в Мозамбике создались благоприятные условия для развития революционной борьбы.

Вооруженная борьба в Анголе

Началом вооруженной борьбы в Анголе явилось выступление подпольных групп МПЛА в Луанде 4 февраля 1961 г. В 3 часа утра группы патриотов, разоружив несколько подразделений полиции, совершили нападение на городскую тюрьму, радиостанцию и муниципальный полицейский пост. Руководство МПЛА преследовало несколько целей. Во-первых, революционеры намеревались освободить товарищей, которых власти собирались вывезти из тюрьмы и уничтожить. Во-вторых, партия решила, что выступление в Луанде должно стать сигналом к началу вооруженной борьбы. И в-третьих, в столице Анголы находились 60 иностранных журналистов, которые ожидали прибытия из Бразилии португальского лайнера «Санта-Мария», незадолго до этого захваченного группой патриотов во главе с Энрике Галвао. Присутствие журналистов могло способствовать широкому освещению в мировой печати событий в Анголе.

Выступление в столице закончилось неудачей. Полиции удалось сдержать натиск вооруженных групп МПЛА, уничтожить или рассеять патриотов по городу. Но подпольные группы партии в сельских районах округа Луанда начали поднимать народ на вооруженную борьбу. В лес ушли многие члены МПЛА. Была создана специальная военная организация, ею руководил Революционный комитет и центральный штаб восстания, которым подчинялись 14 повстанческих отрядов МПЛА, действовавших в округах Северная Кванза, Луанда, Конго и Маланже. Каждый округ соответствовал партизанской «военной зоне».

Патриоты допустили серьезные просчеты в подготовке вооруженного выступления. Случайный характер носил выбор дня восстания, операция 4 февраля готовилась в спешке. Активные действия групп МПЛА ограничивались только округами Луанда и Северная Кванза, т. е. областями расселения этнических групп, говорящих на языке киконго. Партия еще не имела прочной опоры в сельской местности. Этим прежде всего можно объяснить тот факт, что вспыхнувшие вскоре массовые революционные выступления имели в основном стихийный характер. В результате только 5 февраля в Луанде было истреблено около 3 тыс. африканцев, откликнувшихся на призыв МПЛА, около 5 тыс. рабочих хлопковых плантаций было убито в районе Касанжи [247, 1968, спец. номер, стр. 2].

Положение осложнилось в результате авантюристических действий Олдена Роберто, который пользовался значительной поддержкой сельского населения. 15 марта 1961 г. вооруженные отряды Союза народов Анголы (УПА) начали совершать нападения на плантации белых колонистов в округах Зайре и Унже.

Деятельность этих групп характеризуют лозунги, которые в тот период распространяли агитаторы УПА: «Убивайте всех белых и мулатов!», «Племя баконго первенствует в Анголе!», «Курите диамба-киф (гашиш), чтобы стать смелыми в бою!», «Носите амулеты, чтобы вас не брали пули!». По словам самого Олдена Роберто, его отряды уничтожили свыше 4 тыс. белых поселенцев и членов их семей [237, 1967, июнь].

УПА не уделял внимания военной подготовке. Больше того, он призывал африканцев атаковать противника только в открытой местности, большими массами, во весь рост, в сопровождении ритуальных танцев и музыки. Потери повстанцев в первые месяцы вооруженной борьбы колебались, согласно различным источникам, от 50 тыс. до 80 тыс. человек.

Об обстановке, сложившейся тогда в освободительном движении, свидетельствовал бывший начальник штаба УПА М. Касанга, который в марте 1962 г. заявил: «Борьба, развернувшаяся на севере Анголы, в любом смысле была настоящей братоубийственной бойней. Трибалистские элементы УПА вырезали около 8 тыс. африканцев... Это бесчеловечное побоище ангольцев ангольцами было порождением слепого трибализма» [247, 1969, стр. 12]. Отряды УПА вскоре повернули свое оружие против МПЛА. В октябре 1961 г. руководство МПЛА отправило с территории Конго (Леопольдвиль) в округ Северная Кванза отряд под руководством Томаса Феррейра. Этот отряд был окружен подразделениями УПА и уничтожен.

Португальские колонисты оставляли свои земли, чтобы укрыться в городах под защитой армии. К 1962 г. Португалия сосредоточила в Анголе до 40 тыс. солдат и офицеров [466, стр. 83]. Карательные отряды выжигали целые деревни. Особыми зверствами отличались добровольческие подразделения белых колонистов, которые заживо закапывали африканцев, топили их и т. п. Жесточайшие репрессии, нехватка вооружения и отсутствие военного опыта, ошибки в организации вооруженной борьбы, раскольническая деятельность УПА — все это привело к падению боевого духа населения. В страхе перед карателями тысячи крестьян потянулись к границам. К концу 1961 г. только в Конго (Леопольдвиль) насчитывалось около 200 тыс. ангольских беженцев.

Уроки первого года вооруженной борьбы поставили перед руководством Народного движения за освобождение Анголы задачу заново начать организацию всенародного движения. В августе 1961 г. руководство партии дало приказ своим отрядам рассредоточиться. В течение 1962 г. партии удалось переправить в глубь страны несколько караванов с оружием и боеприпасами. Одновременно 200 ангольцев были отправлены на военную учебу в некоторые независимые африканские государства. Вооруженные отряды МПЛА в этот период не вели значительных операций против колонизаторов, уделяя основное вни-

мание разъяснительной работе и установлению контактов с населением.

Первая национальная конференция МПЛА состоялась в декабре 1962 г. в Леопольдвиле. Чтобы укрепить связи с сельским населением, конференция предложила создавать в деревнях группы самообороны. Было принято решение о расширении и укреплении партизанских районов. Конференция возложила руководство вооруженной борьбой на специальный орган — Военно-политический комитет под председательством президента МПЛА [204]. Президентом партии был избран Агостиньо Нето, которому в июне 1962 г. удалось бежать из тюрьмы.

В начале 1962 г. Олдену Роберто удалось добиться создания Фронта национального освобождения Анголы (ФНЛА), который начал претендовать на роль единственного представителя освободительных сил. 5 апреля Олден Роберто провозгласил создание самозванного Революционного правительства Анголы в изгнании (ГРАЕ). Руководство ФНЛА всячески стремилось изолировать МПЛА. Когда в августе 1962 г. МПЛА предложило Олдену Роберто обсудить возможности координации действий, тот ответил отказом. Вооруженные отряды УПА, которые совершали эпизодические вылазки с территории Конго (Леопольдвиль), препятствовали продвижению внутрь страны отрядов МПЛА. В апреле 1963 г. в северном районе Намбуангонго раскольники атаковали отряд МПЛА и убили 14 партизан.

Реакционные элементы в Африке, а также империалистические державы делали основную ставку на ФНЛА, который принял их поддержку. Об этом свидетельствует список приближенных Олдена Роберто: американец Мак Мюллер — личный советник; американец Шарль Доркин — ответственный за радиоаппаратуру в лагере Кинкузу на территории Конго (Леопольдвиль); Виль Манхерц, американский офицер, воевавший во Вьетнаме, — один из создателей отрядов УПА; кубинский контрреволюционер Карлос Кассель — военный советник. «На партию Олдена Роберто оказывается американское давление, — писал бывший союзник УПА, вице-президент Демократической партии Анголы Матумома. — Действительно, от наблюдателей не ускользает, что моральная и финансовая помощь, которую получает УПА, почти полностью поступает из Соединенных Штатов, в первую очередь от Американского комитета для Африки» [262, 5.II.1962].

Правящие круги Конго (Леопольдвиль) давно оказывали покровительство Олдену Роберто. Правительство Адулы сделало все возможное, чтобы закрыть МПЛА доступ к фондам Комитета освобождения ОАЕ в Аддис-Абебе²⁶. Когда в июле 1963 г.

²⁶ Комитет освобождения, или Комитет 11-ти, с постоянной штаб-квартирой в Дар-эс-Саламе — внеуставный комитет ОАЕ, созданный учредительной конференцией ОАЕ в Аддис-Абебе 22—25 мая 1963 г. с целью оказания помощи национально-освободительным движениям [см. 132, стр. 46].

в Леопольдвиль прибыла специальная комиссия Комитета, власти Конго старались дискредитировать МПЛА, которое в тот момент переживало кризис из-за раскольнической деятельности бывшего генерального секретаря партии Вириато да Крус²⁷. Под влиянием С. Адулы комиссия Комитета освобождения дала соответствующие рекомендации Совещанию министров иностранных дел ОАЕ в Дакаре в августе 1963 г., и оно признало ГРАЕ единственным представителем борющегося народа Анголы. 2 ноября 1963 г. правительство Конго запретило деятельность МПЛА на территории страны и провело аресты среди его функционеров.

Народному движению за освобождение Анголы пришлось пересмотреть планы развития вооруженной борьбы. Если раньше военная стратегия МПЛА строилась в расчете на использование территории Конго (Леопольдвиль), то теперь партия должна была опираться на территорию Конго (Браззавиль).

Руководство МПЛА приступило к подготовке военных операций в Кабинде. Правительство Конго (Браззавиль) предоставило в распоряжение партии местечко Долизи, где МПЛА создало военно-тренировочный лагерь, госпиталь и школы. Большая группа членов партии была отправлена на военную учебу в дружественные африканские, а также в социалистические страны. С лета 1964 г. отряды МПЛА периодически стали проводить операции против португальской армии на территории Кабинды, которая стала Вторым районом военных действий (Первый район — Намбуангонго и Дембуш в северо-западной части Анголы).

Для военных операций в Кабинде весь анклав был разбит на военные зоны. Партизаны действовали с баз, находящихся внутри Кабинды. На базах были созданы центры военно-политической подготовки, школы, пункты медицинской помощи. Были приняты меры для защиты гражданского населения от карательных отрядов. Партизаны не только брали на себя охрану деревень, но и помогали крестьянам в уборке урожая.

Кабинда стала школой, из которой вышли закаленные в боях военные организаторы, где партия проверяла на практике формы и методы ведения боевых действий. Война в Кабинде была «первым организованным очагом национальной народной войны, — говорится в одном из документов МПЛА. — Она дала уверенность старым активистам, которые в городах и деревнях Анголы сохраняли свою верность движению» [247, 1969, стр. 15].

²⁷ Вириато да Крус — участник первых националистических организаций в Анголе, поэт. В 1963 г., недовольный возвращением в МПЛА А. Нето, что нарушало его честолюбивые планы, попытался вызвать раскол в руководстве движением. Опираясь на поддержку из КНР, он спровоцировал вооруженные столкновения между ангольцами в Леопольдивиле [408, стр. 130].

Руководство МПЛА вступило в контакт с правительствами Замбии и Танзании и получило разрешение на использование территории этих стран. Вскоре МПЛА создало там военно-тренировочные лагеря, начало вести пропагандистскую работу среди ангольских эмигрантов в этих странах. В конце 1965 г. партии удалось переправить в восточные округа Мошико и Квандо Кубанго первые группы патриотов.

К 1966 г. относится окончательная разработка руководством МПЛА организационной структуры партизанских отрядов. Основу этой структуры составляли партизанские группы численностью в десять человек. Три группы образовывали секцию (31 человек). Несколько секций действовали на территории определенной зоны, центром которой являлась зональная база. Несколько зон составляли район (700—1000 партизан) во главе с районным командованием, которое подчинялось непосредственно Военно-политическому комитету при Руководящем комитете МПЛА. За каждой секцией и зоной, а также за базами были закреплены политкомиссары, ответственные за политическую работу с партизанами и связь с населением. Была разработана система снабжения отрядов боеприпасами. С центрального склада грузы, как правило, поступали на склады военных районов, находившиеся на границе. Районное командование транспортировало грузы на зональные базы. Грузы перебрасывались не только партизанами, но и местным населением от деревни к деревне.

К маю 1966 г. подготовка подразделений для восточных районов и их концентрация на границе были закончены; 18 мая в округах Мошико и Квандо Кубанго был открыт Третий район военных действий. Из округов Мошико и Квандо Кубанго открывалась дорога в центральные районы страны и далее на северо-запад, к Намбуангонго и Дембушу.

Обходя гарнизоны португальской армии, отряды МПЛА за короткий срок сумели глубоко вклиниться в территорию, которая в четыре раза превосходит Португалию по площади. Колониальная армия не смогла сдержать натиска патриотов. С мая 1966 по январь 1967 г. колонизаторы потеряли в Третьем районе до 1 тыс. солдат, пять бронекатеров, три самолета. За этот же период партизаны организовали 39 засад, взорвали 6 мостов и уничтожили 4 гарнизона [155, стр. 17]. В октябре 1966 г. эскадрон «Сьенфуэгос» сумел доставить большую партию оружия и боеприпасов в район Намбуангонго. В марте 1967 г. туда прошел эскадрон «Ками». Эти два смелых рейда имели своим результатом активизацию вооруженной борьбы. Португальское командование не скрывало своего беспокойства, а министр обороны Португалии признал, что МПЛА удалось сделать «конфликт более сложным в военном отношении» [246, 1966, октябрь, стр. 3]. Боевой дух португальских солдат падал. В начале 1967 г. подняли восстание солдаты-африканцы в гарнизоне г. Новый

Лиссабон, что заставило командование сократить подразделения из африканцев [331, 1967, апрель].

Как правило, операции отрядов МПЛА заключались в диверсиях на линиях коммуникаций, нападениях на патрули и походные колонны колониальной армии. Партизаны подразделяли эти действия на «операции-щипки», имевшие целью держать противника в напряжении, и «операции-молнии», рассчитанные на уничтожение врага и его объектов. В подобных действиях вначале принимали участие не больше 15—20 человек (до двух групп), что позволяло обеспечить внезапность и скрытность маневра. С 1967 г., когда отряды МПЛА приступили к освобождению «центров по расселению» и начали систематически совершать налеты на укрепленные посты и гарнизоны, количество партизан, участвующих в одной операции, стало достигать до 100 человек (три секции). Существовали и более крупные подразделения: эскадрон (свыше 150 человек) и колонна (больше 750 человек). Однако они создавались только на марше, при продвижении партизанских соединений в глубь страны.

Португальское военное командование также провело ряд мер по усилению борьбы против партизанских сил. Наряду с постоянным наращиванием численности вооруженных сил начали применяться интенсивные воздушные бомбардировки партизанских районов. Для этого специально была построена новая военно-воздушная база в Неджадже. В войсках было введено обучение тактике противопартизанской войны. Чтобы предупредить хищение оружия, передвижения войсковых частей и подразделений производились большими конвоями под прикрытием с воздуха [705, стр. 277—278]. В Южной Анголе создавался дорожный комплекс протяженностью 3 тыс. миль, имевший стратегическое значение. Охрана южной границы проводилась вместе с вооруженными силами ЮАР [351, 19. IX. 1962]. В лесах были организованы специальные «центры по расселению», куда под видом беженцев сгонялось мирное население охваченных восстанием районов. По примеру французской армии в Алжире началось проведение подрывной пропаганды или «психологической войны» [705, стр. 279].

В 1966—1967 гг. португальское командование продолжало наращивать вооруженные силы и настойчиво внедрять методы противопартизанской войны, которые к этому времени получили весьма широкое применение и развитие в ходе боевых действий американской армии во Вьетнаме.

К 1967 г. в Анголе насчитывалось свыше 50 тыс. солдат колониальной армии [168, 1968, февраль]. Раньше регулярная армия, как правило, не дислоцировалась во внутренних районах, где администрация опиралась на небольшие подразделения местной полиции. Теперь же командование было вынуждено создать в Анголе «зоны интервенции» с системой баз и гарнизонов. Прибывающие из метрополии подразделения концентрировались

в перевалочном пункте Графанил, в окрестностях Луанды, а затем поротно на автомашинах перебрасывались на базы в «зоны интервенции». В сухой сезон роты приступали к «операциям по очистке», направляя оперативные группы от 25 до 30 человек в районы действия партизан. Группам, как правило, придавались саперные взводы; предварительно проводилась разведка и бомбардировка расположения патриотов. Побережье, а также реки Конго и Кванза стали патрулироваться военными судами, в числе которых были закупленные в Англии фрегаты «Алварес Кабрал», «Пашеко Перейра» и «Педро Эскобар». Оснастив с помощью США, ФРГ, Израиля свою армию вертолетами, португальцы стали широко использовать разработанную во Вьетнаме тактику аэромобильных подразделений. Пять-семь вертолетов доставляли десант в районы действий партизан, близлежащие деревни сжигались, а оставшееся в живых население сгонялось в «центры по расселению». Активное участие в борьбе с партизанами принимали группы «командос», прошедшие подготовку в специальных учебных ротах.

Несмотря на все усилия, португальской армии не удалось остановить продвижение партизанских групп внутрь страны, локализовать партизанские районы. Больше того, командование было вынуждено рассредоточивать свои силы. В округах Мошико и Квандо Кубанго возникли зоны, находящиеся под контролем партизан, где не отваживались появляться карательные отряды.

Увеличение числа партизанских отрядов поставило задачу их самообеспечения. Каждый отряд и база стали выращивать продовольственные культуры, прежде всего маниок и рис. Национальный союз трудящихся Анголы, которому партия поручила организацию хозяйственной жизни в освобожденных районах, разработал и начал проводить в жизнь меры по повышению урожайности в крестьянских хозяйствах. Представители Национального союза пропагандировали новые методы обработки земли, стимулировали помощь крестьян друг другу. Руководство МПЛА приступило к созданию «народных магазинов», где крестьяне обменивали продукты своего труда, главным образом продовольствие, на необходимые им товары без денег [197, 1968]. В 1969 г. был создан Центр торговой учебы по подготовке кадров для «народных магазинов».

Росту популярности МПЛА способствовало и создание в освобожденных районах сети медицинского обслуживания населения. Функционирующие там медицинские посты и выездные «бригады здоровья» ведут профилактический осмотр населения. С 1968 г. в Третьем районе организована подготовка санитаров для партизанских отрядов [247, 1969, стр. 29]. Помощь населению оказывают и партийные госпитали, построенные в пограничных районах. Например, госпиталь МПЛА на границе с Кабиндой только за апрель 1965 г. оказал медицинскую помощь

240 взрослым и 330 детям [246, стр. 5]. Развивается сеть начальных школ.

В 1968 г. в Третьем районе стал действовать Центр революционной подготовки. В этом Центре партия готовит кадры политических работников, которые «должны способствовать подъему политического, военного и культурного уровня населения и укреплению дисциплины внутри МПЛА на основе принципа единства революционной практики и революционной теории» [206].

В 1967 г. партизаны контролировали обширные районы округов Мошико и Квандо Кубанго с населением 40 тыс. человек. Третий район превратился в основной центр вооруженной борьбы. В общей сложности португальская армия потеряла здесь с февраля по ноябрь 1967 г. около 1200 солдат, 4 самолета, 9 катеров, 55 автомашин. Кроме того, партизаны взорвали 10 мостов, атаковали 10 гарнизонов [247, 1968, стр. 12—13]. Они уничтожили ряд плантаций колониальных компаний в Китеше, Террейро и Зомбо (Первый район). В Третьем районе были совершены нападения на торговые центры и лесопилы. В марте на Бенгельской железной дороге, основной магистрали страны, патриоты пустили под откос товарный эшелон. Через неделю был взорван почтовый поезд [271, 24, 31. III. 1967].

В 1967 г. в связи с готовившимся наступлением португальцев руководство МПЛА поставило перед партией задачу распространения вооруженной борьбы на всю территорию страны. Сознательно идя на некоторое распыление революционных вооруженных сил, руководство считало, что рассредоточение колониальной армии по огромной территории чревато для противника большими осложнениями. «Необходимо растянуть вражеские силы по отдельным очагам,— заявил на пресс-конференции в январе 1968 г. Агостиньо Нето.— Это будет его парализовать и лишит возможности наступления» [698, стр. 12].

Партизанские отряды в мае 1968 г. проникли на территорию округов Лунда и Маланже, где возник Четвертый военный район. В июне был создан Пятый район в округе Бие. Одновременно начали расширять свои действия отряды патриотов в Первом районе: они продвинулись на восток — в округа Уиже и Зайре. К концу 1968 г. партизаны действовали в 10 из 15 округов Анголы.

Отряды МПЛА в Первом районе атаковали плантации португальских компаний в 60 км от Луанды и освободили сотни насильно законтрактованных африканцев [197, 1968]. Большие потери понесла португальская армия в Третьем районе — 470 солдат с июня по сентябрь 1968 г. [там же]. С середины 1968 г. отряды МПЛА прекратили продвижение внутрь страны, приступив к укреплению своих позиций и отражению контратак португальской армии.

В 1966 г. партия подготовила за рубежом 470 партизан, а в 1967 г.— еще 500 человек [246, стр. 3; 168]. В течение 1967 г.

подготовку в лагерях внутри страны прошли 2 тыс. ангольцев [247, 1968, стр. 12]. Всего к 1969 г. у МПЛА насчитывалось 4 тыс. партизан на севере и 7 тыс.— на востоке страны [363, 1969, июль — август, стр. 3]. Выросло мастерство руководящих военных кадров. Неувядаемой славой овеяно в Анголе имя командующего Жозе Мендеса де Карвальо, известного под кличкой Хенда. Он был одним из создателей первых отрядов МПЛА, командовал отрядами в Кабинде в 1964 г., а затем был ответственным за координацию военных действий партии в 1968 г. Руководящий комитет МПЛА направил Хенду на восток, где он возглавил кампанию по расширению вооруженной борьбы. Жозе Мендес де Карвальо героически погиб в августе 1968 г. во время ликвидации одного из гарнизонов португальской армии в округе Мошико.

В то время как МПЛА добивалось все новых и новых успехов, организация Олдена Роберто переживала тяжелый кризис.

В июне 1965 г. о выходе из ГРАЕ заявил «военный министр» Алешандре Тати, выходец из Кабинды, который открыто начал сотрудничать с португальцами. Оставил вскоре Олдена Роберто и «министр иностранных дел» Ж. Савимби, который позднее создал самостоятельную организацию на базе народности балунда в центре страны. Вооруженные отряды УПА совершали набеги лишь на пограничные районы Анголы. Причем, как и раньше, они чаще нападали не на подразделения колониальной армии, а на гражданское население или отряды МПЛА.

Определенные круги в Конго (Леопольдвиль) поддерживали деятельность Олдена Роберто. В 1966 г. конголезская полиция арестовала одного из основателей МПЛА, майора Жоао Гонсалвеса Бенедито, и передала его О. Роберто. В 1967 г. та же участь постигла группу медицинских работников МПЛА, направлявшихся в глубь страны с партией медикаментов. В июле 1967 г. конголезская армия задержала свыше 200 членов МПЛА, шедших с грузом оружия в Первый район. Пленные и оружие вскоре оказались в лагере Кинкузу, где базировались отряды Олдена Роберто.

В феврале 1968 г. руководство МПЛА направило в ОАЕ документ, в котором потребовало пересмотреть решение о признании ГРАЕ.

В феврале 1968 г. Совет министров ОАЕ на совещании в Аддис-Абебе единогласно принял решение рекомендовать правительствам африканских стран пересмотреть вопрос о признании ГРАЕ. В сентябре 1968 г. Конференция глав государств и правительств ОАЕ в Алжире отказалась признать ГРАЕ единственным представителем националистических сил Анголы. А в 1969 г. Международная конференция в поддержку народов португальских колоний и юга Африки, состоявшаяся в Хартуме по инициативе Организации народов Азии и Африки и Всемирного Совета Мира, обратилась ко всем правительствам мира с призывом

признать подлинным законным представителем Анголы Народное движение за освобождение Анголы.

Новые успехи принес МПЛА 1969 год. Патриотам не только удалось сдержать контрнаступление колониальной армии, но и самим нанести противнику чувствительные удары. В июне в окрестностях Гаго Коутиньо в Третьем районе была уничтожена крупная колонна карательных войск [197, 23. VIII. 1969]. В 100 км от столицы были уничтожены большие склады горючего, принадлежавшие бельгийскому тресту «Петрофина» [248, 24. VIII. 1969]. Активизировали деятельность партизаны Кабинды. В общей сложности с марта по ноябрь 1969 г. португальская армия потеряла только убитыми свыше 600 человек [348, 1970, № 1, стр. 28]. Активизировалось подполье МПЛА в городах Силва-Порту, Бенгела, Тейшейра-ди-Соза, Новый Лиссабон. Группа подпольщиков уничтожила склады горючего в Луанде.

Определяя планы и задачи партии на 1970 г., президент МПЛА Агостиньо Нето заявил, что «прежде всего основное внимание будет уделено развитию действий внутри страны» [335, 1970, № 311]. В течение 1970 г. патриоты неоднократно пытались установить стабильную связь с районом Намбуангонго на северо-западе Анголы. С этой целью активизировались действия партизанских групп в Пятом военном районе (Бие), где наиболее сильные бои с колониальной армией проходили у крепости Мумбе [197, 11. VIII. 1970]. Развивались действия патриотов и в Третьем военном районе (Мошико — Квандо Кубанго).

Вооруженная борьба в Мозамбике

Трудным и сложным был процесс консолидации сил мозамбикского народа в освободительной борьбе. До 1962 г. в Мозамбике так и не возникло национальной политической организации, и только среди эмигрантов, находившихся в соседних африканских странах, существовали небольшие объединения патриотов: уже упоминавшийся Демократический национальный союз Мозамбика в Солсбери, Мозамбикский союз племени маконде в Момбасе, Мозамбикский африканский национальный союз и некоторые другие. Все эти националистические организации и группы сразу же после получения Танганьикой независимости создали в Дар-эс-Саламе свои штаб-квартиры.

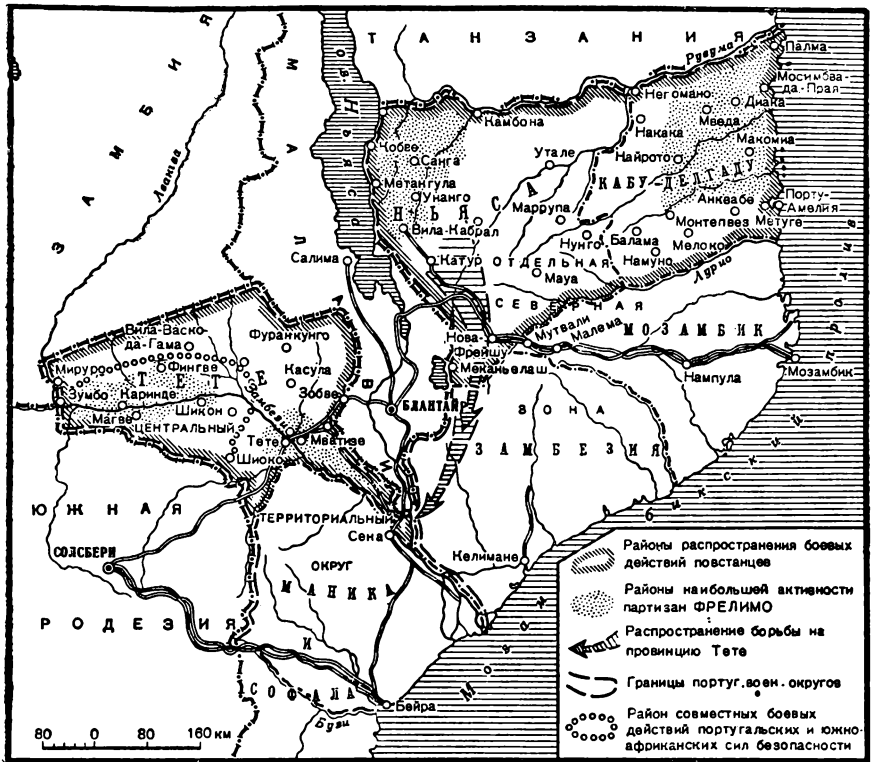
Первый шаг к объединению патриотов был предпринят на состоявшейся в Аккре в 1961 г. Конференции борцов за свободу Африки. Следуя советам делегатов конференции, представители Демократического национального союза и Мозамбикского африканского национального союза подписали протокол о совместном голосовании. После конференции эмигрантские центры пришли к решению создать специальный комитет по объединению. В июне 1962 г. этот комитет опубликовал решение, согласно которому все ранее существовавшие организации распускались, а

их члены автоматически вступали во Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).

В сентябре 1962 г. в Дар-эс-Саламе состоялся первый съезд ФРЕЛИМО, который в «Обращении к народу Мозамбика» заявил о намерении начать подготовку к вооруженной борьбе за освобождение. Съезд избрал исполнительные органы: Национальный совет и Центральный комитет, состоявший из 22 человек. При ЦК ФРЕЛИМО были созданы различные департаменты, в том числе политический, подпольной работы, обороны и безопасности. На пост президента организации был единодушно избран Эдуардо Мондлане.

Руководство ФРЕЛИМО направило в Мозамбик политических организаторов, которые приступили к созданию подпольных групп. В конце 1963 г. организации Фронта появились почти во всех крупных населенных пунктах на севере страны. Руководство ФРЕЛИМО вступило в контакт с правительствами некоторых независимых африканских государств с целью получить помощь в подготовке вооруженного выступления. В 1963 г. для обучения в военно-тренировочных лагерях в Алжир отправилась первая группа мозамбикской молодежи численностью 50 человек, затем еще 140 человек. ФРЕЛИМО приступил к подготовке военных кадров на территории Танганьики в лагерях Багамои и Конгва [719, стр. 128]. ЦК ФРЕЛИМО в июне 1964 г. принял решение начать вооруженные действия через три месяца. В глубь страны были переправлены первые 170 солдат революционной армии. Руководство Фронта исходило из того, что вооруженная борьба будет носить характер длительной партизанской войны [312, 1969, март — апрель, стр. 2]. Было решено создать очаги сопротивления и базы в пяти округах: Кабу-Делгаду, Ньяса, Тете, Замбезия и Мозамбик. 25 сентября 1964 г. группа патриотов совершила нападение на административный пост в поселке Шаи; начальник поста был убит, а содержащиеся в тюрьме политические заключенные освобождены. «Сегодня ФРЕЛИМО торжественно объявляет всеобщее вооруженное восстание мозамбикского народа против португальского колониализма, за полную независимость Мозамбика, — говорилось в воззвании Фронта 25 сентября 1964 г. — Наша борьба закончится только с полной ликвидацией португальского колониализма» [195, стр. 64].

Основными центрами вооруженной борьбы стали два северных округа — Кабу-Делгаду и Ньяса, имевшие общую границу с Танзанией. Португальское командование ожидало нападения, но предполагало, что оно произойдет в виде отдельных ударов с территории Танзании. Поэтому основные силы португальцев были стянуты в пограничные районы по берегу р. Рувума, откуда все население было эвакуировано в центральные округа. Начало действий на территории Мозамбика было для португальской военщины неожиданностью. За шесть недель в конце 1965 г.

Национально-освободительная война в Мозамбике

колониальная армия имела 1,5 тыс. стычек с партизанами [195, стр. 54]. Численность партизан непрерывно росла. Если в сентябре 1964 г. начали действовать 250 обученных и подготовленных бойцов, сведенных в небольшие отряды (по 10—15 человек), то к середине 1965 г. в боях участвовали подразделения типа роты, а в 1966 г.— батальона. В 1967 г. численность революционных вооруженных сил, не считая милиции и обученных резервистов, достигла 8 тыс. [719, стр. 139]. Их активность не снижалась. К 1966 г. португальские гарнизоны были вынуждены оставить лагерь Пемба, Сагал, Катур и Намрусия. 4 марта 1966 г. патриоты нанесли большой урон колонне, направлявшейся в партизанскую зону Нтарара. В октябре 1966 г. партизаны совершили минометный налет на аэродром у г. Муэда [195, стр. 57]. Португальское командование было вынуждено вскоре окружить города Муэда и Вила-Кабрал сплошной линией колючей проволоки.

Колонизаторы приступили к увеличению своих вооруженных сил. К 1968 г. в Мозамбике находилось больше 40 тыс. порту-

гальских солдат [166, стр. 2]. Страна была разбита на зоны «гражданской обороны», в которых создавались добровольные отряды «белого» населения. В район Муэда были переброшены части из южных округов. Расширился лагерь Метангула на оз. Ньяса, который стал основной базой колониальной армии на севере. Чтобы помешать расширению партизанских районов, на оз. Ньяса были переброшены военные катера. Расширились работы по строительству запасных аэродромов. Перебралось из Лоренсу-Маркиша в г. Нампула (в 150 км от границы с Танзанией) оперативное командование колониальной армии.

Тактике португальских вооруженных сил было прежде всего присуще стремление сузить зону действия партизанских отрядов и наносить удары по базам их сосредоточения. Карательные операции проводились с использованием авиации. Португальские солдаты выжигали посевы, а крестьян сгоняли в «центры по расселению».

Спасаясь от карательных отрядов, свыше 20 тыс. крестьян бежали в Танзанию, Замбию и Малави. В 1966 г. в Лоренсу-Маркише были устроены судилища над членами подпольных организаций ФРЕЛИМО. В тюрьмы попали многие представители интеллигенции, протестовавшие против репрессий, такие, как журналист Луис Онвана, художник Валенте Малантатана, бывший директор газеты «Трибуна» Жоао Рейс и др.

Вооруженная борьба мозамбикских партизан прошла в своем развитии несколько этапов. Первый этап — закрепление партизан в северных провинциях — к началу 1965 г. закончился. Начался почти двухлетний этап (1965 — август 1966 г.) «равновесия сил». Его основным содержанием была борьба за главные магистрали, в конечном счете окончившаяся победой ФРЕЛИМО; не имея возможности контролировать дороги, португальское командование отказалось от замышлявшегося наступления. В то же время возросшая сила ФРЕЛИМО стала настолько очевидной, что он перешел с сентября 1966 г. к активным налетам на базы, гарнизоны и аэродромы португальцев [719, стр. 154—155]. Эти действия потребовали серьезного усовершенствования организации революционных вооруженных сил, особенно создания эффективного центрального командования, без которого нельзя было организовать взаимодействие и снабжение сил, действующих в различных районах страны.

Данному вопросу было целиком посвящено совещание ЦК ФРЕЛИМО в октябре 1966 г. По его решению для руководства вооруженной борьбой был создан Национальный командный совет под председательством президента ФРЕЛИМО. В него вошли также руководитель департамента обороны и безопасности, его помощник, а также руководители отделов. В округах были образованы провинциальные командные советы с такой же структурой. Командующий войсками провинции становился заместителем провинциального секретаря ФРЕЛИМО, что обес-

печивало подчинение военного аппарата Центральному комитету Фронта. Подобная же реорганизация прошла и в областях [там же, стр. 152].

Совещание обратило особое внимание на недостатки в политической работе в партизанских отрядах, что подчас приводило к вспышкам этнических противоречий. Руководство политической работой было поручено специальному помощнику руководителя Национального командного совета в ранге политического комиссара армии. При Совете создавался также политический отдел (политический комиссариат). Аналогичные отделы появились и в командных советах округов и областей. Совещание приняло решение основать школу политических работников революционной армии, создать подразделения народной милиции, в функции которой входила бы транспортировка грузов, разведка, организация самообороны. Милиция стала резервом вооруженных сил.

В 1966—1967 гг. партизаны продолжали активную борьбу против укрепленных постов и гарнизонов армии колонизаторов. С июля 1967 по апрель 1968 г. нападениям подверглись 40 португальских гарнизонов, были сожжены 134 военные автомашины и выведены из строя 1300 солдат противника [287, стр. 29]. Пытаясь помешать распространению вооруженной борьбы на юг, Португалия создала линию обороны Накала — Мандимба; партизаны прорвали ее и окружили четыре основных опорных пункта, входивших в эту линию. В августе 1967 г. нападению вновь подвергся аэродром у г. Муэда: партизаны сожгли три военных самолета [195, стр. 59]. В 1967 г. в округах Кабу-Делгаду и Ньяса партизаны уничтожили гарнизоны в Чивайя, Накатар и Лусома. В западной части округа Ньяса отряды ФРЕЛИМО уничтожили большой лагерь Нгазело. В марте 1968 г. патриоты возобновили военные действия на территории провинции Тете. Открытие здесь нового фронта, по замыслу повстанческого командования, должно было помешать португальским колонизаторам в реализации планов строительства на р. Замбези гидротехнического комплекса Кабора — Басса с помощью расистов ЮАР и Родезии.

К концу 1968 г., по свидетельству руководства ФРЕЛИМО, две трети территории провинций Кабу-Делгаду и Ньяса оказались либо под контролем партизан, либо вошли в зоны активных действий патриотических сил. Освободительная армия ФРЕЛИМО насчитывала около 9 тыс. солдат [219, 26. II. 1969].

Комитеты ФРЕЛИМО, которые действовали на базах и в деревнях освобожденных районов, призвали крестьян сократить производство экспортных культур и увеличить производство продуктов питания, необходимых армии, а также хлопка для изготовления тканей и одежды партизанам.

Руководство ФРЕЛИМО оказало крестьянам посильную помощь. В 1966 г. в освобожденные районы были переправлены

тысячи мотыг и других сельскохозяйственных орудий. ФРЕЛИМО начал создавать свои магазины. В 1966 г. у крестьян были закуплены и вывезены в Танзанию 500 т ореха кэшыю, 100 т сизаля, 100 т арахиса и 10 т касторового масла [345, 1969, специздание, стр. 13]. Из округа Ньяса начался вывоз в Танзанию изделий из черного дерева. Руководство ФРЕЛИМО намечает приступить к вывозу риса и каучука.

На освобожденной территории создана система медицинского обслуживания. Свыше 20 тыс. детей обучается в начальных школах [205, стр. 9]. ФРЕЛИМО отправил молодых мозамбикцев на учебу за границу, создал свои учебные заведения в Танзании.

В июле 1968 г. в округе Ньяса состоялся второй съезд ФРЕЛИМО. Он принял решения об установлении выборной народной власти в освобожденных районах, о развитии производства на кооперативных началах, о политической работе с населением и в армии, о теоретическом изучении проблем освободительной борьбы, о расширении состава ЦК за счет делегатов массовых организаций и представителей с мест, о посылке на учебу за границу только проверенных в боях людей, о переводе в страну некоторых заграничных отделов ЦК [331, 1968, август]. На съезде был поднят вопрос об улучшении технической оснащенности отрядов и системы обеспечения, о необходимости отправки военных специалистов в другие страны для ознакомления с опытом строительства регулярных армий. Съезд подчеркнул важность формирования народной милиции, которая является «формой привлечения народных масс к борьбе». Съезд призвал «усилить мобилизацию и подпольную организацию народа, чтобы создать условия для расширения вооруженной борьбы» [166, стр. 11].

1969 год ознаменовался новыми победами патриотических сил. В провинции Кабу-Делгаду отряды ФРЕЛИМО уничтожили укрепленные лагеря Миньяна и Марере. На железнодорожной линии Катур — Нова Гварда в округе Ньяса нападениям подверглись железнодорожные составы. Был окружен административный центр провинции Вила-Кабрал. Активизировались партизаны округа Тете, которые вывели из строя основные транспортные магистрали, разрушили несколько укрепленных постов колониальной армии [312, 1968, май — июль; 1969, март — апрель].

В ходе освободительного движения организатор борьбы мозамбикского народа — Фронт освобождения Мозамбика должен был вести борьбу против различных раскольников, стремящихся подорвать единство его рядов. В 1963 г. бывший генеральный секретарь ФРЕЛИМО Давид Мабунда, пришедший во Фронт из Демократического национального союза Мозамбика, попытался воссоздать УДЕНАМО. При поддержке КНР другой бывший член руководства ФРЕЛИМО, Пауло Гумане, создал в 1965 г.

Комитет мозамбикской революции (КОРЕМО). Не имея серьезной опоры внутри страны, эта организация в 1967 г. попыталась осуществить нападения на города Тете, Бейру и Келимане, но потерпела поражение от колониальной армии. Характерно, что ближайший сторонник Пауло Гумане, Амос Сумане, тут же призвал ФРЕЛИМО сложить оружие и начать переговоры с португальцами. Были во ФРЕЛИМО и такие люди, как Лео Миллас, тщательно скрывавший, что он американский негр по происхождению, и дезертировавший, когда это вскрылось.

В феврале 1969 г. врагам мозамбикского народа удалось нанести ФРЕЛИМО тяжелый удар: от взрыва пластиковой мины, вложенной в посылку, погиб Эдуардо Мондлане.

На совещании ЦК ФРЕЛИМО в апреле 1969 г. разгорелась острая дискуссия по определению стратегической линии движения. Эта дискуссия возникла прежде всего в связи с позицией бывшего члена ЦК и секретаря ФРЕЛИМО от округа Кабу-Делгаду Лаззаро Нкавандаме. Последний, будучи снят со всех постов во ФРЕЛИМО, после гибели Эдуардо Мондлане вступил в контакт с португальской администрацией и стал призывать своих соплеменников маконде сложить оружие. Совещание ЦК подтвердило верность стратегической линии ФРЕЛИМО — вооруженной борьбе за независимость. Суровой критике подверглись некоторые члены руководства, которые препятствовали расширению вооруженной борьбы, выступая за распыление сил и средств. Не найдя замены погибшему Эдуардо Мондлане, ЦК избрал Президентский совет ФРЕЛИМО из трех человек.

Совещание ЦК ФРЕЛИМО в мае 1970 г. констатировало, что обстановка в руководстве организации нормализовалась, и приняло решение о назначении на пост президента Фронта Соморы Машела. Марселино дос Сантос стал вице-президентом ФРЕЛИМО.

Военно-политическая обстановка 1970 г. характеризовалась тем, что португальское командование продолжало пытаться вклиниться в районы, контролируемые партизанами, и восстановить связь между изолированными гарнизонами. Во время этих операций в апреле — мае 1970 г. в округе Ньяса колониальная армия потеряла 45 солдат, а в округе Кабу-Делгаду с 6 мая по 13 июля — больше 130 человек. Однако сколько-нибудь существенно потеснить патриотов колонизаторам не удалось.

Вооруженная борьба в Гвинее — Бисау

В 1961 г. Политбюро ЦК ПАИГК объявило 3 августа, дату расправы с докерами Бисау, «днем перехода национальной революции от фазы политической борьбы к непосредственной борьбе против колониальных сил» [214, 1962, № 8, стр. 19]. Однако первые прямые действия против колонизаторов решено было

ограничить саботажем, разрушением линий связи и коммуникаций, чтобы прежде всего накопить опыт боевых действий и подготовить условия для перехода к широким военным операциям.

В августе 1961 г. загремели взрывы на дорогах Гвинеи. В сентябре патриоты взорвали больше десяти мостов, повредили несколько важных магистралей и разрушили десятки километров линий связи. Одновременно начались нападения партизанских групп на патрули и полицейские посты. К середине 1962 г. усилились диверсионные операции на юге и в центральной части страны — в непосредственной близости от городов Фарим, Фулакунда и Бафата. В Катио патриоты совершили нападение на помещение колониальной администрации [240, 1962, № 780]. Подпольщикам в городах удалось совершить несколько террористических актов против агентов полиции.

Колониальные власти ответили на расширение освободительной борьбы жестокими репрессиями. Администрация начала вооружать «белое» население, министр заморских территорий подписал закон о создании в Гвинее «туземной полиции», которая должна была формироваться из лиц, рекомендованных старшинами деревень [241, 27.XI.1961, стр. 11]. За июль — август 1962 г. политическая полиция бросила в тюрьмы около 2 тыс. патриотов. В стране было объявлено осадное положение, африканцам запретили появляться на улицах городов после 19 часов. В середине 1962 г. карательные отряды стерли с лица земли деревни Морес, Каур и Антуане, население которых было запозднено в связях с партизанами. Взятых в плен патриотов топили, сжигали, вешали вниз головой, им отрезали уши и языки. Трупы партизан выставлялись в деревнях для устрашения.

Как и в других колониях Португалии, развитию освободительной борьбы препятствовала деятельность раскольнических группировок, мешавших объединению патриотических сил. Летом 1961 г. они сорвали предпринятую ПАИГК попытку создать Единый фронт освобождения. Группировка Франсуа Менди, имевшая небольшой военный лагерь на территории Сенегала и рассчитывавшая на поддержку народности манджак, в конце июня 1961 г. совершила налет на военный пост в районе Сан-Домингуш на севере страны. Когда налет провалился, Франсуа Менди призвал население Севера переселиться в Сенегал, чтобы оттуда совершать новые операции. Крестьяне, поверившие Франсуа Менди, остались за границей без средств к существованию²⁸.

К концу 1962 г. сложилась благоприятная обстановка для расширения вооруженной борьбы. Выросла популярность ПАИГК в самой Гвинее. Борьба патриотов в других владениях

²⁸ К лету 1964 г. в Сенегале находилось около 28 тыс. гвинейских беженцев.

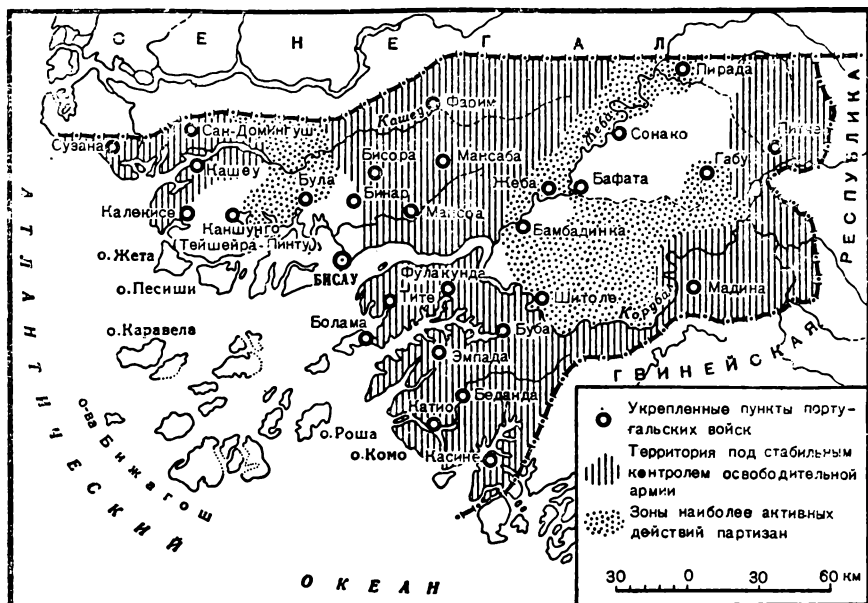
Португалии вынуждала правительство Салазара распылять свои силы. Укрепили международные связи ПАИГК. Правительства Гвинейской Республики, Ганы, Марокко, Алжира оказывали партии помощь в подготовке кадров, поставляли вооружение.

Состоявшееся в августе — сентябре 1962 г. в Конакри очередное совещание руководства ПАИГК пришло к выводу, что обстановка благоприятствует началу широких военных операций на территории Португальской Гвинеи [573, стр. 30]. Еще раньше, с июня 1962 г., ПАИГК начала усиленную переброску в страну политических работников и военных специалистов, которых партии удалось подготовить за рубежом. Политические комиссары ПАИГК с конца 1962 г. начали проводить в Гвинее массовые митинги, призывая население взяться за оружие. Перейти к решительным военным действиям против португальской армии партия решила с начала 1963 г. Разрабатывая планы военных операций, руководство ПАИГК поставило цель — в кратчайший срок перерезать страну с юга на север, чтобы изолировать восточную часть Гвинеи от побережья и вынудить португальскую армию вести войну на два фронта. Применяя широкий охват, партизанские отряды должны были изолировать укрепленные районы и населенные пункты, а затем начать их освобождение.

В январе 1963 г. отряды ПАИГК приступили к широким операциям на юге и через несколько недель вышли к р. Жеба. Населенные пункты Катио, Эмпада, Фулакунда оказались в окружении. Португальское командование безуспешно пыталось наладить связь с ними по реке. Патриоты перешли в наступление и на границе с Сенегалом. По признанию министра обороны Португалии, отряды ПАИГК к середине 1963 г. контролировали 15% территории Гвинеи [270, 20.VII.1963]. С конца года они вели операции на линии Мансаба — Мансоа — Бисора [290, 29.X.1963].

В лесах южнее р. Жеба была организована центральная военная база. Новые базы возникли на о-ве Комо, у южного побережья Гвинеи, и в лесах восточного района Ойо. Росла численность партизанских отрядов. Они располагали не только стрелковым оружием, но и гранатометами и минометами, предоставленными ПАИГК социалистическими странами.

Рост численности португальских солдат с 4 тыс. в 1961 г. до 10 тыс. в конце 1963 г. [320, 8.IX.1963] не менял положения, так как только амфибии и некоторые типы бронемашин могли проникнуть в заболоченные районы, где находились партизаны. В 1964 г. в конце сухого сезона, который благоприятствовал операциям против партизан, колониальная армия предприняла попытку перейти в наступление. Ввиду изоляции расположенных на юге укрепленных пунктов португальское командование решило создать новую базу для военных операций, которая имела бы стабильную связь с Бисау и находилась бы в непосредствен-

Национально-освободительная война в Гвинее — Бисау (1969 г.)

ной близости от партизанских районов. С этой целью была предпринята попытка захватить о. Комо, около южного побережья Гвинеи. Для проведения этой операции в Бисау были переброшены из Анголы 2 тыс. солдат, получивших опыт в боях с повстанцами; из Лиссабона прибыли представители генерального штаба.

После многодневной бомбардировки и артобстрела позиций партизан 3-тысячная португальская армия перешла в наступление. Операция, начавшаяся в январе 1964 г., длилась 75 дней. Колониальной армии удалось захватить узкую полосу берега, но вступить в лесной массив, где укрепились партизаны, она не смогла. Получив артиллерию, которую удалось переправить с материка, партизаны контратаковали противника; последний потерял свыше 900 человек убитыми и ранеными [292, 28.VIII. 1966, стр. 8], потопили 12 транспортных судов, сбили 2 и повредили 3 португальских самолета [214, 1965, № 7, стр. 14]. Провал операции был очевиден, и португальское командование отозвало войска в Бисау.

За победой на о-ве Комо последовали новые успехи патриотов. В 1964 г. они нанесли удар по укрепленным пунктам Кабеду и Гилеже на юге Гвинеи [153, стр. 10]. Было совершено нападение на поселок Була, в 20 км от столицы. Начались операции в восточных районах, основных центрах производства арахиса. К концу 1964 г. партизанам удалось нарушить связь вос-

точных районов с побережьем. Под их контролем находилось 35—40% территории Гвинеи [244, 6.III.1964].

В феврале 1964 г. на освобожденной территории состоялся I съезд ПАИГК. Съезд постановил приступить к формированию регулярной народной армии, которая со временем должна была превратиться в основную военную силу партии. Из отрядов самообороны деревень решено было создать народную милицию. Партизаны, народная армия и милиция объединились в Революционные вооруженные силы народа (ФАРП), во главе которых встал Военный совет. Был усовершенствован аппарат военного руководства на местах. Чтобы лучше координировать боевые действия, решено было организовать межзональные командования [573, стр. 38—39]. При Военном совете были созданы два межрайонных штаба — южный и северный.

Сразу же после съезда командование ФАРП основало новые военные базы в районах Фарим, Пирада и Каншунгу. Народная армия создавалась по принципу добровольности. Наряду с пехотными частями появились подразделения противовоздушной обороны, легкой артиллерии и минометов. К концу 1964 г. первые 1,5 тыс. солдат приняли присягу [301, 1964, ноябрь].

Реорганизация вооруженных сил вскоре дала свои результаты. К лету 1965 г. патриотам удалось почти полностью освободить район Бое на юго-востоке страны, окружить район Габу. С окружением крепости Олоссато в августе 1965 г. нарушилось сообщение между городами Фарим и Бисора на севере [198, 20.XI.1965]. В середине 1965 г. партизаны атаковали 31 укрепленный лагерь и полностью уничтожили 10 из них. В боях португальская армия потеряла свыше 700 солдат, больше 20 бронемашин и 2 самолета. По свидетельству иностранных наблюдателей, португальцы могли свободно передвигаться только на 30% территории страны [198, 4.XI. 1965; 263, 3.XII. 1965].

Военное положение колонизаторов в 1966—1968 гг. продолжало ухудшаться. В рядах ФАРП уже состояло около 15 тыс. гвинейцев [231, 1966, январь, стр. 29]. В начале 1966 г. 3-тысячный отряд португальцев попытался вклиниться в партизанские зоны на юге, но был отброшен [290, 16.III.1966]. С сентября 1966 г. патриоты начали систематически обстреливать укрепленные пункты противника из артиллерийских орудий. За 1966 г. португальская армия потеряла до 2 тыс. солдат. Серьезные удары были нанесены по крепостям Эмпада, Канкелифа, Бели и Мансоа. В апреле 1967 г. огнем безоткатных орудий патриоты разрушили военный лагерь в Барро. В мае ими был атакован порт Бинта на р. Кашеу [225, 19.VI.1967]. Летом этого же года 2 тыс. португальских солдат попытались при поддержке авиации и бронекатеров ликвидировать партизанскую базу в районе Куфар. Однако эта операция закончилась провалом [359, 1967, № 3, стр. 60].

По свидетельству генерального секретаря ПАИГК Амилкара Кабрала, португальское командование держало в Гвинее — Бисау свыше 40 тыс. солдат, из которых больше 10 тыс. постоянно находились в Бисау. Из столицы войска и военное снаряжение распределяются между основными базами внутри страны: Була, Фарим и Мансоа — на севере; Бафата — на востоке; Тите, Катио и Касине — на юге. На каждой базе находится до двух батальонов мотопехоты с бронетранспортерами, подразделения артиллерии, склады и аэродромы. В свою очередь вокруг каждой базы в районах боевых действий создана система небольших гарнизонов — до роты, усиленной взводом «командос» (200 человек). Всего таких гарнизонов в Гвинее насчитывается около 50. В Бямби, Каншунгу, Бидаи, Бисора и Нгоре находятся также так называемые африканские роты, укомплектованные местными жителями.

Однако постоянное увеличение вооруженных сил не приносило португальцам успеха, так как патриоты постоянно расширяли фронт боевых действий и увеличивали количество наступательных операций. Потребности контроля за партизанскими районами вынудили португальское командование в 1969 г. прибегнуть к рассредоточению имеющихся сил повзводно (до 50 человек) между более мелкими укрепленными пунктами. В результате ему так и не удалось собрать ударный кулак для решительного наступления на партизанские районы.

Основным методом ведения войны португальской армии стали бомбардировки и артобстрелы без непосредственного соприкосновения с партизанами. Периодически, главным образом в сухой сезон, проводятся карательные операции. Как правило, получивший подкрепление гарнизон выдвигается в район действий на машинах или вертолетах, предварительно выслав вперед подразделения «командос». Операции предшествует артподготовка или бомбардировка с воздуха. Широко использует португальская армия и операции «командос», в процессе которых специальные группы полукольцом окружают партизанскую базу, а наступление основных сил ведется с другой стороны. Эпизодически португальцы применяют морскую пехоту: небольшие группы десантников скрытно проникают в партизанские районы с лодок, которые тянут по рекам бронекатера. Однако такие операции в Гвинее проводятся сравнительно редко, и основная задача гарнизонов состоит в том, чтобы сдерживать расширение зон партизанского движения. Большинство гарнизонов полностью окружено партизанами. Их снабжение осуществляется по воздуху или по рекам, но также с использованием авиации, сопровождающей конвои.

В результате партизанской войны колониальная экономика Гвиней оказалась подорванной. С первых дней борьбы объектами нападения партизанских отрядов стали склады торговых компаний, транспорты с продовольствием, направленные к по-

бережью. Партия призвала население прекратить возделывание арахиса и выплату налогов. В 1964/65 г. потери колониальных компаний из-за сокращения поступления сырья составили 50% [153, стр. 11]. Одна из крупнейших торговых фирм, «Сосиетади комерсиал ултрамарина», в 1964 г. прекратила свою деятельность в Гвинее. Под контролем партизан оказались районы, отданные португальским правительством в концессию иностранным компаниям. С 1965 г. началась утечка капиталов из Гвинеи. Португальцы вынуждены ввозить из-за границы продукты питания, необходимые для армии и городов, которые находятся под их контролем.

Освобожденные районы, составляющие две трети территории страны, стали продовольственной базой революционной армии, несмотря на непрерывные бомбардировки, уход в партизанские отряды значительной части населения, сокращение торговли. Руководство ПАИГК приняло энергичные меры для налаживания экономической жизни. Крестьянам оказывается помощь в приобретении орудий труда и семян. На основе традиционных форм общественного хозяйства широко используется взаимопомощь и добровольная работа крестьян на общественных полях, урожай с которых безвозмездно передается в распоряжение партии. Гвинейские ремесленники расширяют производство тканей, одежды и т. д.

Партия имеет 15 складов с филиалами почти в каждой деревне, где обмениваются сельскохозяйственные продукты на товары широкого потребления, полученные в дар от дружественных стран (прежде всего социалистических) и организаций. Цены устанавливаются на собраниях с участием крестьян.

В освобожденных районах площадь обрабатываемых земель выросла на 20%, урожайность — на 5—15%. С 1965 г. в освобожденные районы начали возвращаться из-за границы многие беженцы. Значительную часть сельскохозяйственной продукции южных районов ПАИГК сбывает в Гвинейской Республике.

Улучшается социальная помощь населению. Партия помогает инвалидам, а также семьям погибших патриотов. На освобожденной территории к 1969 г. работало 177 школ, в которых обучается больше 20 тыс. детей. Для сирот созданы школы-интернаты. В армии организованы курсы по ликвидации неграмотности. Развивается сеть медицинского обслуживания; функционируют четыре госпиталя и многочисленные санитарные посты.

В освобожденных деревнях образованы народные комитеты управления, состоящие из представителей крестьян. В ведение народных комитетов входят вопросы производства, снабжения армии, народного образования и медицинского обслуживания.

Партия совершенствует организацию и руководство Революционными вооруженными силами народа. На территории Гвинеи в настоящее время существует три фронта: «Юг», «Север» и «Восток» (последний создан в конце 1966 г. в районе Габу); во

главе каждого фронта стоит главное командование, состоящее из трех человек. Два представителя командования каждого фронта входят в Военный совет ФАРП, работающий под председательством генерального секретаря партии. В декабре 1966 г. из ФАРП выделены подразделения народной милиции, которые перешли в ведение межрайонных комитетов — органов рождающейся гражданской власти. Увеличение же подразделений народной милиции привело практически к вооружению всего народа.

Основной боевой единицей ФАРП была сделана бигруппа, состоящая из двух групп и шести отделений. В бигруппе — обычно 54 человека, включая командира и политического комиссара, на вооружении — 2 гранатомета, 2 пулемета, 18 автоматов и 24 карабина. В армии имеются артиллерийские подразделения, вооруженные минометами, пушками, безоткатными орудиями, зенитными установками. Начал боевые действия революционный флот. Созданы службы разведки и связи. Штабы фронтов имеют устойчивую радиосвязь с руководством ПАИГК в Конакри. Средства радиосвязи имеются в наиболее важных секторах. На освобожденной территории действуют тренировочные лагеря. Созданы передвижные мастерские по ремонту оружия и производству мин.

Представителями партии в частях ФАРП являются политические комиссары, подчиненные политическому отделу армии, который входит в центральный аппарат партии. Кроме того, за каждым из фронтов закреплены по два члена Политбюро ПАИГК. Командный состав ФАРП пополнился способной молодежью, прошедшей военную подготовку в социалистических странах. Приняты серьезные меры по укреплению революционной дисциплины. 19 сентября 1966 г. руководство ПАИГК опубликовало «Закон военной справедливости», который определил права и обязанности бойцов и командиров [202, стр. 8].

28 февраля 1968 г. отряды революционной армии совершили налет на аэродром в Бисау. Был разбит диспетчерский пункт, сожжены два самолета и три ангара. В конце 1968 г. революционные части подвергли артобстрелу г. Болама. В общей сложности за этот год было совершено около 500 нападений на укрепленные посты португальской армии, десять из них были полностью разрушены. Патриоты сбили 10 самолетов, потопили 63 судна, уничтожили 200 военных автомашин [225, I. II. 1969].

В феврале 1969 г. колониальная армия была вынуждена оставить форт Мадина, и в руках ФАРП оказался весь район Бо на юго-востоке. Вскоре португальцы ушли из Шеше и Бели. В течение марта патриоты продолжали атаки и заняли еще восемь укрепленных пунктов [198, 29. III. 1969]. В конце года провалилось наступление португальцев на севере, в Кибир и Себитуно, и на юге, в Кангала и Гаколе, несмотря на использование

ими морской пехоты и вертолетов. Всего за 1969 г. португальская армия потеряла в Гвинее 1,4 тыс. солдат, 7 вертолетов, 9 самолетов и 18 катеров. В Бисау подпольщики ПАИГК неоднократно проводили акции саботажа на военных объектах [200, стр. 6]. Успешной борьбе патриотов во многом препятствовал обострившийся конфликт между ПАИГК и Фронтом национальной независимости Гвиней (ФЛИНГ), созданным в 1963 г. Ф. Менди. ФЛИНГ развивал деятельность в северных районах Гвинеи.

Отряды этой организации, совершая эпизодические вылазки в Гвинею, расправлялись с крестьянами, которые отказывались уходить в Сенегал, угоняли скот, сжигали посевы. Летом 1965 г. руководство ПАИГК обратило внимание африканской общественности на то, что деятельность отрядов ФЛИНГ дискредитирует освободительную борьбу и служит предлогом для усиления репрессий со стороны португальцев [198, 20.VII.1965]. С 1966 г. партия начала оказывать отрядам ФЛИНГ вооруженное сопротивление. В конце 1969 г. органы безопасности ПАИГК арестовали четырех лидеров раскольнической организации, пытавшихся организовать подрывную деятельность против партии на освобожденной территории.

Португальская авиация неоднократно подвергала бомбардировке пограничные деревни Сенегала и Гвинейской Республики, чтобы заставить правительства этих стран отказать патриотам в поддержке. С конца 1969 г. провокации колонизаторов усилились, особенно против Сенегала. У гвинейских патриотов возникли затруднения с доставкой оружия и боеприпасов на фронт «Север», с эвакуацией раненых. Отрядам ФАРП стало труднее маневрировать. Однако наступательные действия против колониальной армии продолжались. В феврале 1970 г. на севере патриоты разрушили лагерь Уаликунда, нанесли большой урон десяти укрепленным постам [198, 16.III.1970]. За первые девять месяцев 1970 г. гвинейские патриоты вывели из строя 500 солдат противника, 12 бронекатеров, 35 автомашин [199, стр. 9]. Особенно успешно развивались военные операции в восточном районе Габу и в зоне Ньякра, в непосредственной близости от столицы.

Количественный рост и качественное улучшение революционной армии привели к дальнейшему изменению соотношения сил в Гвинее, к применению патриотами новых тактических приемов. Если раньше основной формой действий отрядов ПАИГК были засады и молниеносные налеты на крепости и населенные пункты, то в последнее время части ФАРП ведут систематическую осаду укрепленных пунктов колонизаторов. В 1969 г. партизаны совершили 611 атак на португальские гарнизоны и организовали только 164 засады [200, стр. 6], а за первые девять месяцев 1970 г. они 400 раз атаковали гарнизоны и организовали только 78 засад [199, стр. 9]. Подразделения ФАРП стали концен-

трироваться не вокруг партизанских баз, а у мест сосредоточения противника, постоянно находясь с ним в соприкосновении. Большой эффект революционной армии дало использование новых видов современного оружия.

Несмотря на неудачи в борьбе с освободительными силами колоний, португальские колонизаторы всячески стараются удержать свои позиции в Африке. Его стратегия строится прежде всего в расчете на поддержку и помощь империалистических держав Запада.

Продолжение колониальной войны вызывает не только финансово-экономические затруднения у Португалии (каждый год военные расходы увеличиваются на 10%), но и ведет к кризису колониальной надстройки. Революционные выступления в Португалии сейчас уже затрагивают и военно-политическую машину. В таких условиях ведение затяжной войны возможно только при все возрастающей поддержке других империалистических государств, непрерывно растущей военной помощи со стороны союзников Португалии по НАТО. Укрепляется военно-политический союз Португалии с ЮАР и Родезией. Ведутся поиски новых союзников, в частности среди реакционных режимов в странах Латинской Америки.

Португальские колонизаторы в настоящее время пытаются менять тактику и перестраивать свои ряды. Расширяются капиталовложения в экономику колоний. Причем без особой огласки Португалия постепенно отказывается от колониальной монополии в пользу системы коллективного колониализма, все больше открывая двери своим заморских владений иностранному капиталу. Пытаясь сузить базу патриотических сил, португальская администрация увеличивает заработную плату африканцам, несколько расширяет политические права местного населения, принимает меры для привлечения африканских крестьян к рыночной экономике.

Все эти меры сопровождаются укреплением военной мощи в колониях. С двух до четырех лет увеличился срок службы в армии. Только в Анголе вместе с отрядами «провинциальной организации добровольцев» вооруженные силы к 1970 г. достигли 160 тыс. человек [247, 1969, стр. 22]. Военные операции против патриотов расширяются. Так, в Мозамбике в 1970 г. колониальная армия, используя «опыт» американцев во Вьетнаме, провела две крупные поисково-карательные «аэромобильные» операции с широким применением транспортной авиации и вооруженных вертолетов, в которых участвовали 35 тыс. солдат [222, 18.X.1970]. Не считаясь с нормами международного права, португальское правительство продолжает военные провокации против Замбии, Сенегала, Танзании, а против Гвинейской Республики 22 ноября 1970 г. предприняло открытую агрессию.

Преступный характер действий португальского колониализма становится особенно очевидным в связи с расширением репрессий в отношении мирного населения. Усиливаются бомбардировки деревень, школ и больниц в освобожденных партизанами районах [325, 1972, № 39]. Выступая с приветствием XXIV съезду КПСС, А. Нето указал, что применение португальскими колонизаторами самых жестоких средств борьбы — обстрел деревень с вертолетов, уничтожение посевов ядохимикатами — привело к сокращению на две трети возможностей сельского хозяйства в освобожденных районах Анголы [103, стр. 24]. Колониальная армия в Гвинее также готовится к использованию химического оружия [198, 5.IX.1972].

Важную роль в борьбе с патриотическими силами играют средства «психологической войны». Освобожденные районы буквально забрасываются листовками с призывами прекратить борьбу, обещаниями «социальных преобразований». С другой стороны, колонизаторами в отношении лидеров освободительных движений используются шантаж и попытки прямого подкупа. Обработка населения ведется и по радио, в передачах на «туземных» языках.

Португальский колониализм пытается «африканизировать» войну в колониях. Ведется большая пропагандистская шумиха по поводу так называемых африканских рот, комплектуемых из местного населения. По свидетельству участников освободительной борьбы, процент африканских наемников среди потерь противника в последнее время значительно вырос.

Один из путей решения вопроса о судьбе колоний в свою пользу португальское правительство по-прежнему видит в усилении «направленной иммиграции». В Анголе численность «белого» населения с 1950 по 1965 г. возросла с 79 тыс. до 300 тыс., а в Мозамбике — с 48 тыс. до 150 тыс. человек [231, 1967, декабрь, стр. 24]. Португальское командование всячески поощряет расселение на землях колоний солдат, которые закончили военную службу. Почти 1 млн. поселенцев португальское правительство намеревается расселить на землях округа Тете (Мозамбик) после окончания строительства плотины и ирригационного комплекса Кабора — Басса. Осваиваются новые земли в районе Села в Анголе.

В последнее время среди европейского населения португальских колоний усилились сепаратистские настроения. Этому в значительной степени способствовали мероприятия португальского правительства, направленные на консолидацию «белого» населения вокруг колониальной администрации, которой был передан ряд функций, ранее находившихся в ведении министерства заморских провинций. В Мозамбике открыто обсуждаются планы провозглашения «белой» независимости родезийского типа на юге страны.

Однако боевые действия патриотических сил в колониях Пор-

тугалии продолжают расширяться. На 300—400 км в глубь округа Тете в Мозамбике продвинулись в 1971 г. отряды ФРЕЛИМО, вплотную подойдя к строящемуся гидроэнергетическому комплексу Кабора — Басса. Бойцы Народного движения за освобождение Анголы усиливают операции в округах Бие и Уамбе — в самом центре страны. Летом 1971 г. колониальной армии пришлось оставить два важных опорных пункта в округе Мошико — Лватамба и Карипанде. Несколько позднее, в декабре 1971 г., закончилась провалом операция «Одинокий сапфир», которую колониальная армия в Гвинее проводила в северном районе Морес — Ойо. Операции отрядов ПАИГК против скованного в городах противника приобрели новый характер. В течение 1971—1972 гг. партизаны неоднократно просачивались в такие крупные населенные пункты, как Бафата, Катио, Фарим, Габу, Мансоа, и вели успешно уличные бои [325, 1972, № 39, 40, 44]. 9 июня 1971 г. была успешно проведена и такая сложная операция, как артиллерийский обстрел столицы колонии; выдвижению артиллерии партизан к Бисау предшествовал отвлекающий удар по семи укрепленным постам колониальной армии.

В то же время народы португальских колоний продолжают испытывать целый ряд серьезных трудностей в борьбе за национальное освобождение. Не хватает оружия, одежды, медикаментов, продовольствия, средств транспорта. Продолжают подрывную деятельность расколннические организации в Анголе и Мозамбике. Большие надежды колонизаторы связывают с экономическими затруднениями молодых африканских государств, которые отрицательно сказываются на поддержке ими народов, еще борющихся за свое освобождение.

Освободительному движению в португальских колониях приходится решать сложные военные и политические проблемы. По мере продвижения в глубь страны, в районы «белых» поселений, все более интенсивные бои ведут отряды Народного движения за освобождение Анголы. В Мозамбике португальское командование пытается окружить продвинувшиеся вглубь отряды ФРЕЛИМО. С целью воспрепятствовать их дальнейшему продвижению и блокировать районы партизанских действий португальцы строят стратегические дороги, опорные пункты, создают зоны сплошного минирования. Упорно цепляясь за небольшие гарнизоны и форты, полностью окруженная партизанами португальская армия в Гвинее — Бисау пытается оттянуть часть вооруженных сил ПАИГК и сковать действия партизан на основных направлениях. Большие трудности приходится преодолевать ПАИГК и в подготовке массовых антиколониальных выступлений на архипелаге Зеленого Мыса.

Патриоты Анголы и Мозамбика стремятся распространить борьбу на всю территорию страны, вовлечь в нее население, а это требует единства всех патриотических сил в борьбе с колонизаторами. В декабре 1972 г. между руководством МПЛА и

ФНЛА была достигнута договоренность об объединении их усилий в борьбе против португальского империализма [227, 1973, № 5, стр. 64—65].

Руководство ПАИГК стремится разрешить проблему дальнейшего развития вооруженной борьбы в Гвинее, где сложилось определенное «равновесие» в соотношении сил и тактики действий португальских войск и ФАРП. На первое место в деятельности ПАИГК выдвинулись такие вопросы, как правильная оценка обстановки и соотношения сил, определение основных факторов обстановки и разработка перспективного стратегического плана борьбы за окончательное изгнание колонизаторов.

С начала 1970 г. руководство партии провело реорганизацию ФАРП, повысило мобильность и оперативность действий бигрупп — основной боевой единицы патриотов. Однако речь идет не только о стремлении вернуться к методам ведения подвижной партизанской войны. «Наша идея, наша цель состоит не в том, чтобы перестрелять всех португальцев, — заявил Амилькар Кабрал. — Наша цель — убрать португальских колонизаторов с нашей земли» [201, стр. 16]. Дальнейшее развитие и расширение партизанской войны руководство ПАИГК рассматривает как важнейший фактор политического решения вопроса о независимости Гвиней.

21 января 1973 г. национально-освободительное движение Гвиней — Бисау и всей Африки понесло тяжелую утрату. В результате террористической акции, совершенной агентами португальских колониальных властей, в Конакри (Гвинейская Республика) был подло убит выдающийся деятель африканского освободительного движения А. Кабрал. Продолжая политику террора против руководителей освободительных движений, португальские колонизаторы тщетно пытаются подорвать эти движения. На удар колонизаторов патриоты ответили контрнаступлением против португальских карателей по всей территории Гвиней — Бисау.

В новых условиях еще большее значение для успеха освободительной борьбы народов португальских колоний приобретает дальнейшее укрепление движения международной солидарности со сражающимися патриотами. Новые задачи стоят и в плане укрепления единства народов, ведущих вооруженную борьбу против колонизаторов и расистов. Руководство Народного движения за освобождение Анголы, Фронта освобождения Мозамбика решительно высказывается за координацию деятельности с другими патриотическими организациями на юге Африки, за взаимодействие патриотических сил против объединенных сил колонизаторов и расистов.

За десять лет освободительное движение в португальских колониях проделало немалый путь. В нем принимают участие широкие народные массы. В процессе борьбы развиваются и крепнут революционные вооруженные силы. Колонизаторы потеряли

контроль над значительной частью территории Анголы, Гвинеи и Мозамбика. В освобожденных районах закладываются основы национальной независимости. «Вооруженная борьба, которую ведут народы Анголы, Мозамбика, Гвинеи — Бисау, Зимбабве, Намибии и Южной Африки, наносит тяжелые удары по союзу фашистских и расистских режимов, поддерживаемых империалистами, и открывает перспективу новых крупных побед африканской революции», — подчеркивается в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. [99, стр. 311].

§ 4. ВООРУЖЕННАЯ АГРЕССИЯ ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ (1967 г.)

Национализация Суэцкого канала и другие революционно-демократические мероприятия к середине 1961 г. привели к подрыву позиций иностранного капитала в Египте. Была ограничена деятельность национального капитала, усилился государственный сектор, ставший важнейшим фактором развития национальной экономики и повышения жизненного уровня трудящихся.

Создание в 1962 г. Арабского социалистического союза (АСС) и принятие им Хартии национального действия означали, что египетская революция отвергла капиталистический путь развития. Экономическая помощь Советского Союза и других социалистических стран, в результате которой было построено свыше 100 промышленных предприятий, включая Асуанскую плотину и Хелуанский металлургический комбинат, помогла прорвать империалистическую экономическую блокаду. ОАР стала базой антиимпериалистической борьбы и надежным союзником освободительного движения в странах Африки и Ближнего Востока.

Поражение агрессоров в 1956 г. показало способность арабских народов бороться с оружием в руках, явилось ускорителем революционного процесса не только в Египте, но и других странах. Свержение проимпериалистического режима короля Фейсала и Нури Сaida в Ираке в 1958 г., революция 1962 г. в Йемене, приход к власти в Сирии в 1966 г. революционно-демократического правительства — все это коренным образом изменило положение на Арабском Востоке в пользу освободительных сил.

Главным орудием борьбы против Египта международный империализм по-прежнему рассматривал государство Израиль. Для него это было «удобное» орудие. Господствующая в Израиле сионистская идеология с самого начала возникновения этого государства послужила основой официальной доктрины территориальной экспансии, захвата земель соседних народов и изгнания с них коренного населения. «Наш долг, — подчеркивал замести-

тель премьер-министра Израиля Игал Алон, — заселить „великий Израиль” не менее важен, чем долг в прошлом, в дни мандата, заселить долину Иордана и долину Бейт-Шеана» [294, 12.I.1967]. Официальная доктрина «великого Израиля» от Нила до Евфрата нашла свое выражение как в военных планах генерального штаба вооруженных сил Израиля, так и в попытках их реализации. В соответствии с доктриной военных захватов арабских земель были разработаны планы новой войны [697, стр. 101]. В их основе лежала оккупация Израилем Синайского полуострова, района Газы, значительных территорий Иордании, Ливана и Сирии.

Планы Израиля целиком и полностью отвечали интересам международного империализма, опасавшегося за свои позиции на Ближнем Востоке после поражения тройственной агрессии 1956 г.

Поощряемые империалистическими державами, сионистские руководители Израиля углубляли милитаризацию страны, готовили новую агрессию. С 1951 по 1967 г. военные расходы Израиля увеличились в 14 раз [373, 4.VIII.1968]²⁹. Надо при этом иметь в виду, что израильское правительство относит к военным расходам только ассигнования по министерству обороны, непосредственно идущие на содержание вооруженных сил, производство и закупку военных материалов и т. д. В действительности же военные расходы превосходят официальные данные. Примерно 30% всех бюджетных ассигнований составляют фактические военные расходы, исчислявшиеся в 1966/67 г. почти в 1,5 млрд. израильских фунтов [193, стр. 12]. Сюда надо добавить также расходы на научно-исследовательские работы, ведущиеся в военных целях, ассигнования на строительство стратегических дорог, аэродромов, морских портов и т. п.

К 1967 г. израильские вооруженные силы получили из США, Англии, Франции и ФРГ большое количество современного вооружения, в том числе около 1 тыс. танков, около 400 самолетов, свыше 20 боевых и вспомогательных кораблей, включая 4 подводные лодки, артиллерию крупного калибра, ракеты класса «земля — воздух», радиоэлектронное оборудование и т. д. [371, 6.VII.1967].

Организация вооруженных сил Израиля свидетельствовала об их агрессивном, наступательном назначении. Основу сухопутных сил составляли бронетанковые войска. Большое внимание командование вооруженных сил Израиля уделяло развитию авиации, созданию и подготовке в соответствии с требованиями современного боя воздушнодесантных войск.

²⁹ Финансирование военных расходов Израиля идет в значительной степени за счет поступлений из-за границы. За два десятилетия после создания этого государства международная сионистская организация передала ему около 4 млрд. долл.

К моменту нападения на арабские страны Израиль имел хорошо подготовленную многочисленную армию, оснащенную империалистическими державами современным оружием. Готовясь к агрессии, генеральный штаб Израиля разработал план войны под кодовым наименованием «Голубь», в основу которого была положена стратегия блицкрига. Его сущность заключалась во внезапном налете авиации на аэродромы арабских стран с задачей уничтожения их самолетов и завоевания господства в воздухе, в нанесении поражения сухопутным войскам арабских стран путем стремительных наступательных действий танковых и механизированных соединений. Первый удар должен был быть нанесен по Египту. Он предусматривал прорыв обороны египетских войск на Синайском полуострове и ввод бронетанковых и механизированных войск в направлении Суэцкого канала. Перед сухопутными силами стояла задача — уничтожить выдвинутые к границе позиции египтян и отрезать пути их отхода к Суэцкому каналу. После воздушного налета и высадки десанта в районе Шарм-аш-Шейха, захвата этого порта и открытия Акабского залива для судоходства Израиля, намечалось отгеснить иорданские войска к берегам Иордании и захватить Иерусалим. В заключение планировалось наступление против Сирии [319, 5.VI.1967, стр. 5; 19.VI.1967, стр. 13—14].

При разработке наступательных операций широко использовались данные разведывательной службы Израиля. Были собраны подробные сведения о вооруженных силах арабских государств (их численности, дислокации, вооружении), намечены цели для авиации. По сообщению иностранной печати, генеральный штаб Израиля получал разведывательные сведения от ЦРУ США, из ФРГ, а также от оперативной разведки НАТО [357, 20.VII.1967]. Перед войной израильская авиация произвела детальную аэрофотосъемку военных объектов на территории Египта, Сирии и Иордании. К 5 июня 1967 г. израильские ВВС имели подробнейшие карты с объектами, по которым должны были наноситься удары.

США и Англия не только поддерживали милитаристские планы Израиля, но и готовились оказать ему военную помощь. С конца мая корабли американского 6-го флота, включавшие боевую группу морского десанта, в полной боевой готовности сосредоточились в восточной части Средиземного моря. В начале июня Англия направила на Ближний Восток два авианосца и соединение бомбардировщиков [373, 12.VI.1967].

За годы, прошедшие после 1956 г., Египет значительно укрепил свою обороноспособность. Его вооруженные силы с помощью СССР и других социалистических стран были перевооружены новейшей военной техникой. Прекратив закупки оружия у империалистических монополий, египетские руководители стали использовать и собственные возможности производства оружия, которые возросли в результате национализации ино

странных предприятий [369, 1968, № 2, стр. 17]. Большое количество офицеров получили подготовку, отвечающую требованиям современной войны. По иностранным оценкам, Египет имел 450 самолетов, до 1 тыс. танков. Общая численность вооруженных сил достигала 180 тыс. человек [326, 1970, июнь, стр. 20]. С целью координации военных усилий арабских государств в борьбе с агрессором были подписаны договоры об обороне с Сирией (1966 г.) и Иорданией (30 мая 1967 г.).

Со второй половины мая 1967 г. перед лицом участвовавших военных провокаций Израиля Египет стал усиливать свои войска на Синайском полуострове. К 15 мая на Синае находились две египетские дивизии: 2-я пехотная дивизия и 20-я пехотная дивизия ПОА. Между 15 и 31 мая эти войска усилились еще 4—5 дивизиями³⁰, после чего 2-я пехотная дивизия была сосредоточена в районе Абу-Авейгила. Общая численность египетских войск на Синайском полуострове к июню 1967 г. достигла около 100 тыс. солдат и почти 1 тыс. танков.

Египетские войска были подготовлены для решительных наступательных действий, в случае если бы Израиль предпринял наступление против Сирии. Эти наступательные действия рассматривались египетским командованием как ответные на агрессию Израиля, так как президент принял решение о том, что Египет не начнет военных действий первым.

Агрессия Израиля в июне 1967 г.

5 июня 1967 г. в 8 часов 45 минут по каирскому времени израильские ВВС нанесли одновременный удар по 16 египетским аэродромам. Совершая широкий обходной маневр, израильские истребители и бомбардировщики заходили на цели со стороны моря. Израильцы впервые применили сконструированную ими авиабомбу для бомбежки бетонных взлетно-посадочных полос на больших скоростях и с небольших высот. Эта бомба глубоко, на один-два метра, входила в грунт, а затем взрывалась устройством замедленного действия. Налеты на аэродромы совершались, когда египетский главнокомандующий маршал Амер и командующий ВВС генерал Сидки находились в воздухе, инспектируя позиции армии на Синае. Вот почему египетским войскам был отдан приказ не стрелять по самолетам на рассвете 5 июня [251, 1967, № 8, стр. 28; 680, стр. 108].

Израильская служба дезинформации включалась в египетские радиосети и путем радиообмана часто дезориентировала КП наземных войск и успевшие взлететь самолеты Египта [240, 1967, № 7]. Следует отметить, что налеты не были такими уж

³⁰ 3, 6, 7-я пехотные дивизии и 1—2 бронетанковые (в том числе 4-я) [326, 1970, июнь, стр. 19].

безболезненными для израильтян, как утверждают некоторые буржуазные историки. За два дня было сбито 26 самолетов израильских ВВС [326, 1970, июнь, стр. 28].

После удара авиации наступил период боевых действий на земле. Главный замысел командования сухопутных войск Израиля предусматривал разгром группировки египетских войск в северной части Синайского полуострова путем ее окружения и рассеяния по частям с последующим стремительным развитием наступления и выходом к Суэцкому каналу. В качестве основной ударной силы при прорыве обороны египетских войск и развитии наступления в их тылу они использовали танки.

Задача прорыва египетской обороны на двух самых укрепленных участках была поставлена оперативным группам генералов Таля и Шарона. Сразу после прорыва обороны египтян бронетанковая группа генерала Иоффе должна была совершить бросок на юго-запад через пустыню к горному проходу Митла и другим горным перевалам к востоку от Суэца, окончательно перекрыть пути отступления египетских войск.

Ударная группа израильских бронетанковых войск под командованием Таля (300 танков и самоходных установок) прорвала оборону египтян в северной части Синая, из района сосредоточения вблизи побережья Средиземного моря. Наступление должно было вестись на Эль-Ариш — железнодорожный узел и главную базу снабжения египетских войск.

Рафах, оборонявшийся пехотной бригадой 20-й пехотной дивизии, был окружен глубоким минным полем, которое доходило почти до моря. В глубине обороны располагались позиции артиллерийской бригады и дивизиона 100-мм орудий. В боях под Рафахом египетские войска, несмотря на отсутствие поддержки с воздуха, оказали упорное сопротивление израильтянам, вклинившимся в оборону через участок дюн, расположенный вблизи г. Хан-Юнис. Много израильских танков было уничтожено. Арабы трижды выбивали израильтян из Рафаха и даже окружили израильский батальон. Наступление группы Таль захлебнулось, пока не подоспели подкрепления.

В это время войска генерала Иоффе продвинулись на 60 миль на запад вдоль песчаных дюн в направлении Бир-Лахфан. Здесь они заняли позицию, блокирующую дороги из Джебель-Либни и Абу-Авейгила (на юге) на Эль-Ариш, не допуская подхода египетских подкреплений. К рассвету 6 июня израильтяне захватили Эль-Ариш. Оттуда часть своих сил Таль направил на юг для соединения с группой Иоффе, чтобы выполнить совместную задачу по захвату Джебель-Либни.

Во второй половине дня 6 июня в бой была введена оперативная группировка генерала Шарона. Ее задача состояла в окружении и уничтожении египтян под Абу-Авейгила, который обороняла усиленная бригада 2-й пехотной дивизии, занимавшая глубоко эшелонированный оборонительный район. Одним из

важнейших элементов обороны были артиллерия и танки. Согласно плану Шарона ночью египетские позиции были атакованы с тыла танковой группой израильтян. Одновременно пехотные части под прикрытием огневого вала атаковали с правого (северного) фланга. Для подавления египетской артиллерии на ее позиции были высажены парашютный и вертолетный десанты. Овладев окопами и траншеями первой позиции, пехота дала возможность саперам проделать проходы в минных полях. Танки ворвались в укрепленный район. Начались танковые бои, которые продолжались в общей сложности 36 часов. Обе стороны понесли большие потери.

После этого перед израильскими войсками был открыт путь в глубь Синайского полуострова. Египетские войска оказались в трудных условиях. Не имея поддержки с воздуха, они, однако, на отдельных участках наносили противнику большие потери в живой силе и технике, смелыми контратаками отбрасывали израильские войска и восстанавливали свои позиции. Так, захваченный танковыми подразделениями египетский опорный пункт Гирана на побережье Средиземного моря был вновь занят египтянами в результате решительной контратаки [245, 1966, № 6, стр. 310]. Внезапные контрудары по бронетанковой группе Таля дважды наносила 4-я египетская бронетанковая дивизия. По признанию самого Таля, завязался «тяжелый двухчасовой бой. Запасы снарядов были исчерпаны» [326, 1970, июнь, стр. 28]. Однако и здесь отсутствие поддержки с воздуха помешало египтянам развить успех. На южном участке фронта первый эшелон бронетанковой группы израильтян, наступавшей на Эль-Кунтила силой до трех батальонов, был почти полностью уничтожен египетскими войсками. Только ввод в бой второго эшелона позволил израильтянам прорвать позиции оборонявшихся [374, 6.VII.1967].

Действия египетских войск затруднялись отсутствием связи между частями, трудностями в снабжении. В первый же день войны ударом с воздуха израильской стороне удалось вывести из строя фронтальный узел связи египтян на Синайском полуострове, а также уничтожить баки с армейскими запасами питьевой воды.

В ночь на 7 июня Совет Безопасности принял резолюцию о немедленном прекращении огня на Ближнем Востоке. Однако агрессор отказался ее выполнить. 7 июня по требованию СССР Совет Безопасности принял новую резолюцию о прекращении в качестве первого шага огня в 20.00 по Гринвичу 7 июня. Но Израиль под различными предлогами продолжал вести боевые действия. 8 июня Израиль начал наступление против Иордании, а затем, освободив силы с иорданского фронта и перебросив часть войск с Синайского полуострова на северо-восток, 9 июня перешел в наступление против Сирии. Цель операции заключалась в попытке захватить часть сирийской терри-

тории, ликвидировать прогрессивный политический режим, утвердившийся в Дамаске. Целый день шли бои за сирийский город Эль-Кунейтра. Сирийские части стойко держались против превосходящих сил противника, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

10 июня, когда израильские войска продолжали продвижение к Дамаску, правительство СССР разорвало дипломатические отношения с Израилем и предупредило западные державы о возможных последствиях продолжения агрессии. В тот же день вечером огонь был прекращен.

В военном плане Израилю удалось добиться преимущества. Оперативно-стратегическому успеху помогли внезапность нападения и слабые стороны в действиях вооруженных сил арабских государств [225, 25 VII.1971; 369, 1968, № 2, стр. 16].

Говоря о военных причинах поражения египетских вооруженных сил в июне 1967 г., президент Г. Насер указал на такие факторы, как недостаточное воздушное прикрытие перед лицом решающего превосходства противника, недооценка сил и возможного характера действий агрессора, неполная отмобилизованность войск, их слабая готовность к отражению удара врага [373, 9.VII.1967]. Определенную роль сыграли также недостатки в общеобразовательной подготовке египетского солдата, отсутствие систематической политической работы в армии и т. д. [454, стр. 87—88]. Несмотря на военные успехи, агрессору не удалось достичь главной военно-политической цели — покончить с прогрессивными режимами в Египте и Сирии.

Агрессия не смогла задушить прогрессивный режим. Весной 1968 г. была обнародована Программа 30 марта, в которой было выражено намерение продолжать прогрессивные социально-экономические преобразования. Одним из важнейших вопросов, который пришлось решать Египту после агрессии, было укрепление и развитие на новой основе вооруженных сил.

Движение сопротивления израильским оккупантам

Оккупация арабских земель Израилем, репрессии против арабского населения, его депортация — все это вызывало массовое движение сопротивления, использующее партизанские формы борьбы. Палестинское движение сопротивления стало занимать важное место в общей борьбе арабских народов против израильских оккупантов.

Пестрота и разнообразие внутривосточных условий в арабских странах наложили определенный отпечаток на развитие партизанского движения. Чтобы выяснить его характер, движущие силы, социальную природу, место в национально-освободительной борьбе, целесообразно остановиться на исторических корнях этого движения.

Империалистические силы давно вынашивали планы использовать сионизм для закабаления Палестины. В 1917 г. Великобритания дала согласие на создание в Палестине «национального еврейского очага». Международный сионизм организовал широкую иммиграцию в Палестину евреев из Германии и стран Восточной Европы. Если в 1917 г. в Палестине проживало всего около 50 тыс. евреев и свыше 500 тыс. арабов, то к 1939 г. численность евреев превысила 460 тыс. При этом не следует забывать, что на протяжении последних 1300 лет арабы постоянно составляли подавляющее большинство населения этого района. Об этом свидетельствуют многочисленные, в том числе и израильские источники.

Начиная с 1917 г. заселение Палестины евреями осуществлялось в ущерб коренному арабскому населению. Дело в том, что Палестина — страна древнейшего орошаемого земледелия, в которой к началу XX в. не оставалось «свободных» земель. Чтобы расселить евреев-иммигрантов, сионисты насильственно сгоняли арабов с их родных земель, за бесценок, путем обмена скупали их земли, а в случае неповиновения уничтожали физически. Известный историк, специалист по палестинской проблеме Сами Хадави писал, что число арабских беженцев из Палестины, которые под угрозой физического уничтожения покинули свои дома, к 1948 г., т. е. ко времени образования государства Израиль, составило 900 тыс. человек [294, 12.IX.1958]. Для физической расправы с арабами при попустительстве английской администрации в Палестине были созданы сионистские террористические организации «командос», члены которых вербовались из числа крайне националистически настроенных евреев. Характеризуя этапы становления милитаризма и военного колониализма Израиля, французский военный историк Бернар Вернье в своей работе «Армия и политика на Среднем Востоке» пишет, что «израильская армия родилась раньше, чем государство Израиль». Она была создана в Палестине на базе двух террористических организаций — «Хагана» и «Иргун цвай Леуми» [186, стр. XIX].

Уже тогда эта армия была оснащена современным вооружением за счет международной сионистской организации. Боевой подготовкой воинских подразделений занимались английские офицеры-инструкторы. Часть еврейских подразделений получила боевую подготовку в учебном центре англичан на Кипре. Личный состав некоторых подразделений евреев Палестины прошел стажировку в армиях западных государств, в частности в авиационных и танковых войсках Великобритании. В 1944 г. при поддержке Черчилля была сформирована еврейская бригада. Таким образом, когда в 1948 г. началась палестинская война, у Израиля, по существу, уже была регулярная армия.

Если проследить двадцатилетнюю историю израильского государства, то сразу же бросается в глаза следующая закономерность: Израиль использует военные конфликты с арабами для

искоренения и физического уничтожения арабского населения как в Палестине, так и на захваченных территориях арабских государств. Уже во время войны 1948—1949 гг. сионисты учиняли массовые расправы над арабским населением, сгоняли его с родных земель, уничтожали физически. Английский военный историк Эдгар О'Бэлланс в книге «Арабо-израильская война» отмечает, что зверства сионистов во многом были схожи со зверствами нацистов над евреями в годы второй мировой войны. Полностью был разрушен мирный город Яффа — один из центров древней мусульманской культуры. «Многие сторонники Израйля ужаснулись, узнав, как безжалостно арабские жители выдворялись из своих домов и как их гнали впереди продвигающихся войск... Такие действия были частью их планов по захвату „обетованной земли“» [733, стр. 213].

Другая функция израильской армии и милитаристского государства — подавление проживающего там арабского меньшинства [418, стр. 118—121].

Аннексию арабских территорий руководители Израйля сочетают с политической насильственной денационализацией. Арабское население Палестины и оккупированных территорий сгоняется с земель или уничтожается. Вместо коренных жителей на этих территориях селятся прибывающие из других стран иммигранты-евреи.

Ныне руководители международного сионизма пытаются объединить всех евреев мира вокруг Израйля на основе «двойного гражданства». Последнее «обязывает» евреев всего мира принять участие в осуществлении бредовых планов создания «великого Израйля» путем посылки молодого пополнения для израильской армии, ведущей войну против арабов, оказания экономической и другой помощи [373, 24.XI. 1967]. В 60-х годах создан международный финансовый консорциум сионистского капитала для помощи Израйлю, в который вошли 60 банкиров из 14 стран мира [159, стр. 36]. Под флагом расселения переселенцев израильские экстремисты требуют новых территорий и проводят насильственную денационализацию.

Практика денационализации ярко проявилась во время войны 1967 г. Свыше 500 тыс. арабов дополнили армию беженцев, численность которой к середине 1968 г. составила свыше 1,5 млн. человек. Действия палестинских партизан, как и арабов на оккупированных Израйлем территориях арабских государств, являются правомерным и законным выражением прав арабов на самооборону в условиях израильской оккупации. Вооруженная борьба арабского населения с израильскими оккупантами является справедливой и носит освободительный характер.

Пытаясь ввести в заблуждение мировую общественность, правящие круги Израйля утверждают, что в состав партизанских отрядов входят военнотруженики арабских государств, а не население оккупированных районов. Ссылкой на местонахождение

ние руководящих органов арабского партизанского движения на территориях соседних государств они пытаются оправдать военные провокации против Египта, Сирии, Иордании, Ливана. Эти ссылки не выдерживают критики. Достаточно вспомнить историю второй мировой войны, когда руководящие органы Сопротивления Франции и других оккупированных фашистами государств находились на территории третьих стран, что соответствовало нормам международного права. Палестинские беженцы, где бы они ни нашли убежище, остаются полноправными гражданами Палестины, а поэтому имеют законное право на вооруженную борьбу.

Условно партизанское движение арабов на оккупированных Израилем территориях можно разбить на три этапа: первый — 1948—1964 гг., второй — с 1964 г. до июньской агрессии Израиля в 1967 г. и третий — после июньской агрессии.

Первый этап характеризуется стихийными выступлениями палестинских арабов в ответ на вооруженные репрессии Израиля в ходе палестинской войны 1948—1949 гг. После ее окончания различного рода политические и националистические организации арабов стали создавать законспирированные группы, в задачу которых входило оказание вооруженного сопротивления израильтянам, диверсионные и террористические действия.

В 50-х годах среди палестинских беженцев наметилась консолидация политических сил. Отдельные группы объединились в более крупные подразделения, на базе которых постепенно была сформирована дивизия освобождения Палестины (8-я палестинская дивизия). Эта дивизия принимала участие в боях на Синайском полуострове в составе вооруженных сил Египта в 1956 г. Ряд палестинских организаций и групп, не вошедших в состав организованных частей, действовали самостоятельно.

Второй этап ознаменовался серьезной попыткой объединить подпольные арабские организации сопротивления на первой палестинской конференции в Иерусалиме (1964 г.), созванной по рекомендации первого совещания глав арабских государств. Конференция приняла решение создать Организацию национального освобождения (ОНО), в задачу которой входила борьба на оккупированных территориях как мирными, так и вооруженными средствами [373, 2.XI.1965]. Организация объединила федерации палестинских рабочих и студентов, женское и молодежное движение арабов-беженцев, проживающих в различных странах. В Бейруте ОНО создала палестинский научно-исследовательский центр. ОНО подчинялись вооруженные силы, которые участвовали в боевых действиях на Синайском полуострове в 1967 г. [703, стр. 208].

В 1965 г. была сформирована палестинская национально-освободительная организация «Аль-Фатах» («Победа»); ее партизанские подразделения называются «Аль-Асифа» [373, 7.IX.1965].

В отличие от ОНО, открыто признанной большинством араб-

ских государств, «Аль-Фатах» — подпольная партизанская организация — не признавалась правительствами арабских стран и вела свою деятельность в условиях строгой конспирации вплоть до июньских событий 1967 г.

Третий этап знаменуется значительной консолидацией патриотических сил, ростом рядов партизан за счет молодых интеллигентов и рабочих, расширением поддержки со стороны других арабских стран [283, 1970, январь, стр. 326].

12 июня 1968 г. был сформирован Национальный палестинский совет, сессия которого состоялась в июле того же года в Каире. Этот Совет объединил все палестинские организации, ведущие борьбу за освобождение вооруженным путем. В Совете, состоящем из 100 членов, ОНО имеет 50 мест, «Аль-Фатах» — 38, Народный фронт освобождения Палестины — 10, «независимые» — 2.

Наибольшим влиянием в Национальном палестинском совете пользуется ОНО, председателем которой является Яхья Хамуда. Вооруженную партизанскую борьбу против Израиля ОНО организует с помощью своих военных формирований: Палестинской освободительной армии (ПОА) и Народных сил освобождения. К началу июньской агрессии численность личного состава ПОА составляла 10 тыс. солдат и офицеров [373, 12.VIII.1965]. В боях ПОА понесла большие потери. После перемирия ПОА была реорганизована и пополнена за счет добровольцев из числа палестинских беженцев. Ряд армейских подразделений после специальной подготовки перешел в состав Народных сил освобождения, которые ведут партизанские действия на оккупированных Израилем территориях. В военном отношении партизанские формирования подчиняются командованию ПОА.

Организация «Аль-Фатах», оказавшаяся после июньских событий наиболее подготовленной к партизанским действиям на оккупированных территориях, завоевала широкую популярность среди арабов. Изменилось и отношение к ней большинства арабских государств. С заявлениями о поддержке «Аль-Фатах» и готовности оказать ей помощь выступили Египет, Сирия, Ирак, Кувейт и другие страны. В 1968 г. к «Аль-Фатах» примкнули восемь палестинских организаций, в том числе Фронт освобождения Палестины, Палестинский народно-освободительный фронт, Движение революционной палестинской молодежи, Пионеры народно-освободительной борьбы и др. [373, 10.VI.1968]. Следует отметить, что именно в последней организации стремятся окопаться пекинские раскольники, создавая промаоистские группировки для ведения «народной войны» по китайским канонам [399, стр. 106].

В начале 1968 г. была создана новая партизанская организация — Народный фронт освобождения Палестины, — тесно связанная с ОНО и получающая от нее военную и финансовую помощь [373, 9.III.1968].

Финансируются партизанские организации арабскими и некоторыми иностранными государствами. Вооружение поставляют арабские государства.

В своей боевой деятельности партизаны опираются на помощь арабов оккупированных территорий, где проживает около 1 млн. человек. Тактика партизанских групп предусматривает просачивание на оккупированные территории, организацию засад, нападения на гарнизоны, минирование дорог, военных объектов, обстрел военных объектов из минометов, уничтожение вооружения, транспортных средств и личного состава израильской армии [249, 15.XI.1969, стр. 60—62]. Под предлогом борьбы с партизанами израильские власти вводят на территориях, заселенных арабами, чрезвычайное положение, подвергают репрессиям и террору мирное население. Устанавливаются проволочные и минные заграждения на путях возможного проникновения партизанских групп, вокруг военных объектов создаются сигнальные системы, усиливается охрана израильских поселений. В начале 1968 г., когда действия партизан особенно активизировались, израильское командование ввело в действие закон о репрессиях за связь населения с партизанами, по которому мирным жителям грозит смертная казнь и уничтожение их жилищ [373, 12.III.1968]. Несмотря на репрессивные меры, партизанская борьба растет и ширится.

Успешные боевые действия партизан поднимают моральный дух мирного населения и личного состава вооруженных сил, рассеивают миф о непобедимости израильской армии. В то же время следует отметить, что партизанское движение неоднородно. Как указывается в документах совещания представителей коммунистических и рабочих партий арабских стран, состоявшегося в сентябре 1973 г., одним из опаснейших приемов империалистов является провоцирование внутренней борьбы в рядах национальных сил [220, 19.X. 1973].

Марксистскую оценку перспектив дальнейшей борьбы дали представители коммунистических партий арабских государств в своем заявлении «Насущные задачи арабского национально-освободительного движения», сделанном в июле 1968 г. В нем подчеркивалось, что успешная борьба за полную ликвидацию израильской агрессии должна сочетаться с борьбой за социальные преобразования в арабских странах. В этом заявлении давалась отповедь мелкобуржуазному, пропекинскому, авантюристическому курсу, который сводится к абсолютизации вооруженной формы борьбы с империализмом.

Ошибки, а также искусственно раздуваемые масштабы палестинского движения сопротивления привели на какое-то время к его ослаблению, утрате у некоторых руководителей способности предвидеть события, веры в силу масс и их революционную деятельность. Появились лозунги, отрицающие значение организованной массовой борьбы, началось увлечение террористи-

ческими методами. В результате империалистических провокаций возникли конфликты между руководством ПДС и правительствами некоторых стран, где располагались его вооруженные силы.

В последнее время в палестинском движении сопротивления происходят положительные изменения, которые затронули все его организации: намечается все более четкий политический и идеологический курс движения, улучшаются его отношения с другими отрядами арабского национально-освободительного и мирового революционного движения. Растет понимание необходимости вести борьбу в рамках широкого союза патриотов и сочетать вооруженное сопротивление оккупантам с политической работой. Большим событием для палестинского движения стала Всеарабская народная конференция в поддержку палестинской революции (1973 г.) с участием представителей прогрессивных партий, в том числе коммунистических, рабочих и крестьянских организаций, профессиональных союзов 14 арабских стран. Конференция провозгласила создание Арабского фронта содействия палестинской революции [227, 1973, № 2, стр. 48—49; № 8, стр. 66].

§ 5. НАЧАЛО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ РАСИСТСКИХ РЕЖИМОВ НА ЮГЕ АФРИКИ

16 декабря 1961 г. в крупнейших промышленных центрах Южно-Африканской Республики — Йоханнесбурге (Йоханнесбурге), Порт-Элизабете и Дурбане — раздался взрыв: произошли налеты на правительственные учреждения, линии телефонной и телеграфной связи и электроподстанции. В этих городах были найдены листовки с Манифестом «Умконто ве Сизве» («Копье нации») — вооруженной организации, созданной африканцами для борьбы с режимом белого меньшинства [357, 28.XII. 1961]. В апреле 1966 г. в Южной Родезии начались действия вооруженных отрядов партизан Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) против правительственных войск режима Яна Смита [645, стр. 138]. 26 августа 1966 г. партизанский отряд Народной армии освобождения Юго-Западной Африки совершил нападение на пост южноафриканской армии в Онкулумбахе на крайнем северо-западе Намибии [227, 1973, май, стр. 60]. Началась вооруженная борьба против незаконного присоединения Намибии к Южно-Африканской Республике и распространения на эту страну фашистского режима апартеида.

Расистские режимы на юге Африки, против которых было направлено острое начавшейся вооруженной борьбы, утвердились в первой половине 60-х годов: в ЮАС — 31 мая 1961 г., когда националистическое правительство объявило его независимой республикой; в Южной Родезии — 11 ноября 1965 г.,

когда правительство Я. Смита провозгласило в одностороннем порядке «независимость» колонии от английской короны. В этих государствах были приняты новые «конституции», еще более упрочившие господство белого меньшинства и закрепившие бесправное положение африканского населения. Расистские правители наотрез отказались подчиниться решениям международных организаций о признании прав коренного африканского населения.

Подпольно-диверсионная деятельность «Умконто ве Сизве» (декабрь 1961—1963 гг.)

Южно-Африканская Республика — государство особого рода, сочетающее в себе черты империалистического государства с чертами колонии [119, стр. 42—43]. Классовые отношения здесь очень сложны, так как к ним примешиваются расовые и национальные противоречия.

Основой государственного, политического и экономического устройства ЮАР, как уже отмечалось, является апартхейд — принцип раздельного существования рас [см. 501]. Государство апартхейда, являясь буржуазной демократией для эксплуататорского белого меньшинства, представляет собой военно-фашистскую диктатуру, направленную против трудящегося большинства населения, основную массу которого составляют африканцы. Основным содержанием освободительной борьбы в ЮАР является, с одной стороны, борьба за национальное освобождение всего африканского народа [207, стр. 4], с другой — классовая борьба трудящихся против капиталистических эксплуататоров. В переплетении этих двух потоков — главная особенность южноафриканского освободительного движения. Таким образом, основными движущими силами этого движения выступают африканский промышленный пролетариат и африканское крестьянство. Их союзниками являются передовые представители трудящихся европейского происхождения, а также африканской национальной буржуазии, численность которой в ЮАР весьма невелика.

Программой освободительных сил является «Хартия свободы» — программа демократических и социальных преобразований во всех областях жизни, принятая 26 июня 1955 г. [174].

Руководство движением осуществляют массовые политические организации: Африканский национальный конгресс (АНК), Южно-Африканский индийский конгресс (ЮАИК), Южно-Африканский конгресс «цветного» населения. Самые передовые представители как белого, так и африканского населения страны входят в Южно-Африканскую коммунистическую партию (ЮАКП).

В начале 60-х годов компартия и АНК пришли к выводу, что, в условиях когда правительство своими действиями ведет стра-

ну к гражданской войне, нельзя ограничиваться только ненасильственными действиями (политические бойкоты, демонстрации, кампании неповиновения). Еще в 50-е годы вооруженные репрессии против африканского и «цветного» населения вызвали ряд стихийных волнений в Пондоленде, Транскее, Вармаде. В народе росло убеждение в необходимости насилия, стихийно возникали небольшие группы, строившие планы вооруженной борьбы [448, стр. 203]. Эти настроения особо обострились после расстрела демонстрации в Шарпевиле.

У съезд ЮАКП, проходивший в 1962 г., решил, что в сложившейся тогда обстановке свергнуть расистский режим можно лишь вооруженной борьбой. К этому же мнению пришли в июне 1961 г. АНК [там же, стр. 204; 149, стр. 24], а также другие прогрессивные организации. При этом учитывалось, что в ЮАР существовали политические организации, которые не только могли возглавить вооруженную борьбу масс, но и выполнить сложные задачи ее планирования и ведения; что развитие освободительного движения в Африке привело к появлению независимых государств, где могли быть созданы базы и опорные пункты для вооруженной борьбы [304, 1969, сентябрь, стр. 271].

Следующей задачей освободительных сил был выбор стратегии и тактики вооруженной борьбы. Сложившиеся в стране условия: жестокий полицейский террор, активная деятельность тайной полиции, наличие в руках господствующего класса сильной и достаточно разветвленной военно-полицейской организации «белого» населения, готовой к репрессиям против африканцев, — исключали возможность эффективного прямого удара по существующему режиму. К тому же субъективный фактор революции еще не сформировался: массы не были готовы к сознательному и организованному вооруженному столкновению с господствующим режимом, политическая армия революции не сложилась. О вооруженном восстании, о гражданской войне говорить было преждевременно. Поэтому революционное руководство избрало тактику косвенного удара.

«Из четырех возможных форм насилия — саботаж, партизанская война, терроризм и революция, — говорил в своем выступлении на Ривонийском процессе Нельсон Мандела, один из руководителей Африканского национального конгресса, — мы решили выбрать первую форму и использовать все ее возможности, прежде чем принимать другое решение» [448, стр. 206]. Революционеры задумали, используя диверсии и саботаж, нанести удар по инфраструктурным объектам (электростанции, железные дороги, средства связи). Предполагалось, что нарушение работы промышленности и транспорта вызовет отток иностранного капитала из ЮАР и, таким образом, нанесет чувствительный удар по расистскому режиму. Саботаж в правительственных учреждениях и других очагах апартхеида мог воодушевить народ, показать, что революционеры отвечают борьбой на

насилие правительства [там же, стр. 207]. Руководство надеялось также, что подобные действия окажут давление на белых избирателей, а отсутствие человеческих жертв не озлобит «белое» население и позволит в будущем надеяться на улучшение отношений между двумя расами. Делалась ставка и на вмешательство других стран [448, стр. 206—207]. Созданную в ноябре 1961 г. в глубоком подполье вооруженную организацию «Умконто ве Сизве» возглавило Верховное национальное командование, куда вошли как европейцы, так и африканцы: Н. Мандела, У. Сисулу, Р. Мбала — от АНК; Л. Бернштейн, А. Кайрода, Г. Мбеки — от ЮАКП [299, 1964, июнь, стр. 278]. В его задачи входило определение тактики и задач борьбы, решение организационных и финансовых вопросов. Оно обладало правом кооптации и назначения низшего командования.

В основу структуры «Умконто ве Сизве» был положен территориальный принцип. В организации насчитывалось несколько региональных командований, которым в свою очередь подчинялись местные группы саботажа. В целях строжайшего проведения в жизнь принципов, заложенных в стратегическом плане, региональные командования имели право выбирать объекты нападения только в соответствии с политической линией высшего командования, а члены боевых групп не могли выходить на операции вооруженными [448, стр. 208], чтобы избежать человеческих жертв. Бойцы «Умконто ве Сизве» принимали присягу, в которой говорилось: «Я солдат „Умконто ве Сизве“. Я обещаю беспрекословно выполнять все приказы и как солдат клянусь служить народу и своей стране. Я буду поддерживать политику национально-освободительного движения, руководимого Африканским национальным конгрессом, чтобы оградить права и достоинство народа от всех посягательств» [351, б.V. 1964].

Наибольшего подъема деятельность «Умконто ве Сизве» достигла в 1962—1963 гг., когда были совершены 192 акта саботажа и диверсии [299, 1964, июнь, стр. 278] ³¹.

Призывы «Умконто ве Сизве» к саботажу и диверсиям подхватили подпольные группы Национально-освободительного движения, Африканского движения сопротивления и некоторых других организаций, которые также начали диверсионную деятельность. В «Умконто ве Сизве» вступили индийцы, часть которых вошла в руководство организации на разных ступенях [253, 1969, август, стр. 15]. Боевую организацию создали молодые европейцы, в нее вошли также представители других расовых групп. За три года ее боевики совершили 50 диверсий [218, 1966, № 4, стр. 18]. Иной характер носила деятельность движения «Поко», на руководство которым претендовал Панафри-

³¹ На процессе в Ривонии было предъявлено обвинение в свершении 222 актов саботажа [744, стр. 170].

канский конгресс³². Террористические акты «Поко» разразились в Парле и других городах и районах Капской провинции. Они носили характер отчаянных, беспорядочных актов мести «белому» населению, хотя и отражали мужество и решимость людей, доведенных до отчаяния [299, 1963, октябрь, стр. 463].

Деятельность «Умконто ве Сизве» в этот период оставила заметный след в развитии вооруженной борьбы против расистского режима в Южной Африке. Она помогла создать ядро обученных солдат для будущих боев, подняла моральный дух африканского населения.

Правительство ЮАР и правящая Националистическая партия серьезно встревожились размахом развернувшейся борьбы. По закону 1961 г. в систему «сил безопасности» были включены территориальные гражданские силы, «командос» и полицейский резерв [272, 12.V.1961, стр. 4].

В результате коренной реорганизации полицейских сил для постоянного несения полицейской службы было привлечено максимальное число мужского населения европейского происхождения, занятого в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в управленческом аппарате. Наряду с увеличением численности регулярной полиции и ее военизацией резко возрос полицейский резерв, где европейцы несли службу без отрыва от своих основных занятий. Общая численность полицейского резерва с 5 тыс. в 1961 г. увеличилась до 19 663 человек в 1964 г. (в 1967 г. — до 55 тыс. человек). Каждый из состоявших в полицейском резерве принадлежал к одной из четырех групп («А», «В», «С», «D»).

Резерв «А» находился в состоянии постоянной боевой готовности, проходил усиленную боевую подготовку, имел при себе автоматическое оружие. Он привлекался для усиления регулярной полиции в случае чрезвычайного положения. Резерв «В» — «территориальный резерв полиции», который нес службу по месту жительства. Резерв «С» привлекался для охраны производственных предприятий, дорог, портов, нефтеперегонных заводов; резерв «D» — для действий против партизан в сельской местности до прибытия регулярной полиции [611, стр. 167—168].

В созданную в 1964 г. так называемую гражданскую оборону для борьбы против африканского населения в случае чрезвычайного положения могли привлекаться все граждане европейского происхождения от 17 до 65 лет [349, 13.II.1964, стр. 13].

Парламент принял ряд новых репрессивных законов: закон о саботаже, предусматривавший наказание от пяти лет до смертной казни (1962 г.), закон о 90-дневном заключении без суда

³² «Поко» («Только для африканцев») — подпольная боевая организация Панафриканского конгресса, созданная в 1961 г. Единственной формой борьбы она признавала индивидуальный террор, на который южноафриканская полиция, как правило, отвечала массовыми репрессиями. Наиболее активно действовала в 1962—1963 гг. [744, стр. 168].

(1963 г.), закон о превентивном тюремном заключении на срок до 180 дней с последующим продлением (1965 г.) [390, стр. 18; 261, 6.I.1968, стр. 3]. Была реорганизована система разведки и тайной политической полиции. За три года — с 1962 по 1965 г. — численность «специальной службы» полиции выросла втрое. В ее ведение перешли все дела по вопросам «безопасности» [351, 17.VI.1964]³³. Используя провокаторов, «специальная служба» и армейская контрразведка проникли в повстанческую организацию, сумели воспользоваться ошибками «Умконто ве Сизве», выразившимися в «недостаточной бдительности и слабой организации» [235, 1965, № 20, стр. 40]. В результате только за 1963 г. были арестованы 3355 южноафриканцев [там же, стр. 38]. Тяжелым ударом был арест в 1962 г. Н. Манделы, а в июне 1963 г. — группы деятелей освободительного движения, в том числе семи членов Верховного революционного командования, которых на судебном процессе в Ривонии приговорили к пожизненному тюремному заключению.

Аресты в Ривонии нанесли еще один серьезный удар по планам борцов за свободу. На штаб-квартире «Умконто ве Сизве» полицейей был захвачен план дальнейшего развертывания вооруженной борьбы. Он предусматривал следующие два этапа: организацию партизанского движения в сочетании с массовыми диверсиями, а затем высадку с моря и воздуха заранее обученных бойцов, которые должны объединиться с партизанами и вооруженным народом [268, 3.III.1964].

В 1964—1966 гг. движение пошло на спад. Революционное подполье в ЮАР проходило перегруппировку и реорганизацию. Значительная часть руководства АНК и «Умконто ве Сизве» находилась за пределами страны. Однако политические организации ЮАР не собирались отказываться от вооруженной борьбы. Еще до ареста Н. Мандела совершил поездку по африканским странам. В Алжире, Танганьике он вел переговоры об оказании помощи в боевой подготовке южноафриканских партизан [448, стр. 211]³⁴. После ареста Н. Манделы руководящий комитет АНК за границей принял меры к подготовке и организации партизанской войны как следующей стадии вооруженной борьбы.

Партизанская война народов ЮАР, Зимбабве и Намибии против расистских режимов (1966—1970 гг.)

Понимая преимущества противника — высокую степень индустриализации страны, подготовленные людские резервы из лиц европейского происхождения, отличные шоссейные, желез-

³³ В 1968 г. полицейская и военная разведывательные службы были объединены в унифицированную организацию — Бюро обеспечения безопасности, — которую возглавил генерал Ван ден Берг.

³⁴ Первая группа южноафриканцев прибыла для обучения в Танзанию в 1962 г.

ные дороги и авиационный транспорт, руководители вооруженной борьбы рассчитывали на то, что в процессе продолжительной партизанской войны начнут сказываться недостатки военного и экономического положения противника, связанные главным образом с его меньшей численностью [769, стр. 204]. Это, по их мнению, в конечном счете должно было привести к усилению сил народа и к достижению военного превосходства над противником [304, 1968, № 9, стр. 272].

При подготовке к вооруженной борьбе ЮАКП выдвинула следующие принципы борьбы с вооруженными силами империализма: 1) трезвая и реалистичная оценка сил противника; 2) создание организации, занимающейся формированием баз в соседних дружественных государствах; 3) обеспечение партизан современным оружием; 4) главная опора в борьбе — трудящиеся массы ЮАР, которые понимают, что означает расизм и господство капитала. Особое значение имеет союз с трудящимися из других южноафриканских стран, периодически прибывающими в ЮАР ³⁵ [345, 1967, № 3, стр. 7].

Большая практическая помощь денежными средствами, продовольствием, одеждой, медикаментами, подготовкой военных кадров и оружием была оказана независимыми государствами Африки и социалистическими странами [100, стр. 857].

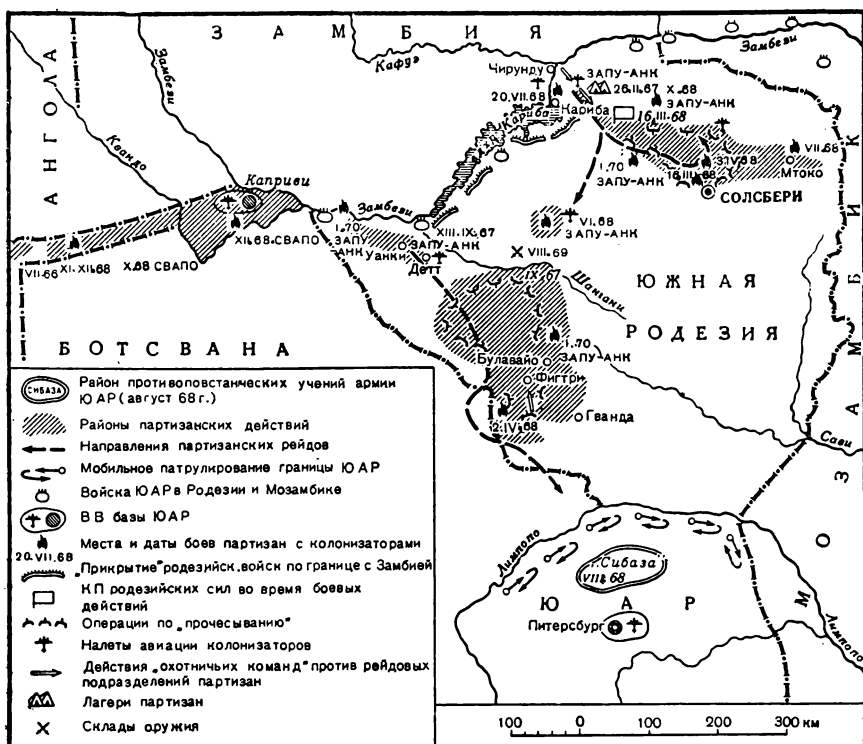
После того как в ноябре 1965 г. правительство Яна Смита провозгласило Южную Родезию «независимой», народ Зимбабве вынужден был взяться за оружие. Стремясь к полному захвату власти, расисты заранее развернули кампанию террора и запугивания африканцев. Перед «выборами» в мае 1965 г. правительство ввело закон о смертной казни или 20-летнем заключении для африканцев, у которых обнаружат оружие.

На путь вооруженной борьбы встали национальные политические организации — ЗАПУ и ЗАНУ ³⁶. «Фашистский характер режима, — говорилось в заявлении ЗАПУ — не оставляет места для каких-либо других решений» [310, 1.XI. 1967]. Уже в первые месяцы 1966 г. появились сообщения об аресте африканцев, проходивших военную подготовку за границей по линии ЗАПУ. Стойки партизан с полицией, начавшиеся в апреле 1966 г. в районе Синой (85 миль от Солсбери), вскоре распространились на округа Матоно, Русапе, Гванда, Филабуси [370, 2.IX. 1967]. К июлю 1966 г. партизаны совершили 80 диверсий [137, стр. 74].

Режим Смита начал кампанию за «сохранение тайны и бдительности». На некоторых участках границы было установлено постоянное наблюдение, на Карибской электростанции разме-

³⁵ Имеются в виду рабочие-сезонники из Анголы, Мозамбика, Малави, Южной Родезии и других южноафриканских стран, работающие в ЮАР по контракту.

³⁶ ЗАНУ — Африканский национальный союз Зимбабве, организованный в 1963 г. после выхода из ЗАПУ ряда бывших его членов [227, 1973, № 5, стр. 65].

Партизанские действия ЗАПУ — АНК и СВАПО на юге Африки

стились войска. Все неафриканское мужское население в возрасте от 17 до 60 лет регистрировалось для прохождения военной службы, срок военной подготовки в территориальных войсках увеличился с четырех с половиной до девяти месяцев [там же, стр. 75].

В августе 1967 г. АНК и ЗАПУ заключили военно-политический союз [235, 1968, № 36, стр. 44]. В совместном заявлении этих организаций, оглашенном 11 сентября 1967 г. на конференции глав государств — членов ОАЕ в Киншасе, указывалось, что «союз этих двух организаций основан на том, что все народы Южной Африки имеют общих врагов и общие цели. От их прочного сотрудничества и солидарности зависит успех в борьбе за уничтожение бастиона расизма, фашизма и колониализма».

13 августа начались совместные действия ЗАПУ и АНК на северо-западе Родезии («кампания Ванкие»). В течение шести дней в районе Ванкие (Уанки) — Детт и далее к юго-востоку рейдирующий партизанский отряд численностью до 200 человек

вел бои с «силами безопасности» [232, 1967, № 8, стр. 845, 869]. Отделившиеся от главных сил отряды меньшей численности вели бои с «силами безопасности» на всей территории провинции Матабелеленд в течение августа — сентября. Бои охватили также округа Булавайо (к западу от железной дороги), Унунгве и Сиппило. Самый крупный из них — в Тжотлотже — длился двое суток [232, 1968, № 3, стр. 1020]. Группа партизан численностью до 30 человек совершила глубокий рейд вдоль границы Родезии с Ботсваной, нащупывая возможности просачивания в ЮАР, однако при вторичном переходе границы часть партизан была арестована полицией Ботсваны [345, 1968, № 5, стр. 2].

Боевыми действиями партизан руководили Дж. Дубе, уроженец этих мест, член ЗАПУ и начальник штаба «Умконто ве Сизве» М. Мджоджо [232, 1967, № 8, стр. 870]. Партизаны пользовались поддержкой населения [261, 3.I.1970, стр. 4]. В ходе боев было убито, по данным АНК и ЗАПУ, 196 солдат и офицеров — европейцев [345, 1968, № 6, стр. 1]. Правительство Смита заявило, что был убит 31 партизан. В ноябре семерых захваченных в плен африканцев приговорили к смертной казни [137, стр. 75].

В действиях родезийских «сил безопасности» против партизан участвовала родезийская «специальная служба ВВС», широко применялась авиация, привлекалось местное население. Родезийским расистам, которые «истощили» свои ограниченные людские ресурсы³⁷, оказали поддержку южноафриканские. В сентябре 1967 г. южноафриканская военизированная полиция, вертолеты и авиация приняли участие в действиях против партизан [232, 1967, № 8, стр. 868—869]. Комментируя прибытие этих сил в Родезию, южноафриканский премьер-министр Форстер заявил, что, хотя между ЮАР и Родезией нет военного договора, «друзья не нуждаются в особых соглашениях» [225, 27.VIII.1967].

Действительно, «друзья» родезийских расистов — южноафриканские военнослужащие из состава карательных частей не менее активно участвовали в зверствах и жестокостях по отношению к африканскому населению.

Следующий этап боевых действий между партизанами и «силами безопасности» развернулся зимой 1968 г. (с марта по июль).

В январе 1968 г., в период дождей, партизаны начали готовить наступление на «Восточном фронте» (к северу от Солсбери).

³⁷ Численность белого меньшинства в Родезии составляет 240 тыс. Из них максимальное количество для использования в «силах безопасности» составляло 29—30 тыс. человек (1 тыс. — в регулярной армии, 6 тыс. — в территориальных частях, 20 тыс. — в полицейском резерве и 2 тыс. — в постоянной полиции) [645, стр. 106].

В глубине родезийской территории были созданы восемь лагерей, которые должны были стать опорными базами для расширения рейдовых действий партизан по всей стране, в том числе на южноафриканской границе. Однако в марте, когда один из лагерей обнаружили «силы безопасности», вспыхнули бои в различных районах на востоке страны, в том числе в 15 милях от Солсбери [345, 1968, № 6, стр. 1; 1969, № 11, стр. 3]. Только за первую неделю «силы безопасности» потеряли 56 человек. Корреспондент лондонской «Дейли Телеграф» писал, что партизаны «проявили высокое мастерство в устройстве засад, укрытии лагерей и маскировке своих следов». Они прекрасно сражались, совершали быстрые переходы в буше с 50-килограммовыми рюкзаками за спиной [267, 7.VIII.1968].

Командующий южнородезийской армией отдал приказ о немедленном призыве всех резервистов. Боевыми действиями против партизан стал руководить командный пункт, развернутый в г. Карои. К борьбе против партизан были привлечены авиация, вертолеты, парашютисты. Планы совместных военных мероприятий обсуждались на совещании южноафриканских, родезийских и португальских гражданских и военных чинов 22 марта 1968 г.

В апреле атаки партизан продолжались. Их действия поддерживались отрядами, проникавшими через границу Родезии, несмотря на кордоны «сил безопасности» [232, 1968, № 7, стр. 1131]. Партизаны, писала йоханнесбургская газета «Санди Таймс», лучше вооружены, лучше снабжены, лучше обучены и более упорны в бою, чем раньше [355, 7.IV.1968]. В борьбе с ними войска Смита применяли тактику интенсивных бомбежек с воздуха и последующего прочесывания [345, 1968, № 11, стр. 2]. Обе стороны несли тяжелые потери. Так, в бою у Мазоз 3 апреля было убито 72 солдата и 42 партизана [305, 15.IV.1968]. Как сообщало радио Замбии, многие африканцы из родезийских войск отказывались воевать. Пытаясь скрыть от европейского населения действительные потери, командование «силами безопасности» не объявляло о похоронах своих солдат и офицеров. В то же время к числу убитых повстанцев относили африканцев, погибших при бомбежках деревень. Последние крупные бои состоялись в Мтоко и Ньмобиба, когда партизаны нанесли удар по аэропорту Кариба [232, 1968, № 7, стр. 1131—1132]. Однако в дальнейшем масштабы борьбы резко сократились.

В значительной степени этому способствовала военная помощь правительства ЮАР родезийскому режиму Смита. К июлю 1968 г. в Родезию были переброшены и участвовали в боях с партизанами 1,7 тыс. южноафриканских солдат и полицейских, самолеты, вертолеты и бронетранспортеры [345, 1968, № 11, стр. 2]. Кроме того, в августе 1968 г. в Северный Трансвааль — наиболее близкий к «Восточному фронту» и очень похожий по условиям местности на Южную Родезию район ЮАР — были подтянуты 5 тыс. войск, 1 тыс. боевых машин и семь эскадри-

лий штурмовиков, транспортных самолетов и вертолетов для проведения противоповстанческих маневров («Операция Сибаз»). [310, 5.VIII. 1968; 12.VIII. 1968]. В случае надобности они могли быть срочно переброшены в Южную Родезию. Как заявил военный министр ЮАР П. Бота, учения были призваны оказать «устрашающее воздействие» на африканское население Трансвааля [232, 1968, № 7, стр. 1154]. Вдоль северных границ ЮАР было организовано мобильное патрулирование 3 тыс. полицейских, обложенных неограниченными правами обыска и ареста [232, 1969, № 6, стр. 1445]. Впервые в мирное время в ЮАР была введена всеобщая воинская повинность, число территориальных войск было дведено до 100 тыс. человек, объявлен дополнительный набор в полицию [257, 16.III.1967].

Для удобства управления «силами безопасности» территория ЮАР разбита на 10 военных и 18 полицейских округов; командованию первых подчиняются все вооруженные силы, расположенные в пределах округа. Кроме того, в 1966 г. было сформировано специальное соединение, получившее название «Боевая группа». Она состоит из наиболее подготовленных частей и подразделений, снаряжена лучшим оружием, обеспечивается поддержкой с воздуха. Выполняя роль своеобразного стратегического резерва внутри страны, согласно инструкции верховного командования она может быть использована во время чрезвычайного положения в любом районе. Подобные части были созданы и в полиции. В составе сухопутных сил возрос удельный вес десантно-диверсионных войск. Сформирован первый парашютно-десантный полк [529, стр. 124—125; 133, стр. 2].

Были предприняты меры для усиления взаимодействия между полицией и вооруженными силами, осуществляемого через межминистерский комитет «оборонительных сил» и полиции по координации «внутренней безопасности». В соответствии с дополнением к закону об «обороне», принятым в 1963 г., военнослужащие территориальных частей и отрядов «командос» в случае чрезвычайного положения могли быть немедленно на месте мобилизованы и использованы как полицейские [133, стр. 15]. В 1966 г. был создан Совет чрезвычайного планирования, одной из важнейших задач которого было обеспечение «превентивных» мер против восстания [там же, стр. 9]. По свидетельству западногерманского военного журнала, «каждый второй бюргер в ЮАР имеет в своем распоряжении личное оружие» [366, 1964, № 3, стр. 166].

ЮАР оказывала постоянное давление на Замбию, чтобы заставить ее прекратить помощь партизанам. Формы давления были самыми разнообразными: вторжение на территорию Замбии полицейских отрядов, саботаж, диверсии, провоцирование конфликтов Замбии с Малави, налеты бомбардировщиков, экономические санкции, раздувание этнических распрей, угрозы «нанести мощный ответный удар» [645, стр. 34; 351, 6.IV. 1968].

В ЮАР, особенно в Северном Трансваале, где за последние годы наиболее часто вспыхивали крестьянские волнения, были арестованы тысячи людей [345, 1968, № 2, стр. 2]. С целью дальнейшего «завинчивания гаек» была введена еще более жесткая цензура на сообщения о действиях войск и полиции [235, 1967, № 30, стр. 26].

Боевые действия АНК и ЗАПУ в 1967—1968 гг. имели важное значение. Они показали, что противник не является непобедимым, что он больше не монополист в обладании современным оружием [345, 1968, № 11, стр. 1]. Однако действия партизан не привели к созданию опорных баз в Родезии. Рейдовые группы не смогли пробиться в ЮАР, наладить постоянные контакты с местным населением. Дали себя знать отсутствие боевого опыта, нехватка кадров, противоречия между организациями, а также утечка информации (даже через такую организацию, как Комитет освобождения Африки) [345, 1968, № 3, стр. 17].

Боевыми действиями партизан руководили Верховное национальное командование «Умконто ве Сизве» и военная организация ЗАПУ. Активное участие в организации вооруженной борьбы приняла Молодежная лига АНК, руководитель которой М. Молао героически погиб в боях на «Восточном фронте» [261, 31.I.1970, стр. 4]. Партизаны были вооружены автоматами, гранатами, противотанковыми гранатометами, хорошо экипированы, снабжены портативными радиостанциями [353, 28.VIII.1968; 334, 18.XI.1969]. Бойцы отличались высокой дисциплиной и моральным духом [289, 16.VII.1968].

В мае 1969 г. результаты борьбы были обсуждены на конференции членов АНК и представителей «Умконто ве Сизве» в Морогоро (Танзания). Конференция призвала к дальнейшему развертыванию вооруженной борьбы, изучению и практическому овладению методами партизанской войны, усилению союза с ЗАПУ. Конференция указала на необходимость создавать подпольные отряды в ЮАР, накапливать оружие, изучать противника, прилагать усилия, чтобы избежать проникновения в организацию агентов южноафриканской контрразведки [345, 1970, № 1, стр. 5—6].

Вооруженная борьба народов Намибии против южноафриканских властей имела свою специфику, отражавшую международно-правовые отношения между этой страной и ЮАР.

Юго-Западная Африка, в прошлом германская колония, была в 1920 г. передана Лигой наций Южно-Африканскому Союзу в качестве подмандатной территории. Народ Намибии не переставал бороться против южноафриканских методов «опеки», которые привели к прямой аннексии страны режимом Претории, к утверждению власти поселенцев европейского происхождения, к распространению на Намибию антинародных законов ЮАР и ее практики апартхеда.

Борьбу народов Намибии против южноафриканского колони-

ального режима возглавила Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО). Эта массовая политическая организация была создана в 1960 г. на базе Народной организации Овамболенда. Цель СВАПО — завоевание национальной свободы и образование демократического государства. Решение о развертывании массовой политической и вооруженной борьбы в стране было принято на подпольной конференции СВАПО в 1962 г. Там же было решено создать боевую организацию СВАПО — Армию освобождения Намибии. В программу политической и организационной деятельности, проводимой активистами СВАПО в последующие годы, входило разъяснение массам того обстоятельства, что освобождение Намибии зависит от самих намибийцев. Развернулась подготовка масс к вооруженной борьбе, военное обучение кадров и создание опорных баз [742, стр. 200—201].

Первая опорная база партизан была создана в лесах на севере Овамболенда в сентябре 1965 г. Там происходило обучение населения методам партизанской войны. Эта работа велась в течение девяти месяцев, пока базу не обнаружили полицейские. Активные партизанские действия в августе 1966 г. развернулись в трех районах страны — Овамболенде, Окаванго и Восточном Каприви [402, стр. 111]. Партизаны предпринимали нападения на центры коммуникаций, военные гарнизоны в г. Уолфиш-Бей и поселках Восточного Каприви и на полицейские посты [230, 1969, октябрь, № 5, стр. 86]. Особенно напряженными были бои в Восточном Каприви в октябре — декабре 1968 г., где объектом нападений партизан стала военно-воздушная база ЮАР Каприви [231, 1969, январь, стр. 32]. Южноафриканские войска и полиция предприняли массовую террористическую кампанию против населения. Тысячи жителей были вынуждены бежать из страны [402, стр. 111].

Как отметил проходивший в г. Танга (Танзания) в декабре 1969 — январе 1970 г. консультативный конгресс СВАПО, за прошедшие годы патриоты «изучили тактику врага и накопили большой опыт в борьбе с ним» [цит. по: 402, стр. 111]. В решениях конгресса содержался также призыв к расширению борьбы народов Намибии против расистского колониального режима.

В 1970 г. африканские освободительные силы Родезии и ЮАР встретились с рядом трудностей, которые воспрепятствовали дальнейшему расширению вооруженной борьбы. В частности, ЗАПУ пережил внутренний кризис, который, однако, по словам его руководителей, был успешно преодолен к октябрю 1971 г. [227, 1973, № 5, стр. 62]. Была достигнута договоренность о совместных действиях с ЗАНУ [там же, стр. 65]. Созданная ЗАПУ Народно-революционная армия Зимбабве возобновила в августе 1972 г. вооруженную борьбу, в том числе операции по саботажу

на железных и шоссейных дорогах в районах Синоя, Пламтри, Уанки, Урунгве, Бинга. Основные усилия партизан сосредоточены в центральных и северо-восточных районах страны [там же, стр. 62—63; 225, 2.IV.1973; 230, 1973, № 5, стр. 100].

Важное значение для дальнейшего развития революционной вооруженной борьбы имеют решения учредительного заседания ЦК ЮАКП, состоявшегося в 1970 г. Заседание высказалось за поддержку освободительной армии «Умконто ве Сизве», стремящейся рекрутировать в свои ряды и обучать новых бойцов — партизан — и распространять партизанскую войну на жизненно важные центры ЮАР. В то же время главные усилия партии направлялись на «восстановление партийной организации профессиональных революционеров», связанной с трудящимися массами и способной вести партийную работу перед лицом полицейского террора [235, 1971, № 46, стр. 27].

Оценивая дальнейшие перспективы освободительной борьбы в ЮАР, председатель АНК Оливер Тамбо отметил, что для начала успешной вооруженной борьбы на территории ЮАР требуется хорошая подготовка, которая займет немало времени. «Нам необходимо, — говорит О. Тамбо, — обеспечить широкую народную опору, подобную той, которую имеет война за освобождение в португальских колониях» [227, 1973, № 5, стр. 63].

Продолжается борьба против южноафриканских расистов в Намибии, охватывая новые районы на севере и востоке, особенно в округах Каприви и Окаванго. Партизаны завоевывают все большее доверие у народа [там же, стр. 62].

Вооруженная борьба народов Южной Африки против расистских режимов служит одной из важных форм борьбы против колониальных расистских режимов фашистского типа. Первые этапы ее развития показали сложность применения этой формы борьбы в условиях изолированного военно-полицейского террора, необходимость сочетания вооруженных акций с массовой политической борьбой трудящихся масс.

§ 6. СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЙ И БОРЬБА НАРОДОВ АФРИКИ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ВОЕННОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИМПЕРИАЛИЗМА

Создание национальных вооруженных сил

Национальные вооруженные силы молодых африканских государств почти везде были созданы после получения политической независимости на основе бывших колониальных войск. Особое положение занимает Национальная народная армия Алжира, которая возникла в ходе вооруженной борьбы против французских колонизаторов. В вооруженных схватках против колонизаторов выковываются кадры будущих национальных армий Анголы, Мозамбика и стран Южной Африки.

Наряду с защитой территориальной целостности своих стран многие африканские армии оказывают помощь другим народам в борьбе против колонизаторов и империалистических агрессоров. В странах, вставших на путь некапиталистического развития, армии — опора прогрессивных сил в борьбе против внутренней реакции. Кроме того, африканским армиям пришлось принимать участие в ряде вооруженных конфликтов и войн, происхождение которых — следствие многолетнего господства империализма. Это способствовало численному росту армий, например, в АРЕ и Замбии. В Нигерии в ходе войны с «Биафрой» нигерийская армия за два года с небольшим выросла с 11 тыс. до 163,5 тыс. солдат и офицеров [230, 1969, № 6, стр. 102], коренным образом реорганизовалась и перевооружилась (см. табл.).

Развитие большинства африканских армий прошло два этапа. На первом этапе осуществлялись меры, связанные с формированием армий, их комплектованием, вооружением, организацией системы командования. В большинстве стран эти меры, завершившиеся к 1965 г., проходили при активном вмешательстве бывших метрополий. Ограниченные материальные возможности африканских государств определили односторонний характер военно-технического развития вооруженных сил. Основу африканских армий составляют сухопутные войска.

Второй этап (1966—1970 гг.) характеризуется модернизацией армий. Повысилась мобильность пехотных подразделений за счет насыщения их транспортными средствами, улучшилось управление этими подразделениями в результате внедрения более эффективных средств связи, были созданы первые артиллерийские и бронетанковые подразделения, национальные ВВС, а в прибрежных странах — и небольшие ВМС. На втором этапе в основном завершается африканизация офицерского и унтер-офицерского корпуса, в ряде стран ликвидируется односторонняя зависимость в вопросах обороны от бывших метрополий.

Расходы на оборону африканских государств в целом значительно уступают подобным расходам тех развивающихся стран, которые входят в империалистические агрессивные блоки. Там эти расходы нередко достигают 30—45% государственных бюджетов [669, стр. 16]. В то же время наблюдается тенденция к росту военных расходов в странах прогрессивной ориентации, испытывающих непосредственную угрозу империалистической агрессии, в том числе со стороны Израиля и ЮАР.

Комплектование армий многих африканских государств проводится по принципу обязательной и в меньшей мере добровольной военной службы. В 60-е годы многие страны перешли к обязательной воинской повинности. Это не только средство охватить военной подготовкой максимальное число граждан, но и метод идеологической обработки молодежи. В ряде стран на армию легло выполнение обязанностей в сельском хозяйстве.

Вооруженные силы независимых

Страна	Численность вооруженных сил		ВВС			
			1966 г.		1970 г.	
	1966 г.	1970 г.	боевые самолеты	транспортные самолеты	боевые самолеты	транспортные самолеты
Северная						
Алжир	48 000	57 000	52	13	170	62
Ливия	7 000	15 000	—	1	7	15
Марокко	44 800	50 000	14	20	26	41
Судан	18 500	27 450	10	6	32	11
Тунис	17 000	21 050	12	8
АРЕ	180 000	213 000	400	60	415	130
Западная						
Дагомья	1 800
Гамбия	Собственной регулярной армии не имеет. Договор о сов					
Гана	17 000	15 900	—	44
Гвинея	5 000	5 000	8	6
Берег Слоновой Кости	4 000	4 500	—	1	—	13
Либерия	3 200	4 150	—	—
Мали	3 500	3 650	6	5
Мавритания	1 000	1 530	—	1	—	6
Нигер	1 200	2 100	—	1	—	8
Нигерия	11 500	163 500	—	10	33	15
Сенегал	5 500	5 850	—	2	—	10
Сьерра-Леоне	1 360	1 600
Того	1 450	1 250	—	5
Верхняя Вольта	1 500	1 800	—	3
Центральная						
Камерун	3 500	4 350	—	3	—	9
Чад	900	2 650	—	1	—	8
Конго	1 800	2 200	—	1	—	7
Заир	32 000	38 250	—	1	21	18
Экваториальная Гвинея	Собственной армии					
Габон	750	1 050	—	—	—	8
ЦАР	600	1 100	—	1	—	9

Т а б л и ц а

африканских государств по данным на январь 1966 и 1970 гг. *

ВМС		Расходы на оборону, тыс. долл.		Процент к государственному бюджету		Процент к объему национального продукта		Принцип комплектования и срок военной службы
1966 г.	1970 г.	1966 г.	1969 г.	1966 г.	1969 г.	1966 г.	1968 г.	
боевые суда**	боевые суда							

Африка

...	3	101 000	98 000	11,1	13,9	4,2	3,7	Обязательный (выборочно) 1,5 года » Добровольный 1 год (выборочно) 3 года
...	5	14 000	45 920	5,8	3,9	3,5	2,1	
...	4	62 000	80 040	10,5	10,7	4,7	2,8	
...	...	40 000	87 570	17,7	18,2	4,4	4,0	
...	1	8 180	16 704	4,1	4,6	1,5	1,6	
...	40	450 000	805 000	17,4	—	8,6	12,5	

Африка

...	...	4 070	...	12,0	...	2,0	...	1,5 года
местной	обороне с Сенегалом
...	7	42 000	48 140	7,4	10,5	2,5	2,2	Добровольный 2 года
...	...	5 870	9 470***	8,1	11,3***	3,1	1,6***	
...	5	8 825	16 600	7,9	8,8	2,4	1,2	» Добровольный
...	...	3 100	4 375	6,7	7,3	1,8	1,5	
—	—	8 825	10 320	21,2	22,0****	3,2	4,1	1 год 9 месяцев
...	...	4 060	4 870	17,9	19,1****	5,1	2,4	2 года (фактически добровольный)
—	—	3 650	3 690	10,8	8,4	1,2	1,1	2 года
...	3	54 000	99 430	9,9	24,3****	0,9	1,9	Добровольный
...	...	21 500	18 060	11,6	10,7	7,6	2,2	2 года
...	...	2 585	2 510	4,9	5,1****	1,3	0,7	Добровольный
...	...	2 757	2 730	13,5	10,3	4,1	1,2	2 года
—	—	2 819	4 230	14,1	11,0	6,1	1,5	»

Африка

...	...	15 800	21 860	19,5	17,1	4,2	2,2	Добровольный 2 года
—	—	5 835	6 900	13,5	13,5	1,8	2,2	
...	...	3 785	9 460	8,9	15,9	10,9	4,9	»
...	...	22 500	54 000	14,5	14,6	1,7	2,0	Добровольный
не имеет	...	2 540	4 250	7,6	5,9	5,1	1,6	1 год
—	—	2 325	4 560	7,9	11,7****	0,6	2,2	2 года

Страна	Численность вооруженных сил		ВВС			
			1966 г.		1970 г.	
	1966 г.	1970 г.	боевые самолеты	транспортные самолеты	боевые самолеты	транспортные самолеты

Восточная и Юж

Ботсвана			Регулярной армии не имеет			
Бурунди	950	1 600	—	—	—	—
Эфиопия	35 000	45 400	30	12	43	12
Кения	4 775	5 400	—	4	—	20
Лесото			Регулярной армии не имеет			
Свазиленд			Регулярной армии не имеет			
Замбия	3 000	4 400	—	8	—	17
Малагасийская Республика	4 000	4 500	—	3	—	10
Малави	850	1 150	—	—	—	—
Руанда	1 500	2 750	—	—	—	3
Сомали	9 500	12 000	18	6	18	30
Уанзания	1 800	7 900	—	—	—	17
Уганда	5 960	6 700	19	15

* Подсчитано по: [536, стр. 165—166; 228, 1966, стр. 28—29; 1970, № 67].

** Без учета боевых катеров и малых десантных судов (менее 100 т водоизмещением).

*** По данным 1967 г.

**** По данным 1968 г.

Особенностью создания национальных вооруженных сил африканских государств явилась их большая зависимость в вооружении и боевой подготовке от помощи извне. Воспользовавшись отсутствием в молодых государствах оборонной промышленности и опытных офицерских кадров, бывшие метрополии опутали многие из них сетью договоров и соглашений, позволивших установить контроль над организацией, поставками оружия, а в определенной мере и командными кадрами молодых африканских армий.

Как указывалось выше, из 15 французских колоний, получивших независимость, 13 заключили с бывшей метрополией соглашения о военной «помощи». Эти соглашения предусматривали снабжение оружием и снаряжением, боевую подготовку личного состава и «доукомплектование» французами офицерского корпуса национальных армий. В 1963 г. в бывших французских колониях насчитывалось 2600 французских советников [307, 1966, февраль, стр. 34], в 1964 г. — 3 тыс. [213, 1968, № 2, стр. 18].

Продолжение таблицы

ВМС		Расходы на оборону, тыс. долл.		Процент к госу- дарственному бюджету		Процент к объему на- ционального продукта		Принцип комплектования и срок военной службы
1966 г.	1970 г.	1966 г.	1969 г.	1966 г.	1969 г.	1966 г.	1968 г.	
боевые суда**	боевые суда							

ная Африка

—	—	970	2 686	6,9	14,3***	0,7	1,7***	2 года Доброволь- ный
...	5	31 175	35 948	17,0	12,7	2,3	2,2	
...	...	10 200	17 900	6,9	7,2****	9,8	1,5	»
—	—	13 525	20 050	5,7	3,4****	2,5	1,6	Доброволь- ный
...	4	9 130	13 970	8,8	7,6	1,0	1,7	2 года Доброволь- ный
—	—	1 500	1 313	3,3	2,7****	1,1	0,7	
—	—	1 300	3 210	9,7	23,2****	0,7	1,5	2 года Доброволь- ный
...	...	6 670	8 960	18,1	23,7***	4,8	5,3***	
...	...	7 225	10 900	3,8	4,3****	0,3	1,2	2 года Доброволь- ный
—	—	17 025	20 030	10,2	10,9****	1,5	2,6	

Франция поставляет этим странам стрелковое оружие, автомашины, средства связи, бронев автомобили, самолеты и вертолеты, патрульные суда ежегодно на сумму 120 млн. фр. [213, 1968, № 2, стр. 18].

Великобритания приняла участие в строительстве национальных армий не только в своих бывших колониях, но и в Камеруне, Заире, Мали. Наряду с поставками вооружения и снаряжения, оцениваемыми в 6—8 млн. ф. ст. ежегодно, Англия, по данным на 1966—1967 гг., имела в Гане, Замбии, Малави, Сьерра-Леоне, Судане и Ливии 300 офицеров и 550 военнослужащих других рангов [там же, стр. 17].

В 60-е годы значительно активизировали свою деятельность в Африке США, которые участвуют в строительстве национальных армий Эфиопии, Заира, Либерии, Марокко, Туниса и др. Наибольшая часть средств, выделенных по линии военной «помощи» США, оседала в Эфиопии (1961—1966 гг. — 68% ассигнований для Африки южнее Сахары). Эфиопия получила от США легкие танки, артиллерийские орудия, транспортные самолеты,

патрульные суда, реактивные самолеты «Ф-86» и «Ф-5с» для двух истребительно-бомбардировочных эскадрилий, а также тренировочные реактивные самолеты. США содержали в Эфиопии 200 военных советников [там же, стр. 18].

Молодые государства континента, пытаясь ослабить зависимость от какой-либо одной империалистической державы, расширяют круг стран, участвующих в программах военной «помощи». Пользуясь этим, активизировали свое проникновение в эти страны ФРГ, Израиль, Канада, Швеция, Австралия, Новая Зеландия, Италия, Голландия, Пакистан и Индонезия. Однако оснащение разносистемным вооружением порождает серьезные трудности, связанные с его освоением, что в свою очередь отражается на боеспособности армии.

Одним из наиболее серьезных препятствий для создания национальных армий явилось почти полное отсутствие собственных офицерских кадров в большинстве африканских государств. Например, после провозглашения независимости в армии Ганы было 10% офицеров-африканцев, Сьерра-Леоне — 20, Нигерии — 25 и лишь Судана — 100%. Ни в одной стране, за исключением Судана, африканские офицеры не занимали важных командных и штабных должностей [758, стр. 373].

Использование офицеров-европейцев на высших должностях пагубно отражалось на национальных интересах молодых государств. Буржуазные офицеры препятствовали воспитанию армий в антиколониальном и антиимпериалистическом духе и всемерно способствовали укоренению в них реакционных тенденций. Угроза превращения армий в орудие неокOLONиализма и протесты африканских солдат против засилья иностранцев побудили правящие круги молодых государств перейти к африканизации вооруженных сил, окончательное завершение которой затянулось до начала 70-х годов. Однако одновременно с африканизацией офицерского корпуса возрастало количество военных миссий империалистических государств, занимавшихся боевой подготовкой личного состава. В конце 1965 г. иностранные офицеры находились на службе в армиях лишь шести африканских государств, но зато число военных миссий империалистов в независимых государствах достигло 34, в том числе французских — 12, американских — 7, английских — 5, израильских — 4, бельгийских — 3, западногерманских — 2, итальянских — 1 [536, стр. 167].

Из-за недостатка квалифицированных кадров и материальных средств офицерские училища были созданы не во всех независимых странах. Многие из молодых государств продолжали готовить офицеров в Англии, США и Франции. В 1965 г., например, 14 стран готовили офицеров в Англии; 7 — во Франции [там же, стр. 167]. В 1965 г. в военно-учебных заведениях США обучались 3337 африканцев. Нередко офицеры одной армии, например КНА, готовятся одновременно в нескольких стра-

нах. Такая практика, как показывает опыт, порождает значительные трудности в выработке единых принципов командования и снижает боеспособность войск.

Офицерский корпус африканских стран комплектуется из представителей средних слоев — интеллигенции, торговцев, мелкой буржуазии, частично из рабочих [431, стр. 333—336; 758, стр. 17]. Тот факт, что многие из офицеров готовятся в капиталистических государствах, накладывает отпечаток на политические события в молодых странах, а в странах прогрессивной ориентации ведет к особо отрицательным последствиям.

События в Африке в 60-х годах показали, что солдаты молодых армий не играли заметной политической роли и в критические минуты следовали за офицерами. В этом отношении выступления солдат в Конго (Леопольдвиль), Кении, Танзании, Уганде не являлись исключением, так как в значительной мере были связаны с протестом против засилья иностранных офицеров.

После завоевания независимости в ряде африканских стран к власти пришли военные круги. Незавершившаяся классовая дифференциация, предопределившая аморфность и слабость существующих политических партий, отсутствие сложившихся политических институтов, политическая инертность большей части населения, и в первую очередь крестьянства, а также интриги империалистов являются ключом к разгадке этого явления. Только в 1966—1968 гг. в Африке совершено 15 военных переворотов, не считая ряда неудавшихся выступлений [304, 1968, декабрь, стр. 336—337]. В ряде стран (Нигерии, Сьерра-Леоне, Гане) в последние годы произошло по несколько переворотов. К началу 1969 г. в 11 государствах континента у власти находились военные или созданные в результате переворотов и подконтрольные им правительства [211, 1969, январь, стр. 50—51].

Многочисленные реакционные военные перевороты, происходящие в африканских странах, свидетельствуют о том, что империалисты по латиноамериканскому образцу используют военные заговоры для борьбы против прогрессивных элементов, делают ставку на создание реакционных правительств, отвергающих демократические институты. Однако политическая ориентация африканских армий отражает расстановку классовых сил в молодых государствах. Роль, которую играют армейские круги, зависит от того, чьи интересы они выражают, на какие социальные слои и группы опираются. Опыт показал, что армейские круги могут внести положительный вклад в развитие своих государств, если они действуют в интересах широких масс, тесно связаны с народом, его прогрессивными организациями [222, 19.V.1968].

Вопрос, куда и за кем пойдет армия в процессе углубления национально-освободительной революции, играет огромную роль в странах, которые избрали прогрессивный путь социального

развития. Не меньшее значение социально-политическая ориентация армии имеет и для тех африканских государств, в которых вопрос о выборе пути еще не решен. В тех странах, где государственная политика определяется национальной буржуазией, занимающей в общем и целом антиколониальные позиции, вооруженные силы выступают как орудие сохранения государственной независимости. Поэтому вопрос о ликвидации военной зависимости от империализма жизненно важен для большинства африканских государств. В этом свете предстает исключительно важная роль советской военной помощи странам Африки. Советская военная помощь, не связанная с какими-либо политическими или иными условиями, предоставляет освободившимся странам возможность преодолеть наследие колониализма в военной области, поставить свои армии на службу национальной независимости и социального прогресса.

В освободившихся странах подлинно патриотические силы понимают, что создать действительно прочные и независимые от империалистического влияния армии можно лишь путем их коренной реорганизации и демократизации, удаления из офицерского корпуса проколониалистских элементов, воспитания солдат и офицеров в духе защиты национальных интересов и социального прогресса, ненависти к империализму и реакции.

Борьба против империалистических военных баз и военных блоков

Стремление покончить с военной зависимостью от империализма проявляется в африканских государствах и в борьбе против иностранных военных баз, империалистических военных блоков на континенте, проведения испытаний ядерного оружия и за превращение Африки в безъядерную зону.

Интересы молодых независимых государств настоятельно требуют полной ликвидации военной зависимости от империализма. Решение этой задачи затрудняется экономической зависимостью многих молодых государств от империализма, ориентацией некоторых африканских лидеров на капиталистические страны. Решению этой проблемы помогает поддержка национально-освободительного движения социалистическими странами во главе с Советским Союзом.

Во главе движения за ликвидацию военной зависимости от империалистических держав выступили правительства АРЕ, Алжира, Гвинеи, Сомали, Ганы, а также и Мали (после военных переворотов в 1966 и 1968 гг. в последних двух странах их внешнеполитический курс претерпел существенные изменения). Поражение англо-франко-израильской интервенции в 1956 г. явилось прецедентом, который оказал большое положительное влияние на борьбу против военного засилья империализма. Осуждение независимыми государствами империалистических военных бло-

ков и последовательная политика правительств Марокко, Туниса и Ливии в 1958 г. сорвали замыслы империалистов по сколачиванию Оборонительного сообщества Западного Средиземноморья, направленного против национально-освободительного движения Африки и Ближнего Востока. Несколько раньше такая же участь постигла предложения по созданию Организации африканского договора [130, стр. 627]. В результате империалистам так и не удалось создать военно-политические группировки типа СЕАТО, СЕНТО и ОАГ на Африканском континенте, что имело положительные последствия для политического освобождения африканских народов.

Крупным достижением независимых африканских государств стало создание в 1963 г. Организации африканского единства (ОАЕ). Несмотря на определенные противоречия в деятельности этой организации, закрепленные в Хартии ОАЕ принципы защиты суверенитета, территориальной целостности и независимости стран Африки явились серьезным вкладом в антиколониальную и антиимпериалистическую борьбу.

Стремление к единству в антиколониальной и антиимпериалистической борьбе явилось ответной реакцией молодых африканских государств, создание которых, как правило, сопровождалось подписанием неравноправных соглашений военного характера с империалистическими державами. Одной из первоочередных задач стала ликвидация военных баз империалистов, которые густой сетью опутали ряд стран Африки.

В феврале 1958 г., когда французские империалисты подвергли бомбардировке тунисское селение Сакиет-Сиди-Юсеф, правительство Хабиба Бургибы ввело ограничения на передвижение воинских контингентов Франции за пределами их военных баз, расположенных на тунисской территории. Тогда же в ответ на тунисскую жалобу в Совет Безопасности французское правительство выдвинуло против Туниса обвинение в том, что алжирские партизаны используют его территорию для проведения военных операций. В мае французские ВВС, расположенные в Алжире и Тунисе, вновь подвергли бомбардировке тунисскую территорию, на этот раз в районе Ремада.

Двусторонние переговоры, начавшиеся по инициативе тунисского правительства, в июне 1958 г. завершились подписанием соглашения об эвакуации в течение четырех месяцев всех военных баз Франции, за исключением военно-морской базы в Бизерте. Соглашение предусматривало, что в дальнейшем состоятся новые переговоры для достижения еще одного соглашения на основе «взаимного доверия» о статусе стратегической базы в Бизерте [212, стр. 55].

Однако в условиях непрекращавшихся военных провокаций со стороны Франции на алжиро-тунисской границе ни о каком «взаимном доверии» говорить не приходилось и договоренности о правовом статусе военно-морской базы в Бизерте достигнуто

не было. Единственной «основой» для ее дальнейшего существования на территории Туниса была вооруженная сила, к которой прибегало французское правительство.

Стремление французских империалистов сохранить Бизерту объяснялось тем, что она была одной из самых мощных военно-морских баз на южном фланге НАТО. В послевоенный период она была переоборудована с помощью НАТО для базирования надводных кораблей и подводных лодок, оснащена новейшими радиолокационными средствами. С моря она защищалась береговыми батареями, а с воздуха — зенитной артиллерией и авиацией, базировавшейся на расположенных вблизи Бизерты аэродромах. База была оборудована и в противоатомном отношении.

Очередным шагом тунисского правительства, отражавшим волю народа покончить с колониальным наследием, было личное письмо Бургибы главе французского правительства. Письмо осталось без ответа, и тогда Бургиба выступил в Национальном собрании 17 июля 1961 г. с заявлением о возобновлении борьбы против Франции теми же средствами, которые применялись во время событий в Сакиет-Сиди-Юсеф в 1958 г. В качестве ответной меры в Бизерту были переброшены французские парашютисты, а министерство иностранных дел Туниса получило ноту, в которой французское правительство угрожало «предпринять все необходимые меры для того, чтобы обеспечить неприкосновенность сооружений (базы. — *В. Н.*) и необходимую связь между ними» [там же, стр. 58]. Франция, по-видимому, стремилась взять реванш в Тунисе за поражения, понесенные в Алжире.

19 июля 1961 г. правительство Туниса запретило полеты французских военных самолетов над своей территорией. Появившиеся над Бизертой французские военные самолеты были встречены заградительным огнем. Тунисские войска при поддержке добровольцев блокировали военно-морскую базу, построив вокруг нее траншеи и баррикады, перерезав ведущие к ней коммуникации. В ответ на законные действия тунисского правительства, продиктованные интересами национального суверенитета, французское командование отдало приказ о бомбардировке г. Бизерты и ведущих к ней дорог.

Вооруженные действия продолжались до 22 июля 1961 г. В первый день французские самолеты, базировавшиеся как непосредственно на базу, так и на авианосец, крейсировавший около Бизерты, бомбили и обстреливали позиции тунисских войск. В ночь с 19 на 20 июля парашютисты и солдаты иностранного легиона при поддержке танков прорвали блокаду и заняли позиции за пределами базы, разрушив окружавшие ее баррикады. 21 июля французские войска (10 тыс. человек) нанесли удар по гарнизону г. Бизерты, численность которого составляла 2,5—3 тыс. тунисских солдат и офицеров, не считая нескольких тысяч неподготовленных добровольцев.

На штурм города были брошены бронетанковые, парашютные

и пехотные части, поддерживаемые авиацией и четырьмя десантными судами. Французские самолеты волнами обрушивались на позиции туниских войск, подвергали пулеметному обстрелу мирное население города, в котором не прекращались антифранцузские демонстрации. Десантные суда обстреляли из тяжелых пулеметов и безоткатных орудий набережные и улицы Бизерты, сковав тем самым действия туниских войск и добровольцев. По признанию командующего французской базой, тунисты, державшиеся до 22 июля, «сражались очень смело». Их потери составили 670 убитых и 1155 раненых [130, стр. 629].

Поражению тунисцев способствовало то обстоятельство, что до последней минуты правительство Бургибы надеялось на мирный исход конфликта. Предпринимавшиеся им акции носили скорее характер демонстрации силы, нежели военной операции.

Однако в современную эпоху методы колониального разбоя потеряли прежнюю эффективность. Борьба за Бизерту вышла из рамок франко-туниских отношений и превратилась в проблему международного характера. 20 июля Тунис разорвал дипломатические отношения с Францией и обратился в Совет Безопасности с жалобой на агрессивные действия французского империализма. 22 июля Совет Безопасности принял резолюцию, в которой содержался призыв к обеим странам «немедленно прекратить огонь и вернуть вооруженные силы на первоначальные позиции» [там же, стр. 60]. Тунис принял рекомендации Совета Безопасности, но Франция категорически отказалась отвести свои войска с занятых ими позиций.

25 июля Бургиба обратился к арабским странам с просьбой прислать добровольцев и оружие в случае нового вооруженного конфликта, оказать давление на Францию, с тем чтобы она эвакуировала Бизерту. Лига арабских государств поддержала эти предложения и согласилась разместить контингенты арабских войск в Тунисе, а также предложила не снимать вопрос о Бизерте с повестки дня в органах ООН до тех пор, пока французские войска не будут выведены с тунисской территории.

25 августа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН по предложению афро-азиатских стран и Югославии была принята резолюция, в которой Франции предлагалось выполнить решение Совета Безопасности о прекращении огня и отводе войск, а также признавалось «суверенное право Туниса требовать вывода всех французских вооруженных сил, находящихся на его территории без его согласия» [там же, стр. 61]. Для решения вопроса об эвакуации Бизерты предлагалось использовать двусторонние переговоры между Тунисом и Францией. Однако Франция бойкотировала работу Генеральной Ассамблеи; США, Англия, ЮАР и Израиль воздержались при голосовании.

За внешне пренебрежительной позицией к решениям ООН французское правительство скрывало страх перед возможной цепной реакцией, которая могла привести к подъему движения

за ликвидацию иностранных военных баз в других африканских странах. Однако французские империалисты не могли игнорировать позицию социалистических и подавляющего большинства афро-азиатских государств, поддержавших тунисский народ в его справедливой борьбе. Советское правительство с глубоким пониманием отнеслось к визиту в Советский Союз министра иностранных дел Туниса С. Макаддема.

В коммюнике, посвященном переговорам министра иностранных дел СССР А. Громыко с С. Мокаддемом, говорилось: «Советский народ и Советское правительство поддерживают справедливые требования Туниса о немедленном прекращении Францией всех действий, нарушающих суверенитет и независимость Тунисской Республики, и выводе из Туниса французских войск» [144, стр. 381]. Эта точка зрения нашла отражение и в выступлении представителя СССР П. Морозова на III специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН [там же, стр. 383—393]. В августе 1961 г. было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Тунисом, по которому СССР предоставил Тунисской Республике долгосрочные кредиты в 25 млн. руб. [там же, стр. 395—401].

Дальнейшие события свидетельствовали о стремлении французского правительства сохранить хорошую мину при плохой игре. 5 сентября 1961 г. французское правительство заявило Тунису, что не начнет переговоры об эвакуации Бизерты, пока международная обстановка остается напряженной, но оно уже не отрицало возможности эвакуации Бизерты в принципе. Вскоре после прекращения военных действий в Алжире Франция вынуждена была согласиться на эвакуацию Бизерты. 30 июня 1962 г. Тунису были переданы Францией сооружения в Мензель-Бургиба [192, стр. 698], а 15 октября 1963 г. последние подразделения французских войск покинули Бизерту [126, стр. 280]. Так бесславно окончилась оккупация Туниса французскими войсками, длившаяся больше 80 лет.

Не только Тунис, но и другие страны Африки повели борьбу за ликвидацию иностранных военных баз. Если в Тунисе она переросла в вооруженный конфликт, то в других странах эта борьба выливалась в форму политических и дипломатических акций. Ее поддержали прогрессивные движения всего мира. За короткое время она охватила весь Африканский континент.

Эвианские соглашения 1962 г., навязанные Алжиру Францией, предоставили последней право использовать в течение 15 лет военно-морскую базу в Мерс-эль-Кебире, в течение трех лет дислоцировать свои вооруженные силы численностью до 80 тыс. человек на алжирской территории, а также совершать посадки своих самолетов на ряде аэродромов этой страны [225, 20.III.1962].

Франция превратила Алжир в полигон для ядерных испытаний. 13 февраля 1960 г. французские милитаристы взорвали близ

оазиса Регган атомное устройство, по своей разрушительной силе аналогичное американским бомбам, сброшенным в Японии в 1945 г. Затем последовала целая серия атомных взрывов. В ответ на эти агрессивные акции Судан направил ноту протеста Франции, а правительство Марокко заявило об аннулировании франко-марокканской конвенции 1956 г. и отзыве своего посла из Парижа. С осуждением атомной политики Франции выступило также правительство Туниса. 15 марта 1960 г. восемь африканских государств — Эфиопия, Гана, Гвинея, Либерия, Ливия, Марокко, Судан, Тунис — опубликовали совместное заявление, в котором выразили протест против ядерных испытаний в Сахаре. В 1961 г. десять африканских стран внесли в ООН предложение о превращении Африки в безъядерную зону. 24 ноября 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла это предложение. Действия африканских государств поддержали конференции афро-азиатской солидарности, состоявшиеся в конце 1957 — начале 1958 и в 1960 г. В их решениях осуждалось «создание иностранных военных баз и размещение вооруженных сил на территориях других стран» [128, стр. 187], содержался призыв к афро-азиатским народам «усилить борьбу за создание мирных и безъядерных (свободных от ядерного оружия) зон в Африке, Азии и районе Тихого океана» [125, стр. 54].

Мероприятия африканских правительств подготовили благоприятную почву для борьбы алжирского народа против Эвианских соглашений. Через год после перемирия, в марте 1963 г., в связи с проведением ядерного испытания в Сахаре по Алжиру прокатилась волна протеста против сохранения французских военных баз и полигонов. В результате настойчивых требований Алжира 2 мая 1963 г. Эвианские соглашения подверглись пересмотру. Французские империалисты вынуждены были отступить и признать необходимость эвакуации своих военных баз и испытательных полигонов.

30 июня 1967 г. Франция заявила о ликвидации военного центра по испытанию ракет в Колон-Бешаре. За несколько недель до этого французские империалисты эвакуировали военные базы из Хаммагира и Регана. Наконец, в 1968 г. Алжиру была возвращена военно-морская база Мерс-эль-Кебир, основанная Францией в 1830 г. Как и Бизерта, база Мерс-эль-Кебир представляла собой сложный комплекс сооружений, состоящих из двух зон — промышленной и военной. Часть этих сооружений была построена под землей, что в определенной мере гарантировало ее защиту от ядерного удара.

Оценивая значение ликвидации военных баз для алжирского народа, газета «Эль-Муджахид» в передовой статье писала: «Мы гордимся тем, что ушли в прошлое последние остатки колониальной оккупации» [311, 31.I.1968].

Движение против иностранных военных баз привело к ликвидации плотной сети американских и английских баз в Север-

ной Африке, составлявших важную часть базовой сети НАТО.

В независимом Марокко имелись американские базы, созданные на основании франко-американского соглашения 1950 г. Военная зависимость Марокко от империалистических держав усугублялась присутствием на его территории контингентов французских и испанских войск.

Американские базы занимали 40 тыс. акров земли в Нуасере, Бен-Герире, Сиди-Слимане, Кенитре и Бульхо. На этих базах, строительство которых обошлось в 400 млн. долл., располагались стратегические бомбардировщики, предназначенные для нанесения ядерного удара по Советскому Союзу. Обслуживающий персонал насчитывал 15 тыс. американских военнослужащих. Предоставление независимости Марокко лишило США правовой основы для дальнейшего сохранения на его территории баз. После ряда проволок в 1963 г. они были эвакуированы.

В США пытались оправдать эвакуацию появлением стратегических бомбардировщиков «Б-52», которые могут базироваться за тысячи километров от вероятных целей бомбардировки. Но это не так. Главной причиной была твердая позиция общественности и правительства Марокко. Летом 1963 г. бомбардировщики «Б-47» прекратили полеты над Марокко и начался демонтаж американских баз. 1 сентября США приступили к выводу последних подразделений ВВС в Америку и Западную Европу. С военных баз в Бен-Герире и Сиди-Слимане войска были выведены 2 декабря, а из Нуасера — 16 декабря 1963 г. Резервная база в Бульхо была ликвидирована тремя годами раньше.

Однако и после официальных соглашений об эвакуации военных баз длительное время США содержат на территории Марокко в Сиди-Яхья, близ Рабата, крупный центр военно-морских коммуникаций и связи с 1500 военнослужащими. Этот центр предназначается для обслуживания 6-го американского флота в Средиземном море [225, 31.VII.1970].

Вывод французских войск из Марокко завершился в 1961 г., а испанских — в 1969 г. 1 июня 1969 г. над зданием муниципалитета г. Сиди-Слимане взвился марокканский государственный флаг. Прибрежная территория г. Сиди-Ифни с населением больше 50 тыс. человек была освобождена в соответствии с резолюцией ООН.

В 1953 г. Англия, а в 1954 г. США заключили с Ливией договоры о «дружбе и союзе», которые узаконили размещение на ливийской территории английских контингентов войск сроком на 20 лет, а американских — на 16 лет. Ливия согласилась, чтобы на военных базах США проходили военную подготовку подразделения союзных с ними стран [136, стр. 385]. Договор предусматривал свободное передвижение американских войск, а также проведение топографических, гидрографических и геофизических работ «в любой части Ливии и ее прибрежных водах» [там же].

Самой крупной военной базой империалистов в Ливии ста-

ла американская военно-воздушная база в Уилус-Филд, обслуживанием которой занималось около 7 тыс. человек. Этот военный комплекс стоимостью 76 млн. долл. состоял из аэродрома, авиамастерских заводского типа, подземных складов, испытательного полигона для управляемых снарядов, служебных и жилых помещений. Благоприятные погодные условия позволяли проводить учебное бомбометание и тренировочные полеты самолетов США и их союзников круглый год.

В 1967 г. по Ливии прокатилась кампания за ликвидацию империалистических баз. Правительство заявило, что ликвидирует соглашение о базах, если будет обнаружено, что они используются против стран, входящих в Лигу арабских государств. В июне 1967 г. правительство Ливии потребовало от Англии и США досрочно ликвидировать свои военные базы [219, 16.VI. 1967]. В начале августа 1967 г. Англия была вынуждена согласиться на эвакуацию своих войск из Ливии в шестимесячный срок. В феврале 1968 г. англичане покинули Бенгази, однако в Тобруке еще оставалось английское подразделение, обслуживавшее промежуточный аэродром в Эль-Адеме. В августе 1967 г. начались переговоры о ликвидации американской базы в Уилус-Филд, срок аренды на которую истекал 24 декабря 1970 г. Свержение монархии в Ливии ускорило развязку. Империалисты США вынуждены были в июне 1970 г. закрыть базу в Уилус-Филд, вывести свои войска с территории Ливии [225, 12.VI. 1971].

Важные шаги, направленные на ликвидацию военной зависимости, сделали молодые государства Тропической Африки. В январе 1962 г. был аннулирован договор о «взаимной помощи» между Нигерией и Англией. Через год после получения политической независимости по требованию правительства Джомо Кениаты в Кении были ликвидированы военные базы Англии. Французам пришлось в 1961 г. вывести свои войска из Мали.

Борьба народов Африки за ликвидацию военной зависимости от империализма продолжается. Исход борьбы зависит от многих факторов, таких, как укрепление политического суверенитета, борьба за экономическую независимость, выработка единства действий африканских государств, упрочение сотрудничества с социалистическими странами и другими революционными силами современности, демократизация общественной жизни молодых государств.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ АФРИКИ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Пути развития антиимпериалистической революции в Африке

Существуют две ложные точки зрения в оценке национально-освободительной революции в Африке. Буржуазные исследователи, движимые стремлением замаскировать неокOLONиальную деятельность империализма, изображают переход африканских стран к независимости как «мирную деколонизацию». Маоисты и отдельные деятели «левого» толка значительно преувеличивают масштабы и роль вооруженной борьбы в странах Африки, пытаясь тем самым подвести основу под теорию о необходимости повсеместного развертывания вооруженной борьбы после завоевания независимости.

Историческая действительность опровергает подобные утверждения. Для антиимпериалистической, национально-освободительной революции в Африке характерно сочетание как мирного, так в ряде случаев и немирного пути [387, стр. 105]. Из 40 с лишним стран, завоевавших независимость после второй мировой войны, больше 15 в той или иной форме прошли путь вооруженного столкновения с империализмом (см. табл. на стр. 329—330).

Пути развития национально-освободительных революций в Африке зависели от соотношения сил на мировой арене между социализмом и капитализмом и в отдельных странах континента — от остроты классовых и других противоречий, от силы сопротивления колонизаторов, от степени насилия, которое они применяли для сохранения своего господства.

В первое послевоенное десятилетие империалисты держали курс на подавление национально-освободительного движения в Африке насильственными средствами [470, стр. 427, 430]. Распад колониальной системы в то время еще только начинался. И хотя в Азии некоторые страны уже завоевали независимость (в том числе мирными средствами), в Африке, которая рассматривалась империалистами как незыблемый оплот колониализма, насильственное свержение колониального ига было пока преоб-

Таблица

Продолжительность, способы ведения и цели национально-освободительных восстаний (войн) в Африке после второй мировой войны

Страна	Годы	Способ ведения	Цель
1	2	3	4
Мадагаскар	1947—1948	Вооруженное восстание, партизанская война	Независимость
Египет	1948—1949	Война регулярного типа	Отражение агрессии Израиля против арабов Палестины
Египет	1951—1953	Партизанская борьба	Ликвидация военного присутствия Великобритании в зоне Суэцкого канала
Египет	1952	Прогрессивный военный переворот, поддержанный народом	Ликвидация полукolonиального феодального режима
Кения	1952—1956	Партизанская война	Независимость и решение земельного вопроса
Марокко	1952—1956	Партизанская война	Независимость
Тунис	1952—1956	Партизанская война	Независимость
Алжир	1954—1962	Война смешанного типа с преобладанием партизанских действий	Независимость, ликвидация феодальных пережитков
Камерун	1955—1962	Партизанская борьба	Независимость
Египет	1956	Война регулярного типа	Отражение колониальной агрессии Англии, Франции, Израиля
Конго (Леопольд-виль)	1960—1962	Война регулярного типа	Отражение иностранной интервенции и борьба против сепаратистских режимов

Продолжение таблицы

Страна	Годы	Способ ведения	Цель
1	2	3	4
Тунис	1961	Вооруженный конфликт	Отражение агрессии Франции в связи с борьбой за военную базу в Бизерте
Ангола	1961— настоящее время	Вооруженное восстание, партизанская война	Независимость, социальные преобразования в интересах трудящихся
ЮАР	1961— настоящее время	Диверсии, саботаж, партизанские действия (в Южной Родезии)	Ликвидация расистского колониального режима
Конго (Браззавиль)	1963	Прогрессивный военный переворот, поддержанный народом	Ликвидация проимпериалистического режима, демократизация общественной жизни
Гвинея — Бисау	1963— настоящее время	Война смешанного (регулярно-партизанского) типа	Независимость, социальные преобразования в интересах трудящихся
Занзибар	1964	Вооруженное восстание	Ликвидация проимпериалистического феодального режима
Судан	1964	Прогрессивный военный переворот, поддержанный народом	Ликвидация антидемократической военной диктатуры
Конго (Леопольд- виль)	1964—1966	Вооруженное восстание, война регулярного типа, партизанская борьба	Ликвидация режима проимпериалистической клики, отражение агрессии США, Бельгии, Англии
Мозамбик	1964— настоящее время	Партизанская война	Независимость, социальные преобразования в интересах трудящихся
Намибия	1966— настоящее время	Партизанская война	Независимость, ликвидация расистского режима
ОАР	1967	Война регулярного типа	Отражение империалистической агрессии Израиля
Родезия	1967— настоящее время	Партизанская борьба, саботаж, диверсии	Ликвидация расистского колониального режима

ладающей альтернативой для африканских народов, если они поднимались на борьбу за свободу и независимость.

В то же время соотношение сил в ряде стран и по континенту в целом складывалось не всегда благоприятно для колониальных держав. Советский Союз и другие социалистические страны, обладая достаточной мощью, в том числе военной, сдерживали главные силы мирового империализма, не позволяли им всеми силами обрушиться на национально-освободительные революции. Кроме того, вооруженные силы империалистических держав вели контрреволюционные войны в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, куда были посланы также значительные контингенты африканских колониальных войск. Ослабление военно-колониальной машины империализма в Африке создавало благоприятные условия для развертывания вооруженной борьбы, особенно на ее начальных этапах¹.

Одним из факторов, облегчивших переход к вооруженной борьбе против колонизаторов, был накопленный у многих африканцев за годы войны боевой опыт, в том числе опыт ведения партизанской борьбы². Добывание оружия облегчалось тем, что многие страны Африки были районами недавних боевых действий.

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов наличие мировой системы социализма и дальнейшее ослабление позиций империализма открыли перед угнетенными народами, в том числе народами Африки, новые возможности завоевания независимости не только путем вооруженной борьбы, но и невоенным путем. Решающее значение для развития революционного процесса в Африке имел провал тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г., сорванной в результате вмешательства СССР. «Кризис 1956 г., — с раздражением писал один реакционный португальский историк, — поколебал африканский порядок, привел к независимости целый ряд стран» [785, стр. 88]. Империалистические державы были вынуждены уйти из многих колоний, учитывая международную обстановку, а также рвущийся напор освободительной борьбы «снизу».

Степень развития революционного движения в разных странах Африки была неодинакова. Это обстоятельство позволило

¹ Французское правительство, например, сумело обеспечить необходимое в то время количество войск для борьбы с Армией национального освобождения Алжира — 400 тыс. человек — только к августу 1956 г., т. е. почти через два года после начала революции в Алжире [405, стр. 117], а группировка английских войск в Кении была доведена до максимальной цифры в 35 тыс. человек лишь через год после объявления чрезвычайного положения [740, стр. 96; 275, 1954, № 1533, стр. 790].

² В странах, где развернулись первые послевоенные восстания и войны, имелось значительное количество демобилизованных: в Алжире, Марокко и Тунисе (свыше 200 тыс.), Кении (75 тыс.), на Мадагаскаре (10 тыс.) [подсчитано по: 521, стр. 45, 115; 759, стр. 191].

империализму сохранить известную свободу маневра. Во многих странах к власти пришли правительства, с первых дней ориентированные на бывшие метрополии. В этих случаях отказ от открытой агрессии против национально-освободительного движения империализм стремился компенсировать сохранением своего косвенного военно-политического господства. Однако и в этот период в некоторых странах Африки народные массы не примирились с навязанными им режимами неокOLONИАЛИСТСКОГО типа и встали на путь вооруженной борьбы.

Во второй половине 60-х годов обстановка для национально-освободительного движения в Африке изменилась. Сопrotивление империализма в борьбе за последние колонии усилилось с принятием на вооружение внешней политики США стратегии «гибкого реагирования», повышением роли «малых» империалистических держав, в частности Португалии, ЮАР, Израиля, в подавлении национально-освободительных сил.

В условиях военно-фашистской диктатуры, созданной в португальских колониях и государствах с особым типом колониализма на юге Африки, нельзя было даже и рассчитывать на свободное волеизъявление африканцев. Поэтому борцы за независимость были вынуждены принять решение о переходе к вооруженной борьбе за освобождение. Но вооруженная борьба на юге Африки в значительной степени усложнилась из-за раскольнической политики маоизма, наносящей огромный вред формированию субъективного фактора революции, а также из-за возросшего сопротивления империализма.

По отношению к независимым странам Африки вооруженное насилие используется империалистами для поддержки внутренней реакции и обеспечения своей неокOLONИАЛИСТСКОЙ политики [399, стр. 17]. К формам такого насилия следует отнести заговоры, реакционные военные перевороты, разжигание внутренних междоусобиц, вооруженных конфликтов между соседними странами. Открытая агрессия считается важным орудием в борьбе против режимов, осуществляющих внутренние прогрессивные преобразования. Поэтому вооруженная борьба составляет одну из форм защиты завоеваний национально-освободительной революции.

Содержание, характер и формы вооруженной борьбы

В самом общем виде вооруженная борьба против колонизаторов в Африке началась либо как войны (восстания) угнетенных народов против своих угнетателей, либо как войны независимых национальных государств против попыток империалистов силой оружия навязать или реставрировать колониальные или неокOLONИАЛИСТСКИЕ порядки. Вооруженная борьба преследовала следующие цели:

освобождение от колониального гнета, завоевание свободы и независимости;

ликвидация марионеточных полуколониальных и неоколониальных режимов, расистских колониальных режимов особого типа;

защита национальной независимости и прогрессивных режимов от агрессии империалистических держав и их союзников;

ликвидация военных баз империализма или других препятствий, стоящих на пути достижения полной политической независимости.

Войны африканских народов за свободу и независимость, будучи проявлением противоречия между империализмом и силами внутренней реакции, с одной стороны, и силами национального освобождения — с другой, представляли один из основных видов справедливых войн, которые решают задачи прогрессивного общественного развития.

Их конкретные цели определялись условиями борьбы в каждой стране.

Национально-освободительные войны и восстания в Африке носили антиимпериалистический характер и были в первую очередь направлены на завоевание национальной независимости. В то же время задачи национального освобождения тесно сплетались с задачами социальными, с борьбой против феодальной и капиталистической эксплуатации. В ряде случаев — в Египте (1950—1952 гг.), Конго — Леопольдвиль (1964—1965 гг.) — они приобретали в известной степени черты гражданских войн, так как были направлены против марионеточных режимов, опиравшихся на определенные социальные слои эксплуататорского класса. В Южной Африке освободительная борьба против колониализма особого типа сочетает в себе черты как национально-освободительной, так и гражданской войны.

Обладая общим содержанием и характером, национально-освободительные восстания и войны в Африке различались не только по условиям возникновения, но и по формам и способам их ведения.

Вооруженные конфликты между африканскими народами и колонизаторами приобретали разнообразные формы: общенациональные или локальные вооруженные восстания трудящихся города и деревни, партизанские действия, диверсии и саботажи, национально-освободительные войны партизанского и полурегулярного характера. В отдельных случаях имели место стихийные вспышки вооруженного сопротивления колонизаторам. После завоевания политической независимости борьба с неоколониализмом подчас принимала формы обычных войн по отражению внешней агрессии империализма, вооруженного подавления внутренних реакционных заговоров, регулярных или партизанских войн против реакционных, проимпериалистических режимов.

Во многих случаях развитие национально-освободительной революции отличалось не одной, а несколькими формами вооруженной борьбы. Так, антифеодальная, антиимпериалистическая революция в Египте, в основе которой лежало противоречие между абсолютным большинством египетского народа, с одной стороны, и британским империализмом, опиравшимся на монархию, крупных феодалов и обуржуазившихся помещиков — с другой, отличалась использованием двух форм. Это партизанская борьба против английских колонизаторов, занимавших военную базу в зоне Суэцкого канала, и военный переворот, который совершила поддержанная народными массами революционно настроенная часть армии.

Вооруженная борьба против колонизаторов, как правило, сочеталась с другими формами — политической, экономической, дипломатической борьбой. Политические демонстрации населения в городах Алжира в декабре 1960 г. «сыграли огромную роль в развитии алжирской революции на ее завершающем этапе. Они положили начало мощному политическому контрнаступлению масс против неокOLONИАЛИСТСКОЙ политики Франции в Алжире» [405, стр. 255]. Дипломатическая борьба, которую вело Временное правительство Алжирской республики на заключительном этапе революции, сыграла огромную роль для реализации успехов, достигнутых в политической и вооруженной борьбе, на переговорах с французским правительством, для мобилизации мирового общественного мнения в поддержку борющегося Алжира.

Необходимость широкого применения всех форм революционной борьбы в сочетании с вооруженной борьбой подчеркивает А. Лерумо. «К вооруженной борьбе, — пишет он, — не следует подходить как к чисто военному делу, и планировать операции нужно так, чтобы поднимать и организовывать массы» [694 стр. 110—111].

Возможности использования дипломатической борьбы, международной поддержки для африканских народов расширились во второй половине 60-х годов в связи с правовым обоснованием справедливости борьбы против колониализма в Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, а также с принятием Организацией африканского единства решения о политической, экономической и военной поддержке народов португальских колоний и Южной Африки.

Соотношение вооруженных и мирных форм борьбы на разных этапах менялось. В Кении после четырех лет вооруженной борьбы с колонизаторами национально-освободительное движение приняло мирные формы, а затем опять наметилась тенденция к вооруженной борьбе³, что послужило одной из причин, заста-

³ В 1961—1962 гг. начались вооруженные действия партизанского характера, участники которых заявили, что выступают от имени «Армии земли и свободы» [666, стр. 251—252].

вивших английское правительство поспешить с предоставлением Кении независимости.

События последних лет показали, что углубление процесса социального размежевания в странах Африки ведет к обострению классовой борьбы. «Впереди, — указывалось в докладе Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., — острейшие схватки между борцами за подлинную свободу и теми, кто хотел бы опутать молодые национальные государства цепями нового рабства» [99, стр. 62].

Народы последних колоний и расистских государств Южной Африки ведут вооруженную борьбу за свое национальное и социальное освобождение. В то же время прогрессивные национальные силы, борющиеся с оружием в руках за освобождение юга Африки, отдают себе отчет в том, что возможны изменения условий борьбы. «Коммунистическая партия, — говорится в программе Южно-Африканской коммунистической партии, — не исключает возможности ненасильственного осуществления демократической революции. Такая перспектива будет укрепляться по мере роста боевых революционных сил народа» [220, 1963, № 4, стр. 91]. В настоящее время ЮАКП призывает к «подготовке основы для массовых революционных преобразований, включая вооруженную борьбу» [235, 1972, № 48, стр. 61].

Однако Африка знает примеры, когда национальные организации пренебрегали важнейшей закономерностью революционного движения — использовать формы борьбы, соответствующие существующим условиям.

В отдельных случаях национальные партии пытались начать вооруженную борьбу в неблагоприятных условиях: при отсутствии революционной ситуации, не опираясь на поддержку масс, забегая вперед, не учитывая периодов спада и подъема в национально-освободительной революции. Это происходило главным образом под влиянием леводогматических взглядов, а подчас и прямых рекомендаций со стороны пекинских руководителей.

Вооруженная борьба в Камеруне, например, начиналась в условиях колониальной эксплуатации под лозунгом национальной независимости, который позволил сплотить вокруг Союза народов Камеруна широкие массы африканцев. Предоставление независимости Камеруну в 1960 г. фактически вынудило повстанцев снять этот лозунг. Однако руководство СНК отказалось перейти на легальное положение. Это привело к захвату руководства одной из фракций СНК прокитайскими элементами. В результате вооруженная борьба вылилась в эпизодические действия конфликтующих между собой партизанских групп, не пользующихся поддержкой населения [573, стр. 126, 128; 399, стр. 82].

Другой пример — выступление партии «Саваба» в Нигере, попавшей под влияние маоистов. Исходя из «концепции», соглас-

но которой революционная ситуация представляет собой постоянно действующий фактор, руководство этой партии выдвинуло в сентябре 1964 г. лозунг вооруженного восстания, а с 1965 г. начало засылать в страну отряды «командос» из-за границы без соответствующей политической подготовки восстания. Это движение, не получив опоры в массах, было разгромлено [388, стр. 153; 573, стр. 130].

История Африки в послевоенный период подтверждает одно из незыблемых положений марксистско-ленинской стратегии и тактики — необходимость для революционной партии владеть всеми формами борьбы, умело и своевременно переходить от одной формы к другой.

Стихийность и сознательность в процессе вооруженной борьбы

Анализ наиболее крупных по масштабам вооруженных выступлений народных масс в Африке позволяет сделать вывод о том, что выдвигаемые буржуазной историографией концепции о полной стихийности и «бунтарском» характере этих выступлений не соответствуют действительности⁴. Вряд ли можно согласиться с попыткой отнести некоторые вооруженные восстания в Африке к типу «бунтов» и в советской литературе⁵, хотя элементы стихийности в них велики. Это понятно. Незавершенность процесса классовобразования в большинстве африканских стран привела к тому, что ни пролетариат, ни буржуазия не смогли возглавить освободительное движение. Объективная необходимость руководства национально-освободительной борьбой породила широкие политические движения типа национально-демократического фронта, партии революционно-демократического типа, объединившие представителей разных классов и прослоек. Руководителями этих партий в большинстве случаев оказались представители «промежуточных» непролетарских слоев (мелкой буржуазии и национальной интеллигенции) [387, стр. 81—82].

Элементам стихийности способствовали и субъективные причины: отсутствие четкой идеологической платформы движения в целом, разгром профсоюзных или общенациональных политических организаций еще до начала вооруженной борьбы. Во многих странах переход к вооруженной борьбе, особенно на начальном этапе послевоенного освободительного движения, произошел без достаточной политической и военно-технической подготовки, а формирование революционной армии народа и даже партии,

⁴ Английский военный историк майор П. Фрэнсиз называет, к примеру, действия империалистов в Конго (Леопольдвиль) в 1964—1965 гг. «восстановлением порядка среди бунтующих племен» [252, 1969, октябрь, стр. 100]. Американский ученый Э. Вольф относит к категории «бунтов» национально-освободительную войну народов Алжира [800].

⁵ См. оценку вооруженной борьбы в Кении как «крестьянского бунта» в [422, стр. 437].

руководившей движением, происходило уже в ходе вооруженной борьбы.

Исходя из соотношения элементов сознательности и стихийности, присущих вооруженным выступлениям, последние можно подразделить следующим образом:

1. Стихийные или полустихийные вооруженные выступления крестьянских масс (Мадагаскар, 1947 г.; Северная Ангола, 1961 г.). Как правило, восстаниям предшествовали серьезные удары колонизаторов по национальным партиям, на долгое время лишившие повстанцев политического руководства. Повстанцы обладали аморфной военной организацией, централизованное управление борьбой отсутствовало.

2. Вооруженные восстания, опиравшиеся на разветвленные и устойчивые военную и административную организации (Кения, 1952 г.), но лишённые политического руководства. Отсутствие четкой идеологической программы приводило к примату военных вопросов (хотя и они далеко не всегда решались должным образом), оставляло полностью не решенными вопросы политического воспитания повстанцев и населения, хозяйственной и культурной политики.

3. Вооруженные восстания или национально-освободительные войны, руководимые общенациональной партией типа патриотического фронта (например, ФНО в Алжире). Боеспособность повстанческих сил и уровень руководства массами со стороны этих партий зависели от конкретных условий борьбы, а также от идейно-организационного уровня руководства массами. Характер связи между партийным руководством и военной организацией мог быть различным. Одним партиям было присуще на определенном этапе фактическое сращивание с военной организацией [369, 1968, № 6, стр. 679], другим — раздельное существование политической и военной структур, но в том и другом случае взаимодействие партии и армии, руководство партии армией являлись важнейшими условиями боевых успехов повстанцев.

Были и такие случаи, когда организации, взявшие на себя ответственность за ведение вооруженной борьбы, не обладали необходимым идейно-политическим и организационным единством. Таков был НСО и его ведущая партия НДК — Лумумба. При всей привлекательности провозглашенных лозунгов они обладали аморфной партийной структурой, что не замедлило отрицательно сказаться и на военной организации, привело к нарушению твердого централизованного управления, необходимого при ведении боевых действий на площади, составившей больше половины территории Конго.

4. Национально-освободительные войны, возглавляемые революционно-демократическими партиями с относительно высоким уровнем политического и военного руководства, прочными связями с массами (ПАИГК в Гвинее — Бисау, ФРЕЛИМО в Мозамбике, МПЛА в Анголе, АНК в ЮАР, ЗАПУ в Родезии).

Боеспособность этих партий в значительной мере определяется сближением взглядов их руководства с марксистско-ленинской идеологией, сотрудничеством с коммунистическими партиями и марксистско-ленинскими группами [449, стр. 72; 478, стр. 195].

Кроме того, вооруженную борьбу ведут отдельные группы, руководимые различными трибалистскими, сектантскими или псевдомарксистскими организациями маоистского толка (Панафриканский конгресс в ЮАР, отдельные группы в Камеруне и др.), оторванные от широких масс, сосредоточивающие внимание только на военных вопросах. Для них характерно пренебрежение к организации масс и даже намеренное разжигание стихийных, неорганизованных выступлений, с тем чтобы нажить на этом политический капитал. В результате — вспышки стихийных эксцессов, преждевременные, неорганизованные выступления, приведшие к массовым жертвам (Шарпевиль, 1960 г.) [см. 407, стр. 91—93].

Опыт вооруженной борьбы в Африке подтверждает, что уровень военной организации революционного движения находится в тесной зависимости от уровня политической зрелости и организованности движения в целом. Общая тенденция развития вооруженных форм освободительного движения показывает необходимость всестороннего партийного руководства этой борьбой. Только такое соотношение политического и военного факторов дает партии возможность обеспечить тесную связь вооруженных сил революции с народными массами, т. е. обеспечить развитие освободительной борьбы в соответствии с одной из важнейших закономерностей революционных войн.

Однако эта проблема не везде решалась просто. Особенностью развития революции в ряде стран Африки была острая борьба за утверждение примата политического, партийного руководства над военным. Суммамский съезд ФНО, например, провозгласил в качестве одного из основных принципов вооруженной борьбы «приоритет политической деятельности над военной» [405, стр. 155]. Милитаристские отклонения некоторых военных руководителей подверглись резкой критике на I съезде ПАИГК и II съезде ФРЕЛИМО, где еще раз был подтвержден принцип партийного руководства вооруженной борьбой [569, стр. 103; 719, стр. 190]. В настоящее время принцип партийного руководства пытаются подвергнуть критике некоторые левацкие деятели, попавшие под влияние взглядов Р. Дебре.

В ряде стран особо важное значение приобретала борьба против левацкого влияния. Питательной средой маоизма и других левацких течений служили мелкобуржуазные и другие непролетарские слои, проявлявшие непоследовательность и колебания в антиимпериалистической борьбе. С другой стороны, маоисты пользовались тем, что некоторые руководители, не владея марксистско-ленинской методологией или будучи знакомы с ней поверхностно, не способны были правильно, всесторонне

оценить историческую ситуацию, соотношение сил, их влияние на процесс вооруженной борьбы. Отсюда — механическое копирование чужого опыта, увлечение чисто военными вопросами, пренебрежение социально-экономическими и политическими проблемами, стремление к стихийности.

Руководители революционно-демократических партий, организующих вооруженную борьбу на современном этапе, стремятся преодолеть ошибки, вызванные влиянием стихийности и деятельностью «левых» догматиков. Свидетельством этому является усиление партийного руководства вооруженной борьбой: сосредоточение стратегического руководства в высших военных советах, находящихся под непосредственным контролем политических бюро этих партий; увеличение численности политических работников; повышение идейно-воспитательной работы в армии и среди населения; анализ исторических условий подготовки и ведения вооруженной борьбы; развертывание хозяйственной и культурной работы в освобожденных районах и т. д.

Национально-освободительное движение народов Африки испытало большое идеологическое и теоретическое влияние опыта вооруженной борьбы трудящихся масс в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, опыта партизанского движения в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны, военно-исторического опыта борьбы за независимость народов Азии и Латинской Америки. Ряд руководителей национально-освободительного движения, установив контакты с коммунистическими партиями, переняли многие организационные принципы, отразившиеся на структуре и формах деятельности возглавляемых ими организаций.

Дальнейшее повышение уровня сознательности масс, политическое и организационное укрепление революционно-демократических партий зависят в первую очередь от более глубокого их ознакомления с марксистско-ленинской идеологией и ростом ее влияния на все стороны революционной борьбы. Однако повышение уровня сознательности движения — это одно из условий наряду с другими немаловажными проблемами создания материальной силы революции и ее революционной армии. Опыт показывает, что решение этих вопросов в условиях Африки встречало серьезные трудности.

Влияние социально-экономической и технической отсталости, этнической разобщенности на вооруженную борьбу

Некоторые буржуазные ученые настойчиво пропагандируют тезис левацких теоретиков о том, что опора на крестьянство — единственная возможность вести революционную борьбу в современных условиях [397, стр. 107—108]. Основной формой революции, уверяют они, является вооруженное крестьянское вос-

стане, которое де способно — в отличие от городского — на «длительные усилия» [там же, стр. 108; 578].

Опыт вооруженной борьбы в Африке вскрыл огромные трудности ее организации в условиях социально-экономической отсталости, характерной для многих стран и районов, отсталости, вызванной десятилетиями колониального гнета.

Организация вооруженной борьбы в этих странах требовала не одного года настойчивой всесторонней подготовительной работы среди местного населения. Отсутствие подготовленных в техническом отношении кадров затрудняло оснащение повстанцев современным вооружением и эффективное его использование. Малочисленность прослойки рабочих снижала уровень организованности и боеспособности вооруженных сил. Отсутствие профессионального военного мастерства уменьшало наряду с действием других факторов эффективность боевых действий и вело, как правило, к затяжной войне, продолжительность которой в ряде стран Африки достигает десять лет и более (Ангола, Мозамбик, Гвинея — Бисау и др.).

Опыт показал, что затяжная война приводит к победе, когда она выходит за рамки партизанской войны, когда военные действия охватывают практически всю страну, а соотношение сил между сторонами достигает по крайней мере равновесия. Подобное развитие событий происходило в Алжире, где перелом в ходе войны наступил тогда, когда арабское население всех городов страны выразило свою поддержку действиям АНО.

В условиях Африки были случаи, когда вооруженная борьба развертывалась в основном в городских районах и на коммуникациях. Это июльская революция 1952 г. и предшествовавшая ей партизанская война в зоне Суэцкого канала, а также восстание 1964—1965 гг. в Конго (Леопольдвиль), которое на первом этапе развивалось преимущественно в городах восточных провинций.

Таким образом, даже в Африке с ее преимущественно крестьянским населением не все революционные выступления происходили в сельской местности. При этом формы вооруженной борьбы, как указывалось выше, не исчерпывались только партизанской войной.

В настоящее время в связи с обострением социально-классовых отношений и усилением борьбы против эксплуататорских классов в ходе национально-освободительных революций все реальнее становится перспектива вовлечения в активную борьбу широких кругов городского населения, в первую очередь растущего африканского рабочего класса. В этой связи не исключено, что там, где сопротивление колонизаторов и эксплуататорских классов вынуждает освободительное движение прибегнуть к немирным формам борьбы, важное место среди них может занять вооруженное восстание.

Отсутствие во многих странах Африки сформировавшихся

наций, мозаика народностей и племен также создавали определенные трудности для развертывания вооруженной борьбы.

Революционный опыт африканских народов показывает, что требование национальной независимости, как правило, сплачивало большинство народностей в общей борьбе против колонизаторов. Единым фронтом выступали народы Алжира; в вооруженном восстании, охватившем восточные провинции Конго (Леопольдвиль), приняли участие «практически все этнические группы» [790, стр. 313]. Когда национально-освободительное движение выходило за племенные границы, оно способствовало контактам различных этнических групп, формированию идей национальной общности [385, стр. 109]⁶.

И все же отсутствие прочных этнических связей помешало интенсивному распространению вооруженных восстаний за пределы районов расселения народностей кикую (Кения) и бамилеке (Камерун), что во многом предопределило их поражение. Этническая рознь была на руку колонизаторам, использовавшим при подавлении восстаний одних народностей войска, укомплектованные представителями других народностей. В рядах африканских королевских стрелков, участвовавших в подавлении «Мау Мау», не было ни одного кикую [267, 19.VII.1960]. В Конго наемники использовали против бабембе, составлявших значительный процент повстанцев, воинов из племени гвака [757, стр. 127].

Противоречия трибалистского характера, раздиравшие руководящую верхушку ряда повстанческих движений, подрывали столь необходимое для успеха вооруженной борьбы единство действий. В частности, эти противоречия воспрепятствовали объединению восстания в провинции Квилу с восстанием в восточных провинциях Конго в 1964 г. Крайне тяжелые последствия сыграл трибализм в Анголе. В Мозамбике португальские колонизаторы пытались использовать трибалистские настроения для создания антагонизма между народностью маконде, составляющей большую часть населения северных провинций, и народностью макуа, населяющей центральную часть Мозамбика. Пугая макуа «опасностью» порабощения со стороны маконде, они старались тем самым ограничить распространение вооруженной борьбы на провинции Маника и Софала. Однако замыслы колонизаторов потерпели провал [227, 1973, № 5, стр. 65].

⁶ Однако было бы неверно относить процесс ускоренного и углубленного формирования политического и национального самосознания только за счет вооруженного насилия, как это делает Ф. Фанон [622]. Совместная вооруженная борьба против общего врага, безусловно, оказывала на массы огромное сплачивающее влияние. И все же решающее значение имело то обстоятельство, что участие угнетенных масс в происходивших событиях носило революционный характер. Революция формировала единство национальных и политических целей движения и обеспечивала участие в нем широких народных масс, их отказ от узкопнятых этнических принципов во имя общенационального дела.

Отрицательно сказались на формах вооруженной борьбы и ее интенсивности общая экономическая и военно-техническая отсталость африканских стран. Отсутствие военной промышленности, запасов вооружения, зависимость от внешних источников сковывали развитие восстаний, переход повстанцев от партизанских форм борьбы к регулярным боевым действиям. Ограниченное количество конвертируемых военно-транспортных средств (грузовики большой грузоподъемности, поезда, озерные и речные суда), отсутствие разветвленной дорожной сети суживали возможности маневра, препятствовали территориальному распространению восстаний. По этим же причинам нельзя было создать вспомогательные бронесредства: бронев автомобили, бронепоезда, бронекатера. В ряде случаев повстанцы сталкивались с невозможностью использовать транспорт ввиду отсутствия специалистов (рабочих и техников), а также водительского состава⁷. Нехватка транспортных средств была особенно опасна для повстанцев, так как наличие в Африке развитой аэродромной сети позволяло империалистическим державам в полной мере использовать маневр силами и средствами с помощью авиации для переброски войск из метрополий, для перемещения их в пределах той или иной колонии. Кроме того, в таких странах, как Кения, ЮАР, большое количество легкомоторной авиации находилось в личном владении европейцев-фермеров, которые со своими самолетами участвовали в подавлении выступлений африканцев в составе авиакрыла полицейского резерва [275, 25.IV. 1957, стр. 1151; 133, стр. 3].

Наконец, в ходе восстаний постоянно давала себя знать общая культурная отсталость населения, почти полная неграмотность, незнание военного дела. Сразу после окончания второй мировой войны эта проблема не была столь острой, поскольку в освободительном движении участвовали многие ветераны войны, имевшие солидный боевой опыт. На современном этапе новым поколениям подчас труднее приобрести военные знания, особенно если учесть, что в ЮАР, например, африканцы в армию не допускаются.

Наличие в ряде стран Африки поселенцев европейского происхождения оказало определенное влияние как на политику и стратегию империализма, так и на сам процесс вооруженной борьбы.

Колонии, где проживали поселенцы, рассматривались империалистами как опорные пункты колониального господства в Африке и поэтому, как правило, стали районами наиболее ожесточенного и продолжительного столкновения между колониализмом и национально-освободительным движением.

⁷ Во время гражданской войны в Мексике 1912—1917 гг. повстанцы широко использовали формы эшелонной войны с участием иррегулярной кавалерии. В Африке применение броневиков имело место лишь в Конго в 1964—1965 гг.

Великобритания планировала в первые послевоенные годы создание трех колониальных федераций в Африке, ядром которых должны были стать страны со значительной прослойкой белых — Кения, Южная Родезия, ЮАС. Только после восстания «Мау Мау» английское правительство было вынуждено согласиться на предоставление Кении независимости и ликвидацию преимущественного положения европейских поселенцев. Потерпела крушение Федерация Родезии и Ньясаленда, однако при поддержке метрополии в Южной Родезии власть захватили поселенцы. Создание государств с «двойной» системой эксплуатации — по классовому и по расовому признаку — обострило до предела социально-классовые противоречия и привело к началу вооруженной борьбы.

Португальское правительство, используя «опыт» Великобритании и ЮАР, пытается удержать свои позиции в Анголе и Мозамбике путем резкого увеличения числа португальских поселенцев. Маскируя свою политику, оно «включило» эти страны в состав Португалии (правовое положение африканского населения при этом не изменилось).

Попытки империализма опереться на поселенцев как на одну из основных социальных сил представляют опасность для национально-освободительного движения коренного населения. В Алжире французские колонизаторы провели в свое время ряд мер, откровенно направленных на подкуп беднейших слоев европейского населения и отчуждение их от братьев по классу. В этой стране, а также в других странах империалистическая военщина использовала европейское население непосредственно в вооруженной борьбе против африканцев. Знание условий жизни в Африке, местности, приспособленность к климату делали поселенцев незаменимыми солдатами.

Эти обстоятельства приводили к резкому обострению противоречий между «белым» и «небелым» населением. И хотя в Алжире повстанцы, по свидетельству Жюлья Руа, хорошо относились к мирным поселенцам [760, стр. 116], нагнетание напряженности способствовало разжиганию расизма и шовинизма, что в свою очередь поощряло правонационалистические элементы в рядах национально-освободительного движения.

Лучшие представители населения европейского происхождения принимали и принимают самое активное участие в национально-освободительной борьбе африканцев. Достаточно красноречивым примером является жизнь и борьба бура Абрахэма Фишера, ставшего одним из выдающихся деятелей Южно-Африканской коммунистической партии и приговоренного за это расистским судом к пожизненному заключению.

Последние события в ЮАР — студенческие волнения, забастовки — свидетельствуют о постепенном включении в борьбу против существующего режима новых представителей «белого» населения.

Революционно-демократические партии, ведущие борьбу в Южной Африке, португальских колониях, в своих программах учитывают интересы всех этнических групп страны, гарантируют их равенство [719, стр. 160]. В то же время они учитывают возможности и «опыт» империалистической пропаганды в подрывной деятельности, в разжигании расовых конфликтов и активно разоблачают расистские лозунги экстремистских африканских организаций.

Борьба за армию в национально-освободительной революции

Участие армии в антиимпериалистических национально-освободительных революциях после второй мировой войны нашло в условиях Африки своеобразное проявление.

В послевоенной Африке существовали армии двух типов: колониальные войска империалистических держав в большинстве африканских колоний и армии национального типа в полуколониях и зависимых странах.

Колониальные армии составляли один из компонентов военно-колониальной машины империализма, и во многих странах — Кении, Камеруне, на Мадагаскаре, в Алжире по мере развертывания национально-освободительного движения использовались для карательных действий, вооруженной борьбы против освободительных сил.

В ходе национально-освободительных восстаний и войн повстанцы, как правило, пытались привлечь эти армии на свою сторону. Но на этом пути встречались огромные трудности. Конечный результат зависел, с одной стороны, от общего идейно-организационного уровня движения, от эффективности работы по разложению войск колонизаторов, а с другой — от уровня идеологической обработки личного состава, искусства колонизаторов в использовании этнических противоречий, а также от степени прочности тех «охранительных» принципов, которые были заложены в основу организации и боевого применения колониальных армий.

К «охранительным» принципам относились в первую очередь отсутствие африканского офицерского, а в некоторых армиях и унтер-офицерского корпуса, недопущение «национального» принципа в комплектовании колониальных армий. Последнее было более характерно для французских колониальных войск, однако и в английских колониальных формированиях, территориально «привязанных» к определенным колониям, осуществлялся принцип обязательного отрыва солдат от дома. Кроме того, широко применялся способ выборочного этнического комплектования войск за счет наиболее отсталых «военственных» племен. Важную роль играл наемный, профессиональный характер колониальных армий, который помогал держать их в состоянии изоляции от народа.

Колониальная профессиональная армия тщательно охранялась от использования в повседневных карательных или административных действиях. Она привлекалась лишь в случае возникновения крупных конфликтов. Вместо нее обычно использовалась полиция или жандармерия, которая имела специальные мобильные подразделения [692, стр. 25, 29, 31]. В португальских колониях в течение ряда лет вспомогательные африканские формирования — милиция и мобильные силы — применялись преимущественно вне районов действия партизан.

В ходе национально-освободительных войн солдаты колониальных армий оказывали помощь и поддержку повстанцам. Однако колонизаторы, используя этнические противоречия, политическую отсталость военнослужащих, широко применяя методы идеологической обработки их в духе антикоммунизма и ненависти к освободительной борьбе, использовали эти армии в своих целях. То обстоятельство, что колониальные армии в основном оставались вооруженной опорой колонизаторов, крайне затрудняло формирование революционной армии национально-освободительной революции.

В тех странах, где независимость была завоевана мирным путем, эти колониальные армии составили основу национальных армий. Однако в ряде стран (Конго — Леопольдвиль, Кения, Уганда, Танзания) они легко становились объектом империалистических провокаций, которые приводили к стихийным выступлениям солдатских масс, подрывавшим стабильность молодых независимых государств.

Следует подчеркнуть, что такого рода национальные армии оказались неэффективными при защите коррумпированных режимов. В Конго (Леопольдвиль) во время восстания 1964—1965 гг. Конголезская национальная армия, выполнявшая роль опоры марионеточного неоколониального режима М. Чомбе, вначале проявила себя как небоеспособная сила в борьбе против повстанцев, а часть армейских подразделений перешла на их сторону.

В классической полуколониальной стране — Египте — национальная армия стала местом активной политической деятельности прогрессивных, националистически настроенных офицеров. В результате их подпольной организаторской и пропагандистской работы армия подверглась разложению, реакционное офицерство и генералитет были изолированы, а солдаты, большинство которых находилось под влиянием проходивших в стране революционных событий, в критический момент поддержали организацию «Свободные офицеры».

Прогрессивный военный переворот, при котором революционно настроенная часть армии взяла власть в руки при активной поддержке широких народных масс и общественных организаций, стал своеобразной формой национально-освободительной революции.

Борьба за армию в Египте имела ряд особенностей. Первая заключалась в революционной активности значительной части офицерского состава, которая отражала общий процесс роста радикальных взглядов среди промежуточных слоев города и деревни Египта, мелкой буржуазии, из чьих рядов комплектовалась эта часть офицерского состава национальной армии. Действия прогрессивных офицеров были успешными, так как они совпадали с объективными интересами национально-освободительной революции и поддерживались широкими народными массами, прогрессивными политическими кругами.

Другая своеобразная черта борьбы за армию заключалась в том, что ввиду слабости субъективного фактора революции эта борьба развернулась не в виде соперничества буржуазно-националистических партий с господствующим режимом за влияние в армии, а в виде борьбы внутри самой армии. Тайное подпольное общество «Свободные офицеры» выступало в процессе подготовки революции не как группа заговорщиков, а как революционная политическая организация. К решению о самостоятельном свершении государственного переворота руководители военной организации пришли только тогда, когда стало окончательно ясно, что в стране отсутствует политическая партия, способная принять в нем участие вместе с армией [495, стр. 269—270].

Для вооруженных сил многих стран Африки характерен рост прогрессивных, демократических тенденций среди офицерского состава. Офицеры в ряде стран, например в Сомали, Конго (Браззавиль), выступили инициаторами и организаторами прогрессивных переворотов, имевших глубокие социальные последствия; они приняли активное участие и на последующих этапах развития национально-освободительной революции, в процессе борьбы за выбор дальнейшего пути социально-экономического развития.

Борьба за власть, от характера которой зависит выбор пути развития, носит продолжительный характер. На нее оказывают влияние как внутренние, так и внешние факторы.

Значение армии и других органов непосредственного принуждения в этой борьбе заметно возрастает в тех странах, где не завершен процесс национальной консолидации, где продолжается национальная рознь, искусственно разжигаемая колонизаторами. Особенно возрастает роль государства и его армии там, где не закончился еще процесс формирования более или менее устойчивой социально-политической структуры общества. Эти же причины приводят к тому, что борьба между прогрессивными силами и реакцией зачастую находит свое проявление в военных переворотах, которые могут носить как прогрессивный, так и реакционный характер.

Прогрессивный военный переворот как форма революционного вооруженного насилия может служить целям борьбы про-

тив реакционных режимов. Будучи отражением недовольства широких масс, выступления патриотических и демократических армейских кругов способны ускорить ход революционного развития только в том случае, если имеют перед собой ясную политическую перспективу. А это в свою очередь требует идеологического и теоретического руководства революцией. В противном случае прогрессивный военный переворот, даже успешно осуществленный, может повести к восстановлению позиций реакции.

Революционно-демократические офицеры, оказавшиеся у власти, проявили способность осуществить некоторые антикапиталистические меры и содействовать созданию условий и предпосылок для продвижения страны в социалистическом направлении. Армия наряду с другими правительственными органами становится одним из важных инструментов возрождения и развития своей страны. Однако развитие революции вглубь невозможно без политического авангарда, которым может стать только политическая партия, обладающая революционной программой, прочно опирающаяся на трудящихся и примыкающие к ним слои населения. Успешное революционное развитие предполагает также участие в управлении государством широких народных масс. Острая потребность в технических и административных кадрах приводит к использованию военнослужащих в руководстве народным хозяйством. Однако эту функцию они эффективно выполнить не могут: основная тяжесть в области развития экономики и прогрессивного преобразования сельского хозяйства ложится на специальные государственные органы социально-экономического развития.

Исторический опыт развития национально-освободительных революций свидетельствует о том, что буржуазные, леворадикальные и маоистские теории, изображающие военные перевороты путчистского типа как средство революционного развития, представляют собой своеобразный «необланкизм», отражающий тот страх перед массами как субъектами революционного действия, который присущ мелкобуржуазным идеологам.

Сужение роли масс ведет к преувеличению роли личности и умалению роли революционной политической партии, к наделянию отдельных социальных групп, в данном случае офицерства, несвойственными им качествами — выступать главной движущей силой революции.

В странах с реакционными, проимпериалистическими режимами борьба за армию, за привлечение на сторону революции прогрессивно настроенных офицеров и солдатских масс продолжает оставаться одной из важнейших задач революционных партий.

Вооруженная защита завоеваний национально-освободительной революции в Африке

Империализм является источником постоянной угрозы применения вооруженного насилия по отношению к развивающимся странам. Его основными формами являются вооруженная агрессия и подрывная деятельность. Основным объектом посягательств империализма — страны с прогрессивными режимами. Социальной опорой неокOLONиализма в молодых национальных государствах служат остатки феодальных слоев, крупная национальная и бюрократическая буржуазия, проимпериалистическая интеллигенция, реакционное офицерство.

Вооруженная агрессия и подрывная деятельность не менее активно применяются империалистами в странах, где выбор пути еще не закончен, для устранения с политической арены прогрессивных партий, демократических национальных организаций и профсоюзов. Не исчезает опасность империалистической агрессии и для тех стран, которые пошли по капиталистическому пути, но во главе которых стоят антиимпериалистически настроенные круги национальной буржуазии. Стремление этих стран к развитию независимой национальной экономики, контактам со странами социализма, к самостоятельной внешней политике приходит в столкновение с политикой мирового империализма.

Система экспорта контрреволюции в страны Африки достаточно многообразна. Его источником являются ведущие империалистические державы — Великобритания, Франция, США, «малые» страны империализма — Португалия, Южно-Африканская Республика, Южная Родезия, Израиль.

Вооруженная защита завоеваний национально-освободительной революции от империалистической агрессии, как показал исторический опыт, необходима при следующих обстоятельствах: в случае вооруженного нападения на данное государство; в случае попыток империализма вооруженным путем подавить национально-освободительное движение народов, борющихся за освобождение от колониального господства; в случае угрозы военного вмешательства в дела развивающегося государства.

По своему содержанию вооруженная защита охватывает как непосредственную вооруженную борьбу против империалистической агрессии, так и охрану границ государства. Делу защиты служит внешняя и внутренняя политика, направленная на укрепление обороноспособности страны, строительство вооруженных сил.

Важным проявлением защиты национально-освободительной революции является вооруженное подавление внутренней реакции, выступающей объективно как союзник империализма. Борьба с подрывной деятельностью империализма внутри стра-

ны, конечно, может вестись не только силой оружия. Успех в этой борьбе связан с дальнейшим развитием революции, правильной социальной политикой правящей революционно-демократической партии или блока партий, с правильным решением этнического вопроса.

Одной из особенностей проявления функции вооруженной защиты национально-освободительной революции является оказание военной помощи освободительным движениям в других странах. Эта помощь может иметь разнообразный характер: обучение воинов; всесторонняя поддержка братских армий и партизанских отрядов, в том числе путем создания для них опорных баз; участие в боевых действиях вместе с повстанцами.

Исторический опыт африканских народов после второй мировой войны показывает, что молодым африканским государствам пришлось участвовать в отражении самых различных попыток империалистов удержать или восстановить колониальное господство, в том числе путем развязывания ограниченных и противоповстанческих войн, в которых принимали участие профессиональные армии больших и малых империалистических держав. При этом особенностью вооруженной защиты национально-освободительных революций были серьезные трудности в оснащении армий независимых африканских государств современной военной техникой и вооружением в связи с их общей технико-экономической отсталостью. Эту проблему помогали решать помощь и братская поддержка социалистических стран, в первую очередь СССР. Таким образом, вооруженная защита прогрессивных завоеваний национально-освободительной революции существенно облегчалась и сводилась к тому, чтобы считать умелое владение оружием и боевой техникой, предоставляемой многим освободившимся странам государствами социализма, с готовностью защищать государственную независимость и достигнутые социально-экономические завоевания.

§ 2. ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ АФРИКАНЦЕВ ПРОТИВ КОЛОНИЗАТОРОВ

В основе развития форм и способов вооруженной борьбы африканцев за свободу и независимость лежат закономерности, открытые и сформулированные классиками марксизма-ленинизма. В то же время каждое из вооруженных восстаний и войн имело свои особенности, которые вызывались различными условиями национального, экономического и социального развития, а также соотношением сил сторон. При этом обычная терминология при попытках использовать ее для характеристики своеобразных явлений африканской действительности приобретает особое звучание.

Стратегия национально-освободительных восстаний и войн

При анализе подготовки и развития национально-освободительных восстаний и войн в Африке обращает на себя внимание наличие значительного количества стихийных и полустихийных моментов на различных этапах вооруженной борьбы. Поэтому не всегда можно говорить о разработанной и продуманной стратегии того или иного восстания, включающей все ее компоненты: цель, основные силы, прямые и косвенные резервы и т. д. Тем не менее это не значит, что военно-политическое руководство повстанцами ни в одной из стран не имело стратегических планов вооруженного восстания или не разрабатывало их в ходе войны. Большинство вооруженных восстаний (войн) в Африке представляют интерес именно с точки зрения развития стратегической обстановки и ее отражения в решениях военно-политического руководства повстанческим движением.

Общей целью военно-политической стратегии национально-освободительных войн в Африке было изгнание из страны колонизаторов, достижение национальной независимости, т. е. образование национального государства и осуществление демократических социальных преобразований. Однако стратегические цели вооруженной борьбы в разных странах формулировались неодинаково. Кроме того, они могли меняться в зависимости от характера восстания.

В Алжире цель вооруженной борьбы повстанцев в начале войны состояла в том, чтобы путем партизанских действий на всей территории страны поднять народные массы на антиколониальную революцию с целью создания независимого Алжира [405, стр. 92—93]. В ходе развития революции народное движение перешагнуло рамки национального освобождения, что привело к провозглашению таких социальных целей, как создание демократической республики и проведение аграрной реформы [457, стр. 103]. Характерной особенностью стратегии войны в Алжире оказалось формирование двух баз революционной вооруженной борьбы на территории сопредельных африканских государств — Туниса и Марокко — и координация действий внутренней и внешней армий, имевших своей целью создание невыносимых условий для функционирования колониального режима. На заключительном этапе стратегическая цель вооруженной борьбы заключалась в поддержании состояния военного «равновесия», служившего фоном дипломатических переговоров о предоставлении независимости.

В Гвинее — Бисау, Анголе и Мозамбике стратегические цели вооруженной борьбы заключаются в освобождении территории этих стран от колонизаторов. Основной принцип ее, сформулированный А. Кабралом, таков: «Противник, чтобы господствовать в определенной зоне, должен рассредоточить свои силы. Рассредоточивая их, он ослабляет себя, и мы можем его победить.

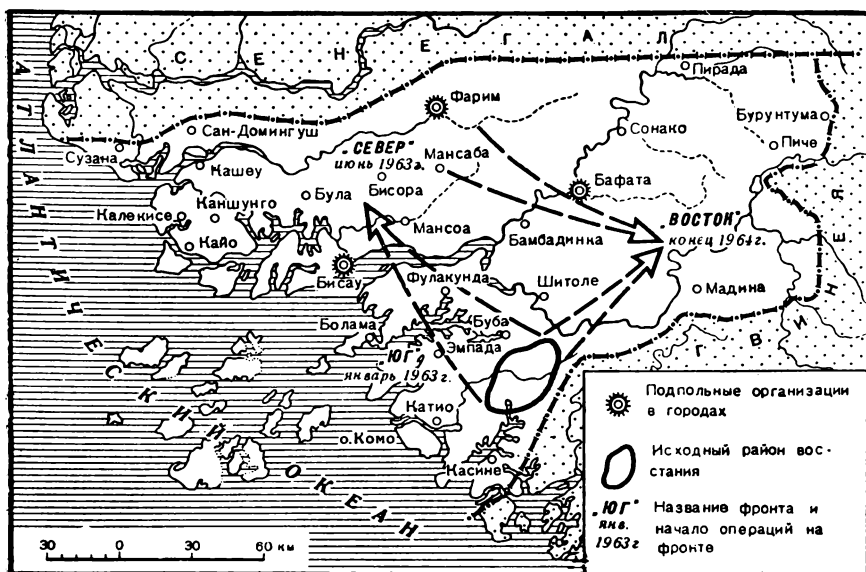
Но чтобы обороняться, он должен сконцентрировать свои силы, а сконцентрировав, он позволяет нам занимать те зоны, которые он оставил свободными, и там развертывать политическую работу, чтобы воспрепятствовать его возвращению» [569, стр. 69—70]. Привлечение масс на сторону революции обуславливается выдвижением в программах этих революционно-демократических партий не только задач национального освобождения, но и требований, выражающих социальные устремления трудящихся колоний [478, стр. 124].

В этих странах (а также в Родезии и ЮАР) вооруженная борьба развертывалась внутри страны. Однако характер действий был неодинаков. В Гвинее — Бисау была избрана «центробежная» стратегия — начинать борьбу из центра и распространять ее к границам страны [там же, стр. 66]. В Мозамбике основными принципами стали «самооборона и сопротивление мозамбикского народа» [719, стр. 122—123], что практически означало создание районов сопротивления колонизаторам в провинциях, прилегающих к Танзании, и постепенное распространение боевых действий в юго-западном и южном направлениях.

Выбор способа боевых действий определялся в первую очередь колоссальным военно-техническим неравенством сил колонизаторов и борцов за освобождение. Это были в основном партизанские действия, постепенно приобретающие более сложную форму по мере повышения в них элемента регулярных действий. Национально-освободительные войны обычно начинались локальными партизанскими действиями, которые, расширяясь, постепенно охватывали всю территорию страны. Так обстояло дело в Алжире, Гвинее — Бисау, Мозамбике, до известной степени в Анголе.

Локальные партизанские действия, как правило, возникали в виде вооруженных восстаний в различных районах страны, в городах и сельской местности. Подняв знамя вооруженной борьбы, партизанские отряды и группы приступали к формированию опорных баз, к пропаганде освободительных идей среди населения. Территория, контролируемая партизанами в эпицентрах восстания, расширялась, устанавливались территориальные и боевые контакты между очагами партизанской активности. Этим завершался первый этап вооруженной борьбы.

На следующем этапе войны формировались национально-освободительные армии партизанского типа, фронт боевых действий расширялся с целью охвата всей или почти всей территории страны. Успеха удавалось добиться далеко не везде. В Алжире, Гвинее — Бисау, Мозамбике взаимодействие между опорными базами было установлено, хотя и в разной степени. При этом в Мозамбике восстание долгое время не выходило за границы северных провинций, но в конце концов перекинулось на провинцию Тете. Менее удачно обстояло дело в Анголе, где

Развертывание вооруженной борьбы за независимость в Гвинее — Бисау

восстание надолго локализовалось в районах, не имевших между собой оперативно-тактической связи.

Способы боевых действий приходилось менять, подчас учась на собственных просчетах. Так, в результате ошибочного решения вступить в бой против французов крупные части АНО потеряли ряд серьезных поражений. Неудачей закончилась и попытка ФНО перенести боевые действия из сельской местности в города. АНО была вынуждена возвратиться к действиям рассредоточенными подразделениями и боевыми группами, т. е., по сути дела, вернуться к ранней стадии партизанской войны. В Гвинее — Бисау руководство ПАИГК, учитывая сложность сохранения постоянных военных баз в условиях современной войны, прибегло к тактике мобильных действий, под которыми подразумеваются действия отрядов, не имеющих постоянных баз и мест дислокации. Наметилась тенденция к полной ликвидации опорных баз и переходу к системе непосредственного снабжения (каждая деревня должна была иметь соответствующие запасы продовольствия и снаряжения) [573, стр. 103; 569, стр. 106].

Опыт развития национально-освободительных войн в Африке показывает способность африканских освободительных организаций к широкому стратегическому маневру. Примером его может служить перенос основных усилий в вооруженной борьбе в Анголе с северо-запада на юго-восток в 1966 г.,

осуществленный руководством МПЛА при поддержке сопредельных африканских стран.

Третий этап войны можно рассматривать как заключительный. В начале борьбы разным организациям он представлялся по-разному. В Гвинее — Бисау предполагалось после освобождения сельской местности поднять восстание в городах, но затем было решено прежде всего провозгласить независимое государство. В Алжире политическое руководство повстанцев полагало на определенном этапе, что решительная схватка с колонизаторами может произойти, как во Вьетнаме в 1953—1954 гг., в виде полевого сражения регулярных повстанческих сил с основными силами противника (первоначальный план ФНО). В ЮАР план развертывания вооруженной борьбы предусматривал на заключительной фазе всеобщее вооруженное восстание в городах и сельской местности. В ходе вооруженной борьбы выдвигались и такие варианты стратегических решений, которые предполагали создание в стране невыносимых условий для дальнейшего пребывания колонизаторов (Алжир).

Заключительный этап алжирской войны в военно-исторической литературе оценивается неодинаково. Буржуазные историки, поддерживая версию о «добровольном» уходе Франции, утверждают, что АНО якобы потерпела поражение, а политическая победа ФНО была достигнута не на поле боя, а в ООН и за столом переговоров, где главным фактором была «добрая воля» колонизаторов [559, стр. 529; 735, стр. 220].

Что же привело к победе ФНО и уходу французов из Алжира? Решение французского правительства не было добровольным, а носило вынужденный характер. Прежде всего к 1959—1960 гг. стало ясно, что колонизаторы полностью утратили социальную опору среди населения Алжира. Массовые политические демонстрации, прошедшие в конце 1960 г., показали, что большинство алжирцев решительно поддерживают ФНО и его программу освобождения. Затем, несмотря на сокращение масштабов боевых действий в 1961 — начале 1962 г., в стране сохранялись определенные предпосылки для продолжения вооруженной борьбы. Руководством АНО разрабатывались планы всеобщего вооруженного восстания, координации его с прорывом в Алжир внешней армии АНО [321, 1962, № 134, стр. 134; 663, стр. 54].

На определенных этапах переговоров, выступая с проектом раздела Алжира на мусульманский и немусульманский, правящие круги Франции учитывали возможность продолжения вооруженной борьбы. Об этом свидетельствует существование особого плана, предусматривавшего сосредоточение европейского населения вокруг Алжира и Орана и организацию их обороны [559, стр. 227]. Однако в конечном счете французские власти были вынуждены от него отказаться. Продолжение вооруженной борьбы в Алжире в условиях изменившегося соотношения сил

на мировой арене в пользу социализма, растущего движения за мир в самой Франции было практически нереальным для французской армии.

Итоги войны в Алжире позволяют сделать некоторые выводы о характере победы в современной национально-освободительной войне.

Вооруженная борьба против колонизаторов в Алжире отличалась большим разрывом в военно-техническом уровне воюющих сторон. С другой стороны, сила сопротивления народных масс вооруженному и политическому давлению колонизаторов настолько возросла, что военный разгром повстанческих сил, умело варьирующих способы борьбы, опирающихся на широкие народные массы, практически был маловероятен. В этих условиях, как указывалось в брошюре Алжирской компартии «Наш народ победит», цель Армии национального освобождения состояла «не только в том, чтобы нанести чисто военное поражение французской армии в мобильной войне с регулярными сражениями, сколько в том, чтобы сковать ее, сделать тщетными ее усилия, вымотать ее непрерывными партизанскими действиями и одержать таким образом политическую победу, которая явится результатом вооруженных действий самой национально-освободительной армии, а также других форм борьбы нашего народа и поддержки со стороны наших союзников во всем мире».

Таким образом, политическое решение вопроса о независимости было достигнуто в условиях «военного равновесия» сторон, явного политического перевеса повстанцев и возникновения в Алжире такого положения, когда колониальные власти уже не могли управлять по-старому.

Последующее развитие национально-освободительной борьбы в Африке и Азии показало, что тенденции, присущие войне в Алжире, проявляются и в современных условиях. При наличии мировой социалистической системы во многом повышается вероятность победоносного завершения национально-освободительных войн; победа в этих войнах необязательно решается только исходом непосредственной вооруженной схватки с империалистическими силами, она является результатом сочетания вооруженной, политической и дипломатической борьбы.

Примером общенационального восстания, процессу развития которого был присущ очень большой элемент стихийности, могут служить действия повстанцев в восточных провинциях Конго (Леопольдвиль) летом — осенью 1964 г. Здесь восстание развивалось путем постепенного присоединения новых районов к его политическому центру. Наступление повстанческих сил из района Физи — Увира в северо-западном и юго-западном направлениях совпадало по времени с восстаниями в городах и округах, лежащих на их пути. Между повстанцами и правительственными войсками стихийно наметилась линия фронта. Восставшие были вынуждены прибегнуть к какому-то подобию регу-

лярной маневренной войны. Этому были свои причины.

Восстание 1964 г. в Конго возникло на волне острого общенационального кризиса, когда все государство переживало почти полный распад коррумпированной и недееспособной административной системы, когда приход к власти М. Чомбе вызвал всеобщее возмущение. И все же восстание, казалось имевшее шансы на успех, потерпело неудачу. К числу социально-политических причин, обусловивших военную слабость восстания, следует отнести его политическую неподготовленность, разногласия в руководящей верхушке, темноту и отсталость принявших в нем участие народных масс — жителей самых глубинных районов страны. Отсутствие единого центра, который практически руководил бы восстанием, отсутствие стратегического руководства привели к серьезным стратегическим ошибкам: партизанское движение в Квилу, руководимое П. Мулеле, намеренно изолировалось от восточных провинций [165, стр. 107]; основные политические и промышленные центры страны — Леопольдвиль и города Катанги — не стали объектами наступления повстанцев; после занятия Стэнливиля командование повстанческой армии не организовало активной обороны; восстание, принявшее форму регулярной войны, не имело соответствующим образом подготовленной и обученной армии.

Руководители ряда локальных восстаний строили свои стратегические планы на своеобразной самообороне того или иного района страны, преимущественно с однородным этническим составом. Локальная самооборона гарантировала относительную устойчивость, способность к длительному сопротивлению, как это было в провинции Квилу (Конго) и в Кении.

В Квилу восстание охватило четыре из шести префектур (площадью 300×150 км), в Кении — район Центрального нагорья (250×150 км). Сферы действий повстанцев почти полностью совпадали с этническими границами бамбунду и бапенде (Квилу), кикуйю (Кения).

Восстание 1952 г. в Кении опиралось на две опорные базы и сеть подпольных организаций, в том числе в столице колонии. Действия партизан развернулись в самом плодородном районе страны. С самого начала восставшие настойчиво боролись за распространение восстания на другие районы. Лишь упорное сопротивление колониальных властей и слабость военно-политического руководства помешали вовлечению в борьбу других народов Кении, и восстание постепенно локализовалось.

В провинции Квилу локализация восстания с самого начала носила сознательный характер. После довольно длительной подготовки, которая ему предшествовала, восстание стало всеобщим. Созданные в деревнях комитеты за один день взяли власть в свои руки, а бойцы-партизаны с помощью населения завалами и заставами перекрыли все дороги в район восстания, изолировав тем самым весь район от окружающих префектур

и провинций [789, стр. 37, 67, 71, 82, 93, 103, 105]. Последующие боевые действия повстанцев ограничивались нападениями на окруженные гарнизоны КНА в городах, расположенных внутри района восстания. Недостаточно активно предпринимались попытки к его расширению [165, стр. 90, 129, 130]. Но то, чего в Кении не удалось добиться из-за отсутствия достаточных сил, в провинции Квилу было следствием неправильной ориентации на затяжную «народную войну» по маоистской подсказке, что заранее обрекло восстание на неудачу [399, стр. 82—83].

В некоторых странах Африки при помощи вооруженной борьбы решались ограниченные стратегические задачи. К ним следует отнести партизанскую войну египтян против английской базы в зоне Суэцкого канала; борьбу палестинских, родезийских и южноафриканских партизан.

Таким образом, стратегия вооруженной борьбы африканцев зависела от целей и задач, которые ставило их политическое и военное руководство, от условий борьбы и соотношения сил на каждом этапе и в ходе войны в целом, от наличия вооружения и технических средств и умения их использовать, от степени поддержки повстанцев широкими массами населения. На нее оказывали непосредственное влияние международный и дипломатический факторы [705; 405, стр. 163]. Это влияние непрерывно возрастает.

Ряд национально-освободительных движений создавал органы стратегического планирования и руководства. Так, в Гвинее — Бисау оперативно-стратегическое руководство боевыми операциями осуществляет Высший совет борьбы, куда входят члены Политбюро ПАИГК, в Мозамбике — Национальный военный совет [569, стр. 104; 719, стр. 152], подчиняющийся ЦК ФРЕЛИМО и его исполкому. В Алжире действовал генеральный штаб АНО.

Опыт показал, что отсутствие стратегического руководства вооруженной борьбой было связано в первую очередь с отсутствием ясных политических целей борьбы (Союз народов Анголы, партизаны Мулеле), со слабым политическим образованием и уровнем военной подготовки руководителей национально-освободительных движений (восточные провинции Конго, Кения), отсутствием руководящих политических партий.

Обеспечению действенного стратегического руководства мешали стихийность (даже там, где борьбой руководили революционные партии), тенденции к автономности, недостаточная координация и связь между городом и деревней, между различными районами.

Некоторые принципиальные вопросы стратегии зависели от идеологического подхода к вооруженной борьбе.

Далеко не всегда признавалась необходимость подготовительного этапа вооруженной борьбы, политической и военно-технической подготовки вооруженного выступления масс. В ча-

стности, войне в Алжире, начавшейся вооруженными выступлениями в ночь на 1 ноября 1954 г., предшествовала незначительная, главным образом военно-техническая, подготовка. Считалось, что сама вооруженная борьба должна возбудить народные массы и заставить их поддержать повстанцев.

В противоположность ФНО, ПАИГК и ФРЕЛИМО проявили серьезный подход к политической подготовке восстания, особенно предварительной работе в массах. В основу подготовки революционного выступления в Гвинее — Бисау было положено глубокое экономико-социологическое исследование внутреннего положения. Началу вооруженных действий предшествовала двух-, трехлетняя пропагандистская работа в деревнях, которую проводили наиболее грамотные, активные крестьяне, получившие подготовку в партийных школах. Только убедившись в понимании населением целей борьбы и в его поддержке, руководство революционных партий принимало решения о вооруженном выступлении [604, стр. 54; 569, стр. 94, 96—98; 719, стр. 126].

Принципиально отвергают необходимость готовить массы к революции раскольнические националистические организации — ПАК и др. Их линия фактически ведет к идеологическому разоружению повстанческого движения, внедрению авантюризма и левацких «теорий» вооруженной борьбы, лишает его массовой базы. Начать вооруженную борьбу без разъяснительной работы в массах — значит обречь национально-освободительное движение на неизбежный провал.

Тактика боевых действий повстанцев

Тактика вооруженной борьбы повстанцев получила в ходе освободительных войн значительное развитие. Преобладающей формой их боевой деятельности были партизанские действия. Однако они впитали в себя очень многое от регулярных боевых действий (тактика общевойскового боя, элементы оперативного искусства, в частности, планирование операций). Процесс внедрения способов регулярной войны отразился и на формах боевой организации повстанцев.

В первые годы после войны, а также на начальных этапах восстаний в Конго (Леопольдвиль) и в Северной Анголе стихийные и полустихийные вооруженные выступления принимали обычно форму массовых нападений и налетов на полицейские посты, учреждения колонизаторов. Устраивались засады против патрулей, одиночек-солдат и полицейских; казнили предателей. Отсутствие военного опыта подчас компенсировала охотничья сноровка (устройство ям-ловушек, ночные налеты и т. п.). Но в Кении повстанцы стремились максимально использовать полученные ими во время второй мировой войны знания: действовали подразделениями, применяли рейды и поиск.

Большое разнообразие форм партизанской борьбы принесла

война в Алжире. Тактика войск АНО носила маневренный характер. Она заключалась в том, чтобы активными действиями на всей территории Алжира заставить французское командование рассредоточить свои силы и таким образом резко ослабить их боевые возможности. Центрами партизанской борьбы были опорные базы, расположенные в освобожденных зонах. Отсюда проводились налеты на опорные пункты колонизаторов, устраивались ночные засады против колонн противника подразделениями до роты и батальона [789, стр. 117].

В 60-е годы маневренность действий партизан усилилась, общая картина борьбы усложнилась. Партизаны стали чаще нападать на крупные объекты: форты, укрепленные посты, аэродромы, вертодромы, гарнизоны городов. Усилилась артиллерийско-минометная поддержка действий партизан; огневые налеты, особенно с использованием реактивной артиллерии, стали самостоятельным методом боевых действий. В случае отказа от внутренних опорных баз возрастало количество рейдовых операций. Резко повысились требования к материально-техническому обеспечению операций, организации управления и взаимодействия.

При организации засад против колонн французских войск на марше по горным дорогам партизанское подразделение АНО делилось обычно на четыре группы: группа атаки, две группы прикрытия, группа резерва. Дорога простреливалась огнем пулеметов и безоткатных орудий, на ней устанавливались управляемые минные заграждения. Организовывалось зенитное прикрытие. В Гвинее — Бисау успешно применялись засады на реках против судов и катеров противника с использованием безоткатных орудий.

Почти везде большое распространение получили диверсии на дорогах, линиях связи и электропередах, нефтепроводах. В Алжире французские власти были вынуждены до минимума сократить движение поездов, а грузовые автоколонны сопровождать конвоями. В ЮАР целенаправленная и планомерная диверсионная деятельность одно время была избрана основной формой борьбы. Бывало и наоборот. В Кении, например, не осуществлено ни одной диверсии, даже на транспорте [740, стр. 90]. Наряду с другими одной из причин, видимо, было отсутствие взрывчатки. Диверсии и саботаж нашли широкое применение в тактике египетских партизан, действовавших против объектов, которые поддерживали жизнедеятельность военной базы в Суэце, особенно против водонасосных станций.

В период интенсивных боевых действий повстанцы успешно осуществляли наступательные действия с различными целями. Наиболее характерными являлись операции по расширению освобожденных зон, прорыву заградительных линий. В Алжире они часто проводились при взаимодействии внутренней и внешней армий, с участием крупных регулярных группировок внеш-

ней АНО, при поддержке минометного огня, подразделений «командос» и инженерных подразделений. Успешный прорыв линии заграждений завершался глубоким рейдом группировки внешней армии в один из районов базирования партизан.

Такой вид наступательных действий, как налеты на посты, аэродромы и другие объекты противника, осада городов и укрепленных пунктов, получил большое распространение в португальских колониях, где дислокация правительственных войск носила очаговый характер.

Разнообразные формы принимали оборонительные действия партизанских сил.

Жесткая оборона встречалась редко, главным образом как средство защиты опорных баз или районов. В Алжире этот способ боевых действий применялся при обороне основной опорной базы в секторе Аррис (горный район Орес — Неменша), где 11 рот в течение нескольких месяцев отбивали упорные атаки 30-тысячной группировки французских войск [321, 1961, № 122, стр. 35—36]. Другой пример — активная оборона о-ва Комо в Гвинее — Бисау, где после 75 дней боев против трехтысячной группировки противника повстанцы прижали колонизаторов к морю и вынудили к отступлению [604, стр. 115—116].

Значительный опыт африканские партизаны накопили в гибкой обороне. Части АНО умело применяли, например, тактику «сжатого и разжатого кулака». Действуя в октябре 1961 г. в лесном районе Монгорно (хребет Варсенис к северо-западу от г. Богари), рота «Субирья» в течение двух месяцев несколько раз расчленялась на мелкие подразделения, которые вновь собирались в нужный момент для нанесения удара. «Субирья» поставила ряд мин, на которых подорвались несколько боевых машин; один из французских отрядов «командос» попал в засаду, в результате которой командир и несколько солдат погибли [321, 1962, № 134, стр. 8]. Такая же тактика применялась АНО для срыва «плана Шаля» [405, стр. 235]. Ее использовали и партизаны Кении, где английские войска на протяжении первых трех лет войны никак не могли нанести решающий удар по лесным районам.

Оборонительная тактика все время совершенствовалась в связи с необходимостью бороться против новейшего вооружения и новой противопартизанской тактики противника. Трудно было организовать борьбу с авиацией, особенно с вертолетами. Алжирцы первыми создали противовоздушную оборону: закупили зенитно-артиллерийские и зенитно-пулеметные установки, обучили войска стрельбе по воздушным целям, наладили с помощью отрядов самообороны постоянное наблюдение за воздухом. Стали предприниматься нападения и огневые налеты на аэродромы и вертодромы противника. Партизаны научились сбивать даже вооруженные вертолеты [321, 1962, № 134, стр. 8]. Предохраняясь от засечки вертолетными патрулями, подразде-

ления АНО действовали рассредоточенно и главным образом ночью [677, стр. 181]. Однако необстрелянные или плохо вооруженные партизанские отряды несли тяжелые потери от современной истребительно-бомбардировочной авиации. Тягостное морально-психологическое воздействие оказали на повстанцев и население террористические действия авиации интервентов в Конго в конце 1964 г. [757, стр. 32].

Партизанские рейды предпринимались в основном для нанесения внезапных ударов по укрепленным базам и аэродромам противника, для прорыва в удаленные от опорных партизанских баз районы, как отвлекающий маневр. Примером может служить рейд ангольских и намибийских партизан против крупнейшей военно-воздушной базы колонизаторов на юге Африки — Каприви, рейды частей МПЛА на территории Кабинды и Северной Анголы [408, стр. 61—65]. Рейды были основной формой боевых действий партизан ЗАПУ — АНК в Родезии. Действуя специальными рейдирующими формированиями, они поставили своеобразный рекорд протяженности и быстроты, пересекая за несколько дней почти всю территорию Родезии и выходя к границе Ботсваны. Глубокие рейды через Сахару предпринимались бойцами АНО в обход заградительных рубежей на верблюдах. В Тропической и Южной Африке рейды совершаются обычно в виде форсированных маршей (за день до 50 км) [215, 1970, № 3, стр. 107].

Партизанская война велась, как правило, в сложных природно-географических условиях: горной местности, джунглях и пустынях. Это накладывало отпечаток на выбор средств и методов борьбы. В горах и джунглях легче организовать базы и обеспечить скрытность операций, в пустынях приходилось прибегать к маневренным действиям. Следует подчеркнуть ошибочность представлений о том, что любой житель Африки способен легко приспособиться к жизни в джунглях. Действия в джунглях требовали от жителей городов напряжения и силы воли, громадных физических усилий, которые мог выдержать лишь специально натренированный человек. В джунглях особенно остро ощущался недостаток медикаментов [408, стр. 119].

Из всех африканских стран только в Гвинее — Бисау, природные условия которой дают основание называть ее «малым Вьетнамом», накоплен опыт партизанских действий на реках. Здесь производятся речные переправы, имеется небольшой партизанский флот.

Как указывалось выше, маневренные методы обычной войны в своеобразной форме использовались во время восстания в восточных провинциях Конго (Леопольдвиль). Скопировав организацию КНА, повстанцы пытались использовать и ее тактику. Огромные пространства, труднопроходимые джунгли привязывали войска к дорогам. Объектом боевых действий становились населенные пункты, многократно переходившие из рук в руки.

Относительная немногочисленность армий обуславливала ограниченные цели операций. К месту боя повстанцы перемещались обычно мобильными колоннами. Транспортом служили конфискованные у частных владельцев и захваченные у КНА грузовые и легковые автомашины, поезда, автодрезины, речные и озерные суда. Управление войсками на дальнем расстоянии осуществлялось по междугородной телефонной, телеграфной и радиосети, которая бесперебойно функционировала по всей территории страны, охваченной восстанием.

Наличие на первом этапе борьбы жесткой дисциплины в войсках, а также использование офицеров и солдат — перебежчиков из КНА позволяли довольно четко проводить переброску на большие расстояния крупных частей НОА. Была выработана тактика захвата городских центров: выделялись передовые группы для устройства завалов на основных дорогах за городом на расстоянии 5—7 км, специальные отряды захватывали аэродром, железнодорожный вокзал, мост или паром через реку, более мелкие подразделения — важнейшие объекты в городе. На последней стадии операции в город вступала основная колонна [790, стр. 379—382].

На совещании конголезских военных руководителей в долине р. Рузизи (декабрь 1965 г.) захват больших городов как стратегическая цель восстания был осужден [335, 8.I.1966]. Представляется, однако, что главная ошибка повстанцев была не в захвате городов (что в известной степени предопределялось развитием самого восстания), а в общей неразработанности его стратегии, в полном неумении организовать оборону городов, аэродромов и отражать нападения воздушных десантов.

Африканские повстанцы использовали и такие способы борьбы, как массовый террор, саботаж, диверсии. Однако методы их применения были различны. Партизанская война в Алжире, как считает Башир Хадж Али, «создавала вокруг колониальной администрации и ее агентов атмосферу всеобщего террора» [227, 1965, № 1, стр. 55]. В ЮАР диверсии и саботаж использовались «Умконтэ ве Сизве» таким образом, чтобы совершенно исключить какие-либо людские жертвы.

Некоторые прогрессивные историки несколько преувеличивают значение массового террора в общем арсенале средств вооруженной борьбы, приписывая ему качества оперативнотактического средства, позволяющего отвлекать крупные силы противника из районов партизанского движения [405, стр. 173; 273, 1970, ноябрь, стр. 10]. В действительности африканский опыт свидетельствует о том, что террор является вспомогательным средством вооруженной борьбы, что без широкой политической работы в массах он не способен возбудить массы и обеспечить их революционный подъем.

Применение указанных способов вооруженной борьбы в

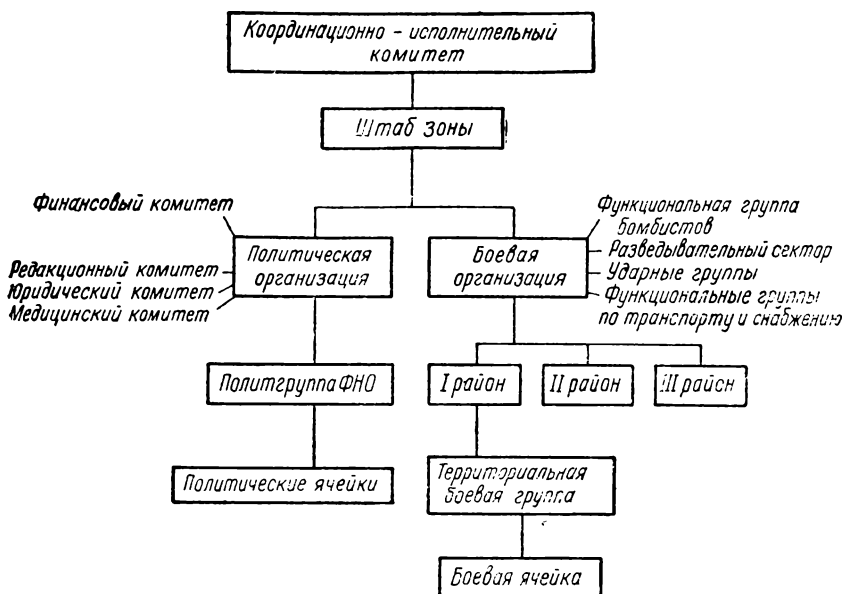
ЮАР, Анголе оказалось малоэффективным и для привлечения внимания мировой общественности. Во-первых, эти действия используются колонизаторами для пропагандистской шумихи, а во-вторых, средства международного политического и дипломатического давления на колониальные державы дают результат тогда, когда они совпадают с активным давлением — политическим или вооруженным — внутри данной колонии или зависимой страны.

Повстанческие действия в городах

Африканские города неоднократно становились ареной вооруженной борьбы в ходе национально-освободительных революций. Борьба за овладение городами, центрами общественно-политической и экономической жизни, составляла важный этап освободительных войн в Алжире, Кении и других странах. Здесь главные города выступали как опорные центры вооруженной борьбы в сельской местности, служили базами, с которых отряды повстанцев снабжались продовольствием, снаряжением, оружием, откуда шел поток добровольцев. Здесь находилось руководство повстанцами. По признанию английского военного историка Дж. Пэйджета, городские базы в Найроби были глубоко законспирированы и их было «чрезвычайно трудно уничтожить» [740, стр. 97]. Действовавшая в крупных городах Алжира политико-административная организация ФНО занималась сбором средств для восстания, изготовлением оружия и боеприпасов, вела разведку и т. п. [677, стр. 192].

Борьба за города оказывала огромное влияние на ход войны. В Кении инициативу в борьбе за города захватили колонизаторы, а со стороны повстанцев было оказано лишь пассивное сопротивление операциям по прочесыванию. В результате при полном отсутствии у кенийцев внешних источников снабжения потеря базы в столице оказалась невозполнимой. В Алжире обстановка сложилась иначе. В первый день восстания вооруженные выступления повстанцев охватили почти весь Алжир, в том числе и города. Затем многие города, за исключением самых крупных, были сознательно включены в зону активных партизанских операций. Наконец, столица Алжира и провинциальные центры сами стали ареной вооруженной борьбы.

Боевые действия в г. Алжире были начаты по решению Суммамского съезда (август 1966 г.) и имели целью вовлечь в вооруженную партизанскую борьбу городские массы и тем самым подвести их к вооруженному восстанию [405, стр. 162—163]. Методом боевых действий была избрана партизанская борьба против войск, полиции, французских колониальных чиновников и коллаборационистов. Для проведения «битвы за г. Алжир» была создана особая автономная зона г. Алжира (АЗА), в бое-

Структура автономной зоны г. Алжира Армии национального освобождения

вой деятельности которой приняли участие до 5 тыс. человек, в том числе шесть боевых групп АКП [там же, стр. 163].

Продолжительное время тактика боевых действий повстанцев в г. Алжире состояла из внезапных нападений: бомбовых налетов, диверсий, групповых и индивидуальных террористических актов, которые готовились и осуществлялись боевыми группами АЗА. При осуществлении террористических актов боевые группы делились на секции: разведки (наблюдения), ударную и прикрытия. Центром боевой деятельности был мусульманский район Касба, где проживало 80 тыс. алжирцев [735, стр. 80], опорой — разветвленная сеть ПАО.

После упорной борьбы, которая длилась почти год и в которой участвовало до 80 тыс. отборных французских войск [273, 1970, ноябрь, стр. 10], АЗА была разгромлена, «битва за г. Алжир» закончилась победой французских империалистов. Как подчеркивала АКП, корни ошибок в борьбе за г. Алжир заключались в отсутствии реального учета соотношения сил, недостаточном знании сил противника и общих условий борьбы в столице. В этой битве руководители борьбы видели лишь ее чисто военную сторону [227, 1965, № 1, стр. 57]. Но сопротивление колонизаторам в городах не прекратилось. После небольшого периода отступления и перегруппировки сил оно вылилось в новые формы борьбы — политические. В 1960 г.

подъем массовой политической борьбы в алжирских городах ознаменовал перелом в войне в пользу ФНО.

В ЮАР крупные города были избраны местом для начала вооруженной борьбы против расистского режима. Серия диверсий и актов саботажа должна была создать невыносимые условия для деятельности иностранных компаний, подорвать экономическую основу режима и привлечь внимание международного общественного мнения. Однако силам повстанцев вскоре был нанесен серьезный удар ввиду провала конспиративной системы командования «Умконто ве Сизве».

Для Африки всеобщее вооруженное восстание было менее характерно, чем партизанская война. Это объяснялось рядом причин: преобладанием сельского населения, незначительной прослойкой рабочего класса, отсутствием в большинстве африканских стран марксистско-ленинских партий, сосредоточением в крупных городах наиболее боеспособных и эффективных карательных войск.

Примером успешного восстания может послужить восстание, направленное на свержение проимпериалистического режима на Занзибаре (январь 1964 г.). Восстание в городе возглавили Афро-ширазская партия и партия «Умма». Успеху способствовали быстрота и решительность действий восставших. На мировую общественность произвела огромное впечатление решимость СССР предотвратить угрозу вооруженной интервенции империалистов на Занзибаре. Советский Союз заявил о признании революционного правительства; МИД СССР решительно потребовал от Англии и США прекратить военные приготовления против молодой республики [225, 29.I.1968].

В столицах африканских государств обычно решалась судьба прогрессивных военных переворотов, опиравшихся на широкие народные массы. Так было в Египте в 1952 г. и в Конго (Браззавиль) в 1963 г. В Конго выступление армии последовало за всеобщей забастовкой в г. Браззавиле, переросшей во всенародное восстание [223, 1966, № 1, стр. 145—146]. Французское правительство по просьбе Ф. Юлу перебросило в столицу 2 тыс. солдат «для поддержания порядка», но было вынуждено отступить перед организованным выступлением городских трудящихся масс [231, 1968, июнь, стр. 24].

В обоих случаях орудием свержения реакционных диктатур выступила армия. Этому предшествовала политическая и военно-техническая подготовка переворота. В Египте, например, она имела целью изоляцию короля и высшего офицерства от верных им кругов в армии. В ряды организации «Свободные офицеры» было привлечено большинство командиров частей и старших офицеров [696, стр. 138], организация установила контроль над крупнейшими гарнизонами страны и («по вертикали») над родами войск: кавалерией, пехотой и артиллерией [495, стр. 270]. В ходе восстания решительные действия войск, дей-

ствовавших по заранее разработанному плану, обеспечили контроль над важнейшими объектами столицы и были поддержаны массами.

В настоящее время национально-освободительные движения в португальских колониях также считают овладение городами важнейшим этапом освободительного движения. Залогом успешной борьбы за города являются совместные боевые действия вооруженных сил повстанцев и городского подполья.

В Южной Африке постоянный рост африканского населения в городах (за десять лет — с 1960 по 1970 г. — оно увеличилось на 1 млн. 400 тыс. человек, или на 25% [351, 19.IX. 1970]), усиление капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации ведут к нарастанию революционного подъема, для которого нет выхода в легальных формах борьбы ввиду яростного сопротивления правящих кругов ЮАР любым требованиям демократизации общественной жизни.

Африканский опыт опровергает измышления маоистов о «контрреволюционной» роли города, о том, что он может якобы служить лишь базой снабжения повстанцев-крестьян. Городское население — представители городской мелкой буржуазии и, самое главное, рабочие играют, как правило, ведущую роль в национально-освободительных революциях. Рабочие показали себя самыми стойкими бойцами народно-освободительных армий в португальских колониях, на юге Африки — везде, где имелись хоть сколько-нибудь значительные индустриальные центры. В Египте центрами освободительной борьбы против английских колонизаторов, особенно на заключительном этапе, были крупнейшие города страны.

Типы военной организации повстанцев. Вооружение и подготовка кадров

Военная организация повстанцев, как правило, состояла из боевой и политической (политико-административной) организаций.

Наиболее сложный характер имела организация Фронта национального освобождения Алжира. В ее состав входили: АНО (внешняя и внутренняя армии), политико-административная организация (ПАО), в составе которой также имелись партизанские отряды и боевые группы. При этом АНО контролировала и направляла деятельность ПАО [369, 1968, № 6, стр. 685]. В Гвинее — Бисау, Анголе, Мозамбике военная организация характеризовалась единством партийного, военного и административного руководства. ПАИГК, например, в лице своего руководящего органа — Политбюро (после 1970 г. — Высший совет борьбы) — осуществляет непосредственное руководство вооруженными силами, партизанскими отрядами и администра-

тивной системой — комитетами деревень. В Мозамбике и Анголе военные руководители являются заместителями председателей провинций, а административная и военная структуры существуют параллельно под общим руководством партии [393, стр. 174]. Неустановившейся расплывчатой структурой обладала военная организация повстанцев Конго. Народно-освободительная армия Конго формально подчинялась правительственным органам (центральной и местным); взаимоотношения с партией НДК — Лумумба были весьма напряженными. В Кении военная организация состояла из боевого и «пассивного» крыла; основу движения составляла не политическая партия, а тайное общество «Мау Мау».

Организация повстанческих вооруженных сил строилась в соответствии с характером военных действий.

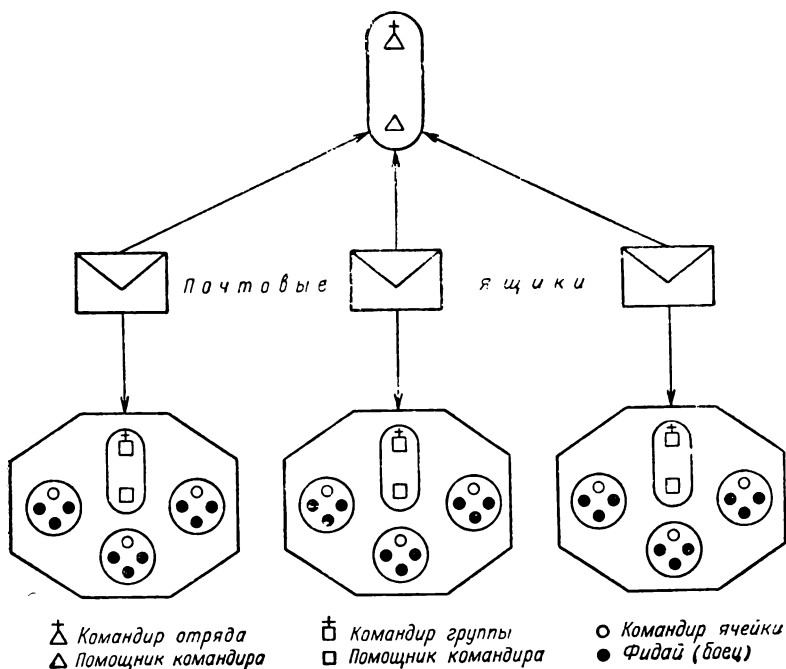
В Алжире, Гвинее — Бисау, Мозамбике, Анголе и других странах, где развернулись общенациональные партизанские войны, вооруженные силы обычно имели двойную структуру. Для удобства оперативного руководства боевыми действиями территория страны делилась на округа (фронты, командования), чаще всего совпадавшие с географическими, этническими или экономическими районами. Каждый округ делился на зоны, а те в свою очередь на районы и сектора. Вооруженные силы повстанцев состояли из трех элементов: части и подразделения регулярной армии, партизанские отряды, силы внутреннего сопротивления (отряды самообороны в деревнях, подпольные и боевые группы в городах).

Как правило, наиболее крупной единицей регулярной армии был батальон (Алжир, Мозамбик), который в свою очередь делился на роты (отряды), взводы, группы. Основным тактическим подразделением в условиях партизанской войны в Алжире была рота трехвзводного состава численностью до 110 человек [663, стр. 39], у партизан Гвинеи — Бисау — бигруппа из 50 — 60 партизан [604, стр. 124—128]. Очаговый характер дислокации конголезских партизан в провинции Киву позволял организовать широкий маневр силами в ходе боев с высокоподвижными, но относительно небольшими по численности частями и подразделениями противника⁸.

Части и подразделения регулярной армии действовали обычно по указаниям главных штабов, хотя степень централизации была различной. В Алжире большинство подразделений были местными и действовали, как правило, в пределах одного округа или сектора [677, стр. 181]⁹. В Гвинее — Бисау бигруппа могла

⁸ В конце июля 1965 г. в районе Увири — Физи действовал «Восточный фронт» Народно-освободительной армии Конго в составе двух бригад (девять батальонов) [165, стр. 141—142, 147].

⁹ Внешняя армия АНО была организована по принципу полевой армии бригадного состава, но в боях участвовали группировки, не превышавшие численности усиленного полка.

Организация городского повстанческого отряда фидаев (г. Алжир)

действовать лишь по распоряжению или с разрешения центрального командования. При проведении крупных операций бигруппы объединялись в боевую группировку любого состава [604, стр. 125—148].

Партизанские отряды на начальных этапах борьбы являлись основной вооруженной силой, а после образования регулярной армии — ее постоянным резервом и базой комплектования. На партизанский отряд возлагалась оборона деревни, в которой он базировался; он мог также принимать участие в боевых действиях совместно с регулярной армией. В бою отряд делился на группы или, наоборот, несколько отрядов сводились в соединения [215, 1970, № 3, стр. 106].

Существовали партизанские отряды особого назначения — рейдово-диверсионные. Их боевая подготовка и характер действий были сходны с действиями подразделений «командос», в которые отбираются обычно молодые, наиболее подготовленные и тщательно проверенные бойцы [807, стр. 201].

Отряды самообороны в деревнях создавались из всех способных носить оружие граждан. В их задачу входило наблюдение за воздухом, организация разведки, оборона деревни в случае внезапного нападения противника, переноска грузов.

Повстанческие силы чаще всего комплектовались на добро-

вольной основе. Но алжирские повстанцы настояли на мобилизации своих соотечественников, проживавших в Марокко, а в Конго (Леопольдвиль) была предпринята попытка осуществить мобилизацию, когда шансы восстания на успех стали падать [663, стр. 33; 790, стр. 312—313]. Боевые действия повстанцев часто поддерживались отрядами племен, вооруженными лишь традиционным оружием. В Тропической Африке это были по преимуществу жители глубинных лесных районов, в Северной Африке — кочевники Сахары.

подавляющее большинство воинов составляла молодежь от 15 до 25, реже до 30 лет. В отдельных странах была велика численность женщин в освободительном движении (до 30%). В Мозамбике существуют специальные женские отряды, которые, по мнению Э. Мондлане, помогали вести за собой молодежь [719, стр. 147].

Несколько особое место среди национально-освободительных армий послевоенной Африки занимала армия НОА Конго (Леопольдвиль) (1964—1965 гг.), которую повстанцы пытались организовать в соответствии с потребностями маневренной войны. За основу ее организации была принята структура КНА [790, стр. 633]. Основной тактической единицей считался батальон четырехротного состава (в том числе одна рота тяжелого оружия) со штабом из пяти человек [789, стр. 468—469]. Численность батальонов не была стабильной, в отдельных случаях доходила до 300 человек [790, стр. 506]. Оперативное руководство было сосредоточено в бригадах и группах. Последние точно соответствовали границам округов КНА [790, стр. 502].

Фактически организация боевых действий в восточных провинциях Конго ложилась на бригаду, которая, как правило, состояла из трех элементов: гарнизонных частей, оперативных частей и заградительных отрядов [там же, стр. 546]¹⁰. Оперативные части принимали участие в боях как внутри провинции, на которой базировалась бригада, так и за ее пределами. Однако простое копирование организации КНА не могло принести и не принесло успеха. У повстанческих командиров не было ни знаний, ни навыков в организации и ведении наступательного и оборонительного общевойскового боя. Этих навыков, кстати, не имели и переходившие на сторону повстанцев офицеры КНА. Отсюда недостатки в тактике: наступательные действия велись в основном колоннами произвольного состава, главная тяжесть обороны была возложена на заградительные отряды [там же, стр. 533, 542, 506], которые справиться с нею не могли. После поражения в боях с интервентами и наемниками в конце 1964 г. повстанцы перешли к партизанским формам организации.

¹⁰ Заградительные отряды — формирования, создававшиеся в каждом населенном пункте для перекрытия дорог. Комплектовались из симба и местной молодежи. Отсутствие вооружения, машин и радиостанций — таковы причины, мешавшие координации их действий и лишавшие их боевой эффективности [790, стр. 506].

В период колониального господства империалисты «предохраняли» колонии от экспорта туда оружия. «Брешь» в этой политике пробила вторая мировая война: после боевых действий в Северной и Восточной Африке на местности и у населения осталось значительное количество вооружения [189, 1965, № 1, стр. 45]. Другим источником добывания оружия была его экспроприация у местного европейского населения, полицейских и военнослужащих. Однако, как правило, оружия не доставало. Поэтому многие отряды повстанцев в Кении, Конго, Анголе были вооружены копьями, луками, стрелами, садовыми ножами, велосипедными цепями. Повстанческие отряды на Мадагаскаре так и назывались «копьемосцами». Борьба за захват оружия была настолько острой, что португальцы, например, привязывали личное оружие к поясу, а пулеметы и базуки приковывали к автомашинам и бронетранспортерам. Широко применялось самодельное оружие — ружья-самопалы и гранаты.

Снабжение оружием шло в основном из иностранных источников, в первую очередь из социалистических государств. Уже АНО была вооружена современным оружием — автоматическими винтовками, легкими и тяжелыми пулеметами, разнообразными минами, вплоть до магнитных. Вооружение повстанческих подразделений в 60-е годы состояло из автоматов, легких и тяжелых пулеметов, безоткатных и малокалиберных орудий. Вооружение одной группы (Гвинея — Бисау) состояло примерно из 9 автоматов, гранатометов, нескольких пулеметов и винтовок [604, стр. 125—126]. Широко применение получили 80-мм, 82-мм и 106-мм минометы. За последнее время появились переносные реактивные установки. Для защиты освобожденных деревень и посевов от налетов авиации применяются обычные и счетверенные зенитно-пулеметные и малокалиберные зенитно-артиллерийские установки [604, стр. 22]. Для ведения огня по воздушным целям используются также тяжелые станковые пулеметы [231, 1970, май, стр. 14]. Получили распространение и портативные радиостанции.

Внедрение на вооружение артиллерийских и безоткатных орудий, зенитной артиллерии, средств радиосвязи и другой техники вызвало появление специальных подразделений и служб.

Ряд зарубежных исследователей отмечают большие способности африканцев в овладении автоматическим оружием, однако проблема общей военной подготовки кадров, особенно командных, все время усложняется. Постоянно растут требования к военно-технической подготовке бойца. В Алжире боевая подготовка партизан велась на базах и опорных пунктах. Сейчас, когда большинство африканцев не проходят службы в армии, без подготовки на базах обойтись невозможно. Эта подготовка складывается из первоначального обучения на опорных базах внутри страны или за границей, а также из учебно-боевой подготовки в местах дислокации партизан. Первоначальное

обучение включает: политическое образование, уход за оружием и обращение с ним, элементарные знания по тактике партизанской борьбы [573, стр. 106]. Командный состав готовится за границей.

Таким образом, опыт боевых действий в Африке показывает, как важно для повстанцев быть хорошо вооруженными и умело использовать свое оружие. Лозунг маоистов «об опоре на собственные силы» в развертывании вооруженной борьбы ведет на практике к разоружению повстанцев перед лицом превосходящих сил противника. Добывание оружия в ходе борьбы не может полностью обеспечить потребности движения. По мере естественного уменьшения числа лиц, обладающих военным опытом, возрастало значение подготовки боевых и командных кадров.

Политическая работа в повстанческих армиях

Политическую работу среди повстанцев осуществляли революционно-демократические партии: ФНО, ПАИГК, ФРЕЛИМО, МПЛА, АНК, ЗАПУ. Политическая пропаганда велась также среди повстанцев Конго (Леопольдвиль). Политическую работу направляли руководящие партийные органы, в составе которых имелись соответствующие отделы. Общая пропаганда, объектом которой служило как население, так и бойцы вооруженных сил, проводилась через специальные радиопередатчики, имевшиеся у АНО («Голос свободного Алжира»), ПАИГК, ФРЕЛИМО, а также при помощи радиостанций дружественных африканских стран — Каирского радио, Радио Алжира, Конакри, Радио Сенегала, Радио Мавритании и т. д. Началу работы «Голоса свободного Алжира» предшествовала разъяснительная кампания среди населения, которое до этого бойкотировало передачи французского радио.

Партийные органы издавали за границей и распространяли в странах, где шла вооруженная борьба, журналы, газеты, информационные бюллетени, сводки, брошюры, учебники. Широкая популярность приобрели такие повстанческие издания, как «Эль-Муджахид» (Алжир), «25 сентября» (Мозамбик), «Сечаба» (ЮАР) и т. п. Правительство Конго в Стэнливиле выпускало газету «Мартир».

Большую роль в политическом образовании личного состава играло изучение программных и других официальных документов революционно-демократических партий. Важной предварительной ступенью в политическом образовании личного состава национально-освободительных сил являлось обучение его грамоте.

Пропагандистская работа и политическая агитация принимали различные формы. Почти во всех национально-освободи-

тельных вооруженных силах, исключая Кению и Мадагаскар, существовали институты политических комиссаров, на которых возлагалась работа с военнослужащими и населением. В АНО политический комиссар вместе с командиром и его помощником по военным вопросам составляли «тройку», принимавшую коллективные решения [663, стр. 39]. Особенно эффективный характер носит политическая работа среди населения в Гвинее — Бисау, которую проводят местные комиссары по работе среди населения и бригады политического действия [304, 1973, январь, стр. 18].

Важной частью политической деятельности является работа по разложению войск колонизаторов.

В Кении контакты повстанцев «Мау Мау» с солдатами колониальных сил были крайне затруднены, что объяснялось как трибалистскими противоречиями между повстанцами-кикуйю и королевскими африканскими стрелками, комплектовавшимися из племен камба, нанди, кипсигис, туркана, сомали, так и контрпропагандой англичан, которые прививали солдатам мысль, что кикуйю хотят якобы сами править всеми остальными африканцами [550, стр. 437]. Тем не менее, как свидетельствует Варухиу Итоте, африканские солдаты нередко оказывали пассивную поддержку повстанцам: не стреляли в них во время «прочесываний», собирали для партизан боеприпасы [666, стр. 90].

В ходе войны в Алжире АНО вела большую работу среди сержантов и солдат вспомогательных алжирских частей, входивших в состав французских вооруженных сил. Эта работа давала большие плоды, способствуя ведению разведки, борьбе с коллаборационистами, подрыву военных усилий французского командования.

В настоящее время особое внимание разложению войск колонизаторов придается руководством повстанческих сил в португальских колониях. Немалые результаты достигнуты в пропаганде среди солдат и молодых офицеров португальцев, а в последнее время и среди вовлекаемых в португальскую армию «цветных» и африканцев. Большое влияние на морально-психологическое состояние «африканских рот» оказывают поражения, понесенные ими в боях с ФАРП, и уничтожение их командиров [304, 1973, январь, стр. 18].

Неоценимую помощь в разоблачении несправедливого характера колониальных войн оказывали и оказывают коммунистические партии стран-метрополий, прогрессивные круги этих стран.

Характерным примером является поддержка алжирской революции Французской коммунистической партией. Несмотря на жесткую военную цензуру, постоянную опасность быть закрытой, печать ФКП на всем протяжении войны активно выступала против репрессивной политики правительства, за достижение соглашения о предоставлении Алжиру независимости. «Юмани-

те» и другие коммунистические газеты гневно клеймили кровавые преступления колонизаторов. О степени недовольства правительства деятельностью коммунистической печати говорят следующие цифры. За время войны коммунистические издания конфисковывались 65 раз, дело о них передавалось в суд 313 раз. Выпуск «Юманите» прекращался 27 раз, против нее было возбуждено 117 судебных дел. За правдивое освещение событий специальный корреспондент газеты был арестован и выслан из Алжира [255, 1972, № 26, стр. 53].

С началом «холодной войны» в 1949 г. коммунистические газеты в армии были запрещены. Несмотря на это, А. Жерсон, член секретариата Парижской федерации ФКП, был командирован в Алжир, где совместно с алжирскими коммунистами в сентябре 1955 г. выпустил первый номер газеты «Голос солдата», адресуемый солдатам и офицерам французской армии. В ней разоблачался колониальный характер войны в Алжире, солдаты призывались продолжить на алжирской земле борьбу рабочего класса и французского народа за мир, независимость и дружбу между алжирским и французским народами. Тираж этой популярной газеты достиг 80 тыс. экземпляров, но сам А. Жерсон был арестован и подвергнут пыткам [там же, стр. 56].

На заключительном этапе войны коммунисты провели огромную работу среди солдат-призывников. Выпускалось большое количество подпольных солдатских газет, среди которых «Солдат Франции», «Морская пехота Франции», «Парашютист». Они выходили под заголовками: «Долой войну!», «Народ недоволен вами, солдаты!», сообщали об отказе солдат драться с алжирцами.

В период «путча генералов» эти газеты провозглашали требования роспуска наемных парашютных и других «элитарных» частей, ареста предателей-офицеров [там же, стр. 67—69].

Особенности военных действий национальных армий при отражении агрессии империализма

Борьба народов африканских независимых государств по отражению открытой империалистической агрессии принимала различные формы. Это была борьба с вторжением крупных капиталистических держав в Египет (1956 г.), в Тунис (1961 г.); сопротивление египетского народа вооруженной агрессии «малого» империалистического государства (1967 г.); сопротивление так называемым акциям возмездия («превентивным ударам»), которые «малые» империалистические державы Португалия, ЮАР, Израиль в широких масштабах применяют против стран, оказывающих помощь национально-освободительным движениям (провокационные налеты, вылазки, обстрелы, бомбардировки с воздуха Танзании, Замбии, Сенегала, Гвинеи, Египта).

Регулярные боевые действия национальных армий против вооруженных сил империалистических государств показали, что этим армиям приходится преодолевать значительные трудности в организации эффективного отпора агрессору.

Опыт показал, что вооруженная агрессия империалистов осуществляется, как правило, превосходящими силами и средствами, с применением новейшей военной техники, в соответствии с тщательно разработанными военно-политическими планами. Ей сопутствует оперативно-тактическая а подчас и стратегическая внезапность, на применении которой, в частности, основана доктрина «необлицкрига» израильской армии.

Империалисты использовали различные способы развязывания войны: как путем вторжения агрессивных сил через сухопутные границы страны, так и путем высадки крупных воздушных и морских десантов на территории независимого государства. Для боевых действий весьма характерны быстротечность операций, массирование сил и средств на направлении главного удара и обеспечение таким образом 4—5-кратного превосходства с целью разгрома основных сил противника.

В агрессивных войнах интервенты применяли вполне современные средства вооруженной борьбы — от автоматического стрелкового до ракетного оружия, авиации, танков. Практически в боевых действиях принимали участие все виды вооруженных сил — сухопутные войска, ВВС, ВМС. Основную роль играли действия сухопутных войск, в первую очередь пехотных и бронетанковых соединений. В то же время выявилась тенденция ко все большему применению военно-воздушных сил, которые используются для нанесения первого удара по аэродромам, а также для авиационной поддержки сухопутных войск¹¹. Характерно, однако, что основную роль в боевых действиях играла самолетная авиация. Применение вертолетов ограничивалось транспортными и другими вспомогательными задачами.

Военные действия в ограниченных войнах носили в основном маневренный характер и отличались быстрой сменой обстановки, действиями подвижных соединений, значительным количеством встречных боев, ночными боями.

В ходе ограниченных войн выявились существенные недостатки в подготовке и организации вооруженного сопротивления империалистическому агрессору, которые были вызваны как объективными, так и субъективными причинами.

Вооруженная борьба против империалистической агрессии показала, что современная регулярная война, даже ограничен-

¹¹ О внимании, которое государства-агрессоры уделяют развитию ВВС, свидетельствует такой пример: с 1967 по 1972 г. ассигнования на военно-воздушные силы в бюджете Израиля возросли в 5 раз и, по заявлению его руководящих деятелей, будут расти в «беспрецедентных масштабах» [222, 26.1.1972].

ного характера, предъявляет высокие требования к боевой готовности и боеспособности армии, ее моральному духу, а следовательно, и к боевой и политической подготовке. Боевая мощь вооруженных сил неотделима от общего социального, экономического и культурного уровня развития страны. Для формирования этой мощи нужна повседневная, целеустремленная, сознательная деятельность революционно-демократической партии, правительства и всего народа по укреплению обороноспособности страны, поддержанию тесных связей со странами социалистического содружества.

Опыт показал также, что отражение империалистической агрессии требует высокого уровня военного руководства: управления войсками, организации взаимодействия, знания и глубокого понимания офицерским составом основ современного общевойскового боя, оперативного искусства, проблем военной стратегии.

В этой связи следует вспомнить просчеты в строительстве вооруженных сил Египта между 1956 и 1967 гг. Хотя сразу после революции в египетской армии были уволены в отставку реакционно настроенные генералы и офицеры, ликвидирована кастовость офицерского корпуса, отменены телесные наказания и другие проявления существовавшей в старой армии палочной дисциплины, однако было сделано не все. Армия искусственно отгораживалась от народа и его жизни, внедрение новой техники не сопровождалось соответствующей подготовкой личного состава, воспитанием у него уверенности в этой технике. Жизнь армии не была пронизана эффективной политической работой, а классовая грань между офицерами и рядовым составом в ряде случаев искусственно поддерживалась высшим армейским руководством.

Конкретный опыт арабо-израильской войны 1967 г. показал серьезный разрыв между современным вооружением армий молодых арабских государств и уровнем их боевой готовности; этот разрыв нашел проявление, как пишет об этом западная печать и признают сами арабские руководители, в недооценке вооруженных сил Израиля как потенциального противника, в недостаточной подготовке вооруженных сил, слабом знании солдатами и офицерами боевой техники и неумении действовать самостоятельно, в отсутствии твердого руководства боевыми действиями войск со стороны офицеров и высшего военного командования.

Успешно сопротивляться агрессору можно лишь в том случае, если армия молодого независимого государства добьется высокой степени владения современным оружием; будет умело использовать разнообразные огневые средства для организации всех видов огневой поддержки наступления, устойчивой противотанковой и противовоздушной обороны; будет готовой к позиционной и маневренной обороне, к быстрой смене одних форм

боя другими. Для сухопутных войск и фронтовой авиации важно уметь вести бой в особых условиях — ночью, на марше, при отражении морских и воздушных десантов.

Предотвратить внезапное нападение противника на тылы и базовые аэродромы ВВС страны можно при условии хорошо поставленной разведки, знании особенностей боевых действий предполагаемого противника, хорошо налаженной службе оповещения и связи. Залогом успешной обороны против агрессии является наличие современной противовоздушной обороны страны. Высокий уровень стратегической готовности, оперативно-тактической подготовки армии обуславливается такими объективными факторами, как политическая и морально-психологическая подготовка вооруженных сил, общий кругозор и профессиональная подготовка офицерского и высшего командного состава, грамотность и обученность рядовых и сержантов.

На моральный дух армии в свою очередь оказывает огромное влияние поддержка народными массами целей и задач освободительной борьбы. Мощные выступления трудящихся Каира в июне 1967 г. в поддержку президента Г. А. Насера показали, что развивающиеся государства обладают огромными морально-политическими возможностями.

Выбор оптимальной модели вооруженных сил (численность, структура, вооружение) — очень сложная проблема, так как эффективному развитию военного потенциала развивающихся стран мешает слабость военно-экономической базы, общая культурная и техническая отсталость. Тем не менее сказанное выше убеждает в том, что эти страны нуждаются в достаточно развитых вооруженных силах. Определяющим фактором при этом служат размеры и характер той военной угрозы, перед которой находится это государство.

Крупные государства Африки, обладающие значительным населением, территорией и относительно развитой промышленной базой, идут по пути создания современных вооруженных сил и военной промышленности.

В Арабской Республике Египет действия, призванные повысить боевую способность и готовность вооруженных сил, складывались из следующих мероприятий. Во-первых, под давлением народных масс из рядов армии были уволены те представители военной верхушки, которые, по словам Г. А. Насера, считали, что успешный переворот дает им монополию на власть и право на привилегии.

Проведена реорганизация руководства вопросами обороны. С этой целью под председательством президента был создан Национальный совет обороны (НСО), в задачу которого входит координация действий правительства в политической и военной областях. НСО является высшим органом государственной власти, ответственным за стратегическое планирование и безопасность страны [222, 20.XI.1970].

С помощью Советского Союза египетская армия переоснастилась современным вооружением и различными видами боевой техники. Создана система противовоздушной обороны (ПВО) страны. Военные действия, в которых участвовали египетские войска до августа 1970 г., когда было достигнуто соглашение о прекращении огня, показали возросшую боевую активность пехотных частей и подразделений, армии в целом и ее ПВО [222, I.V.1970; 23.VII.1970].

Таким образом, преобладающей тенденцией в военном строительстве АРЕ стало создание регулярной армии, комплектуемой по принципу всеобщей воинской обязанности. В ее структуре преобладают развитые сухопутные силы с сильными бронетанковыми войсками, современная авиация и ПВО. Такой же принцип с некоторыми отклонениями, вызванными различиями в характере потенциальной военной угрозы, положен в основу вооруженных сил Алжира и других стран.

Применение партизанских действий как одного из средств борьбы против империалистической агрессии было характерно для доктринальных взглядов некоторых арабских армий. Так, партизанская война рассматривалась как возможный этап борьбы против англо-франко-израильского вторжения в Египет в 1956 г. [697, стр. 533—534]. Однако практически партизанская борьба развернулась лишь в Порт-Саиде.

В общем плане обороны Египта войска и население Порт-Саида должны были путем партизанских действий наносить тревожащие удары по коммуникациям противника. Для обороны города от воздушного и морского десанта были выделены два резервных батальона. Две роты регулярных войск в ходе боя должны были сменить форму и смешаться с населением; посланный эшелон с оружием должен был вооружить население [там же, стр. 598]. Подобная тактика принесла определенный эффект. Группы сопротивления организовывались вокруг каждого миномета или базуки, а особенно вокруг четырех самоходных орудий. Английским солдатам приходилось прочесывать улицу за улицей, дом за домом, вести борьбу со снайперами и молодежными отрядами [там же, стр. 619].

Однако в целом партизанская борьба имела вспомогательное значение, подчиненное ходу борьбы на фронтах. Поэтому принятие в качестве «образца» для развивающихся стран армии полупартизанского типа, которую настойчиво навязывают им китайские руководители, по сути дела, привело бы к подрыву боеспособности молодых национальных армий.

В некоторых странах, например в Гвинейской Республике и Танзании, предпринимались попытки вообще отказаться от кадровой регулярной армии как обременительной для их экономики [231, 1965, октябрь]. Опыт показал, что полный переход к милиционной системе себя не оправдывает. Постоянная армия служит опорой государственного строя, носителем военного

и военно-технического опыта. Без ее помощи организовать подготовку населения к вооруженной борьбе практически невозможно.

§ 3. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ИМПЕРИАЛИЗМА В АФРИКЕ

Эволюция военно-колониальной стратегии империализма в Африке

Военно-колониальная политика и стратегия империализма прошла в послевоенные годы сложный путь развития, который, хотя и условно, можно подразделить на три этапа. Первый этап — первые послевоенные годы, когда колониальные империалистические державы действовали против освободительных сил в соответствии со стратегией так называемого длительного присутствия своих вооруженных сил в колониях. Основные задачи по подавлению национально-освободительных восстаний решались в ходе колониальных войн расположенными в колониях войсками, которые в случае необходимости усиливались резервами из метрополии или других колоний. Вооруженный конфликт развивался обычно в пределах одной территории. Географическая изоляция затрудняла оказание непосредственной помощи извне.

Второй этап военно-колониальной стратегии империализма в Африке был обусловлен изменившимся соотношением сил на мировой арене в пользу социализма и освобождением целого ряда африканских стран, что изменило также соотношение сил между колонизаторами и освободительным движением на Африканском континенте. На первый план выдвинулись доктрины «мобильной обороны» распадающихся колониальных империй, призванные обеспечить вооруженную поддержку приходу к власти в освобождающихся странах угодных неокOLONИализму марионеточных режимов. Целью военно-колониальной стратегии империализма в том или ином районе или стране отныне стала ликвидация нарушенного соотношения сил в пользу империализма либо путем свержения правительства, идущего по пути прогрессивного развития, либо путем подавления национально-освободительного движения [см. 394, стр. 17]. В рамках стратегии «гибкого реагирования» усиливалось вмешательство в дела Африки американского империализма. Агрессивные действия империализма против неугодных ему режимов приобретают коллективный характер и осуществляются в форме ограниченных (локальных) войн и противоповстанческих войн, отличающихся особой агрессивностью. Уже на этом этапе активными союзниками неокOLONИализма выступают «малые» империалистические страны — Португалия, ЮАР, Израиль.

Третий этап военно-колониальной стратегии империализма,

начавшийся в 70-х годах, выпадает из хронологических рамок данной книги. Тем не менее ряд отличающих его черт был присущ и предыдущим этапам. На этом этапе происходит начавшаяся значительно раньше интеграция военно-колониальных доктрин империалистических держав с контрреволюционной доктриной США. На смену фактически распавшейся вместе с колониальной системой империализма системе военно-колониального господства капитала приходят военные формы неокOLONиализма, концентрированным выражением которых являются противоповстанческие действия империализма, ставшие неотъемлемой частью его военно-политических доктрин.

Система экспорта контрреволюции в развивающиеся страны Африки приобретает разветвленный и в то же время замаскированный характер. Военно-колониальная стратегия империализма рассчитана на максимально быстрое подавление возникшего в какой-либо стране Африки (равно как и в других странах «третьего мира») активного сопротивления империализму. Сделан упор на переброску по воздуху или морем войск, специально обученных карательным акциям. Действия этих войск опираются на систему военных баз и военных маршрутов.

Все сильнее проявляется стремление империализма как можно шире привлекать к участию в военном подавлении национально-освободительного движения своих союзников и реакционные элементы в развивающихся странах Африки.

Характерной особенностью современной обстановки является то, что в связи с ростом сил социализма и прогресса правящие круги США и других империалистических держав вынуждены были признать несостоятельность ставки только на военную силу в борьбе против национально-освободительного движения. Отсюда — некоторые изменения в способах и формах борьбы против национально-освободительного движения.

Это прежде всего изменение критериев в оценке ограниченных войн. Если раньше главными критериями таких войн считались цели, пространство, размеры применяемой силы, то теперь на первое место выдвигается время — достижение военного решения в максимально короткие сроки, т. е. «необлицкриг» израильской агрессии 1967 г. официально признается наиболее приемлемой формой ограниченной войны.

Другое «нововведение» — это сосредоточение основных военных усилий на создании выгодных для империализма социально-политических и стратегических ситуаций и явлений. Примеры подобного рода действий достаточно многочисленны — это политика «возмездия» Израиля, рассчитанная на поддержание в районе Ближнего Востока постоянной военной напряженности, вооруженные акции ЮАР и Южной Родезии против Замбии и Танзании, вооруженные налеты португальских колонизаторов на Сенегал и Гвинею.

Особенностью современного этапа в Африке является и то,

что империалисты продолжают затяжные колониальные войны в португальских колониях, не желая расстаться с последним оплотом колониализма.

Стратегия империализма при подавлении национально-освободительных восстаний и войн

На примере боевых действий империалистических армий против национально-освободительных сил в Африке довольно наглядно прослеживается также эволюция методов контрреволюционной войны, применяемых империализмом в колониях и бывших колониях.

В первые послевоенные годы вооруженные силы колонизаторов опирались в борьбе с национально-освободительным движением на стратегию и тактику, разработанную в соответствии с опытом захватнических колониальных войн и подавления первых антиколониальных восстаний. В их основу была положена идея изоляции и локализации очага восстания, военного разгрома повстанческих сил и «закрепления» успеха путем массовых репрессий против гражданского населения.

Именно так действовало командование карательными войсками на о-ве Мадагаскар в 1947 г., а также на начальных этапах боевых действий в Алжире и Кении. Стихийный характер восстания на Мадагаскаре, отсутствие централизованного политического и военного руководства позволили французам отсечь район восстания от моря и не допустить распространения его на соседние территории и города страны. Затем зона восстания была расчленена, и повстанцев постепенно вытеснили в малонаселенные районы острова путем действия патрулей, мобильных колонн и операций по прочесыванию. Там их ждало либо уничтожение, либо голодная смерть. Неудачи, которые стали терпеть каратели, встретившись с активными действиями повстанцев в ходе освободительных войн в Кении и Алжире, заставили колонизаторов применить методы противопартизанской войны, разработанные и использованные впервые английским и французским военным командованием в Малайе [740, стр. 43—75] и Вьетнаме [677, стр. 91, 94—95].

Многочисленные теории противопартизанских действий пытаются представить эти методы как чуть ли не отказ от вооруженных способов подавления в пользу политических мероприятий [633, стр. 9]. В действительности задача военного подавления национально-освободительного восстания в теориях, разрабатывающих подобные действия, никогда не снималась. «Цель военных действий,— пишет полковник Пэйджет,— это обычно скорейший разгром или нейтрализация повстанцев» [740, стр. 156]. При их разработке в полной мере был учтен «опыт» карательных действий германской и японской военщины против партизан в годы второй мировой войны.

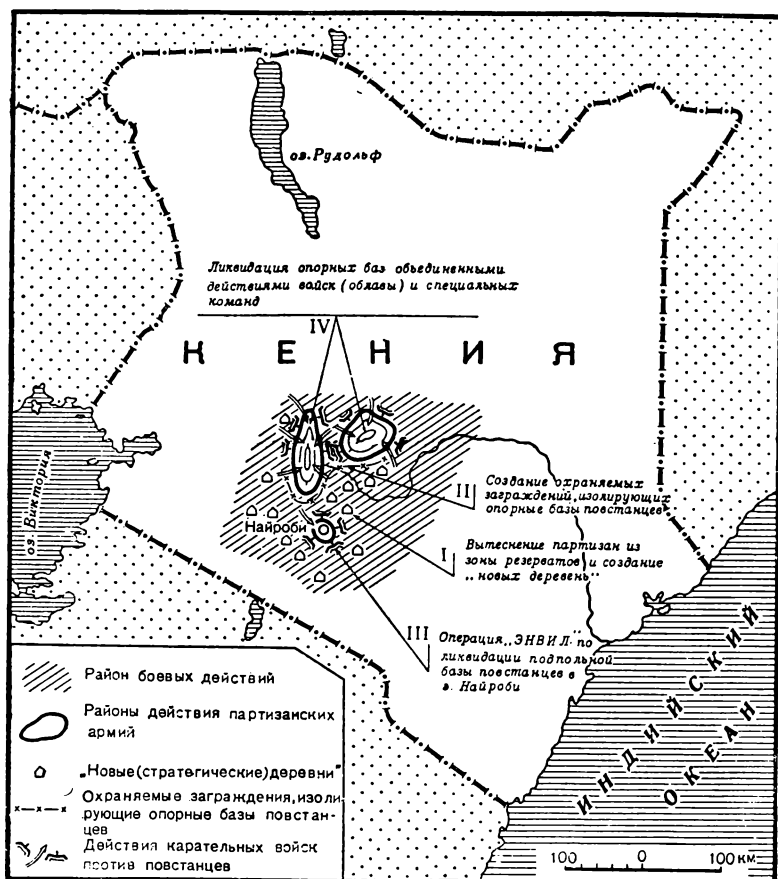
Особенность противопартизанских теорий и доктрин состояла в признании политического характера повстанческого движения, а также того факта, что сила повстанцев — в их связи с народными массами. Поэтому вооруженным силам вменялось в задачу разрушение этих контактов, полная изоляция повстанцев от местного населения — физическая и идеологическая, а затем разгром их политической и военной организации. Физическая изоляция должна была достигаться созданием «стратегических деревень» (центров перегруппировки), идеологическая — ведением психологической войны.

Боевые действия против колонизаторов в послевоенный период в большинстве стран Африки, как отмечалось выше, приняли форму партизанской войны. Поэтому военное командование при стратегическом планировании, исходя из требований противопартизанской войны, стремилось прежде всего путем организации сухопутной, морской и воздушной блокады изолировать всю страну или район партизанских действий от источников снабжения — как внешних (сопредельные страны), так и внутренних (крупные города). Затем создавалась сеть укрепленных опорных пунктов и гарнизонов, которая должна была лишить партизан возможности маневра и сковать их силы в опорных базах. Путем уничтожения национальных политических организаций, их подпольной сети, активным ведением психологической войны предполагалось нарушить связи между народными массами и партизанами, подорвать моральный дух последних.

Наконец, действия маневренных войсковых оперативных групп должны были уничтожить опорные базы партизан, их подвижные соединения и отряды [169; 170; 171].

Выполнить эти задачи считалось возможным при условии единства политических решений и действий военного командования, для чего в колонии, как правило, создавалось объединенное военно-административное руководство. Не менее важным условием была эффективная разведка, позволяющая постоянно иметь исчерпывающие сведения о повстанцах. Высокой подвижности партизанских сил противопоставлялась стратегическая и тактическая мобильность «сил безопасности». Специальная подготовка войск для ведения противопартизанской войны была призвана свести на нет тактические преимущества партизан [740, стр. 157].

Наряду с общими взглядами на противоповстанческие и противопартизанские действия в разных империалистических армиях существовал и ряд особенностей. В английских колониях роль армии в психологической войне ограничивалась преимущественно репрессиями против населения, его переселением, осуществлением голодной блокады, обучением «внутренней стражи»; вопросами идеологической обработки населения и бывших партизан занимались другие правительственные организации, церковь и примыкающие к ней ассоциации [там же, стр. 169].

Этапы контрпартизанских действий при подавлении восстания «Мау Мау»

Во французских колониях — Алжире, Камеруне — на армию непосредственно возлагалось также ведение психологической войны.

При сравнении действий английского и французского командования в Кении и Алжире рассмотренные общие черты контрповстанческой стратегии выделяются довольно явственно.

В Кении действия колонизаторов в соответствии со стратегическим планом контрпартизанской войны начались с того, что вся зона восстания была занята войсками и полицией, созданы опорные посты и т. д. Английские войска были разделены на две оперативные группировки. Основные силы получили зоны для размещения и контроля над населением. С целью действий против партизанских баз был сформирован подвижной

резерв, усиленный броневыми автомобилями, самоходной артиллерией и авиацией [там же, стр. 95].

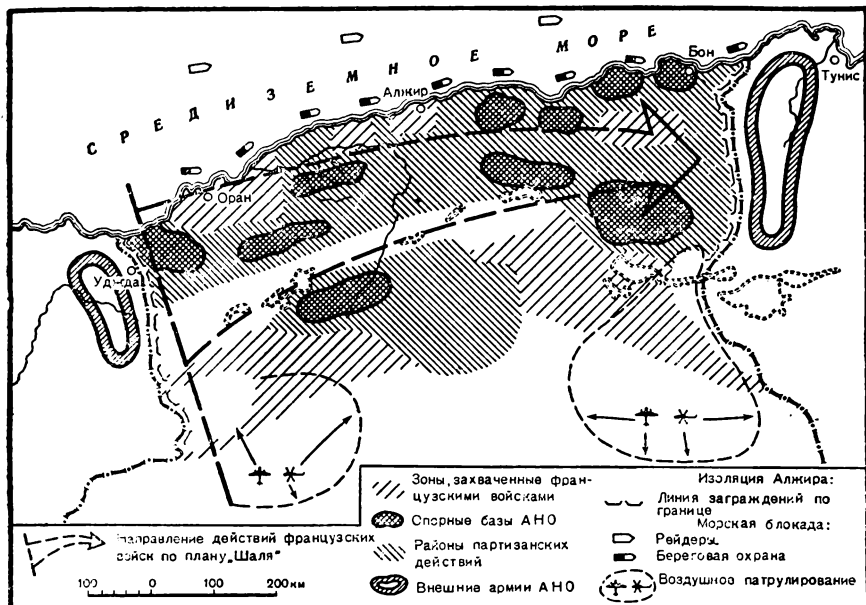
В Алжире применение методов противопартизанской войны также началось с размещения основной части войск в городах и населенных пунктах (их задачей было осуществление контроля за крупными промышленными и стратегическими центрами), а также вдоль коммуникаций. Другая часть войск образовывала подвижные резервы, состоявшие из «отборных» подразделений и предназначавшиеся для активных наступательных действий против партизан [735, стр. 101].

После закрепления в отведенных районах «силы безопасности» переходили к активным наступательным действиям. В Кении началось вытеснение партизан из резерватов в горно-лесные зоны и переселение жителей в «новые деревни», охраняемые войсками и «внутренней стражей». В Алжире каждая из известных зон АНО была окружена «зоной умиротворения», а связь между партизанскими округами в значительной степени была нарушена [800, стр. 290]. Одновременно гражданское население в массовом порядке перемещалось в «укрепленные деревни», чтобы лишить внутреннюю армию поддержки местного населения. Параллельное развертывание психологической войны имело целью настроить население против АНО.

Изоляция повстанцев от центров снабжения осуществлялась примерно теми же методами. Если в Кении этой цели служили усиленные инженерные заграждения (рвы, проволочные заграждения, охраняемые войсками), то в Алжире создавались электрифицированные заграждения по границам с Тунисом и Марокко («линия Мориса») с целью изоляции внешней армии АНО от внутренней.

В обеих странах действиям против опорных баз повстанцев в горах предшествовали удары по силам повстанцев в городах (в Кении — разгром подпольной организации в Найроби, Накуру и прилегающих резерватах кикую, эмбу, меру). В Алжире колонизаторы успешно использовали поражение повстанцев в «битве за г. Алжир».

Ликвидация опорных баз партизан в горах Кении осуществлялась путем операций по прочесыванию и действий специальных команд. В Алжире с этой целью был разработан «план Шалья» (см. схему), суть которого состояла в том, чтобы в условиях полной изоляции Алжира от внешнего мира серией операций, проводимых последовательно с запада на восток, уничтожить опорные базы АНО внутри страны и разгромить политико-административную организацию ФНО (ПАО). В целях оперативно-тактического обеспечения этого замысла был значительно увеличен общий подвижный резерв, «линия Мориса» усилена второй линией заграждений, создана «непроницаемая» воздушная и морская блокада Алжира со стороны Средиземного моря и пустыни Сахары. Для поддержания блокады исполь-

Оперативно-стратегический замысел «плана Шалья»
(Алжир, 1959 г.)

зовались все рода войск, особенно авиация, а для действий против партизан — «усовершенствованная» контрпартизанская тактика [735, стр. 132—134; 321, 1961, № 122, стр. 21—23].

Однако в обоих случаях, несмотря на подавляющее превосходство колонизаторов в численности, вооружении и боевом опыте, контрпартизанские действия или не смогли решить поставленные задачи, или решили их не полностью. В Кении английские войска добились военного поражения повстанцев, но не смогли «завоевать на свою сторону» население и в конечном счете проиграли войну политически. В Алжире «план Шалья», несмотря на хвастливые уверения автора, что ему якобы не хватило лишь трех месяцев до полного уничтожения АНО, не принес ни военного, ни политического решения проблемы. Французская армия не смогла уничтожить АНО. Больше того, стало ясно, что эта задача для нее недостижима. Выявился также полный провал психологической войны, так как алжирское население не только не отошло от ФНО, но оказало ему поддержку [405, стр. 253—254; 369, 1968, № 6, стр. 688].

Особая агрессивность военно-колониальной стратегии империализма в борьбе против молодых независимых государств в 50-е—60-е годы проявилась в использовании активных наступательных доктрин, новейших способов применения вооруженных сил и самого совершенного вооружения, коллектив-

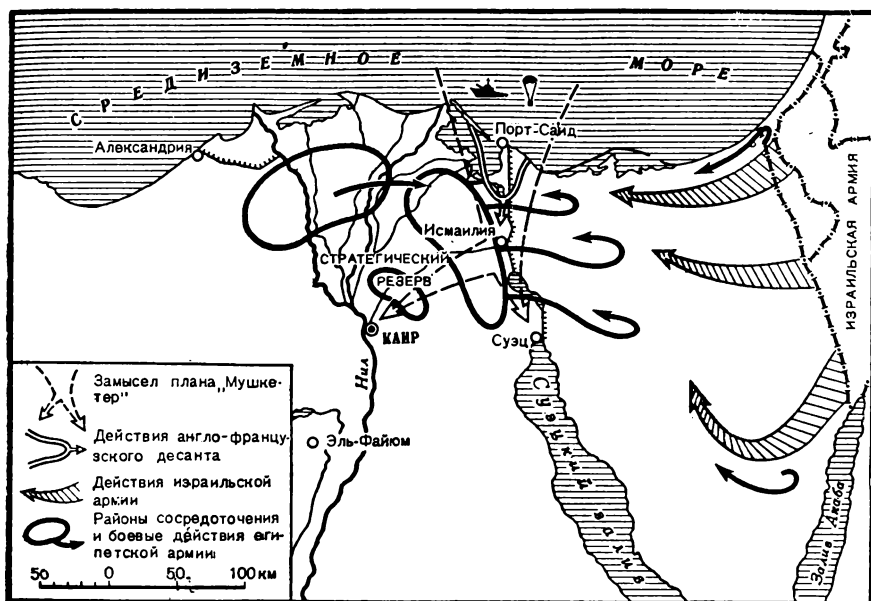
ном характере действий неокolonизаторов. Особенности этой стратегии выявились наиболее отчетливо во время агрессивной ограниченной войны против Египта в 1956 г., а также в ходе агрессивной противоповстанческой войны в Конго (Леопольдвиль) в 1964—1965 гг.

Тройственная агрессия Великобритании, Франции и Израиля против Египта в 1956 г., поддержанная США и осуществленная в форме ограниченной войны, имела целью свержение прогрессивного египетского правительства [487, стр. 93—94]. Эту цель предполагалось достичь средствами открытого вооруженного нападения после того, как политические разведки США, Великобритании и Франции пришли к выводу, что организация антинасеровского переворота обречена на провал [697, стр. 409].

Для участия в интервенции были использованы крупные вооруженные силы Великобритании, Франции и Израиля: 229 тыс. солдат и офицеров, 650 самолетов и свыше 130 военных кораблей [подсчитано по: там же, стр. 469—471]. Операция планировалась как внезапный комбинированный удар англо-французских сил с суши, моря и воздуха по основным стратегическим объектам — «нервным узлам» Египта, в то время как израильские войска должны были разгромить египетскую армию в Синайской пустыне. Предполагалось, что падение правительства Насера произойдет в результате осуществления второй или третьей фазы операции «Мушкетер».

Как известно, первая фаза предусматривала уничтожение египетских ВВС за 36 часов, вторая — многодневное круглосуточное воздушное наступление с целью разрушения египетской экономики, транспортных коммуникаций и вооруженных сил. Авторы плана считали, что в соединении с психологической войной, направленной на подрыв морального духа египтян и возбуждение недовольства режимом Насера, «воздушный террор» принесет желаемые результаты. В случае неудачи третья фаза — оккупация зоны канала и наступление в западном направлении к дельте Нила и Каиру — должна была устранить негодный империалистам режим [там же, стр. 458, 491].

План империалистов потерпел неудачу. Международная изоляция агрессоров и активное противодействие им со стороны прогрессивных сил всего мира во главе с Советским Союзом [487, стр. 200—201] заставили английское и французское правительства еще до начала операции изменить план войны, ограничив оперативный замысел захватом зоны канала, что, по мнению генерала Бoffра, лишило операцию ее политического значения [327, 5.XI.1966]. Благодаря поддержке социалистических и дружественных арабских стран Египет не только не был деморализован агрессией, но и оказал ей упорное сопротивление. Холодным душем для агрессоров было заявление правительства Советского Союза 5 ноября 1956 г. о решимости использовать

Стратегический замысел плана интервентов «Мушкетер»
(октябрь — ноябрь 1956 г.)

военную силу, чтобы разгромить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке [225, 5.XI.1956].

Аналогичную попытку свергнуть прогрессивный политический режим при помощи «необлицкрига» предприняли во время «шестидневной» войны 1967 г. израильские агрессоры. На этот раз также вмешательство Советского Союза и единодушная поддержка египетским народом прогрессивного режима преградили путь агрессору, который не добился поставленных политических целей.

Примером противоповстанческой войны, развязанной империалистами в поддержку неокOLONиального режима, была американо-бельгийско-английская интервенция в Конго (Леопольдвиль) в 1964 г.

Характерной особенностью этой войны была доминирующая роль в ее подготовке и ведении империалистических разведок: Центрального разведывательного управления США и бельгийской военно-политической разведки.

ЦРУ начало открыто действовать в Конго с 1960 г. С прибытием в Леопольдвиль в декабре 1962 г. военной миссии США во главе с генерал-лейтенантом Трумэнem его «возможности» значительно расширились. Полученные генералом Трумэнem директивы выходили за рамки официальной задачи материально-го снабжения войск ООН; не исключалась возможность появ-

ления в Конго американской морской пехоты [586, стр. 132]. После включения Африки в сферу ударного командования США американские советники по противоповстанческим действиям появились при всех крупных командирах КНА [757, стр. 79—80]. Секретное бюро ЦРУ в Конго «разросло до размеров... малого военного министерства» [320, 27.IV.1966].

Бельгийская военная разведка была после 1960 г. представлена в Конго полковником Вандевалле, бывшим начальником разведки «форс публик», который последовательно занимал затем посты главного военного советника в Катанге и начальника разведывательной службы КНА.

Особенностью этой противоповстанческой войны с самого начала была также непосредственная поддержка боевых действий КНА против повстанцев европейскими наемниками и империалистическими армиями. Инженерное и тыловое обеспечение КНА осуществляли подразделения бельгийской армии; авиационную поддержку — американские транспортные самолеты с экипажами под охраной парашютистов 82-й воздушнодесантной дивизии ударного командования [358, 14.VIII.1966], вертолеты и американские бомбардировщики «В-26» и «Т-28», пилотируемые кубинцами-эмигрантами, нанятыми ЦРУ, и подразделения бельгийских ВВС [164, стр. 357, 359—360].

Однако неудачи армии центрального правительства Чомбе в борьбе с повстанцами привели к более широкому и более решительному вмешательству империалистических держав. План подавления восстания 1964 г., разработанный империалистическими разведками, исходил из того, что восстание развивалось не только в форме партизанских, но и регулярных маневренных боевых действий, особенно в восточных провинциях. Предусматривалось нанесение скоординированных по времени и месту совместных ударов сухопутных войск и авиации по «нервным узлам» восстания — городам Восточного Конго (прежде всего по Стэнливилю), с тем чтобы ликвидировать правительство НРК и не допустить объединения различных районов восстания в единое целое. Действиями отдельных мобильных групп в пограничных районах предполагалось отрезать повстанцев от источников снабжения (см. карту 4 в прил.).

Намечалось создать заслон из нескольких подразделений наемников и частей КНА для сдерживания наступления повстанческих сил, особенно по направлению к Леопольдвилю. Основной удар наносила 5-я механизированная бригада, вновь сформированная и подготовленная на военной базе в Камине из белых наемников, катангских жандармов и частей КНА, укомплектованных верными Чомбе соплеменниками. Она должна была совершить глубокий прорыв из Катанги через основной район восстания с юга на север и захватить г. Стэнливилль, руководителя восстания К. Гбенье, повстанческое правительство и его военный штаб [164, стр. 358, 362, 400]. Захват Стэн-

ливила 5-й механизированной бригадой под командованием полковника Вандевалле координировался по времени с воздушным десантом, подготовленным и осуществленным американо-бельгийским военным командованием при непосредственном участии командования ВВС НАТО [757, стр. 186, 234] с использованием одной из военно-воздушных баз английской системы мобильной обороны — о-ва Вознесения. В воздушнодесантной операции приняли участие 322-я американская воздушнотранспортная дивизия, входившая в состав ВВС НАТО [757, стр. 184, 191], и 1-й бельгийский парашютный полк «командос». Общее руководство осуществлял представитель ударного командования США в Конго полковник К. Изааксон [там же, стр. 233].

С военной точки зрения комбинированная операция была крайне рискованной как для воздушнодесантной группы, которая могла быть расстреляна при осуществлении высадки [там же, стр. 188], так и для 5-й механизированной бригады, которая в других условиях могла быть разгромлена, если бы хоть раз попала в большую и хорошо вооруженную засаду. Интервенты рассчитывали главным образом на морально-психологический эффект внезапного удара по центру национального движения. Кровавой расправой над патриотами, учиненной вместе с наемниками полковника Вандевалле, они пытались запугать участников освободительного движения и население, им помогавшее. Второй фазой агрессивных действий империалистических держав должно было стать проведение серии десантов в Буниа, Ватсу (Ваца) и других городах Конго [164, стр. 409; 753, стр. 267—268].

Комбинированный удар по Стэнливилю нанес серьезное поражение восстанию, которое выразилось в ослаблении его политической и военной организации. Однако дальнейшее расширение интервенции на этот раз было предотвращено благодаря энергичному вмешательству СССР. Советское правительство потребовало немедленного прекращения военной интервенции и вывода бельгийских войск и иностранных наемников. Требование СССР поддержало 21 государство Азии и Африки. 30 декабря 1964 г. Совет Безопасности принял резолюцию, в которой также потребовал вывода наемников с территории Конго.

Бельгийский десант был выведен, но наемники остались и были использованы при проведении операций по «закрытию границ» с Суданом, Угандой и Танзанией в 1965 г., выразившихся в последовательных наступательных действиях небольших пехотных групп с применением обычных средств вооружения¹².

Характерной особенностью рассмотренных агрессивных войн против Египта и повстанцев в Конго (Леопольдвиль) было «нагнетание напряженности»: используя средства психологиче-

¹² Замысел этих операций состоял в том, чтобы, блокировав границу, развивать наступление в обратном направлении, оттесняя повстанцев в глубь страны.

ской войны, империалистические агрессоры организовали широкую кампанию против прогрессивного правительства Г. А. Насера, раздували вопрос о «заложниках» в Стэнливиле.

На современном этапе, однако, агрессивные колониальные войны в Африке ведутся главным образом как войны затяжного характера. Пытаясь найти выход из военно-политического тупика, в котором они оказались, португальские колонизаторы намереваются использовать в своей военно-политической стратегии, особенно в Анголе и Мозамбике, разработанную буржуазными теоретиками контрреволюционных войн концепцию противоповстанческих действий.

Противоповстанческие действия империалистическая военщина определяет как «военные, полувоенные, политические, экономические и гражданские мероприятия, предпринимаемые правительством, чтобы нанести поражение... повстанческим действиям» [610, стр. 51]. Наряду с методами вооруженного насилия, которые остаются основным средством подавления национально-освободительного движения, в действиях империалистов заметное место заняли различные социально-экономические и идеологические мероприятия «превентивного» характера, рассчитанные на раскол освободительных сил.

Так, в Анголе и Мозамбике проводятся социальные и экономические «реформы», не приносящие никакого облегчения трудящимся, но рассчитанные на привлечение к активному сотрудничеству с властями зажиточных слоев африканского населения в деревне и особенно в городе. Путем расширения иммиграции планируется резко увеличить численность европейского населения. Армия широко практикует, особенно в Мозамбике, введение «гражданских действий», т. е. таких мер, которые по замыслу колониальных властей должны «завоевать доверие африканцев» путем незначительного изменения условий жизни местного населения (ремонт дорог, строительство школ, обучение детей, разработка санитарных проектов) [184, стр. 294].

Однако жизнь разоблачает истинную сущность противоповстанческих действий. «Гражданские действия», например, служат для установления контактов с местными вождями, ремонта коммуникаций, усиления надзора над «подозрительными» элементами, строительства «стратегических деревень», куда селяются жители охваченных повстанческим движением районов [там же]. Использование «гражданских действий» вовсе не означает отказа от применения вооруженной силы не только против повстанцев, но и против мирного населения. В значительной степени они служат для маскировки военных акций.

Наряду с демагогической болтовней о реформах и широкой кампанией по привлечению в колонии поселенцев португальские колонизаторы усиливают вооруженное давление на повстанцев. Получив крупные поставки современного вооружения [603, стр. 10—11], португальское командование в начале 70-х го-

дов предприняло ряд попыток перейти к противопартизанским наступательным операциям широкого масштаба. В Северном и Западном Мозамбике была осуществлена серия воздушно-десантных операций с применением аэромобильных сил, проводимых последовательно с востока на запад [222, 18.X.1970]. В Гвинее — Бисау в последнее время португальское командование безуспешно пыталось расколоть сплошной фронт партизанских районов и оттеснить повстанческие силы к северным и южным границам.

Провал активных наступательных действий привел к дальнейшему ожесточению войны и применению колонизаторами зверских средств ведения войны. Одной из основных целей, которые преследуют португальские колонизаторы, писал в своей последней статье А. Кабрал, является «продолжение насильственного разрушения человеческих и материальных ресурсов, которые служат основой победоносного развития нашей борьбы» [304, 1973, январь, стр. 17]. Его проявления: террор против руководящих деятелей освободительной борьбы, уничтожение посевов (напалмом, гербицидами, ядохимикатами) в районах, занятых повстанцами, что приводит к массовой гибели населения. В Анголе, например, основные наступательные действия ведутся против освобожденных районов, организуется их блокада, наносится вред посевам, терроризируется население [225, 7.IV.1971].

Одной из новых форм «устрашения» молодых независимых государств, избравших путь некапиталистического развития или оказывающих помощь национально-освободительным движениям, является ведение диверсионно-подрывных действий, начиная от отдельных нарушений границы до налетов бомбардировочной авиации и крупных рейдов — средств, взятых из арсенала американского ЦРУ и использовавшихся во Вьетнаме, на Кубе, в Гватемале и других странах.

Заместитель Премьер-министра Израиля Игал Алон в книге «Создание израильской армии», изданной в Лондоне в 1970 г., предал огласке стратегию «превентивных ударов», суть которой заключается «в праве» выйти за линию прекращения огня «в небольших масштабах или в виде крупного превентивного контрнаступления».

Подобные «превентивные» действия против освободительных сил внутри страны и против соседних африканских государств планирует и осуществляет ЮАР. Боязнь массовых выступлений трудящихся находит широкое отражение во внутренней и внешней политике ее правительства.

Важную роль в этом играет политика апартхейда (раздельного расселения африканцев в бантустанах), которая привела к раздроблению территориального единства африканского населения, затруднила экономические, политические и культурные связи не только между европейцами и африканцами, но и между

различными африканскими народностями. Пытаясь при помощи этой политики замедлить процесс формирования единой национальной общности, южноафриканские расисты стремятся ослабить базу для развертывания общенациональной освободительной борьбы как мирного, так и немирного характера. Общенациональное вооруженное восстание, вынужденное опираться на изолированные очаги, как показывает опыт Конго (Леопольдвиль), быстро теряет свою способность к распространению, становится более уязвимым в военном отношении.

Создание бантустанов и выселение рабочих-африканцев из городов в удаленные поселки по замыслу правительства должны сделать крупные промышленные и административные центры оплотом расистского режима. Размещение промышленных центров по границам бантустанов, объясняемое необходимостью участия в производственном процессе белых рабочих, которые проживать там не имеют права, затрудняет создание даже в крупных бантустанах самостоятельных опорных баз вооруженного сопротивления.

Таким образом, южноафриканские расисты пытаются ликвидировать одним ударом как социально-этническую, так и территориальную базу освободительного движения.

Военная доктрина ЮАР предусматривает использование в противоборщественных целях всех видов вооруженных сил, а также практически всего «белого» населения [272, 26.V.1961, стр. 2]. Вооруженные силы обучаются действиям в городах, комбинированным обловам и прочесыванию в сельской местности с участием реактивной авиации и вертолетов [310, 5.VIII.1968].

Во внешней политике особое внимание придается изоляции страны, «нейтрализации» вероятных «баз вторжения», в первую очередь Замбии. Изоляцию страны южноафриканские расисты пытаются осуществить путем выдвижения вооруженных сил для кордонирования границы и совместных боевых действий против партизан в Анголе, Родезии и Мозамбике [705, стр. 114; 719, стр. 161]; усилением прикрытия побережья патрульными судами береговой обороны [232, 1969, № 4, стр. 1386]; созданием крупных полицейских пограничных патрульных сил по северной границе ЮАР (вторая линия «обороны» после р. Замбези) [350, 2.XII.1966], крупных ВВС и развитой сети противовоздушной обороны. «Нейтрализация» вероятных «баз вторжения» осуществляется путем непрерывного экономического, политического, дипломатического и военного давления на окружающие африканские страны [645]. Иначе говоря, вокруг ЮАР «заблаговременно» пытаются создать примерно такую же «непронцаемую» блокаду, какая была создана вокруг Алжира во время войны.

Тактика противоповстанческих действий империалистической военщины

Опыт военных действий в Африке дает примеры разнообразных способов противоповстанческой борьбы. Применение тактических приемов зависело от поставленных задач, сил противника, общего уровня развития противопартизанской тактики.

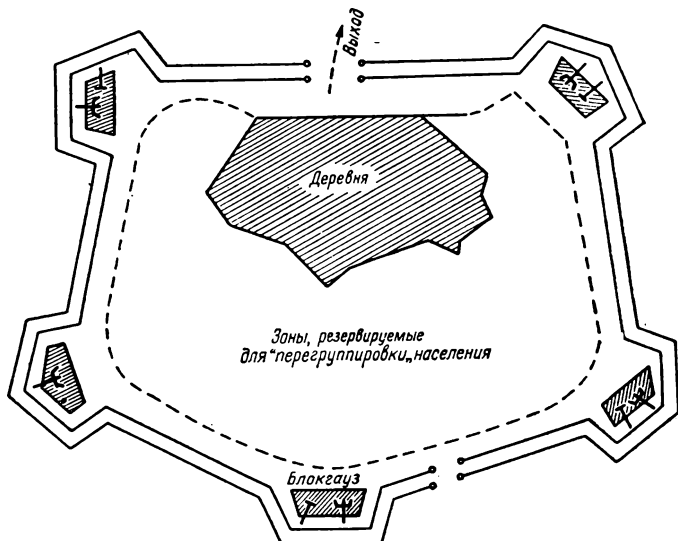
После второй мировой войны империалистические армии постепенно отказались от традиционной тактики карательных экспедиций, в соответствии с которой на территории, охваченной восстанием, создавались военные посты, устраивались засады, проводились крупномасштабные операции методом кордона и поиска (облавы), а также путем преследования мобильными карательными колоннами отдельных партизанских отрядов [735, стр. 51; 783, стр. 190—191]. Посты, которые представляли собой блокгаузы вдоль дорог, в долинах и горных проходах, контролировали район лишь в зоне прицельного огня и были очень уязвимы для партизан. Патрули, требовавшие большого количества войск, не обеспечивали полной безопасности для агентуры колонизаторов. Облавы и прочесывания оказывали определенное психологическое воздействие, но лишь на неподготовленных партизан, к тому же как средство их уничтожения были малоэффективными.

Колонизаторы все чаще обращались к новой тактике противопартизанских действий.

Известный историк противопартизанской войны Пэйджет подчеркивает, что основным, а часто решающим средством в борьбе против партизан являлась «хорошо налаженная разведка», своевременно поставляющая точную информацию о предполагаемых действиях партизан [740, стр. 162—164].

Основным способом противопартизанских действий, который использовался в Алжире, Камеруне, Кении, Мозамбике и других колониях, были поисково-карательные операции против «зон убежища» (опорных баз партизан). Эти комплексные операции начинались, как правило, с разведки, а затем изоляции предполагаемой «зоны убежища» путем окружения ее «зоной умиротворения». «Зона умиротворения» должна была быть достаточно широкой, чтобы ее нельзя было пересечь за один ночной переход. Все население отсюда переселялось в «центры перегруппировки», где должно было находиться под охраной войск, полиции и отрядов «самообороны». Прибывшие в зону войска организовывали разведку «зоны убежища», а после получения разведывательных данных о дислокации партизан наносили по ним удар, пытаясь навязать противнику бой и уничтожить его живую силу [321, 1961, № 122, стр. 22]. Таким образом, в замысле операции ясно прослеживается один из общих принципов противопартизанской войны — изоляция партизан от населения как основное условие успеха.

Участвующие в поисково-карательной операции войска делились обычно на следующие группы: «охотничьи команды» численностью до 100—150 человек, которые формировались в каждом эшелоне, начиная с батальона; общий резерв, состоящий из частей и подразделений «классического» типа, поддержанных авиацией, артиллерией, саперами; войска сектора. На «охот-

Карательные действия в Алжире.
«Центр перегруппировки» населения
(«стратегическая деревня»)

ничьи команды» возлагалась задача поиска и обнаружения подразделений партизан и вызова резервов. По расчетам Трэнкье, для проведения операции по созданию «зоны умиротворения» против роты АНО численностью 100—150 человек требовался батальон четырехротного состава, для действий против «зоны убежища» — дивизия пехоты [783, стр. 200—213].

Действия в «зоне умиротворения» обычно начинались на рассвете, чтобы успеть прочесать всю местность до наступления темноты. Допросами и пытками населения добывалась необходимая информация. Одновременно инженерные войска блокировали «зону убежища». После получения разведывательных данных начинались действия непосредственно против «зоны убежища». Войска занимали все основные дороги и тропы, зона делилась на батальонные секторы, и по всей ее площади создавалась «сеть» из патрулей, постов, мин-ловушек, засад, которая должна была воспрепятствовать передвижениям партизан и тем самым способствовать их обнаружению и уничтожению. Население выводилось в «центры перегруппировки» [там же,

стр. 215], и начиналось преследование партизанских отрядов и групп.

Использовались и другие тактические приемы. В Кении, например, применялась тактика патрулирования, разработанная с помощью европейцев-охотников. Она требовала специальной подготовки, особого обмундирования и высокой квалификации младшего командного состава. Боевой единицей был патруль из шести-семи человек, сопровождаемый местными следопытами, иногда служебными собаками. Патрулирование продолжалось на протяжении четырех-пяти дней. Непрерывность патрулирования обеспечивалась малым количеством носимого снаряжения, использованием специальных рационов, созданием лесных складов, сбрасыванием продовольствия и снаряжения с воздуха, использованием носильщиков, вьючных животных [297, 1956, № 601, стр. 17]. Однако хорошо ориентировавшиеся в лесу партизаны вскоре научились следить за патрулями и укрываться при их приближении. Тогда было решено в районах вероятного местонахождения партизан создавать большое количество засад (до 50 на батальонный сектор) [252, 1954, октябрь, стр. 61].

В засаду наряжалось обычно отделение из четырех солдат с автоматическим оружием и гранатами. Чтобы вынудить партизан двигаться по направлению к засаде, применялся артиллерийский обстрел по площадям, бомбардировка лесных районов тяжелыми бомбардировщиками и истребителями-бомбардировщиками с применением фугасных или напалмовых бомб [там же]. Когда этот метод оказался недостаточно эффективным, для действий против «зон убежища» была применена специальная разработанная английской военной разведкой тактика лжепартизанских отрядов (или «специальных команд») [см. 682].

В большой степени влияли на тактическое применение войск условия боя в африканском кустарнике — буше. В Камеруне, где боевые действия проходили на плоскогорьях, поросших кустарником, самостоятельные тактические задачи выполнялись не ротой, а взводом. В ряде случаев наиболее эффективными подразделениями были отделения под командованием унтер-офицеров [692, стр. 34].

В противопартизанских войнах большого пространственного размаха типа алжирской проводились крупные поисково-карательные операции, в которых применялись и тесно взаимодействовали различные рода войск. Так, в операциях по «плану Шаля» в Большой Кабилии — район Тизи-Узу и Бужи — принимали участие морская пехота, парашютисты, сухопутные войска с танками и авиация [735, стр. 134]. В этих операциях, проводимых в районах с тяжелыми климатическими условиями, с редкой сетью коммуникаций, приходилось «больше заботиться о тыле, чем о тактике» [713, стр. 85]. В то же время еще раз подтвердилась возможность проведения в Африке крупномасштабных операций.

Тактика противоповстанческих действий в условиях регулярной войны, характерная для Конго (Леопольдвиль), в основном сводилась к боевым действиям «колоннами». Командование противоповстанческими силами прибегало к этому способу прежде всего ввиду огромных размеров территории страны, на которой повстанцы, по его мнению, могли удерживать лишь ключевые позиции и не имели возможности охранять свои коммуникации на всем их протяжении. Отсюда вытекала необходимость предвидеть, в каких пунктах повстанцы собираются защищаться, чтобы своевременно нанести им удар [660, стр. 85]. Из двух способов сближения с противником — классического (с постепенным развертыванием, высылкой разведки, передового отряда и т. д.) и прорыва моторизованной колонной — обычно применялся второй [649, стр. 85]. Расчет строился на неожиданной демонстрации силы, на скорости мобильной колонны, на превосходстве огневой мощи и решительности действий.

Примером может служить упоминавшееся выше наступление 5-й механизированной бригады на Стэнливилль в октябре — ноябре 1964 г.¹³, которая совершила прорыв в глубь занятых повстанцами восточных провинций Конго — к Стэнливилю. Боевой порядок бригады был построен в одну колонну, в голове — бронетранспортеры, в тылу — инженерные подразделения. Колонна не имела ни разведывательного отряда, ни авангарда, а совершала марш как компактное целое. Разведку в интересах колонны вела авиация. Управление движением осуществлялось с вертолета.

Характерным примером тактики боевого применения мобильной колонны является захват 5-й механизированной бригадой г. Кинду. После авиационной подготовки, проведенной самолетами «В-26» (пушечный огонь и ракеты), мотоколонна на полном ходу ворвалась в город и устремилась к парому на р. Луалаба и железнодорожной станции. После этого, развернувшись на 180°, колонна широким фронтом начала наступление на оборонявшихся симба с тыла, прочесывая таким образом весь город. Одна мобильная группа была выделена для захвата аэродрома, над которым уже кружили транспортные самолеты. Немедленно после расчистки взлетно-посадочной полосы, заваленной бочками, началась высадка воздушного десанта. Большинство симба были окружены, и в городе началась резня [757, стр. 179].

Командиры противоповстанческих сил, в том числе командир наемников М. Хор, отдавали себе отчет в крайнем несовершенстве тактики «колонн» для иных условий. Главный успех в

¹³ Д. Рид говорит об этом наступлении как о продвижении в «бельгийском стиле»: войска вели пальбу во все стороны, чтобы, как и во времена карательных экспедиций короля Леопольда, запугать противника [757, стр. 175].

ходе подвижной войны приносила авиация. «С самого начала, — пишет М. Хор, — у нас было неопределимое превосходство в воздухе. Если бы противник использовал против нас самолеты, результат был бы совершенно иной» [660, стр. 87].

«Разновидностью» противоповстанческих действий империалистической военщины являлись карательные действия в городах. Их тактика разрабатывалась колонизаторами применительно к трем вариантам: для подавления стихийных выступлений городского населения, для противопартизанской войны, для подавления вооруженных восстаний.

После второй мировой войны города рассматривались колонизаторами как центры народных волнений и восстаний, в первую очередь выступлений рабочего класса. Примером тактики действий против повстанцев может служить подавление бельгийскими властями стихийного выступления в Леопольдвиле.

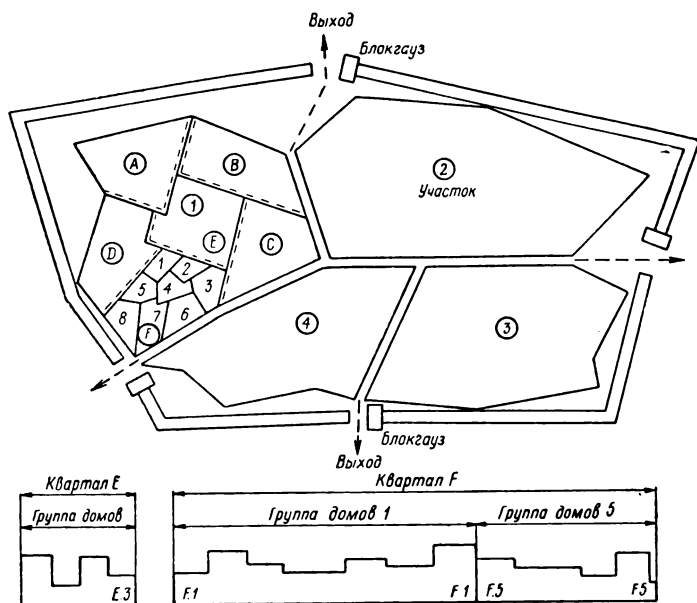
За «порядком» в Леопольдвиле следила полиция, которой должны были оказывать непосредственную поддержку гарнизон «форс публик» (2,5 тыс. солдат и офицеров) и 1 тыс. военных специалистов. Были определены три этапа ввода в действие «форс публик»: «военная оккупация», «полицейские действия» и «военные действия». На крайний случай был составлен план «Серьезные волнения в г. Леопольдвиль» [668, стр. 60].

4 января 1959 г. в Леопольдвиле вспыхнуло стихийное возмущение масс, вызванное отменой митинга партии «Абако». В ночь с 4 на 5 января африканцы стали безраздельными хозяевами африканской части города [422, стр. 311]. Администрация развернула штаб взаимодействия и ввела в действие три роты, но уже к 8 часам вечера власть была передана военным, в подавлении выступлений горожан участвовали все имевшиеся подразделения. Вокруг европейского центра были установлены заграждения, началось методичное наступление на африканские кварталы сначала со слезоточивыми, а затем боевыми гранатами и огнем. Одновременно, блокировав все дороги, бельгийцы отрезали город от остальной части страны. Разгром восставших закончился кровавыми репрессиями. По официальным данным, было убито 49 человек и 200—300 ранено [668, стр. 61—67]. Фактически число жертв было значительно больше.

В ходе «битвы за г. Алжир» для борьбы с АЗА были стянуты отборные французские войска (в том числе 10-я парашютная дивизия генерала Массю) численностью 80 тыс. человек [273, 1970, ноябрь, стр. 10]. Была разработана специальная тактика, рассчитанная на постепенное разрушение организации ФНО в городе [677, стр. 193]. В ее основу были положены принципы изоляции повстанцев от населения и жесточайшего террора.

Город был обнесен проволочными заграждениями, «нарезан» на участки, кварталы, группы домов и маркирован. Для всего населения были введены особые сертификатные карточки, установлена личная ответственность старшин кварталов за каждого

жителя. Чтобы лишить повстанцев продовольствия, был заклеен весь скот, введены продовольственные карточки. В каждый

Карательные действия в Алжире.
Система «контроля» над населением в г. Алжире

квартал назначался «шеф по политической деятельности» [783, стр. 163—182]. Вводился комендантский час. В каждом секторе имелись военные посты и мобильный резерв численностью до роты. Выявление сети АЗА сопровождалось массовыми репрессиями, облавами. В городе была организована сложная система разведки — внешней (сыскающей) и внутренней (агентурной). С помощью предателя, засланного в штаб АЗА, удалось арестовать его руководителей. Путем пыток добывалась «информация». Завершающим этапом была борьба за Касбу — алжирский район города.

Однако военная победа колонизаторов над АЗА не смогла перетянуть алжирцев на сторону Франции. Как признает полковник Трэнкье, ФНО в течение 1960 г. сумел внедриться в ту самую «организацию» населения, которую создали французы, и на ее базе воссоздать собственную организацию [783 стр. 182]¹⁴.

¹⁴ В действительности восстановление подпольной организации ФНО в г. Алжире началось еще в 1958 г. с помощью молодежи, студентов. Борьбе народных масс на этом этапе помогла организационная деятельность АКП. К осени 1960 г. были восстановлены боевые группы, а затем и вся система АЗА [405, стр. 252—253].

Организация противоповстанческих сил, их вооружение, использование видов и родов войск

Противоповстанческие силы, принимавшие участие в боевых действиях против африканцев, состояли, как правило, из следующих элементов: регулярные войска метрополии (сухопутные войска, авиация, флот); войсковые части, укомплектованные европейскими поселенцами (жандармерия, в том числе мобильная, вооруженная полиция); территориальные войска и полиция, укомплектованные поселенцами (Кенийский полк и полицейский резерв Кении, провинциальная организация добровольцев и гражданской обороны в португальских колониях); регулярные африканские войска (королевские африканские стрелки в Кении, «африканские роты» в португальских колониях); отряды «внутренней стражи» и самообороны, в которые — большей частью насильно — зачислялись жители районов, охваченных восстанием.

Раздельное существование европейских и африканских частей объяснялось как различиями в уровне боевой подготовки, вооружении войск, способах их боевого применения, так и нежеланием и боязнью колонизаторов создавать смешанные части. Африканским войскам далеко не всегда доверялось выполнение ответственных боевых задач. Большой частью они использовались для несения военно-полицейской службы.

В своих агрессивных войнах империализм использовал, как правило, крупные вооруженные силы (см. табл. на стр. 398).

В послевоенные годы против африканцев в общей сложности было задействовано до 2 млн. солдат и офицеров. Подавляющее большинство составляли войска метрополий, ЮАР и Израиля. Наиболее «надежными» в борьбе против африканцев были регулярные профессиональные войска метрополий и территориальные войска колоний, укомплектованные поселенцами. Однако на войска, укомплектованные призывниками, колонизаторы твердо полагаться не могли, поэтому в Алжире они использовались главным образом в обороне. В Англии в середине 50-х годов было принято решение полностью отказаться от призыва, использовать только наемную армию [177]. Африканские войска, особенно во французских и португальских колониях, были менее «надежны», чем в английских; впрочем, и в английских колониях они иногда помогали повстанцам, стреляли в воздух [666, стр. 107].

Боевые действия выявили большие потребности в людских резервах. По мнению английских военных историков Э. О'Бэлланса и Дж. Пэйджета, общее соотношение войск «безопасности» и повстанцев в партизанской войне должно быть 10—15:1 [735, стр. 79; 740, стр. 66].

Опыт первых войн показал низкую эффективность «обычных» вооруженных сил. В колониальных войнах в Африке основную

Таблица

Численность вооруженных сил, привлекаемых для подавления национально-освободительных восстаний и войн в Африке*, тыс. человек

Страна	Годы	Максимальная численность	В том числе войска метрополии	Примечание
Мадагаскар	1947—1948	15	15	—
Камерун	1955—1962	12	12	—
Алжир	1951—1962	882	519	—
Кения	1952—1956	35	15	—
Египет				
Партизанская борьба в зоне канала	1951—1953	120	120	—
Тройственная агрессия	1956	229	...	—
Агрессия Израэля	1967	250	...	—
Португальские колонии (всего)	с 1961	135	135	—
В том числе:				
Ангола	с 1961	57	57	Без африканской милиции
Мозамбик	с 1964	43	43	Без африканской милиции
Гвинея — Бисау . .	с 1963	25	25	Без африканской милиции
Конго (Леопольдвиль)	1964—1965	50—80	2	Включая наемников и десант
Родезия	1967	15		—
ЮАР	1961	50 (+60)		+ «командсс»

* Подсчитано по: [231, 1969, ноябрь, стр. 16—17; 321, 1961, № 22, стр. 11—12; 326, 1970, июнь, стр. 17; 194, стр. 54; 549, стр. 36; 697, стр. 180]

роль играли пехота и мотопехота. Пехотные части, не обученные методам противопартизанской войны, не могли противостоять маневренным подразделениям партизан, умело использовавших свои преимущества во внезапности, быстром перемещении и т. п. Отсутствие полевых сражений оставляло в бездействии полевую артиллерию, особенно тяжелую и среднюю. Условия местности и климата (особенно в Центральной и Восточной Африке) редко позволяли применить бронетанковые войска.

В связи с переходом к стратегии и тактике противопартизанских войн серьезно изменилась боевая организация вооруженных сил. Это выразилось прежде всего в выделении двух оперативных элементов: сил прикрытия и контроля, с одной стороны, и подвижных резервов — с другой. Обычно пехоту и мотопехоту, танковые части (в Алжире) стали использовать

главным образом в составе войск, обеспечивающих систему «прикрытия», т. е. преимущественно в обороне. Резко возросла роль специально подготовленных войск — парашютных, воздушнодесантных, а также пехотных, подготовленных к быстрой переброске в район боевых действий, к ведению боя в особых условиях — в тылу противника, в окружении, к действиям в качестве «командос» и т. д. [714, стр. 143]. Последнее обстоятельство вызвало значительный рост удельного веса высококомобильных частей и соединений: парашютных, «командос», воздушнодесантных и др. (французские 10-я парашютная, 25-я легкая парашютная дивизии; португальские стрелки особого назначения) [559, стр. 67; 408, стр. 98 и сл.]. Появились «специальные войска» («рейнджеры»); для боевых действий в колониях широко использовались на вербованные из европейцев наемные войска (иностранный легион, наемники).

Характерной особенностью развития воздушнодесантных войск при использовании в поисково-карательных операциях стала тенденция к превращению этих войск в аэромобильные, иначе говоря, к передаче боевых и транспортных авиасредств в штат воздушнодесантного соединения, действующего как элемент сухопутных сил [714, стр. 158].

Наемники 60-х годов — это особые части армий некоторых реакционных африканских режимов (5, 6 и 8-й отдельные батальоны «командос» Конголезской национальной армии [650, стр. 104]). В эти банды международных авантюристов набирались главным образом бывшие офицеры и унтер-офицеры колониальных войск, имевшие опыт противопартизанской борьбы в Алжире, Вьетнаме, Малайе, Анголе, кубинские эмигранты, большое количество бельгийских военнослужащих [660, стр. 68].

Задачи, ради которых создавались «командос», были следующие: военная — «корсетирование» небоеспособных частей местных марионеточных режимов, ведение боев, требующих высокого уровня боевой подготовки; психологическая — жесточайшими зверствами терроризировать африканских повстанцев и население. В частях наемников была установлена жесткая дисциплина и много внимания уделялось боевой подготовке [там же, стр. 60].

Основное тактическое подразделение наемников в КНА — отдельный батальон — состоял из пяти-семи отдельных взводов, имевших общевзводную нумерацию: 51-, 52-, 53-й и т. д. Взвод действовал самостоятельно или в составе сводной боевой группы с подразделениями Конголезской национальной армии. Он состоял из 40 солдат, 3 сержантов, 2 офицеров. Все солдаты вооружались автоматическими винтовками, на джипах стационарно крепились пулемет или безоткатное ружье американского производства. Во взводе имелись два бронетранспортера «Мерседес». Действия отдельного взвода поддерживались

двумя истребителями-бомбардировщиками («Т-28» или «В-26»), вооруженными ракетами [там же, стр. 62; 649, стр. 6].

Инженерные войска применялись для установки различных видов заграждений с целью изоляции партизан, в частности «линии Мориса». Эта комплексная система состояла из двух полос электрифицированных заграждений общей протяженностью 1500 км и была оборудована постами наблюдения, электрическими детекторами через каждые 50 м, сетями для защиты от снарядов безоткатных орудий, минными полями, на которых было установлено свыше 1 млн. противопехотных мин. По ночам она постоянно освещалась и патрулировалась бронетранспортерами и танками [321, 1962, № 134, стр. 112—113]. В Кении лесные «зоны убежища» были отделены от резерватов огромным рвом (более чем 80 км длиной), обнесенным проволочными заграждениями и заминированным. Выращивание продовольственных культур было запрещено в зоне шириной до 5 км [740, стр. 100].

Инженерные войска использовались также для создания заграждений обычного типа вокруг партизанских зон, а также действовали вместе с мобильными отрядами в ходе операций в зонах.

Артиллерия применялась как средство обстрела «зон убежища» по площадям, для обороны заграждений по границе и вокруг повстанческих зон. Артиллерия средних и малых калибров использовалась для усиления пехоты в операциях крупного масштаба. Реактивная артиллерия, в частности противотанковые управляемые реактивные снаряды (ПТУРС) нашли применение в горной войне, для поражения укрытий в пещерах, огневых точек и т. д.

В локальных конфликтах артиллерия применялась обычными способами. Однако следует отметить, что в израильской армии вся артиллерия переведена на самоходную. В пехотных бригадах вместо орудий применяются 120-мм минометы, смонтированные на бронетранспортерах.

Одним из решающих родов войск в противопартизанских операциях стала авиация. Она широко использовалась как средство огневой поддержки. Тяжелые бомбардировщики впервые были применены для бомбардировок партизанских районов по площадям в Кении. В горно-лесных районах Кении и Алжира важную роль играла легкомоторная авиация, выполнявшая задачи разведки и снабжения войск, так как вертолеты на определенных высотах использовать было уже невозможно из-за слишком разреженной атмосферы [702, стр. 182]. Легкобомбардировочная авиация эффективно применялась во всех вооруженных конфликтах в Африке, особенно в Конго (Леопольдвиль).

Исключительно важную роль сыграла авиация в обеспечении подвижности противоповстанческих сил. В ходе войны в

Алжире происходил переход от воздушнодесантных к вертолетнодесантным поисково-карабельным операциям. Тогда же некоторые вертолеты получили тяжелое вооружение для огневого прикрытия и поддержки десанта [714, стр. 141—142]. В задачи вертолетных подразделений входило: ведение наблюдения за местностью (вертолетное патрулирование), десантирование групп «командос» в район боевых действий и непосредственно на поле боя.

Вертолетные подразделения чаще всего использовались в составе подвижного резерва сектора (полузоны).

Примером самостоятельной поисково-карабельной операции воздушнодесантных войск может служить операция в районе населенного пункта Тимимун (пустыня Сахара). Для уничтожения подвижного подразделения АНО, угрожавшего нефтепромыслам, здесь были сосредоточены полк парашютистов, шесть транспортных, три разведывательных и три боевых самолета, восемь вертолетов. В течение полутора месяцев при помощи самолетной и вертолетной разведки французы стремились установить местонахождение отрядов АНО, а затем сбрасывали парашютные или доставляли вертолетные десанты. Эффект внезапности в условиях пустыни позволил нанести серьезное поражение повстанцам [там же, стр. 140; 337, 1970, № 4, стр. 155—165].

Воздушное десантирование с использованием крупных соединений и частей воздушнодесантных войск нашло применение в агрессивных действиях империалистических держав против Египта, в Конго (Леопольдвиль), Бизерте, Испанской Сахаре. В ходе тройственной агрессии 1956 г. французские и английские парашютные соединения использовались как авангард основных сил вторжения в Порт-Саиде и Порт-Фуаде для захвата аэродромов и плацдармов. Израильская парашютная бригада действовала как мотопехотное соединение, однако из ее состава два усиленных батальона десантировались в тылу египтян в качестве передовых отрядов [714, стр. 147]. Во время израильской агрессии 1967 г. десантирование с вертолетов применялось в ходе общевойскового боя как тактическое средство.

Примером воздушного десантирования стратегического значения, которое отличалось не только масштабами, но и сложностью организации, была операция «Красный дракон» (высадка силами НАТО в Стэнливиле бельгийского парашютного десанта). Проведение подобного рода операций вполне вероятно и в будущем, так как они заложены в основу «стратегии прикрытия» Африканского континента [243].

Выжидательный аэродром операции находился на о-ве Вознесения. Десант прибыл туда из Европы. Затем он был перебросен на аэродром подскока — базу ВВС в Каминне. Операцию обеспечивали 15 самолетов «С-130Е» (в том числе один запасной, один — связи, один — с боеприпасами), 2 «НС-97»,

9 «С-124» «Глобмастер». В десанте участвовал батальон парашютистов «командос», усиленный одной ротой. На его вооружении имелись четыре бронетранспортера (каждый с тремя пулеметами), одиннадцать роллеров (для передвижения по пересеченной местности). На вооружении парашютистов, имевших боезапас по 100 патронов и 2 гранаты на человека, находились автоматические винтовки, пулеметы, 83-мм безоткатные орудия, гранатометы и 60-мм минометы.

Высадка осуществлялась двумя волнами: пять самолетов (первая волна) сбросили парашютный десант, который отгеснил с аэродрома небольшую охрану и убрал заграждения со взлетно-посадочной полосы. Семь самолетов (вторая волна) высадили еще 225 человек. В Стэнливиле они действовали поротно: одна рота направилась в африканский район города (где якобы находились заложники), вторая — на штаб-квартиру К. Гбенье, третья — захватила контрольную башню аэродрома, четвертая (штабная) — оставалась в резерве [757, стр. 184, 188—189; 164, стр. 398—400]. Действия авиагруппы поддерживались боевыми самолетами «В-26».

В ходе подготовки аэромобильных операций в Северном Мозамбике был учтен опыт Вьетнама и опыт применения в Африке мобильного стратегического резерва английских вооруженных сил. Основным боевым компонентом этих операций являлись португальские парашютные части и отряды «командос». С военных баз транспортные самолеты доставляли их на заранее подготовленные в джунглях посадочные площадки. Оттуда на вертолетах при поддержке авиации и вооруженных вертолетов они совершали налеты на освобожденные деревни, опорные базы партизан, десантировали карательные подразделения [351, 14. X. 1970].

На начальных этапах империалистические армии применяли обычную военную технику. Однако постепенно стали выделяться виды оружия, наиболее приспособленные для противопартизанских войн и природных условий Африки.

В области стрелкового вооружения наиболее эффективным оружием для использования в джунглях считалась бельгийская 7,62-мм винтовка F-30 — стандартное вооружение НАТО. Высокая убойная сила этой винтовки и скорострельность обеспечивали необходимое поражающее действие в джунглях, при стрельбе по быстро движущимся и замаскированным целям.

Из артиллерийских средств наиболее широкое применение получили, главным образом благодаря их транспортабельности, 81-мм, 120-мм минометы и безоткатные орудия различных калибров, а также французские противотанковые управляемые реактивные снаряды SS-10 и SS-11.

Колониальные войска и наемники постоянно испытывали необходимость в бронетранспортных средствах. Наиболее удобным бронесредством показал себя броневедомитель «Феррет».

Кроме штатных бронетранспортеров войсками широко использовались бронированные автомашины «джип», «виллис», «ленд-ровер» с установленными на них пулеметами или безоткатными ружьями. Количество таких машин во французской армии в Алжире достигало, например, нескольких тысяч.

В области авиации предпочтение отдавалось легкомоторной авиации или облегченным самолетам многоцелевого назначения. Такими самолетами в английских ВВС были «Пайонир» и «Твин-пайонир», во французских ВВС — «Бруссар». Однако наибольшую эффективность в противопартизанской войне показал учебно-тренировочный реактивный самолет американского производства «Т-6» и его улучшенный вариант «Т-8». Он был вооружен пулеметами, в том числе турельным, бомбами и ракетами «воздух — земля», использовался как штурмовик и легкий бомбардировщик [336, 1957, август — сентябрь, стр. 1395]. В настоящее время самолеты такого типа («Импала») производятся по лицензии в ЮАР и поступают для нужд противопартизанской войны в ее армию [349, 24. XI. 1967, стр. 11]. В качестве бомбардировщиков использовались самолеты «Б-26», «Канберра». Для нанесения штурмовых ударов применялись реактивные истребители «Хантер», «Гарвард», «Мистраль», «Г-91», «Г-95» и др.

Наибольшее распространение в Африке получили французские вертолеты «Алуэт», «Фрелон», принятые на вооружение в бывших французских колониях и ЮАР, а также вертолеты американских марок. Оперативно-тактическая мобильность обеспечивалась французскими транспортными самолетами «Н-2501», английскими «Аргози», американскими «ДС-3»; стратегическая мобильность — американскими «С-130», английскими «Британия» и «Комета IV» [179, стр. 10; 282, 1961, январь, стр. 104]. В аэромобильных операциях в Мозамбике принимают участие американские вертолеты типа «Ирокез» [503, стр. 56].

Боевые действия в Африке в основном проходили до начала американской агрессии во Вьетнаме, во время которой были внедрены в войска такие средства противопартизанской войны, как фосфорные бомбы, гранаты и снаряды, кассетные бомбы, амфибийные бронетранспортеры, инфракрасные и тепловые прицелы для ночного боя, мобильные радиолокационные установки, позволяющие «видеть» наземного противника на расстоянии до 1000 м, бесшумное оружие и т. п. [775, стр. 171]. Однако внедрение этого оружия происходит в настоящее время, особенно в португальской армии [231, 1970, май, стр. 11], а также в армии ЮАР, где развернуты самостоятельные исследования в области вооружения для противопартизанской войны [232, 1968, № 3, стр. 1015; 231, 1969, март — апрель, стр. 42; 349, 15. VIII. 1969, стр. 7]. Там, в частности, разработаны напалмовая бомба собственной конструкции, шрапнельные мины, высокоэффективный

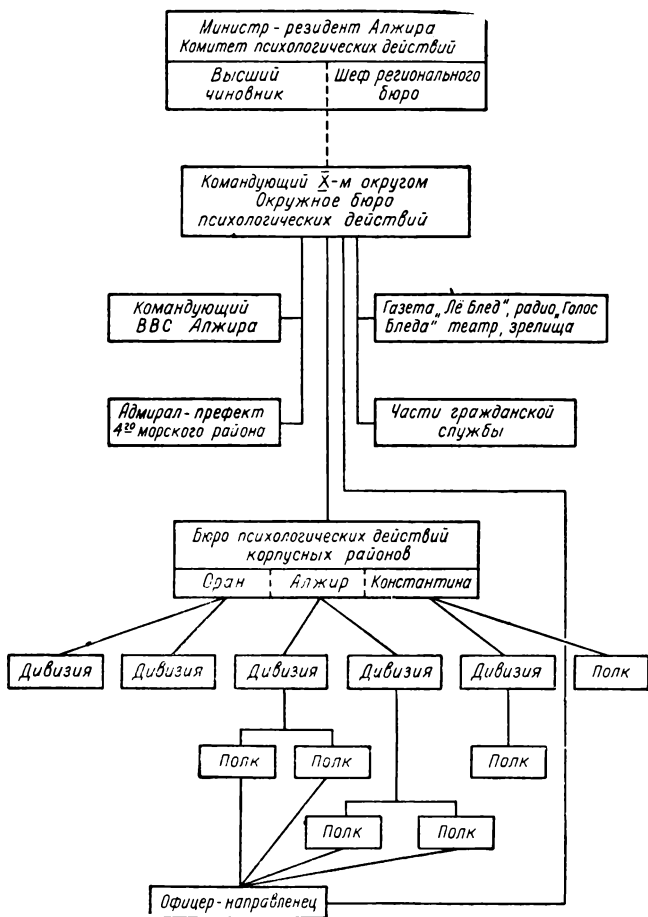
ночной прицел, управляемые реактивные снаряды, ведутся работы по приспособлению военно-электронной аппаратуры к климатическим условиям пограничных областей ЮАР.

Подрывная пропаганда

Противоповстанческие действия империализма в Африке предусматривали широкое использование подрывной пропаганды с целью изоляции повстанцев. В разных конфликтах подрывная пропаганда принимала различные формы. Их общей идеологической основой были антикоммунизм, патернализм, национальная и этническая нетерпимость. Составными элементами «психологической войны» были различные реформы как административного, так и социально-экономического порядка («план Су-стеля», «план Константины», реформа землевладения в Центральном нагорье Кении, административная реформа 1963 г. в португальских колониях), идеологическая обработка путем «убеждения». Главной и неотъемлемой частью «психологической войны» были массовый террор и насилие.

Идея насилия, заложенная в основу подрывной пропаганды, выражалась формулой «присутствие силы влияет на ум» [559, стр. 93]. В соответствии с этой формулой французские «теоретики» отводили в «психологической войне» основное место армии. Последняя была «силой, которая воюет. Ее победы, ее внутренняя связь, ее мощь — необходимая основа психологических действий» [там же, стр. 94]. Английские «теоретики» выражались более конкретно, подчеркивая, что для привлечения населения на сторону администрации нужно употреблять политику кнута и пряника [740, стр. 168]. Пытаясь под влиянием неудач уйти от грубых методов чисто репрессивного подавления к более изощренным, колонизаторы в конечном счете вновь возвращались к тотальному террору, но только теперь прикрытому фиговым листком «психологических действий».

Наиболее изощренная система подрывной пропаганды была разработана во французской армии в период войны в Алжире, особенно после того как руководство взяла в руки школа «революционной войны». Начиная с мая 1956 г. целый ряд директив, изданных Р. Лакомом, расширили юрисдикцию армии в области подрывной пропаганды, вменили ей в обязанность «восстановление контактов» с населением, под которым подразумевалось внесение раскола в ряды алжирских патриотов и агитация за неокOLONIAЛИСТСКУЮ программу сохранения Алжира в руках французских монополий под флагом создания «обновленного франко-мусульманского сообщества» [677, стр. 183]. К ноябрю 1957 г. оформилась «служба психологических действий» — 5-е бюро, сеть которого была доведена до батальона и даже ниже [там же, стр. 180]. Она координировалась с действиями

Структура органов «психологической войны» французской армии в Алжире

отрядов САС¹⁵ (административная служба сельской местности) и САУ (секция городской администрации), на которые возлагалась задача «объединения» населения районов и городов после захвата их войсками [559, стр. 95—97].

5-е бюро занималось «пропагандистской работой» (для чего каждой зоне была придана рота подвижных средств агитации); молодежь, женщин, ветеранов войны оно пыталось вовлечь в отряды «самообороны» и в разведывательную деятельность. В задачи 5-го бюро входила идеологическая обработка алжирцев в центрах перемещения и перегруппировки, в каждом из которых находился офицер психологической службы [там же, стр. 97].

В конечном счете психологическая обработка сводилась к тому, что алжирцев заставляли давать подписки о сотрудничестве под угрозой смерти [677, стр. 186]. Результаты, даже по оценке буржуазных исследователей, были «искусственными и разочаровывающими» [там же, стр. 189].

Центром усилий английской психологической службы была идеологическая обработка колониальных войск. В основном внимание обращалось на воспитание беспрекословного подчинения англичанам, разъяснение «вклада» Великобритании в развитие африканских колоний, подчеркивание их «единства» с метрополией [347, 1959, июнь, стр. 12]. Психологическая обработка и «перевоспитание» партизан и сочувствующих им местных жителей осуществлялись при помощи общих идеологических служб и реакционных организаций типа «Моральное перевооружение» [722, стр. 115].

Подрывная пропаганда составляла неотъемлемую часть противоповстанческих действий в португальских колониях. За ее ведение отвечала служба социально-психологических действий португальской армии. Официально провозглашалось, что задача армии заключалась в «заоевании доверия африканцев и улучшении их жизненных условий» [184, стр. 294]. Однако практически дело сводилось к строительству дорог в зоне боевых действий, установлению контактов с местными вождями, надзору за расселением «подозрительных» элементов. В эту же программу входило строительство многочисленных «центров для расселения» эвакуируемого из зон боевых действий населения. Эффективность программы всячески раздувалась апологетами колониализма [183, стр. 382; 637]. Любые неудачи португальских войск приводили к развязыванию массового террора против мирного населения.

¹⁵ Общая численность отрядов «службы психологических действий» составляла 1200 человек. Постоянное ядро отряда состояло из офицера-командира, сержанта — его заместителя, трех гражданских лиц — казначея, секретаря и радиста, а также некоторого количества алжирцев.

§ 4. ПОДДЕРЖКА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ АФРИКИ СТРАНАМИ СОЦИАЛИЗМА

Объективной основой союза между мировой социалистической системой и национальными государствами Африки, ведущими борьбу против империализма, являются единство и взаимосвязь революционных сил современности, единство интересов борьбы за мир, демократию и социализм. Социалистическое содружество выступает как основной фактор в сдерживании агрессивных сил империализма. Оно сковывает силы империализма в мировом масштабе, предотвращает экспорт контрреволюции в молодые независимые государства.

Внешняя политика Советского государства строится на ленинских принципах, в том числе на принципе пролетарского интернационализма. Одна из важнейших внешнеполитических функций этого принципа состоит в оказании самого действенного и твердого отпора экспорту контрреволюции, будь то в военной или мирной форме [220, 1973, № 17, стр. 90].

Эта функция социализма на мировой арене ведет свое начало со дня рождения первого в мире социалистического государства. С первых дней своего существования СССР оказывал всестороннюю политическую, экономическую и военную помощь борцам за национальное и социальное освобождение. В 20-е годы такая помощь оказывалась Турции, Афганистану, Китаю. Горячую симпатию и солидарность советских людей нашла, в частности, мужественная борьба народа Республики Риф.

В 30-е годы, в преддверии второй мировой войны, Советский Союз оказал большую военную помощь республиканской Испании, подвергшейся итало-германской фашистской агрессии, и Китаю, куда вторглись японские захватчики. Эта помощь осуществлялась в виде поставок вооружения и военного снаряжения, посылки в армии этих стран советников и инструкторов, а также путем участия советских военнослужащих-добровольцев в вооруженной борьбе.

В годы второй мировой войны Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашистской Германией, оказал огромную военную и экономическую помощь народам, боровшимся против фашистских агрессоров как в Европе, так и в Азии. Разгром Советскими Вооруженными Силами ударных отрядов мирового империализма — германо-итальянского фашизма и японского милитаризма создал качественно новое соотношение сил в мире, которое характеризовалось резким ослаблением мировой системы империализма, значительным сокращением его военных возможностей в борьбе против национально-освободительного движения.

Общее ослабление международного империализма проявилось и в том, что, сосредотачивая в дни «холодной войны» свои основные вооруженные силы против СССР и других стран со-

циализма, он уже не имел достаточных сил, чтобы подавить вооруженным путем растущее национально-освободительное движение во всем мире, в том числе и в Африке. Выдающиеся успехи Советского Союза в развитии социалистической экономики, советского общественного строя, Советских Вооруженных Сил, возникновение мировой системы социализма привели к тому, что поддержка братскими социалистическими странами народов Африки и других континентов в их борьбе против колониализма и неоколониализма стала постоянно действующим фактором мировой политики. Каждый новый шаг на пути повышения экономического, политического и военного могущества социалистических государств ограничивает способность империализма маневрировать, сужает сферу его засилья и таким образом меняет соотношение сил на мировой арене в ущерб империализму и реакции.

Свидетельством коренных изменений в соотношении сил в мире между социализмом и капитализмом явились события на Ближнем Востоке осенью 1956 г. В ответ на англо-франко-израильскую агрессию против Египта Советское правительство предложило Совету Безопасности ООН принять незамедлительные меры для пресечения агрессии и заявило о своей готовности внести свой вклад в дело обуздания агрессоров, защиты жертв агрессии, в дело восстановления мира путем отправки в Египет необходимых военно-воздушных и военно-морских сил [225, 6.XI. 1956].

Ввиду того что действия Совета Безопасности были парализованы агрессорами, 5 ноября 1956 г. Советское правительство направило непосредственно странам-агрессорам заявления, в которых, квалифицируя их действия как захватническую войну против арабских народов, предостерегло, что в случае продолжения агрессии советским добровольцам будет разрешено выехать в Египет и с оружием в руках помогать египетскому народу вести освободительную борьбу [там же]. 7 ноября правительства Англии, Франции и Израиля были вынуждены прекратить агрессию.

Таким образом, если раньше империалисты чувствовали себя безнаказанно и могли диктовать свои условия народам развивающихся стран Африки, то теперь сложилось иное положение. Это вынуждены признать наиболее трезво мыслящие представители буржуазного мира. Характеризуя последствия провала тройственной агрессии в результате энергичного вмешательства СССР, французский генерал Бофр писал, что «это был конец империй и начало новой эпохи» [553, стр. 19].

Вмешательство Советского Союза предотвратило дальнейшее развитие израильской агрессии в июне 1967 г.

Благодаря усилиям СССР и других социалистических стран коренным образом изменились международные условия для ведения национально-освободительных войн. В результате энер-

гичной деятельности советской делегации Генеральная Ассамблея ООН приняла 24 сентября 1965 г. специальную декларацию, которая явилась для всех развивающихся государств и народов, борющихся за национальную независимость, международно-правовым, политическим щитом. Декларация объявила вооруженное вмешательство в освободительную борьбу народов синонимом агрессии, противоречащим основным принципам мирного международного сотрудничества, поставила вне закона расизм и колониализм во всех их формах и проявлениях. Ее принятие объективно содействовало интересам безопасности народов Африки, международной гарантии их суверенитета.

Советский Союз настойчиво борется также за международно-правовое обоснование законности вооруженной борьбы колониальных народов, признание их права на самооборону, принципа законности и правомерности помощи и поддержки народам, ведущим борьбу за национальную независимость [128; 130; 131, стр. 39].

Советский Союз и братские социалистические страны оказывали и оказывают народам Африки постоянную военную и экономическую помощь и политическую поддержку в их священной борьбе против угнетателей. Интернационалистская позиция СССР в этом вопросе зафиксирована в Программе КПСС: «КПСС и весь советский народ и впредь будут выступать против всех и всяческих захватнических войн, в том числе войн между капиталистическими государствами, против локальных войн, направленных на удушение освободительных народных движений, и считают своим долгом поддерживать священную борьбу угнетенных народов, их справедливые освободительные войны против империализма» [107, т. 3, стр. 273].

Большую военно-политическую помощь страны социалистического содружества оказали алжирскому народу в его многолетней борьбе за национальную независимость. В 1955 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз сделал заявление о международном характере алжирского вопроса, призвал государства — члены ООН признать за алжирцами право воюющей стороны [425, стр. 290]. СССР оказывал политическую и дипломатическую поддержку ВПАР в ООН, а также помогал оружием алжирской Армии национального освобождения [430, стр. 261]. Социалистическая Болгария оказала большую помощь ФНО Алжира в вооружении и обучении внутренней армии в дни наиболее тяжелых испытаний. Оценивая военную помощь социалистических стран вооруженным силам Алжира, боровшимся за независимость страны, секретарь ЦК Алжирской коммунистической партии Башир Хадж Али писал: «Армия национального освобождения смогла оценить чрезвычайно важную помощь в снабжении оружием со стороны социалистических стран, особенно СССР. Это оружие доставлялось к нам морским путем благодаря Египту, Болгарии и Югославии» [227, 1965, № 1, стр. 54]. После завоевания Алжиром

независимости советские военнослужащие по просьбе алжирского правительства проделали большую и опасную для жизни работу по разминированию территории страны от французских мин [464].

Советский Союз, Чехословакия и Польша в 1955 г. подписали соглашения о поставках вооружения Египту [425, стр. 258]. С тех пор СССР служит верной опорой арабских стран в отражении агрессии Израиля. Он помог восстановить оборонный потенциал арабских государств после войны 1967 г. Советский Союз поставил Арабской Республике Египет оружие, после того как египетская армия потеряла 80% своего вооружения. При помощи СССР была создана мощная противовоздушная оборона АРЕ [225, 21.V.1971]. Египетские вооруженные силы были не только восстановлены, но и реорганизованы и перевооружены на основе современных требований.

Советские Вооруженные Силы служат источником военного опыта для армий молодых государств. Сейчас, когда вопросы вооруженной защиты национально-освободительной революции имеют особое значение для борьбы против внешней и внутренней реакции, этот опыт необычайно важен. Его важность — в его революционном характере, в том, что это самый передовой в военно-техническом отношении опыт военного строительства.

В ходе послевоенного развития выявились такие принципы военно-политического содружества между СССР, странами социалистического содружества и молодыми национальными государствами, как невмешательство во внутреннюю политическую жизнь, уважение территориальной неприкосновенности и суверенитета, полное равенство. Формы сотрудничества многообразны.

Об объеме и характере дружественных связей между Советскими Вооруженными Силами и армиями национальных государств Африки говорит тот факт, что только за последние годы в СССР с официальными визитами побывали руководители армий АРЕ, Сомали, Нигерии, Замбии и других африканских стран.

«Уроки истории, — указывает член Политбюро ЦК КПСС министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, — учат: чем крепче союз миролюбивых сил, тем выше их военная мощь, тем прочнее мир на земле, тем надежнее гарантия безопасности всех свободолюбивых народов» [220, 1973, № 7, стр. 18].

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АФРИКЕ

Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость после второй мировой войны развивалась как в форме национально-освободительных восстаний и войн, прогрессивных военных переворотов, имеющих целью ликвидацию колониальной и полуколониальной зависимости, свержение марионеточных проимпериалистических режимов, так и в форме войн сопротивления открытой империалистической агрессии, имеющих целью защиту прогрессивных режимов в молодых независимых государствах. Особым случаем вооруженной борьбы против империализма было подавление реакционных заговоров, попыток контрреволюционных переворотов.

В сложнейших перепетиях национально-освободительной борьбы в различных странах Африки отчетливо проявляются те общие законы, по которым развивается революция. Острый революционный кризис, потрясающий общество; готовность широких масс выступить на борьбу с колониализмом и идти в этой борьбе до конца; необходимость сознательного и целеустремленного руководства борьбой со стороны революционной партии; необходимость тщательной и всесторонней подготовки вооруженного восстания, создания национальной армии революции — все эти закономерные условия успешного развития революции, избравшей вооруженный путь, постепенно становятся основой стратегии и тактики революционных африканских организаций, ведущих борьбу за освобождение последних колоний.

Успехи вооруженной борьбы за независимость и свободу достигались в результате сочетания этой формы борьбы с политической, экономической, дипломатической борьбой, в результате поддержки и помощи мировой системы социализма и других прогрессивных сил. В некоторых странах в ходе национально-освободительных войн формировались органы народной власти.

Вооруженная борьба против колониализма в Африке выявила много национальных, региональных и даже континентально-особенных черт.

Имея дело с мощным и хорошо вооруженным противником, африканские повстанческие силы стремились противопоставить ему высокий уровень организации масс и вооруженных отрядов. Были максимально мобилизованы все средства вплоть до про-

изводства самодельного оружия и использования традиционного вооружения. Создавая военно-политическую организацию, комплектуя повстанческие отряды, африканцы опирались и на различные традиционные институты.

Преобладающим видом военных действий народов Африки против колонизаторов была партизанская война. Еще раз подтвердилась ее эффективность в качестве формы сопротивления лучше организованному и вооруженному противнику. В то же время выявились ее ограниченные возможности как решающего средства для достижения окончательной военной и политической победы. По мере углубления и расширения борьбы, поступления современного вооружения в повстанческие вооруженные силы все больше внедрялись регулярные формы организации и способы боевых действий, возрастала роль таких средств борьбы, как высокоманевренные действия повстанческих соединений и частей, значительно изменялась партизанская тактика. В то же время история вооруженной борьбы в Африке показала, что ее формы разнообразны и не ограничиваются партизанской борьбой. Это — вооруженные восстания, войны регулярного, маневренного типа, прогрессивные военные перевороты.

В сферу революционной вооруженной борьбы за независимость были вовлечены не только сельские районы, хотя основная часть населения Африки — крестьянство, но и города, которые (особенно в Алжире, Египте, Конго — Леопольдвиле и др.) стали местом ожесточенной вооруженной борьбы с колонизаторами. Молодой африканский рабочий класс дал наиболее стойких и умелых воинов и командиров. По мере роста африканского пролетариата в странах юга Африки города все больше становятся центром притяжения революционных сил, а это ведет к возрастанию роли такой формы борьбы, как вооруженное восстание.

Ввиду военно-технической отсталости стран Африки, отсутствия собственной военной промышленности и кадров важное значение для ведения вооруженной борьбы силами национального освобождения имели следующие факторы: получение военной помощи и наличие опорных баз в сопредельных независимых государствах.

Империалистические державы, опираясь на мощную военно-полицейскую машину и систему военно-колониального господства, в военных действиях против африканских революционеров максимально использовали войска метрополии. Они повсеместно применяли массовый террор и зверства против гражданского населения. Однако предотвратить завоевание независимости они не смогли. Вооруженная борьба в Алжире, Кении, Конго (Леопольдвиль), Египте и других странах сыграла заметную роль в распаде крупнейших колониальных империй в Африке — французской, английской и бельгийской. Затяжной характер борьбы в этих странах, массовая поддержка повстанцев населением,

слабая результативность военных и политических акций империалистических держав выявили «кризис силы» в отношениях между колонизаторами и угнетенными народами, непрерывно углубляющийся в результате изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма.

Предотвращение Советским Союзом экспорта контрреволюции в Египте в 1956 г. имело ключевое значение для развития национально-освободительного движения во всей Африке, так как вскрыло общую слабость основных колониальных держав и позволило освободительным силам использовать новую ситуацию и новое соотношение сил в мире для достижения политического освобождения. В результате многие страны, где назревали вооруженные конфликты с колонизаторами, получили независимость мирным путем.

Борьба за освобождение последних колоний в Африке приняла вооруженный характер. Африканцы добились больших военных и политических успехов в Гвинее — Бисау, где португальские войска в настоящее время фактически блокированы повстанческой армией и где ныне провозглашено создание нового независимого государства. В Мозамбике военные действия распространились на территорию округов Маника и Софала, окватывая, таким образом, пять из восьми административных областей колонии. Патриоты Анголы ведут бои в 10 из 15 округов. На освобожденных территориях патриоты ставят и постепенно решают конструктивные задачи социально-экономического развития. Тем не менее в Анголе и Мозамбике освободительные силы встречаются с серьезными трудностями, вызванными активизацией подрывной деятельности и террора по отношению к освободительным силам и населению со стороны Португалии, а также ее намерением превратить Анголу и Мозамбик в расистские поселенческие колонии. Сам по себе этот факт весьма симптоматичен, ибо выявляет неспособность португальского империализма подавить вооруженным путем освободительные движения. В то же время на новом этапе борьбы перед африканскими национальными организациями возникают серьезные задачи в определении своей стратегии и тактики.

Сложная обстановка складывается в ЮАР и Родезии. Проведение политики апартхеида преследовало наряду с политическими и экономическими целями чисто военные — социальную и территориальную изоляцию африканского населения. Создание военно-полицейской машины, рассчитанной (с точки зрения ее внутренней функции) на тотальное подавление освободительного движения африканцев, в совокупности с режимом полицейского террора, превратившим эти государства в сплошной концентрационный лагерь, затруднило развертывание массовой вооруженной борьбы. Тем не менее в настоящее время в этих странах наметился новый подъем освободительной борьбы. В ЮАР он выразился в мощном подъеме забастовочного дви-

жения (весной и осенью 1973 г.), в ходе которого африканские трудящиеся, несмотря на жестокие расправы, выдвинули требования ликвидировать расовую дискриминацию. В Родезии весной 1973 г. вновь начались активные действия партизанских отрядов национально-освободительной армии. Патриоты Намибии расширяют партизанскую борьбу, особенно на северо-востоке и северо-западе страны. Укрепляется тенденция к единству действий всех освободительных сил юга Африки. Это единство крайне необходимо перед лицом тесного военного и политического блока правящих кругов Португалии, ЮАР и Родезии.

Анализ характерных черт революционной вооруженной борьбы против империализма в Африке показывает, что ведение такой борьбы является в высшей степени сложной задачей, требующей максимума подготовки и организации, опоры на широкие народные массы, применения новейших средств вооружения, а, следовательно, всесторонней, в том числе и военной, помощи. Другая сторона вопроса — это своеобразный кризис партизанской тактики. Высказываемое отдельными леворадикальными деятелями мнение о возможности решить вопрос «кто кого» только средствами партизанской борьбы не получает практического решения в современных условиях Африки. Применение контрреволюционной противоповстанческой стратегии в виде комплекса экономических, политических, военных и других мероприятий помогает империалистам в подавлении революционных выступлений. Тщательно разработанная стратегия и тактика противопартизанских действий позволяет в ряде случаев добиваться если не военных побед, то хотя бы устойчивого «равновесия сил», которое они пытаются использовать для политического маневрирования, имеющего целью изоляцию освободительных движений от народных масс.

Учитывая эти обстоятельства, многие руководители революционных сил приходят к выводу, что окончательное свержение власти колонизаторов невозможно без развертывания массовой экономической и политической борьбы трудящихся, основанной на единстве всех прогрессивных сил и прочном союзе рабочего класса и крестьянства. Кроме того, необходимо расширять средства вооруженной борьбы вплоть до всеобщего вооруженного восстания и регулярной маневренной войны, совершенствовать вооружение и организацию революционной армии восстания.

Как показал опыт последних лет, серьезную опасность для национально-освободительного движения представляет левацкий, авантюристический подход к выбору форм революционного действия. Отрицание всех форм борьбы, кроме вооруженной, отказ от смены форм борьбы в период спада восстания или отсутствия революционной ситуации, попытки начать вооруженные действия против империалистов и их ставленников в условиях явного военного превосходства последних — эти ошибки и заблуждения некоторых леворадикальных партий и организаций,

подогреваемые пропагандой теории и практики маоизма в Африке, послужили причиной ряда серьезных неудач африканского национально-освободительного движения. Трибализм, раскольническая деятельность маоизма оказывают также крайне отрицательное влияние на единство освободительных сил.

Исключительно важное значение имеет руководство вооруженной борьбой со стороны революционной партии, обладающей такими важными качествами, как умение правильно определить и решительно реализовать революционную ситуацию; глубокая вера в победу при понимании того, что успех не дается без тщательной и всесторонней подготовки борьбы, без революционной смелости; умение действовать в любых условиях, в тесной связи с массами, использовать все формы борьбы.

Развитие вооруженной борьбы в Африке, особенно на начальном этапе, серьезно затруднялось низким уровнем идейно-политического и организационного руководства национально-освободительным движением. Сказывалось также незнание многими военными и политическими руководителями марксистско-ленинских принципов руководства революционной вооруженной борьбой масс. Положение в известной степени изменилось на современном этапе, когда вооруженную борьбу возглавили революционно-демократические партии, стремящиеся опираться в планировании и ведении революционной вооруженной борьбы на эти принципы, выступают, как например в ЮАР, в союзе с компартиями. Африканская действительность требует глубокой и серьезной работы по осмыслению конкретного политического и военного опыта в каждой стране, а также широкого обмена этим опытом между национальными партиями и организациями, использования опыта международного революционного движения.

После крушения своего колониального господства в большинстве стран Африки империализм пытается использовать вооруженное насилие (наряду со средствами политического и экономического нажима) для того, чтобы помешать прогрессивному социальному развитию африканских стран. Возможность использования вооруженного насилия как в форме «демонстрации силы», так и в форме открытой агрессии заложена в неокOLONIALИЗМЕ. Переход к неокOLONIALИЗМУ в Африке проявился, в частности, в сохранении военного присутствия империализма. На месте системы военно-колониального господства возникла система военного «прикрытия» Африки от революционного движения, разработанная в соответствии с требованиями контрреволюционной стратегии империализма. В качестве «гарантов» капиталистического развития африканских стран наряду со старыми колониальными державами выступили Соединенные Штаты Америки, ЮАР и Израиль. В самой Африке неокOLONIALИЗМ использовал в широком масштабе военные диктатуры. Над новыми африканскими государствами не раз нависала угроза вторжений, внутренних контрреволюционных взрывов.

В 1970 г. американское правительство распространило принципы стратегии «реалистического сдерживания»¹ на Африканский континент. Согласно этой стратегии, «оборона африканцев против подрывной деятельности... должна осуществляться непосредственно африканцами» [213, стр. 67—68]. Кроме того, Африка продолжает оставаться в сфере военного воздействия старых колониальных держав. Африканский континент по-прежнему окружен кольцом империалистических военно-морских и военно-воздушных баз, могущих служить опорой для агрессивных действий мобильных сил бывших метрополий. Важную роль в военно-колониальной стратегии империализма в Африке продолжают играть армия Израиля, а также вооруженные силы Южно-Африканской Республики. Характерной чертой последних лет является смыкание южноафриканского блока колонизаторов с Израилем, которое проявляется в координации стратегии, унификации вооружения и расширении его взаимных поставок, во внедрении общих принципов боевой подготовки.

Несмотря на происходящую в настоящее время во всем мире разрядку международно напряженности, колонизаторы и расисты в Африке продолжают вести войны против африканцев; не прекращаются провокации, политический шантаж и экономическая блокада против Замбии, Танзании, Сенегала, Гвинеи, Заира и других стран. Колонизаторы и расисты продолжают пользоваться поддержкой НАТО и ряда империалистических держав, снабжающих эти страны вооружением. «Для миллионов людей на нашей планете, — указывал в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев, — мира еще нет, они вынуждены с оружием в руках сражаться против империалистических агрессоров и их пособников, против произвола захватчиков, за свою свободу и независимость, за элементарное право быть хозяином в собственном доме» [220, 1973, № 15, стр. 16].

Основным объектом империалистической агрессии в Африке являлись страны, избравшие путь некапиталистического развития. Однако не исключено, что любое государство, чья внутренняя или внешняя политика не устраивают империалистов, может стать ее объектом. Вот почему страны Африки вынуждены придавать большое значение обеспечению обороноспособности против открытой агрессии империализма. Деятельность африканских государств в этой области заключается в создании нацио-

¹ Стратегия «реалистического сдерживания» родилась вследствие кризиса стратегии «гибкого реагирования». Основная суть стратегии «реалистического сдерживания» — возложить на союзников США ответственность за так называемую оборону против «подрывной коммунистической деятельности». Помощь союзникам со стороны США выражается в поставках военной техники, обучении армии и т. д. Однако в случае необходимости США оказывают поддержку с моря и воздуха, а также расширяют площадь «ядерного прикрытия» [206, 1971, № 2, стр. 28—29].

нальных вооруженных сил, в борьбе за полную ликвидацию военной зависимости от империализма, в создании общеафриканской системы безопасности. В решении проблем строительства вооруженных сил очень много трудностей, вызываемых ограниченными финансовыми и экономическими возможностями африканских стран и почти полным отсутствием военно-промышленной базы. Реальную помощь африканским странам в преодолении этих трудностей оказывает мировая система социализма, в первую очередь Советский Союз.

На севере Африки до сих пор существует очаг международной напряженности, который наносит огромный ущерб мирному развитию арабских и африканских государств и препятствует углублению процесса ее разрядки. Камень преткновения, который мешает справедливому урегулированию конфликта и восстановлению мира на Ближнем Востоке, — это позиция Израиля и поощрение его политики со стороны империалистических и сионистских кругов. Политика оккупации и «освоения» арабских территорий, которая уже привела к созданию на них «постоянных» израильских поселений, на протяжении последних лет сочеталась с нарастанием военных провокаций против арабских стран. Одновременно правящие круги Израиля усиленно наращивали военный потенциал страны. За последние годы почти вдвое увеличилось число танков и самолетов, состоящих на вооружении израильской армии, была развернута военная промышленность, осуществлены крупные закупки вооружения в империалистических государствах.

Осенью 1973 г. очаг напряженности на Ближнем Востоке уже в четвертый раз дал вспышку войны. Начавшиеся 12 октября военные действия между Израилем, с одной стороны, Египтом и Сирией — с другой, достигли невиданной ранее интенсивности. В боях с обеих сторон участвовали сотни тысяч солдат и офицеров, сотни самолетов, несколько тысяч танков. Военная схватка была кратковременной, но ожесточенной.

События на Ближнем Востоке показали возросшую силу арабских государств — жертв агрессии. В результате действий арабских армий, эффективно использовавших первоклассную военную технику, поставленную Советским Союзом, был развеян миф о непобедимости вооруженных сил Израиля. Была продемонстрирована действительная солидарность государств арабского мира, которая проявилась как в военной области, так и в осуществлении политических и экономических мер по защите совместных интересов.

Еще раз была доказана высокая эффективность дружеской помощи арабским народам в их справедливой борьбе со стороны СССР и других социалистических стран. Особенно наглядно проявилась политическая и дипломатическая изоляция Израиля, вызванная его агрессивной политикой.

Наряду с открытой агрессией важное место в арсенале ко-

лонизаторов занимает подрывная деятельность, которую они осуществляют с целью сохранения своих экономических и политических позиций в развивающихся странах. Применяемые ими средства включают разнообразные формы вооруженного насилия: заговоры, военные перевороты, установление военных диктатур. Исключительно важное значение придает империализм опоре на реакционную военную элиту. Крайне опасный характер для молодых независимых государств приобретают внутренние этнические конфликты, подчас перерастающие в настоящие войны.

Сейчас, когда в развивающихся странах Африки на первый план выдвигаются проблемы расширения и углубления национально-освободительных революций, которые в ряде стран ведут к широким социально-политическим преобразованиям, реакционные империалистические силы разрабатывают новые планы военно-политического давления и военных провокаций в этом районе мира.

Руководящие круги НАТО требуют расширить к югу границу действия этого агрессивного военно-политического блока, которая в 1949 г. была установлена по тропику Рака. «Законность» экспансии и колониальных войн в Африке обосновывается необходимостью борьбы против «коммунистического господства в Африке», которое якобы угрожает «порабощением» Европы «без единого выстрела на центральноевропейском ТВД» [313, 1972, № 2, стр. 11; 1973, № 6, стр. 44].

Разрабатываются планы использования в контрреволюционных целях вооруженных сил некоторых африканских государств. Выгодная империалистам с политической и экономической точек зрения «балканизация» Африки мешает, по мнению английских военных историков, созданию на континенте африканской военной силы, достаточно эффективной для подавления выступлений против неокOLONиализма и поддерживаемых им режимов. С точки зрения буржуазных военных историков «типично африканские армии», созданные для «отражения коммунистической угрозы» в целях обеспечения «внутренней безопасности» (т. е. поддержания прозападных режимов) и обороны континента в случае глобального конфликта, не могут выполнить возложенных на них задач из-за своей малочисленности и слабой вооруженности [628, стр. 98—100]. Существующие региональные союзы также не устраивают колониальных стратегов НАТО сложностью процедуры принятия и проведения в жизнь военных решений. Эти и другие недостатки предлагается ликвидировать путем объединения ряда африканских армий в единую военную организацию с последующей унификацией вооружения, стандартизацией боевой подготовки и т. п. [там же, стр. 100—101]. В соответствии с характером местности, а также принимая во внимание ограниченное число войск и ресурсов, против освободительных сил предлагается использовать два вида боевых действий: 1) пар-

тизанскую борьбу или действия сухопутных войск на широком фронте — в джунглях и в буше, 2) маневренную войну на земле и в воздухе в открытой пустыне, саваннах, на плоскогорьях. В любом случае действия сухопутных войск должны быть подержаны партизанской войной в воздухе².

«Весь ход послевоенного развития, — говорил в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев, — убедительно показал: колониализм и агрессия, политика колониального гнета и политика силы — это, по существу, две стороны одной и той же медали» [220, 1973, № 15, стр. 8]. Реакционной деятельностью империалистических сил и агрессивным планам империалистической военщины в Африке противостоит воля к миру народов и правительств африканских стран. Они черпают уверенность и силу в миролюбивой внешней политике стран социалистического содружества, в первую очередь Советского Союза, направленной на то, чтобы сделать необратимыми достигнутые крупные сдвиги в международных отношениях.

Пекинские политики и пропагандисты, пытаются оклеветать Советский Союз и другие братские страны, бросить тень на взаимоотношения СССР со странами «третьего мира», в том числе странами Африки, настойчиво распространяют лживый тезис о «сговоре двух сверхдержав». В действительности же речь идет о том, чтобы избежать мирового конфликта двух систем, о том, чтобы соревнование между ними сконцентрировать на мирном поприще. Кроме того, как показал опыт последних событий на Ближнем Востоке, проделанная за последние годы работа по нормализации отношений между США и СССР — крупнейшими государствами с различным общественным строем — позволила предотвратить разрастание ближневосточного конфликта до масштабов, угрожающих всеобщему миру [225, 30.XI.1973].

Осуществление на практике мирного сосуществования несет большие выгоды развивающимся государствам Африки. Действительно, ликвидация «холодной войны» ведет к усилению демократических тенденций в международных отношениях, к уважению прав, территориальной целостности и суверенитета развивающихся стран. Крах доктрин, воспевающих политику силы, стимулирует сопротивление попыткам империалистического диктатора, способствует борьбе против неоколониализма и остатков колониализма. Общая разрядка напряженности создает более благоприятные условия для ликвидации очагов напряженности, способствует развитию кризисных явлений в империалистических военно-политических блоках и группировках, расширению

² Эта война, для ведения которой предполагается создать специальные типы легких реактивных самолетов с мощным вооружением, изображается как средство, при помощи которого якобы возможно достичь окончательной военной победы. При определении возможных видов военных действий использован опыт послевоенных вооруженных конфликтов и военного строительства в Африке [629, стр. 88—89].

борьбы за ликвидацию «военного присутствия» империалистических держав в Африке. В условиях разрядки напряженности гораздо легче мобилизовать общественность на политическую изоляцию и экономические санкции против расистских режимов на юге Африки.

Коммунистическая партия Советского Союза, реализуя Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, стремится, как указывал в своем выступлении в Алма-Ате 15 августа 1973 г. Л. И. Брежнев, расширить разрядку напряженности за пределы Европейского континента, распространить ее на весь мир, способствовать достижению политического урегулирования на Ближнем Востоке на основе решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, предусматривающих вывод израильских войск со всех оккупированных арабских земель, последовательно продолжать курс на дальнейшее укрепление и развитие сотрудничества с развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки [225, 16.VIII.1973].

Происходящие изменения в международной обстановке не «отменяют» и не могут «отменить» национально-освободительную борьбу, которая вызывается к жизни объективно существующими факторами. Для нее в условиях разрядки международной напряженности создаются более благоприятные условия. И в новых условиях Советский Союз, как и прежде, стоит на стороне народов, борющихся против социального, национального и расового угнетения, в том числе на стороне народов Египта, Анголы, Гвинеи — Бисау, Мозамбика, Зимбабве, Южной Африки, которым продолжает оказывать всемерную помощь. Ленинские принципы поддержки национально-освободительной антиимпериалистической борьбы народов остаются незыблемыми.

Состоявшаяся в мае 1973 г. X юбилейная ассамблея глав государств и правительств стран — участниц Организации африканского единства выдвинула в качестве основной цели обще-континентальной политики программу полной ликвидации колониализма в Африке и всесторонней помощи освободительному движению. Полную поддержку этого движения выразила IV конференция неприсоединившихся стран, проходившая в сентябре 1973 г. в Алжире.

Героическая борьба африканских народов за свободу и независимость против колониализма и неоколониализма пользуется горячей симпатией и поддержкой всех народов мира, в первую очередь в странах социализма. В союзе африканских освободительных сил и мировой социалистической системы во главе с СССР — залог полного освобождения Африки от империализма.

I. Труды основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности,— Сочинения, т. 9.
2. Маркс К., Будущие результаты британского владычества в Индии,— Сочинения, т. 9.
3. Маркс К., Англо-персидская война,— Сочинения, т. 12.
4. Маркс К., Война против Персии,— Сочинения, т. 12.
5. Маркс К., Английские жестокости в Китае,— Сочинения, т. 12.
6. Маркс К., Восстание в индийской армии,— Сочинения, т. 12.
7. Маркс К., Индийское восстание,— Сочинения, т. 12, стр. 270—273.
8. Маркс К., Индийское восстание,— Сочинения, т. 12, стр. 296—299.
9. Маркс К., Восстание в Индии,— Сочинения, т. 12.
10. Маркс К., Билль об Индии,— Сочинения, т. 12.
11. Маркс К., Торговля с Китаем,— Сочинения, т. 13.
12. Маркс К., Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих,— Сочинения, т. 17.
13. Маркс—Энгельсу в Манчестер. 14 января 1858 г.,— Сочинения, т. 29.
14. Маркс—Людвигу Кугельману в Ганновер. 12 апреля 1871 г.,— Сочинения, т. 33.
15. Маркс К. и Энгельс Ф., Требования коммунистической партии в Германии,— Сочинения, т. 5.
16. Маркс К. и Энгельс Ф., 25 июня,— Сочинения, т. 5.
17. Маркс К., Хронологические выписки по истории Индии 664 — 1858 гг., М., 1947.
18. Энгельс Ф., Революция и контрреволюция в Германии,— Сочинения, т. 8.
19. Энгельс Ф., Новая экспедиция англичан в Китай,— Сочинения, т. 12.
20. Энгельс Ф., Персия и Китай,— Сочинения, т. 12.
21. Энгельс Ф., Освобождение Лакнау,— Сочинения, т. 12.
22. Энгельс Ф., Поражение Уиндхема,— Сочинения, т. 12.
23. Энгельс Ф., Взятие Лакнау,— Сочинения, т. 12.
24. Энгельс Ф., Подробности штурма Лакнау,— Сочинения, т. 12.
25. Энгельс Ф., Индийская армия,— Сочинения, т. 12.
26. Энгельс Ф., Восстание в Индии,— Сочинения, т. 12.
27. Энгельс Ф., Ход войны с маврами,— Сочинения, т. 13.
28. Энгельс Ф., Война с маврами,— Сочинения, т. 13.
29. Энгельс Ф., Алжир,— Сочинения, т. 14.
30. Энгельс Ф., Гарибальди в Сицилии,— Сочинения, т. 15.
31. Энгельс Ф., Английская армия,— Сочинения, т. 15.
32. Энгельс Ф., Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 года,— Сочинения, т. 18.
33. Энгельс Ф., Дополнения к третьему тому «Капитала»,— Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 459—486.

34. Ленин В. И., Китайская война,— Полное собрание сочинений, т. 4.
35. Ленин В. И., С чего начать? — Полное собрание сочинений, т. 5.
36. Ленин В. И., Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения,— Полное собрание сочинений, т. 6.
37. Ленин В. И., Революционный авантюризм,— Полное собрание сочинений, т. 6.
38. Ленин В. И., Письмо к товарищу о наших организационных задачах,— Полное собрание сочинений, т. 7.
39. Ленин В. И., Самодержавие и пролетариат,— Полное собрание сочинений, т. 9.
40. Ленин В. И., Две тактики,— Полное собрание сочинений, т. 9.
41. Ленин В. И., III съезд РСДРП 12—27 апреля (25 апреля—10 мая) 1905 г. Проект резолюции об отношении РСДРП к вооруженному восстанию,— Полное собрание сочинений, т. 10.
42. Ленин В. И., III съезд РСДРП. Проект дополнительной резолюции о вооруженном восстании,— Полное собрание сочинений, т. 10.
43. Ленин В. И., III съезд РСДРП. Резолюция о вооруженном восстании,— Полное собрание сочинений, т. 10.
44. Ленин В. И., III съезд РСДРП. Доклад об участии социал-демократии во Временном революционном правительстве 18 апреля (1 мая),— Полное собрание сочинений, т. 10.
45. Ленин В. И., Борьба пролетариата и холопство буржуазии,— Полное собрание сочинений, т. 10.
46. Ленин В. И., Революционная армия и революционное правительство,— Полное собрание сочинений, т. 10.
47. Ленин В. И., Революция учит,— Полное собрание сочинений, т. 11.
48. Ленин В. И., От обороны к нападению,— Полное собрание сочинений, т. 11.
49. Ленин В. И., Кровавые дни в Москве,— Полное собрание сочинений, т. 11.
50. Ленин В. И., Задачи отрядов революционной армии,— Полное собрание сочинений, т. 11.
51. Ленин В. И., Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания,— Полное собрание сочинений, т. 11.
52. Ленин В. И., Между двух битв,— Полное собрание сочинений, т. 12.
53. Ленин В. И., Новый подъем,— Полное собрание сочинений, т. 13.
54. Ленин В. И., Уроки Московского восстания,— Полное собрание сочинений, т. 13.
55. Ленин В. И., Партизанская война,— Полное собрание сочинений, т. 14.
56. Ленин В. И., По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской социал-демократической рабочей партии,— Полное собрание сочинений, т. 15.
57. Ленин В. И., Уроки Коммуны,— Полное собрание сочинений, т. 16.
58. Ленин В. И., К оценке русской революции,— Полное собрание сочинений, т. 17.
59. Ленин В. И., Революционный подъем.— Полное собрание сочинений, т. 21.
60. Ленин В. И., Восстания в армии и во флоте,— Полное собрание сочинений, т. 22.
61. Ленин В. И., Конец войны Италии с Турцией,— Полное собрание сочинений, т. 22.
62. Ленин В. И., Социализм и война (Отношение РСДРП к войне),— Полное собрание сочинений, т. 26.
63. Ленин В. И., Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы),— Полное собрание сочинений, т. 27.
64. Ленин В. И., Тетради по империализму,— Полное собрание сочинений, т. 28.
65. Ленин В. И., О брошюре Юниуса,— Полное собрание сочинений, т. 30.

66. Ленин В. И., Итоги дискуссии о самоопределении,— Полное собрание сочинений, т. 30.
67. Ленин В. И., Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову),— Полное собрание сочинений, т. 30.
68. Ленин В. И., О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,— Полное собрание сочинений, т. 30.
69. Ленин В. И., Военная программа пролетарской революции,— Полное собрание сочинений, т. 30.
70. Ленин В. И., Фракция Чхеидзе и ее роль,— Полное собрание сочинений, т. 30.
71. Ленин В. И., Открытое письмо Борису Суварину,— Полное собрание сочинений, т. 30.
72. Ленин В. И., Доклад об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) на собрании Петроградской организации 8(21) мая 1917 г.,— Полное собрание сочинений, т. 32.
73. Ленин В. И., Война и революция. Лекция 14(27) мая 1917 г.,— Полное собрание сочинений, т. 32.
74. Ленин В. И., О конституционных иллюзиях,— Полное собрание сочинений, т. 34.
75. Ленин В. И., Русская революция и гражданская война,— Полное собрание сочинений, т. 34.
76. Ленин В. И., Марксизм и восстание. Письмо Центральному комитету РСДРП(б),— Полное собрание сочинений, т. 34.
77. Ленин В. И., Советы постороннего,— Полное собрание сочинений, т. 34.
78. Ленин В. И., Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области,— Полное собрание сочинений, т. 34.
79. Ленин В. И., О революционной фразе,— Полное собрание сочинений, т. 35.
80. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.,— Полное собрание сочинений, т. 39.
81. Ленин В. И., Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата,— Полное собрание сочинений, т. 40.
82. Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме,— Полное собрание сочинений, т. 41.
83. Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля,— Полное собрание сочинений, т. 41.
84. Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г.,— Полное собрание сочинений, т. 41.
85. Ленин В. И., Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г.,— Полное собрание сочинений, т. 42.
86. Ленин В. И., VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря,— Полное собрание сочинений, т. 42.
87. Ленин В. И., К десятилетнему юбилею «Правды»,— Полное собрание сочинений, т. 45.
88. Ленин В. И., С. И. Гусеву. 13 октября,— Полное собрание сочинений, т. 47.
- 88a. Ленин В. И., А. М. Коллонтай,— Полное собрание сочинений, т. 49.

II. Документы КПСС и международного коммунистического движения

89. Брежнев Л. И., Ленинским курсом. Речи и статьи, тт. 1—2, М., 1970.
90. Брежнев Л. И., Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971.

91. Димитров Г., Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, М., 1958.
92. Информационное совещание представителей некоторых партий в Польше в конце сентября 1947 г., М., 1948.
93. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, М., 1964.
94. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1, М., 1967.
95. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 2, М., 1968.
96. Коммунистический Интернационал в документах. 1919—32 гг., М., 1933.
97. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, М., 1969.
98. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971.
99. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г., М., 1969.
100. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969, Прага, 1969.
101. О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года, М., 1972.
102. Постановления IV Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала, Пг., 1923.
103. Приветствия XXIV съезду КПСС, М., 1971.
104. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, М., 1964.
105. Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы, М., 1960.
106. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы, М., 1967.
107. Стенографический отчет XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза, тт. 1—3, М., 1962.
108. Стенографический отчет XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, тт. 1—2, М., 1966.
109. Стеночтег VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, М., 1929.
110. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-освободительной революции на примере Китая, М., 1934.
111. Су слов М. А., О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. Доклад на февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 г., М., 1964.
112. Алжирская коммунистическая партия в войне за независимость, М., 1961.
113. Алжирский народ победит, М., 1961.
114. Багдаш Х., Избранные статьи и речи, М., 1970.
115. Башир Хадж Али, Некоторые уроки освободительной войны в Алжире, — «Проблемы мира и социализма», 1965, № 1.
116. Бухали Л., Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире, М., 1957.
117. Во Нгуэн Зи ап, Дьен Бьен Фу, Ханой, 1961.
118. Во Нгуэн Зи ап, Основной опыт нашей партии по руководству революционной вооруженной борьбой, Ханой, 1962.
119. Лебади, Великий Октябрь и освободительное движение в Южной Африке, М., 1967.
120. Ле Зуан, Избранные статьи и речи, М., 1971.
121. Либкнехт К., Милитаризм и антимилитаризм, М., 1960.
122. Фрунзе М. (М. Мирский), Европейские цивилизаторы и Марокко, М., 1925.
123. Фрунзе М. В., Избранные произведения, т. 2, М., 1957.
124. Хо Ши Мин, Избранные статьи и речи, М., 1959.

III. Сборники документов, официальные публикации и другие материалы

125. Вторая конференция солидарности народов Азии и Африки, М., 1961.
126. Всемирная история. Даты и события, М., 1968.
127. Иностранные экономические интересы и деколонизация, Нью-Йорк, 1970.
128. Конференция солидарности народов Азии и Африки, М., 1958.
129. Конъюнктурный бюллетень журнала «Мировое хозяйство и мировая политика», М., 1941, № 3.
130. Международные отношения после второй мировой войны. Документы, т. 3, М., 1965.
131. Меры против апартеида, Нью-Йорк, 1969.
132. Организация африканского единства (история создания и деятельность). Сборник документов, М., 1970.
133. Организация Объединенных Наций. Доклад Специального комитета по вопросу о политике апартеида, проводимой правительством Южно-Африканской Республики, Нью-Йорк, 1968.
134. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Документ № С/4389 от 29.VI.1960. Приложение 5.
135. Организация Объединенных Наций. Совет по опеке. Документ № Т/1427, Нью-Йорк.
136. Организация Объединенных Наций. Документ № А/4094. Приложение III.
137. Попраный принцип. I — ООН и Южная Родезия, Нью-Йорк, 1969.
138. Попраный принцип. II — ООН и территории под португальским управлением, Нью-Йорк, 1969.
139. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2105 (XX).
140. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2107 (XX).
141. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2160 (XXI).
142. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2189 (XXI).
143. СССР и арабские страны. 1917—1960. Сб. документов, М., 1961.
144. СССР и страны Африки. 1946—1962 гг., т. II, М., 1963.
145. Суэцкий канал. Сборник документов, М., 1957.
146. АВАКО, 1950—1960. Documents, Bruxelles, 1962.
147. Africa Confidential, London.
148. Africa Diary, New York.
149. African National Congress of South Africa, Dar es Salaam, November 7th 1963.
150. Africa. Problems and Perspectives, Washington, 1968.
151. Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the United Kingdom of Lybia,—«Modern Lybia», ed. by M. Khadduri, Tripoli, 1963.
152. Allies for Freedom. The Report of the Second Conference of Communist and Workers' Parties within the Sphere of British Imperialism, London, 1954.
153. L'an deux de la guerre de Guinée, Paris, 1965.
154. L'Angola. Information CONCP, Alger, 1969.
155. Angola. People's Movement for the Liberation of Angola (MPLA). Zambia Representative, Lusaka, 1967.
156. Annales de l'Assemblée Nationale, Paris, 1947.
157. L'Année politique 1947, Paris, 1948.
158. L'Année politique 1956, Paris, 1957.
159. Bank of Israel. Annual Report 1968, Jerusalem, 1969.
160. Cahiers de l'Afrique occidentale française, Paris.
161. Campagna di Libia (Ministero della guerra), vol. I, Roma, 1922.
162. Chronologie politique africaine, Paris, 1968.
163. Congo 1963. Centre de recherche et d'information socio-politique. Institut national d'études politique, Bruxelles 1 — Léopoldville, 1965.
164. Congo 1964. Political Documents of a Developing Nation, Princeton (New Jersey), 1966.

165. Congo 1965. Political Documents of a Developing Nation, Princeton (New Jersey), 1967.
166. II Congrès de FRELIMO, Alger, 1968.
167. Documents diplomatiques. Affaires du Maroc, vol. III. 1906—1907, Paris, 1907, № 63, Annexe 1.
168. Evolution du rapport des forces en Angola, [6. m.], février 1968.
169. FM 31-16. Counterinsurgency Operations, Washington, March 1967.
170. FM 31-32. US Counterinsurgency Forces, Washington, November 1963.
171. FM 31-35. Operations against Irregular Forces, Washington, May 1961.
172. FM 31-73. Advisor Handbook for Counterinsurgency, Washington, April 1965.
173. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945, vol. 8. The Near East and Africa, Washington, 1969.
174. The Freedom Chapter (Policy of African National Congress of South Africa), Cairo, [6. r.].
175. GRAE. Le FNLA et l'unité angolaise, [6. m.], 1962.
176. Great Britain. Colonial Office. D. Corfield. The Origins and Growth of the Mau-Mau Movement. H.M.S.O., London, 1960.
177. Great Britain. Ministry of Defence. Defence: Outline of Future Policy, H.M.S.O., London, 1957.
178. Great Britain. Ministry of Defence. Report on Defence: Britain's Contribution to Peace and Security. H.M.S.O., London, 1958.
179. Great Britain. Ministry of Defence. Report on Defence 1960. H.M.S.O., London, 1960.
180. Great Britain. Ministry of Defence. Statement on Defence 1962: The Next Five Years. H.M.S.O., London, 1962.
181. Guide Ouest africain, Paris, 1960.
182. Handbook to the Federation of Rhodesia and Nyassaland, London—Salisbury, 1960.
183. Herrick A., Bastos A., Eisele F., Area Handbook for Angola, Washington, 1969.
184. Herrick A., Bastos A., Eisele F., Area Handbook for Mozambique, Washington, September, 1969.
185. International Conference against War Danger, Military Pacts and Bases, Atomic Weapons, Colonialism, New Delhi, 1966.
186. Israel. Government Yearbook, 5722 (1961/62), Tel-Aviv, 1962.
187. Journal officiel de la République Française. Lois et décrets, Paris.
188. Kaplan T., Choumenkowitz J., McDonald S., Area Handbook for Zambia, Washington, October 1969.
189. Die Kämpfe der deutschen Truppen in Südwestafrika, Bd 1, Berlin, 1906.
190. Keesing's Contemporary Archeives, London.
191. Manuel à l'usage des troupes employées outre-mer, 2me pt, Paris, 1947.
192. The Middle East and North Africa 1968—1969, London, 1969.
193. The Military Balance 1966—1967, London, 1967.
194. The Military Balance 1970—1971, London, 1970.
195. Le Mozambique. Information de CONCP, Alger, 1967.
196. MPLA. Ce que le MPLA attend de l'OUA, [6. m.], 1968.
197. MPLA. Communiqué de guerre, Alger (MPLA. Comunicado de guerra, Brazzaville, MPLA. War Communiqué, Lusaka), [6. r.].
198. PAIGC. Communiqué [6. m.], [6. r.].
199. PAIGC. Demascaremos as mentiras e os crimes dos colonialistas portugueses, reforçemos o Partido e a luta para acelerar a libertação total do nosso povo, [6. m.], setembro 1970.
200. PAIGC. Mensagem—relatório do camarada A. Cabral aos quadros, combatentes e militantes do Partido, [6. m.], janeiro de 1970.
201. PAIGC. Sobre a resistencia armada, [6. m.], novembro de 1969.
202. PAIGC. Sur la situation de notre lutte de libération nationale, [6. m.], décembre 1966.

203. Political and Strategical Interests of the United Kingdom, London, 1939.
204. Première conférence nationale du MPLA, [6. м.], Décembre 1962.
205. 4 ans de lutte armée, Alger, 1968.
206. Regulamento Geral do CIR, [6. м.], [6. г.].
207. The Road to South African Freedom. The Programme of the South African Communist Party, London, 1962.
208. SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1968/1969, Stockholm, 1969.
209. SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1969/1970, Stockholm, 1970.
210. State of South Africa Yearbook 1966, Johannesburg, 1966.
211. Survey of the British and Commonwealth Affairs, H.M.S.O., London (Periodical).
212. Tunisian-French Dispute. Biserta. Sahara. UN Actions, Ed. by A. G. Mezerick, Washington, 1961.
213. United States Policy for the 1970's. The New Strategy for Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. February 18th 1970, London, 1970.

IV. Периодические издания

214. Азия и Африка сегодня, Москва.
215. Военно-исторический журнал, Москва.
216. Вопросы истории, Москва.
217. За прочный мир, за народную демократию, Бухарест.
218. За рубежом, Москва.
219. Известия, Москва.
220. Коммунист, Москва.
221. Коммунистический Интернационал, Петроград — Москва.
222. Красная Звезда, Москва.
223. Международная жизнь, Москва.
224. Народы Азии и Африки, Москва.
225. Правда, Москва.
226. США. Экономика, политика, идеология, Москва.
227. Проблемы мира и социализма, Прага.
228. The Adelphi Papers, London.
229. Aeroplane, London.
230. Africa Digest, London.
231. Africa Report, Washington.
232. Africa Research Bulletin. Political, Social and Cultural Series, Exeter — London.
233. Africa Today, Baltimore.
234. African Affairs, London.
235. African Communist, London.
236. The African World, London.
237. Afrique actuelle, Paris.
238. Afrique documents, Dakar.
239. Afrique et l'Asie, Paris.
240. Afrique nouvelle, Paris.
241. L'Afrique au Sud du Sahara. Bulletin bi-hebdomadaire d'information, Agence France-Presse, Paris.
242. L'Air, Paris.
243. Algérie et actualité, Alger.
244. Alger républicain, Alger.
245. Allgemeine schweizerische Militärzeitschrift, Zürich.
246. L'Angola combattant, [6. м.].
247. Angola em armas, Dar-es-Salaam.
248. Angola informação, Brazzaville.

249. Arab Palestinian Resistance, Damascus.
250. L'Armée, Paris.
251. Army, Washington.
252. The Army Quarterly and Defence Review, London.
253. Asia and Africa Review, London.
254. Cahiers d'études africaines, Paris.
255. Cahiers de l'Institut Moris Thorez, Paris.
256. Cahiers internationaux, Paris.
257. Cape Times, Cape Town.
258. Chronique d'outre-mer, Paris.
259. Chronologie politique africaine, Paris.
260. Combat, Paris.
261. Comment, London.
262. Courrier d'Afrique, Paris.
263. Christian Science Monitor, Chicago.
264. The Crown Colonist, London.
265. Current History, Washington.
266. Daily Express, London.
267. Daily Telegraph and Morning Post, London.
268. Daily Worker, London.
269. Démocratie nouvelle, Paris.
270. Diário da manhã, Lisboa.
271. Diário de Lisboa, Lisboa.
272. Digest of South African Affairs, Pretoria.
273. El Djeich, Alger.
274. Le drapeau rouge, Bruxelles.
275. East Africa and Rhodesia, London.
276. Economist, London.
277. L'Esprit, Paris.
278. Ethiopia Observer, London — Addis-Ababa.
279. Etudes congolaises, Bruxelles.
280. Le Figaro, Paris.
281. Flight, London.
282. Forces aériennes françaises, Paris.
283. Foreign Affairs, New York.
284. Fortune, Chicago.
285. France nouvelle, Paris.
286. France-soir, Paris.
287. FRELIMO information, Alger.
288. Le génie militaire, Paris.
289. The Guardian, Manchester.
290. Horoya, Conakry.
291. L'Humanité, Paris.
292. L'Humanité dimanche, Paris.
293. International Affairs, London.
294. Jerusalem Post, Jerusalem.
295. Jeune Afrique, Tunis.
296. Journal of Peace Research, Oslo.
297. The Journal of the Royal United Service Institution, London.
298. Kenya Weekly News, Nakuru.
299. Labour Monthly, London.
300. Libération, Paris.
301. Libertacão, [6. m.].
302. Marchés tropicaux et méditerranéens, Paris.
303. Marine Corps Gazette, Washington.
304. Marxism Today, London.
305. Mayibuye, Lusaka.
306. The Middle East Journal, London.
307. Military Review, Ft. Leavenworth (Conn).
308. Missiles and Rockets, Washington.

309. Le Monde, Paris.
310. Morning Star, London.
311. El Moudjahid, Tunis, Alger.
312. Mozambique revolution, Dar-es-Salaam.
313. NATO — Fifteen Nations, Bruxelles.
314. La Nef, Paris.
315. New Commonwealth, London.
316. The New Fabian Colonial Essay, London, 1959.
317. New Kenya, Cairo.
318. News Chronicle, London.
319. Newsweek, New York.
320. The New York Times, New York.
321. La nouvelle critique, Paris.
322. L'Observateur, Paris (с 19 ноября 1964 г.— Nouvel Observateur).
323. The Observer, London.
324. L'Officier de réserve, Paris.
325. PAIGC. Actualités, [б. м.].
326. Pakistan Army Journal, Carachi.
327. Paris Match, Paris.
328. Peking Review, Peking.
329. Le Peuple, Bruxelles.
330. Political Affairs, New York.
331. Portugal democrático, São Paulo.
332. La presse africaine, Paris.
333. La presse de la Manche, Calais.
334. The Rand Daily Mail, Pretoria.
335. Révolution africaine, Alger.
336. Revue de défense nationale, Paris.
337. Revue historique de l'armée, Paris.
338. Revue militaire d'information, Paris.
339. Revue militaire générale, Paris.
340. Revue socialiste, Paris.
341. The Rhodesian Herald, Salisbury.
342. Rivista Militar, Lisboa.
343. The Royal Air Force Quarterly, London.
344. The Royal Engineers Journal, London.
345. Sechaba, London.
346. Le Soir, Bruxelles.
347. Soldier, London.
348. Solidariedade. Orgão informativo da APN, [б. м.].
349. South African Digest, Pretoria.
350. Spotlight on South Africa, Dar es Salaam.
351. The Star, Johannesburg.
352. Stratégie, Paris.
353. Sunday Telegraph, London.
354. Sunday Times, Lagos.
355. Sunday Times, Johannesburg.
356. Témoignage chrétien, Paris.
357. The Times, London.
358. Time, Washington.
359. Tricontinental, Habana.
360. U. S. Naval Institute Proceedings, Annapolis (Mar.).
361. U.S. News and World Report, New York.
362. La Vie africaine, Paris.
363. Vitoria ou morte, Brazzaville.
364. La voi du Kamerun, Cairo.
365. Washington Post and Times Herald, Washington.
366. Wehrkunde, München.
367. West Africa, London.
368. World News, London.

369. Zeitschrift für die Militärgeschichte, Berlin (с 1972 г.— Militärgeschichte).
370. The Zimbabwe Review, Lusaka.

На арабском языке

371. Аль-Анвар, Каир.
372. Аль-Ахбар, Каир.
373. Аль-Ахрам, Каир.
374. Аль-Балаг, Каир.
375. Ахбар аль-Йом, Каир.
376. Военный журнал вооруженных сил ОАР, Каир.
377. Аль-Джумхурия, Каир.
378. Аль-Мисри, Каир.
379. Аль-Гарик, Каир.

V. Монографии и статьи советских и иностранных авторов

380. Абд ар-Разик Мухамед Хасан, Кризис экономики Египта, М., 1955.
381. Авербух Р., Италия в первой и второй мировых войнах, М.—Л., 1946.
382. Адамов Е., Гарибальдийская «тысяча» в Сицилии,— «Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада», М., 1943.
383. Азовцев Н., В. И. Ленин и военная наука, М., 1971.
384. Амин Саид, Восстания арабов в XX веке, М., 1964.
385. Андрианов Б., Проблема формирования народностей и наций в странах Африки,— «Вопросы истории», М., 1967, № 9.
386. Андрианов В., О партизанской борьбе в некоторых странах Африки,— «Военно-исторический журнал», 1969, № 3.
387. Антиимпериалистическая революция в Африке, М., 1967.
388. Африка в международных отношениях, М., 1970.
389. Аяш А., Марокко. Итог одной колонизации, М., 1958.
390. Бантинг Б., Становление южноафриканского рейха, М., 1965.
391. Белоруцкий А., Проблема вооруженного насилия в современном национально-освободительном движении, М., 1970 (канд. дисс.).
392. Бенхазин А., Походный дневник, М., 1968.
393. Бозев Н., Сто дни с партизаните на Гвинея — Бисау, София, 1969.
394. Брутенц К., Новая форма порабощения народов (Неоколониализм: сущность и методы), М., 1969.
395. Века неравной борьбы, М., 1967.
396. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история, М., 1970.
397. Вилар П., Крестьянское движение в Латинской Америке,— «XIII Международный конгресс исторических наук. Международная комиссия истории социальных движений и социальных структур. Исследование крестьянских движений в современном мире». Сводный доклад, М., 1970.
398. Винокуров Ю., Конго. Трудный путь к независимости, М., 1967.
399. Внешняя политика КНР, М., 1971.
400. Вобликов Д., Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, М., 1961.
401. Вторая мировая война и современность, М., 1972.
402. Галыбин А., Намибия (Юго-Западная Африка) в планах колонизаторов. 1946—1970 гг., М., 1971.
403. Гафуров Б., Советская Россия и национально-освободительная борьба народов Среднего и Ближнего Востока,— «Вопросы истории», М., 1967, № 10.
404. Гевара Че Э., Партизанская война, М., 1960.
405. Генчев Н., Алжирската национална революция 1954—1962, София, 1967.
406. Де Голль Ш., Военные мемуары, т. I, М., 1956.

407. Городнов В., Южно-африканский рабочий класс в борьбе против реакции и расизма, М., 1968.
408. Давези Р., Ангольцы, М., 1970.
409. Давидсон А., Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1926, М., 1972.
410. Джонс А., Восстание рабочих в Южной Африке,— «Коммунистический Интернационал», М.—Пг., 1922, № 21.
411. Долгополов Е., Национально-освободительные войны в современную эпоху, М., 1960.
412. Долгополов Е., Колониализм — источник напряженности и военных конфликтов,— «Международная жизнь», М., 1962, № 7.
413. Долгополов Е., Национально-освободительные войны на современном этапе,— «Международная жизнь», 1962, № 2.
414. Жансон К. и Ф., Алжир вне закона, М., 1951.
415. Застенкер Н., Революция 1848 г. во Франции, М., 1948.
416. Зотова Ю., Английская экспансия в дельте Нигера, М., 1970.
417. Иванов К. и Шейнис З., Государство Израиль, его положение и политика, М., 1958.
418. Иванов Ю., Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, практике и организации сионизма, М., 1969.
419. Игнатъев О., Пепел и пламя Кафина, М., 1966.
420. Игнатъев О., По тропам войны. Дневники с трех фронтов Гвинеи (Бисау), М., 1972.
421. Игнатъев О., Муньюс Х., Горячие точки..., М., 1970.
422. Иорданский В., Тупики и перспективы Тропической Африки, М., 1971.
423. Исмагилова Р., Народы Кении в условиях колониального режима,— «Африканский этнографический сборник», т. I, М., 1956.
424. Иссави Ш., Египет в середине XX века, М., 1950.
425. История внешней политики СССР. Часть вторая. 1945—1970, М., 1971.
426. Карательная экспедиция войск испанских колонизаторов в Марокко в 1909 году, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 1.
427. Карательные органы современного империалистического государства, М., 1968.
428. Карл Маркс и военная история, М., 1969.
429. Картэн Д., Африка, Африка! Пробуждающийся континент, М., 1955.
430. Ким Г., Кауфман А., Ленинизм и национально-освободительное движение, М., 1969.
431. Классы и классовая борьба в развивающихся странах, т. I, М., 1967.
432. Колесниченко Т., Границу переходят в полночь, М., 1965.
433. Комаров Э., Литман А., Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди, М., 1969.
434. Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении, М., 1969.
435. Коне А., Формирование революционного авангарда в Камеруне,— «Проблемы мира и социализма», 1967, № 2.
436. Кораблев Ю., В. И. Ленин и Красная Армия, М., 1970.
437. Корнеев Л., Образование Мальгашской республики, М., 1963.
438. Корсун Н., Итало-абиссинская война 1935—1936 гг., М., 1939.
439. Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна, М., 1970.
440. Курдгелашвили Ш., Революция 1952 г. и крах британского господства в Египте, М., 1966.
441. Ланда Р., Алжир сбрасывает оковы, М., 1961.
442. Ланда Р., Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.), М., 1962.
443. В. И. Ленин и военная история, М., 1970.
444. Ленинизм и революционный процесс, Прага, 1970.
445. Лот Г., Вторжение в Восточную Африку, М., 1971.
446. Луцкая Н., Марокко вновь обретает независимость, М., 1958.
447. Луцкая Н., Республика Риф, М., 1959.

448. Мандела Н., Нет легкого пути к свободе, М., 1968.
449. Манчха П., Авангардные отряды революционной борьбы в Африке, М., 1971.
450. Маклейн Д., Внешняя политика Англии после Суэца, М., 1972.
451. Марксизм-ленинизм о войне и армии, пятое изд., М., 1968.
452. Мацуленко В., Локальные войны империализма (1946—1968),— «Военно-исторический журнал», 1968, № 9.
453. Мигольцев А., Эскалация милитаризма, М., 1970.
454. Мирский Г., Армия и политика в странах Азии и Африки, М., 1970.
455. Моджорян Л., Распад колониальной системы и международное право,— «Советский ежегодник международного права», М., 1968.
456. Мюрдаль Г., Современные проблемы «третьего мира», М., 1972.
457. На новом пути, М., 1968.
458. Народы Африки, М., 1954.
459. Никаноров А., Незатянувшаяся петля, М., 1961.
460. Никитина Г., Государство Израиль (особенности экономического и политического развития), М., 1968.
461. Нкрума К., Я говорю о свободе, М., 1962.
462. Новейшая история арабских стран. 1917—1966, М., 1968.
463. Новейшая история Африки, изд. 2, М., 1968.
464. Новиков М., Сгибнев А., Подвиг на земле Алжира, М., 1966.
465. О'Брайен К., В Катангу и обратно, М., 1963.
466. Оганисьян Ю., Национальная революция в Анголе, М., 1968.
467. Оганисьян Ю., Империализм и расизм, М., 1970.
468. Онан Э., Идеологическая деятельность независимых государств Африки, М., 1971.
469. Орлов Н., Итальянцы в Абиссинии. 1870—1896 гг., СПб., 1897.
470. Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября, М., 1968.
471. Очаг сионизма и агрессии, М., 1971.
472. Де Падуа М., Война в Анголе. Дневник военного врача экспедиционной армии, М., 1965.
473. Палм Датт Р., Кризис Британии и Британской империи, М., 1959.
474. Парижская Коммуна 1871 г., М., 1970.
475. Пегушев А. М., Очерк политической истории Кении (1956—1969), М., 1972.
476. Политика Англии в Африке, М., 1967.
477. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945—1965), М., 1966.
478. Политические партии Африки, М., 1970.
479. Пономарев Д., Герои Африки, М., 1971.
480. Потехин И., Британская Восточная Африка под гнетом английского империализма,— «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», М., 1953.
481. Потехин И., Вступление.— Картэн Д., Африка, Африка! Пробуждающийся континент, М., 1955.
482. Потехин И., Африка смотрит в будущее, М., 1960.
483. Потехин И., Становление новой Ганы, М., 1965.
484. Притт Д., Конституции английских колоний,— «Международная жизнь», 1958, № 5.
485. Проблемы создания единого антиимпериалистического фронта, Прага, 1963.
486. Пробуждение угнетенных, М., 1968.
487. Протопопов А., Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 года, М., 1969.
488. Пчелинцев Е., Шкунаев В., Эттингер Я., Объединенные нации против колониализма и расизма на юге Африки, М., 1970.
489. Рава Э., Северная Африка на пути к независимости, М., 1960.
490. Разин Е., Национально-освободительная война в Марокко 1921—1926 гг. Краткие тезисы, М., 1939.

491. Ратиани Г., Конец Третьей республики во Франции, М., 1964.
492. ар-Рафии А., Восстание 1919 года в Египте, М., 1954.
493. Рейснер И., К. Маркс и Ф. Энгельс о предпосылках и характере восстания 1857—1859 гг.,— «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», М., 1957.
494. Рубакин Н., В водовороте событий, М., 1960.
495. Сейранян Б., Египет в борьбе за независимость. 1945—1952, М., 1970.
496. Скоров Г., Кому нужна «Евразия»? М., 1958.
497. Смирнов В., «Странная война» и поражение Франции, М., 1963.
498. Смирнов С., Восстание махдистов в Судане,— «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. VI, М., 1950.
499. Солодовников В., Африка сегодня, М., 1969.
500. Солодовников В., Африка выбирает путь, М., 1970.
501. Таиров Т., Расы и политика, М., 1968.
502. Тарабрин Е., Стратегия и тактика неоколониализма Англии, М., 1969.
503. Томпкинс Д.ж., Оружие третьей мировой войны, М., 1969.
504. Траскунов А., Печать Алжирской революции, М., 1969 (канд. дисс.).
505. Трофименко Г., Стратегия глобальной войны, М., 1969.
506. Тузмухамедов Р., Национальный суверенитет, М., 1965.
507. Тягуненко В., Войны и колонии, М., 1957.
508. Тягуненко В., Проблемы современной национально-освободительной революции, М., 1966.
509. Ульяновский Р., Освободительная война народов Африки,— «Коммунист», 1969, № 11.
510. Ульяновский Р., Социализм и развивающиеся страны, М., 1972.
511. Уоддис Д.ж., Африка — пробудившийся континент, М., 1962.
512. Феньо Б., ОАС, М., 1962.
513. Фетов В., Долларом, мечом, дурманом. Африка и американский неоколониализм, М., 1969.
514. Фуллер Д.ж., Вторая мировая война. 1939—1945, М., 1956.
515. Функции государства в независимых странах Африки, М., 1971.
516. Хазанов А., Сомалийская Республика, М., 1961.
517. Черняк Е., Адвокаты колониализма, М., 1966.
518. Чичерин Г., Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961.
519. аш-Шафин Ш., Развитие национально-освободительного движения в Египте. 1886—1956, М., 1961.
520. Шейнис В., Португальский империализм в Африке после второй мировой войны. Экономические проблемы последней колониальной империи, М., 1969.
521. Шпирт А., Африка во второй мировой войне (Сырье и людские ресурсы), М., 1959.
522. Шутьговский А., Мексика на крутом повороте своей истории, М., 1967.
523. Экономическая история Африки, М., 1966.
524. Эльд Ж.-Ф., Кто убил Феликса Мумие, М., 1961.
525. Ф. Энгельс и военная история, М., 1972.
526. Эрман Д.ж., Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, М., 1958.
527. Эрман Д.ж., Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, М., 1958.
528. Этингер Я., Межгосударственные отношения в Африке, М., 1972.
529. Южноафриканский блок колонизаторов, М., 1968.
530. Юрьев Н., Экспансия США в Конго, М., 1966.
531. Ягья В., Эфиопия в 1941—1954 гг., М., 1969.
532. Яковиелло И., Свидание в Суэце, М., 1960.
533. Яхимович З., Итало-турецкая война. 1911—1912, М., 1967.
534. Abbas F., Guerre et révolution d'Algérie, t. 1, Paris, 1962.

535. Adleman R., Walton G., *Rome Fell Today*, Boston—Toronto, 1968.
536. *Africa. Problems and Perspectives*, Washington, 1968.
537. *Africa Yesterday and Today*, New York, 1969.
538. *L'Afrique au XX-e siècle*, Paris, 1966.
539. Aglion R., *The Fighting French*, New York, 1943.
540. Alexandre P., *Quelques observations sommaires sur l'action des puissances communistes en Afrique d'expression française*,—«L'Afrique et l'Asie», Paris, 1966, № 3.
541. *The Arab-Israeli Confrontation of June 1967. An Arab Perspective*, Evanston, 1970.
542. *L'Armée de libération nationale*, Alger, 1960.
543. D'Arcy-Dawson J., *Tunisian Battle*, London, 1943.
544. Avinere Sh., *Introduction to «Karl Marx on Colonialism and Modernisation»*, New York, 1968.
545. Balandier G., *La sociologie actuelle de l'Afrique Noire*, Paris, 1955.
546. Baratieri O., *Memorie d'Africa. 1892—1896*, Torino, 1898.
547. El-Baravi Rashid, *The Military Coup in Egypt. An Analytic Study*, Cairo, 1962.
548. Barber D., *Africans in Khaki*, London, 1948.
549. Barker A., *The Seven Day War*, London, 1964.
550. Barnett D., Njama K., *Mau Mau from within: Autobiography and Analysis of Kenia's Peasant Revolt*, London, 1966.
551. Battaglia R., *La prima guerra d'Africa*, Torino, 1958.
552. Beals C., *Great Guerilla Warriors*, Englewood Cliffs, 1970.
553. Beaufre A., *L'Expedition de Suez*, Paris, 1967.
554. Behr H. von, *Kriegsbilder aus Araberaufstand in Deutsch-Ostafrika*, Leipzig, 1891.
555. Benoit G., *Chronologie de la guerre en Algérie*,—«La Nef», octobre 1962—janvier 1963.
556. Bent R., *Ten Thousand Men of Africa*, London, 1952.
557. Berkeley G., *The Campaign of Adowa and the Rise of Menelik*, London, 1935.
558. Bernard A., *Le Maroc*, Paris, 1921.
559. Beyssade P., *La guerre d'Algérie. 1954—1962*, Paris, 1968.
560. Bharucha P., *The North African Campaign 1940—1943*, Calcutta, 1956.
561. Bingham J. und Haupt W., *Der Afrika Feldzug 1941—1943*, Dornheim/H., 1968.
562. Birkby C., *It's a Long Way to Addis*, London, 1943.
563. Bocca G., *Storia d'Italia nella guerra fascista. 1940—1943*, Bari, 1969.
564. Boussenot G., *Le drame malgache*,—«Revue politique et parlementaire», Paris, 1947, № 567.
565. Brackenbury H., *The Ashanti War. A Narrative*, vol. II, Edinburgh—London, 1874.
566. *Brassey's Annual. The Armed Forces Yearbook 1950*, London, 1950.
567. *Brassey's Annual. The Armed Forces Yearbook 1951*, London, 1951.
568. *Brassey's Annual. The Armed Forces Yearbook 1955*, London, 1955.
569. Cabral A., *Guinée «portugaise»: le pouvoir des armes*, Paris, 1970.
570. Campbell A., *Guerillas: A History and Analysis*, London, 1967.
571. Carreras F., *L'Accord FLN—OAS*, Paris, 1967.
572. Catroux G., *Lyautey le Marocain*, Paris, 1952.
573. Chaliand G., *Lutte armée en Afrique*, Paris, 1969.
574. Chaliand G., *La Résistance palestinienne*, Paris, 1970.
575. Challe M., *Un exemple de l'oeuvre libératrice de l'armée en Algérie: opération «Pilote» du Dahra et de l'Ouarsenis*,—«Revue historique de l'Armée», 1959, № 4.
576. Chambard Cl., *Histoire mondiale des maquis*, Paris, 1970.
577. Chapman G., *Why France Fell*, New York, 1969.

578. Chesnaux G., *L'Asie orientale aux XIXe et XXe siècles*, Paris, 1966.
579. Chevallier G., *Nous, Algériens...*, Paris, 1958.
580. Childers E., *The Roads to Suez*, London, 1962.
581. Churchill W., *The Second World War*, vol. III, London, 1950.
582. Clark M., *Calculated Risk*, London, 1951.
583. Cohen A., *British Policy in Changing Africa*, London, 1959.
584. Cole D., *Imperial Military Geography*, London, 1950.
585. Collier B., *A Short History of the Second World War*, London, 1967.
586. Colvin J., *The Rise and Fall of Moïse Chombe*, London, 1968.
587. Congo — lutte armée contre la démagogie pseudocolonialiste, [6. m.], [6. r.].
588. Connel G., *The Most Important Country*, London, 1957.
589. Capitaine Cornet, *A la conquête du Maroc. Avec la colonne Mangin. 1912—1913*, Paris, 1914.
590. Courrière Y., *La guerre d'Algérie*, t. I. *Les Fils de la Toussaint*, Paris, 1968.
591. Courrière Y., *La guerre d'Algérie*, t. II. *Le Temps des Léopards*, Paris, 1969.
592. Courrière Y., *La guerre d'Algérie*, t. III. *L'Heure des colonels*, Paris, 1970.
593. Courrière Y., *La guerre d'Algérie*, t. IV. *Les Feux du Désespoir (La Fin d'un Empire)*, Paris, 1971.
594. Cowie D., *The Campaigns of Wavell*, pt II, London, 1942.
595. Cox I., *50 Years against Imperialism,—«Marxism Today»*, London, 1970, October.
596. Croker Ch., *External Military Assistance to Sub-Saharan Africa,—«Africa Today»*, 1968, April—May.
597. Cros V., *Le temps de la violence*, Paris, 1971.
598. Crowder M., *West African Resistance: The Military Response to Colonial Occupation*, New York, 1971.
599. Crowder M., *The End of a Rebellion,—«West Africa»*, 13 December 1958.
600. Crozier B., *The Rebels. A Study of Post-War Insurrections*, London, 1960.
601. Darboise J., *Officiers en Algérie*, Paris, 1959.
602. Davezie R., *Le Front*, Paris, 1959.
603. Davidson B., *Arms and the Portuguese,—«Africa Report»*, 1970, May.
604. Davidson B., *Révolution en Afrique*, Paris, 1969.
605. Debray R., *Révolution dans la révolution? La lutte armée et politique en Amérique Latine*, Paris, 1967.
606. Decraene Ph., *Le panafricanisme*, Paris, 1964.
607. Del Boca A., *La guerra d'Abissinia. 1935—1941*, Milano, 1966.
608. Général Deschamps, *Souvenirs des premiers temps du Maroc français*, Paris, 1935.
609. Deschamps H., *L'Histoire de Madagascar*, Paris, 1961.
610. *Dictionary of US Military Terms for Joint Usage*, Washington, 1966.
611. Dobosiewicz L., Zętocha T., Malinowski M., *Rola armii w Afryce*, Warszawa, 1970.
612. Domaradzuk Zb., *Agresya izraelska 1967*, Warszawa, 1968.
613. Domanach J. M., *Union Française sans mensonge. Madagascar,—«L'Esprit»*, 1948, février.
614. Duchemin G., *Histoire du FLN*, Paris, 1962.
615. Duquesne J., *L'Algérie ou la guerre des mythes*, Paris, 1958.
616. Duprey A., *De l'invasion à la libération de l'Ethiopie*, vol. I, Paris, 1955.
617. Dupuy E. et F., *L'armée française de la libération*, Paris, 1946.
618. Elliot-Bateman M., *The Form of People's War,—«The Army Quarterly»*, vol. C, № 1, April 1970.
619. Erskin G., *Preface,—F. Kitson, Gangs and Countergangs in the Fight against Mau-Mau*, London, 1960.

620. Faldella E., L'Italia e la seconda guerra mondiale, Milano, 1967.
621. Fanon F., L'an V de la révolution algérienne, Paris, 1959.
622. Fanon F., Les damnés de la terre, Paris, 1961.
623. Fargier R., L'Opinion française et le problème algérien, — «Cahiers internationaux», 1955, № 59.
624. Fauvet J. et Planchais J., La fronde des généraux, Paris, 1961.
625. Feller J., Le dossier de l'armée française, Paris, 1966.
626. Le Fevre E., Crisis in Congo: A UN Force in Action, Washington, 1965.
627. Fontaine P., Abd el-Krim. Origine de la rébellion nord-africaine, Paris, 1958.
628. Francis P., The Defence of Independent National Africa, — «Army Quarterly», 1969, vol. XCIX, № 1.
629. Francis P., To-Morrow's War in Africa, — «Army Quarterly», 1970, vol. 101, № 1.
630. Francos A., Les palestiniens, Paris, 1968.
631. Froelich J., Cameroun, Togo, Paris, 1956.
632. Furneaux R., The Zulu War. Isandhlwana and Rorke's Drift, London, 1963.
633. Galula D., Counterinsurgency Warfare. Theory and Practice, New York, 1964.
634. Gann L., Duingnan P., Burden of Empire. An Appraisal of Western Colonialism in Africa South of Sahara, New York, 1967.
635. Gavin G., War and Peace in the Space Age, New York, 1958.
636. Gicaru M., Land of Sunshine, London, 1958.
637. Goemaere P., Le Portugal restera-t-il en Afrique?, Bruxelles, 1968.
638. Le Goyet, La psychologie des combattants du corps expéditionnaire français en Italie, Paris, 1970.
639. Götzen graf von, Deutsch Ostafrika in Aufstand, Berlin, 1909.
640. Grant J., Recent British Battles on Land and Sea, vol. 4, London — Paris — Melbourne, 1897.
641. Guerre 1939—1945. Les Grandes unités françaises, vol. II, Paris, 1967.
642. Guerilla Warfare, — «South African Studies», London, 1970.
643. Gunter G., Inside Africa, New York, 1955.
644. Gutteridge W., The Military in African Politics, London, 1969.
645. Hall R., The High Principles. Kaunda and the White South, London, 1969.
646. Halweg W., Lehrmeister des kleinen Krieges von Clausewitz bis Mao Tse-tung und Che Guevara, Darmstadt, 1968.
647. Harris W., France, Spain and the Rif, London, 1927.
648. Haywood A., Clarke F., The History of the Royal West African Frontier Force, Aldershot, 1964.
649. Heinowski W., Scheumann G., Der lachende Mann. Bekenntnisse eines Mörders, Berlin, 1966.
650. Heinowski W., Scheumann G., Der Fall Bernd K., Halle (Salle), 1968.
651. Heiworth-Dunne J., Religious and Political Trends in Modern Egypt, Washington, 1950.
652. L'hélicoptères en guerre subversive et en guerre atomique, — «L'Air», 1956, mai.
653. Henissart P., Wolves in the City. The Death of French Algeria, New York, 1970.
654. Henry M., Out of the Sand, London, 1966.
655. Henrignos R., A Hundred Hours to Suez, New York, 1957.
656. Hevi E., The Dragon's Embrace. The Chinese Communism and Africa, New York, 1966.
657. Histoire et épopée des troupes coloniales, Paris, 1956.
658. Histoire militaire de l'Afrique Occidentale Française, Paris, 1931.
659. Histoire universelle des armées, т. IV, Paris, 1966.
660. Hoare M., The Congo Mercenary, London, 1967.

661. Holmes J., *Africa: Its Challenge to the West*, Washington, 1958.
662. Hooker G., *The Manchester Conference of 1945*, London, 1963.
663. Humbaraci A., *Algeria: A Revolution that Failed*, London, 1966.
664. Ilunga A. et Kalonji B., *Les événements au Kwilu*, — «Etudes congolaises», Bruxelles — Léopoldville, 1964, vol. VI, № 3.
665. Imre S., Bojszuk J., Kiss J., *Ligetik Szababytalan vilogha boru*, Budapest, 1969.
666. Itote W., *Mau Mau General*, Nairobi, 1967.
667. Jackson H., *The Fighting Sudanese*, London, 1954.
668. Janssens J., *J'étais le général Janssens*, Bruxelles, 1967.
669. Janowitz M., *The Military in the Political Development of New Nations*, Chicago, 1964.
670. *La Jeunesse camerounaise et l'engagement politique*, Le Caire, 1960.
671. St. John R., *The Boss. The Story of Gamal Abdel Nasser*, New York, 1960.
672. Johnson Ch., *The Third Generation of Revolutionary Warfare*, — «Asian Studies», 1969, № 3.
673. Joslen H., *Orders of Battle 1939—1945*, vol. I—II, London, 1960.
674. Juin A., *Memoires*, t. I—II, Paris, 1959—1960.
675. *The Kabaka of Buganda, Desecration of my Kingdom*, London, 1967.
676. Kaggia B., *The Bitter Struggle*, — «Drum», Accra, 1971, №№ 272, 273, 274.
677. Kelly G., *Lost Soldiers. The French Army and the Empire in Crisis 1947—1962*, Cambridge (Mass.), 1965.
678. Kent R., *From Madagascar to the Malagasy Republic*, London, 1962.
679. *Kenya: Who Started Mau-Mau*, Cairo, [6. r.].
680. King Hussein of Jordan, *My War with Israel*, London, 1968.
681. Kirkwood K., *Britain and Africa*, London, 1965.
682. Kitson F., *Gangs and Counter-gangs in the Fight against Mau-Mau*, London, 1960.
683. Knaplund P., *Britain, Commonwealth and Empire, 1901—1955*. London, 1955.
684. Krüger D., *The Making of a Nation: A History of Union of South Africa 1910—1961*, Johannesburg, 1969.
685. Kummernus A., *Wohin geht Afrika?*, Frankfurt am Main, 1960.
686. Kurzman D., *Subversion of the Innocents*, New York, 1963.
687. Lacroix R., *L'Emploi des hélicoptères n'est-il justifié qu'en Algérie?*, — «Revue de défense nationale», 1958, mai.
688. Laguerre A., *Free French Africa*, London, 1942.
689. Lamberton J., *Les Bamileke dans le Cameroun d'aujourd'hui*, — «Revue de défense nationale», 1960, mars.
690. Landau R., *The Moroccan Drama, 1900—1955*, London, 1956.
691. Lantin A., *Les objectifs du Front de Libération National*, — «Cahiers internationaux», 1957, № 72.
692. Lee G., *African Armies and Civil Order*, London, 1969.
693. Leiden C., Schmitt K., *The Politics of Violence in Modern World*, Englewood Cliffs (New York), 1968.
694. Lerumo A., *Fifty Fighting Years*, London, 1972.
695. Le Vine V., *The Cameroon from Mandate to Independence*, Berkeley and Los-Angeles (Cal.), 1964.
696. Little T., *Modern Egypt*, London, 1967.
697. Love K., *Suez: The Twice-Fought War*, New York, 1969.
698. *A luta de libertação nacional. Edição de MPLA*, Brazzaville, 1969.
699. MacCuen J., *The Art of Counter-revolutionary War*, London, 1966.
700. MacClure W., *Italy in North Africa*, London, 1913.
701. MacDonald J., *Abyssinian Adventure*, London, 1957.
702. Majdalany F., *The State of Emergency*, London, 1965.
703. Marshall S., *Victory on Sinai*, New York, 1958.

704. Marchat Ph., Rappelé en Algérie,—«Revue de défense nationale», 1957, décembre.
705. Marcum J., *The Angolan Revolution*, vol. 1. «The Anatomy of Explosion (1950—1962)», Cambridge (Mass.), 1969.
706. Mariage P., *L'Adieu aux ailes*, Paris, 1967.
707. Martel J., *L'Algérien en Algérie*,—«Officiers en Algérie», Paris, 1959.
708. Martin Cl., *Histoire de l'Algérie française*, Paris, 1962.
709. Martin H., *Contre le colonialisme, pour la fraternité des peuples*,—«Cahiers du communisme», Paris, 1970, № 12.
710. Mazrui Ali, *Violence and Thought*, London, 1969.
711. McKay V., *Africa in World Politics*, New York, 1963.
712. Mendiaux E., *L'Afrique sera chinoise*, Bruxelles, 1965.
713. Merglen A., *La guerre de l'inattendu. Operations subversives, aéroportées et amphibieuses*, Paris, 1966.
714. Merglen A., *Histoire et l'avenir des troupes aéroportées*, Paris, 1968.
715. Merle R., *Ahmed Ben Bella*, Paris, 1965.
716. Michel A., *La guerre de l'homme*, Paris, 1970.
717. Miller F., *History of World War II*, Toronto, 1946.
718. Mitchell H., *Into Peace*, London, 1945.
719. Mondlane E., *The Struggle for Mozambique*, Harmondsworth, 1969.
720. Morris G., *The Hashemite Kings*, London, 1959.
721. Mosley L., *Haile Selassie: The Conquering Lion*, London, 1964.
722. Mowat R., *Report on Moral Rearmament*, London, 1955.
723. Moyses-Bartlett H., *The King's African Rifles*, Aldershot, 1956.
724. Mveng E., *Histoire du Cameroun*, Paris, 1963.
725. Narath R., *Die Union von Sudafrica und ihre Bevölkerung*, Leipzig und Berlin, 1930.
726. Nasser G., *The Philosophy of Revolution*, Cairo, 1958.
727. Neame L., *General Hertzog*, London, 1929.
728. Neguib M., *Egypt's Destiny*, New York, 1955.
729. Nielsen W., *Great Powers and Africa*, New York, 1969.
730. Nimschowski E., *Zu einigen Problem der Genesis der algerischen Revolutionsstreitkräfte (1954—1962)*,—«Zeitschrift für Militärgeschichte», 1968, № 6.
731. Nkrumah K., *Handbook of Revolutionary Warfare*, London, 1968.
732. Nord P., *L'Eurafrique notre dernière chance*, Paris, 1955.
733. O'Ballance E., *The Arab-Israeli War*, London, 1955.
734. O'Ballance E., *The Sinai Campaign 1956*, London, 1956.
735. O'Ballance E., *The Algerian Insurrection 1954—1962*, London, 1967.
736. Ordinaire M., *Deux campagnes au Soudan*,—«La Revue politique et littéraire», 1893, vol. LII, № 4.
737. Osei G., *The African. His Antecedents, His Genius and His Destiny*, London, 1967.
738. Otegbeye T., *Address at the Symposium on Lenin and the National Liberation Movement at Alma-Ata. October 1—7, Alma-Ata, 1969.*
739. Page S., *Lenin and World Revolution*, Gloucester (Mass.), 1968.
740. Paget J., *Counterinsurgency Campaigning*, London, 1967.
741. Pankhurst E., Pankhurst R., *Ethiopia and Eritrea*, Woodford, 1953.
742. Pascerbinski T., *Africa y generalowi*, Warszawa, 1966.
743. Pascerbinski T., *Smierç w technicolorze*, Warszawa, 1969.
744. Pascerbinski T., *Z bronia w rękę*, Warszawa, 1971.
745. Pichou L., *Caractères généraux de la guerre insurrectionnelle*,—«Revue militaire générale», 1957, juillet.
746. Phillips C., *The Raiders of Arakan*, London, 1971.
747. *Political and Strategic Interests of the United Kingdom*, London, 1939.
748. Pustay J., *Counterinsurgency Warfare*, New York, 1965.
749. Pomeroy W., *Guerilla and Counter-guerilla Warfare: Liberation and Suppression in the Present Period*, New York, 1964.

750. Pomeroy W., Introduction to «Guerilla Warfare and Marxism», London, 1969.
751. Pomeroy W., Apartheid Axis. The United States and Africa, New York, 1971.
752. Protest and Power in Black Africa, New York, 1970.
753. Pujó L., South of Sahara: Defense Problems in French Speaking Africa,—«Military Review», 1966, February.
754. Quintana Martínez E., La Marina de Guerra Española en Africa. Cronica de la campaña del Rif, Cadiz, 1910.
755. Rebellion in Black Africa, London, 1971.
756. Rébellion: situation militaire,—«Etudes congolaises», 1966, № 1.
757. Reed D., 111 Days in Stanleyville, London, 1966.
758. The Role of the Military in Underdeveloped Countries, New Jersey, 1963.
759. Roseberg D. and Nottingham C., The Myth of Mau-Mau, New York, 1966.
760. Roy J., La guerre d'Algérie, Paris, 1961.
761. Saadi J., Souvenir de la bataille d'Alger: décembre 1956 — septembre 1957, Paris, 1962.
762. As Sadat A., Revolt on the Nile, London, 1957.
763. Schonfield H., The Suez Canal in Peace and War, Coral Cables (Fl), 1959.
764. Semard P., Marokko, Hamburg, 1925.
765. Shah R., The Great Abdication, New Delhi, 1958.
766. Sithole N., The African Nationalism, Cape Town, 1957.
767. Slovo I., Che in Bolivia — Reflections on the Bolivian Diaries,—«African Communist», London, 1969, № 38.
768. Slovo I., Latin America and the Ideas of Régis Debray,—«African Communist», London, 1960, № 33.
769. Slovo I., Prospects for Armed Struggle in South Africa,—«Marxism Today», 1968, July.
770. Sowden L., The South Africa Union, London, 1944.
771. Standford C., Ethiopia under Haile Selassie, London, 1946.
772. Steevens G., With Kitchener to Khartum, Edinburg — London, 1898.
773. Stibbe P., Justice pour les Malgaches, Paris, 1949.
774. Stuart J., A History of the Zulu Rebellion, London, 1906.
775. Taber P., The War of the Flea, New York, 1965.
776. Teixeira B., The Fabric of Terror, New York, 1963.
777. Theobald A., The Mahdiya, London — New York — Toronto, 1957.
778. Thomas M., Sahara et Communauté, Paris, 1960.
779. Thompson R., Revolutionary War in World Strategy 1945—1969, London, 1970.
780. Thompson V. and Adloff R., The Malagasy Republic, Stanford, 1965.
781. Tonnelat E., L'expansion allemande hors d'Europe, Paris, 1908.
782. Trinquier R., La guerre moderne, Paris, 1961.
783. Trinquier R., Guerre, révolution, subversion, Paris, 1969.
784. Um Niobe R., Ou en est le nationalisme camerounais,—«Cahiers internationaux», Paris, 1955, № 64.
785. Valahu M., Angola, clef de l'Afrique, Paris, 1967.
786. Van den Berghe P., South Africa: A Study in Conflict, Middletown (Conn.), 1965.
787. Vandewalle F., L'Ommegang. Odysée et reconquête de Stanleyville 1964, Bruxelles, 1970.
788. Verhaegen B., Les rébellions populaires au Congo en 1964,—«Cahiers d'études africaines», Paris, 1967, vol. VII, № 26, cahier 2.
789. Verhaegen B., Rébellions aux Congo, vol. 1, Bruxelles et Leopoldville, 1966.
790. Verhaegen B., Rébellions aux Congo, vol. 2, Bruxelles et Kinshasa, 1969.
791. Vigneras M., Rearming the French, Washington, 1957.

792. Wallach J., Die Kriegslehre von Friedrich Engels, Hamburg, 1968.
793. Wallerstein J., Africa. The Politics of Unity. An Analysis of a Contemporary Social Movement, London, 1968.
794. Walker E., A History of South Africa, New York, 1928.
795. Warget L., Histoire et sociologie politique de la République du Congo (Brazzaville), Paris, 1963.
796. Wilnowski K., Goraça linia, Warszawa, 1969.
797. Webster J., Boahen A., Idowu H., The Growth of African Civilization, London, 1967.
798. White A., The Story of Army Education 1943—1963, London, 1963.
799. Woddis J., Introduction to Neo-colonialism, London, 1967.
800. Wolf E., Peasant Wars of the Twentieth Century, New York, 1969.
801. Woolcombe R., The Campaigns of Wavell 1939—1943, London, 1959.
802. Woolman D., Rebels in the Rif. Abd El-Krim and the Rif Rebellion, Stanford, 1968.
803. Young P., World War 1939—1945, London, 1966.
804. Young P., The Arab-Israeli War, London, 1968.
805. Ziegler J., Contre-révolution en Afrique, Paris, 1963.
806. Zolberg A., Creating Political Order, Chicago, 1967.

На арабском языке

807. Тлас М., Партизанская война, Дамаск, 1968.
808. Аш-Шимали Т., Победитель в борьбе за арабский национализм, Каир, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. Л. Тягуненко)	3
Историографический обзор (Л. Л. Круглов)	5
Глава I	
Марксизм-ленинизм о вооруженной борьбе колониальных народов	20
§ 1. Классики марксизма-ленинизма о вооруженных формах борьбы народов колоний и зависимых стран (Л. Л. Круглов)	20
Вооруженное сопротивление колониальным захватам	22
Система военно-колониального господства капитала	25
Национально-освободительные восстания	26
Опыт военной организации пролетариата и национально-освободительное движение	28
В. И. Ленин о военных проблемах национально-освободительного движения	31
Ленинская критика колониального милитаризма	32
В. И. Ленин о национально-освободительных войнах	34
В. И. Ленин о вооруженном восстании	38
В. И. Ленин о партизанской войне	43
В. И. Ленин о гражданских войнах	45
§ 2. Международное коммунистическое движение о вооруженных аспектах современных национально-освободительных революций (В. И. Назаров)	47
Коминтерн о вооруженной борьбе в колониях и зависимых странах	47
Мирный и немирный пути развития современных национально-освободительных революций	51
Роль и место партизанской войны в современных условиях	54
Роль пролетарского интернационализма в защите от экспорта контрреволюции	56
Развитие марксистско-ленинской теории в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 г. и XXIV съезда КПСС	58
§ 3. Несостоятельность антимарксистских взглядов на роль вооруженной борьбы. Вклад революционных демократов в развитие теории освободительной борьбы (Г. С. Кондратьев)	61
Теория «народной войны» пекинских руководителей	62
Р. Дебре и теория «фоко»	64
Необходимость разоблачения левацких теорий для Африки	66
Ф. Фанон и его теория антиколониальной революции	69
Некоторые взгляды революционной демократии на вооруженную борьбу	72

Глава II

Исторические традиции вооруженной борьбы африканских народов против колонизаторов	77
§ 1. Борьба против империалистических захватов в Африке и первые антиколониальные восстания (<i>В. А. Субботин</i>)	77
Южная Африка. Бой у горы Исандлвана	77
Восстания в Восточной и Южной Африке	80
Войны ашанти и малинке	81
Борьба махдистов за независимость	83
Бой при Адуа (1896 г.)	85
Антиколониальные войны в Северной Африке	87
§ 2. Великая Октябрьская социалистическая революция и освободительная борьба народов Африки (<i>А. С. Аветян</i>)	92
Антиимпериалистическое восстание 1919 г. в Египте	92
Витватерсрандское восстание 1922 г.	94
Национально-освободительная война в Марокко (1921—1926 гг.)	96
Спротивление агрессии фашизма в Ливии и Эфиопии	100
§ 3. Африканцы в боях против фашистских агрессоров в годы второй мировой войны (<i>Р. Б. Самофал</i>)	105
Африканские колониальные войска Великобритании	105
Движение Спротивления в Эфиопии в 1939—1940 гг.	107
Спротивление итальянскому наступлению в Северо-Восточной и Восточной Африке (лето 1940 г.)	108
Участие африканцев в боях за освобождение Эфиопии. Национально-освободительное восстание эфиопского народа (январь—декабрь 1941 г.)	111
Участие африканских солдат в боях за освобождение Бирмы (1943—1945 гг.)	115
Африканские колониальные войска в боях за Францию (май—июнь 1940 г.)	117
Африканцы в рядах «Свободной (Сражающейся) Франции»	120
Некоторые итоги участия африканцев в войне против фашизма	123

Глава III

Вооруженная борьба африканских народов против колониального гнета и становление независимых государств (1945—1961 гг.)	127
§ 1. Подъем национально-освободительной борьбы и военно-колониальные мероприятия империализма в Африке (<i>Л. Л. Круглов</i>)	127
§ 2. Вооруженная борьба народов французских колоний (<i>Г. С. Кондратьев</i>)	139
Восстание на Мадагаскаре (1947—1948 гг.)	142
Вооруженная борьба в Камеруне (1955—1962 гг.)	148
§ 3. Вооруженная борьба народов Кении против английских колонизаторов (1952—1956 гг.) (<i>Л. Л. Круглов</i>)	154
§ 4. Национально-освободительная война в Алжире (1954—1962 гг.) (<i>Г. С. Кондратьев</i>)	168
Первый период войны (ноябрь 1954—август 1956 г.)	170
Второй период войны (август 1956—май 1958 г.)	177
Третий период войны (май 1958—март 1962 г.)	185
§ 5. Вооруженная борьба египетского народа против империалистической агрессии (<i>В. А. Высоцкий</i>)	195
Палестинская война 1948—1949 гг.	199

Партизанская война в зоне Суэцкого канала	206
Революция 1952 г.	209
Империалистическая агрессия против Египта в 1956 г.	212

Глава IV

Борьба африканских народов за укрепление политической независимости и ликвидацию остатков колониализма (1961—1970 гг.)	220
§ 1. Дальнейшее развитие антиимпериалистической революции в Африке и военная политика империалистических держав (Л. Л. Круглов)	220
§ 2. Вооруженная борьба в Конго против империалистов и их ставленников (1960—1966 гг.) (Г. С. Кондратьев)	233
Первый этап вооруженной борьбы с империализмом (июль 1960 — январь 1962 г.)	234
Второй этап вооруженной борьбы (октябрь 1963 — январь 1966 г.)	237
§ 3. Вооруженная борьба народов португальских колоний за национальную независимость (Э. В. Капский)	250
Зарождение освободительной борьбы	252
Вооруженная борьба в Анголе	257
Вооруженная борьба в Мозамбике	267
Вооруженная борьба в Гвинее — Бисау	273
§ 4. Вооруженная агрессия Израиля против арабских государств (1967 г.) (В. А. Высоцкий)	286
Агрессия Израиля в июне 1967 г.	289
Движение сопротивления израильским оккупантам	293
§ 5. Начало вооруженной борьбы против расистских режимов на юге Африки (Л. Л. Круглов)	299
Подпольно-диверсионная деятельность «Умконто ве Сизве» (декабрь 1961—1963 г.)	300
Партизанская война народов ЮАР, Зимбабве и Намибии против расистских режимов (1966—1970 гг.)	304
§ 6. Создание национальных армий и борьба народов Африки за ликвидацию военной зависимости от империализма (В. И. Назаров)	312
Создание национальных вооруженных сил	312
Борьба против империалистических военных баз и военных блоков	320

Глава V

Некоторые характерные черты вооруженной борьбы народов Африки (Л. Л. Круглов)	328
§ 1. Социально-политические аспекты вооруженной борьбы	328
Пути развития антиимпериалистической революции в Африке	328
Содержание, характер и формы вооруженной борьбы	332
Стихийность и сознательность в процессе вооруженной борьбы	336
Влияние социально-экономической и технической отсталости, этнической разобщенности на вооруженную борьбу	339
Борьба за армию в национально-освободительной революции	344
Вооруженная защита завоеваний национально-освободительной революции в Африке	348
§ 2. Основные способы вооруженной борьбы африканцев против колонизаторов	349
Стратегия национально-освободительных восстаний и войн	350
Тактика боевых действий повстанцев	357

Повстанческие действия в городах	362
Типы военной организации повстанцев. Вооружение и подготовка кадров	365
Политическая работа в повстанческих армиях	370
Особенности военных действий национальных армий при отражении агрессии империализма	372
§ 3. Стратегия и тактика вооруженной борьбы империализма в Африке	377
Эволюция военно-колониальной стратегии империализма в Африке	377
Стратегия империализма при подавлении национально-освободительных восстаний и войн	379
Тактика противоповстанческих действий империалистической военщины	391
Организация противоповстанческих сил, их вооружение, использование видов и родов войск	397
Подрывная пропаганда	404
§ 4. Поддержка вооруженной борьбы народов Африки странами социализма (<i>В. А. Высоцкий</i>)	407
Итоги и перспективы дальнейшего развития антиимпериалистической борьбы в Африке (<i>Л. Л. Круглов</i>)	411
Библиография	421

**Вооруженная борьба народов Африки
за свободу и независимость**

*Утверждено к печати
Институтом военной истории
Министерства обороны СССР*

•

Редактор *Г. М. Козловская*
Младший редактор *Н. А. Кочнева*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Н. Б. Осягина, А. В. Шандер*
и *М. З. Шафранская*

•

Сдано в набор 18/IV-1973 г.
Подписано к печати 30/IV-1974 г.
А-08030 Формат 60 × 90^{1/16} Бум. № 1
Печ. л. 28,0 + 1,5 печ. л. вклад. Уч.-изд. л. 31,8
Тираж 3500 экз. Изд. № 3185
Зак. № 195 Цена 2 р. 23 к.

•

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Московская типография № 13
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Денисовский пер., д. 30.
107005, Москва, Б-5,

Отпечатано с готового набора
в типографии Изд-ва МГУ. Заказ 565.
Москва, Ленинские горы

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Вышли в 1973 г.

Деятельность международных экономических организаций в Африке. 231 стр.

Кирей Н. И. Алжир и Франция. 1962—1971 (Проблемы экономических и политических отношений). 238 стр.

Субботин В. А. Колонии Франции в 1870—1918 гг. 404 стр.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига»

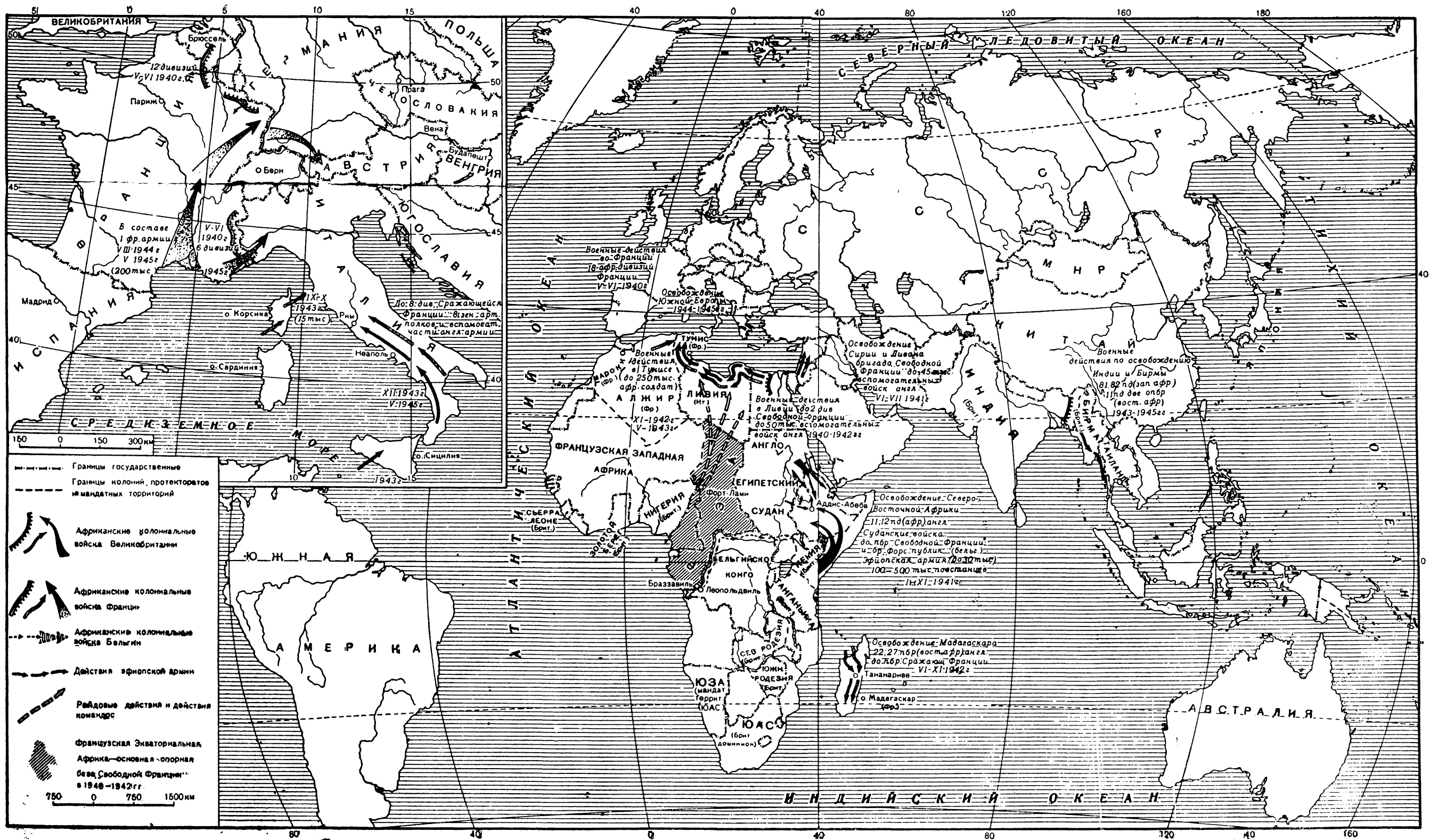
**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Вышли в 1973 г.

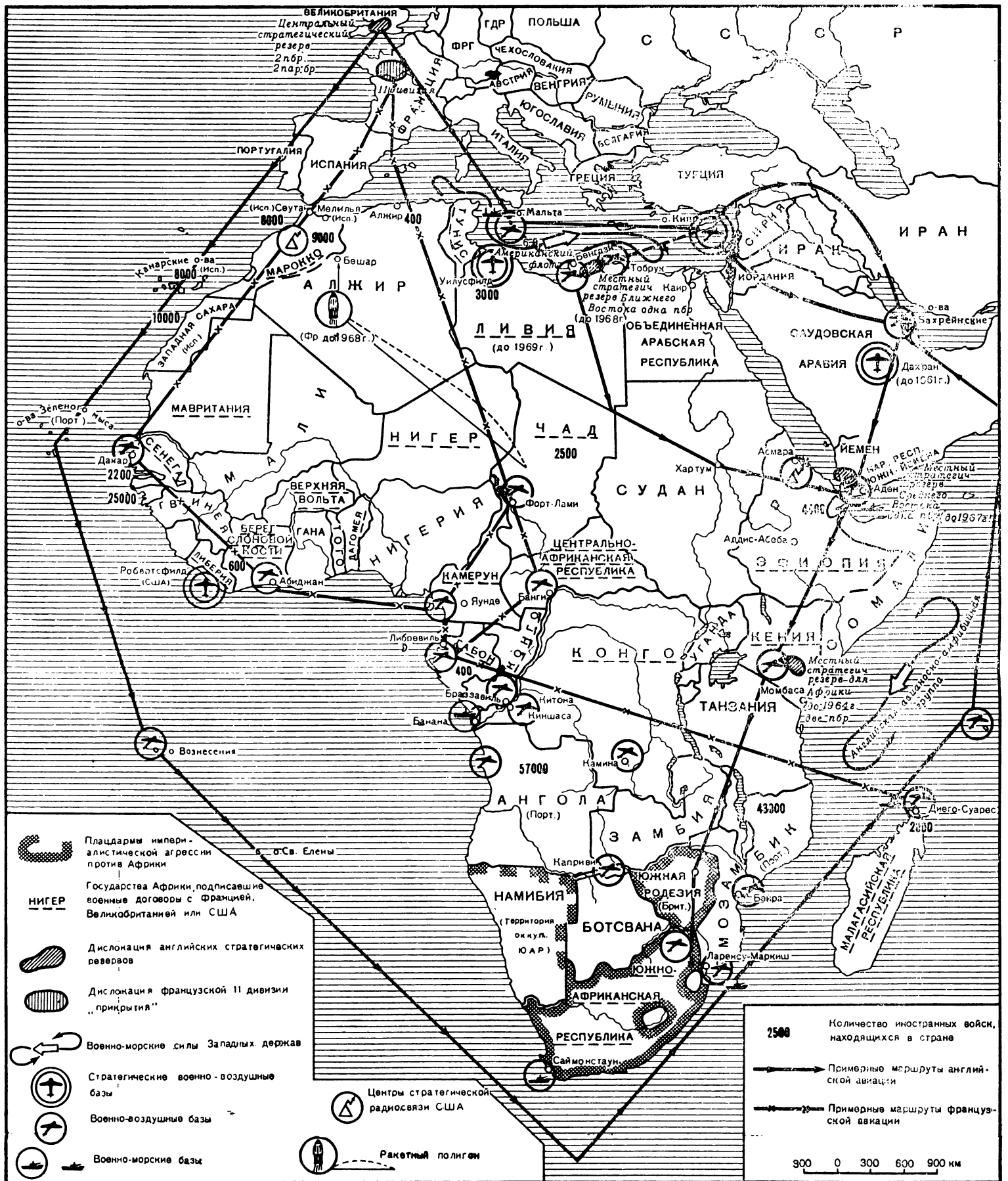
Тропическая Африка. 268 стр.

Тупов Б. С. Родезийский кризис. 164 стр.

*Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-
торгов и «Академкнига», а также по адресу:
117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, ма-
газин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига»*

Карта 1
 Участие африканских колониальных войск в военных действиях антифашистской коалиции в годы второй мировой войны 1939—1945 гг.

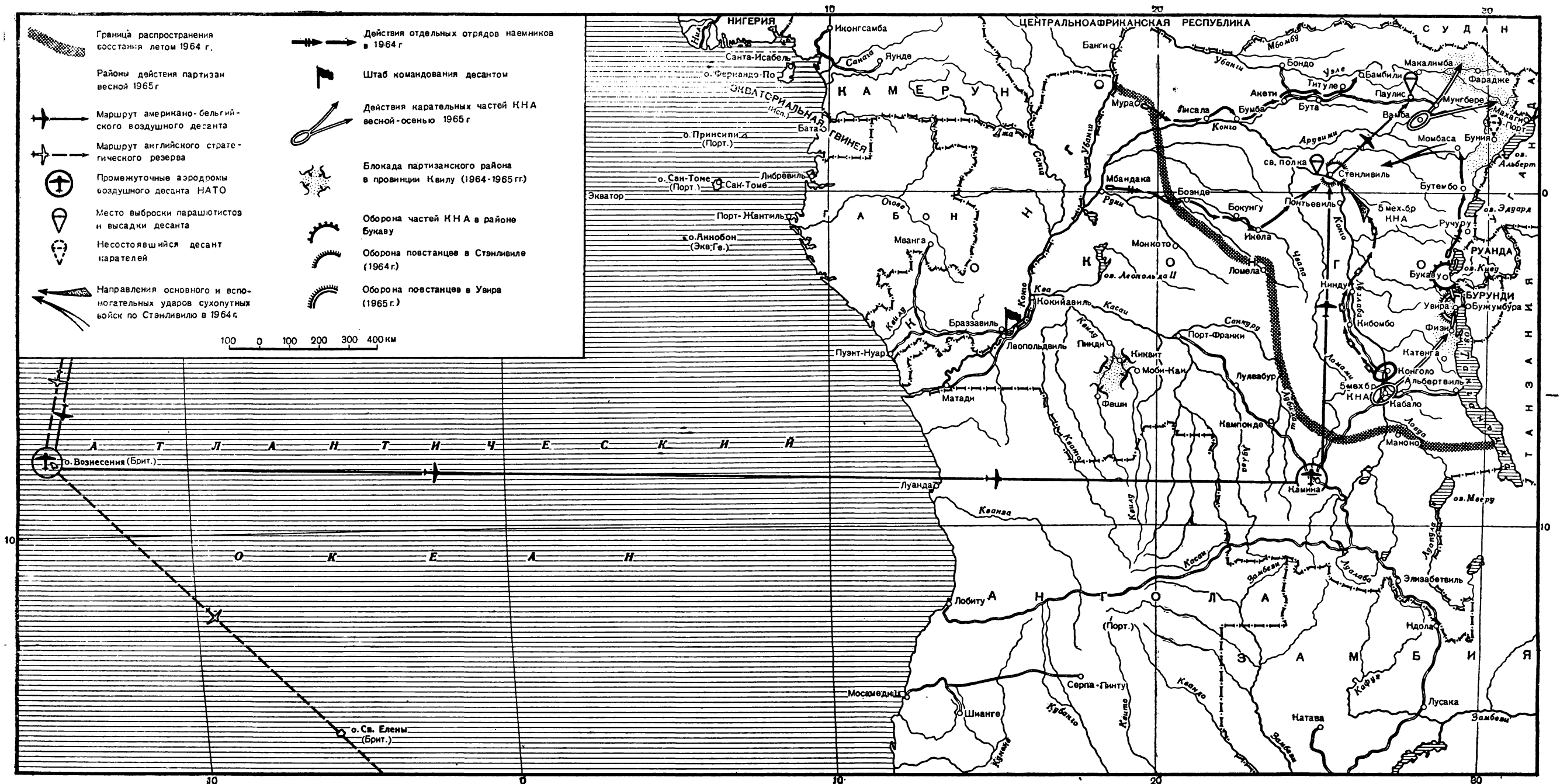

Карта 3
Система военно-колониального господства империалистических держав в Африке (60-е годы XX в.)

Карта 2

Система военно-колониального господства империалистических держав в Африке (начало 50-х годов XX в.)

Карта 4
Оперативно-стратегический замысел и действия командования НАТО при подавлении восстания в восточных провинциях Конго (Леопольдвиле) (осень 1964 г., весна — осень 1965 г.)

